

СОЦИОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

3
2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
имени М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:

*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социоло-
гический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромынка Принт», Москва,
ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз.
Формат А4

Подписано в печать: 30.06.2022
Цена свободная

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

В.И. Добреньков

Заместитель главного редактора:

А.И. Кравченко

Заведующая редакцией:

А.А. Ведерникова

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченков,
В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник,
А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
А.А. Осеев, В.Н. Петров,
Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов,
А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов,
Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Кравченко А.И.</i> Жизненный мир и повседневность	5
<i>Хлынин А.П.</i> Генезис подходов к исследованию элит в Советском Союзе	17
<i>Дусенко С.В., Рогачева О.А.</i> Применение дистанционных технологий в период пандемии как социальный процесс	25
<i>Федоров Н.Ю.</i> Социологическая теория человеческого капитала. Исходные понятия	30

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ардашев Р.Г.</i> Иррациональные основы суицидального поведения молодежи	39
<i>Баев П.А.</i> Религиозное сознание в пандемическом обществе	47
<i>Дружинин Г.В.</i> Корпоративный университет как инструмент развития корпоративной культуры предприятий: на примере Иркутской области	55
<i>Журавлева И.А.</i> Системный анализ государственной политики в сфере дошкольного и общего образования	61
<i>Карандин К.С.</i> Управление в аптечном бизнесе: эмпирический анализ	75
<i>Кармадонов О.А.</i> Профессиональное самочувствие: баланс престижа и пафоса	84
<i>Коханова Л.А., Головки С.Б., Алексеева Т.С., Губанова М.И., Черешнева Ю.Е.</i> Специфика пользовательского контента студентов	92
<i>Полушкевич О.А., Абдрашитова О.А.</i> Особенности нематериальной мотивация государственных гражданских служащих в Иркутской области	100
<i>Волков Ю.Г., Вагина В.О.</i> Доминантные формы патриотических практик молодежи на Юге России (по материалам социологических опросов)	109

<i>Зубец А.Н.</i> Оценка и международные сопоставления показателя «годы счастливой жизни» при комплексной оценке качества жизни населения	116
<i>Осеев А.А.</i> Идеальные типы социального действия М. Вебера: «утопия» или реальность? Методология и методика исследований	125
<i>Флоря В.М., Кондраль Д.П.</i> Социально-философский анализ роли страха в социальной жизни	149
<i>Янь Доуду.</i> Родительские отношения в социальной группе «оставленных детей» 70–80-х годов Китая: обобщение результатов сопоставительного анализа	156

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Балахнина А.Г.</i> Формирование системы социологического исследования отношения общества к проблемам экологии	164
<i>Семина Т.В., Го Вэй.</i> Воздействие технологий искусственного интеллекта на социальные отношения	173
<i>Игумнов О.А.</i> Социальный капитал как социальный ресурс управления российских организаций в условиях изменяющейся управленческой среды	179
<i>Кузеванова А.Л., Зоркова В.А., Надежкина Е.Ю.</i> Социальное самочувствие пожилых людей в условиях цифровизации	189
<i>Мяо Ли.</i> Роль негосударственных акторов и институтов в обеспечении ухода за пожилыми людьми в современной России	200
<i>Месхи Б.Б.</i> Социально-инвестиционная модель регионального управления в российском обществе: концептуальные установки и перспективы социологического изучения	208

Перкова Е.П. Исследование социально-технологической культуры российских авиационно-космических предприятий..... 214

Федоринин Н.М. Социальное предпринимательство как элемент городской социальной инфраструктуры..... 220

Чайковская А.М. Преодоление цифрового разрыва в России: региональный аспект проблемы реализации человеческого потенциала в условиях неравного доступа к информационно-коммуникационным технологиям 224

Чжан Вэнь. Современные подходы к анализу феномена доверия в обществе при реализации экономических программ и реформ..... 233

Яковлева О.И. Уровень профессиональной социализации выпускников вузов пожарно-технического профиля как фактор кадровой политики МЧС России..... 238

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Го Вэй. Сравнительное исследование современной социально-культурной политики Китая и России 245

Лю Ци. Образ Китая в узбекском медиaprостранстве: анализ сообщений kip.uz в период эпидемии коронавируса 254

Цветкова Н.А., Покровская С.В. Особенности характеристик семейного воспитания в неполных семьях..... 262

Цуканова М.В. Роль социальных медиа в социализации молодежи..... 269

Шеремет А.Н. Социальное функционирование театра в культурно-исторической динамике..... 278

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Попов В.В., Дзюба Л.М., Музыка О.А. Уровни интерсубъективности индивида

с ограниченными возможностями в социальной группе включающего общества..... 285

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Добреньков В.И. Радикальный протестантский теологический модернизм: «теология смерти Бога» и «безрелигиозное христианство» 291

Кащеев С.И., Гусева С.В. Истина и ложь с точки зрения семиотики: креативная функция знака..... 308

Лапатын В.В., Шарипова В.В., Кузнецов М.П., Суендигов И.А., Аликов К.А. Проблема смысла жизни в современных произведениях кино, мультипликации и литературы..... 315

Макаренко Е.Д. Технологии «Умного города» как фактор и возможность развития человеческого потенциала 320

Чупраков К.С. Развитие духовно-нравственных ценностей военнослужащего российской армии посредством военной музыки..... 329

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бао Синькай. Адаптация марксизма к китайскому контексту на современном этапе 334

Бижуква К.А., Горбунова В.В., Шульга М.М., Колесникова И.А., Бруснева В.В. Формирование модели инклюзивного пространства в системе высшего профессионального образования 339

Шрайнер О.В. Оценка качества дошкольного образования как социологическая проблема..... 347

Люскин М.Б., Калинин Э.Ю. Космопланетарное бытие человека (от русского космизма – к российскому инваронментализму)..... 355

Жизненный мир и повседневность

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Жизненный мир и повседневность уравнились вот уже больше полутора веков назад благодаря Э. Гуссерлю и А. Шюцу. И никто ни разу не усомнился в правильности их слов, никто не перепроверил их истинность, но только повторяют и воспроизводят то, что сказали представители феноменологии – философии повседневности и потока жизни. Огромный сонм современных исследователей отождествляют два понятия, отталкиваясь от них как от некоей аксиомы при дальнейшем изучении окружающего нас мира. Ну и что, многого они достигли? Может ли копия превзойти оригинал, особенно если он неверно отражает природу – природу мира, природу человека, природу общества? Вот о чем здесь пойдет речь.

Ключевые слова: жизненный мир, повседневность, Э. Гуссерль, А. Шюц, феноменология, картина мира, смыслы, экзистенциальные вызовы.

Феноменология – основанное немецким философом Эдмундом Гуссерлем (1859–1938) учение о явлениях. В отличие от марксизма, имеющего дело с крупными блоками реальности, феноменология проникает в микромир, во внутренний мир человека и уже оттуда пытается воссоздать макромир. Жизненный мир и повседневность оказались ее вотчиной, с которой она так и не собрала причитающейся ей ренты. Сегодня выясняется, что нельзя путать жизненный мир (life-world/Lebens-welt), и повседневность, как это происходит в научной и массовой литературе. Подобная путаница порождена, на мой взгляд, слепым следованием феноменологии.

Когда жителям полумиллионного Мариуполя в 2022 г. пришлось провести под бомбежками несколько недель в подвалах, бункерах, вентиляционных проходах, ямах без еды, воды, лекарств, санитарных удобств, в холоде и тесноте, они были лишены не только бытовых условий. Их жизнь постоянно подвергалась смертельной опасности при артобстреле и попытках выйти из убежища за водой. Многие им пришлось пережить и о многом подумать. Подумать о своем жизненном мире, его ценности и краткосрочности, о том, что такое жизнь и смерть, что стоит ценить, а на что не следует обращать внимания. В противоположность им сытая либеральная интеллигенция в Москве, как только встала угроза лишиться скоростного интернета или запчастей к своему ягуару, мгновенно предала родину и мотанула на запад. У нее совсем иной жизненный мир, ценностные приоритеты, хотя схожая зона повседневности, свойственная всем русским.

Нападение бандитов на семью в многоэтажке или частном доме – событие вроде бы бытовое. Но оно остается в памяти и травмирует психику на многие годы. А если не обошлось без жертв с той или другой стороны,

то рядовое событие меняет жизненный мир и жизненный уклад людей.

Жизненный мир неповседневен, немелочен, небудничен. Он потусторонен. Напротив, повседневность и быт – это посюсторонность, т.е. актуальная действительность. Первый – теологичность, вторая – телеологичность. Посюсторонний – лежащий, находящийся по сю сторону чего-либо (границы, реки и т.п.), ближайший; принадлежащий вещественному миру, реальный, земной; по сю сторону (on this side) – по сю пору, по сей день, на сей момент, до настоящего момента, до сих пор, до сего времени, дондесь, доньне, доселе, по-сейчас

Жизненный мир на английском имеет одно значение, в русском – два: мир как состояние не войны и мир как община. Жизненный мир – круг *значимых других* (родственником, друзей, знакомых), близких отношений, привычных вещей, повторяющихся ситуаций, простых решений, обыденного сознания, здравомыслия. Границы знакомого мира определяются числом Данбара – 150 человек, и местом постоянного проживания – малой родиной. Вот почему жизненный мир можно считать местечковым укладом жизни, кругом сильных связей по М. Грановеттеру.

Категории жизненного мира, или ближнего мира, составляющих **онтологию повседневности**, – это те и то, что и кто трется с тобой бок о бок, помогает и надоедает, одалживает и занимает, кто дружит и предает, любит и ненавидит, кто мельтешит перед глазами туда-сюда чуть не каждый день, кто вместе с тем размышляет о смысле жизни и борется с вызовами судьбы. Каковы агенты это ближнего мира? К ним можно отнести: значимые другие, бывшие, предавшие, любимые, друзья и приятели, должники, помощники, начальники и подчиненные, товарищи и сослуживцы, соседи по дому и очереди, попутчики, отчаявшиеся, одинокие, опустившиеся. Среди них есть постоянные и временные статусы, бедные и богатые, старые и молодые, мужчины и женщины, верующие и атеисты, представите-

ли разных наций и рас. Но они в нашем случае предстают не как мужчины или атеисты, а как агенты ближнего, т.е. жизненного мира. Это малая группа, малый мир, ближний круг. Он то равен семье, то группе ровесников или сослуживцев, то еще какому-то сообществу. Но это именно сообщество, а не группа или агрегат, ибо с ними вы ежедневно общаетесь и их хорошо знаете.

В экзистенциальном анализе вечное всегда противостоит конечному и выходит на первый план, особенно когда сквозь паутину повседневной толчеи начинает просвечивать смысл человеческого существования, получивший наименование *жизненного мира* (*Lebenswelt*). Повседневность – заложница здравого смысла и сонма связанных с ним понятий. Но жизненный мир должен быть другим. Раз уж он пришел из феноменологии Э. Гуссерля [1–5], любившего заглядывать по ту сторону очевидного, то и наполнение данного понятия содержанием должно быть иным. Феноменология стремилась расчистить тот путь к явлениям, который в обыденной жизни заполнен предрасудками. Расчистив путь, ученый узнает то, что раньше было скрыто или явно не выражено. Конечная цель познания – раскрытие жизненного мира. Наука не способна проникнуть в жизненный мир, так как подменяет живую реальность выдуманными абстракциями. Для жизненного мира, постигаемого не наукой, а особой философской процедурой (редукцией), характерны непосредственная очевидность, интуитивная достоверность. Для отдельного человека жизненный мир – это «горизонт» его намерений, целей, проектов.

Жизненный мир – мир донаучной жизни с ее хаосом неупорядоченных созерцаний, с ее первичными обыденными, догадками, суевериями и предвосхищениями. Исторически, окружающий греков, готов или мусульман мир – не объективная реальность, а их представления о мире, их собственная субъективная ценность со всеми принадлежащими сюда смыслами и значениями, со всеми их богами, демонами и т.д.

Жизненный мир – царство изначальных очевидностей, мир в своем непосредственном присутствии. Это реальность, данная нам, ее субъектам, по умолчанию, а потому нами же и не проблематизируется: ну, есть и есть, какой у нее смысл или какова ее природа, нас не должно интересовать. Важная характеристика жизненного мира – его **интерсубъективность**, т.е. принадлежность всем нам и авторство всех нас в ее создании. Жизненный мир – коллективный артефакт, что не вносит ясности в понимание его природы ни грамма истины. Напротив, от этого он становится еще более неопределенным и размытым, ибо каждый из нас смотрит на мир по-разному, ведет себя по-разному, не одинаково понимая одни и те же правила. Если каждый на свой лад, то где то самое, где мы все за одного и один за всех. Нет такой повседневности, нет такого жизненного мира. Мы всюду одинаковы и действуем по принципу «каждый за себя». А где тогда главная черта жизненного мира – его интерсубъективность? И как ученый либо философ, будучи всего лишь одним из нас со своей специфической субъективностью может достоверно и досконально изучить коллективное объективное? Выходит, его нет. Жизненный мир снова растаял в тумане всеобщих догадок, интуиций и домыслов. Жизненный мир – всего лишь миф. Он становится реальностью только тогда, когда мы в него верим, что он реален. При этом жизненный мир каждое мгновение меняется, перетекает из одного состояния в другое, одной форму в другую. В полном смысле это текущая современность.

Но в таком случае о нем можно гадать, но не познавать. Э. Гуссерль так и говорит: жизненный мир – мир *нерефлексированного* донаучного опыта, в котором устранены все теоретические установки. Он не податлив для научного метода, а потому его следует не изучать, а описывать, и то лишь на уровне здравого смысла. Так и получается: повседневность и здравый смысл, порождения здравого смысла, познаются

только и только здравым смыслом. Феноменология «выносит за скобки» аппарат умозаключений, проблему **трансценденции**, Вынесение за скобки, или феноменологическая **редукция** (эпохе – *ἐποχή*), это основной пункт феноменологии Гуссерля. Два важнейших момента феноменологической философии: **эпохе** (воздержание от суждений по поводу того, что является внешним по отношению к сознанию) и **феноменологическая редукция** (вынесение его за скобки), т.е. выдвижение на первый план смысловой связи сознания и мира. Гуссерль «выносит за скобки» независимое существование внешнего мира, и, пытаясь докопаться до его сути, выплескивает вместе с водой и самого ребенка. Нет у него никакой повседневности, кроме общих рассуждений о том, какой она должна быть с точки зрения феноменологии – науки, специально созданной для ее познания. Так сапожник остался без сапог.

Сущность интерсубъективного эмпирически не наблюдаема каждым из нас – участником повседневности. Она не телесна. Она даже не то, что существует независимо от нас, что может ощущаться и фотографироваться. Она *трансцендентна* каждому из нас, покоящемуся в мире повседневности. Общее логично, конкретное – эмпирично. Для понимания трансцендентного нужен другой, а именно *трансцендентальный субъект*. Получается замкнутый круг, где места повседневному кажется нет. Повседневность – это стандартные поступки и взаимопонятные переживания, о которых можно отдавать себе отчет. Но Гуссерль учит нас, что жизненный мир и повседневность дорефлексивные. Как мы в таком случае можем отдавать себе отчет в них и рефлексировать? Все, что мы можем ощущать, дается пятью органами чувств, которыми, как утверждал Аристотель, питается наш здравый смысл (*common sense*). Это наш домашний мир. Он не интерсубъективный, а субъективный. Он – наша частная собственность, принадлежащая только нам и данная от рождения и воспитания только нам. Жизнен-

ный мир, на мой взгляд, трансцендентный. Он возвышается над повседневным миром, а не кроется в его подполье, как у Гуссерля. Следовательно, два мира – это две разные реальности. Жизненный мир имеет свою собственную структуру, которая не обязательно совпадает со структурой повседневного мира.

Мы можем считать домашний мир интерсубъективной реальностью только в том случае, если ее субъектом выступает не конкретный Иван Иванович, а некий «человек вообще», которого М. Хайдеггер именовал *das Man*. Этот абстрактный член общества подчиняется абстрактным же нормам общества, неким ценностям вообще. Однако конкретные люди перемалывают социальные нормы и ценности вообще в очень конкретные, субъективные ценностные ориентации, заточенные под Иван Иванова. А что случается, когда интерсубъективные нормы человек превращает в субъективные – по-другому он существовать, увы, не может, – мы видим в повседневной жизни, где нет добра или пользы как таковых, но есть добро Иван Ивановича, Марьи Николаевны и еще миллионов других, непохожих, противоречивых, запутанных и даже непонятных им самим. Подобного «человек вообще», пользуясь формулами П. Бурдьё, мы можем даже назвать габитусом, но вот только суть дела от этого яснее не станет. Как соотносятся две категории, философская и социологическая – жизненный мир и повседневность, – так и остается неясным. Повседневность повернута на сферу быта, слоников на комод и фикус на подоконнике, а жизненный мир не спускается на землю со своих трансцендентных небес.

Мы-то знаем, что повседневность – это мир безыскусного, нарочно не придуманного, не искусственного. А потому словам Э. Гуссерля о том, это «доступный опыту мир, в котором практически разыгрывается вся наша жизнь» [1], верить нельзя. Скорее все наоборот: жизненный мир, недоступный нашим органам чувств и здравому смыслу, т.е. обы-

денному сознанию, концептуализируется трансцендентальным субъектом. Он не проживается так, как проживается будничным миром суеты и мельтешения. Жизненный мир не до-, а сверхрефлексивен. Рефлексивность над содеянным, это значит соображать над последствиями своих поступков, искать выход из сложной ситуации, решать бытовые задачи. Здесь рефлексивность не покидает границ здравомыслия. Но сверхрефлексивность означает куда больше, а именно осмысление и размышление на такими крайними ситуациями, которые бросают тебе экзистенциальный вызов и ставят твою жизнь на грань пропасти. Так и случилось в прифронтовой полосе ДНР и ЛНР в 2022 г., где жители обстреливаемых поселков вынуждены были неделями укрываться в подвалах без еды, воды и санитарии, где выход за водой на поверхность ставил человека перед выбором: умереть от голода или снаряда ВСУ. Сотни так называемых «мирняков» гибли именно в момент выхода за водой для сидящих в подземелье детей и стариков. Вот когда ты начинаешь задумываться на кардинальными вопросами, составляющими суть твоего жизненного мира. Повседневный мир без воды и тепла в экстремальной ситуации развернулся совсем иной, трансцендентной, гранью.

Феноменологическая социология здесь бессильна. Она с удовольствием рассуждает о жизненном мире так, как рассуждал бы обыватель о том, следует ли делать запас картошки на зиму и где его хранить. Но это не жизненный мир, а обыденное существование, дорефлексивная и рефлексивная повседневность, но не вопрос о жизни и смерти, не вопрос «быть или не быть».

Жизненный мир, а не повседневность существует как место образования смысла, ибо выделенные А. Шюцем уверенность в существовании мира, напряженное отношение к жизни, переживание времени и особая форма социальности – это то, что вы никогда не найдете в обыденной жизни, бытовой сфере, домашней работе, посещении магазина или школьных уроках.

Феноменологию Альфреда Шюца, посвященную анализу жизненного мира, на западе называют *протосоциологией* либо теоретически ориентированной эмпирической социологией знаний [6]. В таком случае здравый смысл – интеллектуальное ядро повседневного сознания – также можно назвать протосоциологией, из которой, как из своей почвы, выросла научная социология.

Рассмотрим на примере разницу понятий: У них общий персонаж – конкретная мама *H* и ее ребенок *Ha*. **Жизненный мир:** Для матери и ребенка их жизненный мир – ценность одного для другого – мать не сможет жить без ребенка, ребенок не выживет без матери; мать отдаст все, даже свою жизнь, ради своего ребенка. И эту высочайшую ценность – как смысл жизни и призвание – она выражает в бесконечной любви и ласке, равно как и ребенок. Это элементы жизненного мира. **Повседневность:** Те же люди – мать *H* и ребенок *Ha* – могут как угодно существовать в повседневье: ссориться, когда мать отучает ребенка от соски или отнимает вредную игрушку, наказывает или приучает к горшку. Тысячи ежедневных рутинных действий и движений, наполняющих бытовое существование матери и ребенка вплоть до жилищных условий и финансовых возможностей. Это повседневность, но не жизненный мир.

Дугой, теперь уже не условный, а конкретный пример: В мае 2022 г. западная пресса активно обсуждала человека, который наказал свою кошку, и совершенно игнорировала нескончаемые жертвы ВСУ в Донбассе – детей, женщин, стариков. Западный обыватель возмущился мучителем кошечки. Петицию с требованием привлечь Курта Зуму к суровой ответственности подписали 200 тысяч человек – тех, кто, не моргнув глазом, требовал посылать режиму Зеленского самое современное и самое смертоносное оружие.

Как я буду смотреть в глаза начальнику, опоздав на 40 минут? – вопрос повседневного мира. Как я буду глядеть в глаза мужу, изменив ему? – вопрос жизненного мира. В первом слу-

чае получите нагоняй, во втором – изменение дальнейшего хода жизни. Успею ли я купить хлеба до закрытия магазина? – вопрос рутинной каждодневности. Успею ли я купить лекарств до закрытия аптеки, чтобы сбить высокую температуру маленькому сынишке? – экзистенциальный вызов. В определенном смысле жизненный мир и повседневность – совсем разные понятия, а не два слова для обозначения одного явления.

В методологии выражение «качественно-количественный интерфейс» обозначает соединение качественных и количественных методов. Вторые направлены на сбор статистических данных при помощи обычного анкетного опроса, непременно подчиняющегося требованиям репрезентативности, их обработку и анализ при помощи математического аппарата. Качественные методы нацелены на другое – выяснение того смысла, какой своим действиям и речам придают крестьяне, шахтеры, учителя. Они обнаруживают скрытый от анкетирования жизненный мир людей – часто нелогичный или вообще алогичный, всегда спонтанный и не категоризируемый в привычных научных терминах.

Жизненный мир как философская категория феноменологии должен пройти ряд процедур нисходящего движения для превращения в то, что мы привычным образом называем повседневностью или обыденностью, а именно: одомашнивание, опредмечивание, овещнение, оповседневнивание, опошление, опрощение, приземление, реификация, редуцирование. Назовем его процессом снисхождения с небес на землю. Ему противонаправлен другой процесс – восхождения от повседневного мира доксы (греч. δόξα – общепринятое мнение, представление) к научному миру истины. По Гуссерлю, он предполагает освобождение от узких горизонтов домашнего мирка, его демифологизацию и «расколдовывание». А это означает идеализацию, установление империи логики, в котором и проживает подлинная наука. Наука – мир

истины, повседневность и жизненный мир – как его философская проекция – мир доксы [7]. Социология – это *доксология*, путеводитель по человеческим мнениям и оценкам. Ценности и поведение суть проявления этих мнений. Даже теории социологов – частные мнения специалистов по тому или иному вопросу. А больше в ней ничего и нет.

Философия не может быть просто формой рефлексивного анализа, отдаленной от здравого смысла и обыденного сознания, вопреки мнению феноменологии. Рефлексирует крестьянин в своем хозяйстве, которое одолевает безденежье, половодье, неурожай, недоимки. Умело применяет здравый смысл нынешний горожанин, вынужденный как-то существовать от зарплаты до зарплаты. Им не до философии, хотя житейской мудрости у них с избытком. А что делают тогда философы?

Феноменология всего лишь проблематизирует случайное течение опыта, выжидая и наблюдая в стороне от него. Крестьянин и горожанин погружены в течение опыта, они – не сторонние наблюдатели. Согласимся, быть участником и наблюдателем чего-то – две большие разницы. М. Хабермас уточнил, что «научные теории, вторгающиеся в жизненный мир, не затрагивают рамки наших повседневных знаний, которые связаны с самопониманием говорящих и актеров. Никакая наука не избавит здравый смысл, даже если она научно обоснована, от задачи формирования суждения» [8].

Жизненный мир (*Lebenswelt*) Хабермаса, понятие которого он заимствовал у Э. Гуссерля, объединив его с символическим интеракционизмом Дж. Мида, представляющий собой организованный в языке запас изначальных допущений и предпочтений, ограничен горизонтом коммуникативности. Все происходит так, будто дальше разговоров человек не идет и идти не собирается. А как же мир предметов и вещей? Он, конечно, не коммуникативен, а перфомативен. Но перфоманс – это всего лишь воплощение замысла в жизнь, слов в дела.

Жизненный мир Хабермаса – это набор «образцов толкования», скрепляемых языком и передающихся при помощи культурной традиции. При этом язык скрепляет не только смыслы (культуру), но и людей, создающих эти самые смыслы (общество). Жизненный мир людей, равно как и их повседневность, у философов выхолащивается и препарировается. Это уже не течение случайных событий, не мир жизни как таковой, а бытие – всеобщая и недвижимая сущность, где пребывает все и конкретно ничего.

«Жизненный мир» Хабермаса – это мир субъектности, которая наделяет смыслом коммуникацию, т.е. болтовню, кухонные разговорчики, беседы по душам и даже глубокомысленные рассуждения о смысле жизни. К прозе жизни – туалету на улице, протекающей крыше, дорожающим продуктам питания и невыученным урокам – он не имеет касательства. Его «жизненный мир» – это «фон» или пространство наших действий, который обеспечивает коммуникацию [9]. Фон для чего-то важного, происходящего на сцене. Но что разыгрывается на этой самой сцене, так и остается загадкой.

Понятие жизненного мира разворачивается у Хабермаса в *трех плоскостях*: «жизненный мир», «объективный мир» и «повседневный мир». Первый мир – это смысловой горизонт третьего, второй – испорченный (объективированный) наукой мир верифицируемой эмпирии, воплощающей себя в инженерии. При этом повседневный мир субъективен, мир науки объективен, жизненный мир – интерсубъективен и трансцендентален. В повседневной жизни мы приземляем и «омещаниваем» (опошляем) то, что создано в объективном мире, а в объективном мире пытаемся наукой измерить метафизику. «Жизненным миром является соответственно не переходимый, а интуитивно сопровождающий нас горизонт опыта. Он – непредметный фон наших присутствующих переживаний, за который нельзя зайти; нашего персонального, вытекающего из исторической ситу-

ации, телесно воплощенного и коммуникативно обобщественного повседневного существования» [10].

У немецкого философа, хочет он того или нет, выстраивается незримая иерархия: внизу – мир повседневности, в середине – объективный мир науки, наверху – жизненный мир смыслов. Ее вполне можно сопоставить с иерархией потребностей Маслоу, где на вершине размещается жизненный мир и духовные потребности в самовыражении, творчестве, смысла, а у подошвы разместился мир земных забот о бренном мире: еда, воздух, жилище, тепло, безопасность и т.д. Посредине мы увидим две переходных ступени: одна коллективистская (в принадлежности группе), другая – индивидуалистическая (карьера).

А вот у Сартра иерархия другая. Она как бы перевернута с ног на голову. Основной тезис Сартра – «Существование предшествует сущности». Вначале надо насытить желудок, согреть тело у камина, удобно расположиться в кресле, закурить сигарету, т.е. решить вполне бытовые вопросы, а затем уже думать о смысле жизни, вести разговоры о жизненном мире и Боге. Индукция предшествует дедукции, эмпирия – теории. Существование – это бытие. Сущность – сознание. У Маркса и Сартра бытие определяет сознание. Впрочем, не только у них, но и у миллиардов жителей нашей планеты.

Бренный мир – тленный, смертный, легко разрушаемый, временный, невечный, суетный, преходящий; книжн., устар. глиняный, взятый от земли, от праху. Он противостоит миру вечному, идеальному, нетленному, сущностному. Несложно догадаться, что первое – повседневность, второе – жизненный мир.

Путь наверх непрост и ничуть не легче, чем восхождение альпиниста. Тут и эпохе (воздержание от суждений), и феноменологическая редукция (вынесение его за скобки), и преодоление универсального горизонта, и очищение естественной установки (встать по ту сторону «наивного»), и от-

ход от допредикативного, и еще комплект логико-теоретического снаряжения, которое имеется у профессионального философа и которого уж точно нет у человека с улицы.

Рис. 1. Жизненный мир и повседневный мир – две соседние, в чем-то сходные и во многом различные среды, например, как воздух и вода. Предмет, соединяющий их, будучи опущенным из воздуха в воду, искажается

Жизненный мир – это как бы элитарная категория человеческого бытия, а повседневность – простонародный фрактал бывания и пребывания в пространстве вещественности и случайности. Только в конце жизненного пути человек начинает понимать, что переустраивать надо не мир, а себя, ибо мира нет, а есть мое представление о нем. Изменение жизненного мира человека – это утрата этнокультурной идентичности. Жизненный мир, наполненный ценностями, смыслами и целями, представляет собой экзистенциальный проект, а повседневность – пространство его реализации. И далеко не всегда первое совпадает со вторым или получает в нем полную реализацию.

Если бы Гуссерль был последовательным и строил свою систему жизненного мира, исходя из собственных «Логических исследований», то никогда не уравнивал жизненный мир и повседнев-

невность. В правильно построенном учении жизненный мир должен играть роль сущности, а повседневность – феномена. Как у одной сущности множество эмпирических проявлений, так и у жизненного мира – подобного миру идей Платона – множество повседневностей, а главное, как и у Платона, множество мнений о повседневности – более 7 миллиардов на сегодня.

Сущность и феномен – не единственно возможный вариант истокования. Есть еще один – эпифеноменальный. Википедия уточняет: **Эпифеномен** (др.-греч. επί – «при, после,azole» и φαινόμενον – «являющееся») – придалок к феномену, побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния. Кто чем придалок? Если эпифеномен – это придалок к феномену, а феномен у нас – повседневность, то роль придалка играет жизненный мир. А точнее, даже не придалок, а надстройка, которая расположена сверху. Внизу расположен фундамент, как и у К. Маркса, материальный мир повседневных забот и хлопот.

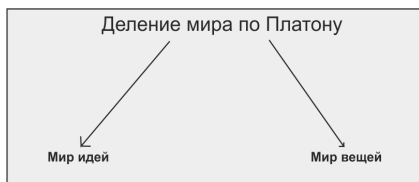

Рис. 2. Мир идей – жизненный мир. Мир вещей – повседневность

Жизненный мир – это мир смыслов и значений. Устав от навязчивой повседневности, воспринимая суету хлопот как безысходность, человек останавливается и спрашивает себя: Что нужно сделать, чтобы ощущать свой мир как достойный жизни? В чем смысл моей жизни и каково мое предназначение? Эти и подобные вопросы человек задает перед лицом смерти, находясь, например, на пороге самоубийства. Самоубийство – это не уход из жизни, а выход из той жизни, какой она у тебя сложилась. Мир уязвимых людей фундаментально уязвим, ибо под угрозой у них

находится главное – понимание либо переоценка смысла жизни. В свете его решения – пессимистического или оптимистического, трагического или драматического – меняется модус оценки и восприятия повседневного мира.

К таким людям относятся, например, пациенты, страдающие деменцией¹. Они утрачивают способность жить и контактировать с земными вещами, общий смысловой мир. Они больше не чувствуют себя в мире как дома и, следовательно, они бездомны, они «отсутствуют в мире» в самом фундаментальном смысле. Утрачивая здравый смысл и способность принимать разумные решения, такие больные не могут найти дорогу домой, забывают то, что было с ними раньше. Они не только бездомны, но и безмирны. У них нет жизненного мира, хотя есть повседневность, в которой находятся, где спят, кушают, передвигаются. Дом, который называет «пространственным центром жизни личности» [11], для них потерян.

Знание жизненного мира обеспечивает точки отсчета, параметры и ресурсы, с помощью которых индивиды обретают смысл окружающего мира, развивают теоретические и практические компетенции для работы с повседневностью, устанавливают коммуникативные отношения, позволяющие развивать узы солидарности и сотрудничества. Жизненный опыт мы черпаем из повседневного мира, но смысл его лежит в ином измерении – в жизненном мире. Функцию скелета, организующего жизненный опыт, выполняет здравый смысл², а функцию библиотеки или складирования жизненного опыта, – жизненная мудрость. Однако на входе в эту библиотеку стоит жизненный мир – хранитель жизненных смыслов. Его еще можно назвать библиотекарем.

¹ Деменция (лат. dementia – безумие) – приобретённое слабоумие, стойкое снижение познавательной деятельности с утратой в той или иной степени ранее усвоенных знаний и практических навыков и затруднением или невозможностью приобретения новых.

² Здравый смысл можно считать «воспитателем разума» (Ж. Пиаже).

Человек конструирует жизненный мир, а он реконструирует – каждый день, в любых ситуациях, но особенно сильно – на крутых жизненных поворотах. За повседневную жизнь как общее достояние и механизм ее контролирования – здравый смысл, преданный исполнитель коллективных норм и общественного благомыслия, несет ответственность общинный мир, но за жизненный мир, его содержание и наполнение, отвечает только индивид. Повседневность – это как коллективная стройка, на которую поучаствовать пригласили каждого из нас. Но то, как в ней участвовать, определяет наша мудрость – жизненный мир. Вот еще почему повседневность можно считать социальной репрезентацией индивидуального жизненного мира. За тем, как мы себя ведем в повседневной жизни, как выглядим, что говорим, следит общественное мнение – наше «зеркальное Я». Это мир публичности. Но проникнуть глубоко внутрь личности, туда, где и находится жизненный мир, проникнуть никто из посторонних не может. Жизненный мир – это наша философия жизни, экзистенциальная картина мира.

Продолжая концепцию социального действия М. Вебера дальше, А. Шюц писал, что мой личный жизненный мир создан предшественниками и передается мне через социализацию как бы из «вторых рук». Действительно, социальный мир родители и учителя подносят ребенку как на блюдце и кормят понемногу из ложечки. А сам-то он что сделал? Он может нечто сделать для себя в сотрудничестве с другими, но творить его не как свой отдельный мирок, непохожий на других, а как наше общее дело. Общий мир, в котором всем удобно жить, людям строят потому, что они похожи друг на друга. Они так же понимают других и так же воспринимают мир, как я. Вот почему я могу смело полагаться на свой здравый смысл, который является не отдельным островком, а частью общего континента. Сходство наших жизненных миров и жизненного опыта позволяет А. Шю-

цу говорить о «взаимности перспектив» и «взаимозаменяемости точек зрения». Личная библиотека жизненного мира и жизненной мудрости – часть мирового культурного наследия. Она же и его постоянный инвестор.

У ребенка нет жизненного опыта, жизненной мудрости и даже здравого смысла – это все появится позже. Но в таком случае у него отсутствует и жизненный мир, хотя из повседневного мира его никто не выключал. «Человек ищет смысл, когда мир вокруг перестает быть для него контролируемым и безопасным» (Е.Н. Ермакова). Вопрос о смысле жизни человек ставит только в свете актуальности для него вопроса о смысле смерти, и на каждом этапе жизненного цикла он переформатируется, иногда не в зависимости от изменения повседневной обстановки. Проблема смысла жизни человека тесно переплетена с его предназначением в этом мире.

Былое и думы – так можно было бы обозначить два понятия, повседневность и жизненный мир. Как известно, «Былое и думы» – автобиографическая хроника А.И. Герцена – представляет панораму отечественной и европейской жизни середины XIX века, пропущенную через призму личных невзгод, исканий и заблуждений, побед и поражений – все, как требует методология социологического воображения Р. Миллса. Автор вспоминает события из раннего детства, описывает подростковый период, юношество и взросление, не забывая напомнить о важнейших событиях, происходивших в России в первой половине XIX века. Жизнь без прикрас и дополнений, размышления о жизни без притворства и вымысла. Повседневность и жизненный мир, действие и смысл идут рука об руку, пересекаясь и помогая понять одно другое. «Былое и думы не историческая монография, а отражение истории в человеке, случайно попавшимся на её дороге», – заметил Герцен о своих мемуарах. «Мы не были монахами, мы жили во все стороны и, сидя за столом, побольше развились и не меньше сдела-

ли, чем эти постные труженики, копошащиеся на заднем дворе науки».

Если смыслы жизненного мира – метафизические параметры пограничных ситуаций и экзистенциальных вызовов – выстраиваются в последовательную цепочку, то формируется **картина мира**. Впервые термин картина мира появился на рубеже XIX–XX вв. в физике. Г. Герц так определил это понятие: «Совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получить сведения относительно поведения данных предметов» [12]. Картина мира – результат размышления человека над устройством окружающего мира и своего места в нем.

Рис. 3. Жена – это тот, кто достраивает нашу картину мира

Картина мира включает в себя представления обывателей о человеческой природе, взгляды на мир, на окружающих людей, во что они верят (например, что хороших людей на свете больше, чем плохих). Верования, представления, взгляды – элементы картины мира человека. Часть из них с квантором всеобщности, часть с квантором существования. Но ни те, ни другие невозможно проверить эмпирическим путем. Это обыденная философия подобна профессиональной философии, которую пытались изгнать позитивисты во главе с Контом из науки. Ничего не получилось. Вернее, получился современный ренессанс метафизики и здравого смысла. Человек, создавая образ и окружающего мира и мира собственных переживаний, изначально

но стремится к тому, чтобы этот образ носил осмысленный и структурированный характер. И у художника его картина – уже не картина в смысле зеркала реальности, а субъективный образ объективного мира. Для отдельного человека и всего человечества свойственно стремление осмысливать и структурировать окружающий мир и собственные переживания.

Нет объективного мира, он таков, каким его видит человек. У каждого человека разная картина мира. Элементарным навыкам обращения с реальными предметами – лизнул железо – прилип язык, бросил стакан – разбился, упал – больно – приходится учиться самостоятельно, часто без помощи первых двух агентов. Социализация, и это ее главная основа – это прежде всего формирование картины мира или видения социальной реальности.

У человека его картина мира постоянно меняется, как меняется видовая панорама в окне движущегося автомобиля. Меняется каждую секунду в зависимости от настроения, шевелящихся внутри мыслей и нейронов. Одно и тоже оценивается и переоценивается внутри нас. Мы даже не чувствуем этого. А этих одно и тоже в нас тысячи и миллионы. В настоящую мыслительную деятельность вовлекаются сюжеты и оценки прошлого, часто отдаленного. Все это варится как в котле. От процесса совместного переваривания исходные ингредиенты меняют исходный облик и структуру. Как в калейдоскопе они, оригинальные и видоизмененные, то и дело образуют новые конфигурации, которые влияют на другие конфигурации и составляющие их элементы. Замечали ли вы, как меняется оценка того или иного деятеля либо события в зависимости от новой информации о них и произошедшего в вас процесса их осознания. Вечером одно, ночью другие думы, поутру вообще все изменилось. Картина мира – это не художественное полотно, созданное рукой мастера и раз и навсегда повешенное в музее.

Свою картину мира человек пишет всю жизнь, меняя то краски и фигуры,

то окружение и размеры, то отходя, то приближаясь. Образ мира субъективен, поскольку он складывается в процессе накопления жизненного опыта. У М. Хайдеггера это звучит так: «Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина. Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. Где дело доходит до картины мира, там выносится кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего» [13].

А картина мира Хабермаса – всего лишь мировоззрение, которое служит нам ориентиром в жизни. При этом такое «ориентационное знание нельзя путать с научными знаниями даже в тех случаях, когда оно претендует на то, чтобы быть синтезом результатов исследований, востребованных и сегодня» [10, с. 73]. Жизненный мир не столь возвышен, не столь последователен и целостен как картина мира. «Жизненный мир не предстает перед нашими глазами как теория, а, напротив, мы находим себя в нем дотеоретически» [10, с.75]. Другими словами, жизненный мир – трансцендентное, потустороннее. Вопрос о нем возникает у человека, когда он встает перед экзистенциальным вызовом, когда судьба устраивает ему серьезную проверку. Однако феноменологи так и не признали этот базовый тезис.

Философский анализ Гуссерля, Шюца, Хабермаса, Хайдеггера лишь подтверждает, что статус жизненного мира по-прежнему нуждается в уточнении. Вопрос о нем остается таким же открытым, как и он сам.

Литература

1. Husserl E. Die Krisis der europaischen Wissenchaften und die transzendente Phenomenology. Hamburg, 1977.
2. Гуссерль Э. Феноменология (статья в Британской энциклопедии) // Логос. 1991. № 1. С. 12–21.

3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2006.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
6. Eberle T.S. (2012). Phenomenological Life-World Analysis and Ethnomethodology's Program // Human Studies. Vol. 35. № 2. P. 279–304.
7. Husserl E. Erfahrung und Urteil. Hamburg: Meiner, 1999, S. 41.
8. Habermas J. The Future of Human Nature. Cambridge: Polity Press, 2003, p.108.
9. Миронов В.В. О философии, «жизненном мире» и метафизике (размышления о лекции Юргена Хабермаса) // Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М.: Идея-Пресс, 2011, с. 18.
10. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М.: Идея-Пресс, 2011, с. 75–77.
11. Bollnow O. Lived-space // Philosophy Today. 1961;5:31–39.
12. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. С. 12.
13. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 102.

THE WORLD OF LIFE AND EVERYDAY LIFE

Kravchenko A.I.

Lomonosov Moscow State University

The world of life and everyday life have been equalized for more than a century and a half ago thanks to E. Husserl and A. Schutz. And no one has ever doubted the correctness of their words, no one has double-checked their truth, but they only repeat and reproduce what the representatives of phenomenology said – the philosophy of everyday life and the flow of life. A huge host of modern researchers identify the two concepts, starting from them as a kind of axiom in the further study of the world around us. So what, have they achieved a lot? Can a copy surpass

the original, especially if it incorrectly reflects nature – the nature of the world, the nature of man, the nature of society? That's what we're going to talk about here.

Keywords: life world, everyday life, E. Husserl, A. Schutz, phenomenology, worldview, meanings, existential challenges.

References

1. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Hamburg, 1977.
2. Husserl E. Phenomenology (article in the Encyclopædia Britannica) // Logos. 1991. No. 1. S. 12–21.
3. Husserl E. Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy. Moscow: House of Intellectual Books, 1999.
4. Husserl E. Cartesian reflections. St. Petersburg: Nauka, 2006.
5. Husserl E. Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2004.
6. Eberle T.S. (2012). Phenomenological Life-World Analysis and Ethnomethodology's Program // Human Studies. Vol. 35. No. 2. P. 279–304.
7. Husserl E. Erfahrung und Urteil. Hamburg: Meiner, 1999, S. 41.
8. Habermas J. The Future of Human Nature. Cambridge: Polity Press, 2003, p.108.
9. Mironov V.V. On Philosophy, "Life World" and Metaphysics (Reflections on Jürgen Habermas' Lecture) // Habermas J. From Pictures of the World to the Life World. M.: Idea-Press, 2011, p.18.
10. Habermas Yu. From pictures of the world to the life world. M.: Idea-Press, 2011, pp.75–77.
11. Bollnow O. Lived-space // Philosophy Today. 1961; 5:31–39.
12. The role of the human factor in the language: Language and picture of the world. – M.: Nauka, 1988. P. 12.
13. Heidegger M. The time of the picture of the world // New technocratic wave in the West. M., 1986. P. 102.

Генезис подходов к исследованию элит в Советском Союзе

Хлынин Андрей Павлович,

аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: and.khlynin@mail.ru

Данная работа посвящена комплексному раскрытию такого понятия как «советская элита». Автор, анализируя труды известных советологов, выявляет структуру, особенности, механизм рекрутирования новых членов советской элиты и, начиная с 20-х годов XX века, прослеживает ее трансформацию. Автор приходит к выводу, что в СССР при номинальном правлении пролетариата реальная власть принадлежала особому привилегированному классу, состоящему из членов высшего партийного руководства, названному впоследствии «номенклатура». Данный класс, первоначально являясь небольшой группой видных революционеров, к тридцатым годам подвергается жестким чисткам со стороны победившего во внутрипартийной борьбе Сталина, в результате которых главным условием вхождения в номенклатуру становится безграничная преданность вождю и центральной линии партии. После смерти Сталина номенклатура, избавленная от постоянного страха ареста, достигает пика своего могущества, следствием чего становится смещение Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС. Период правления Брежнева, ставший золотым временем для представителей партийной элиты, оканчивается перестройкой под предводительством Горбачева, во времена которой высшее партийное руководство приватизирует большую часть государственной собственности и в качестве собственника важнейших государственных активов трансформируется в новую российскую элиту.

Ключевые слова: элита, высший класс, СССР, Советский Союз, номенклатура.

После революции 1917 года и прихода к власти большевиков, социология в целом и элитологическая проблематика в частности, подверглись в новом советском государстве жесткой идеологической цензуре – поскольку элита есть атрибут враждебного «лагеря капитализма», ни о какой элите в социалистическом государстве рабочих и крестьян не могло быть и речи. Как справедливо отметила О.В. Крыштановская, «до 1989 г. любые вопросы, связанные с изучением правящей группы страны, были тайной за семью печатями. Тогда не только исследования, но и употребление самого слова «элита» были запрещены в СССР» [4.С.3]. Однако большинство зарубежных социологов и политологов относились к идее построения в СССР бесклассового общества скептически, предвосхищая неминуемое выдвигание небольшой группы революционных лидеров победившей партии большевиков в новую авторитарную элиту: «не упоминая об исключениях, немногих и недолговечных, на всем протяжении истории мы имеем немногочисленный правящий класс, удерживающийся у власти частично с помощью силы, частично с согласия управляемого класса, более многочисленного» [12.С.317].

Подходы к пониманию советской элиты. Одним из первых, кто в своих работах подтвердил предположения о возникновении в СССР новой элиты, стал Л.Д. Троцкий. По его словам, все заветы В.И. Ленина, заключавшиеся в предохранении партии и рабочего класса от разлагающего действия различного рода привилегий, от соблазнов буржуазных нравов, партийный аппарат оказался неспособен выполнить: «запрещение оппозиционных партий повлекло за собой запрещение фракций; запрещение фракций закончилось запрещением думать иначе, чем непогрешимый вождь. Полицейская моно-

литность партии повлекла за собою бюрократическую безнаказанность, которая стала источником всех видов распушенности и разложения» [7]. В результате в СССР образовался новый слой бюрократии, «единственный в полном смысле слова привилегированный и командующий слой в советском обществе» [7]. Данное положение дел стало возможным вследствие того, что советская бюрократия сместила пролетариат с политической арены под предлогом охраны его социальных завоеваний якобы от его же имени. Политическая монополия бюрократии, в свою очередь, отождествило ее с государством, что в конечном итоге породило небывалое до этого взаимоотношение между бюрократией и национальными богатствами: «средства производства принадлежат государству. Но государство как бы «принадлежит» бюрократии» [7].

Идеи Троцкого получили свое развитие в концепции «бюрократического коллективизма» итальянского ученого Бруно Рицци. Разделяя идеи коммунистического интернационала, он заявлял, что «на самом деле силы, действующие в современном обществе, составляют единое целое и не называются Францией, Англией, Германией, Италией, СССР, Японией и т.д., но называются капитализмом, бюрократическим коллективизмом и социализмом» [13.С.3]. Таким образом, по мнению Рицци в мире существуют три общественные силы: капиталисты, пролетарии и бюрократы. Капитализм как политическая система себя полностью исчерпал и находится в состоянии распада. Вместе с тем, главным соперником капиталистов является не пролетариат, а новая «коллективная бюрократия», социальную базу которой составляют представители господствующего класса. Пролетариат, в этой связи, «имеет свою социальную основу в трудящихся массах всего мира... однако их по-прежнему обманывают невежественные и вероломные лидеры, которые не приносят им собственной политической линии, а выстраивают свои собственные за их спинами» [13.С.3].

Смещение капиталистов старой формации новыми бюрократами означает «рождение нового, еще более чудовищного мира, который возродит новое рабство по прошествии двух тысяч лет истории» [13.С.4]. По мнению Рицци, рождение нового чудовищного мира уже произошло в СССР, где новые бюрократы из числа высших партийных руководителей во главе со Сталиным достигли абсолютного экономического и политического господства над пролетариатом, закрепленного на уровне Конституции.

Наиболее целостную концепцию «нового класса» бюрократов предложил югославский историк и политический деятель Милован Джилас. Рассуждая о революции в СССР, он утверждает, что на деле никакого упразднения классов не произошло: «в противоположность прежним революциям, коммунистическая революция, которая проводилась во имя уничтожения классов, привела к неограниченной власти одного, нового класса» [2.С.58]. Новым классом Джилас называет «особый слой внутри бюрократии, состоящий из людей не занятых непосредственно административной работой, составляет ядро *правящей* бюрократии или того, что я называю новым классом. Это и есть партийная или политическая бюрократия, тогда как другие бюрократы – всего лишь аппарат, подчиненный новому классу» [2.С.58].

Примерно к 30-м годам XX века политическое господство нового класса перерастает в экономическое – курс СССР на ускоренную модернизацию осуществляется сверху при исключительном руководстве партии во главе со Сталиным. Данное обстоятельство определяет легитимность осуществления тотального контроля партии во всех сферах, породив государственную монополию на власть, насилие и, главное по Джиласу, на собственность. Упразднение частной собственности подменяется юридической фикцией «коллективная», «государственная», «общественная» собственность, распоряжаться которой могут исключительно

но представители нового класса. Он пишет: «собственность нового класса проявляется в виде исключительного права, монополии партийной, политической бюрократии на распределение национального дохода, регламентацию уровня заработков, выбор направлений хозяйственного развития, а также как распоряжение национализированным и другим имуществом» [2.С.204]. И далее констатирует: «Обещая уничтожить все социальные различия, новый класс только и делает, что увеличивает их, получая и распределяя по своему усмотрению продукты народного труда и раздавая привилегии своим сторонникам» [2.С.84].

Структура и иерархия элиты. Абсолютное большинство исследователей сходятся во мнении, что советская элита представляла из себя группу, образованную по политическому признаку: хотя элита и существовала во многих государствах, но только в СССР она представляла особый правящий слой со строго определенными характеристиками. Так, если в западных странах существовало несколько различных лифтов, ведущих на вершину социальной пирамиды, то в СССР существовал лишь один единственный, а именно – принадлежность к КПСС. В полном смысле элитой в СССР являлись не все члены партии, а лишь члены центрального комитета партии: «члены ЦК – это не индивидуумы, не личности в полном смысле этого слова; они исполняли определенную роль, отвечавшую интересам режима. Каждый член ЦК имел политический вес соответственно занимаемому посту... В общем, элита – это номенклатура, а точнее номенклатурная верхушка» [6.С.7].

Согласно определению М.С. Восленского, номенклатура есть: «1) перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий партийный орган, 2) перечень лиц, которые такие должности замещают или же находятся в резерве для их замещения» [1.С.90–91]. О.В. Крыштановская определяет несколько кругов советской

номенклатуры: «в номенклатуру ЦК КПСС входило примерно 400 тыс. чел. Высшая номенклатура (номенклатура Политбюро ЦК КПСС) включала в себя в разные периоды от 800 до 1800 чел. Номенклатура секретариата ЦК состояла из списка в 14–16 тысяч должностей. Учётно-контрольная номенклатура (то есть номенклатура отделов ЦК КПСС) включала 250 тыс. чел. Остальную часть составляла номенклатура нижестоящих партийных комитетов – обкомов, крайкомов, горкомов и т.п.» [4.С.17].

Советская номенклатура обладала строгой иерархией, насчитывавшей в общей сложности 14 рангов. Высшую ступень занимал Генеральный секретарь ЦК КПСС, далее шли члены Политбюро ЦК КПСС, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК. Чуть ниже располагались первые и (иногда) вторые секретари республиканских ЦК компартий, первые секретари обкомов и горкомов крупнейших городов, союзные министры, высшие военные, послы всех социалистических стран и стран «большой семерки», директора крупнейших заводов ВПК, руководители творческих союзов, главные редакторы центральных партийных изданий. Еще ниже располагались заместители министров, вторые секретари обкомов, первые секретари облисполкомов и т.п. [5.С.52]

Воспроизводство и рекрутирование элит. Главным фактором существования любой политической элиты является система ее формирования, состоящая из двух элементов: механизмы и каналы рекрутирования. Как известно, существует два основных механизма отбора членов элиты – открытый и закрытый типы. В первом случае существует открытая конкуренция за занятие элитных позиций в соответствии со объективными способностями претендентов, во втором случае элитные позиции распределяются между представителями элитных или околоэлитных общностей.

В Советском союзе система рекрутирования элиты имела закрытый ха-

рактер с элементами открытого. С одной стороны, при всей номенклатурности, большое внимание уделялось равному представительству различных слоев, включая рабочих и крестьян, особенно в первые десятилетия существования СССР. Кроме того, в системе элит существовали и механизмы, ограничивающие семейственность: «по негласным правилам дети высших чиновников никогда не наследовали высокие посты, которые занимали их отцы» [5.С.52]. Однако все же главной особенностью вертикальной мобильности в Советском союзе являлась ее тотальная зависимость от партийного аппарата и решений, принятых его членами.

Основным и единственным каналом вертикальной мобильности являлась коммунистическая партия, поэтому членство в ней являлось обязательным и необходимым условием. Исключения в виде удачного брака с членом высшего партийного руководства, безусловно, тоже имели быть, но встречались крайне редко. В большинстве случаев пирамидальная структура номенклатуры заставляла индивида последовательно подниматься по ее различным уровням, причем некоторые уровни предполагали определенный срок нахождения на ней.

По мнению Восленского, своеобразным испытательным сроком для кандидата в номенклатуру является должность секретаря парткома. Дальнейшее восхождение кандидата по карьерной лестнице практически полностью зависело от его непосредственного руководителя, причем чем выше должность, тем была сильнее эта зависимость. В этой связи ключевым принципом дальнейшей вертикальной мобильности являлась личная преданность и лояльность вышестоящему партийному руководству. Отсюда вытекает приоритет неформальных взаимоотношений над формальными, причем как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскости. Данный приоритет обусловлен также самой процедурой согласования кандидатуры на повышение, неотъем-

лемой частью которой является подстраховка и перераспределение ответственности за кандидата путем утверждения его кандидатуры на должность в различных ведомствах, включая КГБ. [1.С.136–141]

Трансформация элиты в СССР.

Ядро новой элиты в СССР начинает зарождаться почти сразу после октябрьской революции 1917 года, когда, в связи с военным положением и усложнением структуры управления, значительно расширяется центральный аппарат партии. Первоначально, центральный аппарат партии состоял из небольшой группы профессиональных революционеров во главе с Лениным. Члены данной группы, с одной стороны, отличались своим маргинальным происхождением и оторванностью от своей культурной традиции, с другой стороны – железной внутривнутрипартийной дисциплиной и единством убеждений, однако еще существуют различные фракции.

После смерти Ленина, в результате внутривнутрипартийного противостояния к власти приходит Сталин, который первым делом устраняет внутривнутрипартийную оппозицию в лице фракций. Старая революционная гвардия подвергается репрессиям и на их места приходят те, кто показывает личную преданность новому вождю. Ввиду того что новые члены партии уже не имеют той пассионарности, а главными их доблестями является послушание и беспрекословное подчинение, любое инакомыслие отныне жестко пресекается, перерастая в полномасштабный террор против несогласных во всех сферах государства. Само государство оказывается во власти государственной бюрократической машины во главе со Сталиным.

В результате таких чисток в СССР кристаллизуется класс государственных служащих, обладающих безграничной властью при постоянном страхе за свое будущее: «С одной стороны, для них начиналось комфортабельное и обеспеченное существование... Каждый мог рассчитывать на быстрое продвижение по службе, потому что каждый день кого-нибудь вырывали из нор-

мальной жизни, и его место занимал другой... Но, с другой стороны, жизнь новых назначенцев была полна опасностей. Они не являлись собственниками тех благ, о которых только что шла речь: все это они имели до тех пор, пока занимали свой пост, т.е. до тех пор, пока были в милости у Сталина, у НКВД, у Отдела партийных кадров Центрального Комитета» [8.С.216].

В ситуации, когда арест означал полное отлучение от собственности, перед чиновниками возникло две стратегии, позволявшие избежать такой участи: первая состояла в том, чтоб действовать индивидуально, устраняя соперников посредством доносов в НКВД, вторая предполагала коллективное действие, создающее «круговую поруку». Все вышеперечисленное привело к тому, что ни один чиновник, во-первых, не желал брать на себя персональную ответственность, и, во-вторых, изо всех сил старался не выделяться из общего строя себе подобных. В этой связи интересным представляется описание советской элиты, составленное послом Великобритании в СССР Уильямом Хейтером: «Это были плотные, крепко сбитые, пожалуй, немного грузные люди. Они носили глухие черные плащи и на торжественных парадах стояли на трибуне ленинского мавзолея. Во время застолий они держались еще более скованно, шептались между собой и послушно пили всякий раз, когда вождь предлагал тост. Их трудно было отличить друг от друга; разве что кто-то носил усы, а кто-то другой – очки; это люди примерно одинаковой комплекции: невысокие, коренастые, мускулистые, но описать каждого из них невозможно» [11.С.103].

После смерти Сталина к власти приходит Хрущев, который в рамках борьбы с культом личности, с одной стороны, освободил высшее партийное руководство от постоянного страха ареста, с другой стороны, подверг партийно-государственный аппарат постоянным реорганизациям, что очень тревожило высших руководителей. Данное обстоятельство в дальнейшем сыграло

решающую роль при смещении Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС, который так и не смог найти поддержку у номенклатурной верхушки. За время его правления советское общество уже окончательно сформировалось – «в высшей степени иерархическое, стабильное и консервативное... оно на деле было единой огромной организацией, которой управлял партийно-государственный аппарат... Через посредство номенклатурной системы управления, которая к тому времени стала высокоразвитой и изощренной, Центральный комитет в принципе держал под контролем каждую сколько-нибудь значимую должность в любой человеческой деятельности, делегирую свои полномочия нижестоящим партийным организациям, осуществлявшим ту же политику на более низких ступенях иерархической лестницы» [8.С.387].

Приход к власти Брежнева утвердил новую политику по отношению к партийному руководству, названную впоследствии политикой «доверия к кадрам». Как пишет английский историк и политолог Йорам Горлицкий, «возможно, самым убедительным доказательством того, что на практике означала политика «доверия к кадрам», был прецедент, созданный самим Брежневым в его отношениях с первыми секретарями регионов. Генеральный секретарь проявлял особый интерес к их отбору и настаивал на том, чтобы побеседовать с большинством из них лично до их назначения» [10.С.699]. Теперь, с одной стороны, продвижение в верхушку номенклатуры полностью зависело от благосклонности генерального секретаря, но с другой стороны, если человек все-таки попадал в число доверенных лиц, то практически гарантированно занимал свою номенклатурную должность до конца своих дней, что породило для представителей элит совершенно новое чувство стабильности и уверенности: «... в среднем, полный член этого ключевого органа находился на своей должности больше двадцати лет, что превышало макси-

мально допустимый срок, если придерживаться хрущевской парадигмы ротации партийных работников» [8.С.389].

Так называемый «брежневский период» стабильности для элит продлится до середины 80-х годов, вплоть до прихода к власти Горбачева. Как писал известный американский советолог Стивен Козн, «в командно-административной системе, доставшейся в наследство Горбачеву, общесоюзный партийный аппарат был главнокомандующим и всесильным администратором. Но всего за пять лет картина коренным образом изменилась: советская политическая система перестала быть ленинистской или, как сказали бы некоторые, коммунистической. Главный нервный центр аппарата, Секретариат ЦК, фактически прекратил свою деятельность, партийные комитеты в министерствах были распущены или утратили влияние, а на более низком государственном уровне их власть перешла в руки избираемых Советов» [3.С.26–27].

В 1980-е годы, с началом проведения перестроечных реформ, направленных на либерализацию во всех сферах общественной жизни, верхушка номенклатуры начинает искать различные пути для присвоения государственной собственности, находящейся в ее ведении: «министры, как правило, приватизировали и коммерциализировали свои отрасли промышленности, руководители финансовых учреждений – свой капитал, директора заводов – свои предприятия, а партийные функционеры – огромные активы компартии» [9.С.45]. Давняя мечта номенклатуры о конвертации власти в собственность начинает сбываться.

К концу 1980-х годов процесс приватизации уже вовсю распространился за пределы Москвы. Практически все споры, которые возникали между союзным правительством Горбачева и республиками касались именно условий перераспределения собственности и власти, в особенности, когда речь зашла о составлении нового союзного договора – из этого же растут корни мно-

гочисленных сепаратистских настроений в этих республиках. Номенклатура, которой удалось легитимизировать свои права на собственность, стала в итоге главным бенефициаром развала Советского Союза и меньше всех хотела возврата к прежнему положению вещей. Как справедливо замечает Козн, «в отличие от аппарата, порождённый им класс коммунистической номенклатуры в большинстве своём пережил Советский Союз» [3.С.31].

Подводя итог необходимо отметить, что при номинальной диктатуре пролетариата в СССР всегда существовал особый привилегированный класс, который на практике обладал неограниченной властью. Данный класс имел четкую форму в виде списка ключевых партийных должностей, которые составлялись и утверждались в ЦК КПСС. Не зависимо от занимаемых должностей члены элиты представляли собой единое закрытое образование, обладающим развитой системой социальных институтов, созданных для поддержки собственного существования.

Данное социальное образование обладало жесткой иерархией, что подразумевало последовательный карьерный рост с одной ступеньки на другую, причем каждая из ступеней требовала определенного времени, а ключевым фактором карьерного роста являлась благосклонность вышестоящего руководства. Существовавшая система привилегий для представителей номенклатуры и членов их семей, с одной стороны, обеспечивала колоссальный разрыв по уровню жизни по отношению к простым людям, с другой стороны, обеспечивала их лояльность действующей системе, поскольку в противном случае привилегии исчезали. Все вышеперечисленное способствовало созданию собственного образа жизни и принятию специфических классовых ценностей, способствующих консолидации членов элит по принципу «свой-чужой».

Литература

1. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского

- Союза. Russian edition. Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. – 665 с.
2. Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк, издательство Ф.А. Прегер, 1961. – 243 с.
 3. Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. – 200 с.
 4. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.; Захаров, 2005. – 384 с.
 5. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту / О.В. Крыштановская, И.В. Куколев, В.А. Владыцкая // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 1. – С. 51–65.
 6. Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены, 1917–1991 гг. / Э. Модсли, С. Уайт. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 431 с.
 7. Троцкий Л.Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет. Глава 5. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.ru/TROCKIJ/trockij1.txt> (дата обращения: 05.02.2022).
 8. Хоскинг Д. История Советского Союза 1917–1991. Москва: «Вагриус», 1994. – 510 с.
 9. Barnes Andrew Scott. *Owning Russia: the struggle over factories, farms and power*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006. – 273 p.
 10. Gorlizki Y. Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev. *Slavic Review*, 69, 3 (Fall 2010): 676–700 p.
 11. Hayter W. *A Double Life*. London: Hamilton, 1974. – 184 p.
 12. Pareto V. *Trattato di sociologia generale*. G. Barbera, 1916. Vol. 1. – 879 p.
 13. Rizzi Bruno. *The Bureaucratisation of the World*. New York: Free Press, 1985. – 111 p.

GENESIS OF APPROACHES TO THE STUDY OF ELITES IN THE SOVIET UNION

Khlynin A.P.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

This article is about the complex disclosure of such a concept as the “Soviet elite”. Analyzing the works of famous Sovietologists, the author identifies the structure, features, and mechanism of recruiting new members of the Soviet elite and, since the 20s of the XX century, traces its transformation. The author comes to the conclusion that in the USSR, under the nominal rule of the proletariat, the real power belonged to a special privileged class consisting of members of the highest Party leadership, later called the “nomenclature”. This class, initially being a small group of prominent revolutionaries, by the thirties was subjected to harsh purges by Stalin, who won the internal party struggle, as a result of which the main condition for entering the nomenclature was boundless devotion to the leader and the central line of the party. After Stalin’s death, the nomenclature, freed from the constant fear of arrest, reaches the peak of its power, which results in the removal of Khrushchev from the post of first secretary of the CPSU Central Committee. The period of Brezhnev, which became a golden time for representatives of the party elite, ends with the restructuring led by Gorbachev, during which the top party leadership privatizes most of the state property and, as the owner of the most important state assets, transforms into a new Russian elite.

Keywords: elite, upper class, USSR, Soviet Union, nomenclature.

References

1. Voslensky M. *Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union / Russian edition*. Overseas Publications Interchange Ltd., 1990–665 p.
2. Djilas M. *A new class / New York, F.A. Praeger Publishing House, 1961–243 p.*
3. Cohen S. «The Question of questions»: why did the Soviet Union disappear? / St. Petersburg: AIRO-XXI; St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2007. – 200 p.
4. Kryshtanovskaya O.V. *Anatomy of the Russian elite / M.; Zakharov, 2005–384 p.*
5. Kryshtanovskaya O.V. *Transformation of the old nomenclature into the new Russian elite / O.V. Kryshtanovskaya, I.V. Kukolev,*

- V.A. Vladyskaya // Social Sciences and modernity. – 1995. – No. 1. – pp. 51–65.
6. Maudsley E., White S. The Soviet elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and its members, 1917–1991 / E. Maudsley, S. White. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation «Presidential Center of B.N. Yeltsin», 2011–431 p.
 7. Trotsky L.D. Betrayed revolution. What is the USSR and where is it going. Chapter 5. [Electronic resource]. – URL: <http://lib.ru/TROCKIJ/trockij1.txt> (accessed: 04.03.2022).
 8. Hosking D. History of the Soviet Union 1917–1991 / Moscow: «Vagrius», 1994. – 510 p.
 9. Barnes Andrew Scott. Ownership of Russia: the struggle for factories, farms and power / Ithaca, New York: Cornell University Press, 2006. – 273 p.
 10. Gorlitsky Y. Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev // Slavic Review, 69, 3 (autumn 2010): 676–700 p.
 11. Hayter U. A Double Life / London: Hamilton, 1974–184 p.
 12. Pareto V. Trattato of general sociology / G. Barbera, 1916. Vol. 1. – 879 p.
 13. Rizzi Bruno. Bureaucratization of the world / New York: Free Press, 1985. – 111 p.

Применение дистанционных технологий в период пандемии как социальный процесс

Дусенко Светлана Викторовна,

доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма и гостиничного дела, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)
E-mail: svd337@list.ru

Рогачева Ольга Алексеевна,

преподаватель кафедры туризма и гостиничного дела, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)
E-mail: oarogacheva@ya.ru

В статье рассматриваются социальные процессы трансформации института образования в контексте все более широкого применения технологий дистанционного образования в системе высшего образования. Показано, что по отношению к российскому образованию существует специфика, определяющая особенности применения технологий в образовательных организациях России в условиях перехода на дистанционный формат обучения, связанная с современным состоянием социальной структуры общества. Авторы отмечают, что в сложившейся ситуации необходимо определить социальные процессы, определяющие отличия между онлайн-обучением и образовательными технологиями, применяемыми в условиях экстренного перехода вузов на дистанционное обучение в условиях пандемии.

Ключевые слова: дистанционный формат обучения, образовательные технологии, формы обучения, учебный процесс, индустрия туризма, принципы цифрового развития образования, компетенции преподавателя высшей школы, мировая Пандемия, цифровизация, глобализация.

Актуальность

В современных условиях фактически все социальные процессы определяют тенденция к глобализации, быстрая скорость изменений и развития технологий. Конкурентоспособность современного специалиста основана совершенно на новом качестве знаний и навыков. Следует отметить, что это относится и к формируемым в условиях образования компетенциям, что определяет в том числе и структуру рынка труда. В значительном количестве исследований показано, что ключевым результатом получения нового образования становится навык непрерывного самостоятельного обучения, развитое системное мышление и гибкость. Однако получение таких навыков невозможно без понимания их ценности, что в свою очередь формируется в результате системы социальных процессов.

Цель работы

Глобальный мир уже вступил в эпоху информационного общества, как отмечают эксперты. Цифровизация коснулась всех сфер жизни и деятельности, особенно сферы образования в период пандемии. Следует заметить, что начиная с 2005 года начался процесс цифровизации всей образовательной системы в России. Целью данной работы является анализ социальных процессов, сформировавшихся в условиях все большего распространения перехода на онлайн обучение в период пандемии, выявление недостатков онлайн-обучения, определение ближайших задач.

Материалы и методы исследования

При проведении исследования по анализу и оценке перехода на онлайн обучение в период пандемии были использованы методы системного подхода и анализа статистических показателей. Использована эмпирическая база: факты, данные, на основе которых проводи-

лись наблюдения; статистические данные Министерства образования и науки Российской Федерации, периодические издания, посвященные данной тематике; нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность системы образования и развитие туризма в Российской Федерации.

Результаты и их обсуждения

В 2005 году впервые президент В. Путин озвучил идею запуска процесса цифровизации российских школ. Вскоре, после этого заявления в России начался масштабный процесс реализации различных приоритетных национальных проектов, одним из которых стал национальный проект «Образование». Реализация проекта включала задачу высокотехнологичного развития российской образовательной системы, начиная со школы, которые внедряли инновационные образовательные программы и запускали процесс цифровизации. Национальный проект «Образование» на 2019–2024 годы включает задачу, связанную с цифровизацией образования: «Создание к 2024 году современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней».

С целью подготовки новых квалифицированных кадров необходимо модернизировать систему образования, привести образовательные программы в соответствие с требованиями цифровой экономики, внедрить цифровые инструменты и включить их в информационную среду, обеспечивая возможность студентам беспрепятственно обучаться в современных условиях. На решение этих проблем направлен национальный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [1], в рамках которого планировалось внедрение онлайн-обучения. Настоящим проектом было предусмотрено, что к концу 2025 года онлайн-обучение должны были пройти более 11 миллионов человек.

По мнению авторов, для востребованности на рынке труда, современный специалист должен проявлять адаптив-

ность и гибкость, быть готовым менять направление своей деятельности, постоянно приобретать новые компетенции.

Особым переломным моментом стал вызов пандемии, когда постепенно друг за другом все страны мира уходили на самоизоляцию и, как следствие, в онлайн обучение переводили школьников, студентов. О первом опыте России (опыт 25-ти дней) уже 17 апреля 2020 г. докладывала заведующий кафедрой Туризма и гостиничного дела РГУФКСМиТ Дусенко С.В. на заседании Учебно-методического объединения – группы управления проектами по направлениям подготовки кадров (далее УМО-ГУП «ТУРИЗМ») в Казахстане. В своем выступлении «Использование дистанционных образовательных технологий в обучении студентов туристского профиля в вузах России в условиях мировой эпидемиологической ситуации» было отмечено, что за короткий промежуток времени в России были приняты меры Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством просвещения Российской Федерации, которые позволили помочь организовать непрерывный учебный процесс в образовательных организациях России. Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством просвещения Российской Федерации в срочном порядке были разработаны, утверждены и внедрены в деятельность образовательных организаций Приказы, Методические рекомендации и большое количество инструкций.

На заседании УМО-ГУП «ТУРИЗМ» обсуждались вопросы перехода на дистанционное обучение, компетенции преподавателей и студентов, тренды электронного обучения, ближайшие задачи и перспективы. Участники заседания отмечали, что за несколько дней фокус использования форм обучения резко поменял свою траекторию. Преподаватели и учителя активно начали использовать **элементы геймификации** в обучении. **Персонализированное обучение** становится новым трендом, отме-

чали участники совещания, с дистанционным обучением есть возможность выстраивать индивидуальную траекторию обучения каждого. Отмечали переход на **Soft Skills**. Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации А. Белоусов: «тот, кто обладает soft skills, «застрахован» от перемен. Люди с критическим мышлением, развитым эмоциональным интеллектом, способностью самообучаться и выстраивать коммуникации станут желанными специалистами в компании с любой предметной областью. Важно включить в обучающие программы материалы, которые позволят сотрудникам прокачивать гибкие навыки».

По данным Минобрнауки около 80% российских университетов перешли полностью на дистанционный формат работы со студентами, а из подведомственных Министерству вузов – все 100% (из материалов Брифинга министра науки и высшего образования Российской Федерации В. Фалькова от 25 марта 2020 года). Такой переход на «дистант» – мера вынужденная и экстренная, не все университеты были готовы к этой кардинальной перестройке учебного процесса исходя из объективно разного уровня развитости информационной инфраструктуры, обеспеченности дисциплин электронными образовательными ресурсами и готовности преподавателей к использованию цифровых платформ и сервисов в образовательном процессе. Согласно результатам исследования ВШЭ, сами преподаватели вузов с ученой степенью на 3 балла оценивают свой уровень владения дистанционными технологиями. В этой связи наметились новые приоритетные направления развития высшего образования. Старые формы работы просто стали называть новыми словами, но к преподавателям стали предъявлять новые требования.

В то же время на Заседании рабочей группы по организации образовательной деятельности Минобрнауки 18 марта 2020 года министр науки и высшего образования В. Фальков заявил, что сегодня 60% вузов России

работают в штатном режиме, 27% испытывают периодически сбои. Следует отметить, что на тот момент все же отсутствовал единый подход, все ВУЗы работали методом «проб и ошибок» и все преподаватели были вынуждены работать самостоятельно, в срочном порядке повышать свою квалификацию и наращивать свои компетенции. Возможно, нужны были меры со стороны Министерств и ведомств более гибкого перехода на онлайн обучение и проведение подготовительных мероприятий.

В сложившейся ситуации было бы не обоснованным использование термина онлайн-обучение даже в отношении использования массовых открытых онлайн-курсов, поскольку экстренный перевод студентов на них в середине семестра без предварительных организационных мероприятий и должного сопровождения со стороны авторов онлайн-курсов не позволяет обучающимся в полной мере ощутить преимущества этой технологии. В связи с этим очень важно разобраться с понятиями и определить отличия между онлайн-обучением и образовательными технологиями, применяемыми в условиях экстренного перехода всех образовательных организаций на дистанционное обучение.

На кафедре Туризма и гостиничного дела РГУФКСМиТ были разработаны рекомендации по организации дистанционного занятия (лекция и семинарское занятие) в режиме вебинара.

Выводы

В целом оценивая результаты перехода на дистанционное обучение и активного использования дистанционного обучения можно сделать вывод: началась активная трансформация роли преподавателя в новую эпоху цифровизации. По мнению Шерил Нуссбаум-Бич, педагога, автора книг о методах обучения в цифровую эпоху: «Технологии никогда не заменят учителя. Но учитель, эффективно применяющий технологии для развития своих учеников, заменит того, кто ими не владеет».

Эффективность модернизации системы высшего образования зависит

от способности преподавателей вуза оперативно анализировать свои компетенции, выявить слабые места, умение наращивать актуальные востребованные навыки и умения. Современный преподаватель выступает скорее как проводник в мир актуальных знаний и под актуальными знаниями понимается личный опыт применения какой-либо информации на практике, анализ чужого опыта в данной сфере.

Компетенции преподавателя вуза – профессиональные, то есть ключевые, таким образом, меняется сущностная характеристика авторитетности преподавателя. С одной стороны, новому поколению, обучающихся в вузах важно, чтобы в них видели личности уже со сложившейся профессиональной позицией, с другой, необходимо сопровождение компетентного наставника или координатора, способного скорректировать образовательную траекторию обучающегося. Важен личный бренд преподавателя, формирующийся из нескольких взаимосвязанных компонентов:

- авторитет личности, индивидуальность, узнаваемый стиль;
- умение излагать мысли, высокая общая культура, эмпатия, терпеливость, психологическая устойчивость, инициативность;
- экспертность (высокий уровень компетенции и документальное подтверждение);
- уникальный практический опыт, отсутствие формализма в оценке;
- репутация, признание в профессиональном обществе, признание студентами;
- ценности педагогической деятельности;
- достижение и качество карьеры выпускников, награды;
- цифровое присутствие, присутствие в профессиональных сообществах и грамотно оформленный профиль в соцсетях.

В 2023-м году наиболее высокую потребность специалистов будут испытывать следующий профессиональный кластер: искусственный интеллект, ин-

жиниринг, облачные вычисления, продажи и маркетинг, экономика хозяйственной деятельности. И как вывод, с целью профессиональной подготовки туристских кадров в современных условиях определяются новые задачи:

- формирование образовательных программ за счёт внедрения новых технологий активного проектного проблемного обучения с целью формирования ключевых профессиональных и востребованных межотраслевых профессионально значимых компетенций студентов;
- организация учебного процесса университетов в сотрудничестве с работодателями, а также интегрированные образовательные программы в реальную производственную деятельность;
- подготовка профессорско-преподавательского состава нового качества;
- формирование лаборатории нового типа, обеспечивающей доступ к научному оборудованию для приобретения студентами реального опыта практической деятельности;
- разработка учебных планов в соответствии с запросами работодателей в целях формирования у обучающихся ключевых профессиональных компетенций;
- совершенствование научно-исследовательской образовательной инфраструктуры;
- интеграция в учебный процесс специального обучающего программного обеспечения, позволяющего студентам формировать собственную траекторию освоения материала и самим оценивать свои учебные достижения;
- интеграция форматов обучения, обеспечивающих формирование востребованных межотраслевых профессионально-значимых компетенций.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1836 «О государственной информационной

- системе «Современная цифровая образовательная среда» // ГАРАНТ.РУ информационно-правовой портал – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74822854/>
2. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 17.03.2020 № 104 «Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы начального общего, основного общего и среднего общего образования, образовательные программы среднего профессионального образования, соответствующего дополнительного профессионального образования и дополнительные общеобразовательные программы, в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории РФ» // ГАРАНТ.РУ информационно-правовой портал – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73679183/>
 3. В Минобрнауки оценили работу вузов в условиях дистанционного обучения / РИА НОВОСТИ – URL: <https://ria.ru/20200320/1568890741.html>
 4. Брифинг Валерия Фалькова в пресс-центре Правительства Российской Федерации – URL: <http://government.ru/news/39267/>

THE USE OF REMOTE TECHNOLOGIES DURING A PANDEMIC AS A SOCIAL PROCESS

Dusenko S.V., Rogacheva O.A.

University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (GTSOLIFK)

The article examines the social processes of transformation of the institute of education in the context of the increasingly widespread use of distance education technologies in the higher education system. It is shown that in relation to Russian education, there is a specificity that de-

termines the features of the use of technologies in educational institutions in Russia in the context of the transition to a distance learning format, associated with the current state of the social structure of society. The authors note that in the current situation it is necessary to determine the social processes that determine the differences between online learning and educational technologies used in the context of an emergency transition of universities to distance learning in a pandemic.

Keywords: distance learning format, educational technologies, forms of education, educational process, tourism industry, principles of digital development of education, competencies of a higher school teacher, world pandemic, digitalization, globalization.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1836 of November 16, 2020 “On the state information system “Modern digital educational environment” // GARANT.<url> information and legal portal – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74822854/>
2. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 104 dated 03/17/2020 “On the organization of educational activities in organizations implementing educational programs of primary general, basic general and secondary general education, educational programs of secondary vocational education, appropriate additional vocational education and additional general education programs, in the conditions of the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation” // GARANT.<url> information and legal portal – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73679183/>
3. The Ministry of Education and Science evaluated the work of universities in the conditions of distance learning / RIA NOVOSTI – URL: <https://ria.ru/20200320/1568890741.html>
4. Briefing by Valery Falkov at the press center of the Government of the Russian Federation – URL: <http://government.ru/news/39267/>

Социологическая теория человеческого капитала. Исходные понятия

Федоров Николай Юрьевич,

кандидат философских наук, доцент, Российский
государственный гуманитарный университет
E-mail: ninani@mail.ru

Для обоснования социологической трактовки человеческого капитала автор развивает положения, опубликованные ранее [1]. В статье показана трудовая деятельность работника как источник этого капитала, проведено различие между социальным и технико-организационным содержанием труда, при этом сохранено деятельное тождество этого содержания. Подчеркивается также различие между трудом и профессией, и вместе с тем утверждается их единство. В единстве труда и профессии труд приобретает содержательность, из которой вырастает человеческий капитал.

Социальное содержание труда понимается как выбор и упорядочение организационно-технологического содержания. Для измерения человеческого капитала использовано понятие и формула отрицательной энтропии. Социологические понятия, образующие человеческий капитал, сопровождаются методическими положениями и эмпирическими результатами. Тем самым исследование построено в виде логического движения от наблюдаемых работ к их сопоставлению и сравнению, к научным понятиям высокой абстракции, переходящим к понятиям менее абстрактным. Далее измеряются конкретные функции, в которых создается человеческий капитал.

Ключевые слова: человеческий капитал, выбор, профессия, упорядочение, знание.

1. Знание как всеобщий социально-трудовой эквивалент

Продолжая применять аналогию человеческого капитала с экономическим капиталом, поставим вопросы: что является социальным эквивалентом трудовой деятельности различного технико-организационного содержания и работников различной профессиональной специализации? Что является аналогом золота, денег – всеобщего экономического эквивалента, воплощающего в себе труд, товары, стоимость? Что есть всеобщий социально-трудовой эквивалент, который всегда можно «обменять» на любую операцию, приравнять к ней? Как он проявляется в трудовой деятельности людей?

Всеобщий социально-трудовой эквивалент – это знание. Оно представляет собой движение человеческой мысли в процессе труда, которое воплощено в трудовых движениях – в навыках и умениях рук и других частей тела, в умственном движении – в понимании и исполнении необходимых работ, в речевом общении в процессе труда и распоряжениях руководителей, в их материализации на бумаге и в компьютере и т.д. Сам труд есть движение знания [3].

Знание существует, как известно, в различных логических формах. Для целей данного исследования оно применяется в форме понятия. Будучи законченным, движение знания об объекте операции приобретает неизменную форму и предстает как информация – некоторое множество сведений об объекте, а каждое сведение – в виде предельно простых понятий, далее не расчлененных в процессе труда. Знание проявляется в информации, она получается из процесса движения знания в выполнении операций, и предстает аналогом денег, выросших из золота, товара и производительного труда. Исполнение операций – это работа

с информацией об объекте операции, с некоторым количеством предельно простых понятий, реализованных в действиях с этим объектом. Чем больше информации в каждой операции, тем она сложнее; чем больше разных операций образуют трудовую функцию работника, тем и она становится сложнее, тем более развитым становится работник.

Для примера приведем сведения о сложности операций некоторых рабочих. Наиболее сложные операции из числа исследованных автором – это операции наладчика автоматических линий – 6650 понятий, наладчика токарных автоматов и полуавтоматов – 3900 понятий, наладчика агрегатов – 3100 понятий, наладчика контрольно-измерительных приборов и автоматики – 2200 понятий. Значительно менее сложными являются операции оператора токарного полуавтомата – 210 понятий, токарей всех специальностей – 330 понятий, слесарь-инструментальщик – 180 понятий, слесарь механосборочных работ – 50–90 понятий. Операции весьма различной сложности присутствуют в труде большинства рабочих [2; с. 97].

Знания, понятия, информация отдельного работника, как и деньги, зависят не только от его индивидуального мышления – все это возникает из отношений с другими работниками и остается зависимой от их знаний и информации. Эта зависимость складывается аналогично тому, как золото приобретает значение всеобщего экономического эквивалента – лишь в тот момент, когда оно от покупателя переходит к продавцу товара. Информация передается от одного работника к другому в тот момент, когда он осваивает результат предшествующих операций, то есть информацию всех других предшествующих работников, и реализует свою информацию в своей операции исходя из того, что с предметом уже сделал другой и будут делать все последующие работники. Индивидуальному работнику требуются его собственные знания не только и не столько для самого себя, сколько для передачи дру-

гим участникам коллективного трудового процесса. И именно в этих отношениях осуществляется индивидуальное социальное развитие.

Информация и выполнение собственных операций индивидуальным работником во взаимосвязи с другими операциями и информацией других работников представляет собой содержание индивидуальной трудовой функции. Источником ее выполнения является вся совокупность знаний персонала и каждого его члена, и эта совокупность сконцентрирована в профессии, в профессиональных знаниях.

Между трудом и профессией, трудовым и профессиональным знанием имеется тесная взаимосвязь и вместе с тем существенное различие. Трудовое знание – это *единичное* знание *единичного* объекта *единичной* трудовой операции, профессия – это *обобщенное* знание *типов* объектов и *типов* операций. Профессиональное знание вырастает из конкретного труда, оно обобщено в конкретном труде и предметно развито учеными и практиками. Например, специализированный рабочий, профессионал – электрик по ремонту промышленного оборудования, должен знать, во-первых, то оборудование и инструменты, которые непосредственно включены в каждую отдельно взятую трудовую операцию; во-вторых, он должен знать так же и все виды оборудования, которые действуют на предприятии и на данном типе производства на других предприятиях. И эти обобщенные знания работник использует для того, чтобы получить единичные сведения, которые нужны для выполнения каждой единичной трудовой операции.

Другое отличие труда от профессии заключается в том, что труд, будучи функцией работника, складывается из повторяющихся операций. Повторяемость присуща труду, но не профессии. Профессия наполняет свое содержание знаниями различных операций, обобщая их разнообразие, и для профессии достаточно однократного выполнения каждой операции. Профессия – это

основание развития личности, высокая же повторяемость одной и той же операции получила название монотонности, с некоторого рубежа своего выполнения оказывающей отрицательное влияние на развитие личности.

Повторяемость (монотонность) каждой из операций (в месяц) колеблется у исследованных нами рабочих в широком диапазоне – от 50 раз и ниже у всех рабочих до 3840–4320 у наладчиков агрегатов, автоматических линий, прядильщиков [2; с. 97].

Подсчет сложности профессии аналогичен подсчету сложности труда. Профессиональные знания представлены в стандартных учебных пособиях по обучению на курсах подготовки работников, в учебных заведениях начального, среднего и высшего профессионального образования. Для подсчета следует:

- 1) подсчитать количество предельно простых предметов, которые представлены в учебных пособиях по профессии обучения;
- 2) составить стандартный перечень характеристик этих предметов, которые представлены в учебных пособиях по профессии обучения (тот же, что и для объекта трудовой операции);
- 3) подсчитать количество понятий, включенных в каждую характеристику;
- 4) умножить количество полученных понятий на количество предельно простых предметов;
- 5) подсчитать количество теоретических понятий в их предельно простых составляющих понятиях, которые представлены в учебных пособиях по профессии обучения;
- 6) суммировать результат п. 4) и п. 5), что и является сложностью профессии.

Величина сложности профессии является наиболее значительной у слесаря контрольно-измерительных приборов и автоматики с начальным профессионально-техническим образованием – 196 тыс. понятий и 58,6 тыс. понятий – с подготовкой

на производственно-технических курсах предприятия; несколько меньшей она является у наладчиков разных специальностей и электромонтеров, соответственно, – от 68,6 до 140 тысяч и от 17,4 до 36,8 тысяч понятий. Наименее сложны профессии токарей-операционников с наладкой и без наладки – 26,6 и 5,3 тысяч понятий, полировщиков и доводчиков – 17,4–22,4 и 4,5–8,7 тысяч понятий [2; с. 100].

Таким образом, знание, как всеобщий социально-трудовой эквивалент, представленное в виде количества предельно простых понятий, то есть единиц информации, позволяет сравнить и измерить сложность труда и профессий разного предметного содержания.

2. Функционально-трудовая деятельность работника и ее ограниченность

Трудовая функция – это собственно трудовой процесс, предметный процесс социальной деятельности работника, тождественный и аналогичный в своей логике производительному (производящему товар) труду. С одной стороны, он детерминирован средствами труда, организацией производства и управления, то есть предметным, или технико-организационным, содержанием. Тогда труд предстает в своей предметной форме, в физических и речевых – организационных и технологических – действиях работников, в действиях по изготовлению продукта труда, инженерных и управленческих решениях и пр.

С другой стороны, тот же труд, как трудовая функция работника, детерминирована его способностями и способностями всего персонала, теми действиями, которые и тот, и другой совершают согласно своей цели и своим разнообразным способностям. Трудовая функция непосредственно зависит от информации работника, реализованной в умениях и навыках, и информации, которой обладает персонал, и которая сконцентрирована в профессии индивидуального работника. В этом – социальном – содержании труда заключается действительный источник

трудового процесса, лишь внешне детерминированный организационно-технологическим содержанием: труд начинается с профессии человека, как его способности к труду, из него вырастает трудовая функция, как деятельная реализация этой способности в виде совокупности операциональных действий, в каждое из которых включен объект в соответствии с использованным в операции специфическим знанием работника.

Понимание социального содержания труда позволяет раскрыть коренное противоречие труда – между предметом и человеком, между технико-организационной и социальной детерминацией труда. Тем не менее, субъект труда, работник остается в полной мере детерминированным предметным содержанием труда – что требует технологический процесс и организация производства и управления, то и должны выполнять все работники. Все знания, навыки, способности по своему содержанию остаются предметными, непосредственно обусловленными вещным, управленческим и пр. содержанием производства и его организации, а работник остается детерминирован требованиями технологического процесса, организационными нормами и решениями руководства, он пока еще не стал субъектом функционально-трудового процесса – субъектом социальной деятельности.

3. Функционально-трудова деятельность работника и ее содержательность

В чем же выражен субъект труда? Это целенаправленный выбор и упорядочение объективно заданного технологического и организационно-управленческого процесса. Из всей работы персонала индивидуальный работник выбирает требующиеся ему объекты труда и действует с ними в соответствии с собственной целью. Знания работника, его цели и вместе с тем влияние организации и технологии на труд сосредоточены в субъективном выборе объективно заданных условий – в выборе

трудова операция, для которой нужны знания, следовательно, в выборе знаний, информации для выполнения трудовой операции. Этот выбор делается из организационно-технологического движения, которое является пока еще беспорядочным для данного исполнителя. Своим выбором работник упорядочивает объективно заданное ему движение объектов его труда: они изменятся и перейдут к дальнейшему применению так, как это сделает данный работник на своем рабочем месте. Именно каждый работник – субъект труда – в единстве своих отношений с персоналом – вносит порядок в производственное движение, именно он воспроизводит технологический и управленческий процесс в соответствии со своими целями, именно он снижает и прекращает заданную ему неопределенность движения различных технологических частей и управленческих решений, из которого на его рабочем месте состоит труд.

В чем заключается содержание выбора?

Работник выбирает предметы, которые он включает в свою трудовую функцию, в объект своего труда. Конечно, они ему заданы технологией и организацией производства и управления. Но работник – это субъект, это самостоятельное начало труда. И из всего того, что есть в организации, он выбирает – выбирает профессию и специальность, рабочее место с его техническим и информационным содержанием, выбирает части, образующие объекты различных трудовых операций в соответствии со своими профессиональными целями и регулирует свой процесс труда. Технологическая и организационная детерминация труда создает возможности, которые использует работник для своего выбора, и благодаря выбору он становится субъектом трудовой деятельности. И чем сложнее этот выбор, тем более содержателен труд, тем более содержательна каждая трудовая операция и трудовая функция в целом.

Выполнение выбранной операции, в котором упорядочивается ранее неопределенное движение предметов, вы-

бранной в соответствии с профессиональным знанием и целью, – это социальное содержание труда. Выбор и упорядочение проводят водораздел социального содержания труда с его предметным содержанием. И чем сложнее этот выбор и выше достигнутая упорядоченность, тем более развит работник, тем более содержателен труд. Из содержательности труда и вырастает человеческий капитал – самовозрастающее знание.

В чем источник выбранного знания? То есть откуда выбирает работник знания для выполнения своего труда? – Из всего того, что есть во всей организации с ее общей взаимосвязью рабочих мест. Более того, в условиях тесной технологической и экономической взаимозависимости предприятий (организаций) взаимосвязь рабочих мест является всеобщей, и как раз в этих условиях совершается выбор.

Однако, практически выбрать объекты своих операций из общей (и всеобщей) связи невозможно, как практически невозможно знать все эти операции. Нужные же операции индивидуальный работник выбирает из профессии, из профессиональных знаний, обобщенных в коллективном и всеобщем процессе труда, из информации, содержащейся в профессии. Использование профессиональной информации в выполнении каждой трудовой операции представляет собой выбор профессиональной информации из профессиональной. Сам трудовой процесс – это реализация выбранной информации для операции из информации, образующей профессию. И чем большим количеством профессиональной информации обладает работник, тем в большей степени он получает возможность выбрать информацию и выполнить большее количество различных операций. Причем, чем чаще повторяется каждая операция, тем проще ее выбор, и тем в меньшей степени она нуждается в упорядочении.

Эмпирически выбор представляет собой вероятность того или иного события. Чем больше информации об объекте операции необходимо иметь работ-

нику, тем она сложнее. Вместе с тем, чем больше информации содержит профессия, то есть чем она сложнее, тем труднее «найти» и выбрать информацию для выполнения операции.

Представим выбор информации для трудовой операции как вероятность этой информации, а выбор трудовой операции – как вероятность ее выбора и запишем следующим образом:

$$p_i = \frac{i}{U}; \quad p_m = \frac{m_j}{M}$$

i – количество понятий об объекте операции, т.е. сложность операции;
 U – количество профессиональных понятий, т.е. сложность профессии;
 p_i – вероятность выбора понятий об объекте операции;
 m_j – частота повторения трудовой операции, включающей определенные понятия;
 M – частота повторения трудовой функции
 p_m – вероятность выбора операции

При этом сложность трудовой функции “ I ” и повторяемость трудовой функции “ M ” представляют собой соответствующие суммы:

$$I = \sum i; \quad M = \sum m$$

Наиболее сложными являются трудовые функции наладчиков всех специальностей и слесаря КИПиА, а также токаря-универсала – от 4300 до 6500 понятий, наименее сложными – у ткачей, прядильщиков, кузнецов, доводчиков – от 170 до 210 понятий. Наименее сложна трудовая функция полировщика – 70 и транспортников – 30 понятий [2; с. 100].

Для того, чтобы выразить упорядочение выбранных операций в единстве их повторяемости и информации, используем формулу отрицательной энтропии:

$$H = - \sum p \times \lg p$$

Тогда мера упорядоченности информации в выполнении операции H_i представлена в следующем виде:

$$H_i = - \sum p_i \times \lg p_i$$

Также представлена и мера упорядоченности выполнения повторяющихся трудовых операций H_m :

$$H_m = -\sum p_m \times \lg p_m$$

Содержательность трудовой функции, как упорядоченность движения информации и трудовых операций, выражена следующим образом:

f – содержательность трудовой функции работника

$$f = \frac{H_i}{H_m}$$

Содержательность трудовой функции измеряется количеством понятий в операции – i/m . Наименее содержательными являются трудовые функции доводчика – 0,3 i/m с производственно-техническими курсами; токаря-операционника, не выполняющего наладку станка, – соответственно, 0,3 i/m и 2,6 i/m , притом, что содержательность труда токаря-операционника с наладкой составляет, соответственно, 12,4 i/m и 40,1 i/m . Малосодержателен и труд слесаря механосборочных работ – 0,04 i/m и 0,1 i/m .

В противоположность этим рабочим, высокосодежательным является труд наладчика автоматических линий – 74,5 i/m с профессионально-техническим образованием и 300,9 i/m с производственно-техническими курсами предприятия, наладчика агрегатов – 74,8 i/m и 458,6 i/m , соответственно, слесаря КИПиА – 3,6 i/m и 8,9 i/m .

Надо отметить, что в большинстве случаев труд рабочих с профессионально-техническим образованием является менее содержательным, чем тот же труд рабочих с подготовкой на профессионально-технических курсах. Это вполне укладывается в логику социального развития личности и персонала: чем более высок уровень образования, тем выше потребность в содержательном труде, и один и тот же труд оказывает меньшее влияние на социальное развитие личности более образованного рабочего, чем влияние на менее образованного.

В содержательности функционально-трудовой деятельности должен быть выражен человеческий капитал, то есть та новая информация, которую вновь

и вновь осваивает работник, осуществляя тем самым свое развитие. Выбор каждой операции и ее упорядоченное выполнение, являясь исключительно деятельностью работника, еще не означает *рост* его знаний, не делает его знание капиталом, то есть – процессом самовозрастания знания и саморазвития личности. И содержательность функционально-трудовой деятельности еще не предстает капиталом, не подобна экономическому капиталу, самовозрастающему за счет прибавочной стоимости, произведенной и вновь вложенной в капитал. Источник постоянного роста человеческого капитала еще не найден.

4. Человеческий капитал как самовозрастающее знание

Человеческий капитал должен иметь источник самовозрастания, но пока его нет, так как:

- прирост информации не происходит за счет выполнения повседневных операций, ибо все они уже освоены, их знание уже присутствует в трудовой функции – совокупности всех выполняемых операций;
- прирост информации не происходит так же и в том случае, если для работника это неповседневные операции, которые ранее он не выполнял, – ведь все то, что он должен выполнять, уже заложено в его профессии;
- если же это совершенно новые операции, знание которых пока еще не включено в профессию, то операции должны быть отражены в новых профессиональных знаниях, в новой профессии. И тогда выбор новых знаний происходит таким же образом, как и старых, но только из другой профессии; старые же профессиональные знания не функционируют в трудовой функции, количество информации не растет, лишь старая заменяется на новую, а старые отмирают.

Прирост знания, самовозрастание знания (информации), саморазвитие работника происходит за счет творче-

ского труда – создания нового знания, нового и для операции, и для профессии, ранее отсутствовавшего и в той, и в другой. Новое знание возникает в виде новой взаимосвязи между прежними операциями и их объектами, и тогда прежняя операция за счет этой взаимосвязи выполняется с подключением новых знаний. Тем самым каждая операция приобретает новое содержание, обновляется независимо от профессии, имея своим источником множество других работ, выполняемых персоналом и работниками взаимодействующих с ним организаций, и несущихся в этих работах знаний. Именно из разных взаимодействующих операций разных функций разных работников выходит новое знание, опираясь на старые операции.

Это новое знание усложняет операцию, и она исполняется вне рамок прежнего профессионального знания. То есть новое знание используется в операции, не будучи выбранным из профессии. Новое операциональное знание образуется с тем, чтобы реализоваться, прежде всего, в росте его сложности. И только после такого исполнения новое знание включается в профессию в виде обобщенного знания. Приток нового операционального знания влечет рост сложности сначала трудовых операций, следовательно, рост вероятности ее выбора, затем – содержательности этой операции и соответствующей трудовой функции. Именно этот рост означает самовозрастание человеческого капитала. И лишь после повторения обновленной операции ее знание включается в профессию, то есть растет профессиональная информация. Последующий же выбор информации из обновленной профессии делает операции и трудовую функцию такими же повторяемыми, как прежде других операций.

Продолжая изложенные выше методические построения, выразим творческий труд и рост человеческого капитала следующим образом.

Вероятность выбора информации для первой творческой операции p_1^1

из профессиональной информации “U” определяется знанием первой операции “ i^1 ” и некоторым приращением знания к ней “ Δi^1 ” за счет взаимодействия с другими операциями этого же и/или других работников. При этом первая операция m_1^1 повторяется один и более раз, а приращение новой информации $m\Delta_1^1$ происходит один раз.

$$p_i^1 = \frac{i^1}{U} + \Delta i^1;$$

при $1 \leq m^1 \leq \infty$;

при $m_{\Delta_1^1} = 1$.

При выполнении следующей творческой операции вероятность p_i^2 выбора информации определяется не только информацией i^2 и не только сложностью профессии “U”, а суммой этой сложности и прироста новой информации от первой операции $U + \Delta i^1$, то есть новой обобщенной информации, полученной из выполнения первой творческой операции и включенной в профессиональную информацию, используемую для второй операции.

$$p_i^2 = \frac{i^2}{U + \Delta i^1} + \Delta i^2;$$

при $1 \leq m^2 \leq \infty$;

при $m_{\Delta_1^2} = 1$

При выполнении третьей творческой операции весь процесс повторяется: информация “ i^3 ” выбирается из профессии, включающей, наряду с прежним приростом “ Δi^1 ”, так же и прирост нового знания “ Δi^2 ”.

$$p_i^3 = \frac{i^3}{U + \Delta i^2} + \Delta i^3;$$

при $1 \leq m_3 \leq \infty$

при $m_{\Delta_1^3} = 1$

И так далее: при выполнении каждой последующей творческой операции “ i^n ” к ней прирастает новая информация “ Δi^n ”, а к профессиональной информации прирастает обобщение предыдущей творческой операции.

$$p_i^n = \frac{i^n}{U + \Delta i^{n-1}} + \Delta i^n;$$

при $1 \leq m_n \leq \infty$;
при $m_{\Delta}^n = 1$

Содержательность трудовой функции, включающей прирост знания в выполнении творческих операций, переходящего в профессию, отражает человеческий капитал, как самовозрастающее знание в процессе труда, и представлено следующим образом:

$$H_i = - \sum p_i^n \times \lg p_i^n$$

$$H_m = - \sum p_m^n \times \lg p_m^n$$

$$f = \frac{H_i}{H_m}$$

при сложности трудовой функции "I"

$$I = i_1 + \Delta i_1 + i_2 + \Delta i_2 + i_3 + \Delta i_3 + \dots + i_n + \Delta i_{n+1} = \sum i_n + \sum \Delta i_n$$

и повторяемости трудовой функции "M"

$$M = \sum m_n$$

в том числе повторяемость творческих операций равна единице.

Эмпирический подсчет сложности и содержательности творческих операций, то есть человеческого капитала, является достаточно сложным процессом, над которым автор продолжает работать.

Заключение

Теоретическая социологическая постановка исследуемой категории – как проблемы человека – переводит эту категорию в русло деятельных социальных отношений между работниками; именно в них осуществляется труд как собственно социальный процесс и источник человеческого капитала. Исследование логики человеческого капитала по аналогии с логикой капитала в теории К. Маркса [1] позволяет представить его как систему понятий, отражающих развитие человека в процессе коллективного труда, в единстве социально-трудовых отношений индивидуального работника и персонала. Здесь труд выступает как движение знания – всеобщего социально-трудового эквивалента, проявляющегося в виде множества предельно простых понятий, или информации, сосредоточенной в профессии и применяемой в трудовой

функции. Благодаря всеобщему эквиваленту сопоставляется и измеряется предметно различный труд. Интерпретация же процесса труда, как выбора трудовой операции из профессии, обеспечивает понимание социальной детерминации труда (в отличие от его организационно-технологической детерминации): повторяясь в трудовых операциях, единичная информация включается в них благодаря своему выбору из профессиональной, то есть обобщенной, информации. Выбор позволяет работнику упорядочить организацию и технологическое движение и делает его труд содержательным. Здесь же и возникает человеческий капитал в форме самовозрастающего знания в творческом труде.

Литература

1. Маркс К. Капитал. 1967. Критика политической экономии. Том первый. Книга 1: процесс производства капитала. – Москва. – 907 с.
2. Федоров Н.Ю. 2002. К социологической теории труда. Философский взгляд на повседневную работу // Философские исследования – Москва – С. 83–106; URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view>
3. Федоров Н.Ю. 2014. Труд как движение знания: методологические положения, методика и результаты исследования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 10 (69) октябрь. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-kak-dvizhenie-znaniya-metodologicheskie-polozheniya-metodika-i-rezultaty-issledovaniya>

THE SOCIOLOGICAL THEORY OF HUMAN CAPITAL. THE INITIAL CONCEPTS SOCIOLOGICAL THEORY OF HUMAN CAPITAL. INITIAL CONCEPTS

Fedorov N. Yu.

Russian state University for the Humanities

To substantiate the sociological interpretation of human capital, the author develops the provisions published earlier [2]. The article considers the labor activity of an employee as a source

of human capital, a distinction was performed between the social and technical- organizational content of labor. At the same time, the active identity of this content is preserved. Also the distinction between work and profession is emphasized, and their unity is affirmed. In the unity of labor and profession, labor acquires content, from which human capital grows.

The social content of labor is understood as the choice and ordering of organizational- technological content. The concept and formula of negative entropy are applied to measure human capital. The sociological concepts that form human capital are accompanied by methodological provisions and by empirical results. Thus, the study was constructed in the form of a logical movement from different observed works to their comparison and comparison, to scientific concepts of high abstraction, passing to concepts less abstract. Next, the concrete functions in which human capital is created are measured.

Keywords. human capital, worker, choice of operation, profession, ordering, knowledge, information.

References

1. Marx K. Capital. 1967. Criticism of political economy. Volume one. Book 1: The process of capital production. – Moscow – 907 p.
2. Fedorov N. Yu. 2002. Toward a sociological theory of labor. Philosophical view of everyday work // Philosophical research – Moscow – P. 83–106. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view>
3. Fedorov N. Yu. 2014. Labor as a movement of knowledge: methodological provisions, methodology and research results // Actual problems of the humanities and natural sciences. No. 10 (69) October. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-kak-dvizhenie-znaniya-metodologicheskie-polozheniya-metodika-i-rezultaty-issledovaniya>

Иррациональные основы суицидального поведения молодежи

Ардашев Роман Георгиевич,
кандидат юридических наук, Сибирский
юридический институт МВД России
E-mail: ardachev.rg@bk.ru

В статье раскрываются иррациональные основы суицидального поведения в молодежной среде. Выявляются основные закономерности, социальные предпосылки и личностные условия, способствующие развитию суицидального поведения молодых людей. На основе собственного эмпирического исследования, построенного на соединении количественных и качественных методов, выявляются основные мотивы суицидального поведения и основные стратегии и формы его профилактики.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение, молодежь, иррациональность, субъективность, сознание, мышление, поведение.

Самоубийства в молодежной среде – это второй по количеству фактор смертности. Суицидальное поведение молодежи – это различные формы активности, которые подталкивают человека уйти из жизни, а также позволяют уйти от личностного кризиса. Когда человек теряет смыслы жизни, не видит варианты выхода из сложных жизненных ситуаций – суицидальное поведение позволяет либо привлечь к себе внимание других (а вместе с тем и помочь им), либо решить вопрос по устранению социальных и психологических проблем кардинальным способом.

Суицидальное поведение выступает фактором социального самочувствия конкретной социальной группы, показателем уровня психологического благополучия и социальной удовлетворенности в своем настоящем и будущем. Изучение этого социального явления способствует более лучшему и детальному пониманию процессов социального воспроизводства общественного развития.

Вопросами суицидального поведения занимались представители различных наук и видели основы и мотивы суицидального поведения в разных факторах. В работах автора [1] и Н.Н. Китаева [2], К.В. Корсакова [10] рассматриваются правовые и криминальные вопросы суицида, в аспектах социологии права в исследовании В.И. Жукова [8].

Суицид как современную характеристику и проблему, и деструкцию общества рассматривают в трудах Х.И. Бердниковой, О.В. Шумиловой и Е.Э. Юшковой [4], Ю.В. Буровой и Л.Ф. Айзятовой [6], как проблему семьи и семейных отношений О.А. Полюшкевич [13,14].

Суицид как личностно-психологический фактор анализируется в работах Е.В. Борисоник [5], как экзистенциальный выбор П.Ю. Горяевой [7] и С.Ж. Рыспаевой [15], влияние пандемии и роста суицида раскрывает-

ся в исследовании Е.Б. Любова, Зотова П.Б. и Б.С. Положего [11]. Медицинские аспекты суицида анализируются в работе П.В. Барышевой, А.Ю. Чураковой и Д.Д. Николаевой [3].

Вопросы молодежного суицида затронуты в исследованиях Е.Г. Камалян и Е.А. Кудрявцевой [9], А.В. Мартыненко [12], Р.М. Садыкова и Н.Л. Большаковой [16], в исследованиях К.С. Соловьевой [17] и С.В. Хашаевой, Ю.Н. Гриневич и И.С. Заводяна [20] рассмотрены вопросы подросткового суицида.

В работе В.С. Тибиркина и Г.М. Шигабетдиновой [18] рассматриваются вопросы суицида и суицидального поведения в социальных сетях, в исследовании Л.С. Усмановой [19] рассматриваются мемы, подталкивающие к суициду.

Таким образом, суицидальное поведение как социальное явление выступает точкой пересечения для различных наук: социологии, психологии, медицины, права, философии и т.д. Это позволяет говорить о необходимости комплексного подхода к изучению данного явления. Особенно это актуально при изучении суицидального поведения в молодежной среде.

Особенности исследования

Причинами современных суицидов и суицидального поведения все чаще выступают социально-психологические условия, которые негативно влияют на адаптацию в меняющихся условиях, регулярных психотравмирующих процессов. Нами использовалась комплексная методология структурно-функционального анализа социальных процессов и индивидуально-личностного подхода анализа личностных представлений о суициде.

Для этого мы опросили 650 молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет, 55% мужчин и 45% женщин. Все они проживают в разных регионах РФ (опрос проводился онлайн на платформе www.google.com). Обработка данных проводилась через программу Statistic.

Второй этап исследования состоял в экспертном интервью с теми, кто работает с молодыми людьми с суицидальным поведением или когда-либо

имевших попытку суицида – психологи, психотерапевты, психиатры (18 человек, в возрасте от 30 до 60 лет имеющих практику работу с подобной тематикой от 5 до 35 лет).

Также нами применялся контент-анализ статей и публикаций в социальных сетях, посвященных суицидам и способствующих суицидальному поведению. Материалы социальных сетей отбирались по принципу представленности в тематических сообществах, а также публикаций на личных страницах, указывающих на склонность к суициду. Всего было проанализировано 1620 персональных социальных страниц. Обработка проводилась через программу AskNET, благодаря которой мы смогли провести сравнительный семантический анализ публикаций.

Анализ результатов исследования

74% опрошенных молодых людей сталкивались с теми, кто когда-либо пытался совершить суицид или же они сами пытались его совершить (21%). Для большей части молодых людей – это люди из их близкого круга, те, кого они знали не один год. И только для 19% попытка суицида со стороны знакомых стала полной неожиданностью, 49% подозревали, но не думали, что они могут решиться, 32% были уверены в том, что рано или поздно попытка суицида совершится. Иными словами, для большей части респондентов – суицидальное поведение среди знакомых молодых людей было очевидным фактом, для реализации которого потребовалось только время.

Причинами суицидального поведения молодежи, опрошенные нами респонденты в большинстве своем называют иррациональные условия частично объективных условий (социально-экономические сложности), но в значительной мере – субъективные психологические причины переживания тех или иных личных переживаний, ощущений, с которыми не могут самостоятельно справиться молодые люди. Поэтому им нужна помощь со стороны.

Более того, когда мы обратились к экспертам, работающим с молодыми

людьми, склонными к суицидальному поведению, то получили схожие результаты, которые позволили более глубоко и развернуто раскрыть существующие сложности и проблемы в профилактике суицидального поведения среди молодежи.

1. Наиболее распространенной причиной молодые люди называли детско-родительские конфликты в семье (33%).

Чаще всего, эти конфликты строятся на недопонимании, нежелании идти на диалог как со стороны родителей, так и в отсутствие искренности со стороны детей (39%). На втором месте, тотальный контроль родителей связанных с их собственными страхами и представлениями о том, что лучше, который приводит к игнорированию. Желаний детей (32%). Третье место связано с уровнем самооценки молодого человека (29%). Заниженная самооценка приводит к тому, что окружающие начинают унижать и помыкать им, не справившись с внешним давлением – молодой человек решается на суицид. Завышенная самооценка – усиливает эгоистические мотивы и молодого человека накрывает чувство одиночества и безысходности, что также приводит к суицидальным попыткам, как способу привлечения внимания к себе.

Конфликты в семье – это основная точка для того, чтобы у молодых людей стали появляться мысли о суициде. Причем, это не разовые конфликты, а как правило затяжные, длящиеся не один год и имеющие форму физического или психологического насилия, иногда и сексуального. (Т.О., психиатр, 48 лет).

Семейные конфликты на уровне подчинения, тотального контроля могут сформировать суицидальное поведение. Пока психика не окрепла, достаточно легко подавить волю, но это не значит, что нет осознания неправильности происходящего, но в силу разных причин одним из возможных выходов из данной ситуации молодые люди чаще видят суицид, а не желание обратиться за помощью к специалистам, в одних случаях это происходит

из-за незнания об этом, в других – из-за страха и запугивания со стороны членов семьи. (Т.А., психотерапевт 57 лет).

2. На втором по распространенности месте выступает безответная любовь, которая сопровождается сильными эмоциональными всплесками, переживаниями (22%). Причем в этой группе доминируют девушки – 68% и юношей 32%. Безответная любовь как форма проявления себя для трети молодых людей выступает мотивом для творческой реализации, но для большей части – поводом для суицида, так как пересекается с заниженной самооценкой и не позволяет молодому человеку понять, что многие переживания временны и вскоре пройдут.

Любовь – смысл жизни для многих и конечно же для молодых людей. Но неразделенная любовь – это фактор, который для неокрепшей психики может стать разрушающим. Невозможность быть с объектом своих воздыханий разделяет жизнь молодого человека на радикальные полюса – либо с ним / с ней, либо никак и это приводит к попытке суицида. Тут депрессия, зависимость и иные со зависимые отношения, строящиеся на иррациональных привязках, определяют мотивы поведения, что приводит к негативным последствиям. (О.П., психолог 41 год).

Безответная любовь – сродни мании, она не дает свободу волю и выбора двум людям, она строится на подавлении одного человека другим. Особенно, это касается такой безответной любви, которая становится причиной суицидального поведения. Такая любовь ослепляет, уводит от рационального, объективного восприятия реальности, и позволяет опираться только на иррациональные, природные инстинкты обладания. (Н.Г., психиатр, 500 лет).

3. На третьем месте выступают конфликты на учебе или работе (19%). Они связаны со сложными взаимоотношениями с начальством (учителями), где молодые люди чаще выступают как наиболее очевидные объекты для унижения. Как правило, окружающие видят несправедливость претен-

зий, неправильность конфликтных ситуаций, но не вмешиваются в ситуацию и для молодого человека это выступает поводом для развития суицидального поведения.

Конфликты в учебных группах, травля одноклассниками или однокурсниками, для молодых людей становится триггером для суицида. Качество жизни измеряется тем, насколько тебя принимают в той среде, в которой ты находишься. Быть одиночкой, которого все понукают может не каждый, особенно если присутствуют физические наказания в виде избиений, чаще групповых и психологическое давление в виде оскорблений вербальных. Тут и уверенному в себе человеку сложно противостоять, что уж говорить о молодом человеке, который не верит в себя, не верит себе и видит только угрозы от внешней среды. (Т.Т., психотерапевт, 38 лет).

Конфликты в коллективе, которые строятся на демонстративном игнорировании или травле создают неблагоприятные условия для личности человека, что в будущем может привести к попытке суицида. Особенно, если нет возможности уйти из этого коллектива, противопоставить что-то в свою защиту. (Г.Н., психолог, 33 года).

4. На четвертом месте – психологические расстройства, вызванные депрессией или психологическими травмами (14%). Достаточно распространенная причина суицидального поведения, когда молодой человек не справляется с внешними или внутренними переживаниями и это приводит к внутренним конфликтам, апатии и депрессии. Но наличие такого мотива для суицида является для опрошенных их личной оценкой, а не официальным диагнозом. Поэтому, стороннее наблюдение указывает на изменение в поведении молодых людей, склонных к суициду, что замечают окружающие, называя это поведение или состояние – депрессивным.

Депрессия – это один из самых распространенных мотивов суицидального поведения. По статистике у каждого второго человека, кто совершил

попытку суицида наблюдалась та или иная форма депрессии. Поэтому, чтобы противостоять суицидам, следуют отслеживать депрессивные состояния молодых людей. (Н.Н., психотерапевт, 54 года).

Психологические травмы, полученные молодыми людьми в детстве или юности, которые носили стрессовый характер, могли касаться насилия или каких-то событий свидетелями или участниками которых они некогда были могут служить основой для депрессий и при развитии, приводит к суицидальному поведению. (Е.К., психиатр, 40 лет).

5. На пятом месте – социально-экономические трудности (отсутствие работы, нехватка денег, нетипичное поведение в той среде, где находится молодой человек), т.е. все то, что указывает на сложности социальной адаптации в тех условиях, где проходила его социализация (10%).

Суицид в следствие экономических проблем – следствие того, что человек не обрел в процессе социализации устойчивые внутренние личностные опоры. Это форма проявления социально-психологической слабости, социальной неуверенности и психологической подавленности. Неспособность противостоять внешнему давлению, потеря оптимизма и уверенности в том, что со всем справится – является сигналом к развитию суицидального поведения. (А.А., психолог, 35 лет).

Нехватка денег, денежные кредиты, сложности в процессе социализации создают условия для активизации суицидального поведения. Это социально-экономическое внешнее давление меняет условия внешней адекватной оценки себя самого и тех процессов, в которые погружен человек. Суицид в результате финансовых сложностей указывает на психологическую слабость, не готовность противостоять обстоятельствам. (И.А., психиатр, 44 года).

6. На шестом месте – психические заболевания, генетические мутации (2%), то есть то, что молодым людям

досталось «по наследству». По мнению респондентов, у небольшой части их знакомых, их родственники страдали суицидальным поведением или имели психические расстройства, которые могли привести к суицидальному поведению.

Суицидальное поведение может быть симптомом генетических заболеваний, поэтому важно собрать анамнез, информацию о родственниках – сразу будут понятны причины и возможные последствия тех или иных действий молодых людей пытающихся совершить суицид. (О.Е., психиатр, 36 лет).

Роль генетического фактора в развитии суицидального поведения не подлежит сомнению. Если родители или другие родственники имели реализованные попытки суицида, то в 99% случаев дети могут унаследовать эти черты и в сложных ситуациях – реализовать. Поэтому, мониторинг всех тех, кто был на учете у психиатра в связи с суицидами должен касаться не только их самих, но и их потомков. Это, конечно, затратно, но необходимо, чтобы спасти жизнь. (Т.И., психиатр, 50 лет).

Выделенные факторы выступают внешними причинами суицидов, то, что могли видеть и наблюдать окружающие и наблюдающие за теми, кто совершил суицид. Иными словами, занимаясь профилактикой и анализом данных явлений можно существенно снизить уровень суицидов в молодежной среде.

Рассматривая личные страницы в социальных сетях, где находится информация о суициде или подталкивающая посетителей данных страниц к этому действию (через использование мемов, вовлечения в группу, через участие в общих акциях, флеш-мобах и т.д.) можно сказать, что открытой агитации достаточно мало (т.к. она блокируется модераторами социальных сетей в соответствии с законодательством РФ), но вот косвенных моментов, которые не явно подводят к суицидальному поведению достаточно много. Молодой человек с некрепшей психикой или находящийся в сложной жизненной, личной ситуации не всегда может

противостоять внешнему социальному давлению. В таблице 1 представлены данные о скрытых инструментах манипулирования, направленных на усиление суицидального поведения среди молодежи.

Таблица 1. Анализ публикаций в социальных сетях, которые прямо или косвенно подводят молодых людей к суицидальному поведению

Характеристика публикаций	Процент
Романтизация суицида и суицидального поведения	29%
Идентичность, солидарность сообщества, где доказательством членства выступает поведение к суициду кого-то или себя	26%
Юмор, ирония (в т.ч. мемы)	22%
Псевдо научное / псевдо религиозное обоснование	16%
Иные публикации	7%

Романтизация суицидального поведения как инструмент управления отдельной личностью или социальной группой наиболее распространены и часто связаны между собой. Юмор и ирония, зачастую подкрепляются псевдо научными или религиозными сообщениями, публикациями, что усиливает воздействие на сознание молодежи. Эти процессы обладают иррациональным началом для объяснения и интерпретации мировоззрения и смыслов поведения для молодых людей, могут стать основанием для подмены смысловых ориентаций, где суицидальному поведению отводится основная веха.

В таблице 2 представлен семантический анализ публикаций в социальных сетях, подталкивающих к суицидальному поведению пользователей.

Таблица 2 показывает ключевые лексемы, отражающие смыслы, подталкивающие пользователей социальных сетей к суицидальному поведению. Они опираются на проблемные зоны смысла жизни среди молодежи (связанные с семьей, личными переживаниями или социально-экономическими условиями) и подталкивают их к совершению суицида.

Таблица 2. Семантический анализ публикаций в социальных сетях, подталкивающих к суицидальному поведению пользователей

Лексемы	Процент
Самоубийство как долг / часть	18%
Переход в лучший мир / лучшее состояние	23%
Нахождение круга «своих»	20%
Смерть как выбор	24%
Смерть как месть	15%

Иррациональность суицидального поведения не вызывает сомнений, не важно каким фактором или процессом она вызвана. Значимым выступает тот факт, что внешние процессы зачастую подталкивают и ускоряют внутреннюю динамику по формированию суицидального поведения молодых людей. Поэтому, важно отслеживать тех, кто склонен к суицидальному поведению, особенно в сложных социально-экономических условиях и конечно же проводить регулярный мониторинг, среди тех, кто потенциально может быть вовлечен в суицидальные практики.

Выводы

Таким образом, обобщая результаты исследования, мы можем заключить, что в качестве иррациональных основ суицидального поведения в среде молодежи выступают следующие факторы:

1. Детско-родительский конфликт, который строится на непонимании и недоверии между детьми и родителями, а также завышенных или заниженных ожиданий от ребенка, игнорирование желаний ребенка.
 2. Безответная любовь, которая вызывает сильные эмоции.
 3. Конфликты на учебе или работе.
 4. Психологические расстройства, вызванные травмами или депрессией.
 5. Социальные трудности (проблем коммуникации, трудности трудоустройства, не стандартное поведение).
 6. Психические заболевания, вызванные генетическими расстройствами.
- Данные результаты мы получили через опрос молодежи и подтвердили

через экспертное интервью специалистов, работающих с молодыми людьми с суицидальным поведением. Это позволяет говорить о достоверности полученных данных и правомерности выводов и рекомендаций.

Информация, отраженная в социальных сетях, связанная с суицидальным поведением также может служить триггерами для молодых людей, находящихся в трудной жизненной ситуации и провоцировать их на суицид. Необходимо проводить мониторинг данных публикаций и активизировать работу по блокировке отдельных сайтов и социальных страниц, которые формируют мотивы для суицидального поведения среди молодежи.

Профилактикой развития антисуицидального поведения может стать вера и религия, а также доверительные дружеские отношения. При этом необходимо выстроить социально-доверительную обстановку общественного развития, где тревожные состояния смогли бы купироваться в начальной стадии профессиональными специалистами.

Особое внимание стоит уделить контролю и мониторингу публикаций в социальных сетях, так как там на данный момент концентрируется максимальное внимание молодых людей и их вовлеченность в различные сообщества может стать точкой, способствующей суицидальному поведению или уберігающей их от него.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Изд-во ИрНТУ, 2015. 220 с.
2. Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н. Посткриминальный суицид убийц: криминалистическое обеспечение расследования: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. 216 с.
3. Барышева П.В., Чуракова А.Ю., Николаева Д.Д. Самоповреждение

- и суицид. эпидемиология, классификация и лечение // Молодой ученый. 2021. № 53 (395). С. 188–191.
4. Бердникова Х.И., Шумилова О.В., Юшкова Е.Э. Суицид как проблема современного общества // Студенческая наука и XXI век. 2018. № 16–1. С. 161–163.
 5. Борисоник Е.В. Завершенный суицид и суицидальная попытка близкого человека как ситуация экстремального стресса для ближайшего окружения // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 1. С. 62–67.
 6. Бурова Ю.В., Айзязова Л.Ф. Суицид как деструкция современного общества // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 8 (97). С. 66–70.
 7. Горяева П.Ю. Суицид как экзистенциальный выбор // Reflexio. 2020. Т. 13. № 1. С. 148–161.
 8. Жуков В.И. Суицид в парадигме социальной аддикции и психологии права // Государство и право. 2022. № 1. С. 75–82.
 9. Камалян Е.Г., Кудрявцева Е.А. Депрессия и суицид в представлении воронежской молодёжи // Гуманитарный трактат. 2020. № 80. С. 12–15.
 10. Корсаков К.В. Суицид в фокусе криминологической науки // Психология и право. 2020. Т. 10. № 3. С. 108–119.
 11. Любов Е.Б., Зотов П.Б., Положий Б.С. Пандемии и суицид: идеальный шторм и момент истины // Суицидология. 2020. Т. 11. № 1 (38). С. 3–38.
 12. Мартыненко А.В. Суицид в молодежной среде // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 139–141.
 13. Полюшкевич О.А. Семейная история и идентичность // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научно – практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы А.Д. Карнышев, В.А. Решетников. 2019. С. 221–228.
 14. Полюшкевич О.А. Семейная история как социальная практика // Социология. 2019. № 3. С. 88–92.
 15. Рыспаева С.Ж. Суицид – экзистенциальный выбор (социологический анализ) // Проблемы науки. 2019. № 5 (41). С. 90–94.
 16. Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Суицид среди молодежи как социальная проблема в современной России // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 9 (65). С. 37–43.
 17. Соловьева К.С. Подростковый суицид как отражение реалий современного информационного общества // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 2–2. С. 458–469.
 18. Тибиркина В.С., Шигабетдинова Г.М. Суицид и суицидальное поведение: исследование групп в социальных сетях // Студенческий вестник. 2019. № 24–1 (74). С. 46–47.
 19. Усманова Л.С. Мемы про суицид как разновидность чёрного юмора в интернете // Вестник Международного института рынка. 2020. № S2. С. 90–94.
 20. Хашаева С.В., Гриневич Ю.Н., Заводяи И.С. Подростковый суицид: социальные причины // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 4 (55). С. 206–208.

IRRATIONAL FOUNDATIONS OF SUICIDAL BEHAVIOR OF YOUTH

Ardashev R.G.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article reveals the irrational foundations of suicidal behavior among young people. The main patterns, social prerequisites and personal conditions that contribute to the development of suicidal behavior of young people are revealed. Based on our own empirical research, built on a combination of quantitative and qualitative methods, the main motives for suicidal behavior and the main strategies and forms of its prevention are identified.

Keywords: suicide, suicidal behavior, youth, irrationality, subjectivity, consciousness, thinking, behavior.

References

1. Ardashev R.G. Questions of theory and practice of investigation of murders associated with post-criminal suicide of the offender: monograph. 2nd ed., revised. and additional Irkutsk: Publishing House of IrNITU, 2015. 220 p.
2. Ardashev R.G., Kitaev N.N. Post-criminal suicide of murderers: forensic support of the investigation: monograph. Ulan-Ude: Buryat Publishing House. state un-ta, 2020. 216 p.
3. Barysheva P.V., Churakova A. Yu., Nikolaeva D.D. Self harm and suicide. epidemiology, classification and treatment // Young scientist. 2021. No. 53 (395). pp. 188–191.
4. Berdnikova Kh.I., Shumilova O.V., Yushkova E.E. Suicide as a problem of modern society // Student science and XXI century. 2018. No. 16–1. pp. 161–163.
5. Borisonic E.V. Completed suicide and suicide attempt of a loved one as a situation of extreme stress for the immediate environment // Modern foreign psychology. 2020. V. 9. No. 1. S. 62–67.
6. Burova Yu.V., Aizyatova L.F. Suicide as a destruction of modern society // Society: politics, economics, law. 2021. No. 8 (97). pp. 66–70.
7. Goryaeva P. Yu. Suicide as an existential choice // Reflexio. 2020. V. 13. No. 1. S. 148–161.
8. Zhukov V.I. Suicide in the paradigm of social addiction and psychology of law // State and Law. 2022. No. 1. S. 75–82.
9. Kamalyan E.G., Kudryavtseva E.A. Depression and suicide in the view of the Voronezh youth // Humanitarian treatise. 2020. No. 80. S. 12–15.
10. Korsakov K.V. Suicide in the focus of criminological science // Psychology and Law. 2020. V. 10. No. 3. S. 108–119.
11. Lyubov E.B., Zotov P.B., Polozhiy B.S. Pandemics and suicide: the perfect storm and the moment of truth // Suicidology. 2020. Vol. 11. No. 1 (38). pp. 3–38.
12. Martynenko A.V. Suicide among the youth // Knowledge. Understanding. Skill. 2005. No. 1. S. 139–141.
13. Polyushkevich O.A. Family history and identity // Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethno-regional identity and a positive image of a small motherland. Materials of the All-Russian scientific – practical conference with international participation. Managing editors A.D. Karnyshev, V.A. Reshetnikov. 2019. S. 221–228.
14. Polyushkevich O.A. Family history as a social practice // Sociology. 2019. No. 3. S. 88–92.
15. Ryspaeva S. Zh. Suicide – an existential choice (sociological analysis) // Problems of Science. 2019. No. 5 (41). pp. 90–94.
16. Sadykov R.M., Bolshakova N.L. Suicide among youth as a social problem in modern Russia // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2019. No. 9 (65). pp. 37–43.
17. Solovieva K.S. Teenage suicide as a reflection of the realities of the modern information society // Ideas and ideals. 2021. Vol. 13. No. 2–2. pp. 458–469.
18. Tibirkina V.S., Shigabedinova G.M. Suicide and suicidal behavior: a study of groups in social networks // Student Bulletin. 2019. No. 24–1 (74). pp. 46–47.
19. Usmanova L.S. Memes about suicide as a kind of black humor on the Internet // Bulletin of the International Market Institute. 2020. No. S2. pp. 90–94.
20. Khashaeva S.V., Grinevich Yu.N., Zavydyan I.S. Teenage suicide: social causes // Alley of Science. 2021. Vol. 1. No. 4 (55). pp. 206–208.

Религиозное сознание в пандемическом обществе

Баев Павел Анатольевич,

кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры государственного и муниципального управления, Иркутский государственный университет
E-mail: pbaev@mail.ru

В статье рассматривается процесс изменения религиозного сознания в результате пандемия COVID-19. Обосновывается потребность веры в сверхъестественное в условиях пандемии. Выявляются индивидуальные и коллективные формы и черты адаптации к меняющимся условиям жизни в пандемическом обществе. Обозначаются основные проблемные зоны и смыслы «новой религиозности». Приводятся результаты авторского исследования изменений религиозного сознания россиян во время пандемии. Выявляются изменения произошедшие под влиянием пандемии в сознании россиян, которые касаются религиозного опыта, его субъективного переживания, религиозного мифотворчества и транс-символического осмысления новых символов и ориентиров религиозного сознания.

Ключевые слова: религия, религиозное сознание, пандемия, пандемическое общество, сверхъестественное, иррациональность, бриколаж, мифотворчество.

Пандемия COVID-19 изменила условия и качество жизни в разных странах и среди представителей различных социально-экономических групп. Она существенно повлияла на восприятие личного духовного и религиозного опыта отдельных людей и целых сообществ. Привычный, традиционный опыт приобщения к религиозному сознанию, к религиозным ценностям, представлениям и практикам разрушается на глазах. При этом, формируются альтернативные способы взаимодействия с религиозными институтами, тем самым меняется уровень религиозного сознаний.

Изменения, произошедшие в обществе, повлекли за собой трансформацию взаимодействия религиозных институтов с государственными структурами, с бизнесом, с общественностью. Это стало отправной точкой для изменения формата религиозного сознания россиян. Повышающие пессимистические и депрессивные взгляды населения на сложившуюся в обществе ситуацию меняют и отношение к религиозной ситуации в стране. Поэтому, актуально говорить о том, что благодаря пандемии религиозное сознание россиян меняется.

Публикации в СМИ и сети Интернет информации о том, что медицина не справляется с инфекцией, прививки не эффективны или том, что пандемия – это результат заговора способствуют нарастанию паники и общей социально-психологической напряженности в обществе, связанной со страхом смерти, потери работы, социальной неустроенности. Высокий стрессогенный уровень пандемии COVID-19 влияет на смысложизненные цели и ценности людей, воздействует на их психологическое и физическое здоровье. В таких условиях опора на сверхъестественное становится одной из популярных сфер среди представителей разных социальных групп.

Следует предположить, что религиозное сознание на всех уровнях его

функционирования (индивидуальном и общественном, обыденном и концептуальном) оказалось высокочувствительным к воздействию условий пандемии COVID-19, и в его содержании наметились тенденции к трансформациям. Религиозное сознание – это система представлений и идей о трансцендентной реальности, совокупность чувственных форм, созданных воображением образов, характеризующихся символичностью, аллегоричностью, диалогичностью, сильной эмоциональной насыщенностью.

Вследствие волны психологического напряжения и апокалиптических страхов, поглотивших представителей различных религий и конфессий, активизировались процессы мифотворчества, появились «новые» пророчества и толкования священных книг, некоторые традиционные религиозные образы подверглись субъективным переработкам на фоне усиления религиозного бриколажа. Изменения затронули прежде всего индивидуальное религиозное сознание, обыденную форму его проявления. Как известно, процесс закрепления идей на уровне общественного сознания в его концептуальной форме требует достаточно продолжительного периода, в то время как пандемия COVID-19 длится недолго, на протяжении 2019–2022 гг. Однако такой временной диапазон достаточен для генезиса трансформаций народной религиозности, индивидуального и массового уровней религиозного сознания, отличающихся неустойчивостью к социальным изменениям.

Данные процессы исследуются через разнообразные подходы: взаимодействия социального и естественного (Гаврилова Ю.В., Жиронкина М.А. [3], Моторина И.Е. [4]) религиозного мифотворчества (Ардашев Р.Г. [1,2], Прилуцкий А.М. [8]), религиозного индивидуализма и бриколажа (Дансарунова С.А. [5], Полюшкевич О.А. [7], Трексин П.А. [9,10]). Большинство авторов сходятся в том, что религия и религиозные институты могут смягчить социальную и индивидуальную адаптацию

людей к новым условиям, снять социальное напряжение в обществе и дать надежду на то, что все нормализуется. Именно этими вопросами мы стали заниматься для изучения особенностей религиозного сознания.

Особенности исследования

В исследовании, с использованием методики анкетирования, приняли участие 1200 человек в возрасте от 18 до 65 лет, 55% женщин и 45% мужчин, занимающих разный социально-профессиональный статус и проживающих в разных регионах РФ.

Также мы провели 4 фокус-группы с общим участием 35 человек (в возрасте от 18 до 65 лет, 50% женщин и 50% мужчин, все они проживают на территории Сибирского федерального округа), соответствующих основным выделенными социально-профессиональным группам. Длительность каждой 2,5–3 часа.

В процессе анализа полученных материалов мы применяли системный подход, анализ конфигурации языковых схем (TRAS), транс-символический анализ. Это осуществлялось в рамках концепций религиозного бриколажа (К. Леви-Стросс [6]) и религиозного мифотворчества (М. Элиаде [11]).

Результаты исследования

Религия важна для 45,7% опрошенных. При этом, верящими себя считают 67,5%. Воцерковленными или общенными к другой религиозной доктрине себя причисляют 78,2%. То есть, религия важный инструмент социального управления, она важна для многих членов общества, но для одних она остается данью традиции, для других формальным критерием, а для третьих – личным индивидуально-личностным выбором, позволяющим найти собственные жизненные приоритеты.

Без веры – нет смысла в жизни. Без понимания того, что есть что-то что выше тебя – нет принятия того, что у всего что с нами происходит – есть своя причина и свое следствие. И каждый из нас в этом мире творит лишь часть общей

истории – выполняя свою роль, свое предназначение в мировом балансе сил, где главным режиссером выступает Бог. Пандемия стала личным испытанием веры и то, как каждый проживет это время – определит то, кем он будет после ее завершения. (И.Н., писатель, 65 лет).

Значимость религии в культуре бесспорна. Насколько религия значима в жизни каждого человека, особенно в современном мире, требует всегда индивидуального ответа, так как она тотальна и всепоглощающа, но от индивидуального выбора каждого человека зависит то, открывает он свое сердце для Бога или нет. Особенно во времена потрясений и испытаний болезнями и войнами – мы очищаем свое сознание от всего наносного и остается только настоящее. (П.А., профессор, 60 лет).

Религия и религиозное сознание – это зеркало того времени, в котором мы живем. Чем больше веры в сверхъестественное, тем меньше уверенности в себе, в обществе, больше тревог и страхов. Чем больше опоры на рациональное и объективное, тем значимее воля и личный выбор, ответственность и здравый смысл. (Р.Г., юрист, 35 лет).

В результате анализа полученных данных мы выявили несколько сфер трансформации религиозного сознания, которые произошли под влиянием пандемии (это религиозный опыт, его субъективное переживание, религиозное мифотворчество).

Религиозный опыт и пандемия

Религиозный опыт складывается из чувств, восприятия событий, мыслей, которые свойственны человеку или продиктованы ему религиозным сообществом, в которое он включен. Благодаря этому взаимодействию происходит установление связи с миром сверхъестественного (Божественного).

Наши респонденты указывали, что до пандемии они были более рациональны (23,4%), больше опирались на себя, свой опыт (25,2%), были более уверенны в себе (24,7%) и в своем окружении (26,7%). То пандемия изменила

их мировосприятие. Появилось больше иррациональных вещей (об этом более подробно изложено в работах раскрывающих особенности конспирологических теорий в периоды кризисов и пандемий Р.Г. Ардашева и А.М. Прилуцкого) 33,2%, менее уверены в своих знаниях и опыте (21,4%), меньше уверены в себе (22,1%) и не могут быть уверенны в своем окружении (23,3%). Таким образом, произошло изменение оценки воли, самосознания, эмоций и желаний.

Ограничение приобщения верующих к обычным ритуалам и практикам, приобщающих их к единству с объектом веры, приводит к повышению тревожности и стрессу. Самоизоляция обостряет чувство одиночества, всплывают глубинные страхи, актуализируются вопросы смысла жизни и экзистенциальной тревоги. Об этом нам говорили участники фокус-групп.

Невозможность посещать храм стала для меня фатальной. Не то чтобы я каждый день туда ходила, но сам факт ограничения стал поворотным в том, что постоянная тревожность стала для меня постоянной. Не могу сказать точно почему – но постоянное беспокойство меня не покидает. Если раньше после посещения храма я успокаивалась хотя бы на какое-то время, то сейчас такой возможности нет. (М.Н., учитель начальных классов, 44 года).

С момента начала пандемии я стал себя чувствовать более одиноким. Друзья остались, но с ними все чаще по телефону или интернету общаемся, нет задушевности, посиделок на кухне. Есть страх, тревога и понимание того, что я один. Это страшно. И раньше мне казалось, что Бог со мной, сейчас нет такой уверенности, так как в церковь не сходишь, на ритуале не поприсутствуешь. Это также подчеркивает внутреннюю пустоту и надломленность. (Г.О., экономист, 38 лет).

Пандемия заставила меня задуматься, а для чего я живу, ради чего? Что по-настоящему важно лично я меня, а что пустое. У меня умер друг от коронавируса, отец и я понял, что то, что было важно раньше для меня – сейчас

уже не имеет значения, важно то, ради чего я живу и какое место в моей жизни занимает Бог. (Т.Ю., юрист, 40 лет).

Субъективность религиозного опыта во время пандемии

Субъективность переживания религиозного опыта является таковой только потому, что сам человек его соотносит с этой сферой жизни. При ослаблении институциональной организации религиозного опыта происходит усиление индивидуальных интерпретаций (т.е. самостоятельное проведение отдельных практик и ритуалов). Из опрошенных, 42,4% стали проводить ритуалы и практики, молебны и другие религиозные процессы самостоятельно. Причем в ритуалах используют не специальные атрибуты и предметы, а домашнюю утварь, обыденные предметы обихода (32,3%), используют аудио и видеозаписи молитв и богослужений в сети Интернет (31,4%). Эти процессы ослабляют социальный контроль религиозных институтов над соблюдением доктрины осуществления ритуалов и обрядов, важных для разных конфессий.

Возможности социальных сетей и ютуб позволяют полностью закрыть информационную потребность приобщения к любым ритуалам и практикам. Я несколько раз в неделю включаю Сококуст, записанный на ритуале в Храме Христа спасителя. 20 минут и я полна сил и вдохновения. (Т.А., предприниматель, 37 лет).

Сегодня в интернете есть все ритуалы и практики. Находишь. Смотришь. Приобщаешься. Это технологически сейчас сделать в разы проще, чем когда-либо. (Н.К., строитель, 53 года).

Умение использовать сеть интернет для получения нового религиозного опыта бесценно. Это освобождает время, сохраняет здоровье, усиливать включенность в ритуалы и практики и в целом почувствовать свою близость с Богом. (А.А., машинист, 40 лет).

Переход в виртуальное пространство – это еще один инструмент изменения механизмов управления социальным поведением граждан. Цифровое

пространство создает новыми возможностями взаимодействия со служителями различных религиозных конфессий. Это приводит к изменению функционирования самих религиозных организаций, а также и потребности, и возможностей россиян в приобщении к религиозным практикам как таковым.

Религиозное мифотворчество

Религиозное мифотворчество во время пандемии строится на том, что люди начинают искать в священных текстах пророчества и объяснения возникновения пандемии (39,4%). Появляются новые пророки (23,5%), которые интерпретируют послания и тексты, давая новые смыслы и интерпретации (от того, что пандемия – это искупление за грехи (37,9%), до того, что это начало конца света (42,2%).

Пандемия нам послана за грехи наши, чтобы мы искупили их, переоценили свою жизнь и обратились лицом к Богу, приняли и поняли его, а также простили за те испытания, что он нам посылает. (О.Р., врач, 49 лет).

Начало конца света пришлось на пандемию. Задача каждого – сохранить жизнь. (М.А., художник, 44 года).

Пророки разных времен указывали на то, что приход пандемии в мир – это способ убрать тех, кто уже не сможет что-то изменить в мире. И пандемия – это способность трансформировать мир. Пандемия – это результат плохой кармы и поэтому, мы должны принять то, что происходит сейчас вокруг и стараться не отягчать ее еще больше. (Р.Ю., студентка, 22 года).

Мифотворчество стало пониматься как способ интерпретации социальной реальности и воспроизводства социальных практик, позволяющих подключиться к религиозному опыту и духовно-нравственным ориентирам социального развития. Уход от рационально-осмысленного восприятия к иррационально-чувственному указывает на разрыв социальных смыслов и индивидуальной ответственности за свою жизнь и переживание духовного опыта и религиозного приобщения.

ния к тем или иным институциональным практикам различных религиозных доктрин.

Религиозность строится через индивидуальный опыт соединения традиционных религиозных доктрин и эзотерических учений (48,7%), позволяющих абсолютизировать и консолидировать полученный ранее опыт двух и более людей, через такие же ритуалы и практики.

Сегодня нет возможности соблюдать чистоту веры или точность исполнения ритуалов. Сегодня важен индивидуальный опыт получения осознанности и благодати, а он значительно чаще получается через приобщение к эзотерическим нетрадиционным культурам, альтернативным моделям поведения, мышления и чувствования себя и мира. (С.С., медсестра, 26 лет).

Значимость мистического, религиозного опыта открывается не сразу. Это как слоенный пирог, где важно, что за чем идет, какой продукт получается в итоге. Это всегда личный процесс переосмысления и интерпретации реальности. (А.П., студентка, 23 года).

Индивидуальный опыт приобщения к религиозной системе дает возможность формирования личного опыта, личного восприятия и оценки социальной системы. (В.С., программист, 27 лет).

Бриколаж выступает следствием индивидуального сознания, но именно благодаря ему строится новая модель религиозного сознания. Построение последней – дело не одного года, даже десятилетия. Но начавшиеся моменты трансформации мы фиксируем уже сейчас, что позволит в будущем определить лицо нашей страны, а возможно и мира. Религии основываются на социальных событиях, их отражении в индивидуальном и массовом сознании, на интерпретациях событий, в которые помещен индивид.

Транс-символический анализ позволил выделить основные элементы религиозного сознания современников в условиях пандемии. Для этого мы просили участников исследования назвать

три слова, раскрывающих их понимание и видение религиозного сознания россиян в современной России (таблицу 1).

Таблица 1. Транс-символический анализ высказываний россиян, раскрывающих их понимание и видение религиозного сознания россиян в современной России (в %)

Категория высказываний	До пандемии		Во время пандемии	
	Характеристика	Процент	Характеристика	Процент
Аффективная	Чувственное	62,2	Тревожное	78,5
	Личное	60,3	Сложное	75,4
	Открытое	59,9	Разрушающее	72,3
Когнитивная	Знание	63,4	Пустота	75,6
	Опыт	61,2	Одиночество	72,7
	Молитва	59,8	Тоска	71,9
Деятельностная	Служит	58,8	Обнадеживает	77,5
	Молится	57,3	Виртуализирует	73,3
	Спасает	55,1	Цифровизирует	72,2

Как видно из таблицы, во время пандемии все категории высказываний стали более тревожными и депрессивными, до ее были или нейтральными или позитивными. Это субъективное восприятие тех процессов что происходят в обществе и оценки религиозного опыта и религиозного сознания в условиях пандемии.

До пандемии доминировал когнитивный уровень восприятия религиозного сознания, т.е. то, что знали, во что верили – то и было важно и определяло уклад и смысл жизни. Чувства и переживания были значимы лишь в той, мере, что позволяли принять и осознать новый опыт. А действия оставались лишь в рамках той религиозной доктрины, к которой принадлежал человек.

Во время пандемии доминируют аффективные смыслы в восприятии религиозного сознания россиян, то есть то, что чувствуют и ощущают респонденты. На втором месте, то, что они делают (перенос реальных практик в виртуальное пространство позволил существо-

но повысить количество тех, кто общается и изучает религиозный опыт и самостоятельно пытается проводить ритуалы и обряды). И менее всего проявлен когнитивный уровень (уровень знаний). В нем меньше всего уверенности, так как основная сфера знаний, представлений и суждений респондентов разрушена, новая еще не сформирована, поэтому сфера когнитивного опыта наполняется альтернативными религиозными доктринами эзотерического характера, мистическим опытом, построенным вне рамок одного религиозного учения, а зачастую сочетает в себе элементы разных учений.

Выводы

Проведенное исследование показало трансформацию религиозного сознания через разные процессы осмысления и восприятия реальности.

Религиозное сознание на уровне религиозного опыта меняется на уровне ощущений и становится более иррациональным и мифологизированным; на уровне восприятия опирается на мистические откровения, а не логичное и рациональное осмысление ситуации; на уровне представлений изменяется восприятие того, как может строиться взаимодействие с высшими силами (без участия в ритуалах и обрядах в религиозных учреждениях).

Все больше россиян прибегают не к институциональным религиозным практикам, а в силу ограничений нахождение в закрытых помещениях, проводят ритуалы и обряды самостоятельно, применяя подручные средства для формирования религиозного опыта (религиозный бриколаж), используя видео и аудио записи ритуалов из сети Интернет.

Также религиозное мифотворчество и бриколаж выступают основными атрибутами религиозного сознания в условиях пандемии, где соединяются как традиционные религиозные ритуалы и практики, так и эзотерические и философские учения и подходы, которые через бриколаж встраиваются с общую систему социальных представлений россиян.

Транс-символический анализ позволил выявить увеличение пессимистических и депрессивных настроений среди россиян. Также оценка восприятия религиозного сознания перешла от четкого когнитивного восприятия на аффективное эмоционально-чувственное восприятие себя и религиозного опыта. Деятельностный уровень во многом переключился на виртуальное пространство реализации. Все вместе это указывает на смещение смыслов и значений религиозного сознания в современном пандемическом обществе.

Таким образом, пандемия COVID-19 запустила изменения в религиозном сознании россиян. Какие будут последствия данных трансформаций – вопрос открытый, но уже сейчас очевидно, что духовно-мистический и религиозный опыт наших соотечественников станет совершенно иным. Чтобы это лучше понимать – необходимо проводить больше исследований и апробаций материалов по вопросам религиозного сознания в условиях пандемии, а также использовать актуальные прогностические модели социального моделирования развития религиозного сознания, мировоззренческого опыта и смысловых ориентаций современников.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Конспирологические теории в период пандемии: эффекты сознания // Социология. 2021. № 5. С. 74–81.
2. Ардашев Р.Г. Религиозность виртуального пространства в пандемическом обществе: особенности сознания // Социология. 2021. № 4. С. 20–26.
3. Гаврилова Ю.В., Жиронкина М.А. Религии в условиях пандемии COVID-19: опыт России // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6(74). С. 36–40.
4. Гаврилова Ю.В., Моторина И.Е. Особенности трансформации религиозного сознания в условиях пандемии COVID-19: философский аспект // Гуманитарный вестник. 2021. № 3. С. 1–14.

5. Дансарунова С.А. Религиозная ситуация в Бурятии в условиях пандемии COVID-19 // *Власть*. 2021. № 2. С. 123–128.
6. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. Москва, Республика, 1994, 384 с.
7. Полюшкевич О.А. Идентичность и солидарность: религиозность виртуального пространства // *Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации. Материалы Всероссийского научного семинара. Под общей редакцией А.П. Романовой, Д.А. Чернишкина*. 2020. С. 165–171.
8. Прилуцкий А.М. Коронавирусная инфекция и религиозные дискурсы медицинской конспирологии // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение*. 2020. Т. 33. С. 108–114.
9. Трескин П.А. Взрыв «новой религиозности» среди молодежи: причины и следствия // *Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. Материалы всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, ИГУ, 2009*. С. 139–144.
10. Трескин П.А. Иррационализация духовности: ресурсы региональных религиозных организаций // *В поисках социальной истины. Материалы II Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина*. 2020. С. 263–269.
11. Элиаде М. Аспекты мифа. Москва, Академический проспект, 2010, 256 с.

RELIGIOUS CONSCIOUSNESS IN A PANDEMIC SOCIETY

Baev P.A.

Irkutsk State University

The article discusses the process of changing religious consciousness as a result of the COVID-19 pandemic. The need for belief in the supernatural in a pandemic is substantiated. Indi-

vidual and collective forms and features of adaptation to changing living conditions in a pandemic society are revealed. The main problem areas and meanings of the «new religiosity» are indicated. The results of the author's study of changes in the religious consciousness of Russians during the pandemic are presented. The changes that occurred under the influence of the pandemic in the minds of Russians are revealed, which relate to religious experience, its subjective experience, religious myth-making and trans-symbolic understanding of new symbols and landmarks of religious consciousness.

Keywords: religion, religious consciousness, pandemic, pandemic society, supernatural, irrationality, bricolage, myth-making.

References

1. Ardashev R.G. Conspiracy theories during a pandemic: the effects of consciousness // *Sociology*. 2021. № 5. pp. 74–81.
2. Ardashev R.G. Religiosity of virtual space in a pandemic society: features of consciousness // *Sociology*. 2021. № 4. pp. 20–26.
3. Gavrilova Yu.V., Zhironkina M.A. Religions in the context of the COVID-19 pandemic: Russian experience // *Society: philosophy, history, culture*. 2020. No. 6(74). pp. 36–40.
4. Gavrilova Yu.V., Motorina I.E. Features of the transformation of religious consciousness in the context of the COVID-19 pandemic: a philosophical aspect // *Humanitarian Bulletin*. 2021. No. 3. S. 1–14.
5. Dansarunova S.A. The religious situation in Buryatia during the COVID-19 pandemic // *Power*. 2021. № 2. pp. 123–128.
6. Levi-Strauss K. Primitive thinking. Moscow, Respublika, 1994, 384 p.
7. Polyushkevich O.A. Identity and solidarity: religiosity of virtual space // *Religious identity and intercultural communications. Materials of the All-Russian Scientific Seminar. Under the general editorship of A.P. Romanova, D.A. Chernichkin*. 2020. S. 165–171.
8. Prilutsky A.M. Coronavirus infection and religious discourses of medical conspiracy // *Bulletin of the Irkutsk State University. Political science series. Religious studies*. 2020. V. 33. S. 108–114.
9. Treskin P.A. Explosion of “new religiosity” among young people: causes and consequences // *Culture and explosion: social meanings in a transforming society. Proceedings of the All-Russian Scientific and*

- Practical Conference, Irkutsk, ISU, 2009. P. 139–144.
10. Treskin P.A. Irrationalization of Spirituality: Resources of Regional Religious Organizations // In Search of Social Truth. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2020. S. 263–269.
11. Eliade M. Aspects of myth. Moscow, Academic prospectus, 2010, 256 p.

Корпоративный университет как инструмент развития корпоративной культуры предприятий: на примере Иркутской области

Дружинин Глеб Викторович,

преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук ИГУ, член Правления Иркутского регионального отделения Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права
E-mail: druzhinin93@mail.ru

В статье рассматривается роль корпоративного университета как инструмента развития корпоративной культуры. Анализируется региональный опыт реализации корпоративного университета. Описываются модели корпоративных университетов. Даются рекомендации по внедрению корпоративного университета в деятельность организации.

Ключевые слова: корпоративная культура, организационная культура, культура предприятий, корпоративный университет, корпоративное обучение, корпоративное образование.

Происходящие в мире изменения и потрясения вынуждают многих управленцев искать эффективные методы и средства, направленные на укрепление социальных связей, как в коммерческих, так и некоммерческих организациях. Корпоративная культура в теории управления является одним из эффективных средств управления организацией, поскольку играет заметную роль в решении задач, связанных с социальным управлением, определяет динамику производственных и социальных процессов в организации.

Коммерческие и некоммерческие организации могут задействовать широкий инструментарий в целях построения корпоративной культуры, одним из которых является корпоративный университет.

Методы и подходы. В ходе исследования был задействован формально-юридический анализ, позволивший исследовать нормативные документы, закрепляющие статус корпоративного университета и регулирующие общественные отношения, складывающиеся по вопросам деятельности корпоративного университета. Проанализирована практика деятельности корпоративного университета в регионе.

Результаты и обсуждения. Корпоративное образование представляет собой процесс развития жизненного опыта работников корпорации. При этом, развивать можно как профессиональные навыки и умения, так и осуществлять координацию траектории духовно-нравственного развития личности. Эффективной моделью является синтезирующая модель, при которой осуществляется развитие как профессиональной, так и духовно-нравственной составляющей человека.

В развитии личностного и профессионального опыта обучающего-

ся лежит принцип последовательности (А.М. Новиков), согласно которому «в зоне ближайшего развития обучающегося располагается тот новый жизненный опыт, который логически подготовлен его предшествующей образовательной деятельностью».

Комплексное и системное обучение, строящаяся на принципе непрерывности, которое включает как воспитание, так и образование, позволяет формировать в первую очередь мыслящую личность, способную к самостоятельной работе. К тому же наличие системы корпоративного обучения на предприятии предполагает ряд преимуществ для корпорации: во-первых, формирование лояльности со стороны новых и молодых кадров, во-вторых, повышение производительности сотрудников и развитие их компетенций, что может повлечь увеличение дохода.

В механизме корпоративного обучения наряду с отделами по развитию и обучению персонала, могут быть включены также специалисты в сфере HR, координаторы образовательных программ, менеджеры по обучению, тренинг-менеджеры.

Каждый субъект образовательной деятельности выполняет свою функцию в системе корпоративного обучения, так за отделами по развитию и обучению персонала могут быть закреплены обязанности по разработке стратегии развития системы корпоративного обучения, по осуществлению поиска и отбору кадров для предприятия, формирования кадрового резерва, привлечения сторонних специалистов для подготовки кадров.

Управление корпоративным обучением предполагает несколько моделей:

1. разработка собственных программ корпоративного обучения;
2. создание собственной образовательной структуры в корпорации (образовательный центр, учебный отдел, корпоративный университет и др.);
3. привлечение напрямую внештатных специалистов (экспертов) (например, психолог-коуч, сотрудник высшей школы, ученый);

4. взаимодействие с третьими лицами, осуществляющими образовательную деятельность (университеты, центры дополнительного образования).

Одним из средств повышения уровня корпоративной культуры предприятия является корпоративный университет. Впервые корпоративный университет как социальное явление появилось в первой половине XX в. в США [6], на европейском континенте в конце 1980-х годов [7].

Слово «университет» предполагает определенную институциональную и функциональную наполняемость.

В свою очередь корпоративный университет представляет собой систему внутрифирменного обучения, в связи с чем термин «корпоративный университет» не имеет легального закрепления, а в российском законодательстве отсутствует организационно-правовая форма такой организации [3].

Российское законодательство позволяет учреждать некоммерческие организации (автономные некоммерческие организации), которые оказывают образовательные услуги.

Анализ научной литературы и уставов корпоративных университетов крупных корпораций позволил прийти к выводу, что к основным задачам корпоративного университета обычно относят следующие: «реализацию конкурентного преимущества компании на рынке; формирование единой идеологии менеджмента; системное управление знаниями; внедрение эффективной системы управления и развитие управленческого потенциала; формирование кадрового резерва; формирование единых корпоративных ценностей и корпоративной культуры; генерацию идей, стимулирование непрерывного развития организации» [1].

На территории Иркутской области крупные предприятия задействуют корпоративные университеты как элемент корпоративной культуры.

Так, сформировать представление и понимание роли и места корпоративного университета в хозяйственной деятельности «ЕвроСибЭнерго» и в разви-

тии, а также совершенствовании корпоративной культуры, позволили официальные документы университета.

Организационно-правовая форма корпоративного университета является автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования. Учреждение корпоративных университетов в форме автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования является распространённой практикой [5].

В соответствии с положениями устава учредителем АНО ДПО «Корпоративного Университета «ЕвроСибЭнерго» (далее – Корпоративный университет «ЕвроСибЭнерго») является АО «ЕвроСибЭнерго»¹.

Согласно пункту 3.1 Устава Корпоративного университета «ЕвроСибЭнерго», основной целью деятельности является обеспечение квалифицированными кадрами путем подготовки, переподготовки, повышения профессиональных знаний и стажировки работников, совершенствования деловых качеств работников.

Кроме того, в пункте 3.2 Устава отмечено, что одной из основных задач корпоративного университета выступают удовлетворение потребностей работников в получении знаний. В пункте 4.4.2 и 4.5.2 Устава, закреплено, что направление профессиональной подготовки и переподготовки согласовываются с «ЕвроСибЭнерго».

Во многом приведенные выше предписания устава корпоративного университета свидетельствуют об аффилированности, поскольку головное предприятие, во-первых, учреждает корпоративный университет, во-вторых, оказывает координирующее воздействие на деятельность корпоративного университета.

Аффилирование представляет собой совместную деятельность, под-

¹ Устав автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования Корпоративный университет ЕвроСибЭнерго [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://univer-ese.irkutskenergo.ru/qa/8599/dokumenty.html> (дата обращения 18.05.2021).

держку, отношения взаимозависимости между двумя и более субъектами [4]. Поскольку Корпоративный университет учреждается крупным предприятием, соответственно, прослеживается взаимосвязь между двумя субъектами, при которой один субъект может оказывать воздействие на деятельность второго.

Вопросы аффилированности напрямую связаны с формами контроля корпоративного университета. На наш взгляд, допустимо выделить две наиболее универсальные формы корпоративного контроля: внутриорганизационная форма контроля и холдинговая модель корпоративного контроля.

Внутриорганизационная форма контроля предполагает подчинение высшему органу корпоративного управления, к примеру, общему собранию учредителей; подчинение напрямую исполнительному органу корпоративного управления, например генеральному директору, заместителю генерального директора по развитию или совету директоров в целом; подчинению отделу (департаменту) кадров или управлению кадров.

Холдинговая модель корпоративного контроля заключается в подчинении корпоративного университета отдельной структурной единице в рамках производственного (промышленного) цикла. Такая форма свойственна крупным промышленным и финансовым конгломератам, концернам и холдингам.

Например, Байкальский банк Сбербанка, действующий на территории Иркутской области, в своей деятельности при кадровой работе с персоналом пользуется услугами корпоративного университета.

Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Корпоративный университет Сбербанка» осуществляет свою деятельность за счет целевого финансирования ПАО Сбербанк. Данное обстоятельство указывает на аффилированность указанных субъектов, что позволяет рассматривать корпоративный университет как средство кор-

поративного управления, направленного на развитие корпоративной культуры ПАО Сбербанка, в том числе отделения, расположенного на территории Иркутской области.

На официальном сайте отмечено, что «СберУниверситет» представляет собой уникальный образовательный центр, позволяющий специалистам развивать компетенции «будущего» и успешно формировать карьеру².

Следует указать, что корпоративный университет может быть не учрежден в качестве отдельной организационно-правовой форме, а существовать как структурное подразделение предприятия.

Компания En+Group, вертикально интегрированный производитель алюминия и возобновляемой электроэнергии, также имеет в своем арсенале корпоративный университет, однако, данная структура не является отдельным юридическим лицом, скорее выступает структурным подразделением.

Корпоративный университет решает вопросы трудоустройства выпускников средних и высших учебных заведений Иркутской области в рамках реализации собственных профориентационных проектов.

Профильное трудоустройство подрастающего поколения, получившего образование в сфере энергетики, является одним из приоритетных направлений кадровой политики предприятия.

Наряду с этим, корпоративный университет осуществляет взаимодействие со школами, средними учебными заведениями и вузами. Например, в школьных образовательных учреждениях реализуется проект энергоклассов «Успешный абитуриент».

Несколько слов о процессе становления корпоративного университета. Процесс состоит из нескольких этапов:

Во-первых, организация корпоративного университета;

Во-вторых, внутреннее функционирование корпоративного университета;

² Сберуниверситет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sberuniversity.ru/about/> (дата обращения: 15.06.2021)

В-третьих, внешнее функционирование корпоративного университета.

Этап организации корпоративного университета является первым этапом, на котором осуществляется разработка регламентов корпоративного обучения и планирование инфраструктуры, устанавливаются потребности, а также цели корпоративного обучения.

Этап внутреннего функционирования корпоративного университета – предполагает разработку и реализацию программ корпоративного обучения. Предполагается, что сотрудники предприятия осознают потребность во внутрифирменном обучении. При полном функционировании наблюдается реализация широкого спектра программ корпоративного обучения, процесс обучения приобретает характер «отлаженного» механизма, как с организационной, так и содержательной стороны.

Внешнее функционирование корпоративного университета имеет уже стратегический характер. На данном этапе университет начинает выполнять стратегическую и экспертную роль. Стратегическая роль заключается в том, что корпоративный университет начинает выполнять функции прогнозирования, планирования и анализа больших данных. Именно в этой «ипостаси» корпоративный университет уже не ограничивается только кадровой подготовкой, но все больше интегрируется в корпоративное управление. Корпоративный университет на указанном этапе в полной мере уже обеспечил компанию необходимым количеством профессиональных кадров и знаний, потому способен оказывать услуги по корпоративному обучению другим фирмам [2].

Исследуя направление по кадровой работе корпоративного университета, следует отметить широкий перечень программ корпоративного обучения. Так Корпоративный университет ПАО «Русал» реализует программы и проекты, направленные на развитие как управленческих, так и квалификационных компетенций.

Заключение. Анализ письменных нормативных актов, которые регла-

ментируют деятельность корпоративных университетов, позволяют прийти к следующим выводам.

Во-первых, корпоративный университет учреждается в организационно-правовой форме автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования, что обусловлено требованиями российского законодательства.

Во-вторых, как автономная некоммерческая организация корпоративный университет имеет аффилированные связи с предприятиями. Такое взаимодействие может иметь как вертикальные, так и горизонтальные связи, что обусловлено включением корпоративного университета как структурной единицы в холдинговую модель управления предприятием.

В-третьих, корпоративные университеты главным образом осуществляют подготовку сотрудников предприятий, входящих в холдинговую систему, при этом учредительные документы позволяют оказывать образовательные услуги третьим лицам, например юридическим или физическим лицам, не имеющих правовые связи с холдинговой структурой, в которую включен корпоративный университет.

В-четвертых, на территории Иркутской области основным направлением деятельности корпоративных университетов является работа в сфере подготовки квалифицированных кадров. На наш взгляд, корпоративные университеты, обладая высоким интеллектуальным потенциалом, могут выполнять также функции «мозговых» центров, осуществляя, например, разработку новых сценариев развития компании или внедрения инноваций. Однако, как показал анализ деятельности и нормативных документов корпоративных университетов, на территории Иркутской области указанные структуры не реализуют по максимуму свои интеллектуально-производственные мощности.

В-пятых, корпоративный университет может быть организован в различных формах: организацию корпоративного обучения, обязанность за которую

возлагается на отдел кадров, учреждение учебных центров, создание отдельного юридического лица. Форма напрямую зависит от финансовых возможностей предприятия.

Литература

1. Бекарев, А.М., Корпоративный университет в объективе социологии / А.М. Бекарев, Т.В. Радаев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2007. – № 1 (6). Т – С. 9–13.
2. Лапаева, В.В. Возможности развития человекоцентристского потенциала Конституции РФ (на примере толкования ч. 3 ст. 32) / В.В. Лапаева // Правоведение. – 2016. – № 1. – С. 110–125.
3. Пахомова, Е.В. Корпоративные университеты в системе российского образования (результаты социологического исследования) / Е.В. Пахомова // Человек и образование. – 2006. – № 7. – С. 59–64.
4. Тычинин, С.В. Аффилированность юридических лиц: реальность и перспективы / С.В. Тычинин, О.Р. Скопенко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 3 (83). – С. 83–89.
5. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрании законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
6. Prince C., Beaver G. Facilitating organizational change: The role and development of the corporate university. *Strategic Change*, 2001. Vol. 10 (4): pp. 189–199.
7. Renaud-Coulon, A. Corporate universities in Europe. In: Allen M. (ed.). *The Corporate University Handbook*. AMACOM: N.Y. 2002. pp. 219–230.

CORPORATE UNIVERSITY AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF CORPORATE CULTURE OF ENTERPRISES: ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION

Druzhinin G.V.
Institute of Social Sciences ISU

The article examines the role of a corporate university as a tool for the development of corporate culture. The regional experience of implementing a corporate university is analyzed. Models of corporate universities are described. Recommendations on the introduction of a corporate university into the organization's activities are given.

Keywords: corporate culture, organizational culture, enterprise culture, corporate university, corporate training, corporate education.

References

1. Bekarev, A.M., Corporate University in the lens of sociology / A.M. Bekarev, T.V. Radaev // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. – 2007. – No. 1 (6). Т – S. 9–13.
2. Lapaeva, V.V. Opportunities for the development of the human-centric potential of the Constitution of the Russian Federation (on the example of the interpretation of part 3 of article 32) / V.V. Lapaeva // Jurisprudence. – 2016. – No. 1. – S. 110–125.
3. Pakhomova, E.V. Corporate universities in the system of Russian education (results of a sociological study) / E.V. Pakhomova // Man and education. – 2006. – No. 7. – S. 59–64.
4. Tychinin, S.V. Affiliation of legal entities: reality and prospects / S.V. Tychinin, O.R. Skopenko // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 3 (83). – P. 83–89.
5. Federal Law of January 12, 1996 No. 7-FZ "On Non-Commercial Organizations" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 3. Art. 145.
6. Prince C., Beaver G. Facilitating organizational change: The role and development of the corporate university. Strategic Change, 2001. Vol. 10 (4): pp. 189–199.
7. Renaud-Coulon, A. Corporate universities in Europe. In: Allen M. (ed.). The Corporate University Handbook. AMACOM: N.Y. 2002. pp. 219–230.

Системный анализ государственной политики в сфере дошкольного и общего образования

Журавлева Ирина Александровна,
кандидат философских наук, доцент, заведующая
кафедрой государственного и муниципального
управления Института социальных наук Иркутского
государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

В статье проводится анализ экспертных оценок развития государственной образовательной политики в сфере дошкольного и общего образования, выявляются основные проблемы и противоречия, а также обозначаются основные векторы социального моделирования образовательной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: образование, государственная политика, дошкольное образование, общее образование, экспертные мнения

Образование является неотъемлемой частью жизни каждого человека и играет важную роль среди общественных социальных институтов. Благодаря ему происходит процесс формирования личности и мощного общества в целом путем получения новых знаний, навыков и развития творческих способностей. Само понятие «образование» также закреплено в Законе об образовании и представляет под собой единый процесс воспитания и обучения в интересах государства, общества и самого человека, направленный на получение опыта, развитие качеств и ценностных установок для удовлетворения духовных потребностей в области образования путем достижения необходимых целей, охватывая все возрастные группы. На сегодняшний день Российская Федерация реализует единый подход к образованию за счет установки федеральных государственных образовательных стандартов и поддержания различных форм образовательного процесса.

В соответствии с Основным законом Российской Федерации, а именно с Конституцией, каждый имеет право на получение образования [1]. Для того, чтобы каждый человек мог беспрепятственно им воспользоваться, необходима разработка перечня мероприятий текущего и перспективного характера, которая влечет за собой создание политики на национально-государственном уровне в области общего и дошкольного образования.

Свою сущность «государственная политика» раскрывает через теоретический и методологический уровень, который включает в себя формулировку целей стратегического планирования развития сферы общего и дошкольного образования путем разработки методических рекомендаций в отношении ресурсов, которые необходимы для практической её реализации. Наличие данной политики является гарантией того,

что система общего и дошкольного образования в Российской Федерации будет постепенно развиваться и не стоять на месте, что позволит в будущем конкурировать с системами образования на мировом уровне. Необходимо отметить, что субъектами выступают органы государственной власти регионального и федерального уровня, а на местном уровне – муниципальные органы управления образования в рамках той территории, на которой происходит осуществление государственной политики [6].

Государственная политика в области общего и дошкольного образования является одной из составляющих политики государства и представляет собой многоплановую стратегическую совокупность правовых, социально-экономических и административных методов и инструментов, которыми руководствуются органы государственной власти, в особенности, органы исполнительной власти федерального и регионального уровней, с целью развития и обеспечения доступности, а также качественного функционирования системы данного образования в Российской Федерации вне зависимости от региона. Основной задачей государственной политики в области общего и дошкольного образования является создание такой системы образования, которая будет включать в себя культурные, социальные и ментальные потребности государства и общества в целом, инновационные возможности, а также обеспечение нормативно-правовыми актами на законодательном уровне, регулирующими соблюдение гарантий реализации права на получение образования в Российской Федерации [3].

Образовательная политика состоит из трех важных компонентов: нормативно-правовая (регламентирование поведения участников образовательных отношений), культурноидеологическая (соблюдение традиций и мировоззрений) и финансовая политика (грамотное распределение и пользование бюджетными средствами).

Формирование государственной политики происходит по нескольким эта-

пам, которые включают в себя определение существующей проблемы в сфере общего и дошкольного образования, постановку целей и задач, распределение полномочий между органами государственной власти, реализацию поставленных задач путем применения уже имеющихся ресурсов и проведение мониторинга реализации мероприятий для получения необходимых результатов.

Приоритеты образовательной политики государства взяли своё начало еще в начале 2000-х годов и включали в себя возобновление активного участия в сфере образования и всестороннюю комплексную модернизацию системы общего и дошкольного образования путем выделения ресурсов, необходимых для осуществления деятельности, и создания механизмов эффективного их применения. Исходя из перечисленных приоритетов можно выделить, что основной функцией государственной политики является социализация подрастающего поколения, которая подразумевает создание условий для развития общества на основе культурно-исторического наследия Российской Федерации.

Реализация приоритетов образовательной политики в государстве происходит на базе основных положений, к которым относятся:

1. Получение общего образования обязательно для каждого человека, так как является основной ступенью в системе образования;
2. Образование – одна из приоритетных сфер, которую необходимо постепенно развивать;
3. Деятельность в области общего и дошкольного образования регламентируется на законодательном уровне;
4. Государство выступает гарантом для граждан в предоставлении общедоступного бесплатного дошкольного и общего образования в Российской Федерации и исключает любые формы дискриминации;
5. Любой человек имеет право на получение общего образования на род-

- ном ему языке с учетом возможностей образовательной организации;
6. Государство поддерживает любые формы образования, которые не противоречат законодательству и установленным федеральным государственным образовательным стандартам;
 7. Единая государственная политика в сфере общего и дошкольного образования обеспечивается исполнением полномочий Правительства Российской Федерации;
 8. Не допущение создания и осуществления деятельности общественно-политических и религиозных объединений в органах управления дошкольного и общего образования, а также в муниципальных образовательных учреждениях.

На сегодняшний день, помимо основных положений, современное общество также нуждается в создании механизмов, регулирующих деятельность отдельно взятых элементов системы каждой отрасли жизнедеятельности, которые при взаимодействии формируют политику государства. Под механизмами необходимо подразумевать совокупность организационно-экономических действий, обозначенных при выборе и принятии управленческого решения, а также практического его осуществления с целью обеспечения дальнейшего функционирования и развития, в нашем случае, системы общего и дошкольного образования. Обеспечение эффективного взаимодействия механизмов образовательной политики является первоочередной задачей государства как субъекта, который наделен властью и материальными ресурсами для достижения количественных и качественных показателей в деятельности образования. Функционирование внутренних и внешних механизмов осуществляется под влиянием политических и экономических тенденций с учетом национальных особенностей каждого субъекта Российской Федерации, что позволяет прогнозировать и выявлять возможные риски и выработать основные тенденции по раз-

витию и повышению эффективности государственной политики в образовании [4].

В связи с большим разнообразием образовательных услуг, которые представлены учреждениями на «рынке», происходит процесс развития конкурентной деятельности, для регулирования которой необходимо формирование и практическое применение механизмов политики образования. Механизмы государственной политики в сфере общего и дошкольного образования, как уже было сказано выше, можно рассматривать как набор процедур при принятии и реализации управленческих решений (средств воздействия) и практическую их реализацию. В качестве основных внутренних механизмов, осуществляющих функционирование образовательной политики, можно выделить [2]:

1. Механизмы принятия и практической реализации управленческих решений взаимосвязаны между собой, но существенно отличаются друг от друга наличием нормативно-правовых и административных (контроль за деятельностью) внутренних механизмов;
2. Механизмы последовательного развития и регулирования всех процессов образовательной системы путем дополнения финансовыми механизмами (выделение грантов, субсидий).

Данные механизмы характеризуются высоким уровнем закрытости и доступом только для ограниченного круга лиц, которые задействованы в процессе реализации политики.

Также необходимо выделить механизм регламентирования образовательной политики государства путем создания единых требований к осуществлению образовательной деятельности учреждения и регулирования соблюдения действующего законодательства внутри него. В качестве инструментов при реализации данного механизма выступают государственный контроль и надзор в сфере общего и дошкольного образования (выявление и пресе-

чение нарушений требований действующего законодательства), лицензирование (разрешение образовательной организации осуществлять свою деятельность) и проведение государственной аккредитации образовательной деятельности в учреждении (подтверждение соответствия программ обучения федеральным государственным образовательным стандартам) [8].

Вышеперечисленные основные механизмы, и, используемые при реализации образовательной политики, можно подразделить на три основные группы:

1. Организационно-управленческие – формирование системы взаимодействия между органами государственной власти муниципального, регионального и федерального уровней и осуществление планирования путем определения стратегических целей, способствующих дальнейшему развитию сферы общего и дошкольного образования;
2. Административно-правовые – разработка и принятие целевых государственных программ Российской Федерации, региональных и федеральных программ. Главным отличием государственной программы от федеральной является то, первая включает в себя не только мероприятия, проводимые для достижения запланированных целей, но и инструменты, которые направлены на грамотное и эффективное решение актуальных проблем;
3. Финансово-экономические – предусматривает достижение целевых показателей в субъектах Российской Федерации путем предоставления дополнительных субвенций и субсидиарных средств из бюджета федерального уровня, а также увеличение расходов бюджетной системы.

Благодаря данному групповому разделению механизмов можно увидеть каким образом органы государственной власти осуществляют деятельность по поэтапному достижению стратегических целей в сфере общего и дошкольного образования, которые значительно

влияют на развитие и доступность системы обучения и воспитания для каждого, желающего [3].

Рассмотрев основные механизмы, обратим наше внимание на инструменты, которые определены в ежегодном докладе Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации и способствуют реализации политики в области дошкольного и общего образования. Под инструментом понимается разработанный комплекс практических мероприятий, с помощью которых реализуется политика государства в достижении приоритетных целей. Среди них можно выделить:

Государственную программу Российской Федерации «Развитие образования», которая отвечает за реализацию приоритетов и целей социального и экономического развития, а также осуществление обеспечения национальной безопасности. Данная государственная программа включает в себя реализацию мероприятий в период с 2018 по 2030 год для достижения следующих целей в сфере общего и дошкольного образования [3]:

1. Развитие системы кадрового потенциала сферы общего и дошкольного образования для создания возможности повышения квалификации на протяжении всей педагогической деятельности;
2. Вхождение Российской Федерации в топ-10 ведущих стран мира по предоставлению качественного образования в общеобразовательных организациях;
3. Создание условий для достижения 100% доступности качественного дошкольного образования для всех желающих.

Реализация государственной программы осуществляется за счет выделения средств из муниципального, регионального и федерального бюджета, что позволяет сфере общего и дошкольного образования устойчиво функционировать и развиваться в соответствии с особенностями субъекта Российской Федерации. Благодаря про-

ведению мониторинга по осуществлению мероприятий, происходит определение уровня эффективности деятельности органов государственной власти, ответственных за достижение целей, планируемых в паспорте программы.

Помимо этого, необходимо отметить национальные проекты «Образование» и «Демография», которые нацелены на создание дополнительных мест в общеобразовательных и дошкольных учреждениях и условий для предоставления качественного образования путем обновления инфраструктурного оборудования, возможности вовлечения в развитие системы всех участников образовательных отношений, обновление материально-технологической базы преподавания и профессиональной переподготовки педагогических работников в образовательных учреждениях, а также внедрение цифровых технологий, которые способны сделать процесс обучения (воспитания) наиболее интересным.

Федеральные государственные образовательные стандарты являются вторым инструментом, который представляет собой набор обязательных требований, осуществляемых при реализации программ обучения по дошкольному, начальному, основному и среднему общему образованию в образовательных учреждениях, которые прошли государственную аккредитацию. Данные стандарты обеспечивают единую систему образования в Российской Федерации, путем, как было уже сказано выше, требований к структуризации учебных программ, кадровых, финансовых, материальных и технических условий, а также к результатам освоения образовательного материала обучающимися. Особенность ФГОС заключается в непрерывности получения необходимых знаний в соответствии с той степенью, на которой находится ребенок и возможностью беспрепятственного перехода в следующий класс, давая необходимый набор базовых знаний.

Обновленные ФГОС направлены на предоставление возможности об-

учающимся самостоятельно находить необходимую информацию. При смене места жительства и переезде обучающегося в другой субъект Российской Федерации, он сможет с легкостью возобновить процесс обучения на том же уровне, что и был в другой образовательной организации. Задачей федерального стандарта является обеспечение единого нормативно-правового регулирования образования в условиях его вариативности, что влечет за собой создание равных условий обучающихся в сфере общего и дошкольного образования, улучшение качества предоставляемых знаний за счет предоставления государством необходимых ресурсов для достижения поставленных целей.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, каждый человек имеет право на получение бесплатного и доступного дошкольного и общего образования. Как всем известно, на сегодняшний день образование является одной из приоритетных сфер жизни общества и нуждается в устойчивом развитии.

Государственная политика в данной образовательной сфере представляет собой стратегический набор административно-правовых и социально-экономических методов и инструментов, руководствуясь которыми органы исполнительной власти разных уровней реализуют запланированные мероприятия для достижения обозначенных стратегических целей и развития качественного и общедоступного обучения (воспитания). Задача образовательной политики заключается в создании многосторонней системы общего и дошкольного образования, включающей в себя предоставление свободы выбора и возможности самореализации каждому человеку для удовлетворения своих потребностей [7].

Рассмотрев механизмы реализации государственной политики, можно сказать, что они представляют собой набор действий, который способствует разработке, принятию и реализации управленческого решения для достижения необходимых целей в сфере об-

щего и дошкольного образования. Они подразделены на три основные группы, которые включают в себя финансово-экономические, организационно-управленческие и административно-правовые, каждый из них отвечает за отдельный элемент образовательной политики государства.

Помимо этого, были изучены три основных инструмента, с помощью которых происходит осуществление государственной политики в сфере общего и дошкольного образования в Российской Федерации, а именно государственная программа «Развитие образования», национальные проекты «Образование», «Демография» и федеральные государственные образовательные стандарты. Вышеперечисленные инструменты взаимосвязаны между собой целью обеспечения качественного образования в соответствии с потребностями и интересами населения.

Принципы и приоритетные направления государственной политики в сфере дошкольного и общего образования

На сегодняшний день образование это один из показателей экономического благосостояния государства, а также ее конкурентоспособности, социальной стабильности и национальной безопасности. Образование является неотъемлемой частью политической системы, исходя из этого деятельность образовательных организаций напрямую зависит от Конституции Российской Федерации, на нормах которой основываются принципы государственной политики в сфере общего и дошкольного образования с целью подготовки нормативно-правовых документов и их практической реализации.

Как уже было сказано выше, основную роль в сфере общего и дошкольного образования играют именно принципы государственной политики. Благодаря им происходит регламентация органов управления образованием и всех образовательных учреждений в Российской Федерации, а также обеспече-

ние единого подхода к формированию нормативно-правового законодательства и соблюдения уже имеющегося международного законодательства.

Под принципами государственной политики в сфере образования необходимо понимать основные положения, в которых выражается сущность образовательного права и государственной образовательной политики, а также их основные черты, благодаря которым происходит постепенное их развитие. Иными словами, это основные положения для руководства деятельностью в образовательной среде.

Для реализации государственной политики в сфере образования и регулирования отношений между субъектами образовательной деятельности в целом используются две категории принципов. К первой категории относятся общеправовые принципы, которые охватывают все отрасли права и регулируют образовательные отношения (демократизм, гуманизм и др.), ко второй – специальные, которые применимы исключительно к области образования и распространяются на общественные отношения, составляющие его (общедоступность и преемственность образования и др.).

Методика исследования

Системный анализ государственной политики в сфере дошкольного и общего образования строился на качественной методологии. Мы учитывали экспертное мнение представителей различных социальных групп и институтов, имеющих прямое отношение к системе образования (ректоры, проректоры вузов РФ, руководители отделов и министры образования различных субъектов РФ (Иркутская область, Красноярский край, Республика Бурятия, Новосибирская область, Хабаровский край).

Всего исследованию приняли участие 38 человек, занимающие свои должности 5 и более лет, в возрасте 35–65 лет, 65% мужчин и 35% женщин. Само исследование проводилось в начале 2022 года.

Работа строилась по полуструктурированному интервью, которое анализировалось через методы контент-анализа, транссимволического анализа, дискурсивного анализа и др. Системный анализ через экспертные оценки позволяет выявить проблемы и противоречия государственной политики в изучаемой сфере.

Анализ результатов качественного исследования

Согласно статье 3 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», политика государства в сфере общего и дошкольного образования основывается на одиннадцати принципах. Рассмотрим их поподробнее, включая комментарии экспертов.

1. «Конкуренция в сфере образования не может быть ограничена или устранена полностью». Благодаря тому, что образовательные организации автономны, они автоматически становятся полноправными участниками рынка образовательных услуг, но без возможности предоставления дополнительных преимуществ отдельным образовательным организациям. Исходя из этого можно сказать, что принцип направлен на повышение качества предоставляемых услуг в образовательной сфере и предполагает, что отсутствие или частичное ограничение конкуренции может привести к снижению качества образования. Конкуренция создает благоприятный инвестиционный климат, что существенно способствует кардинальной модернизации и обновлению системы образования за счет внедрения инновационных технологий и расширения возможностей. Необходимо отметить, чем больше образовательных организаций пытаются конкурировать друг с другом и предлагать наиболее привлекательные условия обучения, тем больше выбора у обучающихся и родителей (законных представителей) воспитанников.

Конкуренция выступает залогом развития образовательной системы. Дает оценку качества и приоритетность развития, вызывает мотивацию для развития новых условий образовательной политики. (Т.Ю., замминистра образования Иркутской области, 44 года).

Благодаря конкуренции рождается среда, способная породить новые условия для моделирования образовательного пространства, для внутренней динамики и социального развития. Без базовых благоприятных условий, невозможно развивать образовательный потенциал регионов. (А.В., проректор, 56 лет).

2. «Свобода выбора образования в соответствии с потребностями и желаниями человека путем создания адаптивных условий для его самореализации и развития способностей, в том числе за счет предоставления выбора направленности образования, формы обучения и организации, которая осуществляет образовательную деятельность, в пределах системы образования, а также предоставление педагогическим работникам свободы выбора форм и методов обучения, и воспитания». Именно свобода выбора в образовательной сфере способствует развитию личности, путем организации учебного процесса с адаптивными условиями для каждого человека с учетом его потребностей и общества в целом. Данный принцип больше характерен для обучающихся средних профессиональных и высших образовательных организаций, в связи с тем, что в отношении дошкольных учреждений выбор делают родители (законные представители) воспитанников, а в общеобразовательных организациях уже в более осознанном возрасте сами обучающиеся. Достижение высокого уровня результатов освоения программы обучения зависит от учета интересов человека и его индивидуальных способностей, а также его выбора и способа обучения.

Возможность выбора – бесспорная ценность и благо для любого потенциала и социальной среды, способной регулировать и развивать образовательный потенциал города и региона, личности и целых социальных групп. Возможность выбора – основа развития и внутренних приоритетов. (А.В., замминистра образования Хабаровского края, 48 лет).

Ценность выбора – основа моделирования мотивации обучающихся, начиная с дошкольного уровня, заканчивая вузом. Ценность выбора во время получения общего образования становится основой для перспективного обучения в более лучшем вузе. Все связано со всем. (И.Т., проректор, 47 лет).

3. «Единство образовательного пространства на территории Российской Федерации, развитие и защита особенностей этнокультуры и народных традиций в условиях многонациональности государства». В соответствии с этим принципом при реализации государственной политики в образовательной сфере следует учитывать языковое разнообразие и этнокультурные особенности народа с целью создания единого образовательного пространства. Благодаря тому, что свойства и основные признаки образовательного процесса не могут ограничивать реализацию национальных особенностей отдельных народов, происходит расширение круга субъектов, которые имеют право на осуществление своих целей, потребностей и интересов в сфере образования.

Образование без учета этнокультурных особенностей не стоит ничего. Так как благодаря национальным традициям и обычаям зарождается ментальное пространство общества, формируется единство при культурном многообразии. Но чтобы говорить о разнообразии, надо его понимать, изучать, исследовать. Чтобы говорить о социокультурном развитии надо его чувствовать и принимать. (Т.А., министр образования Новосибирской области, 48 лет).

Без культурного сдвига в сфере социального моделирования – нет социальных рамок общественного развития. Межкультурное взаимодействие строится на нормах толерантности на разных уровнях образования, внедрения ценностей поликультурной составляющей в сознание детей с детского сада и до вуза – становится приоритетом развития. (Р.Р., проректор, 40 лет).

4. «Гуманистический характер образования для свободного развития личности, патриотизма, трудолюбия и гражданской ответственности, а также бережного отношения к окружающей среде». В первую очередь под «гуманизмом» понимается признание человека как личности путем соблюдения его прав и свобод. Данный принцип перечисляет те качества человека, которые должны быть сформированы в процессе реализации политики государства. Ведь во время образовательного процесса происходит становление личности, в которую закладываются общие правила жизнедеятельности, в дальнейшем формируя полноценного члена общества. Формирование такой личности возможно только на основе гуманистического характера образования, исходящего из его прав и свобод, приоритетов жизни. Но вопрос рационального природопользования всё-таки является спорным и, скорее всего, не должен относиться к образованию.

Образование в принципе должно носить гуманистический характер, так как именно оно укрепляет идеологию и развивать патриотизм, формирует социальную и гражданскую идентичность и строит личные стратегии социального моделирования и общественного прогресса. (В.А., проректор, 50 лет).

Гуманистический характер образования остается условием его внедрения в сознание общественности, инструментом распространения гуманных ценностей и развития. (Г.Е., замминистра образования, 43 года).

5. «Комбинирование договорного и государственного регулирования взаимодействия между субъектами в образовательной среде». Оказание образовательных услуг происходит путем заключения договора между субъектами образовательных отношений, что влечет за собой развитие возможностей получения образования и активное участие, к примеру родителей (законных представителей) и обучающихся в жизни образовательной организации. Исходя из этого принципа необходимо отметить, что роль государства в образовательной организации минимизирована: оно определяет основные направления деятельности учреждения и определяет тот основной набор обязательных знаний, в соответствии с которыми должны быть разработаны программы для обучающихся (воспитанников). Необходимо отметить, что образовательная организация имеет право на предоставление дополнительных занятий по заинтересовавшей обучающегося или родителя (законного представителя) дисциплине или деятельности в целом за счет оплаты лица, пожелавшего получить эти дополнительные знания.

Межсекторное партнерство и взаимодействие выступает основой развития любой сферы образования. Более того, конкретное образовательное учреждение выступает актором межсекторного партнерства, способного выводить образовательные организации детских садов, школ и вузов на новый уровень социального взаимодействия и активизации социальной политики. (И.А., проректор, 37 лет).

Взаимодействие между субъектами в сфере образования порождает нерушимые социальные связи, развивает социально активное внутреннее взаимодействие и регулирование потенциально развитого образовательного пространства, приводящего к развитию региона. (Н.Н., проректор, 65 лет).

6. «Признание приоритетности образования». Данный принцип основывается на нормах Конституции Российской Федерации, исходя из которых можно выделить, что Россия является социальным государством, политика которого направлена на соблюдение прав и интересов граждан и иных лиц, пребывающих на территории страны. Развитие образования является приоритетной сферой для государства, в связи с ориентированностью на сохранение общего уровня грамотности и развития национальной культуры населения, ведь образование относится к общечеловеческим ценностям и влечет за собой поддержание социально-экономического благосостояния и дальнейшее обеспечение национальной безопасности. Необходимо отметить, что именно образование является основным условием для дальнейшего духовного развития, культуры и экономики.

Приоритетность образования – это условие и норма социального развития. Без образовательного базового наполнения не стоит говорить о территориальном развитии. Образование – это перспективный ресурс человеческого капитала. И если власть о нем не думает – то у нее нет перспектив и у территории нет будущего. (М.А., замминистра образования, 49 лет).

Качественность приоритетного развития любого региона кроется в уровне и качестве получаемого образования на всех его ступенях. Это своего рода социальный капитал развития сообщества – те критерии и условия, которые предъявляются для человека или сообщества, помогающие ему развить внутренний ресурс выбора приоритета образования для личного и социального развития. (Е.Ю., замминистра образования, 55 лет).

7. «Обеспечение соблюдения права каждого человека на получение образования и недопущение дискриминации в образовательной сфере». Первая часть принципа заключается в соблюдении и не нарушении конституционного права каждого человека, а вторая вытекает из консти-

туционной нормы о недопустимости проявления любых форм дискриминации не только в сфере образования, но и в целом во всех сферах жизни общества. Иначе говоря, каждый человек имеет право на получение образования вне зависимости наличия или отсутствия у него гражданства Российской Федерации, а также исключая возможность ущемления его прав из-за полового признака, расовой или национальной принадлежности.

Дискриминация вообще вещь недопустимая, а в сфере образования и тем более. Само это явление противоречит гуманизму образовательного пространства. Право на образование – одно из основных, которое помогает человеку оставаться человеком. (Н.Н., проректор, 52 года).

В образовательной среде должны быть недопустимы процессы дискриминации. Это противоречит и здравому смыслу и конституции РФ. Это опыт и возможность применения норм права в практике. Доступность образования – основа социального процветания. (И.С., проректор, 50 лет).

8. «Автономия образовательных организаций, соблюдение академических прав и свобод работников и обучающихся, которые предусматриваются Законом, а также информационная открытость путем предоставления публичной отчетности о деятельности образовательной организации». Образовательная организация независима и самостоятельно принимает решения, утверждает учебный план, осуществляет финансово-экономическую и административную деятельность, а также разрабатывает локально-нормативные акты, которые не противоречат Закону и иным нормативно-правовым актам. Если говорить об «информационной открытости», то речь идет о публикации отчетной деятельности (сведений) на официальном сайте образовательной организации, что позволяет заинтересованным лицам озна-

комиться с необходимой информацией, а также органам управления в сфере образования производить контроль. Благодаря сочетанию автономии и публичному контролю за деятельностью этого учреждения, можно отследить, к примеру целевое использование бюджетных средств и выявить нарушения.

Каждое образовательное учреждение свободно и независимо, обладает собственной основой развития и помогает своим воспитанникам стать не только чуть более умными, но и критически мыслящими молодыми людьми. Поэтому, образовательный потенциал – это перспектива социального роста и условия социального развития города или региона. (Д.А., проректор, 44 года).

Информационная открытость образовательных учреждений выступает залогом и гарантией защиты прав и свобод сотрудников любого образовательного учреждения. Каждый шаг позволяет выявить новые условия, перспективы и возможности информационного разнообразия, которое приводит к повышению качества получаемых образовательных услуг. (О.А., замминистра образования, 33 года).

9. «Светский характер образования в муниципальной или государственной образовательной организации». Данный принцип подразумевает исключение пропаганды религии в образовательной организации (установление обязательной), в связи с тем, что Российская Федерация – поликонфессиональное и многонациональное государство. В соответствии с этой конституционной нормой каждый человек имеет право на свободу выбора религии и ее дальнейшему исповедованию.

Получаемое образование общего характера начиная с детского сада, заканчивая вузами является светским учреждением. Религиозные, национальные и иные образовательные центры не могут носить название светских, поэтому выступают дополнительными. Хотя, для современных детей, подрост-

ков и молодых людей важно понимать именно духовную составляющую образовательного процесса, т.к. именно она выступает основой социального моделирования. (Д.А., проректор, 32 года).

Жизненные приоритеты, встроенные в светский уровень получения образования на любом уровне образовательной системы выступают основой получения светского образования и развития социального потенциала развития. (А.Ш., ректор, 58 лет).

10. «Обеспечение прав обучающихся, их родителей (законных представителей) и работников образовательных организаций для возможности участия путем демократического характера в управлении образовательной организацией». Демократия управления проявляется в участии педагогического коллектива и обучающихся в управлении образовательным учреждением и взаимодействии с органами государственной власти в сфере образования, местными органами самоуправления в принятии каких-либо необходимых решений. В качестве примера можно привести возможность проведения аккредитации педагогических работников и образовательных организаций, независимой оценки качества предоставляемого образования или выборов должностных лиц образовательной организации.

Возможность влиять на управленческие решения образовательного учреждения любого уровня становится следствием социального моделирования общественного прогресса. Это основа для выбора дополнительных курсов и форматов обучения. Это система социально-включенного развития, опирающаяся на существующую систему образования, которая и будет основой для личного и группового развития. (О.О., ректор, 57 лет).

Управление образовательным учреждением это инструмент либо формирования научного потенциала студентов вуза, либо это система навыков

выживания и социального взаимодействия. (Г.Е., ректор, 49 лет).

11. «Создание условий для взаимовыгодного взаимодействия системы образования Российской Федерации с системами образования других государств». Данный принцип предусматривает интеграцию между структурными компонентами системы образования различных государств с целью внедрения в образовательный процесс международных практик, развития системы образования и разработка усовершенствованных программ обучения. Иными словами, формирование целостного видения картины мира путем получения новых знаний.

В нашей стране действуют программы двойных дипломов, с вузами США, Европы и Азии. (Н.О., ректор, 56 лет).

Взаимовыгодные условия обмена студентов строятся на социальных рамках и формах общественного развития. (Е.Н., замминистра, 43 года).

Рассмотрев принципы государственной политики, присущие сфере общего и дошкольного образования, которые регламентируют деятельность образовательных организаций и органов управления образованием на территории Российской Федерации, необходимо обратить внимание на приоритетные направления. Приоритетные направления являются основными ориентирами, способствующие достижению стратегических целей. Они определены документами стратегического планирования с учетом промежуточных достижений национальных целей и реализуются с помощью разработки программ, нормативно-правовых регулирующих актов, развития уже имеющихся возможностей, создания дополнительных услуг в образовательной деятельности, взаимодействия с другими сферами жизни общества, а также обеспечения общедоступного, устойчивого и перспективного развития общего и дошкольного образования с учетом мировых практик, ежегодно меняющихся тенденций, новыми потребностями и интересами общества. В системе

общего образования можно выделить следующие направления:

1. Обеспечение доступности качественного образования вне зависимости от социального положения обучающегося, его родителей (законных представителей), исключая любые формы проявления дискриминации и предвзятого отношения;
2. Развитие возможностей общественного участия в деятельности образовательной организации путем создания дополнительных коллективных объединений;
3. Обеспечение реализации мероприятий по организации перехода на обновленные федеральные государственные образовательные стандарты. Данные стандарты способны к улучшению образовательной системы за счет единого подхода к учебному процессу во всех общеобразовательных организациях путем обеспечения унифицирования и преемственности программ и подходов к обучению;
4. Обеспечение общеобразовательных организаций внедрением дистанционно-электронных и цифровых технологий для повышения качества предоставляемых образовательных услуг, созданием новых возможностей для обучающихся и обновлением устаревшего оборудования на более современное;
5. Создание благоприятных условий укрепления и сохранения здоровья обучающихся в общеобразовательных учреждениях путем организации просветительской деятельности, проведения мероприятий с целью системного формирования здорового образа жизни и профилактики употребления запрещенных веществ, рациональной организации образовательной деятельности в физкультурно-оздоровительном направлении, а также инфраструктурного оснащения здания и соблюдения санитарных норм при составлении учебного расписания;
6. Разработка механизмов и внедрение в них мировых практик, благода-

- ря которым будет проходить проведение курсов повышения квалификации для педагогических кадров;
7. Создание благоприятных условий для возможности самосознания и постепенной самореализации личности каждого обучающегося путем воспитания в них патриотизма, толерантности, ответственности, принятия активного участия в жизни общества, уважения к традициям и культурным особенностям всех национальностей за счет проведения дополнительных мероприятий;
8. Обеспечение общеобразовательных организаций педагогическими работниками по специальности «Психология» для учета индивидуальных потребностей и особенностей каждого обучающегося для избежания конфликтных ситуаций;
9. Улучшение качества образовательного процесса за счет применения международных практик для осуществления мониторинга достижения целевых показателей в общеобразовательных организациях.

Данные направления нацелены на формирование благоприятных условий для обучающихся и работников общеобразовательных организаций путем расширения уже имеющихся возможностей, повышения качества и доступности предоставляемого общего образования.

В системе дошкольного образования, так же, как и на других уровнях, определен ряд направлений, в соответствии с которыми осуществляется государственная образовательная политика:

1. Обеспечение 100% доступности дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет. Под доступностью понимается предоставление места каждому ребенку за счет введения дополнительных мест в дошкольном учреждении, либо строительство или реорганизация уже имеющихся учреждений. Данное направление является актуальным на протяжении уже многих лет в свя-

- зи с демографическим ростом и потребностями населения;
2. Развитие новых организационных и экономических механизмов функционирования дошкольных учреждений, которое подразумевает формирование конкурентной среды по предоставлению дошкольнообразовательных услуг и перевода финансирования на долевую бюджетную основу;
 3. Создание условий для возможности привлечения инвестиционных средств в сферу дошкольного образования. Данное направление подразумевает под собой то, что не всегда достаточного федерального, регионального или муниципального финансирования и необходимо привлечение дополнительных источников для дальнейшего решения обозначенных проблем в том или ином дошкольном учреждении;
 4. Повышение качества предоставляемого дошкольного образования путем внедрения обновленных методик в воспитательный процесс для развития навыков и способностей у детей, разработки программ повышения квалификации для воспитателей по разным направлениям деятельности;
 5. Разработка плана мероприятий по созданию адаптивной системы дошкольных учреждений с целью их интеграции с другими уровнями системы образования Российской Федерации и сферами жизнедеятельности, а также внедрения инновационных технологий развития детей.
- Вышеперечисленные направления способствуют развитию интеграции между учреждениями разных уровней и социальной направленности, обеспечению местом каждого ребенка в дошкольных образовательных учреждениях за счет увеличения количества мест путем строительства или реорганизаций детских садов, а также повышению кадрового потенциала в сфере дошкольного образования, выработке и освоению первоначальных навыков у воспитанников, которые в дальней-

шем будут развиваться уже на следующих ступенях образовательной системы.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что реализация государственной образовательной политики в сфере общего и дошкольного образования осуществляется на основе принципов, законодательно закрепленных в Федеральном законе № 273. Для обеспечения соблюдения образовательных принципов происходит определение приоритетных направлений в сфере общего и дошкольного образования, нацеленных на повышение доступности образования и предоставление качественных образовательных и воспитательных услуг, которые должны соответствовать федеральным государственным образовательным стандартам, а также включать в себя внедрение инновационных технологий, мировых практик для удовлетворения потребностей каждого человека и общества в целом.

Литература

1. Журавлева И.А. Проблемы российской системы высшего образования: качественный анализ // Социология. 2022. № 2. С. 134–142.
2. Журавлева И.А. Оценка развития государственной образовательной политики (экспертный анализ) // Социология. 2021. № 4. С. 63–74.
3. Журавлева И.А. Особенности развития дополнительного образования детей и взрослых в России // Социология. 2021. № 1. С. 103–114.
4. Журавлева И.А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 279–286.
5. Журавлева И.А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31–34.
6. Журавлева И.А. Образование, здоровье и социализация молодежи в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход.

Межвуз. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 79–82.

7. Полюшкевич О.А. Образование в жизненном мире современной молодежи: региональный аспект // Иркутская социологическая школа на рубеже XXI века. сборник научных трудов. Печатается по решению президиума Иркутского регионального отделения Российского общества социологов. Иркутск, 2008. С. 69–77.
8. Полюшкевич О.А. Образование в социокультурном пространстве региона // Иркутск: традиции и проектирование будущего. материалы Международной научно-практической конференции. 2011. С. 261–263.

SYSTEMATIC ANALYSIS OF STATE POLICY IN THE FIELD OF PRESCHOOL AND GENERAL EDUCATION

Zhuravleva I.A.
Irkutsk State University

The article analyzes expert assessments of the development of state educational policy in the field of preschool and general education, identifies the main problems and contradictions, and also identifies the main vectors of social modeling of the educational policy of the Russian Federation.

Keywords: education, public policy, preschool education, general education, expert opinions.

References

1. Zhuravleva I.A. Problems of the Russian system of higher education: a qualitative analysis // *Sociology*. 2022. No. 2. S. 134–142.
2. Zhuravleva I.A. Evaluation of the development of state educational policy (expert analysis) // *Sociology*. 2021. No. 4. S. 63–74.
3. Zhuravleva I.A. Features of the development of additional education for children and adults in Russia // *Sociology*. 2021. No. 1. S. 103–114.
4. Zhuravleva I.A. Resource and educational potential of modern youth // *Sociology*. 2020. No. 1. S. 279–286.
5. Zhuravleva I.A. Modernists and Traditionalists: Educational Trajectories of Russian Youth // *Alma mater (Bulletin of Higher School)*. 2019. No. 6. S. 31–34.
6. Zhuravleva I.A. Education, health and socialization of youth in a pandemic // *Philosophy of health: an integral approach*. Inter-university. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021. S. 79–82.
7. Polyushkevich O.A. Education in the life world of modern youth: a regional aspect // *Irkutsk sociological school at the turn of the XXI century*. collection of scientific papers. Published by decision of the Presidium of the Irkutsk Regional Branch of the Russian Society of Sociologists. Irkutsk, 2008, pp. 69–77.
8. Polyushkevich O.A. Education in the socio-cultural space of the region // *Irkutsk: traditions and designing the future*. materials of the International scientific-practical conference. 2011. S. 261–263.

Управление в аптечном бизнесе: эмпирический анализ

Карандин Константин Сергеевич,

аспирант кафедры социологии и социальной работы, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»
E-mail: kkarandin@yandex.ru

В статье рассматривается эмпирический анализ элементов процесса управления, в организациях предоставляющих фармацевтические услуги, включая подходы к управлению персоналом. Основное внимание уделено вопросу корпоративной культуры как элементу мотивации персонала предприятий. Представлен краткий анализ результатов эмпирических данных по оценке корпоративной культуры как инструмента мотивации персонала предприятий. Дана характеристика принципу множественности и совмещения методов сбора информации – триангуляции и методу сбора и анализа качественной информации в интернет-пространстве – нетнографии.

Ключевые слова: управление персоналом в аптечном бизнесе, стратегическое управление, корпоративная культура, технологизации управленческого процесса, триангуляция, нетнография.

Введение

Стабильность многих организаций в большей мере зависит от кадрового потенциала, который является ценным и дефицитным ресурсом. Высококвалифицированные кадры обеспечивают рентабельность и конкурентоспособность организации на рынке товаров и услуг. Неправильное использование кадровых ресурсов, как правило, сдерживает развитие персонала и организации в целом, а также негативно сказывается на темпах роста производства. В связи с этим одной из главных задач организации является ликвидация несоответствия между потенциалом отдельного сотрудника и трудовыми запросами организации.

Со временем организационные модели в коммерческой сфере модернизируются, что влияет на технологию внедрения их в существующие компании, заставляя пересмотреть общую стратегию управления кадровыми ресурсами. Новые сценарии развития, указывают на новые пути, по которым должны двигаться компании. Эти пути характеризуются инновациями в различных областях (повсеместное использование социальных сетей, управление информационными потоками, формирование мнения потребителей, развитие инновационных средств коммуникации, искусственным интеллектом и др.). Достижения в технологическом секторе вызывают постоянные изменения, на прямую влияющие на поведение (на характер принятия решения) людей и, как следствие, на деятельность компаний.

Изменения в стратегии управления персоналом также затрагивают и аптечный бизнес в том случае, если имеющиеся технологии и методы не обеспечивают продуктивности и повышения конкурентоспособности на локальном рынке. Изменения во внутренней и внешней структуре аптечного бизнеса повлекшие за собой снижение эффективности, приводят к пересмотру управ-

ленческих методов и поиску инновационных технологий управления. В целом организации стремятся к построению прочных отношений с клиентами, укреплению доверия и поддержанию их лояльности к компании. С самого начала взаимодействия с потенциальными клиентами компании не только знакомят клиентов с брендом и ассортиментом продукции и услуг, но и одновременно с этим стремятся обеспечить максимальный уровень доверия.

Можно выделить ключевые моменты, необходимые для формирования доверия клиента:

- Профессионально-выстроенные и удобные каналы коммуникации, которые ориентированы на интересы пользователей, предоставляющие справочную информацию о компании, предлагающие оптимальные способы связи и гарантирующие безопасность и защиту личной информации и данных.
- Регулярно обновляемые каналы в социальных сетях, наполняемые актуальным для целевой аудитории контентом, а также активно и тщательно оптимизируемые для создания прямого контакта с клиентами.
- Четкое позиционирование компании с точки зрения устойчивой работы по связям с общественностью.
- Регулярно обновляемый корпоративный блог на сайте компании, передающий уникальные опыт или знания, или предлагающий практические советы.

Организации, осуществляющие интегральное стратегическое управление, наиболее рентабельны и конкурентоспособны. Для того чтобы этого достичь, необходима правильно выбранная стратегия. Более чем сорокалетняя история исследований в области стратегического менеджмента привела к появлению достаточно большого количества теоретических концепций, методологий и инструментов. На сегодняшний день существует большое количество методов стратегического анализа и планирования. Речь идет, прежде всего, о процессно-ориентированных

организациях, которые через декомпозицию бизнеса на набор взаимосвязанных бизнес-процессов осуществляют интегрированное управление отдельными видами деятельности, создающими ценность для потребителя.

Практика современных компаний диктует правила – недостаточно просто разрабатывать и внедрять кадровые программы и мероприятия – кадровая служба должна стать функцией бизнеса, то есть работать на достижение целей всей организации. То есть в обязанности менеджера по персоналу входит агитация персонала и руководящих лиц к тому, что их трудовая деятельность должна быть направлена на консолидацию, которая приводит к сплоченности и достижению целей организации. Таким образом, кадровое планирование вместе с разработанной кадровой программой в результате приносят прибыль организации. Поэтому стратегия управления персоналом должна быть комплексной в смысле нацеленности рабочей силы организации на достижение целей ее долгосрочного развития. Реальные изменения наступят тогда, когда компания сможет добиться сотрудничества между HR-менеджерами и линейными руководителями в стратегическом планировании деятельности компании. В этом случае планирование управления персоналом становится неотъемлемой частью бизнес-планирования, а разработка стратегии управления персоналом рассматривается как приоритетный бизнес-процесс. Руководители определяют потенциал сотрудников и организационную структуру, которые могут способствовать достижению целей компании. Результатом такого бизнес-планирования являются четко определенные бизнес-процессы для всех подразделений компании, которые помогут более эффективно достигать поставленных целей [9]. Четко определенный бизнес-процесс управления персоналом и понимание алгоритмов формирования корпоративной культуры как инструмента мотивации труда дает нам эффективную основу для определения долгосрочных потреб-

ностей компании в персонале и планирования мероприятий по удовлетворению этих потребностей. Корпоративная культура является относительно новой областью менеджмента, однако множество исследований подтверждают ее сильное влияние на повышение инновационности организации [11]. В свою очередь инновации ведут к повышению производительности и гибкости компании.

Корпоративная культура как элемент мотивации персонала предприятий

Значимость мотивации персонала обуславливается тем, что мотивация выступает одним из главных направлений в системе управления персоналом и предприятием в целом. Это объясняет заинтересованность руководства в высокой мотивации персонала, которая призвана побуждать сотрудников на достижение личных целей и целей организации, а также на удовлетворение собственных потребностей в ходе трудовой деятельности. Исходя из этого, мотивация персонала организации носит двусторонний характер и напрямую связана с повышением уровня социального благосостояния. Индивидуальный подход руководителя, выступает импульсом для создания благоприятного климата внутри коллектива и повышения работоспособности каждого сотрудника. В этом случае, мотивация персонала способствует достижению обозначенных целей и желаемых результатов не только в отдельно взятой организации, но и в управленческой системе в целом [4].

В организациях и предприятиях важной частью выступает взаимодействие структурных подразделений. Зачастую деятельность одного подразделения может зависеть или влиять на деятельность одного или даже нескольких подразделений. Важно стремиться обеспечить высокий уровень культуры организации путем создания благоприятной морально-психологической обстановки и снижению уровня стрессов [5]. Подтверждение этих и ряда других ключевых выводов можно найти в исследованиях, в том числе, в исследо-

вании, проведенном кафедрой социологии и социальной работы Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, в том числе с участием автора, в ходе которого проведен анализ результатов эмпирических данных по оценке корпоративной культуры как инструмента мотивации персонала предприятий. Опрос проводился по специально разработанной выборке, репрезентирующей предприятия и организации Брянской области по месту расположения, в пределах Брянского района и города Брянска в период с 11.11.2021 г. по 23.11.2021 г. Число респондентов составило – 270 человек. Ряд предприятий так или иначе связан с фармацевтической промышленностью: ООО «БрянскСпирт-Пром», ООО «Агрофирма «Культура», АО «Брянский химический завод имени 50-летия СССР»

Проведенное социологическое исследование позволило обнаружить позитивные установки персонала по отношению к руководству, а также зафиксировать бесконфликтную среду в коллективе, которая создается путем идентификации персонала с компанией. Следует подробнее остановиться на некоторых вопросах исследования, касающихся проблематики стратегического управления персоналом.

Так, третий вопрос (рис. 1): «Насколько хорошо организована работа?» подтвердил, что большинство респондентов, 54%, выбрали вариант ответа «Неплохо, хотя есть возможность улучшения». Тридцать один процент респондентов считают, что работа организована очень хорошо. Затруднились ответить 7%, а 6% выразили мнение о том, что работа организована удовлетворительно и много времени расходуется впустую. Наименьшее количество респондентов (2%) выбрали вариант ответа «Работа организована очень плохо».

В вопросе 4.6 (рис. 2) респондентам было предложено выразить степень удовлетворенности отношениями с непосредственным руководителем. Подавляющее большинство респонден-

тов (73%) полностью удовлетворены отношениями со своим руководителем. Вариант ответа «Пожалуй, удовлетворен» выбрали 22% респондентов, затруднились ответить – 4% и 1% не удовлетворены отношениями с непосредственным руководителем.

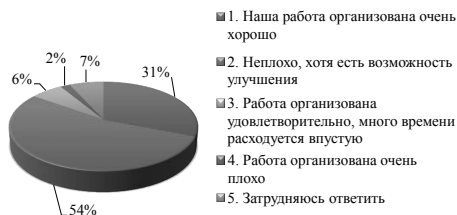

Рис. 1. Оценка респондентами состояния организации работы

Рис. 2. Оценка степени удовлетворенности отношениями с непосредственным руководителем

В вопросе «Влияет ли корпоративная культура на Ваше признание в коллективе?» (рис. 3) данные распределились следующим образом: 48% респондентов отмечают, что корпоративная культура влияет на признание в коллективе, 32% – затруднились ответить на представленный вопрос и 20% считают, что корпоративная культура не влияет на признание сотрудников в коллективе.

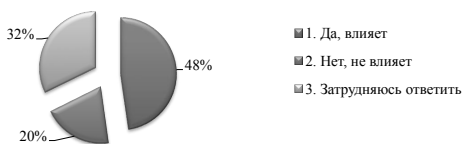

Рис. 3. Влияние корпоративной культуры на признание сотрудников в коллективе

Корпоративная культура в обследуемых организациях строится с помощью совместных усилий руководителей и подчиненных. Поэтому важно определить какой социально-психологический

климат существует в организациях. Ряд вопросов анкеты (вопрос № 4, № 6, № 8, № 11, № 12, № 13) позволил выявить и оценить социально-психологический климат трудовых коллективов на обследуемых предприятиях.

По результатам исследования можно сформулировать справедливый вывод – в большинстве организаций в коллективе преобладает атмосфера взаимопомощи, уважения, профессионализма, доверия, открытости и защищенности, что говорит о благоприятном социально-психологическом климате внутри предприятия в целом. Правильно сформированный социально-психологический климат способен положительно влиять на продуктивность сотрудников, их эффективную деятельность сотрудников, что ведет к повышению производительности и рентабельности предприятия.

Корпоративная культура призвана стимулировать уважительные отношения в коллективе, а также создавать благоприятный социально-психологический климат [7]. Руководители организации внедряют инновационную корпоративную культуру и доносят персоналу трансформированные под компанию элементы культуры [3].

Корпоративная культура организации – является одним из элементов проектирования эффективных систем управления, она неразрывно связана с мотивацией персонала, и влияет на формирование благоприятного социально-психологического климата. Персонал организаций добровольно соблюдает принятые нормы и правила компании и осознает свою ответственность, осуществляя трудовую деятельность. Ценностные установки компании изучаются с позиций сочетания индивидуальных и коллективных ценностей [3].

Основным критерием профессионализма современного управленца выступает его способность эффективно решать предметные задачи в рамках своей деятельности. К этой части деятельности можно отнести производственные, маркетинговые, экономические, и ряд других задач [2]. В основе

практически всех этих задач лежит совокупность различных действий, выстроенных в определенной последовательности. Проблематика маркетинговых и бизнес-процессов исследуется в работах Б.Н. Злотина, Р.В. Радшуна, А.В. Зусмана, Э.А. Соснина, В.И. Когородина, Б.Н. Пойзнера. Существенный вклад в формирование и развитие концепций радикального переосмысления бизнес-процессов внесли Д. Чампи, М. Хаммер, М. Портер, Т. Дейвенпорт, Е.Г. Ойхман, В.Г. Елиферов, Ю.Ф. Тельнов, В.В. Репин, Э.М. Попов. Несмотря на высокий вклад этих ученых, приходится отмечать, что проблема моделирования эффективных систем управления маркетинговыми и бизнес-процессами непосредственно в области фармацевтических услуг остается явно недостаточной [10].

Так множественность источников информации, обеспечивающих взаимодополняемость данных и проверку достоверности, предполагает получение целостного и точного представления о ней и помогает характеризовать объект всесторонне. Эту мысль высказал П. Лазарсфельд еще в 1933 г. в работе «Принципы социологии», а в 1959 г. развили Кемпбелл и Фиске в работе «Установление конвергентной и дискриминантной валидности с помощью многосторонней многометодной матрицы» [8].

В современной постмодернистской литературе принцип множественности и совмещения методов сбора информации получил наименование триангуляции. Первым понятие триангуляции ввел Н.К. Дензин в книге «Исследовательский акт», понимая под ним использование «разносторонних методов в анализе одних и тех же эмпирических событий» [12].

Многометодная техника является способом проверки валидности данных. В ее основе лежит принцип мультиоперационализма или множественности индикаторов – данных, имеющих различную структуру [6].

На основе принципа мультиоперационализма различаются два типа три-

ангуляции: между-методы и внутри-методы. Между-методная триангуляция – комбинация двух и более исследовательских стратегий при изучении одних и тех же эмпирических объектов. Например, П. Лазарсфельд предлагал смешивать качественные методы («включенное наблюдение», жизнеописания, глубинные интервью) с количественными (психологические тесты, анкетирование, обработка данных) [1]. Внутри-методная триангуляция допускает смешение подвидов одного метода, например, интервьюирования стандартизированного и глубинного, группового и личного.

Представим это в виде внутриметодной матрицы интервьюирования. В качестве примера попытаемся на основе принципа внутри – методной триангуляции разработать матрицу интервьюирования (Рис. 4), представляющую собой смешение нескольких подвидов интервью. Исследование будет касаться спроса на фармацевтическую помощь конкретной аптечной сети. В качестве источников информации будем использовать разные типы респондентов. С одной стороны, потребителей фармацевтической помощи данной сети и сети-конкурента, которые делятся на постоянных потребителей (условно назовем их «специалисты области потребления») и случайных посетителей аптек («неспециалистов»). С другой стороны, работников в сфере аптечного бизнеса (условно назовем их «экспертами»).

Применение указанных видов интервью основано на стратегии их последовательного, а не параллельного взаимодополнения. При этом соблюдается направленность «от количества – к качеству», т.е. сначала получение статистически значимых данных о явлениях, а затем их обогащение глубинными данными. Триангуляционные процедуры позволяют интегрировать информацию из многих источников, собранную разными исследователями с помощью разных методов (в том числе очень гибких, например, нетнографии). С помощью многообразного инстру-

ментария социолог может произвести более объемную интерпретацию собы-

тий и явлений, добиться большей убедительности информации.

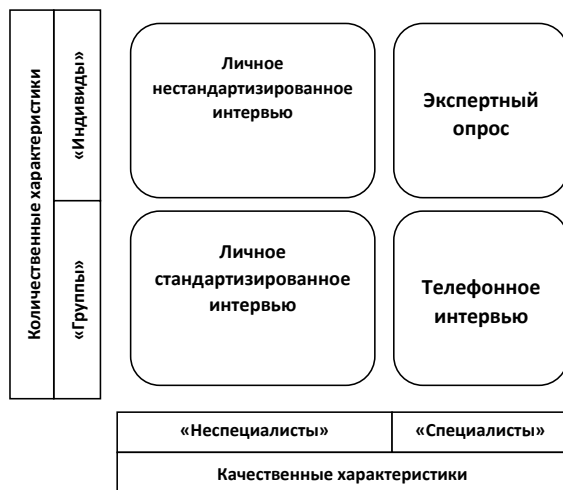

Рис. 4. Внутриметодная матрица интервьюирования в маркетинговом исследовании

Нетнография – совокупность современных методов и технологий, помогающих осуществлять сбор и анализ качественной информации в Интернет-пространстве. Как правило, нетнография используется для анализа информации в социальных сетях; возник в связи с необходимостью исследователей обращаться к мнению людей. Слияние этнографии с онлайн-пространством породило множество методов, напрямую не затрагивающих предметное поле антропологии [14]. Нетнография, виртуальная этнография, веб-этнография, цифровая этнография, этнография социальных сетей или онлайн-этнография – вот некоторые примеры этого разнообразия. В то время как термин нетнография чаще используется исследователями в области маркетинга и менеджмента, виртуальная этнография чаще используется исследователями в области социальных наук и антропологии [15, 13].

Нетнография как метод – позволяет анализировать свободные высказывания потребителей, размещенные ими в конкретном Интернет-сообществе по их собственной инициативе, без принуждения, то есть этот источник можно

рассматривать как вполне объективный [16]. Как правило, суждения пользователей Интернет-сообществ четко и подробно выражают их точку зрения о том или ином товаре или услуге, который является объектом изучения для исследователя.

С целью поиска интересующей онлайн-информации мы обратились к сервису Яндекс-карты предприятий аптечного бизнеса. Основным критерием в отборе источников информации был абсолютно открытый доступ к сообщениям пользователей. Это требование носит этический характер по отношению к авторам комментариев и свидетельствует о добровольном предоставлении информации респондентами широкой общественности.

Общее количество отзывов, подвергнутых анализу, составляет 607 шт. В проведенном исследовании в качестве единиц анализа были выбраны словоосновы категорий и подкатегорий, а также словосочетания, в которых был очевиден контекст употребления этих словооснов.

Подкатегории (как индикаторы признаков категорий анализа) представлены в словах, которые отражают ос-

новые аспекты изучаемой проблемы. Определяя перечень смысловых единиц, мы учитывали состав топ-25 словооснов.

Данные рисунка 5 позволяют визуализировать наиболее значимые с точки зрения усреднённого веса слова. Сравнение значений усреднённого веса индикаторов показывает, что наиболее значимыми являются слова «цена», «лекарство», «сайт», «фармацевт», «интернет», «низкий», «персонал», «скидка», «дешевый», «очередь».

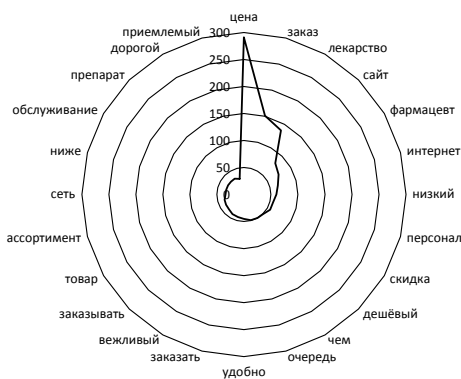

Рис. 5. Усреднённый вес индикаторов

Таким образом, «холодный» анализ количественных данных позволяет сделать следующие выводы.

В топ-25 словооснов первое место занимает словооснова «аптека», что вполне объяснимо контекстом изучаемой проблемы. Второе место занимает слово «цена», что может свидетельствовать о том, что критерий цены является одним из наиболее важных для потребителей аптечной организации.

Выявленные характеристики поведения потребителей, предполагается использовать в последующем исследовании работы персонала в аптечном бизнесе. Дальнейшее использование полученных данных можно применить для составления анкеты для опроса потребителей аптечных услуг.

Метод нетнографии позволяет оперативно консолидировать необходимые для анализа данные даже тем исследователям, которые не являются сотрудниками сервисной организации. Нако-

нец, рассмотренный метод нетнографии может использоваться при изучении степени удовлетворенности потребителей, как традиционными методами, так и с помощью информационных технологий.

Исследования, посвященные изучению спроса на фармацевтическую помощь, как показывает практика, проводятся неспециалистами в области социологических исследований и только одним количественным методом – анкетированием, как правило, при небольших выборках. Полученные данные могут служить образцом для тиражирования, однако не всегда, Зачастую ни инструментарий, ни обработка данных не позволяют признать эти результаты надежными. Таким образом, при изучении существующих в маркетинговых исследованиях проблем часто можно констатировать ограниченность применения их результатов, обусловленную однотипностью методик, не дающих возможности получить целостную и динамичную картину состояния изучаемого объекта. Поэтому идея расширения существующих методик маркетинга за счет новых средств коммуникации и интернета, имеет большие перспективы. Положительным моментом техник исследований, основанных на принципах триагуляции, является ее способность давать целостное и точное представление об объекте исследования при минимальных финансовых затратах.

Литература

1. Батыгин, Г.С. Ремесло Пауля Лазарсфельда (введение в его научную биографию) // Г.С. Батыгин [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/batygin_lazar.html [Дата последнего обращения 10.04.2022]
2. Герасимов, Б.Н. Основы российского управления: Технологии управления / Б.Н. Герасимов. – ч. 2. – Самара: СГАУ, МИР, 2006. – 228 с.
3. Гостенина, В.И. Корпоративная культура как управленческая тех-

- нология формирования идентичности персонала / В.И. Гостенина, Ж.А. Казорина, А.С. Новиков // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 42–57.
4. Гостенина, В.И. Мотивация персонала в современной организации / В.И. Гостенина, С.Л. Мельников, Н.Г. Сквознякова // Дискурс социальных проблем в социокультурном, образовательном, языковом пространстве в период пандемии коронавируса: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Брянск, 10 февраля 2021 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2021. – С. 139–145.
 5. Гостенина, В.И. Современные механизмы и технологии управления кадровой деятельностью в российских организациях / В.И. Гостенина, Ж.А. Казорина, А.Н. Гузеев // Экономика. Социология. Право. – 2020. – № 2(18). – С. 66–72.
 6. Гостенина, В.И. Прогнозирование потребностей отраслей экономики в специалистах с высшим образованием в отраслях перерабатывающей промышленности и сельского хозяйства (на примере Брянской области) / В.И. Гостенина, Н.В. Буренкова, К.С. Карандин [и др.] // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. – 2018. – № 1(10). – С. 102–110.
 7. Давидов П. Влияние формы собственности на мотивационный тип работника // Актуальные научные исследования в современном мире. 2016. № 9–5 (17). С. 6–9.
 8. Карандин, К.С. Особенности применения стратегии триангуляции в социологических исследованиях / К.С. Карандин // Экономика. Социология. Право. – 2016. – № 4(4). – С. 48–54.
 9. Мельникова Т.Ф. Исследование типологии трудовой мотивации / Т.Ф. Мельникова, А.А. Гнеушева, Е.А. Липенин // Шаг в науку. 2018. № 3. С. 14–21.
 10. Радченко, Д.Б. Роль социально-коммуникативной технологии в формировании доверия к органам государственной власти / Д.Б. Радченко // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2017. – Том 2, № 3. – С. 6–23.
 11. Ребров А.В. Влияние мотивационной структуры на результативность труда работников различных профессий // Социологические исследования. 2008. № 5 (289). С. 74–83.
 12. Семина, М.В. Как качественная социология завоевывала себе дорогу (на примере судьбы одного социолога), или об основных тенденциях современных исследований / М.В. Семина // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 3. – С. 197.
 13. Соколовский, С.В. Методология и принципы цифровой антропологии / С.В. Соколовский // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 1. – С. 200–214.
 14. Kozinetz R.V. Netnography: Understanding Networked Communication Society// Chapter for The SAGE Handbook of Social Media Research Methods / ed. by Anabel Quan-Haase and Luke Sloan. 2015. P. 4.
 15. Kozinetz R.V. Netnography: Doing Ethnographic Research Online. London, 2010. P. 211.

PHARMACY MANAGEMENT: AN EMPIRICAL ANALYSIS

Karandin K.S.

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky”

The article discusses an empirical analysis of the elements of the management process in organizations providing pharmaceutical services, including approaches to personnel management. The main attention is paid to the issue of corporate culture as an element of the motivation of the personnel of enterprises. A brief analysis of the results of empirical data on the assessment of corporate culture as a tool for motivating enterprise personnel is presented. A characteristic is given to the principle of plurality

and combination of information collection methods – triangulation and the method of collecting and analyzing high-quality information in the Internet space – netnography.

Keywords: personnel management in the pharmacy business, strategic management, corporate culture, technologization of the management process, triangulation, netnography.

Reference

1. Batygin, G.S. Craft Paul Lazarsfeld (introduction to his scientific biography) / Moscow Batygin [Electronic resource] / Access mode: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/batygin_lazar.html [Last circulation date 10.04.2022]
2. Gerasimov, B.N. Fundamentals of Russian Management: Management Technologies / B.N. Gerasimov. – h. 2. – Samara: SGAU, Mir, 2006. – 228 p.
3. Gostenina, V.I. Corporate culture as a management technology for the formation of identity / V.I. Gostenina, J.A. Kazorina, A.S. Novikov // Central Russian Bulletin of Public Sciences. – 2021. – T. 16. – № 4. – P. 42–57.
4. Gostenina, V.I. Motivation of staff in a modern organization / V.I. Gostnina, S.L. Melnikov, N.G. Skvoznaykova // Social problems discourse in a socio-cultural, educational, language space during the coronavirus pandemic period: Materials of the All-Russian Scientific Practical conference with international participation, Bryansk, February 10, 2021. – Bryansk: Bryansk State University named after Akademik I.G. Petrovsky, 2021. – P. 139–145.
5. Gostenina, V.I. Modern mechanisms and technologies for managing personnel activities in Russian organizations / V.I. Gostenina, J.A. Kazorina, A.N. Guzeyev // Economics. Sociology. Right. – 2020. – № 2 (18). – P. 66–72.
6. Gostenina, V.I. Forecasting the needs of the sectors of the economy in specialists with

higher education in the manufacturing industries and agriculture (on the example of the Bryansk region) / V.I. Gostenina, N.V. Burenkova, K.S. Karandin [and others] // Yearbook of fundamental research and applied research. – 2018. – № 1 (10). – P. 102–110.

7. Davidov P. Influence of ownership of the ownership of the motivational type of employee // Actual scientific research in the modern world. 2016. № 9–5 (17). P. 6–9.
8. Karandin, K.S. Features of the application of the triangulation strategy in sociological research / K.S. Karandin // Economics. Sociology. Right. – 2016. – № 4 (4). – P. 48–54.
9. Melnikova T.F. Study of the Type of Labor Motivation / T.F. Melnikova, A.A. Gneusheva, E.A. Liphenin // Step into science. 2018. No. 3. P. 14–21.
10. Radchenko, D.B. The role of social and communicative technology in the formation of confidence in state authorities / D.B. Radchenko // Communication: Electronic Scientific Journal. – 2017. – Volume 2, No. 3. – P. 6–23.
11. Rebrov A.V. The influence of the motivational structure for the effectiveness of the labor of workers of various professions // Sociological research. 2008. № 5 (289). P. 74–83.
12. Semin, M.V. How high-quality sociology won the way (on the example of the fate of one sociologist), or on the main trends of modern research / M.V. Semin // Monitoring public opinion. – 2012. – № 3. – C. 197.
13. Sokolovsky, S.V. Methodology and principles of digital anthropology / C.V. Sokolovsky // Siberian historical studies. – 2021. – № 1. – P. 200–214.
14. Kozinetz R.V. NetNography: Understanding NetWorked Communication Society // Chapter for the Sage Handbook of Social Media Research Methods / Ed. By Anabel Quan-Haase and Luke Sloan. 2015. R. 4.
15. Kozinetz R.V. NetNography: Doing Ethnographic Research Online. London, 2010. P. 211.

Профессиональное самочувствие: баланс престижа и пафоса

Кармадонов Олег Анатольевич,
профессор, доктор философских наук, профессор
кафедры государственного и муниципального
управления Института социальных наук, Иркутского
государственного университета
E-mail: karmado@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос исследования профессионального самочувствия современных россиян. Выявляются общие закономерности оценки социального самочувствия, связанные с профессиональной реализацией соотечественников. На результатах эмпирического исследования обобщаются основные социальные показатели трансформации общественного сознания, связанные с восприятием престижа и пафоса определенных профессий и утратой социального имиджа других профессиональных сообществ. Делаются выводы о социальном самочувствии через профессиональные стратегии реализации, способные привести к социальной солидарности или дезинтеграции общественного развития.

Ключевые слова: социальное самочувствие, профессиональное самочувствие, социально-экономическая группа, престиж, пафос, жизненные перспективы, реализация.

Профессиональное самочувствие как показатель социально-экономического развития общества выступает формой и условием социальной мобильности, общественной активности и вовлеченности в общественное воспроизводство. Профессиональное самочувствие – это критерий субъективной удовлетворенности своей личной реализацией и тех социальных возможностей, которые есть в конкретный социально-исторический момент для представителей конкретной социальной группы (какие есть жизненные и профессиональные перспективы для жителей определенных территорий, возрастов, полов и т.д.). В этом смысле, профессиональное самочувствие выступает критерием и мерилom социальной удовлетворенности и социального самочувствия в целом. Чем больше положительных форм оценки социального самочувствия, тем больше возможностей видит человек или в целом представитель социальной группы для себя и своих близких в плане личной и профессиональной реализации в жизни.

Вопросами престижа профессии занимаются ученые достаточно давно и в основном это касается исследований в разных сферах (престижа профессии учителя, врача, юриста, полицейского, строителя и т.д.), достаточно мало работ, посвященных внутренним и внешним условиям, предпосылкам конструирования того или иного облика профессии в общественном сознании. Можно лишь назвать работы А.Ю. Краснова [3], А.А. Стельмах [5]. Частично данный вопрос отражен в работе О.А. Полюшкевич [4], касающийся уровня общественного доверия и связанного с этим профессионального развития. Но в целом, социально-экономические группы как объекты для изучения исследованы недостаточно.

Нами в свое время была сформулирована дихотомия престижа и пафоса,

как оппозиции противоположного группового настроения. Был сделан вывод о том, что пафос социо-экономической группы обусловлен и коллективным сознанием, и стремлением индивидов к позитивной идентификации. Пафос выступает средством, используемым непрестижной группой для своего сохранения. Очевидно, что далеко не все группы признаются в обществе престижными, но выжить хотят все. И если престиж есть средство для увеличения жизненных шансов, то какое средство может использовать для увеличения этих шансов группа, лишенная статуса престижной? Таким средством выступает пафос. Группа или профессия, не являющаяся престижной ни с точки зрения общества, ни с точки зрения общественности (малой группы), создает для своего выживания определенный пафос, сопровождаемый неким кодексом норм, предписаний, внутренних легенд и традиций. Социо-экономическая группа-аутсайдер отказывается нести на себе печать непрестижности, и свое незавидное положение склонна истолковывать как некий крестный путь, своего рода святое мученичество, за которое неизбежно должно воздаться. Таким образом, пафос социо-экономической группы выполняет ту же функцию, что и престиж, поэтому данные понятия – не антитезы. Говоря точнее, пафос есть суррогат престижа. Последнее обстоятельство не преуменьшает его значения. Группы, лишенные престижа, создают и успешно реализуют групповой пафос, позволяющий им относительно гармонично встраиваться в социальную реальность. Можно сказать, что пафос есть способ особого истолкования реальности, приведение ее в соответствие с собственным положением [2].

Таким образом, дихотомия престиж-пафос социо-экономической группы в значительной степени формирует специфику как группового, так и социального самочувствия в силу того, что большинство социо-экономических групп могут оказаться лишенными престижа, и, тем самым, вынужденными

культивировать собственный пафос, придавая ему, вместе с другими группами, признаки социального явления, что, на наш взгляд, и происходит в современном российском обществе. Одновременно, тот факт, что групповой пафос не является производным от позитивного группового самочувствия, говорит нам и о его в известной степени «болезненной» природе. Не смотря на свои адаптационные и конструктивные функции, пафос всё же представляется нам некой попыткой группового самовнушения, своего рода социо-экономической мифологемой или даже мантрой, бесконечное повторение которой приносит, казалось бы, некоторое облегчение, но решить ничего на самом деле не может, о чем в глубине души подозревают и сами его носители и исповедники¹. В любом случае, дихотомия престижа и пафоса выступает характеристикой положения индивида и группы в сфере профессиональной деятельности, и позволяет судить о социальном самочувствии, сформированном этим положением.

Сразу заметим, что в своем исследовании мы сознательно не задавали вопрос о профессиональной принадлежности респондента. Нас интересовала престижно-пафосная составляющая в, так сказать, «чистом виде», не обремененная коннотациями рода деятельности. Другими словами, мы ставили задачу выяснить доли престижного и пафосного самочувствия вне рамок конкретной профессиональной привязки, в «чистых» сравнительных объемах от случайной выборки. В исследовании приняли участие 1170

¹ Два значения слова «исповедник» представляются нам весьма уместными при характеристике группы – носителя пафоса: 1) следующий какой-л. религии, какому-л. вероучению; и 2) подвергшийся мучениям (за проповедь христианства), но оставшийся в живых. Многие социо-экономические группы современного российского общества, особенно – так называемые «бюджетники», действительно подверглись самым настоящим мучениям в ходе «перестройки» и последующего бесконечного реформирования, тем не менее – частично выжили, в том числе – благодаря созданному однажды групповому пафосу – теодицее фактического своего положения.

человек в возрасте от 18 до 65 лет, 55% женщин и 45% мужчин, проживающих в разных регионах Российской Федерации.

В первую очередь мы выяснили – отвечает ли образование (по диплому) профессиональной деятельности респондента, то есть, тому, чем он/ она действительно зарабатывает на жизнь? Картина в результате сложилась следующая. 51% (из них 39,4% мужчин и 60,6% женщин) ответили «да, соответствует», и 49% (в том числе 42% мужчин и 58% женщин) – «нет, не соответствует». Определенная зависимость наблюдается в ответах респондентов, распределенных по трем видам образования. Соответствие образования выполняемой профдеятельности отмечают 35% опрошенных – с общим², 45,4% – со средним специальным, и 55,6% – с высшим образованием, и, тем самым, отсутствует данное соответствие у 65% респондентов – с общим, 54,6% – со средним специальным, и 44,4% – с высшим образованием. Другими словами, выпускники высших учебных заведений выглядят наиболее последовательными в профиле образования и своей профессиональной планиде.

Являются ли трудовые будни – праздниками для работающих жителей Иркутской области? Другими словами, имеется ли эмоциональная привязка к своей работе, или насколько сильно эмпатическое присоединение наших сограждан к профессиональной активности? Чтобы это выяснить, для начала был задан вопрос об удовлетворенности данной активностью. Было обнаружено, что 47,5% наших респондентов испытывают удовлетворение от своей профессиональной деятельности. Не испытывают ничего подобного – 27%, и затруднились дать ответ – 25,5% опрошенных соотечественников.

В развитие темы был задан вопрос «Испытываете ли Вы гордость за то,

чем занимаетесь?». Утвердительный ответ дали 44,8%, отрицательный – 27,2%, и затруднились с ответом – 28% опрошенных сибиряков.

Эмоциональный блок завершал вопрос: «Можете ли Вы сказать о своей работе, что делаете любимое дело?». Позитивный ответ был получен от 53% респондентов, и отрицательный ответ дали 47% опрошенных сограждан.

Таким образом, около половины наших респондентов продемонстрировали вербально, что испытывают позитивные переживания в связи со своей профессиональной деятельностью – они удовлетворены своей работой, испытывают за неё гордость, и даже заявляют, что выполняют любимое дело. Корреляционный анализ сопряженности трех переменных подтвердил уже очевидное – удовлетворенность профессиональной деятельностью сопровождается чувством гордости от того, что наш респондент занимается любимым делом; неудовлетворенность, в свою очередь, влечет отсутствие всяких положительных переживаний, и признание человека, что вынужден заниматься нелюбимым делом. Группы позитивных и негативных реакций на профессиональную деятельность кристаллизовались, тем самым, совершенно четко.

Как мы помним, самочувствие в профессиональной сфере – одна из важнейших составляющих социального самочувствия вообще. Что же представляет собой в социально-демографическом плане эта группа счастливых респондентов? Выяснилось, что удовлетворенность профессиональной деятельностью в большей степени испытывают лица с высшим образованием (71,8% от числа выбравших данный вариант), и в возрасте от 30 до 44 лет (40,1% респондентов данной подгруппы). Определенное удовлетворение от профессиональной деятельности испытывают и лица старшей возрастной группы, таких в данной когорте – 31,2%. Удовлетворенных профессиональной активностью в молодой возрастной группе набралось

² Работающие лица с общим (10–11 кл.) образованием не имеют профессионального образования, но, как правило, имеют начальную профессиональную подготовку – на различных курсах, непосредственно на месте работы, и т.д.

всего 28,7% (от числа выбравших данный вариант).

В общем и целом, можем ли мы сказать, что большинство респондентов испытывают позитивные переживания в связи со своей профессиональной деятельностью? Мы бы воздержались от такого вывода, и прежде всего, потому что доля «затруднившихся» с ответом значительна для каждой из двух первых категорий анализа (удовлетворенность и гордость), и составляет больше четверти всех опрошенных. Какой объяснительной ценностью обладает данный показатель? На наш взгляд, в данном случае вариант «затрудняюсь ответить» работает все же на «холодный» спектр шкалы, то есть, на тех, кто не удовлетворен своей работой, и не испытывает по её поводу никакой гордости. Вряд ли человек может заблуждаться или затрудняться на предмет этих чувств. Эти переживания – достаточно ригидны и недвусмысленны, поэтому отказ отнести себя к числу удовлетворенных практически автоматически зачисляет респондента в число неудовлетворенных точно так же, как отказ числиться среди испытывающих гордость за свой труд тут же переводит респондента в число тех, кто такого чувства не испытывает. На наш взгляд, здесь имеет место элементарное нежелание респондента информировать исследователей о своих истинных чувствах. Нежелание, которое, тем не менее, не оставляет нас в неведении относительно последних. В общем, в этом случае к числу респондентов, не испытывающих удовлетворение от своей профессиональной деятельности, можно отнести в сумме 52,5% (против 47,5%, выбравших позитивный вариант), и к числу, не испытывающих гордость от того, чем они занимаются – **55,2% (против 44,8%) наших опрошенных соотечественников.** Тем не менее, пусть респонденты, испытывающие позитивные переживания по поводу своей профессиональной деятельности находятся и не в большинстве, но, все-таки, составляют около половины от всего пула.

Те или иные переживания относительно профессиональной активности должны находить свои корреляты в практике повседневности и социальных представлениях, среди которых наиболее значимыми являются, на наш взгляд, степень удовлетворенности оплатой своего труда, возможность выбора той же профессиональной планиды собственным ребенком, профессиональное совершенствование, и представление о степени престижности своей профессии.

Анализ указанных параметров принес следующие результаты. При ответе на вопрос «Соответствует ли оплата Вашего труда затрачиваемым Вами усилиям?» 4,5% респондентов выбрало вариант «полностью соответствует», и 29,3% отметили вариант «в общем, соответствует». То есть, доля респондентов, удовлетворенных оплатой своего труда в сумме составляет 33,8% от общего числа. Вариант «в общем, не соответствует» выбрало 35,7%, и вариант «полностью не соответствует» – 30,5% опрошенных сограждан, что в сумме дает 66,2% от общего пула. Среди полностью удовлетворенных заработной платой – 79% имеют высшее образование, 21% – среднее специальное, а лиц с общим образованием в этой категории вообще не оказалось. Среди тех, чья оплата труда полностью не соответствует затрачиваемым усилиям – 11% с общим, 34% – со средним, и 55% – с высшим образованием. По возрастным критериям: полностью соответствует оплата труда затрачиваемым усилиям для 21% молодежи, 68,5% респондентов в возрасте от 30 до 44 лет и 10,5% – от 45 лет и старше.

В общем, очевидно, что число удовлетворенных оплатой своей профессиональной деятельности несколько ниже числа, испытывающих относительно неё исключительно позитивные переживания. Похоже, для определенной части респондентов (11–13,7% от группы испытывающих позитивные эмоции в связи с работой) материальное вознаграждение за их труд не является значимым фактором в эмоциональном от-

ношении к нему, другими словами, собственно труд ценится ими больше, нежели его оплата. Можно посмотреть и под другим углом – число неудовлетворенных оплатой несколько выше (на те же 11–13,7%) числа испытывающих негативные переживания по поводу своей трудовой деятельности, то есть, труд не устраивает эту группу респондентов в меньшей степени, нежели его оплата. Короче говоря, есть люди, испытывающие и удовлетворение, и гордость за свой труд, не смотря на несправедливость его вознаграждения.

Показательны, в этой связи, и результаты методики равновероятных трюизмов. При ответе на вопрос «Какие отношения между коллегами в коллективе являются нормальными?», большинство – 78% выбрали конструктивную и интеграционную норму «взаимная ответственность». Соответственно, 22% респондентов отдали предпочтение трюизму «каждый отвечает только за себя». При развитии темы в сторону состояния дел в конкретной профессиональной группе, то есть, при ответе на вопрос «Являются ли нормальными отношения между коллегами в вашем коллективе?», утвердительно ответили 76%, и отрицательно – 24% наших респондентов. См. Табл. 1.

Таблица 1. «Какие отношения между коллегами в коллективе являются нормальными?»

Норма-трюизм	%
взаимная ответственность	78
каждый отвечает только за себя	22
«Являются ли нормальными отношения между коллегами в вашем коллективе?»	
да	76
нет	24

То есть, в отличие от ситуации с макросоциальными структурами, описанной нами выше, здесь мы наблюдаем достаточно полный консенсус нормативных представлений и социальной фактичности. Судя по ответам, подавляющее большинство опрошенных

удовлетворены состоянием отношений в их конкретных профессиональных группах.

Как относятся наши респонденты к идее «семейной профессионализации», то есть, хотя бы они, чтобы их дети приобрели ту же профессию? Результат получился достаточно контрастный по отношению к сформированной выше не самой негативной картине профессионального самочувствия. Лишь 18,5% респондентов хотят, чтобы дети пошли по стопам родителей, остальные 81,5% – дали однозначно отрицательный ответ. Из выбравших последний вариант молодежная группа составляет 28%, средняя возрастная группа – 39,7%, и старшая возрастная когорта представлена 32,2% респондентов. Ответившие положительно составлены из 40,5% молодежи, 41,8% среднего, и 17,7% – старшего поколения. По образовательному уровню отказывающиеся своему ребенку в праве на семейную профессиональную династию представлены лицами, имеющие высшее образование – 62%, среднее специальное – 27,5%, и общее – 10,5%.

Наиболее характерны корреляции между степенью удовлетворенности, трудовой гордостью и любовью к делу и пожеланием своему ребенку той же профессиональной стези. Из числа респондентов, удовлетворенных своей профессиональной деятельностью, желают той же профессии своему ребенку 30,7%, из испытывающих гордость за свой труд – 30,9%, из считающих, что делают любимое дело – 29% опрошенных соотечественников. То есть, больше двух третей респондентов, заявивших, что испытывают положительные эмоции относительно своей профессиональной деятельности, не пожелали бы своему дитю ту же профессию! Посмотрим теперь на корреляцию с финансовой удовлетворенностью. Из общего числа тех, кто доволен оплатой своего труда желают своему ребенку той же профессиональной стези только 27,3%. Результаты вновь выглядят несколько парадоксальными. Получается, что ни позитивное профессиональное са-

мочувствие, ни удовлетворенность доходом от трудовой деятельности не являются достаточными основаниями для того, чтобы потомству можно было бы рекомендовать ту же профессию. Естественно, что данные по субгруппам – носителям негативного восприятия профессионального поля и лицам с неудовлетворительными доходами более чем предсказуемы. В первой субгруппе респондентов желают видеть своего ребенка продолжателем профессии 9,7% из тех, кто не удовлетворен своей работой, 8,8% из тех, кто не испытывает гордость за то, чем занимается, и 6,6% из тех, кто не считает, что делает любимое дело. Из лиц, недовольных уровнем оплаты своего труда желают ребенку той же профессиональной участи 14% опрошенных. Таким образом, подавляющее большинство наших респондентов, без особой зависимости от заявленного профессионального самочувствия и степени удовлетворенности оплатой своего труда, не желают своим детям той же профессиональной планиды, что досталась им. На наш взгляд, это обстоятельство позволяет говорить о том, что профессиональное самочувствие опрошенных нами россиян в действительности отличается более негативными характеристиками, чем было заявлено респондентами.

Насколько на этом фоне мотивированы на дальнейший рост собственно профессионализма наши респонденты? Судя по полученным ответам, повышением своей квалификации занимаются постоянно 34,5%, эпизодично – 27%, редко – 22%, а еще 16,5% респондентов не имеют такой надобности. То есть, не растут профессионально лишь совершенно малая доля опрошенных нами соотечественников. Остальные продолжают совершенствоваться, даже невзирая на свое профессиональное самочувствие, и составляют в сумме первых двух категорий 61,5%. Повышающие квалификацию «постоянно» и «эпизодично» в сумме представлены 33% респондентов старшего поколения, 41% – среднего, и 26% – молодежного возраста. Отметим, что средняя

возрастная когорта, как и положено, наиболее активна в профессиональном совершенствовании, старший возраст также повышает квалификацию, «не смотря на возраст», молодежная же возрастная группа выглядит наименее мотивированной на профессиональное совершенствование.

Шкалирование престижности профессиональной деятельности «вслепую» принесло следующие результаты. На вопрос «Как Вы думаете, считается ли Ваша профессия престижной в нашем обществе?» вариант ответа безусловно, считается престижной выбрали 11,2% респондентов. 32,5% опрошенных предпочли вариант, *пожалуй, считается престижной*. Таким образом, суммарный (кумулятивный) показатель положительных ответов составил 43,7%. Доля респондентов, которые дали ответ, *пожалуй, не считается престижной* составил 38,7%. Вариант безусловно, не считается престижной собрал 17,6% «голосов» опрошенных соотечественников. См. Табл. 2.

Таблица 2. «Считается ли Ваша профессия престижной в нашем обществе?»

Вариант	%
безусловно, считается престижной	11,2
пожалуй, считается престижной	32,5
пожалуй, не считается престижной	38,7
безусловно, не считается престижной	17,6

Тем самым, суммарно доля респондентов, отказавших своей профессии в престижности, составила 56,3% – цифра самым очевидным образом, перекликающаяся с количеством респондентов, не удовлетворенных своей профессиональной деятельностью – 52,5%, и не испытывающих гордость от того, чем они занимаются – 55,2%.

Соотношение профессионального самовосприятия и виртуальной возможности для детей пойти тем же профессиональным путем характерно и в этом случае. Было зафиксировано, что 29,7%, считающих свою профессию

«безусловно» и «пожалуй» престижной, хотели бы, чтобы их дети приобрели такую же. В то же время, 70,3% представителей престижной группы не продемонстрировали такого желания. В свою очередь, 10,3% опрошенных соотечественников, не считающих свою профессиональную деятельность престижной, решились все-таки пожелать своим чадам той же участи (возможно, это именно те 11–13,7% респондентов, испытывающих позитивные эмоции в связи с работой, вне особой зависимости от величины её оплаты). Не осмелились на это, соответственно, 89,7% респондентов этой группы. Тем самым, даже несмотря на вербально заявленные удовлетворенность и «престижную» групповую самооценку, перспективы профессии, как следует из виртуального продолжения её в собственных детях, выглядят с точки зрения наших респондентов, весьма туманными (и кто же решится пожелать своему ребенку «туманных» перспектив?).

Таким образом, большинство опрошенных нами соотечественников демонстрируют не самое благополучное профессиональное самочувствие, характеризующееся негативными эмоциональными переживаниями, неудовлетворенностью оплатой их труда, и низкой оценкой перспектив своей профессии, присущей даже тем респондентам, которые определили свою профессиональную деятельность в качестве престижной. В то же время, значительная часть опрошенных проявила повышенную мотивацию к профессиональной деятельности, её высокую позитивную оценку, и готовность к дальнейшему профессиональному росту. Одновременно, доля респондентов, готовых к трудовым свершениям вне зависимости от материального вознаграждения и наличия / отсутствия престижности их профессии оказалась довольно небольшой (11–13,7%). Между тем, именно эта доля опрошенных соотечественников и демонстрирует наиболее отчетливо результат статусной инверсии – когда на смену престижу группы приходит его субститут – групповой профессио-

нальный пафос. То есть, группа респондентов – «исповедников» пафоса является, по данным нашего исследования, статистически заметной, но не релевантной, что может являться издержкой «слепой» выборки, но может выступать и признаком редукции пафосной составляющей в самоощущении социально-профессиональной группы.

Одновременно подчеркнем еще раз, что пафосный компонент профессионального самочувствия является производным от неблагоприятного положения группы в статусной иерархии социальной стратификации общества. То есть, пафос носит во многом компенсационный и адаптационный характер, что лишней раз указывает нам на его в известном смысле патологическое происхождение. Можно истолковать пафос и в качестве социального настроения, результирующего в «адаптации слабых», как предлагается Б.В. Дубиным [1]. В любом случае, он обладает очевидной функциональностью, и его редукция могла бы служить симптомом преобладания престижного группового самоощущения, что, как мы можем видеть из данных нашего исследования, далеко не так. В этом случае, снижение пафосной составляющей может означать и известную «утрату сил» социально-профессиональными общностями, когда энергетики на создание пафосной теодицеи уже просто не хватает, и этот вариант представляется нам наиболее вероятным и наиболее тревожным.

Таким образом, социальный имидж социо-экономической группы определяется реальными жизненными перспективами социально-профессионального развития отдельной личности и восприятия себя как члена определенного сообщества, определенной социальной группы. Жизненные перспективы, связанные с профессиональной реализацией определяют общий уровень социального самочувствия населения и возможных перспектив личного и социального развития, помогающих либо консолидировать общество (в случае положительных профессиональных

и статусных возможностей) либо дезинтегрировать (в случае негативных или минимальных жизненных шансов и возможностей, связанных с профессиональной реализацией).

Литература

1. Дубин Б.В. Всеобщая адаптация как тактика слабых. Риторика власти – установки приближенных – настроения масс // Неприкосновенный запас. 2006. № 6. С. 33–45.
2. Кармадонов О.А. Престиж и пафос как жизненные стратегии социоэкономической группы // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 66–67.
3. Краснов А.Ю. Престиж профессии и современные трудовые предпочтения россиян // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 9 (53). С. 29–33.
4. Полюшкевич О.А. Доверие в меняющемся мире // Социология. 2021. № 2. С. 87–92.
5. Стельмах А.А. Престиж профессии как один из элементов, формирующих систему координат ценностного отношения к профессии // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60–3. С. 310–313.

PROFESSIONAL WELL-BEING: BALANCE OF PRESTIGE AND PATHOS

Karmadonov O.A.
Irkutsk State University

The article deals with the issue of studying the professional well-being of modern Russians. The general patterns of assessment of social well-being associated with the professional realization of compatriots are revealed. Based on the results of empirical research, the main social indicators of the transformation of public consciousness associated with the perception of prestige and pathos of certain professions and the loss of the social image of other professional communities are substantiated. Conclusions are drawn about social well-being through professional implementation strategies that can lead to social solidarity or disintegration of social development.

Keywords: social well-being, professional well-being, socio-economic group, prestige, pathos, life prospects, realization.

References

1. Dubin B.V. General adaptation as a tactic of the weak. The rhetoric of power – the attitudes of those close to it – the mood of the masses // Emergency reserve. 2006. No. 6. S. 33–45.
2. Karmadonov O.A. Prestige and pathos as life strategies of a socioeconomic group. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. No. 1. S. 66–67.
3. Krasnov A. Yu. The prestige of the profession and modern labor preferences of Russians // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2018. No. 9 (53). pp. 29–33.
4. Polyushkevich O.A. Trust in a changing world // Sociology. 2021. No. 2. S. 87–92.
5. Stelmakh A.A. The prestige of the profession as one of the elements that form the coordinate system of the value attitude to the profession // Problems of modern pedagogical education. 2018. No. 60–3. pp. 310–313.

Специфика пользовательского контента студентов

Коханова Людмила Александровна,

доктор филологических наук, профессор
кафедры периодической печати,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
E-mail: l_kokhanova@mail.ru

Головко Сергей Боризльевич,

кандидат филологических наук, доцент кафедры
журналистики Института массмедиа и рекламы,
РГГУ
E-mail: Sgolovko@inbox.ru

Алексеева Татьяна Спартаковна,

кандидат филологических наук, доцент
кафедры периодической печати,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
E-mail: litera.53@mail.ru

Губанова Мария Игоревна,

старший преподаватель Института государственной
службы и управления, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
E-mail: goubanova@mail.ru

Черешнева Юлия Евгеньевна,

кандидат филологических наук, доцент
кафедры периодической печати,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
E-mail: ulia@chereshneva.com

учебного процесса. По итогам полученных результатов сделаны определенные выводы. Использование сетевого пользовательского контента студентами имеет достаточно широкий диапазон: как источник информации, тем, авторов, оценок, мнений и т.д. При этом отмечается явно выраженная тенденция трансформации студенческих материалов в визуальные форматы (фото, видео, инфографика) – до трети опрошенной аудитории. Приобретенные компетенции преобразования любительского студенческого контента в профессиональный информационный ресурс дает будущим журналистам конкурентное преимущество при определении своей профессиональной судьбы.

Ключевые слова: пользовательский или любительский контент, цифровая культура, поколение Z, проектное обучение, студенты-журналисты.

Представлены результаты проведенного исследования по двум параметрам: определены основные характеристики любительского студенческого контента, свидетельствующие о происходящих весомых изменениях в социализации и профессионализации студентов в условиях цифровой культуры и проанализированы педагогические практики по преобразованию любительских навыков студентов по созданию контента в профессиональные в процессе выполнения самостоятельных проектов. Выборка студентов двух российских вузов составила 180 человек. На основе разработанных компактных исследовательских методик на первом этапе тестирование проводилось как лично, так и в онлайн-режиме в социальных сетях. На втором этапе исследования были апробированы технологии использования любительского контента для профессиональных целей: как для подготовки текста, так и мультимедийного контента в процессе

Введение. Одной из обозначенных исследователями тенденций развития СМИ признано считать, что «журналисты во всем мире утратили монополию на слово»¹. Как следствие, аудитория становится не только компетентной, но и сама начинает влиять на характер профессии журналиста. Тем самым, в медийном поле в борьбе за аудиторию обостряется конкуренция между профессиональным и пользовательским или любительским контентом.

В сравнительно недавно появившихся публикациях их авторы пытаются дать определение пользовательскому контенту. При разности подходов с позиций теории информации или менеджмента они сходятся в том, что «UGC (аббревиатура «User Generated Content») переводится как «контент, создаваемый пользователями») – это любой вид информации, который публикует пользователь в Интернете»².

Причем следует отметить, что для ряда госструктур и бизнес-корпораций, присутствующих в сетевом пространстве, «производство привлекательного контента из дополнительной возможности превращается в насущную необходимость»³. Поэтому они крайне заинтересованы в расширении пользовательской аудитории и особенно молодежной, так как «самым дефицитным ресурсом с какого-то момента становится внимание целевой аудитории»⁴.

Такой целевой массовой группой, которая им интересна как не только потребляющая, но и активно создающая пользовательский контент, является студенческая молодежь, в том числе студенты

факультетов и отделений журналистики вузов страны. Выросшее в эпоху Интернета и цифровой культуры, поколение Z определяется глобализацией, компьютеризацией, виртуальными сервисами разной степени сложности и, как следствие «клиповым мышлением»⁵. Все это находит отражение в создаваемом им любительском контенте.

Закономерно возникает вопрос: как эти знания, умения и навыки, благоприобретенные ими в сети самостоятельно, использовать в процессе профессионализации? Таким образом, в ходе текущей образовательной деятельности сложился исследовательский проект, который позволил **интегрировать учебно-образовательную и научно-исследовательскую цели деятельности.**

Для реализации поставленной цели были определены следующие задачи:

- проанализировать пользовательский студенческий контент, создаваемый будущими журналистами, т.е. определить его тематику, форматы подачи информации, жанровую структуру и язык общения в сетевом пространстве;
- разработать с учетом цифровизации классификацию современных практик профессионально-ориентированного обучения на факультетах журналистики, т.е. создать технологии использования любительского студенческого контента и перевода его в профессиональные мультимедийные форматы в процессе проектного обучения.

Методика и методология исследования были обусловлены прежде всего необходимостью рассмотреть специфику формирующейся цифровой культуры, которая представлена в работах Д. Галкина⁶, Ч. Гира⁷. Но при этом, как

¹ Ерофеев С.В. Интернет-журналистика на рубеже XX–XXI вв. М.: ИПК работников телевидения и радиовещания, 2011. С. 50.

² Касьянов С. Пользовательский контент, который убивает двух зайцев// <https://sales-generator.ru/blog/polzovateljskiy-kontent/> (дата обращения 11.01.2021).

³ Мирошниченко А. Как корпорации становятся медиа // <https://www.sostav.ru/publication/kak-korporatsii-stanovjatsya-media-5473.html> (дата обращения 14.05.2021).

⁴ Козырев А.Н. Цифровое будущее культуры: Измерения и прогнозы. М.: Издательские решения, 2016. –С. 8.

⁵ Касьянов С. Пользовательский контент, который убивает двух зайцев// <https://sales-generator.ru/blog/polzovateljskiy-kontent/> (дата обращения 11.01.2021).

⁶ Галкин Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3. С. 11–16.

⁷ Гир, Ч. Цифровая контркультура (перевод Галкина Д.В.) // Гуманитарная информатика: Сб.

отмечают исследователи, ее сегодня необходимо рассматривать во взаимодействии с традиционной аналоговой культурой⁸. Именно в этой парадигме произошли тектонические социальные сдвиги, которые способствовали столь резким изменениям суждений поколения Z.

Более того, цифровая культура во многом определяет не только социальную, но и социально-профессиональную мобильность, что отражается на изменении поведенческих моделей современного поколения⁹. Это находит выражение в создаваемом ими любительском контенте.

Что касается методического инструментария исследования, то главное требование состоит в том, что исследовательские методики должны быть компактными – выполнение заданий не должно было занимать много времени у студентов¹⁰. В рамках проектного обучения – второго этапа исследования компактность методики стала критическим условием осуществления исследования любительского студенческого контента и его использования при подготовке профессиональных мультимедийных форматов.

Выборка студенческой молодежи факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова и Института государственной службы и управления РАН-ХиГС при Президенте РФ составила 180 человека. Тестирование проводилось как лично, так и в онлайн-режиме в социальных сетях. Результаты исследования были обработаны соответствующими статистическими методами. Они помогли дать ответы на заданные исследованием вопросы.

статей / Под ред. Г.В. Можаяевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Вып.1. С. 50–72.

⁸ Прокудин Д.Е., Соколов Е.Г. «Цифровая культура» vs «аналоговая культура» // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2013. Вып. 4. С. 83–91

⁹ Головки С.Б., Коханова Л.А., Черешнева Ю.Е. Digital Culture As A Competitive Advantage Of Future Journalists// European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, издательство Future Academy (online), 2019, том 66, С. 566–572 .

¹⁰ Войсунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.

Результаты данного исследования можно разделить на две группы. Во-первых, выявлены основные характеристики любительского студенческого контента. Они свидетельствуют о происходящих весомых изменениях в социализации и профессионализации студентов в условиях цифровой культуры. Очевидно уменьшение влияния политических конъюнктур, семейных и иных традиционных отношений на становление личности. При этом возрастает воздействие более современных социальных структур, прежде всего неформальных сообществ, организаций, групп по интересам, порожденных, как правило, Интернетом. Эти тенденции находят достаточно широкое отражение в содержании студенческих постов.

Во-вторых, любительские навыки создания контента совершенно спокойно преобразуются в профессиональные в процессе выполнения самостоятельных проектов. Это объясняется прежде всего тем, что для студентов цифровая культура является «признанием того, что цифровые технологии стали органичной частью жизни современного человека»¹¹. Причем следует отметить явно выраженную тенденцию трансформации студенческих материалов в визуальные форматы (фото, видео, инфографика) – до трети опрошенной аудитории.

Если более подробно охарактеризовать каждый из этапов исследования, то следует обратить внимание, прежде всего, на тот факт, что 72% опрошенной аудитории ежедневно находится в виртуальном пространстве, 66% – несколько раз в неделю и около 3% – эпизодически по профессиональной необходимости (работа, учеба). Это означает, что у большинства достаточно большой лимит времени уходит на создание пользовательского контента. Так, за исключением одной студентки, все респонденты имеют свои блоги или аккаунты в социальных сетях. Некоторые уже создали свои авторские каналы

¹¹ Войсунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. – С. 8.

в Telegram (4%), выкладывают видео-материалы в YouTube (18%).

Поведенческие модели, порожденные цифровой культурой, и прежде всего индивидуализация стратегий, находит отражение в содержательно-тематической палитре контента. Анализ студенческих текстов свидетельствует о том, что в них отчетливо выражено стремление получать удовольствие от общения, тусовок, работы и учебы. Они пишут об участии в различных мероприятиях и об их вкладе в их подготовку. Тем самым они подтверждают, что «коммуникативная культура информационного общества основана на новом типе социальных сетевых отношений, который изменяет модели поведения людей, язык общения...»¹².

Тексты также говорят о стремлении их авторов к получению новых знаний, впечатлений, эмоций, но полностью отрицают парадигму «надо/должен». Так, Юлия К. сообщает, что она в Школе Защитников Природы (@nature.protectors.school) узнала о международной организации Leave No Trace, которая «разработала семь принципов бережных путешествий на природу». Она пишет: «Большинство из них я как раз уже использую и рассказываю вам о них, но также нашла очень важные дополнения».

Авторы других постов больше предпочитают путешествия и рассказывают о них. «Я проснулся от того, что кто-то тряс палатку снаружи, – так начинает свой пост Сергей К., – я поднял голову, замер и прислушался. Сознание медленно выползло из вязкого сна. Что происходит?». Далее идет описание погодной аномалии – накрывшей туристов грозы и проливного дождя.

Как видим, работа и учеба для них не самоцель, но они без этого не могут обойтись, так как это их основной вид деятельности на данный временной отрезок их жизни. Поэтому и здесь ищут новые формы и актуальные тематики, такие как экология, путешествия, до-

суговые мероприятия. Например, Анна С. сообщает: «Вчера я все-таки успела на 10-юбилейный показ постановки «Locker room Talk» в Театрально-культурном центре имени Вс. Мейерхольда (искренняя благодарность @fond.chetverg за такую возможность)». Далее идет рассказ о спектакле и его оценке, тех эмоциях, которые он вызвал.

Это далеко не единственные примеры постов такого плана. Тем самым можно утверждать, что в пользовательском студенческом контенте превалирует бытовая тематика, образование, стиль жизни (еда, мода – одежда, досуг, среда обучения). По жанру – дневниковая запись, мнения, фактическая основа встречается редко. По языку – разговорно-письменная или устно-письменная речь.

Но при всей обусловленной нами классификации у всех собранных и проанализированных нами постов есть общее – они о стремлении познать себя, окружающих людей и собственно мир, в котором живут. «Какой ты изнутри? Как ты можешь и хочешь себя выражать? Через что?», – задается вопросом Полина П. Сама же на него и отвечает: «Мне кажется, творчество всегда есть внутри нас. И нужно только найти способ выходить ему на свет. Круто узнать себя, разные свои стороны и грани. Не сковывать себя в рамки. А давать выливаться всем самым креативным идеям проявляться».

Здесь и в последующих примерах орфографию и стилистику сохраняем, так как считаем это крайне важным. Создаваемая пользователями устно-письменная или разговорно-письменная речь является отличительной чертой сетевой коммуникации. Эта непринужденность, как не парадоксально это звучит, создает атмосферу доверия, способствующую диалогу, объединению в общности по настрою, интересу, чувству другого как себя.

Даже рассказывая грустные истории, они позитивны в восприятии жизни. Так, Татьяна Н., сообщая о том, что она потеряла старшего друга и настав-

¹² Соловьев, А.В. Коммуникативная культура информационного общества // Вестник МГУКИ 2009 г. № 2 (28) март–апрель. С. 36–41.

ника, ушедшего от ковида, больше говорит о том, какие мы есть, и какими должны быть, чем о самой пандемии. Она пишет: «Ужасное это состояние всегда – ходишь, свои дела делаешь, и понемногу привыкаешь, что кого-то важного уже нет. Чертова корона. Люди такие хрупкие. Давайте беречь друг друга и почаще говорить, что любим, а?». В этих словах выражена вся жизнеутверждающая тональность поста.

Встречаются тексты и о не очень приятных личных ситуациях: болезнях, расставании с любимыми, непростыми отношениями с родственниками. И опять – это не стенания о несправедливости жизни, а сообщения о преодолении недуга, поиске решения в трудной жизненной ситуации и открытии себя. Дарья Т. размешает в сети следующий пост: «Меня спрашивают, что меня сподвигло резко посмотреть в сторону моделинга. Это было так постепенно и так резко одновременно. Анализируя последнее время, пришла к выводу, что я раньше считала себя уродом, в детстве я была «страусом», за свой чуть больше среднего рост 1.73, «маугли», «головастиком» и т.д. и т.п. Бог знает сколько бы времени прошло, чтоб я посмотрела на себя другими глазами, если бы не стечение обстоятельств: сначала событие, которое изменило мое восприятие себя, карантин с увлеченным созданием образов и фотографий, смена окружения, осознанных и глубоких людей, которых так не хватало мне».

Как показывает анализ текстов, их авторы предельно откровенны и честны. Именно это их свойство в большей степени обращает на себя внимание и позволяет рассматривать пользовательский контент как составную часть журналистской деятельности. По утверждению профессиональных журналистов, каждый, кто выбрал эту стезю, пишет всю жизнь одну книгу, каждой заметкой добавляя новую главу – главу – параграф. Но более старшие поколения «Х» и «У», как правило, писали в дневник, пряча его от всех и прежде всего родительских глаз. Не дай

бог, родители прочитают эти откровения. Сегодня в эпоху социальных сетей и, как следствие – открытости всего и вся, дневниковые откровения выставляются на всеобщее обозрение. Это характерная черта современной жизни, но в большей степени свойственная поколению «Z». К тому же многие авторы постов считают, что «можно использовать блог в Инстаграмм как способ реализации своего творческого начала» (Светлана К.).

Действительно, как показало данное исследование, для современных студентов, избравших факультеты и отделения журналистики, это неплохая стартовая площадка для овладения профессией. Собственно, как и для более старших поколений увлечение ведением дневников под подушку было началом их профессиональной деятельности в предыдущие годы. Именно поэтому по результатам анализа студенческих постов появилась необходимость продолжить работу не только на теоретическом, но и на практическом уровне.

На втором этапе исследования были апробированы технологии использования любительского контента для профессиональных целей: как для подготовки текста, так и мультимедийного контента. Анализ ответов студентов показал, что они используют сетевой пользовательский контент в следующих случаях: источник информации: факты, наблюдения, документ, коммуникация (82%); поиск тем для своей публикации (74%); поиск авторов при подготовке номера учебной газеты (65%); поиск героев своей авторской публикации (57%); анализ мнений при разработке актуальной тематики (48%); экспертная оценка, подтверждающая или опровергающая позицию автора статьи (41%); для определения значимости, актуальности события (32%); для определения разновекторности подходов в оценке того или иного события (30%) и др.

На практикумах в рамках учебного процесса студентам предлагалось трансформировать посты по разнообразным темам в журналистский текст или мультимедийный лонгрид. Напри-

мер, посты о поездке в Архыз, новый развивающийся горнолыжный курорт (Светлана К.), или о туристском переходе из Тбилиси в Батуми и всех перипетиях во время него (Павел Ц.) – это хорошая основа для создания профессионального журналистского материала. Причем выбор жанра оставался за студентом или группой студентов, так как работа могла быть как индивидуальной, так и групповой.

Таким образом, тематика самостоятельных студенческих проектов была достаточно разнообразной и постоянно пополнялась новыми адресами и идеями. Так, например, Юлия Д. рассказала о «геологической кухне» как возможном мультимедийной портале или серии брошюр и видео на одну из географических тем. Так как сегодня на слуху Арктика, то это стало в новом семестре разрабатываемой нами тематикой и самостоятельным студенческим проектом. Информационным поводом послужила утвержденная в конце 2020 года Стратегия развития Арктической зоны России до 2035 года.

В отличие от предыдущих, этот студенческий проект отличается тем, что в процессе мониторинга сети студенты воочию убедились, что любительский контент более активно представлен в ней, чем профессиональный. Его характеризует более широкий диапазон адресов и тематик, мнений и оценок. Но при этом активном участии представителей самых разных профессий, живущих на северных территориях или вовлеченных в их освоение, в социальных сетях стихийно создается медиаобраз Арктики, который не должным образом отвечает интересам нашего общества.

По мнению участвующих в проекте студентов, исправить эти перекосы может только профессиональный контент. Поэтому, работая с любительскими текстами, они пытаются сделать их качественными журналистскими материалами. Они нацелены на то, чтобы усилиями журналистов с помощью любителей не только в социальных сетях, но и в обществе в целом создавался

гармоничный медиаобраз Арктики, которая удобна и комфортна для жизни, а не только как полигон добычи полезных ископаемых.

Выводы

- Полученные данные позволяют утверждать, что любительский контент студентов в контексте цифровой культуры достаточно полно отражает их поведенческие модели.
- Использование сетевого пользовательского контента студентами имеет достаточно широкий диапазон: как источник информации, тем, авторов, оценок, мнений и т.д.
- Разработанные технологии в рамках проектного обучения позволяют переводить его в профессиональные мультимедийные форматы.
- Выбор актуальных тематик, как, например, арктической тематики, для самостоятельных студенческих проектов делает процесс обучения более интересным для будущих журналистов, вовлекая их в профессиональную жизнь.

Заключение. Данный пример по коррекции медиаобраза Арктики свидетельствует о том, что мы получили еще одну уникальную возможность для анализа любительского и профессионального контента в сочетании и трансформации его в качественный информационный ресурс. Как и предыдущие примеры, арктический проект подтверждает, что аудитория стала полноправным партнером журналистов по созданию пользовательского контента, создаваемого как любителями, так и профессионалами. Это означает, что понятие «пользовательский контент» должно объединять любительский и профессиональный пост, а не противопоставлять их один другому.

Таким образом, приобретенные компетенции преобразования любительского студенческого контента в профессиональный информационный ресурс дает будущим журналистам конкурентное преимущество при определении своей профессиональной судьбы.

Литература

1. Галкин Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3. С. 11–16.
2. Гир, Ч. Цифровая контркультура (перевод Галкина Д.В.) // Гуманитарная информатика: Сб. статей / Под ред. Г.В. Можяевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Вып.1. С. 50–72.
3. Головкин С. Б., Коханова Л.А., Черешнева Ю.Е. Digital Culture As A Competitive Advantage Of Future Journalists// European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, издательство Future Academy (online), 2019, том 66, С. 566–572.
4. Войскунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.
5. Ерофеев С.В. Интернет-журналистика на рубеже XX–XXI вв. М.: ИПК работников телевидения и радиовещания, 2011. С. 44–55.
6. Касьянов С. Пользовательский контент, который убивает двух зайцев// <https://sales-generator.ru/blog/polzovatelskiy-kontent/> (дата обращения 11.01.2021).
7. Козырев А.Н. Цифровое будущее культуры: Измерения и прогнозы. М.: Издательские решения, 2016. –350 с.
8. Кошель, В. А., Сегал, А. П. «Клиповое мышление» как форма обыденного сознания // Международный академический вестник. 2015. № 4 (10). С. 15–23.
9. Мирошниченко А. Как корпорации становятся медиа // <https://www.sostav.ru/publication/kak-korporatsii-stanovyatsya-media-5473.html> (дата обращения 14.05.2020)
10. Прокудин Д. Е., Соколов Е.Г. «Цифровая культура» vs «аналоговая культура» // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2013. Вып. 4. С. 83–91.
11. Соколова, Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпо-

ху? // Международный журнал исследований культуры. 2012, № 3 (8) С. 6–10.

12. Соловьев, А.В. Коммуникативная культура информационного общества // Вестник МГУКИ 2009 г. № 2 (28) март–апрель. С. 36–41.

SPECIFICS OF STUDENT USER-GENERATED CONTENT

Kokhanova L.A., Golovko S.B., Alekseeva T.S., Gubanov M.I., Chereshneva Ju.E.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Russian State University for the Humanities; Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The results of the study are presented in two parameters: the main characteristics of amateur student content are identified, indicating significant changes in the socialization and professionalization of students in a digital culture, and pedagogical practices are analyzed to transform students' amateur content creation skills into professional ones in the process of implementing independent projects. The sample of students from two Russian universities was 180 people. Based on the developed compact research methods, at the first stage, testing was carried out both in person and online in social networks. At the second stage of the study, technologies for using amateur content for professional purposes were tested: both for preparing text and multimedia content in the educational process. Based on the results obtained, certain conclusions were drawn. The use of online user-generated content by students has a fairly wide range: as a source of information, topics, authors, ratings, opinions, etc. At the same time, there is a clear trend towards the transformation of student materials into visual formats (photos, videos, infographics) – up to a third of the surveyed audience. The acquired competencies of transforming amateur student content into a professional information resource gives future journalists a competitive advantage in determining their professional destiny.

Keywords: user-generated or amateur content, digital culture, generation Z, project-based learning, journalism students.

References

1. Galkin D.V. Digital Culture: Methodological Issues in the Study of Cultural Dynamics from Digital Automata to Techno-Bio-

- Creatures // International Journal of Cultural Studies. 2012. No. 3. P. 11–16.
2. Gir, Ch. Digital counterculture (translated by Galkin D.V.) // Humanitarian informatics: Sat. articles / Ed. G.V. Mozhaeva. – Tomsk: Publishing House Vol. un-ta, 2004. Issue 1. pp. 50–72.
 3. Golovko S. B., Kokhanova L.A., Chereshneva Yu.E. Digital Culture As A Competitive Advantage Of Future Journalists// European Proceedings of Social and Behavioral Sciences, Future Academy publishing house (online), 2019, volume 66, pp. 566–572.
 4. Voiskunsky A.E. Psychology and the Internet. M.: Acropolis, 2010. 439 p.
 5. Erofeev S.V. Internet journalism at the turn of the XX–XXI centuries. M. : IPK workers of television and radio broadcasting, 2011. S. 44–55.
 6. Kasyanov S. User content that kills two birds with one stone // <https://sales-generator.ru/blog/polzovatel'skiy-kontent/> (Accessed 01/11/2021).
 7. Kozyrev A.N. Digital Future of Culture: Measurements and Forecasts. M.: Publishing decisions, 2016. – 350 p.
 8. Koshel, V.A., Segal, A.P. “Clip thinking” as a form of everyday consciousness // International Academic Bulletin. 2015. No. 4 (10). pp. 15–23.
 9. Miroshnichenko A. How corporations become media // <https://www.sostav.ru/publication/kak-korporatsii-stanovyatsya-media-5473.html> (accessed 05/14/2020)
 10. Prokudin D.E., Sokolov E.G. “Digital culture” vs “analogue culture” // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 17. 2013. Issue. 4. S. 83–91.
 11. Sokolova, N.L. Digital culture or culture in the digital age? // International Journal of Cultural Studies. 2012, No. 3 (8) S. 6–10.
 12. Solovyov, A.V. Communicative culture of the information society // Vestnik MGUKI 2009 No. 2 (28) March–April. pp. 36–41.

Особенности нематериальной мотивация государственных гражданских служащих в Иркутской области

Полюшкевич Оксана Александровна,

доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: okwook@mail.ru

Абдрашитова Ольга Алексеевна,

магистр Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: olga.abdrashitova98@mail.ru

Одним из важных факторов повышения эффективности государственных гражданских служащих является гибкая система стимулирования, поскольку результативность деятельности во многом зависит от заинтересованности в исполнении служебных обязанностей на высоком уровне. В статье проведен анализ существующего нормативно-правового регулирования в сфере нематериальной мотивации, применяемый в субъектах Российской Федерации, в частности в Иркутской области. Приведены результаты анкетирования госслужащих управления в аппарате Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области, в котором оценен уровень удовлетворенности трудом, выявлены факторы и стимулирующие меры нематериального характера, усиливающие мотивированность к труду.

Ключевые слова: нематериальная мотивация, государственная гражданская служба, стимулирование труда, награждения, поощрения.

Качество и эффективность исполнения органами государственной власти субъектов Российской Федерации своих полномочий напрямую зависят от кадрового состава, способности сотрудников органов и правительственных учреждений продуктивно решать стоящие перед ними задачи с минимальным стремлением воспользоваться своим служебным положением для получения личной выгоды. В каждом субъекте реализуется свой комплекс мероприятий по повышению качества кадрового состава государственных гражданских служащих, разрабатываются механизмы роста эффективности в деятельности руководящего состава. Важнейшим направлением кадровой работы является мотивация служащих, которая служит внутренним стимулятором их нацеленности на результат. В настоящее время законодательством предусматриваются как материальные (система заработной платы), так и нематериальные мотивационные факторы (благоприятные условия для карьерного роста, улучшение условий труда). Однако, система мотивации труда государственных гражданских служащих нуждается в модернизации, поскольку существующие меры не охватывают весь спектр специфики работы чиновников. В большинстве органов власти в основу поощрения труда входит исключительно заработная плата, рост которой зависит от выслуги лет – акцент на материальной составляющей мотивации не всегда позволяет повысить эффективность и результативность профессиональной деятельности. Кроме того, на государственной гражданской службе мотивация чаще всего трактуется как внешние факторы, повышающие удовлетворенность различными аспектами службы (государственные гарантии, условия труда), а не как индивидуальные особенности (внутренние «мо-

тиваторы»), усиливающие заинтересованность в достижении целей и задач органа власти. На наш взгляд актуальным представляется применение различных нематериальных форм мотивации, которые могли бы стать ведущим фактором личностного и профессионального развития госслужащих.

Впервые слово «мотивация» употребил А. Шопенгауэр в статье «Четыре принципа достаточной причины» (1900–1910 гг.), в настоящее время данный термин как психическое явление трактуется по-разному. Мотивация – это процесс психической регуляции конкретной деятельности, средство или механизм реализации уже имеющихся мотивов; набор факторов, поддерживающих и направляющих, т.е. определяющих поведение; совокупность мотивов. Зачастую психологи под мотивацией подразумевают детерминацию поведения, поэтому выделяют внешнюю и внутреннюю мотивацию. Внутренняя (интринсивная) мотивация не порождается внешними стимулами, она базируется на желании человека быть компетентным и независимым, на ощущении важности выполняемой им работы. Внешняя (экстринсивная) мотивация приходит извне и включает в себя вознаграждения и наказания. Согласно теории самоопределения, сформулированной Деси и Райаном (Deci and Ryan, 2000 г.), людей мотивирует потребность достижения трех фундаментальных целей: стремления к компетентности, самостоятельности и принадлежности (взаимодействию и связям с другими людьми). Мотивированные сотрудники сами находят в себе желание приложить усилия к работе, а качественное руководство и различные формы признаний и вознаграждений значительно усиливают самомотивацию и помогают выстроить наилучшее применение способностям и талантам работника [5,6,7].

Основные виды поощрений и награждений на государственной гражданской службе закреплены в статье 55 закона № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», большая их часть относит-

ся к исключительно материальной мотивации и заключается в выплате различных единовременных поощрений; награждение государственными наградами, знаками отличия, занесение на Доску почета, объявление благодарности также предусматривают единовременную денежную выплату, однако материальный стимул в данном случае является лишь дополнением, подчеркивающим достойную оценку работы служащего. Анализ законодательства субъектов Российской Федерации, связанного с нематериальной мотивацией государственных гражданских служащих в исполнительных органах власти, показал, что локальные нормативно-правовые акты можно разделить на:

- положения о наставничестве в исполнительных органах государственной власти;
- методики оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности исполнительных органов государственной власти;
- положения о системе мотивации участников проектной деятельности в исполнительных органах государственной власти;
- региональные государственные программы повышения эффективности государственного управления или развития государственной гражданской службы, в том числе концепции кадровой политики;
- положения о конкурсе на звание «Лучший государственный гражданский служащий»;
- локальные НПА отдельных органов исполнительной власти;
- иные НПА. Например, научные планы региона; порядок организации и требований к проведению экспериментов, направленных на развитие государственной гражданской службы; программы совместного развития кадровой политики в системе государственных органов и органов местного самоуправления.

Основная часть правовых актов, регламентирующих порядок организации наставничества, предусматривает сле-

дующие методы нематериального стимулирования наставника: а) присвоение классного чина до истечения срока, установленного для прохождения гражданской службы в соответствующем классном чине; б) включение в кадровый резерв для замещения вышестоящей должности; в) назначение на вышестоящую должность; г) направление наставника на мероприятия по профессиональному развитию в целях совершенствования его профессиональных и личностных качеств. Некоторые органы власти предусмотрели в своих положениях дополнительные виды нематериального поощрения, например, министерство транспорта и дорожного хозяйства Кабардино-Балкарской Республики награждает служащих ведомственным знаком отличия за эффективное и долговременное осуществление наставничества, Грамотой «Почетный наставник». Методические рекомендации Минтруда России советуют также помещать фотографии наставника на доску почета государственного органа.

В соответствии с положениями правовых актов, сотрудники, участвующие в оценке результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности, могут быть награждены почетными знаками, грамотами, дипломами органов государственного контроля (надзора), а также получить внеочередной классный чин. Системой мотивации для участников проектной деятельности помимо вышеуказанных мер предусматривается возможность получения дополнительного профессионального образования или повышение квалификации по компетенциям в области проектного управления, приглашение наиболее успешных участников проектной деятельности на встречу с главой региона или вручение благодарности за его подписью, распространение наиболее удачного опыта между субъектами и в СМИ. В республике Саха Якутия наставники могут направить на сдачу сертификационных экзаменов в сфере проектной деятельности или для участия в конкурсах, международных

и российских форумах и конференциях, а в Мурманской области проводят конкурсы на лучший проект, команду, участника команды, предусмотрено создание Доски Почета. В региональных целевых программах формирования системы по материальному стимулированию и нематериальной мотивации, подготовка методических рекомендаций, разработка положений о премировании прописаны как цели и задачи. Есть несколько субъектов, которые проводят конкурсы для гражданских служащих, например, управленческий конкурс «К вершине успеха» Ямало-Ненецкого автономного округа, «Лучший государственный гражданский служащий Республики Татарстан».

В органах власти Иркутской области локальными нормативно-правовыми актами закреплены свои отдельные виды нематериального поощрения, в основном это награждение почетной грамотой или объявление благодарности, вручение ведомственных наград и наград Иркутской области. Приказом министерства по молодежной политике Иркутской области от 18 июля 2017 года № 63-мпр учрежден ведомственный знак «Молодость», который является формой поощрения граждан за социально значимую общественную деятельность, способствующую развитию молодежной политики. Данный знак от имени министерства могут получить его сотрудники в возрасте до 30 лет, которые способствовали всестороннему развитию молодежи региона и показали высокие результаты в организации мероприятий. Министерство лесного комплекса Иркутской области за счет средств субвенций из федерального бюджета организует стажировку, профессиональную переподготовку и повышение квалификации работников лесного хозяйства в ведомственных Федеральному агентству лесного хозяйства образовательных учреждениях дополнительного профессионального образования: ФАУ ДПО «Институт повышения квалификации работников лесного хозяйства» (г. Дивногорск, Красноярского Края) и ФАУ ДПО

«Всероссийский институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов лесного хозяйства» (г. Пушкино, Московская область). Приказом министерства сельского хозяйства Иркутской области от 13 ноября 2018 года № 61-мпр предусмотрены ведомственные награды, которыми награждаются работники министерства за безупречное выполнение должностных обязанностей, за многолетний добросовестный труд, наставническую деятельность, а также в связи с профессиональным праздником – Днем работника сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, личными юбилейными датами начиная с 50 лет: Почетная грамота, Благодарность, звание «Почетный наставник в сфере агропромышленного комплекса Иркутской области» (с дипломом) и Благодарственное письмо министерства сельского хозяйства Иркутской области. Приказ министерства социального развития, опеки и попечительства Иркутской области от 24 сентября 2013 года № 201-мпр также закрепляет возможность поощрение госслужащего за наставническую деятельность, помимо этого, за добросовестный труд в системе социальной защиты населения и органов опеки и попечительства, работникам присваивается звание «Ветеран социальной защиты Иркутской области» и вручается медаль. Служба государственного надзора за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники по Иркутской области в плане своих работ предусматривает создание комфортных условий труда и проведение мотивирующих семинаров – совещаний. Службой государственного финансового контроля Иркутской области разработан механизм включения в кадровый резерв для замещения вакантной должности государственной гражданской службы в порядке должностного роста (Приказ от 16 октября 2017 года № 22-спр), и профессиональное развитие гражданского служащего (прохождение дополнительного профессионального образования, участие в иных мероприя-

тиях по профессиональному развитию). Приказом архивного агентства Иркутской области от 7 декабря 2017 года № 18-агпр учреждены две особенные ведомственные награды: занесение в Книгу Почета архивного агентства Иркутской области (награжденному лицу вручается Свидетельство о занесении в Книгу Почета); нагрудный знак архивного агентства Иркутской области «За заслуги» вручается за достижение высоких показателей в организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации.

Целью исследования обозначен анализ эффективности действующей системы нематериальной мотивации государственных гражданских служащих в исполнительном органе власти Иркутской области для поиска возможностей ее последующего совершенствования. Для достижения цели были решены следующие задачи: выяснена выраженность разных типов мотивации у госслужащих по методике К. Замира, определены основные факторы удовлетворенности трудом и по методике Т.Л. Бадоева оценена степень их влияния на желание работать, выявлены наиболее значимые уже используемые меры нематериального стимулирования и составлен список желаемых дополнительных мер морального характера. Методом изучения мотивации госслужащих явилось анкетирование, проведенное в апреле 2022 года в управлении Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по государственной гражданской службе, кадрам и государственным наградам аппарата Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области. В опросе приняли участие 29 государственных гражданских служащих и 2 сотрудника, замещающих должности, не являющиеся должностями госслужбы (ведущие аналитики): руководители высшего звена (10%), среднего звена (13%) и специалисты (77%).

В первую очередь в управлении по государственной гражданской службе была изучена выраженность разных

видов мотивации: наибольшее значение для госслужащих имеют удовлетворение от хорошо выполненной работы (18%; сумма баллов – 147), денежный заработок (16%; сумма баллов – 133) и общественная полезность труда (15%; сумма баллов – 124); в наименьшей мере на мотивацию к труду оказывают влияние стремление избежать критики со стороны руководителя и коллег (11% или 95 баллов) и желание уклониться от возможных наказаний или неприятностей (12% или 100 баллов). Среднее значение для коллектива показали ориентация на престиж и уважение со стороны других (14% или 115 баллов) и стремление к продвижению по службе (14% или 112 баллов). Каждый из показателей относится к одному из видов мотивации: внутренняя (ВМ), внешняя положительная (ВПМ) и внешняя отрицательная (ВОМ); в данном случае получилось оптимальное для коллектива соотношение: ВМ (135,5 баллов в сумме) > ВПМ (120 баллов) > ВОМ (97,5 баллов), поскольку чем больше сдвиг величин влево, тем лучше отношение индивида к выполнению должностных обязанностей, тем больше действует побудительная сила к труду.

Согласно теории удовлетворения потребностей (Маслоу, Макклитланд, Альдерфер, Герцберг), неудовлетворенная потребность создает напряжение и неравновесное состояние, поэтому любое поведение человека мотивировано в первую очередь неудовлетворенной потребностью. Для изучения степени удовлетворенности коллектива трудом государственные гражданские служащие оценивали свое отношение к 12 различным факторам по семи-балльной шкале от +3 до –3; уровень удовлетворенности госслужбой в целом составил 49 баллов или 1,6 балла в среднем. 17 человек из 31 считают себя и удовлетворенными, и мотивированными (55%); 9 служащих не удовлетворены теми или иными факторами, но остаются мотивированы (29%); 4 работника наоборот удовлетворены, но не испытывают чувства побуждения к действию (13%); и лишь один госслу-

жащий отнес себя к группе неудовлетворенных и немотивированных (3%). В наибольшей степени в коллективе удовлетворена потребность в общении/причастности: фактор взаимоотношения с коллегами набрал 68 баллов в сумме (2,2 в среднем), а потребность в общении и коллективной деятельности оценена в 47 баллов (1,5); достаточно высокое удовлетворение госслужащие испытывают от ощущения престижности 53 балла (1,7) и значимости 47 баллов (1,5) профессии, а также от вида трудовой деятельности 52 балла (1,7); самая важная потребность по К. Альдерферу – в росте и развитии утоляется на среднем уровне – возможность повышения квалификации оценена на 39 баллов (1,3), потребность в реализации индивидуальных особенностей на 35 баллов (1,1), однако, возможность творчества расценивается лишь на 27 баллов (0,9) и оказывается предпоследней в списке. В среднем на 1,3 балла оценена организация труда и на 1 балл отношение администрации к труду, отдыху и быту работников; наибольшее число отрицательных оценок пришлось на размер оплаты труда (17 баллов в сумме и 0,5 в среднем).

Рассматривая вопросы мотивации на государственной гражданской службе, возникает потребность в выделении первостепенных факторов мотивации, значительно влияющих на стремление госслужащих работать эффективно и с позитивным настроем, с целью более грамотного выстраивания системы гарантий, оплаты труда, льгот и материальных стимулов. Достаточно закономерно, что на первом месте оказалась достойная оплата труда – 26 гражданских служащих (18%) посчитали ее наиболее значимым фактором; 23 раза выбрали надежность и стабильность условий труда (15%), чуть меньше человек (21 или 14%) посчитали необходимыми хорошие межличностные связи в коллективе и комфортный психологический климат; 19 служащих не представляет свою работу без интереса к ее содержанию и творческого подхода; 15 госслужащих мотивируют социальные

гарантии и система поощрений. Минимальное воздействие на мотивированность труда по результатам анкетирования производят престижность и значимость занимаемой должности (7 или 5%); корпоративная культура и групповые нормы (2 или 1%); управленческий характер труда посчитал важным только один госслужащий. Среднего уровня ценности удостоились: возможность карьерного роста (13); получение профессионального опыта (12); желание принести больше пользы обществу и государству (9). Отвечая на вопрос, какие факторы наоборот снижают привлекательность работы на госслужбе, значительная часть чиновников снова задумалась о заработной плате – по мнению 18 человек (31%) низкий уровень оплаты труда значительно ослабляет желание работать; по 9 баллов (15%) получили три обстоятельства: отсутствие перспектив должностного роста; сложная психологическая обстановка; отсутствие четких критериев оценки результатов деятельности; 6 раз выбрали сверхурочные нагрузки, жесткий график и 5 раз отсутствие ощутимых результатов работы.

Далее гражданским служащим аппарата Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области было предложено выбрать, какие действующие меры нематериального поощрения могли бы подтолкнуть их работать более эффективно, качественно и ответственно, брать большие объемы: 30% сотрудников сошлись во мнении, что сильнее всего стимулирует направление для участия в мероприятиях по профессиональному развитию (выбрали 17 человек); не менее актуально награждение наградами Иркутской области и присвоение почетных званий Иркутской области – этот вариант выбрали 14 человек или 25%; одинаково значимы объявление благодарности, награждение почетной (похвальной) грамотой аппарата Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области и возможность включения в кадровый резерв для замещения вакантной должности государственной

гражданской службы в порядке должностного роста – по 10 голосов. Три человека считают, что их производительность не зависит от поощрений, а двое предложили свой вариант ответа: а) оптимизация рабочего места; б) проведение корпоративных мероприятий, способствующих сплочению коллектива, создание единой команды. 17 сотрудников аппарата за время исполнения своих должностных обязанностей были поощрены или награждены за безупречную и эффективную областную гражданскую службу: троим объявляли благодарность; семерым вручали почетные (похвальные) грамоты; трое удостоились поощрения руководителя аппарата Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области; двоих госслужащих было решено включить в кадровый резерв; четверо проходили курсы повышения квалификации; один госслужащий награжден юбилейной медалью «80 лет Иркутской области» и один другими ведомственными медалями, также его размещали на Доске Почета.

Последний вопрос анкеты был задан с целью выявления дополнительных стимулирующих мер морального (нематериального) характера, которые смогли бы в наибольшей мере заинтересовать действующий коллектив управления – из предложенных 11 вариантов самыми популярными стали: а) поощрение и развитие здорового образа жизни в коллективе (создание условий для посещения оздоровительных комплексов, спортивных залов, игровых площадок) – 23 голоса или 20%; б) проведение семинаров, тренингов и иных образовательных мероприятий, направленных на получение знаний и практических навыков в области: групповой психологии, психологической совместимости в коллективе и построения эффективной системы коммуникаций, профилактики и устранения межличностных и внутриличностных конфликтов, синдромов эмоционального и профессионального выгорания, тайм-менеджмента – 19 голосов (17%); в) награждение (поощрение)

в связи с профессиональными праздниками – 17 голосов (15%); г) расширение возможностей самореализации гражданских служащих (включение в состав экспертных советов; направление для участия в представительских, торжественных и официальных мероприятиях; в служебные командировки для выступления и т.д.) – 13 голосов (12%). Второстепенное значение чиновники придали следующим мерам нематериального стимулирования: а) направлению благодарственных писем за добросовестное выполнение гражданским служащим должностных обязанностей, за добросовестную многолетнюю службу (15, 20, 25, 30, 35 лет службы) и выдаче ценных подарков и сувениров (с символикой государственного органа), профессиональной литературы гражданским служащим, показавшим наилучшие результаты – по 9 голосов (8%); б) проведению торжественных мероприятий, включающих в том числе публичную похвалу гражданских служащих, успешно выполняющих свои задачи, и созданию условий для их общения с руководящим составом государственного органа – 8 голосов (7%). Наименее востребованными предложениями стали: участие в конкурсе «Лучший государственный гражданский служащий», конкурсах профессионального мастерства – 4 голоса; занесение фотопортретов гражданских служащих, достигших эффективных результатов в профессиональной деятельности, на доску почета и/или в книгу почета, размещенных в здании государственного органа, на внутреннем портале, официальном сайте государственного органа – 3 голоса. Интересно, что на последнем месте оказалась мера стимулирования, применяемая во многих субъектах России – поощрение за участие в наставнической деятельности и (или) проведение конкурса «Лучший наставник» заинтересовало только двоих гражданских служащих.

Таким образом, вопрос повышения производительности при выполнении государственными гражданскими служащими своих должностных обязанно-

стей, в искреннем их желании вносить свой вклад в развитие общества и государства, остается актуальным. Как правило, высокую производительность демонстрируют хорошо мотивированные люди, которые готовы прикладывать дополнительные усилия по личной инициативе, делать больше, чем от них ожидают. Индивидуумы с хорошей мотивацией самостоятельно решают, приложить ли им усилия сверх своих обязанностей для более качественного и быстрого достижения общей цели, однако дополнительное стимулирование обеспечивает сама работа – качество руководства, различные формы признания и вознаграждения. В Иркутской области мотивированность чиновников в основном зависит от взаимоотношений в коллективе и от осознания престижности профессии, надежности и стабильности гражданской службы. При этом производительность труда рискует упасть из-за низкого уровня оплаты труда и отсутствия перспектив должностного роста. Наиболее удачным методом стимулирования в управлении по государственной гражданской службе является повышение квалификации и профессиональное развитие; в перспективе же чиновники хотели бы участвовать в мероприятиях по развитию здорового образа жизни в коллективе и психологических тренингах, положительные эмоции смогло бы вызывать внимание к профессиональным праздникам. В настоящее время продолжаются дискуссии о различии мотивации персонала в государственном и частном секторах, поскольку труд чиновников имеет ряд отличительных черт профессиональной деятельности – это и сложная система подчиненности и ответственности, и ограничения в продвижении по карьерной лестнице, и публичность деятельности, ее направленность на реализацию общенациональных интересов. Однако, большинство российских организаций основаны на не менее сложной иерархичной системе, ограничения в карьерном росте также существуют во всех компаниях. В коммерческих организациях нако-

пился большой опыт нематериальной мотивации персонала, который возможно внедрить в действующую систему управления мотивацией на государственной гражданской службе.

Литература

1. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2011. – 512 с. [Электронный ресурс] ibooks.ru: сайт – URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/21966/reading> (дата обращения: 19.04.2022 г.).
2. Армстронг М., Тейлор С. Практика управления человеческими ресурсами. 14е изд. – СПб.: Питер, 2018. – 1040 с. [Электронный ресурс] ibooks.ru: сайт – URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/24894/reading> (дата обращения: 20.04.2022 г.).
3. Синягин Ю.В., Шебураков И.Б., Шебуракова О.Н., Воробьева О.А., Байтеряков С.В., Андрейчук А.А., Коробко И.С., Павилова Т.В. Нематериальные формы мотивации государственных гражданских служащих к эффективной и результативной профессиональной служебной деятельности. – М.: изд. «Издательский дом «Дело», РАНХиГ, 2019. – 94 с. [Электронный ресурс] URL: <https://ssrn.com/abstract=3391277> (дата обращения: 25.04.2022 г.).
4. Методика нематериальной мотивации государственных гражданских служащих Российской Федерации [Электронный ресурс] Минтруд России: сайт – URL: https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/2f/62/Нематериальная_мотивация_итог.docx (дата обращения: 03.05.2022 г.).
5. Полюшкевич О.А. Социальное управление через призму норм // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 195–199.

6. Полюшкевич О.А. Социальный капитал государственных служащих // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2018. С. 319–322.
7. Полюшкевич О.А. Введение в психологию управления. Учеб. Пособ. Иркутск, ИГУ, 2013. 246 с.

FEATURES OF NON-MATERIAL MOTIVATION OF STATE CIVIL SERVANTS IN THE IRKUTSK REGION

Polyushkevich O.A., Abdrashitova O.A.
Irkutsk State University

One of the important factors for improving the efficiency of public civil servants is a flexible incentive system, since the effectiveness of activities largely depends on the interest in performing official duties at a high level. The article analyzes the existing regulatory and legal regulation in the field of non-material motivation applied in the subjects of the Russian Federation, in particular in the Irkutsk region. The results of a survey of civil servants of the administration in the office of the Governor of the Irkutsk Region and the Government of the Irkutsk region are presented, in which the level of job satisfaction is assessed, factors and incentive measures of an intangible nature that increase motivation to work are identified.

Keywords: non-material motivation, state civil service, labor incentives, awards, incentives.

References

1. Ilyin E.P. Motivation and motives. – St. Petersburg: Peter, 2011. – 512 p. [Electronic resource] ibooks.ru: site – URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/21966/reading> (date of access: 04/19/2022).
2. Armstrong M., Taylor S. The practice of human resource management. 14th ed. – St. Petersburg: Peter, 2018. – 1040 p. [Electronic resource] ibooks.ru: site – URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/24894/reading> (date of access: 20.04.2022).
3. Sinyagin Yu.V., Sheburakov I.B., Sheburakova O.N., Vorobieva O.A., Baiteryakov S.V., Andreichuk A.A., Korobko I.S., Pavilova T.V. Non-material forms of motivation

- of public civil servants for effective and efficient professional performance. – M.: ed. "Publishing house "Delo", RANEPА, 2019. – 94 p. [Electronic resource] URL: <https://ssrn.com/abstract=3391277> (accessed 25.04.2022).
4. Methodology of non-material motivation of state civil servants of the Russian Federation [Electronic resource] Ministry of Labor of Russia: website – URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/2f/62/> Non-material motivation total.docx (date of access: 03.05.2022).
 5. Polyushkevich O.A. Social management through the prism of norms // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2022, pp. 195–199.
 6. Polyushkevich O.A. Social capital of civil servants // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. materials of the IV All-Russian scientific-practical conference. Irkutsk, IGU, 2018, pp. 319–322.
 7. Polyushkevich O.A. Introduction to the psychology of management. Proc. Benefit. Irkutsk, IGU, 2013. 246 p.

Доминантные формы патриотических практик молодежи на Юге России (по материалам социологических опросов)

Волков Юрий Григорьевич,

заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
E-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Вагина Виктория Олеговна,

аспирант Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
E-mail: vagina.viktoriya@yandex.ru

Социологическое поле исследований, посвященных патриотизму в молодежной среде современной России, достаточно насыщенное, а среди патриотических практик, получивших наибольшее развитие в регионах страны, доминантными являются военно-мобилизационные, основанные на воспроизводстве исторической памяти, прежде всего, связанной с героическими страницами Великой Отечественной Войны. Повседневная гражданская жизнь с ее проблемами и возможностями их разрешения практически не включена в патриотическую повестку дня современной российской молодежи. Действуя в русле формально заданной государством логики патриотической деятельности, молодежь слабо проявляет инициативу в проектировании собственных патриотических практик при том, что запрос на патриотизм иного, не героического типа, в ее среде сформировался. К этим выводам авторы приходят на основе анализа эмпирических материалов, полученных в ходе реализации ряда исследовательских проектов на Юге России. В качестве важного вывода указывается также на необходимость использования потенциала онлайн-пространства и цифровых технологий для привлечения молодежи к новым формам патриотических практик – практик гражданского патриотизма и роста ее патриотической субъектности.

Ключевые слова: патриотизм, патриотические практики, молодежь, государственный патриотизм, гражданский патриотизм, военно-мобилизационный патриотизм.

Авторское исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90012 «Патриотические практики в молодежной среде полиэтничного Юга России: особенности формирования и формы реализации».

Патриотизм и вопросы его формирования в молодежной среде традиционно в России находились в компетенции органов государственной власти. Ничего не изменилось и на современный день. А потому большинство патриотических практик, реализуемых в современном российском обществе, относятся к практикам формального порядка, т.е. регулируемым властными структурами, органами, инстанциями во всем региональном пространстве страны.

Патриотические практики в России и ее регионах, прежде всего, ориентированы на формирование патриотических ценностей и установок в молодежной среде, о чем говорит характер патриотических организаций – подавляющее большинство из них носят молодежный характер. Так, в Ростовской области функционирует созданный в 2013 г. «Ростовпатриотцентр», находящийся в ведении комитета по молодежной политике Ростовской области и ориентированный на гражданское и патриотическое воспитание молодежи. В рамках его деятельности организуются такие молодежные акции и проекты, как «Россия – это мы!», «Твои герои, славный Дон!», серия мероприятий «Память поколений», направленная на увековечение памяти погибших защитников Отечества, «Вахта Памяти» и «Бессмертный полк», автопробег «Дороги славы», «Георгиевская ленточка», «День Неизвестного солдата» и ряд других. На территории области действует Ростовская региональная молодежная патриотическая общественная организация «Отечество», находится музейный комплекс «Самбекские высоты», также активно принимающий участие во многих мероприятиях военно-патриотической направленности, и многое другое.

Так, запущен региональный проект Ростовского РО Партии «Единая Россия» «Готов к Добру и Обороне!». Его

целью является развитие добровольчества, военно-патриотическое воспитание молодежи, популяризация физкультуры и здорового образа жизни, мотивирование к участию в ГТО, первичная профилактика алкоголизма и наркомании. Сейчас в стране и во всех ее регионах, и южный регион не исключение, реализуется проект «Историческая память», к которому в рамках патриотического воспитания молодежи подключились все региональные отделения политических партий – Единой России, ЛДПР, КПРФ и т.д.

И в этом направлении достигнуты определенные успехи, так как молодежь, организованная в подобного рода патриотические практики, проявляет активность, соответствующую ее установкам в отношении патриотизма как любви к стране и памяти о ее героических страницах. Именно на этом чувстве и героизации патриотизма выстроена модель патриотического воспитания, реализуемая современным российским государством. Иными словами, формальные патриотические практики молодежи базируются на воспроизводстве исторической памяти, преимущественно посредством обращения к героическим страницам Великой Отечественной войны.

Активное участие в организации формальных патриотических практик на современном этапе принимает Русская православная церковь, инициировавшая создание во многих регионах страны, в том числе и на Юге России, таких православных военно-патриотических клубов, как «Пересвет-М», «Суворов», «Златоуст», «Святослав» [7].

Нельзя не сказать о деятельности поисковых отрядов, которые функционируют по всей стране, реализуя логику общего военно-патриотического дискурса в рамках общероссийского общественного движения «Поисковое движение России». Безусловно, это движение очень важное, и, благодаря ему, многие имена неизвестных солдат, погибших во время Великой Отечественной войны, были восстановлены. В том числе, и в южнороссийском регионе [2, с. 32].

Подобные практики могут и должны стать основой более высокой активности молодежи в неформальных патриотических практиках, инициированных ею самой или иными структурами и акторами, не включенными в контекст официальной патриотической политики государства и проводимых им патриотических мероприятий. Вместе с тем, этого не происходит, и основная причина заключается в том, что сами неформальные патриотические практики в России являются весьма нераспространенным явлением. Почему это происходит? Что блокирует неформальные патриотические практики в молодежной среде? Нужны ли они, в принципе, молодежи? Ориентированы ли они на них в своей патриотической деятельности?

На эти вопросы мы попытались получить ответы, реализуя ряд исследовательских проектов социологической направленности. В частности, в данной статье используются результаты экспертного опроса, проведенного в рамках проекта РФФИ и АНО ЭИСИ «Гражданственность в молодежной среде в локальных сообществах в России и в странах с развитой культурой гражданского участия (Франция и ФРГ): особенности и возможности имплементации зарубежного опыта в российских условиях» (проект № 19-011-33055); материалы фокус-групповых исследований, проведенных в рамках Государственного задания (Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 28.3486.2017/ ПЧ «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации»), а также результаты социологического исследования по типу экспертного опроса, проведенного в 2021 г. в рамках гранта РФФИ «Патриотические практики в молодежной среде полиэтничного Юга России: особенности формирования и формы реализации» (проект № 20-311-90012).

Первое, на что мы обратили внимание, общаясь с экспертам по поводу

невысокой активности молодежи с точки зрения самостоятельности в проектировании своей патриотической деятельности, в формировании с ее стороны патриотической инициативы, это отсутствие веры в действенность, эффективность патриотических мероприятий, акций с точки зрения их влияния на социальную ситуацию (47%), недостаточность информации о проводимых патриотических мероприятиях (41,5%), а также отсутствие интереса к патриотическим практикам, которые формируются не ею, а задаются «сверху» (39,6%) (Таблица 1).

Таблица 1. Распределения ответов экспертов на вопрос «По каким причинам молодежь не желает принимать участие в патриотической деятельности?» (множественный выбор), %

Недостаточность информации о проводимых патриотических мероприятиях	41,5
Отсутствие веры в действенность, эффективность патриотических мероприятий, акций с точки зрения их влияния на социальную ситуацию	47
Отсутствие интереса к патриотическим практикам, которые формируются не ею, а задаются «сверху»	39,6
Принудительный характер патриотической деятельности (молодежь заставляют, принуждают к участию в патриотических мероприятиях в школе, вузах и т.д.)	36,6
Нехватка времени на участие в патриотической деятельности	20,1
Отсутствие зрелых патриотических установок и ценностей	37,2
Непонимание того, что может принести участие в патриотической деятельности для общества и молодежи	34,1
Незаинтересованность в решении социальных задач, проблем	23,8
Излишняя военизированная направленность патриотических мероприятий и практик, связанная с героизацией прошлого	11
Всего	290,9

Иными словами, молодежь, ведомая в ее патриотической деятельности формальными указаниями и мероприятиями, инициируемыми не ею, утрачива-

ет интерес к тому, чтобы самой что-то в этом плане предпринимать. И формируется ситуация, которая свидетельствует об определенном спектре противоречий, разворачивающихся в пространстве реализации патриотических практик молодежи на Юге России, связанных, прежде всего, с расхождением между патриотическими потребностями молодежи как субъекта патриотических практик и организацией патриотических практик молодежи как объекта патриотического воспитания.

Что же происходит? Дело в том, как мы полагаем, что современная молодежь, и в частности южнороссийская, не представляет, каким образом можно проявить патриотизм в повседневной жизни с ее обычными проблемами и заботами, с ее кризисными показателями социальной справедливости, нарушением прав и свобод граждан, ущемлением прав и достоинства детей и молодежи, женщин и стариков, поскольку в спектр формальных патриотических практик, заданных государством, это не актуализировано. Выходит, что, если нет места проявлению патриотизма как подвигу в мирное время, то остается только прикоснуться к этому героическому патриотизму в прошлом, обращаясь к героической истории народа, храня память о ней. И это правильно с точки зрения сохранения преемственности поколений, сохранения социокультурной идентичности, интеграции многонационального русского народа, но его движение в сторону качественного изменения жизни, повышения благосостояния общества предполагает включение в патриотический дискурс сюжетов, связанных с настоящим, с повседневной реальностью с ее актуальными проблемами, решать которые во благо общества – тоже значимая часть патриотизма [5].

Однако гражданская повседневная жизнь с ее проблемами не вписывается в логику активно развиваемого в российском обществе военного патриотизма, а потому и обыденные социальные практики не становятся площадкой для развития патриотических практик мо-

лодежи. Для этих целей нужен гражданский патриотизм, который возможен как патриотизм, прежде всего, неформального порядка. Однако российская реальность не располагает к формированию и распространению патриотических практик такого рода. Стоит согласиться с социологами-экспертами, что в России наблюдается возврат к консервативным ценностям по типу позднесоветского варианта существования и государственной идеологии под названием государственный патриотизм, вписывающиеся в схему общественно-го развития [6].

Анализ материалов, полученных в ходе проведения серии фокус-групповых исследований среди студентов Республики Крым, а также Ростовской области в апреле 2019 г. в ходе реализации исследовательского проекта «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации», показывает, что восприятие патриотизма студенческой молодежью носит эмоционально-чувственный характер. Так, среди ассоциаций патриотизма, которые называли студенты в ходе фокус-групповой дискуссии, прозвучали такие, как «война», «победа», «гордость за Родину», «Родина», «что-то родное», «уважение и любовь к Родине», «семья», «любовь», «военные песни», «держава», «флаг», «русский народ», «вера в страну», «преданность», «самопожертвование». Как видим, понятие «патриотизм» для большинства молодых респондентов связано с понятием «Родина», ее героическим прошлым, атрибутами гордости, славы, державности, что характерно для патриотизма государственного типа [3, с. 68].

Точка зрения о государственном патриотизме, как доминирующем в установках жителей Юга России, полностью подтвердилась на всех этапах указанного выше исследовательского проекта. Интерес в этом контексте представляет высказывание одного из участников фокус-группы: «Вообще, честно говоря, как мне кажется, государство навязывает нам патриотизм. Вот, посмотрите, сейчас даже в Крыму, ну и вообще везде, есть «Юнармия». Продвигается больше теорий армии, войны и привлекаются дети от 11-ти и старше. Их там учат патриотизму» (Симферополь) [3, с. 69].

Отдаленность, дистанцированность патриотизма от повседневной жизни и повседневных социальных, в том числе гражданских практик, слабо проявляющаяся (лишь у немногих) связь патриотизма и гражданственности формирует и определенные установки в молодежной среде, когда сам патриотизм ассоциируется с популизмом и вызывает отторжение на уровне сознания. Так, приведем мнение одного из участников фокус-группы: «Я являюсь человеком, который не совсем одобряет и воспринимает патриотизм в целом. Как мне кажется, люди только делают вид, что они патриоты, и человек должен трудиться в любой стране, независимо того, где он находится, чтобы везде было хорошо...» (Ростов-на-Дону). В этой позиции совершенно четко прозвучали интенции гражданского патриотизма, когда патриот – это, прежде всего, гражданин, стремящийся своей жизнью принести пользу там, где он проживает [3, с. 72]. В молодежной среде созрел запрос на патриотизм в деятельности. Хорошо об этом сказал один из участников фокус-группы: «Осознание того, что ты можешь говорить, можешь что-то делать, что от тебя что-то зависит – это не пустое. Вот как мне кажется, вот это и надо прививать, а не песнями или плясками» (Симферополь) [3, с. 91].

Для вовлечения молодежи Юга России в патриотические практики, помимо традиционно реализуемых мер, связанных с военно-патриотическим воспитанием молодежи, с точки зрения экспертов, можно использовать также такие меры, как:

- создание образовательной среды, направленной на формирование ценностей, связанных с патриотизмом и гражданственностью;
- создание Интернет-площадок, где молодежь была бы субъектом граж-

- данских и патриотических инициатив;
- формирование открытых дискуссионных площадок с представителями власти на федеральном и муниципальном уровне;
- активное вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность;
- организация встреч с людьми, которые внесли большой вклад в развитие региона и его популяризации за его пределами;
- организация встреч с волонтерами/общественными деятелями, которым патриотическая деятельность в рамках общественной жизни помогла с продвижением карьеры;
- организация экологических практик, связанных с защитой лесов, рек, животных, природы в целом на Юге России;
- развитие туристических практик, связанных с посещением знаковых мест, имеющих культурно-историческое и этнорелигиозное значение;
- привлечение молодежи к деятельности, связанной с оказанием социальной помощи людям, нуждающимся в ней (старикам, детям и др.).

В заключении следует подчеркнуть, что на данный момент доминантная форма реализации патриотических практик молодежи на Юге России – военно-мобилизационная (формальные патриотические практики). Вместе с тем принципиально важно заинтересовать молодых людей новыми видами и формами патриотической деятельности, создавая условия для раскрытия и развития их творческих способностей, формирования четкой гражданской позиции, толерантности. Последнее особенно значимо для обществ полиэтничного типа, в которых множество этнических культур переплетаются с особенностями культурной и исторической жизни народов.

Современный патриотизм – это уважение к культурам других народов, формирование толерантного мировоззрения. В современных условиях целесообразно проводить профилактиче-

ские занятия с молодежью, связанные с гражданским просвещением, снижением рисков формирования экстремистских установок и национализма в молодежной среде.

Националистические идеи приводят к переписыванию истории, когда нация начинает мифологизировать свое происхождение и говорить об исключительности, своем превосходстве. Националистически настроенное государство стремительно деградирует как социокультурное образование, замыкаясь на собственных национальных ценностях, принципах, идеологических установках [4].

Патриотизм может и должен стать неким инструментом в борьбе с национализмом, основываясь на принципах взаимопомощи, добрососедства, равенства всех народов, преимуществах этнокультурного многообразия в консолидационном контексте, что особенно важно для такого многонационального государства, как Россия, а также отдельных регионов, характеризующихся сложным в этнокультурном отношении составом.

Хорошей площадкой для развития новых и ориентированных на повседневную жизнь форм патриотических практик может стать онлайн-пространство. В нем на современный день сосредоточились все формы общения, образовательный процесс, информационное оповещение. Благодаря современным технологиям у молодежи можно сформировать гражданские и солидаристские ценности, формировать патриотические практики, которые будут направлены на процесс консолидации гражданского общества.

В современном обществе большую часть времени молодежь проводит в Интернете. Поэтому в разработках программ и проектов по системе патриотического воспитания необходимо учесть трансляцию информации на большую аудиторию пользователей.

В Интернете существует множество сайтов, направленных на формирование у молодежи патриотизма и духовно-нравственного воспитания. Одни про-

пагандируют государственную политику, другие направлены на воспитание и формирование лидерских качеств. Однако в онлайн-пространстве есть и множество сайтов, с совершенно противоположной точкой зрения, направленной на использование протестных настроений молодежи против социальной несправедливости. Деструктивные политические структуры, использующие протестные настроения молодежи, пытаются «раскачать» политическую ситуацию в обществе, активно используют онлайн-пространство для поддержки протестных настроений у молодежи. Необходимо противостоять таким явлениям, чтобы не потерять молодежь. Социальные сети и онлайн-пространство следует активно использовать для донесения понятной информации до молодежи, не насильственно насаждая, а завлекая интересными мероприятиями и достоверными фактами с использованием современных технологий.

Интегрировать молодежь в патриотические практики можно через веб-сайты организаций, учебных заведений, фондов, страницы в социальных сетях YouTube, онлайн-квесты, виртуальные площадки, интерактивные музеи, выставки и др. Необходимо молодежь знакомить с порталом и сайтом Правительства области и Администрации города. Это будет способствовать молодежным инициативам и заявкам на предмет проектной деятельности.

Развитие патриотизма в молодежной среде через онлайн-пространство является новым, еще недостаточно разработанным направлением исследования, в том числе и на региональном уровне, при том, что исследователи уже привлекают внимание к потенциалу интернет-среды как наиболее значимой для социализации молодежи и ее патриотического развития [1]. Определенно, грамотное использование онлайн-среды может принести эффективный результат в области становления патриотического сознания молодежи в формате гражданского патриотизма, запрос на который, как показали полученные нами результаты в ходе серии эмпирических иссле-

дований, сформировался в молодежной среде Юга России.

Литература

1. Бештоков М.В. Социализация молодежи в компьютерно-интерактивной социальной системе: социальные институты и риски коммуникации // *Caucasian Science Bridge*. 2021. Т. 4. № 1. С. 46–51.
2. Вагина В.О. Патриотические практики в молодежной среде на Юге России // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2019. № 2. С. 31–34.
3. Гражданский патриотизм и солидаристские практики в локальных сообществах на Юге России: коллективная монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский [и др.]; отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2019. – 392 с.
4. Лубский А.В., Вагина В.О., Мамина Д.А. Молодежная политика и гражданские практики в молодежной среде в современной России // *Гуманитарий Юга России*. 2019. Том. 8. № 6. С. 171–187.
5. Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России: коллективная монография / Ю.Г. Волков, Лубский А.В., [и др.]; отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2018. – 412 с.
6. В России происходит тотальное упрощение массового сознания. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/02/15/677855-rossii> (дата обращения: 25.09.2020).
7. Список военно-патриотических клубов. [Электронный ресурс]. URL: http://pravoslavnyi.ru/new_site/patriotic-military-clubs (дата обращения: 25.09.2020).

DOMINANT FORMS OF PATRIOTIC PRACTICES OF YOUTH IN THE SOUTH OF RUSSIA (BASED ON SOCIOLOGICAL SURVEYS)

Volkov Yu.G., Vagina V.O.
Southern Federal University

The sociological field of research devoted to patriotism in the youth environment of modern Russia is quite rich, and among the patriotic practices that have received the greatest development in the regions of the country, military mobilization practices are dominant, based on the reproduction of historical memory, primarily associated with the heroic pages of the Great Patriotic War. Everyday civil life, with its problems and opportunities for their resolution, is practically not included in the patriotic agenda of today's Russian youth. Acting in line with the logic of patriotic activity formally set by the state, young people show little initiative in designing their own patriotic practices, despite the fact that a demand for patriotism of a different, non-heroic type has formed among them. The authors come to these conclusions on the basis of an analysis of empirical materials obtained during the implementation of a number of research projects in the South of Russia. As an important conclusion, it is also indicated that it is necessary to use the potential of the online space and digital technologies to attract young people to new forms of patriotic practices – the practices of civic patriotism and the growth of its patriotic subjectivity.

Keywords: patriotism, patriotic practices, youth, state patriotism, civil patriotism, military mobilization patriotism.

References

1. Beshtokov M.V. Socialization of youth in a computer-interactive social system: social institutions and risks of communication // *Caucasian Science Bridge*. 2021. Vol. 4. No. 1. P. 46–51.
2. Vagina V.O. Patriotic practices among the youth in the South of Russia // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2019. No. 2. P. 31–34.
3. Civil patriotism and solidarity practices in local communities in the South of Russia: collective monograph / Yu.G. Volkov, A.V. Lubsky [and others]; resp. ed. Yu.G. Volkov. – Rostov-on-Don: Fund for Science and Education, 2019. – 392 p.
4. Lubsky A.V., Vagina V.O., Mamina D.A. Youth policy and civil practices in the youth environment in modern Russia // *Humanist of the South of Russia*. 2019. Vol. 8. No. 6. P. 171–187.
5. Patriotism, citizenship and solidarity in regional communities in the South of Russia: collective monograph / Yu.G. Volkov, Lubsky A.V., [and others]; resp. ed. Yu.G. Volkov. – Rostov-on-Don: Science and Education Fund, 2018. – 412 p.
6. A total simplification of mass consciousness is taking place in Russia. [electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/02/15/677855-rossii> (Accessed 25.09.2020).
7. List of military-patriotic clubs. [electronic resource]. URL: http://pravoslavnyi.ru/new_site/patriotic-military-clubs (Accessed 25.09.2020).

Оценка и международные сопоставления показателя «годы счастливой жизни» при комплексной оценке качества жизни населения

Зубец Алексей Николаевич

доктор экономических наук, доцент, директор
Центра социально-экономических исследований,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: ANZubets@fa.ru

Представлены современные подходы как исследованиям качества жизни людей. Показано, что опорной точкой современных исследований качества жизни является понятие является представлением о благополучии как о стремлении к счастью. Рассмотрено развитие античных представлений о качестве жизни к утилитаризму 19 века и далее к современным представлениям об эффективности социального устройства. Приводятся различные подходы к определению качества жизни, рассмотрены варианты его оценки с использованием объективных и субъективных показателей. Показано, что одним из лучших показателей для оценки качества жизни населения является продолжительность счастливой жизни, определяемая как произведение доли счастливых людей в стране и средней ожидаемой продолжительности жизни. Приводятся расчеты продолжительности счастливой жизни по странам мира в 2010–2020 годах. Показано, что по по данным расчетов Россия занимает 52 место из 65 стран, рассмотренных по этому показателю.

Ключевые слова: качество жизни, субъективные показатели качества жизни, удовлетворенность жизнью, счастье, утилитаризм, годы счастливой жизни.

В настоящее время большое внимание и в политических обсуждениях, и в научных исследованиях уделяется такому показателю, как качество жизни населения. Оно достаточно часто воспринимается как проекция, воплощение счастья людей, достижение которого и представляется конечной целью социально экономического развития [1]. Суждение о том, что всеобщее счастье должно стать результатом развития здорового, правильно устроенного государства, восходит еще к Аристотелю. В «Политике» он определяет государство как общность людей, организованных для достижения общего блага и наибольшего счастья: «ведь ясно, что пользующиеся наилучшим государственным строем должны под влиянием окружающей их обстановки и жить наиболее счастливо, если этому не препятствуют какие-либо неожиданные случайности». И далее: «наилучшим государственным строем должно признать такой, организация которого дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо» [2].

Продолжением аристотелевской традиции о принципах построения справедливой и устойчивого общества, обеспечивающего всем комфортные условия для существования, стал Иеремия Бентам, английский политический философ первой половины XIX века, чьи воззрения послужили стартовой точкой для социально-философской школы, получившей название «утилитаризма» [3]. Бентам считал, что «природа поставила людей под власть двух верховных правителей: боли и удовольствия. Только они указывают, что мы можем делать, а также определяют, что мы должны делать»... Увеличение благ и уменьшение страданий есть главная цель законодателя». Последователь Бентама Г. Сиджвик предложил формулу утилитаризма, которая

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

гласит: «Общество правильно устроено и, следовательно, справедливо, когда его основные институты построены так, чтобы достигнуть наибольшего баланса удовлетворенности для всех индивидуумов этого общества». Бентам считал, что построение справедливого общества становится возможным при объективном и точном исчислении блага и страданий, а роль правительства, по его мнению, состоит в «культивировании общего блага и счастья с помощью закона и рассудка» – иными словами, законодательном осуществлении всеобщего счастья.

Бентам полагал, что каждый член общества имеет право по меньшей мере на физическую защиту, так как злонамеренные действия ограничивают или ликвидируют его право на счастье. Ему же принадлежит еще один революционный и очень смелый прорыв в подходах к оценке справедливого распределению благ: он утверждал, что права должны зависеть от уровня страданий, которые возникают по причине несправедливости.

При использовании принципов утилитаризма критериями справедливости и оптимального общественного устройства является удовлетворенность людей той жизнью, которую они ведут. Иногда вместо удовлетворенности жизнью в исследованиях используется понятие счастья. Тогда этот критерий формулируется как «максимум счастья для максимума людей». Тут, однако, надо иметь в виду, что с математической точки зрения такая формулировка является неверной в силу необходимости параллельной оптимизации двух математических функций. Чтобы снять это противоречие одну из функций необходимо зафиксировать, занявшись оптимизацией другой функции. Поэтому с точки зрения оптимизации справедливости общественного устройства имеет смысл заняться максимальным увеличением числа людей, например, обеспеченных определенным набором материальных и социальных благ. Этот набор может включать в себя, например, уровень дохода не ниже определенной

величины, доступ к медицинскому обслуживанию не хуже определенного стандарта, который обеспечивает продолжительность жизни не ниже определенного количества лет, не менее чем определенное число лет, проведенных в системе школьного и высшего образования и так далее.

Сегодня концепция утилитаризма в части организации общественных структур, повышения качества жизни и достижения справедливого устройства общества стала практически доминирующей в научных исследованиях. Причина в том, что она содержит в себе ясную математическую составляющую, которая поддается формализации в рамках решения оптимизационных задач. Поэтому в рамках сегодняшнего понимания социальной, политической и экономической действительности целью человеческой деятельности и развития общества как правило принимается повышение качества жизни людей. Вполне четко выразил эту мысль российский философ конца XIX – начала XX века В.В. Розанов: «цель человеческой жизни есть удовлетворенность, бескачественная и наибольшая, для наибольшего количества людей, волею этого количества определяемая как в содержании своем, так и в средствах осуществления» [4].

С другой стороны, высокое качество жизни можно определить и «от обратного» – это избавление от неблагоприятных внешних «раздражителей» (внешних воздействий, которые человек считает неблагоприятными), что в свою очередь обеспечивает высокий уровень комфортности бытия. Высокое качество жизни можно также рассматривать как достаточный уровень свободы человека в достижении тех целей, которые он перед собой ставит – отсутствие ограничений на путях, которые индивид для себя выбирает.

Как центральное понятие и цель социально-экономического развития качество жизни заменило уровень жизни, понятие, которое было сконцентрировано вокруг уровня потребления товаров и услуг, не затрагивая при этом

другие составляющие человеческого бытия, такие как, например, доступ к образованию и культурным ценностям, свобода самовыражения и самореализации, высокий уровень свободы, позволяющий самостоятельно строить собственную жизнь и другие нематериальные компоненты.

Качество жизни – разноплановое, многокомпонентное понятие. Энциклопедия Британика определяет качество жизни как уровень здоровья, комфортности существования, а также способность участвовать в жизненных событиях или наслаждаться ими [5]. Еврокомиссия и Евростат (статистическая организация Евросоюза) определяют качество жизни как широкое понятие, охватывающее ряд различных составляющих жизни человека. Оно включает в себя как объективные факторы, описывающие человеческое существование (например, владение материальными ресурсами, состояние здоровья, наличие и качество работы, условия жизни и многие другие), так и субъективное восприятие этих факторов и возможностей, которыми располагает индивид [6]. При этом важно, чтобы факторы, составляющие качество жизни, а также их субъективные оценки позволяли их измерение и количественное описание.

Важной вехой на пути внедрения понятия качества жизни в осмысленные социально-экономической действительности стали выводы комиссии Стиглица – Сен – Фитусси, инициированной президентом Франции Саркози в 2008 году [7]. Ее целью была формулировка более всеобъемлющего взгляда на измерение человеческого благополучия, нежели оценка потребления товаров и услуг. Выводы комиссии свелись к рекомендациям перейти от оценки производства товаров и услуг как ключевого экономического параметра к человеческому благополучию. Среди прочего комиссия рекомендовала оценивать не столько объем производства, сколько потребление домохозяйств, а также учитывать распределение доходов с целью не допустить бедности, угнетающей социальное благополучие

отдельных групп населения. Комиссия определила следующие составляющие и одновременно – направления оценки человеческого благополучия:

- материальное потребление товаров и услуг;
- здоровье;
- образование;
- доступ к интересной работе, хобби а и другие виды деятельности;
- участие в политической деятельности и управлении;
- социальные связи и участие в жизни своего социального окружения;
- экология среды обитания;
- физическая безопасность, гарантии трудоустройства и дохода.

К выводам комиссии Стиглица – Сен – Фитусси близки подходы ОЭСР [8], которая определяет качество жизни как человеческое благополучие, опирающееся на:

- материальные условия, которые формируют экономические возможности людей (доход и богатство, жилье, наличие работы и ее качество);
- факторы качества жизни, которые показывают социальное самочувствие людей, способности к самореализации на работе, экологическое состояние и безопасность их мест проживания (здоровье, доступ к знаниям и навыкам, качество окружающей среды, субъективное благополучие, безопасность);
- насколько люди участвуют в общественной жизни на уровне страны, своего города или территориально-го сообщества более низкого уровня, качество отношений на работе, качество семейной жизни (баланс между работой и личной жизнью, социальные связи, гражданская активность).

Качество жизни определяется в основном объективными количественными показателями, например – уровнем потребления тех или иных товаров и услуг. Тем не менее, окончательный вывод о сегодняшнем уровне жизни формируется населением в виде итоговой, во многом эмоциональной оценки (качественного суждения). Исходя из этого

в настоящее время в основе измерения качества жизни лежат два основных типа показателей качества жизни:

- объективные (экономические, демографические, социальные, природные);
- субъективные (оценки удовлетворенности населения качеством своей жизни в различных сферах).

Разделение на две группы показателей происходит в соответствии с тем, что по своей сути качество жизни – субъективный показатель, который, тем не менее, можно описать при помощи объективных индикаторов. Для количественной характеристики качества жизни можно использовать систему объективных и субъективных показателей, которые группируются по темам, характеризующим качество жизни людей. В рамках актуальных представлений понятие высокого качества жизни подразумевает:

- достаточную продолжительность здоровой жизни, поддержанную хорошим медицинским обслуживанием и безопасностью (отсутствием значимых угроз жизни и здоровью);
- приемлемый объем потребления товаров и услуг, а также гарантированный доступ к материальным благам, обеспечивающий устойчивое благосостояние в будущем;
- удовлетворительные социальные отношения, социальная справедливость, отсутствие серьезных общественных конфликтов и угроз достигнутому уровню благополучия – низкий уровень конфликтности социальной среды и страданий людей;
- познание мира и развитие – доступ к знаниям, образованию и культурным ценностям, формирующим личность и представления об окружающем мире;
- учет мнения индивида при решении общественных проблем, участие в создании общепринятой картины мира и правил поведения человека – право быть услышанным;
- социальную принадлежность, полноправное участие в общественной

и культурной жизни во всех ее формах;

- доступ к разнообразной информации, включая сведения о положении дел в обществе;
- комфортные условия труда, дающего простор для творчества и самореализации, относительно короткий рабочий день, оставляющий человеку достаточно свободного времени для различных занятий;
- общественное уважение, а также ряд других показателей [7].

Вообще говоря, качество жизни – это уровень счастья людей, или степень их удовлетворенности своей жизнью, а также объективные показатели благополучия, такие как продолжительность жизни, уровень дохода, уровень образования и так далее. Сочетание субъективного благополучия с фактическими социально-экономическими данными дает более точную и взвешенную оценку качества жизни в тех случаях, когда люди счастливы, при том, что живут плохо – а такое положение может сложиться, например, при изоляции социальных групп от мировых стандартов потребления.

Из числа измерителей качества жизни наиболее известен Индекс человеческого развития (ИЧР ООН), ранжирующий страны мира по уровню развития и благополучия граждан. В рамках подходов, лежащих в основе данного показателя, уровень благополучия измеряется не только доходом на душу населения, как это долго практиковалось, но также показателями в области здоровья и образования [9].

Для количественного измерения качества жизни людей можно использовать широкий перечень объективных и субъективных показателей, среди которых основными с нашей точки зрения являются:

- средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- уровень насильственной смертности (число умышленных убийств на 100 тыс. жителей в год);
- ВВП по ППС на душу населения или иные показатели уровня потре-

- бления товаров и услуг, например – доля тех, кому не хватает средств на достаточное питание для семьи и на предметы первой необходимости;
- готовность к миграции с нынешнего места жительства в поисках лучших условий существования;
 - доля людей, довольных собственной жизнью, считающих себя счастливыми;
 - доля уверенных в собственном завтрашнем дне;
 - доля людей, в чьей жизни доминируют положительные эмоции (радость);
 - уровень тревожности и протестной активности – готовность людей участвовать в различных протестных акциях, выступлениях, митингах, фактический уровень протестной активности (состоявшиеся выступления разного рода), а также ряд других показателей.

Одним из самых удачных измерителей качества жизни людей является, по нашему мнению, HLE – Harpu Life Expectancy – ожидаемая продолжительность (число лет) счастливой жизни, рассчитываемая как произведение средней ожидаемой продолжительности жизни и доли жителей страны, довольных собственной жизнью (или считающих себя счастливыми) [9]. Этот показатель органично сочетает в себе, с одной стороны ключевой субъективный показатель – «уровень счастья» населения различных стран, а, с другой стороны – среднюю ожидаемую продолжительность жизни при рождении, которая представляет собой важнейший объективный индикатор человеческого благополучия. Подход, заложенный в этот индикатор качества жизни к, исходит из того, что основная цель любого человека – прожить длинную счастливую жизнь. Продолжительности человеческой жизни добавляет значимости то, что при отсутствии жизни прочие ее характеристики для индивида уже не имеют значения. Более того, средняя ожидаемая продолжительность жизни определя-

ется уровнем благополучия граждан и душевыми расходами на цели здравоохранения. Поэтому длинная и здоровая жизнь является показателем высокого уровня благополучия людей. В силу этого из всего перечня объективных показателей качества жизни наиболее значимым является именно ее продолжительность.

Лидерами по HLE по мнению автора на момент составления рейтинга в 1996 году являлись следующие страны:

1. Исландия;
2. Нидерланды;
3. Швеция;
4. Швейцария;
5. Австралия.

Надо иметь в виду, что при вычислении продолжительности счастливой жизни могут возникнуть сложности понятийного характера. Дело в том, что у понятия «счастья» есть существенный недостаток. В русском языке понятие «счастья» означает высокую степень эмоционального подъема, максимум позитивных эмоций, состояние эйфории. Такое состояние не может быть долгим. В отличие от российского «счастья» английское «happiness» имеет более спокойный характер, ему более точно соответствуют такие понятия как «радость», «удовольствие», «благополучие» и «удовлетворенность жизнью». Так что при проведении социологических исследований в качестве показателя качества жизни можно опираться на долю людей, полностью или в основном довольных собственной жизнью. Такой модернизированный показатель можно было бы назвать как «продолжительность благополучной жизни», например.

Для расчетов продолжительности счастливой жизни по странам мира мы будем использовать данные Всемирного банка [11] относительно средней ожидаемой продолжительности жизни по странам мира в 2010–2020 гг., а также данные международного проекта World Values Survey [12]. Результаты исследования представлены в табл. 1.

Таблица 1. Ожидаемая продолжительность счастливой жизни по странам мира в 2010–2020 гг.

		Доля тех, кто считает себя счастливыми	Средняя ожидаемая продолжительность жизни (среднее значение в 2010–2020 гг.)	Продолжительность счастливой жизни, лет
1	Катар	98%	79,7	78,1
2	Швеция	95%	82,2	77,8
3	Новая Зеландия	95%	81,4	77,2
4	Сингапур	93%	82,6	76,8
5	Нидерланды	93%	81,5	76,0
6	Австралия	92%	82,3	75,3
7	Япония	90%	83,6	75,0
8	Южная Корея	90%	81,7	73,2
9	Польша	94%	77,3	72,7
10	Пуэрто-Рико	91%	79,2	72,0
11	Испания	87%	82,9	71,8
12	САР Гонконг	85%	84,1	71,5
13	Германия	87%	80,7	70,3
14	США	89%	78,7	70,2
15	Мексика	93%	75,0	69,8
16	Кувейт	93%	75,0	69,4
17	Эквадор	91%	76,0	69,3
18	Колумбия	91%	76,4	69,1
19	Малайзия	91%	75,3	68,4
20	Узбекистан	97%	70,8	68,3
21	Бразилия	91%	74,8	68,1
22	Кыргызстан	96%	70,5	67,7
23	Словения	84%	80,7	67,7
24	Таиланд	88%	75,8	67,0
25	Чили	84%	79,5	67,0
26	Уругвай	86%	77,3	66,8
27	Аргентина	87%	76,0	66,3

Продолжение

		Доля тех, кто считает себя счастливыми	Средняя ожидаемая продолжительность жизни (среднее значение в 2010–2020 гг.)	Продолжительность счастливой жизни, лет
28	Индонезия	94%	70,6	66,2
29	Китай	87%	75,7	66,0
30	Кипр	82%	80,2	65,9
31	Ливан	82%	78,7	64,9
32	Бангладеш	91%	71,3	64,7
33	Турция	85%	76,2	64,6
34	Тринидад и Тобаго	88%	72,8	64,1
35	Иордания	86%	74,0	63,9
36	Филиппины	90%	70,5	63,8
37	Ливия	88%	72,2	63,8
38	Казахстан	89%	71,2	63,2
39	Армения	83%	74,3	61,5
40	Алжир	80%	76,0	60,7
41	Сербия	80%	75,2	60,4
42	Руанда	90%	66,8	60,4
43	Эстония	78%	77,2	60,1
44	Индия	88%	68,3	59,9
45	Перу	79%	75,6	59,6
46	Марокко	79%	75,6	59,4
47	Тунис	78%	75,8	59,2
48	Греция	72%	81,2	58,1
49	Азербайджан	81%	72,1	58,1
50	Пакистан	87%	66,4	57,8
51	Венгрия	76%	75,5	57,3
52	Россия	80%	71,1	57,0
53	Румыния	74%	74,9	55,3
54	Гаити	84%	62,3	52,5
55	Боливия	73%	69,9	51,2
56	Украина	72%	71,2	51,1
57	Гана	81%	62,6	50,6
58	Грузия	68%	72,7	49,7

Окончание

		Доля тех, кто считает себя счастливыми	Средняя ожидаемая продолжительность жизни (среднее значение в 2010–2020 гг.)	Продолжительность счастливой жизни, лет
59	Беларусь	67%	72,8	49,1
60	Ирак	70%	69,7	48,5
61	Йемен	72%	66,0	47,6
62	Южная Африка	77%	61,7	47,3
63	Зимбабве	79%	57,7	45,5
64	Нигерия	79%	52,9	41,6
65	Египет	49%	71,2	34,8

Источник: расчеты автора по данным Всемирного банка и Международного исследования ценностей.

Из нее видно, что на временном интервале с 2010 по 2020 год наилучшие показатели по средней ожидаемой продолжительности счастливой жизни в мере показали следующие страны: Катар, Швеция, Новая Зеландия, Сингапур, Нидерланды. Россия в этом списке находится на 52 месте из 65 рассматриваемых стран и территорий.

Выводы: многочисленные исследования, проведенные в мире во второй половине прошлого и в начале нынешнего века, показывают, что валовый ВВП и ВВП на душу населения недостаточно полно отражают комфортность существования людей. Как следствие, возникла необходимость найти им замену в виде показателей, отражающих реальное благополучие граждан. Ими стали различные измерители качества жизни населения, основанные как на количественных статистических показателях, так и на субъективных оценках своей жизни, сделанных самими людьми. Представляется, что наилучшим вариантом вам измерения качества жизни является комбинация объективных и субъективных показателей. Статистические показатели дают объективную картину благополучия населения, субъективные оценки фиксирует отношение населения к собственной жизни. Одним из индикаторов качества жизни, сочетающих

как объективные показатели, так и субъективные оценки, является ожидаемая продолжительность счастливой жизни (или годы счастливой жизни). Проведенные расчеты показали, что Россия по этому показателю довольно заметно отстает от экономически развитых стран. При планировании социально-экономического развития страны необходимо принимать в расчет динамику ожидаемой продолжительности счастливой жизни россиян и оптимизировать социально-экономическое развитие страны исходя из этого показателя.

Литература

1. Булкина Н.А. О феномене счастья: обзор зарубежных и отечественных исследований // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 № 5, <https://mir-nauki.com/PDF/26PSMN520.pdf> Bulkina N.A. (2020). About happiness: a review of foreign and domestic researches. World of Science. Pedagogy and psychology, [online] 5(8). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/26PSMN520.pdf> (in Russian).
2. Аристотель. Политика. Кн. 7.1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Академия Наук СССР, Институт философии. Т. 4. Москва, Издательство «Мысль», 1983, 830 с.
3. Том Батлер-Боудон. 50 великих книг по философии. – М.: Эксмо, 2020. – 432 с.
4. В.В. Розанов. Цель человеческой жизни. Собрание сочинений т. 28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.). – М.: Республика, СПб., Росток, 2009. – 878 с.
5. ENCYCLOPÆDIA BRITANNICA. Quality of life [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.britannica.com/topic/quality-of-life> Дата обращения: 10.06.2022 г.
6. Eurostat Statistics Explained. Quality of life indicators – measuring quality of life [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Quality_of_life_indicators_-_measuring_quality_of_life Дата обращения: 10.06.2020 г.

7. Report by the Stiglitz Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/258260767_Report_of_the_Commission_on_the_Measurement_of_Economic_Performance_and_Social_Progress_CMEPSP Дата обращения: 10.06.2022 г.
8. Measuring well-being and progress. OECD Statistics and Data Directorate Paris, March 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.oecd.org/sdd/OECD-Better-Life-Initiative.pdf> Дата обращения: 10.06.2022 г.
9. Доклад о человеческом развитии 2020. Следующий рубеж. Человеческое развитие и антропоцен. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents//hdr2020rupdf.pdf> Дата обращения: 10.06.2022 г.
10. Ruut Veenhoven. HAPPY LIFE EXPECTANCY. A comprehensive measure of quality-of-life in nations. Social Indicators Research, 1996, vol. 39, 1–58.
11. См. данные по продолжительности жизни по странам мира на сайте Всемирного банка [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/> Дата обращения: 10.06.2022 г.
12. Смотри данные по уровню счастья и удовлетворенности жизнью на сайте проекта Международное исследование ценностей [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> Дата обращения: 10.06.2022 г.

EVALUATION AND INTERNATIONAL COMPARISONS OF THE INDICATOR “YEARS OF A HAPPY LIFE” IN A COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION

Zubets A.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Modern approaches to research on the quality of life are presented. It is shown that the basic point of modern research on the quality of life is the concept of well-being as a pursuit of happiness. The development of ancient ideas about the quality of life to the utilitarianism of the 19th century and further to modern ideas about the effectiveness of the social structure is considered. Various approaches to the definition of the quality of life are given, options for its assessment using objective and subjective indicators are considered. It is shown that one of the best indicators for assessing the quality of life is the duration of a happy life, it is calculated as a multiplication of the proportion of happy people in the country and the average life expectancy. Calculations of the duration of a happy life in the countries of the world in 2010–2020 are given. It is shown that according to the calculations, Russia ranks 52nd out of 65 countries considered for this indicator.

Keywords: Quality of life, Subjective indicators of quality of life, Life satisfaction, Happiness, Utilitarianism, Happy life expectancy, HLE.

References

1. Bulkina N.A. On the phenomenon of happiness: a review of foreign and domestic studies // The world of science. Pedagogy and Psychology, 2020 No. 5, <https://mir-nauki.com/PDF/26PSMN520.pdf> Bulkina N.A. (2020). About happiness: a review of foreign and domestic researches. World of Science. Pedagogy and psychology, [online] 5(8). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/26PSMN520.pdf> (in Russian).
2. Aristotle. Politics. Book 7.1. Aristotle. Essays in four volumes. Academy of Sciences of the USSR, Institute of Philosophy. Vol. 4. Moscow, Publishing House “Thought”, 1983, 830 p.
3. Tom Butler-Bowdon. 50 great books on philosophy. – Moscow: Eksmo, 2020. – 432 p.
4. . 4. V.V. Rozanov. The purpose of human life. Collected works vol. 28. Aesthetic understanding of history (Articles and essays 1889–1897 rr.). – M.: Republic, St. Petersburg, Rostock, 2009. –878 p.
5. ENCYCLOPEDIA BRITANNICA. Quality of life [Electronic resource] Access mode: URL: <https://www.britannica.com/topic/quality-of-life> Date of application: 10.06.2022
6. Eurostat Statistics Explained. Quality of life indicators – measuring quality of life [Electronic resource] Access mode: URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/>

- index.php/Quality_of_life_indicators_-_measuring_quality_of_life Date of application: 10.06.2020
7. Report by the Stiglitz Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress [Electronic resource] Access mode: URL: https://www.researchgate.net/publication/258260767_Report_of_the_Commission_on_the_Measurement_of_Economic_Performance_and_Social_Progress_CMEPSP Date of application: 10.06.2022
 8. Measuring well-being and progress. OECD Statistics and Data Directorate Paris, March 2020 [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://www.oecd.org/sdd/OECD-Better-Life-Initiative.pdf> Date of application: 10.06.2022
 9. Human Development Report 2020. The next frontier. Human development and the Anthropocene. [Electronic resource] Access mode: URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020rupdf.pdf> Date of application: 10.06.2022
 10. Ruut Veenhoven. HAPPY LIFE EXPECTANCY. A comprehensive measure of quality-of-life in nations. Social Indicators Research, 1996, vol. 39, 1–58.
 11. See data on life expectancy by countries of the world on the World Bank website [Electronic resource] Access mode: URL: <https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/> Date of application: 10.06.2022
 12. See the data on the level of happiness and life satisfaction on the website of the International Values Research project [Electronic resource] Access mode: URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> Date of application: 10.06.2022

Идеальные типы социального действия М. Вебера: «утопия» или реальность? Методология и методика исследований

Осеев Александр Александрович,

доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии и менеджмента МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: Oseev.a@mail.ru

В отличие от ранее опубликованных наших работ, в данной статье представлены воедино наработки многих лет – направления и методы исследования всех четырех типов социального действия М. Вебера – *целерационального, ценностно-рационального, аффективного и традиционного*, благодаря чему концепция М. Вебера о социальном действии получает еще один подход к верификации на практике. Важность верификации идеальных типов социального действия определяется тем, что многие исследователи считают их «утопией», которые не несут прикладного значения. Например, углубленный и, в определенной степени, критический анализ результатов проведенных исследований «идеального портрета руководителя образовательного комплекса»¹ выявил ряд требований, предъявляемых к личностным и деловым качествам руководителей-педагогов, куда включалась: *«эффективная коммуникация, умение действовать в экстремальных ситуациях, умение работать в команде, выявлять первостепенные задачи и быстро находить решение»*, быть *«стрессоустойчивым, честным, порядочным, ответственным, аккуратным, интеллигентным»*² и пр.. При этом в публикациях на данную тему недостаточно был рассмотрен вопрос о способах верификации данных качеств у реальных работников. Вся проблема, на наш взгляд, заключалась в двух обстоятельствах. Во-первых, многие исследователи, включая уважаемого коллегу Е.М. Баришовец, считают идеальные портреты, на которых теоретически опиралось его исследование, – «идеальные типы (по М. Вебе-

ру) по своей природе утопичны», поскольку их «нельзя найти в повседневной реальности»³, что «идеальные типы являются моделями, не подлежащими проверке»⁴. Мы хотим в данной статье рассказывать о способах верификации идеальных типов социального действия М. Вебера, которые, как показали наши многолетние исследования, имеют прикладное значение при изучении личностных качеств руководителей и для решения практических задач в области управления персоналом организаций различных сфер жизнедеятельности общества.

Хотелось бы отметить, что мы предлагаем лишь один из возможных вариантов решения методической и прикладной исследовательской проблемы. И готовы обсудить другие варианты, способные улучшить применяемых методологических и методических подходов в разработке методов исследования идеальных типов социального действия М. Вебера.

Ключевые слова: Методология и методика исследований идеальных типов социального действия М. Вебера: «утопия» или реальность? Верификация типов социального действия.

¹ Баришовец Е.М. Идеальный портрет руководителя образовательного комплекса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idealnyy-portret-rukovoditelya-obrazovatel'nogo-kompleksa> (дата обращения: 01.04.2021).

² Баришовец Е.М. Идеальный портрет руководителя образовательного комплекса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idealnyy-portret-rukovoditelya-obrazovatel'nogo-kompleksa> (дата обращения: 01.04.2021).

³ Баришовец Е.М. Идеальный портрет руководителя образовательного комплекса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idealnyy-portret-rukovoditelya-obrazovatel'nogo-kompleksa> (дата обращения: 01.04.2021).

⁴ «Понимающая социология» и концепция «идеальных типов» М. Вебера». URL: studopedia.ru/26_114767...sotsiologiya...kontseptsiya... (дата обращения: 01.04.2022).

1. Актуальность исследований личностных качеств руководителей с позиции идеальных типов социального действия М. Вебера

Поскольку среди ученых еще сохраняется мнение (во многом до определенного времени обоснованное), о том, что выделенные М. Вебером идеальные типы социального действия «по своей природе утопичны», поскольку их «нельзя найти в повседневной реальности», «идеальные типы являются моделями, не подлежащими проверке», то хотели бы отметить следующее.

1. Говоря об утопичности идеальных типов, на что обращает внимание в своей статье уважаемый коллега – Е.М. Баришовец, «идеальные типы (*по М. Веберу*) по своей природе утопичны», поскольку их «нельзя найти в повседневной реальности»⁵, «идеальные типы являются моделями, не подлежащими проверке»⁶ утверждается в других работах, М. Вебер на самом деле говорил лишь об абстрактных экономических теориях, которые представляют мысленные конструкции⁷. Судя из контекста, речь шла о том, что любые теоретические мысленные конструкции утопичны в своем абстрактном отражении лишь отдельных элементов реальности. Утопичны, поскольку не могут отразить все связи, все богатство внутреннего содержания (признаков, свойств и связей) самого реального явления. Очевидно, что содержание самого явления, существующего в действительности во взаимосвязи с другими явлениями, более многообразно, чем выделяемые в нем исследователем «мысленные

⁵ Баришовец Е.М. Идеальный портрет руководителя образовательного комплекса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idealnyy-portret-rukovoditelya-obrazovatel'nogo-kompleksa> (дата обращения: 01.04.2021).

⁶ «Понимающая социология» и концепция «идеальных типов» М. Вебера». URL: studopedia.ru/26_114767...sotsiologiya...kontseptsiya... (дата обращения: 01.04.2022).

⁷ Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. // Избранные произведения. Пер. с нем. / сост., общ. Ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. С. 389.

связи». Теории утопичны лишь в смысле их ограниченности раскрытия сущности реальных явлений. Но это не значит, что идеальные типы «не имеют связи с практикой», не имеют методологического, методического и эвристического значения.

Вот что по этому поводу пишет сам М. Вебер: «По своему содержанию данная конструкция носит характер *утопии*, полученной посредством *мысленного* усиления определенных элементов действительности. Ее отношение к эмпирически данным фактом действительной жизни состоит в следующем: в тех случаях, когда абстрактно представленные в названной конструкции связи, то есть процессы, связанные с «рынком», в какой-то степени выявляются или предполагаются в действительности как значимые, мы можем, сопоставляя их с *идеальным типом*, показать и пояснить с прагматической целью своеобразие *этих* связей. Такой метод может быть эвристическим, а для выявления ценности явления даже необходимым. – И далее М. Вебер продолжал. – В *исследовании* идеальное типическое понятие (сюда относятся и идеальные «типы социального действия» М. Вебера – *прим. А.А. Осеев.*) – средство о вынесении правильного суждения о каузальном свойстве элементов действительности. Идеальный тип – не «гипотеза», он лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез. Не дает он и *изображения* действительности, но представляет для этого однозначные средства выражения»⁸.

2. Что касается «идеальных типов социального действия» М. Вебера важно отметить, что М. Вебер не говорил, как отмечают исследователи, что их «нельзя найти в повседневной реальности». М. Вебер не исключал методическую и эвристическую значимость «идеальных типов социального дей-

⁸ Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. // Избранные произведения. Пер. с нем. / сост., общ. Ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. С. 389.

ствия». В его работе прямо отмечает: «5. Действие, особенно социальное, очень редко ориентировано только на тот или иной тип рациональности, и сама эта классификация, конечно, не исчерпывает типы ориентаций действий; они являются собой созданные для социологического исследования понятийно чистые типы, к которым в большей или меньшей степени приближается реальное поведение или – что встречается значительно чаще – из которого оно состоит. *Для нас доказательством их целесообразности может служить только результат исследований*»⁹. (Курсив – А.А. Осеев). И мы постараемся это показать на практике. Мы нашли один из способов верификации всех четырех типов, благодаря чему концепция М. Вебера о социальном действии получает возможность прикладного применения концептуального подхода к исследованию поведения персонала для решения прикладных задач в области управления организацией.

Напомним, что, согласно М. Веберу, представляют типы социального действия. Как отмечает М. Вебер, «социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других. Столкновение двух велосипедистов, например, не больше чем происшествие, подобное явлению природы. Однако попытка кого-нибудь из них избежать этого столкновения – последовавшая за столкновением брань, потасовка или мирное урегулирование конфликта – является уже «социальным действием».

Первый тип – традиционное – «есть основанное на длительной привычке. Часто традиционное действие, подобно чисто реактивному подражанию»¹⁰. Второй тип – аффективное, или реактивное, поведение. «Аффективное действие ... находится на границе и часто

⁹ Вебер М. Понятие социального действия. // Избранные произведения. Пер. с нем. / сост., общ. Ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. Предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. С. 630.

¹⁰ Вебер М. Мотивы социального действия. // Избранные произведения. Пер. с нем. / сост., общ. Ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. Предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. С. 628.

за пределом того, что «осмысленно», осознано ориентировано; оно может быть не знающим препятствий реагированием на совершенно необычные раздражения»¹¹. Третий тип – ценностно-рациональное поведение, которое базируется на сознательной ориентации или вере в нравственные или религиозные идеалы. М. Вебер подчеркивает: «Чисто ценностно-рациональное действие тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям в долге, достоинстве, красоте, религиозных представлениях, благочестии или важности «предмета» любого рода. Ценностно-рациональное действие (в рамках нашей терминологии) всегда подчинено «заповедям» или «требованиям», в повиновении которым видит свой долг данный индивид»¹². Четвертый тип – целерациональное, или инструментально-рациональное, поведение, которое предполагает свободный и осознанный выбор цели. «Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально рассматривает отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае, не аффективно (прежде всего не эмоционально) и не традиционно»¹³.

Становится вполне очевидным, что с социологической точки зрения весьма затруднительно изучать те аффективное действие, которое, согласно М. Веберу, «... находится на границе и часто за пределом того, что «осмысленно», осознано ориентировано; оно может быть не знающим препятствий реаги-

¹¹ Вебер М. Мотивы социального действия. // Избранные произведения. Пер. с нем. / сост., общ. Ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. Предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. С. 628.

¹² Вебер М. Мотивы социального действия. // Избранные произведения. Пер. с нем. / сост., общ. Ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. Предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. С. 628.

¹³ Вебер М. Мотивы социального действия. // Избранные произведения. Пер. с нем. / сост., общ. Ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. Предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. С. 628.

рованием на совершенно необычные раздражения»¹⁴. «Традиционное поведение нельзя назвать сознательным, – как отмечают исследователи, – «ибо в его основе лежит притупленная реакция на привычные раздражители. Она протекает по однажды принятой схеме. Раздражителями выступают различные табу и запреты. Нормы и правила, обычаи и традиции. Они передаются из поколения в поколение, таков, например, обычай гостеприимства, существующий у всех народов, которому следуют автоматически, в силу привычки вести себя так, а не иначе»¹⁵. В силу чего, М. Вебер справедливо считал, что объектом социологического анализа должно стать именно мотивированные поступки личности – целерациональные и ценностно-рациональные типы социального действия.

Покажем направления и способы верификации идеальных типов социального действия М. Вебера на примере исследования профессионально важных личностных качеств руководителей различных сфер жизнедеятельности общества, в которых каждый из типов, выделенных М. Вебером, является эвристически важным для решения прикладных задач функционирования организации.

Мы заранее приносим извинение перед редакцией и перед читателями, что приходится возвращаться к описанию важных методологических и методических основ исследования, о чем уже говорилось в предыдущих наших работах. Мы пытались максимально сократить эти разделы, например, дать ссылки на уже опубликованные наши статьи, но тогда получалась декларативность тезисов, которые, неподкрепленные примерами, выступали абстрактными формулировками общин направлений исследований, снижающих интерес к материалу и убедительность получен-

¹⁴ Вебер М. Мотивы социального действия. // Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайденко. – М., Прогресс, 1990. С. 628.

¹⁵ Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы. – М. ИНФРА-М, 2000. С. 381.

ных нами результатов. Тем не менее, предоставляем возможность редакции сокращать текст рукописи на столько, на сколько сочтет это необходимым.

2.1. Значимость и методологические основы исследования личностных качеств руководителей (государственных служащих) в работах Платона и Аристотеля

О важности «применения современных кадровых технологий при поступлении на гражданскую службу и ее прохождении» прямо говорится в тексте Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» – в Статье 60. **Принципы и приоритетные направления формирования кадрового состава гражданской службы**¹⁶. Методологические основы исследования личностных качеств руководителей (государственных служащих): понятие «личностные качества», концепции, подходы к исследованию мы находим еще в работах Платона и Аристотеля. Хотим отметить, что обращение к их работам не дань традиции, а обоснование важных методологических основ проведения исследований профессионально важных, значимых для управления государством личностных качеств руководителей. Сочетание исторического и логического подходов к изучению явления в точке его развития дает понимание генезиса исследовательской проблемы.

Этика Аристотеля непосредственно посвящена объяснению природы и роли личностных качеств в жизни человека и общества. В отличие от Платона, который считал, что качества руководителя, государственного служащего («правителя», коими могут стать лишь философы) – «редкая природная одаренность», которая «приносит плоды лишь в правильно организованном государстве»¹⁷, Аристотель полагал, что

¹⁶ Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации»: Текст с изм. и доп. на 2014 г. – М.: Эксмо, 2014. С. 75.

¹⁷ Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос.фак. и отдельных ун-тов. – М.: Высш.школа, 1981. С. 275.

огромная роль каким быть человеку – принадлежит самому человеку!

Какими личностными качествами должны обладать военнотружущие и люди, управляющие государством (госслужащие)?

«В структуре личностных качеств особую роль играют этические, «*нравственные – похвальные приобретенные качества души*»¹⁸, – добродетели. «От того, как мы поступаем, – говорит Аристотель, – зависит, какими быть складам (души, или устоям)»¹⁹. О том, какими личностными качествами должны обладать люди, управляющие государством (госслужащие) Аристотель говорит в рассуждениях о практической части души. При этом он отмечает важный момент, согласно которому правители должны обладать нравственными качествами, наличие у правителей черт практицизма без нравственных качеств опасно для общества

«Практичность. Собственная добродетель практической части разумной души – практичность и как ее оборотная сторона – рассудительность: практичность приказывает, а рассудительность критикует»²⁰. Именно рассудительность стала в европейской этике рассматриваться как первая среди кардинальных добродетелей. Она совпадает с умением человека находить конкретные пути и средства для достижения нравственно прекрасных целей; она не тождественна изобретательности ума: последняя становится рассудительностью только в соединении с добром; изобретательность, направленная на зло, оборачивается изворотливостью.

«Аристотель, – подчеркивает А.Н. Чанышев, – определяет практичность как «разумно приобретенное душевное свойство, осуществляющее людское благо». Практичен тот, кто

¹⁸ Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос.фак. и отдельных ун-тов. – М.: Высш.школа, 1981. С. 351.

¹⁹ Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.: Общ. Ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль. 1983. С. 80.

²⁰ Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос.фак. и отдельных ун-тов. – М.: Высш.школа, 1981. С. 353.

способен хорошо взвешивать обстоятельства и верно рассчитывать средства для достижения ведущих к благополучию целей. Для практичности необходим опыт. Для практичности необходима изобретательность в подыскании средств осуществления целей. Но изобретательность, предостерегает философ, похвальна лишь при хороших целях. **В противном случае практический человек опасен для общества.**

Практичные люди годны для управления домом и государством, а потому практичность тесно связана и с экономикой, и с политикой. Отсюда такие виды практичности, как **экономическая, законодательная, политическая**»²¹.

Итак, руководители, управляющие государством, согласно Аристотелю, должны обладать нравственными, этическими качествами. И отсутствие этих качеств у людей, управляющих обществом – практицизм (практичность) без благих целей – опасно для самого общества. Таким образом, «*ценностно-рациональные*» модели поведения, о которых будет говорить М. Вебер в концепции «*социального действия*», согласно Аристотелю, более значимы для общества, чем «*целерациональные*»!!!

«Концепция социального действия, хорошо согласуются с выбранным нами подходом к исследованию личностных качеств руководителей. Мы хотели бы представить следующий метод к исследованию склонности личности к *целерациональному и ценностно-рациональному, аффективному и традиционному поведению*. Благодаря чему концепция М. Вебера о социальном действии получает еще один подход к верификации на практике. *Целерациональные и ценностно-рациональные, аффективные склонности* индивида вообще и руководителя в частности можно изучать, опираясь на классические социологические и психологические теории личности (в том числе на диспозиционную теорию) и методику Р. Кэт-

²¹ Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос.фак. и отдельных ун-тов. – М.: Высш.школа, 1981. С. 353.

телла – многофакторного исследования личностных качеств.

Одним из образцов целерациональной формы поведения служит, по мнению М. Вебера поведение предпринимателя. Более подробно о психологическом портрете предпринимателя и мотивах предпринимательского поведения смотри работу Радаева В.В. – Человек в роли предпринимателя²².

2.2. Методологические основы исследования: особенности междисциплинарного подхода

1. Методологической основа исследования послужили работы западных и отечественных исследований о роли личностных качеств индивида вообще и руководителя (лидера) в частности: Аристотеля²³, М. Вебера²⁴, А. Файоля²⁵, М. Вудкока и Д. Френсиса²⁶, М.Х. Мескона, М. Альберта, Ф. Хедоури²⁷, Р.Л. Кричевского²⁸, О.В. Ольшанского²⁹, В.П. Пугачева³⁰, Б.Ю. Сербиновского³¹ и др. Идея о выделении до-

²² Радаев В.В. Человек в роли предпринимателя. //Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 1997. С. 96–111.

²³ Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.: Общ. Ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль. 1983. – 830 с. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос.фак. и отдельных ун-тов. – М.: Высш.школа, 1981. – 374 с

²⁴ Вебер М. Мотивы социального действия. // Избранные произведения. Пер. с нем. / сост., общ. Ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. Предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. С. 628.

²⁵ Файоль А., Эмерсон Г., Ф. Тейлор, Г. Форд. Управление – это наука и искусство. – М.: Республика, 1992. С. 9–84.

²⁶ Вудкок М., Фрэнсис Д. Раскрепощённый менеджер. Для руководителя практика: Пер. с англ. – М.: Дело, 1991. С. 42313.

²⁷ Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: Пер. с англ. – М.: “Дело”, 1992. С. 462–487.

²⁸ Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспект. – М.: Изд-во МГУ. С. 184.

²⁹ Ольшанский Д.В. Основные теории лидерства. Политическая психология. М., 2002.: URL: psyfactor.org/lib/leadertheory.htm (дата обращения: 17.02.2021).

³⁰ Пугачев В.П. Руководство персоналом. – М.: Аспект Пресс, 2006. С. 162–164.

³¹ Сербиновский Б.Ю. Управление персоналом. 1999. URL: Psyera.ru (дата обращения:

минирующих начал (что является очень важным в обосновании разработанных нами методов) в структуре личностных качеств, включая руководителя, лидера в философии³², социологии (качества, необходимые лидеру³³) и психологии^{34,35} имеет свою особую традицию. Среди таких качеств, например, сам Р. Кэттелл считал ... (как и Аристотель) ответственность – фактор G. Как показывают наши исследования, у разных профессиональных групп работников, в том числе руководителей, имеется своя профессионально важная структура личностных качеств – структура доминирующих мотивов поведения.

Важной методологической основой исследования послужили теория ситуационного подхода к управлению организацией (М.П. Фалет и др.) и практико-ситуационный подход проф. В.В. Щербины³⁶ к заданию социальных норм, согласно которым, для определения профессионально важных качеств персонала определенной организации следует не столько опираться на экспертные оценки³⁷, которые далеки от реальности и страдают субъективизмом и потому уже облада-

18.02.2021).

³² Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.: Общ. Ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль. 1983. – 830 с. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос. фак. и отдельных ун-тов. – М.: Высш.школа, 1981. – 374 с.

³³ Осипов Г.В. Менеджмент: учеб. для студентов вузов / Г.В. Осипов, В.А. Лисичкин, Н.Д. Корягин. – М.: Норма, 2011. С. 286–290.

³⁴ Анастаси А. Психологическое тестирование. Кн. 1,2. – М., 1982.

³⁵ Чудина Е.А. Психологические особенности проявления эмоциональной неустойчивости личности. Диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Специальность 19.00.11 – психология личности. – М., 1999 г. – 189 с. URL: dissercat.com/content...neustoiichivostilichnosti (дата обращения: 01.02.2021).

³⁶ Щербина В.В. Средства социологической диагностики в системе управления. – М.: Изд.-во Моск. ун-та, 1993. С. 54.

³⁷ на которые, как правило, опираются философ, историки, экономист, психологи, социологи, менеджеры и другие специалисты в области гуманитарных и смежных наук при разработки профессиограмм

ют «утопической природой идеальных типов» (по *Е.М. Баришовец*), а важно и необходимо брать **качества работающего персонала** конкретной организации в конкретной сфере деятельности.

В качестве другой необходимой методологической основы, обеспечивающей высокую достоверность полученных результатов, являлись положения диспозиционной теории личности Г. Олпорта, Р. Кэттелла. В частности, Р. Кэттелл считал, что *посредством черт личности можно описать не только сами личности, но и те социальные группы, членами которых они являются*³⁸. Исходя из данного утверждения мы можем представить и изучить структуру личностных качеств индивидов, включая руководителей, тех социально-профессиональных групп, членами которых они являются.

В качестве способа получения информации (эмпирических данных) о социальном объекте, как было указано выше, используются психологические личностные тесты. В частности, методика Р. Кэттелла^{39,40}.

В нашем исследовании мы, изучив характеристики предпринимателя одной из организаций, полученной с помощью методики (16-ти факторного личностного опросника) Р. Кэттелла и учитывая результаты социологических исследований, проведенных ВЦИОМ⁴¹, можем утверждать, что составными мотивационными структурами личности предпринимателя – «*средствами построения собственных действий*» являются следующие качества.

3. Результаты эмпирических исследований. Целерациональный тип социального действия М. Вебера в эмпирической модели структуры личностных качеств руководителя – предпринимателя

Оценивается, измеряется. Высокий интеллект (фактор В по Р. Кэттеллу), доминирование (фактор Е), смелость (фактор Н), высокая эмоциональная устойчивость, т.е. неподверженность аффективному поведению, и **низкий уровень нормативности поведения – нравственности, моральных норм (фактор G)**. «К сожалению, как показали исследования, отдельные руководители, занимающие высокие должности, имеют низкие моральные нормы – **совестливость** (фактор G). В этой связи мы хотели бы привести персонограмму одного из таких предпринимателей. (см. табл. 1. Бальные значения персонограммы выделены курсивом, нежирным шрифтом.)

Его отличает: лидерство, доминантность (фактор Е, 9 баллов) – высокое упорство, склонность к самоутверждению, соревновательность (фактор L, 8 баллов). Практичность, стремление полагаться на себя, скептическое отношение к субъективным и культурным аспектам жизни, не терпит бессмысленности. Смелость. (фактор Н, 9 баллов.) Смелость, граничащая с авантюризмом, может не замечать опасности, в силу чего, небрежно относиться к деталям. Охотно испытывает новые эмоции. Работает без организации и утомления. Выразительность (фактор F, 9 баллов): импульсивность, живость, энтузиазм. Легко переключается с одного вида деятельности на другой, склонен частой перемене мест. Оперативность, высокая производительность, хорошие организаторские способности. Импульсивность может приводить к ошибкам в работе и снижению эффективности в деятельности. Общительность (фактор А, 8 баллов): готовность к сотрудничеству, доброжелательность, легкость включения в групповую деятельность. Конвенциональность (фактор Q2,3 бал-

³⁸ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. С. 313.

³⁹ 16-ти факторный личностный опросник Кэттелла. 16 ФЛО-187-А. URL: Тест Кэттелла (Кэттелла). 16-ти факторный личностный...gurutestov.ru/test/60 (дата обращения: 13.01.2021).

⁴⁰ Римская Р., Римский С. Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других. – М., 1998. С. 226–242.

⁴¹ Галов А.А. Западный бизнесмен и отечественный предприниматель. (Опрос ВЦИОМ 29–23 июля 2001 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: levada.ru...biznesmen...otechestvennyipredprinimatel (дата обращения: 25.12.12.)

ла): умение принимать решение вместе с людьми. Именно набор вышеуказанных характеристик создает о таком субъекте впечатление прекрасного –

энергичного руководителя, умеющего общаться с людьми и прислушивающегося к их мнению.

Таблица 1. Персонограмма руководителя с низкими моральными нормами

Баллы																	
10																	
9.				9	9		9										
8.	8	8		8			8			88		8				8	
7.												7					
6.			6							6			6				
5.		5															5
4.										4							
3.								3				3		33		3	
2.						2											
1.																1	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

(Пояснения. Видны значимые отличия персонограммы от идеальной модели – выделены жирным шрифтом⁴²: это **G** – низкие моральные и **Q3** – низкие волевые качества. И совпадение персонограммы с идеальной моделью: **доминантность** (фактор E, 9 баллов) – высокое упорство, склонность к самоутверждению, соревновательность (фактор L, 8 баллов), конвенциональность (фактор Q2, 3 балла.)

Однако, наличие низких моральных норм (фактор G, 2 балла) и низкой воли (фактор Q3, 1 балл), то, что невозможно по внешнему поведению заметить сразу, выдают в данной личности качества руководителя не связанного ответственностью, думающего лишь о личной выгоде»⁴³.

Другое дело, как отмечают исследователи, что рано или поздно организация, возглавляемая таким руководителем (с пониженными моральными нормами), либо избавляется от подобного «лидера», либо сама прекращает свое существование. Но сколько пройдет

времени и каковы экономические и социальные потери от деятельности такой личности: срыв заданий, неэффективное использование ресурсов, дискредитация проектов, уход ответственного персонала и прочее.

Хотелось бы обратить внимание вот на какой важный момент, который не был отмечен исследователями. «Указанные мотивы в структуре личностных качеств позволяют, как мы полагаем, отнести данный тип личности к веберовской модели «целерационально-го» типа социального действия. А это значит, что модель целерационального типа социального действия на примере исследования характеристик конкретного руководителя-предпринимателя с использованием указанного метода и обозначенных критериев оценки получает свою эмпирическую верификацию. Сам же портрет, персонограмма с обозначенными границами выраженности качеств, может быть взята за модель оценки «целерационального ти-

⁴² Более подробно об идеальной модели руководителя и способах ее измерения см. Осеев А.А. Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения. // Вестник московского университета. Серия № 18. Социология и политология, № 1, 2011. С. 126–144.

⁴³ Осеев А.А. Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. – № 1. С. 126–144.

па социального действия» для оценки предпринимательских способностей подобного типа руководителей»⁴⁴. Ценностно-рациональные характеристики личности можно измерить также используя выше указанную методику: это оценка моральных норм (фактор G), воли (фактор Q3). Наглядный пример «ценностно-рациональной ориентации действия», как мы полагаем, мы наблюдаем не только в идеальной модели руководителя, но и в модели современного российского военного. (На примере руководителя подразделения «Спецназ NNN» Героя России – подполковника Саманкова Андрея Васильевича.) И модели личностных качеств эффективных руководителей высшее и среднее звена руководства промышленных предприятий⁴⁵.

«Многочисленные экспериментальные данные исследований, проведенные еще во второй половине 20 века, показали, что такой фактор, как моральные нормы, «совестливость» положительно коррелирует с успешностью обучения и уровнем достижений в экономической и в социальной сферах. Он характерен для лиц, профессия которых требует аккуратности, обязательности и добросовестности: администраторов, юристов, нотариусов, корректоров и т.п. В нашем исследовании к таким профессиям можно отнести еще и врачей.

Лица с низкими оценками по фактору «совестливость» склонны к непостоянству, уклоняются от выполнения своих обязанностей, игнорируют общепринятые правила, не прилагают усилий к соблюдению общественных требований и культурных норм, пренебрежительно относятся к моральным цен-

⁴⁴ Осеев А.А., Осеев А.А. Методологические основы исследования личностных качеств руководителей и отбора кандидатов на вакантные должности на государственную службу, персонала в сфере безопасности, руководителей промышленных предприятий // Вестник московского университета. Серия № 18. Социология и политология. № 3, 2015. – С. 144–159.

⁴⁵ Осеев А.А., Осеев А.А. Личностные качества командного состава «спецназ» (20 лет спустя). Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. № 1, 2013. С. 134–143.

ностям, ради собственной выгоды способны на нечестность и ложь.

Низкие оценки по фактору «совестливость» характерны для психопатов и правонарушителей»⁴⁶. Данные опроса, проведенного исследовательским центром ВЦИОМ, отечественного предпринимателя отличает «и деловая хватка, и трезвый расчет, рационализм, и трудолюбие, и инициативность, и настойчивость в достижении целей. Лишь одно достоинство отмечается все реже: честность, порядочность»⁴⁷.

4. Ценностно-рациональный тип социального действия М. Вебера в эмпирической модели структуры личностных качеств руководителя (На примере руководителей подразделения «Спецназ»)

Полученные результаты показали, что российские военнослужащие, которые участвуют в боевых действиях и которые заслуженно получают высокие награды, обладают рядом уникальных качеств (см. табл. 2.)

«Видно, что личностные качества А.В. Саманкова в значительной степени соответствуют идеальной модели руководителя. Если говорить кратко, то А.В. Саманкова прежде всего отличаются следующие черты: высокий уровень интеллекта, лидерство, смелость, **высокие моральные нормы, очень высокие волевые качествами, высокая эмоциональная устойчивость.** При этом уровень радикализма не высок! А в сравнении с – заместителем руководителя другого подразделения «спецназ», у которого уровень радика-

⁴⁶ Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности: Учебное пособие для слушателей ИПК преподавателей по пед. дисциплин ун-тов и пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1985. С. 231.

⁴⁷ «(ВЦИОМ) – Всероссийский центр изучения общественного мнения». Западный бизнесмен и отечественный предприниматель, опрос 20–23 июля 2001 г.

⁴⁸ Осеев А.А. Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. – № 1. С. 126–144.

лизма был представлен 10 баллами, радикализм А.В. Саманкова – Героя России вообще кажется низким. Это говорит, что для решения радикальных задач (целей) разного уровня нужны свои профессионалы с разными профессиональными профилями. При этом, что-

бы выполнить профессиональный долг «геройски», военному руководителю (руководителю боевого подразделения), важны не только смелость, высокие морально-волевые качества, но высокий уровень интеллекта.

Таблица 2. Персонограмма руководителя подразделения «Спецназ NNН» Героя России – подполковника А.В. Саманкова в сравнении с идеальной моделью руководителя.

Баллы																	
10																	10
9.				9													
8.		88	8	8		8	8		8		8					8	
7.						7				7							
6.	6				6												
5.											5						
4.									4				4				
3.								3				3		3		3	3
2.																	
1.												1					
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

Более подробно описание личностных качеств подполковника А.В. Соманкова представлено ниже. Подполковника А.В. Соманкова отличают следующие черты.

1. Высокий уровень **интеллекта** (способность к нестандартному мышлению) – фактор В, 8 баллов.

2. Упрямство, настойчивость – высокие **лидерские качества** (в психологическом значении этого понятия). (Фактор **Е** – доминирование, 9 баллов.).

3. **Смелость** – фактор Н, 8 баллов. При этом, уровень смелости (нечувствительности к опасности) не превышает порога, который характеризует авантюризм, безрассудную смелость.

4. Ответственность, **моральные нормы – совместливость** (фактор G, 7 баллов). Моральные нормы, **чувство ответственности** организует совместное взаимодействие подчиненных на принципах уважительности, следования выработанным правилам, чув-

ства долга перед принятыми обязательствами. Кроме того, как форма контроля поведения личности выступают в качестве одного из факторов – регуляторов психической уравновешенности личности.

5. Ответственность сочетается с высокими волевыми качествами: **воля** – фактор Q3, 10 баллов. (!)⁴⁹. Сочетание ответственности с высокими волевыми качествами говорит о том, что структура личностных качеств данного руководителя явно отличается от целерационального типа и соответствует **ценностно-рациональному типу – модели социального действия М. Вебера**.

6. «Способность прислушиваться к людям – **конвенциональность** (фактор Q2, 3 балла). Как раз то, что обеспечивает на психологическом уровне **способность к совместному, группово-**

⁴⁹ Осеев А.А., Осеев А.А. «Личностные качества командного состава «спецназ (20 лет спустя)». // Социология. № 1, 2013. С. 134–143.

му принятию решений, учитывать коллективный опыт подчиненных при разработке «нестандартных решений», умение выслушать подчиненных. («Толерантность».)⁵⁰

7. **Эмоциональная, «психическая уравновешенность»** определяется: – низким уровнем тревожности – фактор **О – спокойствие** – 1 балл, что «во многом обеспечивает успешное лидерство в сложных ситуациях, успех в принятии решений при внезапных аварийных ситуациях». (Высокое **О** – связано, например, с автомобильными катастрофами.) – низким показателем по фактору **Q4 – низкая напряженность, возбудимость** – 3 балла. То, что составляет «ровный характер», – Эмоциональная зрелость – способность отсрочить свои потребности – фактор **С – 8 баллов»**.

Следует отметить, что исследования личностные качества эффективных руководителей высшее и среднее звена руководства промышленных предприятий (на примере зам. генерального директора предприятия – главного инженера завода и руководителей – начальников цехов завода в г. Чебоксары) показали, что их качества также соответствуют модели *ценностно-рационального* типа социального действия М. Вебера, а не *целерациональному*⁵¹.

В ситуации глобальных изменений важность исследования аффективного поведения возрастает как никогда.

5. Аффективный тип социального действия М. Вебера. Направления и методы исследования аффективного поведения

Актуальность прикладных исследований аффективного поведения с по-

⁵⁰ Осеев А.А., Осеев А.А. «Личностные качества командного состава «спецназ (20 лет спустя)». // Социология. № 1, 2013. С. 134–143.

⁵¹ Осеев А.А., Осеев А.А. Методологические основы исследования личностных качеств руководителей и отбора кандидатов на вакантные должности на государственную службу, персонала в сфере безопасности, руководителей промышленных предприятий. // Вестник Московского университета. Серия № 18. Социология и политология. № 3, 2015. С. 144–159.

зиций прикладного социологического анализа⁵²: «социальная нестабильность и высокий динамизм развития жизни в нашей стране требуют от человека определенного уровня внутренней эмоциональной устойчивости. Знание особенностей эмоциональной неустойчивости может помочь в деле профилактики возможных личностных и эмоциональных нарушений. Менее освещенным в социологии остается вопрос об исследовании склонности личности к *аффективному поведению*. «Безусловно, нельзя не согласиться с М. Вебером, что аффективное поведение в его клиническом проявлении не представляет интереса для социологов, поскольку в нем за «завесой» доминирующих эмоций скрывается мотив социального действия субъекта. Однако если учесть позицию М. Вебера относительно важности изучения *конкурирующих*⁵³ начала различных типов социального действия, то открывается несколько направлений исследования аффективного поведения, которые на практике имеют вполне прикладное значение. Как мы уже отмечали, идея о выделении доминирующих начал в структуре личностных качеств, включая руководителя, лидера в философии, социологии и психологии имеет свою особую традицию.

Направления исследования аффективного поведения: можно выделять следующие направления социологических исследований, а также типы личностей с учетом выраженности эмоциональной устойчивости (или неустойчивости, т.е. склонности к аффективному поведению).

В рамках первого направления основное внимание в структуре личностных качеств уделяется эмоциональной составляющей, «эмоциональной неу-

⁵² Осеев А.А., Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Серия № 18. Социология и политология. № 2, 2016. С. 242–263.

⁵³ Вебер М. Мотивы социального действия. // Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайденко. – М., Прогресс, 1990. С. 629.

равновешенности» (по сравнению с интеллектуальными, морально-волевыми и другими личностными качествами – дипломатичностью, социальной опытностью и т.п.). Людей, показатели эмоциональной неуравновешенности которых имеют крайние значения, относят к психопатам, они являются объектом клинической психологии и медицины. К этому типу относятся личности «эмоционально неустойчивые». В рамках второго направления основное внимание в структуре личностных качеств уделяется как эмоциональной неуравновешенности, так и интеллектуальным, морально-волевым качествам (все

они в равной степени имеют отклонение от средних значений). На равных конкурируют друг с другом. Такой тип личностной структуры можно обозначить как «средний уровень эмоциональной устойчивости». В рамках третьего направления в структуре личностных качеств интеллектуальные, морально-волевые и другие личностные качества доминируют над аффективными чертами. Эффективные черты выражены, но значительно меньше, чем у представителей первой группы. Этот тип личностной структуры назовем «эмоционально устойчивые».

Таблица 3. Характеристики эмоционально неустойчивой личности в сравнении с идеальной моделью руководителя

Баллы																	
10									10			10					10
9.									9			9					9
8.		8		8		8			8/8		8	8			8		8
7.																	
6.																	
5.																	
4.																	
3.		3	3			3						3		3	3	3	3
2.		2	2			2										2	
1.		1	1			1										1	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

Методы исследования склонности личности к аффективному поведению с учетом выделенных направлений. Критерии оценки склонности к аффективному поведению с позиции социологического анализа представлены следующими данными. Эмпирические результаты получены с помощью методики 16-ти факторного личностного опросника Р. Кэттелла⁵⁴.

В отличие от эмоционально устойчивых типов, **эмоционально неустойчивая личность** (аффективная, эмоциональ-

⁵⁴ Римская Р., Римский С. Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других. – М, 1998. С. 226–242.

ная модель поведения по М. Вебер) характеризуются прямо противоположными чертами (при этом у неврастеников, психопатов будут наблюдаться максимальные значения показателей).

Во-первых, эмоционально неустойчивую личность характеризует низкий уровень эмоциональной зрелости, т.е способности отстрочить свои потребности (фактор С, 1–3 балла)⁵⁵. Те., факти-

⁵⁵ Щербина В.В., Родина В.Ю., Ерохин А.С. Методические рекомендации по оценке использования работников в качестве линейного руководителя среднего звена. – М.: ПО «ЛУЧ» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома, 1983. С. 73–74.

чески *неспособность отсрочить их*. Вторых, высокий уровень тревожности (фактор О, 8–10 баллов), который характерен для людей со слабой, неуравновешенной нервной системой. Такие склонны переживать различные ситуации (реальные и даже воображаемые) как непременно чем-то им угрожающие и испытывать при этом беспокойство и страх. (Как часто вы, выйдя из дома думаете – тревожитесь и возвращаетесь домой, чтобы проверить выключен ли свет, газ, закрыта ли дверь квартиры и пр.?) В-третьих, для эмоционально неустойчивых личностей, характерен высокий уровень возбудимости (фактор Q4, 8–10 баллов) и соревновательности (фактор L, 8–10 баллов). В клинике Q4, наряду с факторами С, О и L дифференцируют невратеников от здоровых людей⁵⁶. (Выделено желтым маркером.)

Кроме выше перечисленных факторов, определяющих эмоционально неустойчивый тип личности, следует отметить у этого типа личностей, отсутствие компенсирующих склонность к аффективному поведению факторов, черт личности. (Выделено красным маркером.) На формирование эмоционально неустойчивого типа личности оказывают влияние слабая воля (фактор Q 3, 1–3 балла, низкий уровень ответственности (фактор G, 1–3 балла), низкий интеллект (фактор В, 1–3 балла). Все они усиливают эмоциональные, аффективные проявления. Применительно к предмету нашей работы, для более полного понимания механизма снижения/увеличения степени эмоциональности личности, следует подчеркнуть этот момент. Важными факторами, чертами, которые снижают/усиливают (иногда в значительной степени) аффективность поведения личности, выступают качества, приобретенные в процессе социализации. И факторами этими являются воля (фактор Q3) и ответственность (фактор G).

⁵⁶ Осеев А.А. Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения. // Вестник московского университета. Серия № 18. Социология и политология, № 1, 2011. С. 126–144.

Поясним. Чем выше эмоциональная устойчивость, а также морально-волевые качества, выступающие регуляторами чувств (чувственно-эмоционального поведения), тем в большей мере личность эмоционально уравновешена, спокойна, невозмутима. По мнению исследователей А. Анастаси, В.М. Мельникова и Л.Т. Ямпольского, кроме указанных выше черт (морально-волевых качеств) компенсирующими факторами – регуляторами эмоциональной устойчивости является уровень интеллекта (фактор В)⁵⁷⁵⁸. И наоборот: чем ниже уровень эмоциональной устойчивости, морально-волевых составляющих структур личностных качеств (низкий уровень ответственности, превалирование собственных потребностей над чувством долга) и воля (слабое самообладание, самоконтроль, неспособность сдерживать себя, следование своим побуждениям)⁵⁹⁶⁰, тем выше аффективные проявления в поведении⁶¹. Примеры представлены в отмеченной работе.

В рамках второго направления основное внимание в структуре личностных качеств уделяется как эмоциональной неуравновешенности, так и интеллектуальным, морально-волевым качествам (все они в равной степени имеют отклонение от средних значений).

⁵⁷ Анастаси А. Психологическое тестирование. Кн. 1,2. – М., Педагогика, 1982. – 295 с.

⁵⁸ Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности: Учебное пособие для слушателей ИПК преподавателей по пед. дисциплин ун-тов и пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1985. – 319 с.

⁵⁹ Щербина В.В., Родина В.Ю., Ерохин А.С. Методические рекомендации по оценке использования работников в качестве линейного руководителя среднего звена. – М.: ПО «ЛУЧ» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома, 1983. С. 68–75.

⁶⁰ Римская Р., Римский С. Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1998. – С. 226, 236–240.

⁶¹ Осеев А.А., Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований). // Вестник Московского университета. Серия № 18. Социология и политология. № 2, 2016. С. 242–263.

На равных конкурируют друг с другом. Такой тип личностной структуры можно обозначить как «средний уровень эмоциональной устойчивости». Пример эффективного руководителя высшего звена руководства, у которого эмоциональная составляющая находится в подчинении структуры других – доминирующих личностных качеств представлен ниже.

Личностные качества, социально-психологический портрет руководителя отдела Управление персоналом редакции газеты «ИЗВЕСТИЯ» – О.М.А.

Структура личностных качеств отражена в табл. 4. Видно, что личностные качества в значительной степени совпадают с идеальной моделью. В частности руководителя департамента отличают следующие черты: 1.Общительность (фактор А, 10 баллов – максимальное значение). 2. Высокий уровень интеллекта (фактор В, 9 баллов) и творческого воображения (фактор М, 7 баллов). 3. Упрямство, настойчивость – высокие лидерские качества (фактор Е – доминирование, 10 баллов – максимальное

значение). 4. **Смелость** (фактор Н,8 баллов). При этом, уровень смелости (нечувствительности к опасности) не превышает порога, который характеризует авантюризм, безрассудную смелость. 5. Соревновательность (фактор L,7 баллов). 6. Дипломатичность (социальная опытность) (фактор N,7 баллов) и стремление прислушиваться к мнению других (фактор Q2 (групповая зависимость), 2 балла). 7. Повышенная эмоциональность – эмоциональная зрелость – способность отсрочить свои потребности (фактор С,3 баллов).

При этом наблюдаются повышенные (в сравнении с идеальной моделью руководителя) уровень тревожности (фактор О,7 баллов) и возбудимости (фактору Q4,7 баллов). Эмоциональность в сочетании с высоким интеллектом и морально-волевыми чертами, обеспечивают эмоциональную устойчивость. Уровень тревожности и возбудимости не превышает критических значений. Можно с уверенностью предположить, что данная степень выраженности эмоциональности является составными частями высокой ответственности и работоспособности!

Таблица 4. Социально-психологический портрет руководителя отдела Управление персоналом» редакции газеты «ИЗВЕСТИЯ» – О.М.А.: сравнительные характеристики с идеальной моделью.

Стаж работы на руководящей должности 20 лет.

Баллы																
10				10												
9.	10	9														
8.		8	8		8	8		8		8				8		
7.									7	7	7	7				7
6.				6												
5.					5										5	
4.								4					4			
3.			3										3	3		3
2.														2		
1.																
	А	В	С	Е	F	G	Н	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4

Обратимся к третьему направлению. В отличии от эмоционально

неустойчивых типов эмоциональная, «психическая уравновешенность»

определяется тремя составляющими, табл. 5.

Таблица 5. Характеристики эмоционально устойчивой личности в сравнении с идеальной моделью руководителя

Баллы																		
10			10															
9.			9	9														
8.		8	8	8		8			8		8			8				
7.																		
6.																		
5.																		
4.																		
3.											3		3	3		3		3
2.											2			2		2		2
1.											1			1		1		1
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4		

Во-первых, определяется низким уровнем тревожности (фактор О, спокойствие, 1–3 балла), что во многом обеспечивает успешное лидерство в сложных ситуациях, успех в принятии решений при внезапных аварийных ситуациях. (Высокое О, 8–10 баллов связаны, например, с автомобильными катастрофами.) Во-вторых, определяется низким показателем возбудимости (фактор Q4, низкая напряженность, возбудимость, 1–3 балла). Это то, что составляет «ровный характер». В третьих, психическая уравновешенность определяется эмоциональной зрелостью, т.е. способностью отсрочить свои потребности (фактор С, 8–10 баллов)^{62,63}.

Ярким примером *третьего направления* исследования, когда в струк-

⁶² Римская Р., Римский С. Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1998. С.226–242.

⁶³ Осеев А.А. Средства социологической диагностики в системе управления персоналом. Личностные качества руководителя и их оценка. Часть 2. Личностные качества руководителя. Значение социологических опросов, тестов и профессиограмм (психограмм) в подборе и отборе кадров, выявлении, разрешении, профилактике трудовых конфликтов. (Текст): монография / А.А. Осеев. – М.: РУДН, 2012. – 150 с.

туре личностных качеств интеллектуальные, морально-волевые и другие личностные качества доминируют над аффективными чертами. служить уже упомянутая персонграмма подполковника А.В. Саманкова. Как мы видим из данных табл. 2 у А.В. Саманкова отчетливо прослеживаются высокие морально-волевые качества: ответственности (фактор **G**, 7 баллов), воли (фактор **Q3**, максимальные 10 баллов, максимальное значение). При этом наблюдаются очень низкие показатели по характеристике «эмоциональная неустойчивость». Формат данной статьи не позволяет показать большое число других эмпирических данных. Подробнее с эмпирическими данными можно познакомиться в опубликованной работе⁶⁴.

И в завершении нашей статьи покажем направления и способы исследования традиционного типа социального действия М. Вебера.

⁶⁴ Осеев А.А., Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Серия № 18. Социология и политология. № 2, 2016. С. 242–263.

6. Традиционный тип социального действия. Направления и способы исследования традиционного поведения М. Вебера

Актуальность исследований традиционного поведения с позиций прикладного социологического анализа.

Важность исследования традиционного поведения в нынешнее время интенсивных и напряженных кардинальных изменений во всех сферах жизнедеятельности общества возрастает как никогда. *Чем больше продолжалась работа по сбору эмпирических данных, тем интереснее с становился теоретический и практический вопрос.* Является ли традиционное и в противоположность ему радикалистское поведение профессионально важным личностным качеством персонала организации? Если да, то где, в каких сферах жизнедеятельности общества? Что сегодня должно быть приоритетным в развитии организации: инновационные, революционные изменения технологий, организационных структур и пр.? Или эволюционный процесс, в основе которого лежит опора на традиции, строгое следование сложившимся порядкам, принимать все как проверенное, несмотря на противоречия? Склонность к осторожности и к компромиссам в отношении новых идей? Если традиционное или радикалистское поведение является профессионально важным качеством работников, то как измерить склонность личности к традиционному или радикалистскому поведению? Насколько часто встречаются люди традиционного и радикалистского типа социального действия? В каких профессиях традиционный и радикалистский тип представлен наиболее ярко? В каких типах социальных институтов, в каких профессиях радикалистский тип представлен наиболее ярко? Что в структуре личностных качеств отличает радикалистское поведение представителей мирных профессий (государственных служащих, врачей, педагогов и пр.) от отдельных категорий профессиональных военных.

Направления исследования традиционного поведения⁶⁵: «Безусловно, нельзя не согласиться с М. Вебером в том, что само традиционное поведение по своей сути не представляет для социологов какой-либо интерес, поскольку в основе традиций лежит длительная привычка. Традиционное поведение нельзя назвать сознательным, ибо в его основе лежит притупленная реакция на привычные раздражители. Она протекает по однажды принятой схеме. Раздражителями выступают различные табу и запреты. Нормы и правила, обычаи и традиции. Они передаются из поколения в поколение, таков, например, обычай гостеприимства, существующий у всех народов, которому следуют автоматически, в силу привычки вести себя так, а не иначе⁶⁶. Но, если встать на методологическую позицию М. Вебера, который говорил о важности изучения *конкурирующих*⁶⁷ начал различных типов социального действия, а также принять во внимание то, что, описывая особенность самого традиционного действия, он отмечал: «Большая часть привычного повседневного поведения людей близка данному типу, занимающему определенное место в систематизации поведения не только в качестве пограничного случая, но и потому, что **верность привычке может быть здесь осознанна различным образом и в различной степени**»⁶⁸ (курсив – А.А. Осеев), то, как показывают проведенные исследования, открывается несколько направлений исследования традицион-

⁶⁵ Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: традиционный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований). // Вестник Московского университета. Серия № 18. Социология и политология. № 3, 2021. С. 229–235.

⁶⁶ Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы. – М. ИНФРА-М, 2000. С. 381.

⁶⁷ Вебер М. Мотивы социального действия. // Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайденко. – М., Прогресс, 1990. С. 629.

⁶⁸ Вебер М. Мотивы социального действия. // Избранные произведения. Пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. С. 628.

ного и, в противоположность ему, радикалистского поведения, имеющие прикладное значение.

Первое направление: в структуре личностных качеств устойчивость по отношению к традициям, **верность** «следованию привычке» (по М. Веберу), консервативные черты носят доминирующий характер, по сравнению с теми, кто настроен на коренное, радикальное изменение и слом устоявшихся порядков и традиций. Можно с уверенностью сказать, что людей, неукоснительно, строго придерживающихся установленным традициям, справедливо считают «консервативно настроенными», это «консервативный тип». Второе направление: в структуре личностных качеств следование традициям в равной степени сочетается с радикалистским настроем, готовностью к инновациям. Это тип «умеренные инноваторы». «Придерживаются традиций, осторожны, но готовы к инновациям».

В рамках третьего направления в структуре личностных качеств радикалистские черты доминируют над консервативными; отчетливо проявляется недоверие к авторитетам, склонность к нарушению привычек, готовностью

к инновациям. Это тип «экспериментаторы», крайняя форма проявления этого типа – радикалистский настрой на перемены.

Покажем методы исследований склонности личности к традиционному / радикалистскому поведению.

Методы исследования склонности личности к традиционному / радикалистскому поведению с учетом выделенных направлений. Итак, первое направление. В отличие от радикалистского ярко выраженный традиционный тип социального действия определяется низким уровнем фактора Q1 – консерватизм/радикализм, 1–3 балла, табл. № 6.

Это «консервативный тип» личности. Он обеспечивает устойчивость по отношению к традициям, склонность к неукоснительному следованию установленных норм и правил, стабильности работы организации. При этом, в определенных ситуациях данная черта может приводить к противодействию назревшим для организации переменам, внедрению инноваций, «слепому послушанию, исполнительности и пассивности», к застою.

Таблица 6. Характеристики личности традиционного типа социального в сравнении с идеальной моделью руководителя. (Первое направление)

Баллы																		
10.																		
9.																		
8.		8		8		8			8		8						8	
7.																		
6.																		
5.																		
4.																		
3.												3	3	3				3
2.													2					
1.													1					
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4		

(Данные выделены курсивом. Критерии традиционного типа социального действия выделены маркером.)

Мы проанализировали большую часть эмпирических данных и, к нашему удивлению отметили, что в обследованных профессиональных группах руководителей и рядовых работников, респондентов с ярко выраженными чертами традиционного типа социального действия («консервативный тип», фактор Q1, 1–3 балла), встречается не очень часто – всего 6–7% от общего числа обследованных. Например, среди руководителей образовательных комплексов дошкольного и начально-школьного образования в указанных

границах встретился 1 из всех 14 руководителей среднего звена организации, это 7%.

Второе направление. В структуре личностных качеств традиционно составляющая, «*следование привычке*» (следование традициям) сочетается с готовностью к инновациям. Тип – «умеренные инноваторы». «Придерживаются традиций, осторожны, но готовы к инновациям». Показатели (фактор Q1 -консерватизм/радикализм) находятся в средних значениях 4–6 баллов, табл. № 7.

Таблица 7. Характеристики личности традиционного типа социального в сравнении с идеальной моделью руководителя. (Второе направление)

Баллы																	
10.																	
9.																	
8.		8		8		8			8		8					8	
7.																	
6.													6				
5.													5				
4.													4				
3.												3		3		3	
2.																	
1.																	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

(Данные выделены курсивом. Критерии традиционного типа социального действия выделены маркером.)

Как показал анализ эмпирических данных, данная черта, типична для многих обследованных руководителей в различных областях жизнедеятельности общества. И это понятно. Следование традициям и готовность к инновациям обеспечивает, с одной стороны, стабильность работы организации, осторожность в принятии инноваций, и, с другой стороны, рациональность в оценке нововведений и готовность к их реализации в случае оценки обоснованности их внедрения. Например, исследование личностных качеств эффективных руководителей высшего и среднего звена руководства промыш-

ленных предприятий⁶⁹ г. Чебоксары показало, что их структура личностных качеств также соответствуют модели традиционного типа социального действия.

Третье направление. В отличие от представителей первой группы – консервативно настроенных, убежденных в необходимости неукоснительному следованию установленных норм и правил, отчетливо проявляется недоверие к авторитетам, склонность к наруше-

⁶⁹ Осеев А.А., Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований). // Вестник Московского университета. Серия № 18. Социология и политология. № 2, 2016. С. 242–263.

нию привычек, готовность к инновациям. Крайняя форма – радикалистский настрой на перемены. Определяется

высоким уровнем радикализма (фактор Q1 – консерватизм/радикализм), радикализм – 7–10 баллов, табл. 8.

Таблица 8. Характеристики личности радикалистского типа социального в сравнении с идеальной моделью руководителя. (Третье направление)

Баллы																	
10													10				
9													9				
8		8		8		8				8		8	8			8	
7													7				
6																	
5																	
4																	
3													3		3		3
2																	
1																	
	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	

(Данные выделены курсивом. Критерии радикалистского типа социального действия выделены маркером.)

В исследованиях, как отмечают психологи⁷⁰, было получено доказательство того, что личности с высокими показателями по этому фактору лучше информированы, меньше склонны к морализаторству, выражают больший интерес к науке, нежели к догмам. Более того, они готовы к нарушению привычек и устоявшихся традиций, им свойственна независимость суждений, взглядов и поведения. Фактор определяет радикальное, интеллектуальное, политическое и религиозное отношения.

Анализ полученных ранее и новых персонграмм эффективных руководителей и рядовых работников на предмет наличия в их профиле такой черты, как радикалистский настрой на перемены, показывает сходство персонграмм работников различных организаций, что дает основание предположить, что радикалистский тип социального действия в выделенных границах можно

считать профессионально важным качеством для руководителей и рядовых работников организаций различных сфер жизнедеятельности общества!

1. Социальный институт вооруженных сил. Военнослужащие. Подразделение «Спецназ». 2. Государство как политический институт: госслужащие. 3. Институт здравоохранения и социального обеспечения: врачи. 4. Социальный институт образования: отдельные руководители-педагоги образовательных комплексов. 5. Группа риска: различные социальные и профессиональные группы с симптомами патологической эмоциональной неустойчивости»⁷¹.

Выводы

1. Проведенные исследования еще раз подтверждают, что существующие методики социологических исследований в сочетании с методами психодиагно-

⁷⁰ 16-ти факторный личностный опросник Кэттелла. 16 ФЛО-187-А. URL: Тест Кэттелла (Кэттелла). 16-ти факторный личностный...gurutestov.ru:~test/60 (дата обращения 13.01.2021).

⁷¹ Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: традиционный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований). // Вестник Московского университета. Серия № 18. Социология и политология. № 3, 2021. С. 229–235.

стики дают возможность с успехом изучать поведение личности применительно к методическим и прикладным задачам социологии, менеджмента, отбора персонала организаций.

2. Одной из адекватных методик исследования личностных качеств руководителей является методика 16-ти факторного личностного опросника Р. Кэттелла и «идеальная модель руководителя».

3. Целерациональные, ценностно-рациональные, аффективные черты личности, традиционное поведение индивида вообще и руководителя в частности можно изучать, опираясь на классические социологические и психологические теории личности (в том числе на диспозиционную теорию) и методику Р. Кэттелла. Выделенные направления исследований могут стать предметом социологического анализа, в том числе, анализа типичных черт разных профессиональных групп работников. Благодаря чему концепция М. Вебера об идеальных типах социального действия из абстрактных теоретических конструкций «утопичных идей» получает еще один подход к верификации на практике.

4. Опираясь на указание М. Вебера о важности исследования конкурирующих начал в структуре личностных качеств, мотивов поведения, мы можем, упорядочив выявленные в ходе исследования мотивы по силе выделенных качеств, определять доминирующие черты личностных качеств и говорить о практическом превалировании одних над другими. Это направление эмпирических исследований в социологии личности и социологии профессии требует своего дальнейшего развития и, как мы полагаем, благодаря приведенным нами новым результатам, получит новый импульс к широкому применению. А сама концепция М. Вебера о социальном действии получает еще один – другой подход к верификации на практике.

Более подробно о способах и направлениях исследования склонности личности к целерациональному и ценностно-рациональному, аффек-

тивному и традиционному поведению можно познакомиться из материалов предыдущих наших публикаций⁷²⁷³⁷⁴.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.: Общ. Ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль. 1983. С. 80
2. Анастаси А. Психологическое тестирование. Кн. 1,2. – М., Педагогика, 1982. – 295 с.
3. Барышовец Е.М. Идеальный портрет руководителя образовательного комплекса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idealnyy-portret-rukovoditelya-obrazovatel'nogo-kompleksa> (дата обращения: 01.04.2021).
4. Вебер М. Мотивы социального действия. // Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайденко. – М., Прогресс, 1990. – 808 с.
5. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. // Избранные произведения. Пер. с нем. / сост., общ. Ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. С. 389.
6. Вебер М. Понятие социального действия. // Избранные произведения. Пер. с нем. / сост., общ. Ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. Предисл.

⁷² Осеев А.А., Осеев А.А. Методологические основы исследования личностных качеств руководителей и отбора кандидатов на вакантные должности на государственную службу, персонала в сфере безопасности, руководителей промышленных предприятий. // Вестник Московского университета. Серия № 18. Социология и политология. № 3, 2015. С. 144–159.

⁷³ Осеев А.А., Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований). // Вестник Московского университета. Серия № 18. Социология и политология. № 2, 2016. С. 242–263.

⁷⁴ Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: традиционный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований). // Вестник Московского университета. Серия № 18. Социология и политология. № 3, 2021. С. 229–235.

- П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. С. 628–630.
7. Вебер М., Политика как призвание и профессия. // Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. Предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
 8. «(ВЦИОМ) – Всероссийский центр изучения общественного мнения». Западный бизнесмен и отечественный предприниматель, опрос 20–23 июля 2001 г.
 9. Галов А.А. Западный бизнесмен и отечественный предприниматель. (Опрос ВЦИОМ 29–23 июля 2001 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: levada.ru...biznesmen...otechestvennyi-predprinimatel (дата обращения: 25.12.2012)
 10. Добренюков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы. – М. ИНФРА-М, 2000. С. 381
 11. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспект. – М.: Изд-во МГУ. С. 184.
 12. Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности: Учебное пособие для слушателей ИПК преподавателей по пед. дисциплинам ун-тов и пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1985. С. 231.
 13. Ольшанский Д.В. Основные теории лидерства. Политическая психология. М., 2002.: URL: psyfactor.org/lib/liderttheory.htm (дата обращения: 17.02.2021).
 14. Осипов Г.В. Менеджмент: учеб. для студентов вузов / Г.В. Осипов, В.А. Лисичкин, Н.Д. Корягин. – М.: Норма, 2011. С. 286–290.
 15. Осеев А.А. Социально-психологический портрет руководителя: идеальная модель и способы ее измерения. // Вестник московского университета. Серия № 18. Социология и политология, № 1, 2011. С. 126–144.
 16. Осеев А.А., Осеев А.А. Личностные качества командного состава «спецназ» (20 лет спустя). Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. № 1, 2013. С. 134–143.
 17. Осеев А.А., Осеев А.А. Методологические основы исследования личностных качеств руководителей и отбора кандидатов на вакантные должности на государственную службу, персонала в сфере безопасности, руководителей промышленных предприятий. // Вестник Московского университета. Серия № 18. Социология и политология. № 3, 2015. С. 144–159.
 18. Осеев А.А., Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: аффективный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Серия № 18. Социология и политология. № 2, 2016. С. 242–263.
 19. Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: традиционный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Серия № 18. Социология и политология. № 3, 2021. С. 229–235.
 20. Понимающая социология» и концепция «идеальных типов» М. Вебера». URL: studopedia.ru/26_114767...sotsiologiya...kontseptsiya... (дата обращения: 01.04.2022).
 21. Пугачев В.П. Руководство персоналом. – М.: Аспект Пресс, 2006. С. 162–164.
 22. Радаев В.В. Человек в роли предпринимателя. //Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 1997. С. 96–111.
 23. Римская Р., Римский С. Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других. – М., 1998. С. 226–242.
 24. Сербиновский Б.Ю. Управление персоналом. 1999. URL: Psyera.ru (дата обращения: 18 февраля 2021).

25. Файоль А., Эмерсон Г., Ф. Тейлор, Г. Форд. Управление – это наука и искусство. – М.: Республика, 1992. С. 9–84.
26. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации: Текст с изм. и доп. на 2014 г. – М.: Эксмо, 2014. – 96 с. – (Актуальное законодательство).
27. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. С. 313.
28. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос.фак. и отдельных ун-тов. – М.: Высш.школа, 1981. С. 275,351,353.
29. Чудина Е.А. Психологические особенности проявления эмоциональной неустойчивости личности. Диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Специальность 19.00.11 – психология личности. – М., 1999 г. – 189 с. URL: dissercat.com/content...neustoichivosti-lichnosti (дата обращения: 01.02.2021).
30. 16-ти факторный личностный опросник Кэттелла. 16 ФЛО-187-А. URL: Тест Кэттелла (Кэттелла). 16-ти факторный личностный...rutestov.ru/test/60 (дата обращения: 13.01.2021).
31. Щербина В.В. Средства социологической диагностики в системе управления. – М.: Изд.-во Моск. ун-та, 1993. С. 54.
32. Щербина В.В., Родина В.Ю., Ерохин А.С. Методические рекомендации по оценке использования работников в качестве линейного руководителя среднего звена. – М.: ПО «ЛУЧ» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома, 1983. С. 73–74.

M. WEBER'S IDEAL TYPES OF SOCIAL ACTION: "UTOPIA" OR REALITY? METHODOLOGY AND METHODOLOGY OF RESEARCH

Oseev A.A.
Lomonosov Moscow State University

Unlike our previously published works, this article presents together the achievements of many years – the directions and methods of research of all four types of social action by M. Weber – objective, value-rational, affective and traditional, thanks to which M. Weber's concept of social action receives another approach to verification in practice. The importance of verifying ideal types of social action is determined by the fact that many researchers consider them to be a "utopia" that do not have applied meaning. For example, an in-depth and, to a certain extent, critical analysis of the results of the conducted studies of the "ideal portrait of the head of the educational complex" revealed a number of requirements for the personal and business qualities of teachers, which included: "effective communication, the ability to act in extreme situations, the ability to work in a team, identify priority tasks and quickly find a solution", be "stress-resistant, honest, decent, responsible, neat, intelligent", etc.. At the same time, in publications on this topic, the question of ways to verify these qualities in real workers has not been sufficiently considered. The whole problem, in our opinion, was in two circumstances. Firstly, many researchers, including his esteemed colleague E.M. Barishovets, consider the ideal portraits on which his research was theoretically based – "ideal types (according to M. Weber) are utopian by nature", since they "cannot be found in everyday reality", that "ideal types are models that are not subject to verification". In this article we want to talk about ways to verify the ideal types of social action of M. Weber, which, as our long-term research has shown, are of applied importance in the study of personal qualities of managers and for solving practical problems in the field of personnel management of organizations of various spheres of society.

I would like to note that we offer only one of the possible solutions to the methodological and applied research problem. And we are ready to discuss other options that can improve the applied methodological and methodological approaches in the development of research methods for the ideal types of social action by M. Weber.

Keywords: Methodology and methodology of research of ideal types of social action by M. Weber: "utopia" or reality? Verification of types of social action.

References

1. Aristotle. Works: In 4 vols. T. 4 / Per. from ancient Greek: General. Ed. A.I. Dovatura. – M.: Thought. 1983. p.80

2. Anastasi A. Psychological testing. Book. 1.2. – M., Pedagogy, 1982. – 295 p.
3. Barishovets E.M. Ideal portrait of the head of the educational complex. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idealnyy-portret-rukovoditelya-obrazovatel'nogo-kompleksa> (Date of access: 04/01/2021).
4. Weber M. Motives of social action. // Selected works / comp., total. ed. and after. Yu.N. Davydova, foreword. P.P. Gaidenko. – M., Progress, 1990. – 808 p.
5. Weber M. "Objectivity" of socio-scientific and socio-political knowledge. // Selected works. Per. with him. / comp., total. Ed. and after. Yu.N. Davydov. Foreword P.P. Gaidenko. – M.: Progress, 1990. P. 389.
6. Weber M. The concept of social action. // Selected works. Per. with him. / comp., total. Ed. and after. Yu.N. Davydova. Foreword P.P. Gaidenko. – M.: Progress, 1990. S.628–630.
7. Weber M., Politics as a vocation and profession. // Selected works / comp., total. ed. and after. Yu.N. Davydova. Foreword P.P. Gaidenko. – M.: Progress, 1990. – 808 p.
8. "(VTsIOM) – All-Russian Center for the Study of Public Opinion." Western businessman and domestic entrepreneur, survey July 20–23, 2001
9. Galov A.A. Western businessman and domestic entrepreneur. (VCIOM survey July 29–23, 2001) [Electronic resource]. – Access mode: levada.ru/...biznesmen...otechestvennyi-predprinimatel (date of access: 12/25/2012)
10. Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. Sociology: In 3 vols. Vol. 3: Social institutions and processes. – M. INFRA-M, 2000. P. 381
11. Krichevsky R.L., Dubovskaya E.M. Psychology of a small group: theoretical and applied aspect. – M.: Publishing House of Moscow State University. P. 184.
12. Melnikov V.M., Yampolsky L.T. Introduction to Experimental Psychology of Personality: Textbook for students of IPK teachers in ped. disciplines of un-tov and ped. in-comrade. – M.: Education, 1985. S. 231.
13. Olshansky D.V. Basic theories of leadership. Political psychology. M., 2002.: URL: psyfactor.org/lib/lidertheory.htm (Accessed: 02/17/2021).
14. Osipov GV Management: textbook. for university students / G.V. Osipov, V.A. Lisichkin, N.D. Koryagin. – M.: Norma, 2011. S. 286–290.
15. Oseev A.A. Socio-psychological portrait of a leader: an ideal model and ways to measure it. // Bulletin of the Moscow University. Series No. 18. Sociology and Political Science, No. 1, 2011. P. 126–144.
16. Oseev A.A., Oseev A.A. Personal qualities of the command staff of the "special forces" (20 years later). Sociology. Journal of the Russian Sociological Association. No. 1, 2013, pp. 134–143.
17. Oseev A.A., Oseev A.A. Methodological bases for the study of the personal qualities of managers and the selection of candidates for vacant positions in the civil service, personnel in the field of security, heads of industrial enterprises. // Bulletin of Moscow University. Series No. 18. Sociology and political science. No. 3, 2015. P. 144–159.
18. Oseev A.A., Oseev A.A. Empirical models of the structure of personal qualities of leaders: an affective type of social action by M. Weber (results of applied research) // Moscow University Bulletin. Series No. 18. Sociology and political science. No. 2, 2016. P. 242–263.
19. Oseev A.A. Empirical models of the structure of personal qualities of leaders: the traditional type of social action by M. Weber (results of applied research). // Bulletin of Moscow University. Series No. 18. Sociology and political science. No. 3, 2021. S. 229–235.
20. Understanding sociology" and the concept of "ideal types" by M. Weber". URL: studopedia.ru/26_114767...sotsiologiya...kontseptsiya... (date of access: 04/01/2022).
21. Pugachev V.P. Personnel management. – M.: Aspect Press, 2006. S. 162–164.
22. Radaev V.V. Man as an entrepreneur. // Economic sociology. Course of lectures: Proc. allowance. – M.: Aspect Press, 1997. P. 96–111.
23. Rimskaya R., Rimsky S. Practical psychology in tests, or How to learn to understand yourself and others. – M, 1998. S.226–242.
24. Serbinovsky B. Yu. Personnel Management. 1999. URL: Psyera.ru (accessed February 18, 2021).
25. Fayol A., Emerson. G., F. Taylor, G. Ford. Management is a science and an art. – M.: Respublika, 1992. P. 9–84.
26. Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation: Text as amended. and additional for 2014 – M.: Eksmo, 2014. – 96 p. – (Current legislation).
27. Khjell L., Ziegler D. Theories of personality. – 3rd ed. – St. Petersburg: Peter, 2008. S. 313.

28. Chanyshev A.N. A course of lectures on ancient philosophy: Proc. allowance for philos.fak. and individual high fur boots. – M.: Higher school, 1981. P. 275,351,353.
29. Chudina E.A. Psychological features of the manifestation of emotional instability of the individual. Dissertations for the degree of candidate of psychological sciences. Specialty 19.00.11 – personality psychology. – M., 1999–189 p. URL: [dissercat.com>content...neustoichivosti-lichnosti](http://dissercat.com/content...neustoichivosti-lichnosti) (date of access: 02/01/2021).
30. Cattell's 16-factor personality questionnaire. 16 FLO-187-A. URL: [Cattell test](http://Cattell%20test) (Cattell). 16-factor personality...[gurutestov.ru>test/60](http://gurutestov.ru/test/60) (date of access: 01/13/2021).
31. Shcherbina. V.V. Means of sociological diagnostics in the control system. – M.: Publishing house Mosk. un-ta, 1993. S. 54.
32. Shcherbina V.V., Rodina V. Yu., Erokhin A.S. Guidelines for assessing the use of employees as a line manager of the middle link. – M.: PO "LUCH" of the Office of Publishing Houses, Printing and Book Trade of the Moscow City Executive Committee, 1983. S. 73–74.

Социально-философский анализ роли страха в социальной жизни

Флоря Василий Михайлович,

доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры документоведения, истории
и философии Ухтинского государственного
технического университета
E-mail: florya.vas@yandex.ru

Кондраль Дмитрий Петрович,

кандидат политических наук, доцент, доцент
кафедры документоведения, истории и философии
Ухтинского государственного технического
университета
E-mail: lbvf17@gmail.com

В статье авторы полагают, что вероятностный характер социальных процессов предполагает наличие в них определенную степень неоднозначности. Стремясь в сегменте практической деятельности к устранению аморфности, личность осуществляет выбор из имеющихся в ее распоряжении арсеналом возможностей. В определенных ситуациях это может быть связано с проявлением страха. В связи с этим сознательное регулирование процессами социальной жизни, повышение эффективности работы организаций и учреждений, совершенствование управленческих решений в обществе обуславливает философско-социологический анализ смысла и содержания понятия страха, определение его места в структуре различных сфер общественной жизни: социальной, экономической, политической и духовной деятельности, а также выяснение роли страха, проявляемое на различных этапах исторического развития человеческого общества.

Ключевые слова: страх, социальная жизнь, человек, личность, рискованная деятельность, человеческое общество, социологический аспект.

При рассмотрении научных представлений о страхе следует выделить несколько этапов исторического развития. Изначально исследованием этого социального явления занималась сравнительно небольшая группа наук, состоящая из отдельных разделов математики и отдельных экономических дисциплин. В последствии понятие «страх» стал рассматриваться как предмет изучения и исследований уже целым рядом других наук. В широкий спектр представленных социально-гуманитарных наук вошли общая и социальная психология, медико-биологические, демографические, юридические, военные, дисциплины, а также теории вероятностей. Именно исследования данных наук дали основания считать, что категория «страх» стала выходить далеко за рамки названных наук и в конечном итоге это понятие обрело статус общенаучной категории. Продолжающийся рост элементов сомнительно-статистических представлений в гносеологии, развитии концепции принятия управленческих решений, серьезный подход российских ученых к разработке категорий «деятельность», «сомнение», «вероятность», «однозначность и неоднозначность» создали необходимую философско-социологическую возможность для аналитического исследования собственно феномена страха.

Некоторые исследователи полагают, что в русский язык слово «страх» пришло из европейских языков. Однако мы с уверенностью можем утверждать, что термин «страх» имеет древнерусское происхождение от «страхъ», что означало испуг и оцепенение. Страх как опасность, угрожающая гибелью кораблям, считали мореплаватели в далеком прошлом. К пониманию страха люди всегда подходили с точки зрения возможной неудачи в каком-то действии или деле [3], не забывая при этом

думать и мечтать в надежде на счастливый случай и удачу, на благоприятный исход [4]. В общественной жизни с понятием «страх» люди, как правило, обозначают наличие реальной опасности, неудачи, сомнение в исходе того или иного вида человеческой деятельности. Понятно, что только в таком значении вряд ли правомерно использовать этот термин в научных исследованиях, применять его к процессам социального регулирования, к экономической и другим видам деятельности, поскольку при этом не различаются несовпадающие в определенных отношениях понятия «рисковая ситуация», «страх» (в процессе выбора), «рисковая деятельность» (в процессе реализации выбора), «степень страха». Содержание этих понятий может быть уточнено путем выяснения социологического аспекта явления страха. Такой анализ предполагает сравнение различных подходов, имеющих место в некоторых социальных и естественных науках, и выделение общих, существенных черт феномена «страх», что позволяет подойти к выявлению содержания данного понятия в интересующем нас социологическом аспекте. С этой целью попытаемся раскрыть основные черты, стороны и элементы в страхе различными научными дисциплинами.

Сначала обратимся к психологии и социальной психологии. В психологии преимущественно исследуется направление, связанное с характером, темпераментом, мотивами поведения человека, с одной стороны, и его возможной склонностью к повышенному либо пониженному чувству страха, с другой. Психологический аспект страха предполагает изучение этого явления в плане принятия риска, т.е. предпочтения субъектом опасного варианта поведения безопасному. В целом стоит утверждать, что общая и социальная психология выделяют определенные сегменты рискованной деятельности человека, которые пребывают у него в неразрывной связи с эмоциональным ожиданием опасности и неудачи при достижении желаемой цели.

Изучение страха с точки зрения медико-биологического аспекта позволяет находить ориентиры влияния различных причин и обстоятельств на состояние здоровья человека. Именно медико-биологический подход в исследовании страха определил элемент, позволяющий с высокой долей вероятности утверждать о возникновении заболеваний организма человека, наступлении его смерти в результате воздействия на индивида различных факторов, включая генетические, природные и др.

Экономические науки также активно используют в своих концепциях категорию «страх». Так, например, в классической экономической теории под понятием страха понимается угроза материального ущерба, потери, которые могут возникнуть или с которыми может столкнуться любой человек в результате реализации уже принятого к исполнению решения. Неоклассическая теория страха, основы которой заложили в 20–30-е годы XX столетия ее разработчики-экономисты А. Маршалл и А. Пигу, определяется с позиций, прежде всего, предельной полезности, суть которой состоит в выборе основного экономического пути, состоящего из небольших колебательных процессов получения ожидаемой прибыли.

Большинство российских исследователей при рассмотрении состояния отечественной экономики высказывают мысль в отношении понимания страха. Это понимание основывается на том, что страхом можно назвать не только материальный ущерб, связанный с исполнением управленческого решения, но и определенная возможность уклонения от поставленной цели, ради достижения которой принималось данное решение. В этом заключается экономический аспект страха как сомнения.

Следовательно, стоит указать основные черты социального явления «страх», к которым можно отнести следующие:

- вероятность угрозы и неудачи;
- неуспехи как результат неудачного выбора и реализации решения;

- возможность наступления действия неблагоприятных или случайных факторов нежелательных для личности (материальный ущерб, заболевание, смерть и т.п.);
- потери, которые могут быть связаны с осуществлением выбранного решения;
- вероятность отклонения от поставленной цели. Выделение этих элементов феномена страха позволяет перейти к его рассмотрению в социологическом аспекте.

В повседневной жизни те или иные виды деятельности человека могут преподнести ему сюрпризы в виде столкновения с различными ситуациями, в разрешении которых нет однозначного решения. Тем не менее проблемы, связанные с подобными ситуациями, необходимо решать и решения эти зачастую носят рискованный характер, т.е. страх здесь связан с возможными социальными процессами и появляется там, где присутствует неоднозначность при выборе альтернативных стадий решений. В то же время вынуждены констатировать, что ситуация страха и неоднозначность не являются похожими в этом плане. Собственно, неоднозначность действует в условиях, при которых не известны ни общий характер, ни количество вероятностных решений, ни итоги предложенных вариантов развития. Это напоминает ситуацию, при которой возможность возникновения каких-либо событий установлена быть не может. Например, когда событие наступает совершенно внезапно и ее появление невозможно было заранее предугадать. Ситуация страха представляет собой определенную разновидность неоднозначности, в которой наступающие события рассматриваются с позиций вероятностного возникновения и оценки. Так, с определенной долей вероятности можно прогнозировать в экономической сфере деятельность партнеров либо конкурентов, действия противостоящей стороны во время проведения военных действий, а также дать оценку вероятностным последствиям

внедрения новых научно-технических идей.

В своем жизнеустройстве человек всегда ориентирован на стремление разрядить неопределенную, тягелую ситуацию с наличием страха путем определенного выбора, а в последствии и реализации данного принятого решения. Отражение этого процесса мы обнаруживаем в понятии «страх». Итак, на стадии выбора принятия решения и на стадии его реализации страх может иметь место. Здесь он означает свое отношение к действительности, связанное с преодолением неоднозначности в ситуации неизбежного выбора.

Страх на этапе исполнения принятого решения может быть определен понятием «рисковая деятельность», под которым следует понимать человеческую деятельность по внедрению принятого в условиях неоднозначности решения, учитывающую возможность получения поставленного результата, вероятность неудачи и уклонения от желаемой цели. Эта деятельность проявляется в условиях глубочайшего сомнения в достижении поставленной цели. Мера этой вероятности, проявления которой мы находим в различных конкретных ситуациях, фиксируется в выражении «степень страха».

Далее, некоторые сегменты деятельности в условиях неоднозначности могут быть рассмотрены непосредственно через призму категории «страх». Однако сущность и содержание страха раскрывается не только в связи с неоднозначностью, стихийностью объективных социальных процессов. Она обнаруживается и в творчестве, т.е. в деятельности, которая характеризуется неповторимостью, оригинальностью, уникальностью и в силу этого нередко связанной в определенном смысле слова долей страха, которая проявляется не из-за произвола личности, а из содержательности творческого процесса, особенностей внедрения инноваций в современную практическую жизнь.

Страх – это социальное явление, имеющее конкретно-исторический характер и выполняющее разную роль

в социальной жизни в различные исторические эпохи. Можно предположить, что социальная предрасположенность и склонность людей к активной, инициативной, рискованной деятельности во многом зависит от характера труда и содержания трудовой деятельности. К примеру, член родовой общины был преимущественно ориентирован на использование старых, испытанных, проверенных в течение многих поколений способов и форм социальной регуляции. Это проистекало из того, что любые нововведения и новации (результат которых был неизвестен) могли приводить к травмам, к другим трагическим последствиям и даже смерти во время охоты. Такие условия производственно-трудовой деятельности как бы предохраняли личность от необходимости и желания испытывать чувство страха. Поведение людей, особенно на ранних ступенях развития первобытнообщинного строя, как правило, жестко регламентировалось нормами поведения, различными запрещающими табу. Все это, разумеется, отнюдь не означало отсутствия других отдельных форм деятельности, связанных с проявлением страха, которые в форме определенно нового медленно, но уверенно проникало в социальную жизнь. Субъектом рискованной деятельности в этот период была скорее не отдельная личность, а родовая община в целом. Дальнейшее развитие производства и как следствие – разрыв рамок родовой общины привели ко все более активному внедрению нововведений в социальную жизнь, что расширяло объективную основу страха. В этом смысле о страхе можно утверждать, как о своего рода антинормативном поведении или действии. Рост темпов социального развития изменяет и механизм страха, его роль в общественной жизни. Значительно расширяются возможности и необходимость рискованной деятельности с возникновением и развитием способа производства как в России, так и в развитых странах Запада с присущими им личной инициативой, конкуренцией, рыночными отношениями. Субъектом страха здесь

становится отдельная личность, и страх представляет собой своего рода мерой действия человека.

Кроме того, механизм страха видоизменяется по мере изменения содержания трудовой деятельности, характера производственных отношений. Его формирование и развитие являются одним из необходимых способов, позволяющих эффективно взаимодействовать с вероятностными условиями действительности. Реальное существование страха как отношения и как деятельность позволяет говорить об объективных и субъективных факторах и причинах, лежащих в их основе и вызывающих необходимость рискованной деятельности. Конкретное выяснение этих причин непосредственно связано с ответом на вопрос: «Чем в социальной жизни диктуется неоднозначность?»

Наличие неоднозначности обусловлено, на наш взгляд, тем, что интересы и поведение людей, социальные, политические, экономические отношения, в которые они включены, носят многовариантный и уклончивый характер. Неоднозначность связана и с возникновением новых личных, коллективных и социальных интересов, с появлением научно-технических идей, открытий, изобретений, с действием сил стихийности и случайности в социально-экономических процессах. К объективным причинам, порождающим неоднозначность, следует включить также спонтанность природных явлений и процессов (например, влияние потепления на континенте на результаты производственной деятельности), ограниченность ресурсов при принятии и реализации решений. К субъективным причинам, лежащим в основе страха, можно отнести определенную ограниченность сознательной деятельности субъективного фактора, различие в интересах, идеалах, наличие несовпадающих социально-психологических установок, убеждений, намерений, оценок у разных социальных групп, недостаток компетентности, информированности, уровня управленческой культуры. Таким образом, исходим из того, что

ситуации страха и рискованной деятельности с необходимостью порождаются существованием определенных объективных и субъективных обстоятельств. В социологическом плане эти причины и явления связаны с деятельностью в целом, но в реальной жизни они реализуются в различных конкретных видах человеческой деятельности, позволяющее на этой основе классифицировать явления страха. В частности, виды страха можно выделить по сферам социальной жизни, в которых осуществляется рискованная деятельность. Такой подход позволяет нам выделить экономический, производственный, политический, технический, врачебно-медицинский, спортивный, военный и другие виды страха.

Вопрос о выделенных критериях классификации степени страха имеет практическое значение. Даже на обыденном уровне очевидно, что рискованная деятельность может изменяться в значительных пределах – от авантюры до страха осторожного, минимального. «Побеждает в этой жизни только тот, кто победил сам себя, тот, кто победил свой страх, свою лень и свою неуверенность» – выражение, часто встречающееся в житейской практике. Определение степени страха зависит от меры учтенной неоднозначности, которая каким-либо образом оценивается. Проиллюстрируем это на конкретном примере. Предположим, спортсмену нужно перепрыгнуть через канаву шириной в полтора метра и глубиной в один метр. Едва ли у него возникнет мысль о страхе, поскольку здесь практически нет неоднозначности, так как успешный результат прыжка заранее известен. Но представим себе нетренированного физически человека, которому предстоит, спасаясь от опасности, перепрыгнуть разлом на его пути шириной 4 метра и глубиной 20 метров. В этом случае успешный прыжок можно попытаться оценить вероятностью его осуществления. Скажем, эта вероятность будет составлять 65%. Здесь уже появляется неопределенность и, как следствие, возникает страх. Следова-

тельно, можно исходить из того, что критерием выделения различных ступеней страха является количественная оценка вероятности наступления предполагаемого результата. Такой подход, позволяющий исходить из следующей типологии степени страха: страх минимальный, страх рациональный, страх неоправданный.

Условия неоднозначности могут стать эффективными для различных сфер общественной жизни, включая социальную, политическую, экономическую деятельность, осуществляемая как результат выбранных решений с наличием рационального вида страха. Поскольку степень страха непосредственно связана с обоснованным выбором решения, то можно предположить, что рациональным будет выглядеть страх, содержащийся в выбранном оптимальном решении. Оптимальным решением в условиях неоднозначности применительно к социальной, политической, экономической и духовной сферам социальной жизни может считаться решение, предполагающее максимальную вероятность достижения цели в конкретных условиях и достижения наилучших результатов для этих условий при минимальных затратах, основанных на оптимальных временных периодах и учитывает возможность влияния принятого решения на качественную сторону жизни людей.

Проблема выяснения результативности деятельности, связанной со страхом у человека является одним из самых сложных вопросов. Это обусловлено, прежде всего, сложностью построения самого общества, в отношении которого принимается решение в условиях неоднозначности, и не в полной мере разработанностью современных методик оценки рискованной деятельности применительно к социальной жизни. Один из возможных путей решения этой задачи заложен в использовании существующих известных методик «затраты – эффективность» и «затраты – результаты», имеющих свои особенности на разных уровнях и в различных видах деятельности. Применение их к управ-

лению социальными процессами должно, на наш взгляд, включать три не сводимые друг к другу, но взаимосвязанные стороны: количественную, качественную и аксиологическую.

Количественная сторона выражается в стоимостных, экономических показателях и позволяет выявить нецелесообразные варианты решений, принимаемых в условиях неоднозначности.

Современный уровень развития развитых обществ, наряду с экономикоматематическим подсчетом затрат и выгод, с необходимостью требует их качественной оценки. Иначе говоря, необходимо выяснить, покроют ли экономические, практические выгоды те этические, экологические и другие потери, которые могут последовать в случае реализации содержащего страх решения. Для этого необходим учет социальных, этических, демографических, психологических, сиюминутных и долговременных выгод и потерь, которые не всегда можно выразить в количественных показателях. В этом и состоит суть качественного аспекта оценки рискованной деятельности: она учитывает социальную эффективность реализации решения, принятого в условиях неоднозначности.

Аксиологический подход к рискованной деятельности выдвигает требование по определению рациональности страха, оптимальности выбираемого решения с учетом выяснения чьи интересы они защищают, для кого полезны, а для кого нет. Другими словами, речь идет о том, чтобы решения, принимаемые в условиях неоднозначности, учитывали соотношение территориальных и отраслевых, ведомственных и государственных интересов. Их оптимальное сочетание является важным резервом развития экономики.

В заключение хочется отметить, что в рамках данной статьи не представляется возможным рассмотреть многообразие различных аспектов столь сложного и неоднозначного явления, как страх. Нам удалось высказать лишь общие соображения, касающиеся понимания страха как целостного социаль-

ного явления, выполняющего различную роль в разные исторические эпохи, в разных конкретных условиях человеческой деятельности, общественно полезного страха, который является основанием альтернативной деятельности в условиях неоднозначности и действия случайных факторов.

Литература

1. Ойгензихт В.А. Проблемы риска в гражданском праве. Душанбе, 1972, с. 5;
2. Серебровский В.И. Очерки страхового права. М., 1926, с. 118;
3. Толковый словарь русского языка / Под. Ред. Д.Н. Ушакова. М., 1939, Т. 3, с. 1360;
4. Словарь русского языка /Под. Ред. С.Г. Бархударова и др. М., 1959, Т. 3, с. 950.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE ROLE OF FEAR IN SOCIAL LIFE

Florya V.M., Kondral D.P.

Ukhta State Technical University

In the article "The Role of Fear in Social Life", the authors believe that the probabilistic nature of social processes implies the presence of a certain degree of ambiguity in them. Aspiring in the segment of practical activity to eliminate amorphy, a person makes a choice from the arsenal of possibilities at his disposal. In certain situations, this may be due to the manifestation of fear. In this regard, the conscious regulation of the processes of social life, improving the efficiency of organizations and institutions, improving management decisions in society determines the philosophical and sociological analysis of the meaning and content of the concept of fear, determining its place in the structure of various spheres of public life: social, economic, political and spiritual activities, as well as elucidation of the role of fear, manifested at various stages of the historical development of human society.

Keywords: fear, social life, person, personality, risky activity, human society, sociological aspect.

References

1. Eugenzicht V.A. Problems of risk in civil law. Dushanbe, 1972, p. 5;

2. Serebrovsky V.I. Essays on insurance law. M., 1926, p. 118;
3. Explanatory dictionary of the Russian language / Under. Ed. D.N. Ushakov. M., 1939, T. 3, p. 1360;
4. Dictionary of the Russian language / Under. Ed. S.G. Barkhudarova et al. M., 1959, Vol. 3, p. 950.

Родительские отношения в социальной группе «оставленных детей» 70–80-х годов Китая: обобщение результатов сопоставительного анализа

Янь Дудоу,

аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: yandoudoulinweiei@yandex.ru

В статье исследуются выросшие «оставленные дети», ставшие родителями. Цель статьи – анализ статистических различий в представлениях о результатах родительского труда в двух группах родителей – тех, которые имеют опыт пребывания в роли оставленных детей, и тех, которые не имеют такого опыта. Анализируются данные, собранные в ходе опроса родителей, проведенного в Китае в 2021 г. Используются разнообразные статистические методы – дескриптивная статистика, тесты на выявление значимости различий между группами, корреляционный анализ. Результаты исследования таковы: 1. независимо от наличия или отсутствия опыта пребывания в статусе оставленных детей, у родителей как субъектов родительского труда не обнаружено значимых различий в представлениях, составляющих ядро результатов родительского труда (физическое и психическое здоровье, безопасность), а также в ранжировании академической успеваемости как потенциального результата родительского труда. В то же время, различия в представлениях двух категорий субъектов родительского труда связаны с иерархией представлений внутри ядра; 2. независимо от того, были ли опрошенные раньше оставленными детьми или не были таковыми, чем ниже уровень образования, тем более значимым результатом родительского труда представляется академическая успеваемость. Кроме того, более высокий уровень образования респондентов-родителей, имевших опыт пребывания среди оставленных детей, предопределяет более высокую значимость таких результатов родительского труда, как хорошие привычки, сформированный характер, безопасность, физическое и психическое здоровье, навык межличностного общения своих детей.

Ключевые слова: родительский труд, субъект родительского труда, оставленные дети, представления о результатах родительского труда, КНР.

Введение

После реформы и открытия Китая, случившихся в 70–80-х гг. XX века, произошла историческая массовая миграция населения – в основном это было связано с мобильностью избыточной рабочей силы из сельской местности в города. В стране возникла группа людей с особым жизненным опытом – опытом пребывания в роли оставленных детей. Это – группа так называемых «оставленных детей» – детей, оставленных родителями, уехавшими работать из сел в города, на воспитание другим родственникам, друзьям. Возраст таких детей «снизу» начинается от самого рождения, а «сверху» ограничивается шестнадцатью годами [5]. Дети с опытом пребывания в роли оставленных – особенное для Китая социально-экономическое явление, возникшее в результате изменения структуры населения и разрыва между городскими и сельскими районами, а также миграции рабочей силы (их родителей) из сельских районов. Сельские дети не могли мигрировать со своими родителями, что приводило к тому, что дети оставались под длительным присмотром прауродителей, родственников или друзей.

Этот масштабный китайский феномен привлекает внимание ученых всего мира. Так, например, много исследований было посвящено изучению отдельных аспектов образования и здоровья оставленных детей (см., например, [Дуан, Ян 2008; Фань, Го 2014; Дин, Сюй 2018; Alan, Mu 2011]). В последние же годы китайские ученые стали обращать внимание на уже выросших оставленных детей, исследуя влияние пережитого ими в прошлом опыта на их поведение в разные сферы жизнедеятельности (например, влияние опыта пребывания в роли оставленных детей на модели работы [Се 2015], качество заня-

тости [Тан, Се 2019], развитие карьеры [Лу 2014], социальные трудности [Лю, Сюй 2020] и практику воспитания детей [Лю, Ву 2019] и т.д.). Однако, среди всего этого многообразия исследований нынешним семьям выросших оставленных детей уделяется не так много внимания.

Согласно одному из китайских исследований, в котором была обнаружена взаимосвязь между наличием опытом пребывания в статусе оставленных детей, нынешним экономическим доходом и профессиональной деятельностью, в масштабах страны феномен оставленных детей способствует «преодолению старения населения, содействует трансформации «демографического дивиденда» в «дивиденд талантов» и сокращению разрыва между богатыми и бедными» [13, с. 104]. Мы предположили, что влияние феномена оставленных детей на старение населения и стимулирование демографического дивиденда может быть связано не только с профессиональной деятельностью людей, но и с их родительским трудом, под которым мы понимаем деятельность, направленную на уход за детьми, их развитие, соответствующую признакам трудовой деятельности – целесообразность, энергозатратность, легитимность, востребованность и др. [1; 16; 17].

Таким образом, мы изучаем уже выросших оставленных детей, которые сами стали субъектами родительского труда. Цель нашего исследования состоит в сравнительном анализе представлений о результатах родительского труда у двух типов его субъектов – с опытом пребывания в статусе оставленных детей и без такого опыта.

Данные и методы

Исследование выросших оставленных детей как субъектов родительского труда основано на данных опроса родителей, проживающих в Сычуани, Китай (n=637), проведенного в 2021 г. Для изучения специфики представлений о результатах родительского труда респондентам

двух категорий (с опытом пребывания среди оставленных детей и без опыта) было предложено оценить степень значимости различных потенциальных результатов труда по шкале от 1 до 5 (где 1 – наименее значимый, 5 – наиболее значимый результат).

Потенциальные результаты труда измерялись с помощью 10 переменных: П1 – Качество жизни, П2 – Хорошие привычки, П3 – Формирование характера, П4 – Безопасность, П5 – Физическое здоровье, П6 – Психическое здоровье, П7 – Академическая успеваемость, П8 – Способность детей к обучению, П9 – Навык межличностного общения детей, П10 – Способность разрешений трудностей.

Для оценки различий в представлениях о результатах родительского труда у двух типов субъектов родительского труда был использован непараметрический U-тест Манна-Уитни (IBM SPSS26.0). Для исследования возможной связи между представлениями о результатах родительского труда у двух типов субъектов родительского труда с демографическими переменными мы использовали корреляционный анализ (коэффициент Крамера и таблицы сопряженности).

Результаты

Результаты оценивания представлений о результатах родительского труда у двух типов опрошенных с помощью U-теста Манна-Уитни приведены в таблице 1. Из нее видно, что существенная разница в представлениях отсутствует лишь в двух случаях – в отношении таких результатов родительского труда, как способность детей к обучению и навыки межличностного общения детей. Следовательно, независимо от того, являются ли респонденты субъектами родительского труда с опытом пребывания в роли оставленных детей или нет, это не влияет на их заботу о развитии навыков межличностного общения своих детей и их способности к обучению. Представления обо всех остальных результатах труда существенно отличаются.

Таблица 1. Оценка представлений о результатах родительского труда у двух типов его субъектов (U-тест Манна-Уитни)

Переменные	U Манна-Уитни	W Вилкоксона	Z	Асимп. Знач. (двухсторонняя)
П1	37822	59143	-3.123	0.002
П2	38034.5	131130.5	-3.146	0.002
П3	38350.5	131446.5	-2.996	0.003
П4	30491.5	123587.5	-7.528	0
П5	28604.5	121700.5	-8.372	0
П6	31271	124367	-6.948	0
П7	35202	56523	-4.355	0
П8	42864.5	64185.5	-0.743	0.458
П9	43922	137018	-0.23	0.818
П10	39340.5	132436.5	-2.492	0.013

Источник: составлено автором

Практикуемое в Китае образование, ориентированное на тестирование, при-

вело к тому, что большинство родителей придерживаются старой концепции, согласно которой они придают большое значение оценкам своих детей [22]. «... Поскольку родители уделяют слишком много внимания успеваемости своих детей, это серьезно сказывается на их физическом и психическом здоровье» [2, с. 105]. Однако, в связи с постепенным реформированием системы образования Китая эта концепция в определенной степени изменилась, результаты, приведенные в таблице 2, косвенно подтверждают, что независимо от того, к какому типу родителей принадлежат респонденты, академической успеваемости из всех результатов родительского труда приписывается самый последний ранг. В то же время, ядро представлений о результатах родительского труда (три самых значимых результата) одинаковы и не связаны с опытом пребывания в статусе оставленных детей – это физическое здоровье, психическое здоровье и безопасность ребенка.

Таблица 2. Описательная статистика различий в представлениях о результатах родительского труда у двух типов его субъектов

Переменные	Тип респондентов-родителей									
	имеют опыт пребывания в статусе оставленных детей					не имеют опыта пребывания в статусе оставленных детей				
	ранг	Среднее	Медиана	Мода	Стандартное отклонение	ранг	Среднее	Медиана	Мода	Стандартное отклонение
П4	1	4.22	5	5	1.09	2	4.76	5	5	0.71
П6	2	4.18	5	5	1.09	3	4.73	5	5	0.64
П5	3	4.10	5	5	1.2	1	4.78	5	5	0.62
П3	4	4.01	4	5	1.18	4	4.33	5	5	0.88
П2	5	3.98	4	5	1.19	5	4.31	5	5	0.91
П10	6	3.97	4	5	1.19	6	4.29	4	5	0.82
П1	7	3.71	4	5	1.25	7	3.42	3	2	1.17
П7	8	3.62	4	4	1.26	8	3.20	3	2	1.16

Источник: составлено автором

В то же время, данные таблицы 2 показывают, что существуют различия между типами субъектов родительского труда по ранжированию трех самых

главных представлений о результатах этого вида труда. Во-первых, первое место у респондентов, которые были оставленными детьми, занимает безо-

пасность. Это может быть связано с отмечавшимся другими исследователями относительно высоким числом несчастных случаев с оставленными детьми в Китае [21]. Такой опыт заставляет респондентов, имевших опыт пребывания в роли оставленных детей, придавать наибольшее значение этому результату родительского труда. Во-вторых, второе место среди результатов родительского труда у респондентов, которые были раньше оставленными детьми, занимает психическое здоровье. Это также может быть следствием негативного влияния на этих респондентов опыта пребывания в роли оставленных детей. Согласно исследованиям, отсутствие родителей может привести к ухудшению психического здоровья детей [24], отдалению отношений детей с родителями [20] и др. В-третьих, респонденты, имеющие опыт пребывания в роли оставленных детей, больше значения придают физическому здоровью. Это можно объяснить тем, что опыт пребывания в роли оставленных детей может влиять на физическое здоровье ребёнка (например, его недостаточный вес, высокий риск недоедания, задержку в развитии или чрезмерное ожирение [23]). Мы считаем, что эти негативные следствия опыта пребывания в статусе оставленных детей заставили их более серьезно относиться к этим аспектам в отношении собственных детей и сформировали их представления о результатах родительского труда.

Мы обнаружили, что респонденты, которые были раньше оставленными детьми, придают более высокое значение академической успеваемости своих детей, в сравнении с теми, кто не были раньше оставленными детьми (3.62 > 3.20). Это, на наш взгляд, можно объяснить распространенным среди сельских семей представлением о том, что получение знаний (результативность которого оценивается через академическую успеваемость) является единственным механизмом более высоких доходов в будущем. Однако, уровень образования субъектов родительского труда в сельской местности в Китае

(особенно если они имеют опыт пребывания в роли оставленных детей), как правило, ниже, чем у субъектов родительского труда без такого опыта [18], что на данных нашего исследования подтверждает рисунок 1. Действие всех этих факторов приводит к тому, что субъекты родительского труда с опытом пребывания в роли оставленных детей уделяют больше внимания академической успеваемости своих детей.

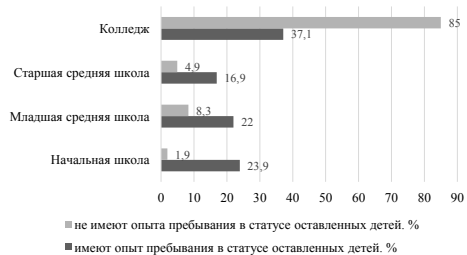

Рис. 1. Распределение двух типов респондентов по уровню образования

Источник: составлено автором

С помощью корреляционного анализа мы исследовали возможную связь между представлениями о результатах родительского труда у его субъектов и уровнем образования в каждой группе респондентов (таблица 3).

Результаты, представленные в таблице 3, показывают, что независимо от того, были ли опрошенные раньше оставленными детьми или не были таковыми, чем ниже уровень образования, тем большую значимость придают респонденты академической успеваемости. Данные таблицы 3 показывают, что для респондентов, имевших опыт пребывания среди оставленных детей, отсутствует связь между уровнем образования и представлениями о результатах родительского труда лишь в одном случае – в отношении качества жизни как потенциального результата труда. Данные показывают, что с повышением уровня образования респондентов растет значимость хороших привычек, формирования характера, безопасности, физического и психического здоровья, навыков межличностного общения своих детей как потенциальных резуль-

татов родительского труда. Это может быть связано с тем, что, на наш взгляд, с повышением уровня образования респонденты, которые были раньше оставленными детьми, уделяют больше

внимания развитию всесторонней грамотности детей, особенно той грамотности, которой им, возможно, не хватало в прошлом и стало следствием пребывания в статусе оставленных детей.

Таблица 3. Связь между представлениями о результатах родительского труда и уровнем образования у двух типов респондентов-родителей

Переменные	Тип респондентов-родителей			
	имеют опыт пребывания в статусе оставленных детей		не имеют опыта пребывания в статусе оставленных детей	
	Коэффициент корреляции Спирмена	Знач.	Коэффициент корреляции Спирмена	Знач.
П1	-0.049	0.307	0.072	0.303
П2	.167**	0.000	0.074	0.291
П3	.270**	0.000	0.042	0.547
П4	.395**	0.000	0.091	0.195
П5	.352**	0.000	0.055	0.433
П6	.298**	0.000	0.099	0.155
П7	-.132**	0.006	-0.156*	0.025
П10	.169**	0.000	-0.031	0.661

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя), * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Источник: составлено автором

Заключение

Основные выводы нашего исследования состоят в следующем.

1. Независимо от наличия или отсутствия опыта пребывания в статусе оставленных детей, у родителей как субъектов родительского труда выявлено наличие ядра представлений о результатах родительского труда, включающего физическое и психическое здоровье ребенка, а также его безопасность. Однако, существуют различия в иерархии этих трех главных результатов и значимости академической успеваемости.
2. У субъектов родительского труда, которые были раньше оставленными детьми, на первом месте среди всех результатов родительского труда стоит безопасность жизни; важность академической успеваемости заметно выше, чем у субъектов родительского труда, не имеющих

опыта пребывания в статусе оставленных детей.

3. Независимо от того, были ли опрошенные раньше оставленными детьми или не были таковыми, чем ниже уровень образования респондентов, тем больше значимости придается академической успеваемости детей как потенциальному результату родительского труда. Кроме того, чем выше уровень образования респондентов, имевших опыт пребывания среди оставленных детей, тем более высокая значимость придается хорошим привычкам, формированию характера, безопасности, физическому и психическому здоровью, навыком межличностного общения своих детей как потенциальным результатам родительского труда.

Полученные результаты расширяют представление о специфике родительского труда китайцев, имеющих опыт

пребывания в статусе оставленных детей. Учитывая масштабность и локализованность этого явления в Китае, результаты исследования могут быть использованы для совершенствования семейной и демографической политики регионов, где феномен оставленных детей в 70–80-е гг. XX века был распространен наиболее сильно.

Литература

1. Ворошилова. А.И. Человеческий капитал как результат родительского труда: опыт социологического осмысления // Вестник тюменского государственного университета. социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1 № 4. С. 32–43.
2. Джо А., Чжан С. Что важнее для детей, знания или физическое и психическое здоровье // Педагогическая теория и практика. 2008.Т. 28. С. 105–106. [На китайском языке]
3. Дин Ц., Сюй Н. Влияние трудовой миграции родителей на здоровье и образование оставленных детей // Исследования населения.2018. Т. 42. № 1 С. 76–89. [На китайском языке]
4. Дуан Ч., Ян К Исследование оставленных детей в сельской местности страны // Исследования населения. 2008. Т. 32. № 3. С. 15–25. [На китайском языке]
5. Заключение Государственного совета по усилению ухода и защиты оставленных детей в сельской местности // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-02/14/content_5041066.htm (дата обращения: 04.05.2022). [На китайском языке]
6. Лу Л. От «оставленных детей» к «новому поколению трудовых мигрантов» – Исследование прекращения школьного обучения и его влияния на сельских детей старшего школьного возраста // Исследование населения. 2014. Т. 38. № 1. С. 37–50. [На китайском языке]
7. Лю Л., Ву Л. Исследование влияния «опыта пребывания в статусе оставленных детей» на родительский выбор «трудовых мигрантов нового поколения» // Обучение и исследование. 2019. № 3(284). С. 28–34. [На китайском языке]
8. Лю Ч., Сюй Ф. Опыт пребывания в статусе оставленных детей и социальные трудности – эмпирический анализ на примере трудовых мигрантов нового поколения // Исследования социального развития. 2020. № 3. С. 61–78. [На китайском языке]
9. Се Д. Влияние опыта пребывания в роли оставленных детей на рабочий процесс трудящихся-мигрантов нового поколения – эмпирический тест на основе данных Пекина в 2015. // Южное население.2016.Т.31.№ 3.С.1–9. [На китайском языке]
10. Тан Н., Се Ю. Влияние опыта пребывания в роли оставленных детей на качество занятости работников // Сельская экономика Китая. 2019. № 12. С. 48–64. [На китайском языке]
11. Фань С., Го Ц. Обзор и размышления об образовании оставленных детей в сельской местности // Журнал Китайского сельскохозяйственного университета (социологическое издание). 2015. Т. 32. № 1.С. 55–64. [На китайском языке]
12. Хань Б., Ван Ш., Чжан Ц. Отсутствие родителей и развитие детей – Как опыт пребывания в статусе оставленных детей влияет на заработок взрослых? // Исследование социального развития. 2021. № 8 (04). С. 103–122. [На китайском языке]
13. Шутова Н.В. Потенциальное влияние родительского труда на социально-демографическую профессиональную структуры российского общества // Экономика, социология и право.2016. № 11. С. 85–87.
14. Южакова Э. В., Багирова А.П. Формирование человеческого и соци-

- ального капитала в ходе родительского труда: сходства и различия процесса, затрат и результатов // Социальное пространство. 2019. № 4 С(21).1–9.
15. Ян Д., Ян Я., Хуан Я. Синяя книга по образованию: Отчет о развитии образования в Китае (2015 г.) // Научно-исследовательский институт образования 21 века. 2015. 318с. [На китайском языке]
 16. Alan D. B., Mu R. Migration and the overweight and underweight status of children in rural China // Food Policy. 2011. Vol.36(1), P. 88–100. DOI: org/10.1016/j.foodpol.2010.08.001.
 17. Antia K., Boucsein J., Deckert A., Dambach P., Račaitė J., Šurkienė G., Jaenisch T., Horstick O., Winkler V. Effects of International Labour Migration on the Mental Health and Well-Being of Left-Behind Children: A Systematic Literature Review // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020; T. 17(12). P. 1–17. DOI:10.3390/ijerph17124335.
 18. Gu Xiaorong. 'Save the children!': Governing left-behind children through family in China's Great Migration // Current sociology. 2021. P. 1–26. DOI: 10.1177/0011392120985874.
 19. Li H., Yeung W.J. Academic Resilience in Rural Chinese Children: Individual and Contextual Influences // Social indicators research. 2019. Vol. 145. P. 703–717. DOI: 10.1007/s11205–017–1757–3.
 20. Wu Y., Guo Z. An analysis of the nutritional status of left-behind children in rural China and the impact mechanisms of child malnutrition // Children and Youth Services Review. 2020. № 119. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.childyouth.2020.105598.
 21. Zhang H., Behrman J.R., Fan C.S., Wei X., Zhang J. Does Parental Absence Reduce Cognitive Achievements? Evidence from Rural China // Journal of Development Economics. 2014. № 111. P. 181–195. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2014.09.004.

PARENTAL RELATIONSHIPS IN THE SOCIAL GROUP OF “ABANDONED CHILDREN” IN CHINA IN THE 1970S AND 1980S: SUMMARIZING THE RESULTS OF A COMPARATIVE ANALYSIS

Yan D

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article examines the grown up “left behind children” who have become parents. The purpose of the article is to analyze statistical differences in the perceptions of the results of parenting in two groups of parents – those who have experience of being left behind children, and those who do not have such experience. The data collected during the survey of parents conducted in China in 2021 is analyzed. A variety of statistical methods are used – descriptive statistics, tests to identify the significance of differences between groups, correlation analysis. The results of the study are as follows: 1. Regardless of the presence or absence of experience of being in the status of left behind children, parents as subjects of parental labor did not find significant differences in the perceptions that make up the core of the results of parental labor (physical and mental health, safety), as well as in the ranking of academic performance as a potential result of parental labor. At the same time, differences in the representations of the two categories of subjects of parental labor are related to the hierarchy of representations within the core; 2. Regardless of whether the respondents were previously left behind children or were not, the lower the level of education, the more significant the result of parental labor is academic performance. In addition, a higher level of education of respondents-parents who had experience of being among left behind children predetermines a higher significance of such results of parental labor as good habits, formed character, safety, physical and mental health, interpersonal communication skills of their children.

Keywords: parental labor, subject of parental labor, left behind children, perceptions of the results of parental labor, China.

Reference

1. Voroshilov. AI Human capital as a result of parental labor: the experience of sociological understanding // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research. 2015. Vol.1 No. 4. pp.32–43.

2. Joe A., Zhang S. What is more important for children, knowledge or physical and mental health // *Pedagogical theory and practice*. 2008. Vol. 28, pp. 105–106. [in Chinese]
3. Ding Q., Xu N. The impact of labor migration of parents on the health and education of left behind children. [in Chinese]
4. Duan Ch., Yang K. Study of left behind children in rural areas of the country // *Population research*. 2008. Vol.32. No. 3. pp.15–25. [in Chinese]
5. Conclusion of the State Council on strengthening the care and protection of left behind children in rural areas // [Electronic resource]. – Access mode: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-02/14/content_5041066.htm (accessed: 05/04/2022). [in Chinese]
6. Lou L. From “left behind children” to “a new generation of labor migrants” – Study of school dropout and its impact on rural children of senior school age // *Population research*. 2014. Vol. 38. No. 1. pp. 37–50. [in Chinese]
7. Liu L., Wu L. Research on the influence of “experience of being left behind” on the parental choice of “new generation labor migrants” // *Training and Research*. 2019. No. 3(284). pp.28–34. [in Chinese]
8. Liu Ch., Xu F. The experience of being in the status of left behind children and social difficulties – an empirical analysis on the example of new generation labor migrants // *Studies of social development*. 2020. No. 3. pp. 61–78. [in Chinese]
9. Xie D. The impact of the experience of being left behind on the workflow of new generation migrant workers – an empirical test based on data from Beijing in 2015. // *Southern Population*. 2016. Vol.31. No. 3. pp.1–9. [in Chinese]
10. Tan N., Xie Yu. Influence of the experience of being in the role of left behind children on the quality of employment of workers // *Rural Economy of China*. 2019. No. 12. pp.48–64. [in Chinese]
11. Fan S., Guo Q. Review and reflections on the education of left behind children in rural areas // *Journal of China Agricultural University (sociological edition)*. 2015. V. 32. No. 1. S. 55–64. [in Chinese]
12. Han B, Wang X, Zhang Q. Parental Absence and Child Development – How does the experience of being left behind affect adults' earnings? // *Research of social development*. 2021. No. 8 (04). pp.103–122. [in Chinese]
13. Shutova N.V. Potential impact of parental labor on the socio-demographic professional structure of the Russian society // *Economics, sociology and law*. 2016. No. 11. pp.85–87.
14. Yuzhakova E. V., Bagirova A.P. Formation of human and social capital in the course of parental labor: similarities and differences in the process, costs and results // *Social space*. 2019. No. 4 (21). pp. 1–9.
15. Yang D., Yang Y., Huang Y. The blue book on education: A report on the development of education in China (2015) // *Research Institute of Education for the 21st Century*. 2015. 318p. [in Chinese]
16. Alan D. B., Mu R. Migration and the overweight and underweight status of children in rural China // *Food Policy*. 2011. Vol.36(1), pp. 88–100. DOI.org/10.1016/j.foodpol.2010.08.001.
17. Antia K., Boucsein J., Deckert A., Dambach P., Račaitė J., Šurkienė G., Jaenisch T., Horstick O., Winkler V. Effects of International Labor Migration on the Mental Health and Well-Being of Left-Behind Children: A Systematic Literature Review // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17(12). pp.1–17. DOI:10.3390/ijerph17124335.
18. Gu Xiaorong. ‘Save the children!’: Governing left-behind children through family in China’s Great Migration // *Current sociology*. 2021. pp.1–26. DOI: 10.1177/0011392120985874.
19. Li H., Yeung W.J. Academic Resilience in Rural Chinese Children: Individual and Contextual Influences // *Social indicators research*. 2019 Vol. 145. pp.703–717. DOI: 10.1007/s11205-017-1757-3.
20. Wu Y., Guo Z. An analysis of the nutritional status of left-behind children in rural China and the impact mechanisms of child malnutrition // *Children and Youth Services Review*. 2020. No. 119. pp.1–9. DOI: 10.1016/j.childyouth.2020.105598.
21. Zhang H., Behrman J.R., Fan C.S., Wei X., Zhang J. Does Parental Absence Reduce Cognitive Achievements? Evidence from Rural China // *Journal of Development Economics*. 2014. No. 111. pp.181–195. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2014.09.004.

Формирование системы социологического исследования отношения общества к проблемам экологии

Балахнина Александра Геннадьевна,

аспирант, Тюменский государственный университет
E-mail: Ecoferma13@mail.ru

Одной из главных причин того, почему экологическая проблематика остается предметом изучения социальных наук является то, что социальные сообщества, кроме экстремальных условий эколого-техногенной катастрофы, не только реагируют на биофизические параметры окружающей среды, но и воспринимают социальные проблемы, обусловленные антропогенной нагрузкой на окружающую природную среду, в частности экологическую опасность условий повседневного проживания. Для социологического исследования экологической проблематики важным является тот факт, что сама деятельность социальных субъектов, направленная на решение проблем и ликвидацию (минимизацию) экологической опасности, тоже не «экологический» характер, а приобретает конкретное социальное содержание в форме лоббирования экологических законопроектов, разработка экологических программ и планов, непосредственных акций социального протеста с экологическими требованиями, коммуникативных процессов в кругах экологических неправительственных организаций (экоНПО) и зеленом движении.

Ключевые слова: экология, предпринимательство, развитие, структура, система.

Почему природа становится предметом социологического анализа и интересует социологов? Как отмечает австралийский социолог Р. Уайт, социология обычно имеет дело с тремя важными задачами: наблюдением, оценением и социальным действием. Социология окружающей среды призвана превратить эти задачи в анализ и деятельность по экологическим вопросам. Несмотря на специфику экологических вопросов или специфику социальной проблемы, социологический анализ требует учета широкого спектра отношений. Имплементация упомянутых трех замечаний относительно окружающей среды означает:

- осведомленность о том, как экологические проблемы социально конструируются: каким образом происходит мобилизация профессионального знания и как восприятие этих проблем формируется под влиянием различных актеров;
- идентификацию социальных сил и актеров, привлеченных к выявлению, побуждению или реагированию на экологические проблемы институты, индивиды и социальные структуры, которые ассоциируются с отдельным направлением или проблемой;
- рассмотрение, как чувствительное восприятие экологических проблем, регулируется различными методами воздействия, как идеи подвергаются сомнению вследствие политики с помощью права и других средств и каким образом эмоция относительно состояния окружающей природной среды сочетаются с публичным дискурсом: коммуникативные модели, влияющие на формирование социальных проблем и их восприятие;
- исследования, каким образом социальная состоятельность выражается в поддержке отдельных социальных

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00087

интересов, в социальных действиях, которые приводят к неравному распределению актуальных рисков: как именно социальные неравенства проявляются в экологических вопросах (1).

Цель статьи – обосновать важность изучения экологической проблематики для социологического знания; показать основные разработки отечественной социологии в изучении различных аспектов социально-экологической тематики за весь период государственной независимости.

На современном этапе общественного развития социальные и природные аспекты жизни человека целесообразно рассматривать как неотъемлемые: без социального довольно сложно объяснить изменения в окружающей природной среде, а пренебрегая ими, проблематично прогнозировать изменения в социальной. Без регулирования социальных процессов общество может превратить природную среду в непригодную для нормального существования человека, а отсутствие мер по улучшению экологической ситуации может привести к разрушительным социальным процессам, способным прервать поступательное общественное развитие.

Главным следствием этого положения является распространенность и социальная весомость процессов и явлений двойной социально-экологической природы. Поскольку человек является не только поведенческим организмом, но и физико-органической средой, в каждый конкретный промежуток времени занимающая конкретное физическое пространство, необходимо учитывать важность экологического аспекта отношений между индивидами и их действиями.

Социологическое исследование всего комплекса социально-экологических проблем довольно динамично развивается в мировом социологическом сообществе, подтверждением чему стало образование соответствующих самостоятельных исследовательских направлений в рамках международных

научно-исследовательских организаций социологического профиля, а также появление ряда периодических печатных изданий именно по этой проблематике.

Сегодня уже в самой социологии окружающей среды выделилась значительное количество субдисциплин, некоторые из них организационно оформились в виде собственных секций и исследовательских направлений в Американской социологической ассоциации и в Международной социологической ассоциации.

В последние годы под «экологическим зонтиком» сформирован целый ряд новых направлений социологических исследований, среди которых: влияние человеческой деятельности на морские и прибрежные ресурсы, социальное влияние добычи углеводородов, экологическое равенство (неравенство), экофеминизм, экологический расизм (расовая справедливость), индивидуальная реакция на проблемы сохранения здоровья и заболеваемости в условиях загрязнения окружающей среды, утилизация твердых отходов, энергосбережение, экологически сбалансированный бизнес в рекреационных зонах. Необходимость в разработке аналитических концептуальных основ, которые бы объединяли социальные и экологические переменные, требует от социологии рассмотрения окружающей среды как ключевого понятия. Концептуализация этого понятия стала возможной в результате взаимодействия социологии окружающей среды с другими общественными и физико-биологическими науками.

Как известно, предметом социологии окружающей среды являются социальные аспекты, связанные с экологическими проблемами. Однако такое толкование оставляет без внимания факт существования двух общих категорий и явлений, которые касаются окружающей среды и которые следует учитывать в эколого-социологических теориях. Одна категория охватывает «обычные» модели: общественную практику и социальные явления, кото-

рые имеют экологическое измерение и экологическое значение, хотя они и остаются незамеченными и незнанными. Человечество склонно использовать природные ресурсы в производстве, в потреблении вещей и услуг и в институциональном поведении, особенно не задумываясь об интенсивности потребления этих ресурсов или о том, как это повлияет на экосистемы. Подобную практику американский социолог Ф. Баттел назвал «субкультурно-инвайронментальной».

Вторая категория экологических феноменов относится к поведенческим или институциональным моделям, которые являются экологическими по своей сути или имеют отношение к окружающей среде. Осознанная экологическая деятельность представляет собой социальные явления или поведение, где акторы субъективно осознают свою деятельность как такую, что касается окружающей среды, или общественные отношения, в которых по крайней мере некоторые актеры чувствуют причастность своих действий в окружающей среде.

Примером такой деятельности являются экологическая мобилизация, участие в движениях в защиту окружающей среды, в экологических организациях (или, напротив, противодействие экологическим группам или организациям), экологические конфликты и политика, процессы управления окружающей средой, принадлежность к «новой экологической парадигме» и участие в программах рециркуляции (использование вторичного сырья).

Таким образом, социология окружающей среды охватывает исследования:

- социологии природных ресурсов, под которым в американской и западноевропейской социологии понимают социологические исследования, проводимые в рекреационных зонах, рассматривают социальные проблемы управления и политики в области государственных земельных ресурсов, планирование землепользования;
- ресурсозависимых сообществ (в частности, сельских общин гор-

ных регионов, природных резерваций или профессиональных групп, занимающихся исключительно лесозаготовкой или рыболовством);

- экологического движения как разновидности новых социальных движений;
- массового экологического сознания и паттернов повседневного поведения.

Следует признать, что в социологии экологическая проблематика на протяжении новейшего времени государственной независимости продолжает оставаться вне поля зрения исследователей, тогда как в мировой социологии завершился процесс институционализации экологической социологии как самостоятельного теоретического направления.

Особый характер и важность социологической перспективы для изучения взаимоотношений человека и природной среды также являются очевидными, если рассматривать тот факт, что международная социологическая общность предшествует в изучении экологических проблем среди других общественных наук (3).

Возник термин «карбоновая» цивилизация – бикарбонат, или углекислота – основной создатель парникового эффекта. Конгресс закрепил в современной социологии тот факт, что отныне любой социальный анализ должен содержать и экологический срез. В противном случае анализ будет неполным. Э. Гиденс говорил о низкоуглеродном обществе, которое является абсолютно необходимым условием для дальнейшей устоявшейся модернизации общества. В целом ведущие социологи мира активно приступили к моделированию экологической картины мира будущего, которая ныне является пессимистичной (13).

Главная причина существенного отставания отечественной социологии в исследовании экологической тематики заключается в методологической сложности социологического анализа отношения социальных субъектов к окружающей природной среде как

физического объекта социальных интересов и обусловленной этим потребности экспликации этого объекта в соответствии с указанными исследователем задачами (9).

Неравнозначность осознания окружающей природной среды, как физического компонента социальных интересов заключается в том, что окружающая среда имеет многочисленные подобъекты – не как отдельные (самостоятельные) объекты, а лишь как фрагменты Единой экобиосистемы. Окружающая природная среда является эмпирическим объектом, но ни один социальный субъект не «ощущает» его в целом, а, скорее, отдельные его аспекты. Поэтому окружающую природную среду можно приравнивать к нетронутым человеком территориям, непосредственной среде своего обитания или специфическим территориям, скажем, сельской местности (15).

Кроме того, понятие «природная окружающая среда» вызывает у социальных субъектов разный ассоциативный ряд, в зависимости от системы социальных ценностей, культурного уровня и образа жизни (12).

В частности, необходимость провозглашения природоохранных мероприятий может основываться на различных ценностных ориентациях в восприятии окружающей среды. Если природную среду рассматривают как ресурс для развития экономики и промышленности, как второстепенное и подчиненное социокультурному развитию, то охрана окружающей среды воспринимается, как рациональное природопользование, необходимое для обеспечения общественного развития. Признание самодостаточной ценности природной среды, независимо от его включенности в социокультурную систему, предполагает понимание охраны природы, как условия развития человеческой активности.

Для когнитивного компонента массового выявления экологических интересов характерно, прежде всего, преобладание экономических ценностей над экологическими, что является про-

изводной существующего социально-экономического кризиса. Нерешенность проблем материального обеспечения на уровне повседневных потребностей населения приводит к значительному нивелированию экологических ценностей в массовом сознании.

Доминантой аффективного компонента экологических установок является однозначно негативная оценка как влияния экологических условий на здоровье наших граждан, так и перспективы необратимого загрязнения окружающей природной среды в России (2).

Диссонанс между когнитивным и аффективным компонентом экологических установок заключается в особенностях формирования обеспокоенности экологическими проблемами, а также объясняется существующим уровнем социогенных рисков (14). Следует признать, что общественная обеспокоенность экологическими проблемами являются следствием не столько непосредственной информированности и соответствующих знаний об экологических условиях повседневного проживания (что иллюстрирует уровень осведомленности респондентов относительно уровня безопасности действующих АЭС для людей и природной среды), сколько результатом эмоционального восприятия этих условий.

Анализируя результаты мониторинга, необходимо учитывать принципиальную разницу между категориями «знание» и «мнение». Следовательно, объект общественного мнения должен обязательно допускать спорность и безусловность оценок. Во время проведения мониторингового исследования, кроме изучения общественного мнения по экологическим проблемам в ее «чистом виде», оценивается и фактический уровень экологических знаний населения.

Деятельность экологических неправительственных организаций (Эко НПО), в целом экологическое движение, является объектом ряда исследований. Большинство отечественных социологов, рассматривая различные аспекты экологизации общества, ак-

центрирует внимание на общественной рефлексии экологической проблематики. Эта рефлексия приобретает экономико-технологическую окраску, тогда как процесс институционализации экологических интересов, по нашему мнению, дает возможность проследить также обратную трансформацию самого общества в силу необходимости решения экологических проблем.

Специфика объекта экологических интересов заключается в том, что помимо социальных институтов и социальных групп, способных влиять на решение экологических проблем (социальный объект экологических интересов), таковыми выступают также конкретные экологические характеристики окружающей среды отдельной территории (физический объект экологических интересов). Если социальный объект экологических интересов определяет вероятную модель социального взаимодействия между различными субъектами экологических интересов, то физический объект наполняет их экологическим содержанием, делает возможным выделение экологической проблемы и конкретное ее выдвигание (11).

Учитывая двухкомпонентную природу объекта экологических интересов автором разработана их структура.

В частности, социальный компонент дает возможность классифицировать экологические интересы по типу их носителя (субъекта), по типу субъекта ответственности за имеющиеся экологические проблемы (объекта экологических интересов) и средством их реализации. Носителями могут выступать: отдельный индивид, социально-профессиональная группа, экоНПО и зеленое движение, территориальная община как отдельного населенного пункта, так и определенной административно-территориальной единицы национального государства, населения всей страны, международное сообщество отдельных регионов, а также мировое сообщество в целом (4).

Указанные носители рассматривают собственные экологические инте-

рессы, в зависимости от их содержания. Так, для большинства рядовых граждан экологические интересы – это, прежде всего, решение проблем, связанных с экологической безопасностью повседневной жизни. Для экологистов (активистов зеленого движения, членов экоНПО) эти интересы охватывают также сохранение биоразнообразия и, собственно, эстетический компонент окружающей природной среды. В конце концов, субъекты международного права нередко рассматривают экологические интересы, как составляющую национальной безопасности страны.

Посредством реализации можно выделить экологические интересы, которые реализуются через судебные процессы, законотворческую деятельность, акции социальной протеста экологической направленности и благодаря переговорам между социальными субъектами разного уровня. Самый оптимальный для носителя экологических интересов путь их реализации должен учитывать ресурсы (человеческие и финансовые), а также характер и особенности собственно объекта этих интересов. Следовательно, уровень оптимально выбранного пути реализации существенно повышает возможность носителя реализовать свои экологические интересы (6).

Социальным объектом экологических интересов может выступать социальная общность, как совокупность автономных индивидов; сеть экоНПО и зеленое движение в целом; государственные природоохранные органы, властные структуры различного уровня; отдельные учреждения, организации и предприятия. Два последних социальных объекта нередко персонафицированы ответственными должностными лицами. Нетрудно заметить, что субъект экологических интересов может, при определенных обстоятельствах, стать социальным объектом этих интересов и наоборот.

Такие преобразования определяются, прежде всего, направленностью (конкретной практикой) взаимоотношений: «субъект – социальный объ-

ект – субъект», что, собственно, и определяет конкретного субъекта и, соответственно, социальный объект экологических интересов. При этом важно отметить, что социальный объект, в зависимости от полюса экологической направленности его деятельности, может рассматриваться субъектом экологических интересов как дополнительный ресурс или как проблемное поле. Типичным примером может служить деятельность государственных природоохранных органов, которые в одном случае могут способствовать реализации экологических интересов, а в другом – только тормозить их.

Физический (экологический) компонент делает возможным классификацию экологических интересов через выявление реальных экологических проблем. Однако амплитуда этих проблем чрезвычайно велика, поэтому сам термин «окружающая природная среда» имеет несколько значений и охватывает многие аспекты. Одним из самых распространенных в экологической социологии путей дифференциации общи проблем окружающей среды является выделение трех «субстантивных проблем» – загрязнение окружающей среды, сохранение природы и проблемы народонаселения.

В зависимости от остроты определенных экологических проблем определяют уровень значимости экологических интересов: базовые (например, экологическая безопасность) и второстепенные. С учетом временного континуума выделяют также длительные и краткосрочные экологические интересы. Последние относятся к двум компонентам объекта экологических интересов, поскольку временная продолжительность их обусловлена эффективностью взаимодействия заинтересованных социальных субъектов и физическим (экологическим) характером конкретной проблемы. В то же время следует заметить, что уровень значимости определенных экологических интересов определяется не только экологическим, но и в значительной степени социальным компонентом, поскольку

требует адекватного общественного осознания этих интересов (10).

Исследование экологических интересов позволило автору прийти к двум выводам. Во-первых, объект экологических интересов географически «привязан» к конкретным территориям, на которых проживают отдельные социальные сообщества. Во-вторых, успешная институционализация экологических интересов может быть достигнута тогда, когда их объектом является экологическая проблема, которая охватывает несколько разнородных социальных субъектов и приобретает соответствующий мощный социальный резонанс (5).

Методология исследования экологического интереса должна основываться на комплексном подходе, который шире традиционного социологического подхода. Необходимо одновременно учитывать социальное и биологическое в личности, рассматривать всю совокупность политико-экономических, социально-психологических, культурологических и других факторов формирования экологических интересов, признания феномена «биосоциального параллелизма» в жизнедеятельности человеческого сообщества.

Экологические интересы, с социологической точки зрения, правомерно рассматривать как видовое понятие, частный случай родового понятия «социальный интерес». Экологические интересы как разновидность интересов социальных являются производной не только взаимоотношений человека (общества) с окружающей природной средой, но и, собственно, социального взаимодействия субъектов по реализации этих интересов. Носителями этих интересов могут быть различные социальные субъекты – от индивида до международного сообщества. Поскольку экологический интерес есть, по сути, особой разновидностью социального интереса, то и механизм его институционализации должен соответствовать основным правилам институционализации социального интереса (7).

Процесс осознания экологических интересов непременно предполагает

минимальный уровень общественного внимания к физическому объекту этих интересов, то есть к определенной экологической проблеме. Особенность этого процесса в обществе времен социальной трансформации заключается в том, что на первый план выходит не столько усиление общественного внимания к экологическим проблемам, сколько активизация усилий довольно ограниченной социальной группы – коалиции эконПО – по экологической безопасности повседневной жизни. Кроме того, в обществе социогенных рисков целесообразнее говорить не о постепенном общественном осознании экологической проблематики, а о ситуативном усилении общественного внимания к такого рода проблемам, вызванном конкретными случаями экологической угрозы здоровью человека.

В статусно-иерархической структуре социальных ценностей экологические ценности занимают далеко не первое место, что препятствует экологизации массовых социальных практик и участия рядовых граждан в процессе институционализации экологических интересов. В то же время экологические условия проживания вызывают достаточно негативную эмоциональную оценку у большинства населения, что объективно стимулирует обращение внимания социологов к необходимости исследования проблем, которые непосредственно касаются экологической безопасности проживания человека.

С большой вероятностью можно утверждать: экологическая проблема, которая воспринимается конкретной территориальной общиной или социальной группой, как составляющая их экологической безопасности, становится также объектом их интереса и наоборот, если экологическая проблема не воспринимается как таковая, она не становится и объектом соответствующего интереса.

Подводя промежуточные результаты многолетнего социологического наблюдения, можно подчеркнуть важность исследования экологической проблематики для отечественной со-

циологической науки. Проблема изучения отражения экологической ситуации в социальном поведении и ориентации различных социальных групп населения имеет исключительно важное научно-практическое значение, в том числе и для принятия экологически значимых управленческих решений. В отечественной социологии назрела необходимость разработки методик изучения общественного мнения по экологическим проблемам на уровне конкретных социальных общностей. Подобная методика призвана обеспечить решение ряда задач, главными из которых является анализ структуры и особенностей общественного мнения по социально-экологическим проблемам; прогнозирование изменений в общественном мнении по этой проблематике; определение наиболее острых социальных эмоций и настроений, вызванных сложившейся экологической ситуацией; определение носителей и выразителей общественного мнения социально-экологических проблем; выбор среди альтернативных вариантов оптимальных средств и способов решения социально-экологических проблем.

Литература

1. Anisimov, A. P., & Matytsin, D. E. (2022). The Concept and Types of Environmental Entrepreneurship. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 254, 303–313. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_25
2. Barkov, A. V., Grishina, Y. S., Demchenko, M. V., & Ruchkina, G. F. (2020). Assessment of the prospects for the implementation of the theoretical model of legal support of social and environmental entrepreneurship. *EurAsian Journal of BioSciences*, 14(1), 1367–1371.
3. Diale, C. D., Kanakana-Katumba, M. G., & Maladzi, R. W. (2021). Environmental entrepreneurship as an innovation catalyst for social change: A systematic review as a basis for future research. *Advances in Science, Technology and Engineering Systems*, 6(1),

- 393–400. <https://doi.org/10.25046/aj060145>
4. Dudin, M. N., Ivashchenko, N. P., Gurinovich, A. G., Tolmachev, O. M., & Sonina, L. A. (2019). Environmental entrepreneurship: Characteristics of organization and development. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 6(4), 1861–1871. [https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.4\(22\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.4(22))
 5. Filatova, U. (2020). Environmental entrepreneurship as a type of social entrepreneurship. In *E3S Web of Conferences* (Vol. 164). <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016411026>
 6. Gregori, P., Holzmann, P., & Wdowiak, M. A. (2021). For the sake of nature: Identity work and meaningful experiences in environmental entrepreneurship. *Journal of Business Research*, 122, 488–501. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.09.032>
 7. Hörisch, J., Kollat, J., & Brieger, S. A. (2017). What influences environmental entrepreneurship? A multi-level analysis of the determinants of entrepreneurs' environmental orientation. *Small Business Economics*, 48(1), 47–69. <https://doi.org/10.1007/s11187-016-9765-2>
 8. Inshakova, A. O., & Deryugina, T. V. (2022). Main Trends and Prospects for the Development of Legislation on Environmental Entrepreneurship. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 254, 327–336. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_27
 9. Inshakova, A. O., Deryugina, T. V., & Tumakov, A. V. (2022). Legal Incentives as a Means of Mediating the Development of Environmental Entrepreneurship. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 254, 315–325. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_26
 10. Lenox, M., & York, J. G. (2012). Environmental Entrepreneurship. *The Oxford Handbook of Business and the Natural Environment*. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199584451.003.0004>
 11. Piwowar-Sulej, K., Krzywonos, M., & Kwil, I. (2021). Environmental entrepreneurship – Bibliometric and content analysis of the subject literature based on H-Core. *Journal of Cleaner Production*, 295. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126277>
 12. Rahimi, N. H. Z., Rasul, M. S., & Yassin, R. M. (2019). The role of environmental factors, entrepreneurship experiences and entrepreneurship orientation on entrepreneurship teaching practices. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*, 7(6), 200–210.
 13. Sun, H., Pofoura, A. K., Adjei Mensah, I., Li, L., & Mohsin, M. (2020). The role of environmental entrepreneurship for sustainable development: Evidence from 35 countries in Sub-Saharan Africa. *Science of the Total Environment*, 741. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.140132>
 14. York, J. G. (2018). It's getting better all the time (can't get no worse): The why, how and when of environmental entrepreneurship. *International Journal of Entrepreneurial Venturing*, 10(1), 17–31. <https://doi.org/10.1504/IJEV.2018.090982>
 15. York, J. G., O'Neil, I., & Sarasvathy, S. D. (2016). Exploring Environmental Entrepreneurship: Identity Coupling, Venture Goals, and Stakeholder Incentives. *Journal of Management Studies*, 53(5), 695–737. <https://doi.org/10.1111/joms.12198>

FORMATION OF A SYSTEM OF SOCIOLOGICAL RESEARCH OF SOCIETY'S ATTITUDE TO ENVIRONMENTAL PROBLEMS

Balakhnina A.G.

Tyumen State University

One of the main reasons why environmental issues remain the subject of study of social sciences is that social communities, in addition to the extreme conditions of an ecological and man-made disaster, not only react to the biophysical parameters of the environment, but also perceive social problems caused by anthropogenic stress on the environment, in particular the environmental danger of everyday living conditions. For the sociological study of environmental issues, it is important that the very activity of social actors aimed at solving prob-

lems and eliminating (minimizing) environmental hazards is also not “ecological” in nature, but acquires a specific social content in the form of lobbying environmental bills, the development of environmental programs and plans, direct social protest actions with environmental requirements, communication processes in the circles of environmental non-governmental organizations (ecoNPO) and the green movement.

Keywords: ecology, entrepreneurship, development, structure, system.

References

1. Anisimov, A. P., & Matytsin, D. E. (2022). The Concept and Types of Environmental Entrepreneurship. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 254, 303–313. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_25
2. Barkov, A. V., Grishina, Y. S., Demchenko, M. V., & Ruchkina, G. F. (2020). Assessment of the prospects for the implementation of the theoretical model of legal support of social and environmental entrepreneurship. *EurAsian Journal of BioSciences*, 14(1), 1367–1371.
3. Diale, C. D., Kanakana-Katumba, M. G., & Maladzi, R. W. (2021). Environmental entrepreneurship as an innovation catalyst for social change: A systematic review as a basis for future research. *Advances in Science, Technology and Engineering Systems*, 6(1), 393–400. <https://doi.org/10.25046/aj060145>
4. Dudin, M. N., Ivashchenko, N. P., Gurinovich, A. G., Tolmachev, O. M., & Sonina, L. A. (2019). Environmental entrepreneurship: Characteristics of organization and development. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 6(4), 1861–1871. [https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.4\(22\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2019.6.4(22))
5. Filatova, U. (2020). Environmental entrepreneurship as a type of social entrepreneurship. In *E3S Web of Conferences* (Vol. 164). <https://doi.org/10.1051/e3s-conf/202016411026>
6. Gregori, P., Holzmann, P., & Wdowiak, M. A. (2021). For the sake of nature: Identity work and meaningful experiences in environmental entrepreneurship. *Journal of Business Research*, 122, 488–501. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.09.032>
7. Hörisch, J., Kollat, J., & Brieger, S. A. (2017). What influences environmental entrepreneurship? A multilevel analysis of the determinants of entrepreneurs' environmental orientation. *Small Business Economics*, 48(1), 47–69. <https://doi.org/10.1007/s11187-016-9765-2>
8. Inshakova, A. O., & Deryugina, T. V. (2022). Main Trends and Prospects for the Development of Legislation on Environmental Entrepreneurship. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 254, 327–336. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_27
9. Inshakova, A. O., Deryugina, T. V., & Tuzmakov, A. V. (2022). Legal Incentives as a Means of Mediating the Development of Environmental Entrepreneurship. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 254, 315–325. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_26
10. Lenox, M., & York, J. G. (2012). Environmental Entrepreneurship. *The Oxford Handbook of Business and the Natural Environment*. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199584451.003.0004>
11. Piwowar-Sulej, K., Krzywonos, M., & Kwil, I. (2021). Environmental entrepreneurship – Bibliometric and content analysis of the subject literature based on H-Core. *Journal of Cleaner Production*, 295. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126277>
12. Rahimi, N. H. Z., Rasul, M. S., & Yassin, R. M. (2019). The role of environmental factors, entrepreneurship experiences and entrepreneurship orientation on entrepreneurship teaching practices. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*, 7(6), 200–210.
13. Sun, H., Pofoura, A. K., Adjei Mensah, I., Li, L., & Mohsin, M. (2020). The role of environmental entrepreneurship for sustainable development: Evidence from 35 countries in Sub-Saharan Africa. *Science of the Total Environment*, 741. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.140132>
14. York, J. G. (2018). It's getting better all the time (can't get no worse): The why, how and when of environmental entrepreneurship. *International Journal of Entrepreneurial Venturing*, 10(1), 17–31. <https://doi.org/10.1504/IJEV.2018.090982>
15. York, J. G., O'Neil, I., & Sarasvathy, S. D. (2016). Exploring Environmental Entrepreneurship: Identity Coupling, Venture Goals, and Stakeholder Incentives. *Journal of Management Studies*, 53(5), 695–737. <https://doi.org/10.1111/joms.12198>

Воздействие технологий искусственного интеллекта на социальные отношения

Семина Татьяна Васильевна,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, кафедра современной социологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: stv.semina1911@yandex.ru

Го Вэй,

аспирантка, кафедра современной социологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: 909605566@qq.com

Развитие искусственного интеллекта и его внедрение во многие сферы жизнедеятельности человека обусловило необходимость социологического осмысления влияния данной технологии на общество и индивида, в частности. Неоднозначный эффект искусственного интеллекта на общество создает новые вызовы для социологии. В рамках статьи рассмотрена эволюция социологических исследований новых технологий, выявлены перспективы изучения искусственного интеллекта в социологии. Используя метод контент-анализа, авторы решают проблему определения текущего состояния социологических исследований искусственного интеллекта, выявления тенденций и перспектив социологического осмысления его влияния на общество и человека. В статье делается вывод о том, что перед современной социологией стоит ряд вопросов, связанных с изучением социального влияния искусственного интеллекта на макро- и микроуровне. Необходимость глубокого изучения широкого круга проблем применения искусственного интеллекта и влияния на общество и человека определяет перспективность формирования специальной области научного знания – социологии искусственного интеллекта.

Ключевые слова: социология, искусственный интеллект, вызовы, технологии, современное общество.

В настоящее время искусственный интеллект (ИИ) все более активно интегрируется в социальное пространство, формируя принципиально новую систему социально-экономических отношений. В то же время, последствия внедрения технологий ИИ в различные сферы человеческой жизнедеятельности носят неоднозначный характер, ставя перед социологической наукой новые задачи. В связи с этим, в условиях активного развития ИИ и его воздействия на общество происходят определенные изменения в социологии, что обусловило актуальность темы настоящей статьи.

Искусственный интеллект – это направление современной науки, которое изучает способы обучить компьютер, роботизированную технику, аналитическую систему разумно мыслить также как человек. Данная технология появилась во второй половине прошлого столетия, в связи с очевидными преимуществами ее использования, она быстро получила распространение во многих сферах жизнедеятельности человека и продолжает более широко внедряться в его жизнь [10].

Например, только в Китае в ближайшие несколько лет отмечается устойчивый рост сферы ИИ более чем на 20% в год, а к 2025 г. по прогнозам экспертов размер рынка ИИ достигнет 453,3 млрд юаней (для сравнения в 2019 г. его объем составлял 108,9 млрд юаней) [9]. Технологии искусственного интеллекта активно распространяются в здравоохранении, образовании, промышленности и других сферах, которые тесно связаны с обществом и жизнью человека. Продолжая рассматривать пример Китая, можно отметить, что под действием масштабного использования ИИ происходит трансформация рынка труда. Многие исследователи рассматривают данный аспект влияния на общество. Существующая литература в основном

изучает влияние искусственного интеллекта на общую занятость и структуру занятости. При обзоре литературы установлено, что, с одной стороны, искусственный интеллект заменит часть труда, снизит уровень занятости рабочей силы и снизит оплату труда, с другой стороны, искусственный интеллект также может создать новые рабочие места, повысить спрос на труд и увеличить трудовой доход [12; 13; 14].

Многие исследователи отмечают важность изучения ИИ в социологии. Например, А. Резав и Н. Трегубова пишут, что «социология и искусственный интеллект в равной мере необходимы друг другу» [1], указывая на двустороннюю взаимосвязь между социологией и новой технологией. Это проявляется, с одной стороны, в необходимости изучения влияния ИИ на общество и социальные процессы, и с другой стороны, в высокой значимости применения возможностей ИИ в социологических исследованиях.

В настоящей статье мы ставим две задачи:

- определить закономерности эволюции социологии техники и технологий в научном сообществе;
- выявить тенденции и перспективы социологического осмысления искусственного интеллекта.

Настоящее исследование не претендует на полноту охвата социологических исследований, посвященных ИИ, и ставит целью формирование общего представления о вызовах социологии на фоне развития ИИ и его повсеместного использования обществом и человеком. Технологические прорывы способствуют развитию производительных сил, стимулируя появление новых профессий и вместе с тем можно прогнозировать исчезновение целого ряда профессий, сегодня еще востребованных на рынке труда.

В социологии всегда особое внимание уделялось состоянию жизни человека в конкретных социально-исторических условиях. В эпоху новой технологической революции, возникла потребность в изучении влияния тех-

ники и технологий на общество и человека, что привело к появлению нового направления – социологии техники, а затем и расширения поля ее изучения за счет исследований технологий. Целью данной дисциплины выступает прояснение взаимоотношений между техникой и обществом. Основоположником социологии техники в России выступил П.К. Энгельмейер.

В ранних исследованиях техника рассматривалась как специфическое социальное явление. В первой половине XX столетия в работах социологов преобладал детерминистический подход к изучению взаимоотношений техники и общества, полагавший, что изменения второго являются причиной развития первого. Однако, такой подход вскоре сменился научной парадигмой, предполагающей, что не только развитие техники влияет на общество, но и социальные тенденции выступают одной из причин эволюции техники.

С 1980-х гг. исследования в этом русле начали изменяться, появились направления, изучавшие влияние конкретных видов техники на социум. В результате выделились три теоретико-концептуальных подхода: теория социального конструирования технологий, теория технологических систем и теория сетей акторов, способствовавших развитию социологии новых технологий до уровня эмпирически зрелой дисциплины.

В эти годы появились работы нескольких американских социологов, в которых были выдвинуты идеи относительно влияния технологий на человеческое общество. Среди них Дж. Эллур переосмыслил технологию с точки зрения социальных явлений, сделал вывод о зависимости технологической системы от генерации и циркуляции информации, основанной на данных о деятельности человека [5]. Л. Виннер выдвинул идею о привнесении новыми технологиями в человеческое общество новых моделей поведения, отметив, что тенденция к информатизации олицетворяет собой тоталитарную форму контроля [8]. Д. Бэлл акцентировал

внимание на изменениях в социальной структуре постиндустриального общества [3]. Тем самым, в 1980-е гг. были положены новые шаги к социальному осмыслению технологий.

В 90-е гг. Р. Вольти в результате исследований влияния технологий на изменения в обществе, отметил, что это влияние должно исследоваться с позиций «трех социологий» – знаний, профессиональной занятости и организаций [7]. В эти же годы, Б. Бимбер отметил существование технологического детерминизма в нормативной, правовой и непреднамеренной формах, выделив среди них наиболее значимой зависимость социальных изменений от технологического развития на уровне законов и принципов [4]. Следовательно, в этот период исследователями предпринимались попытки расширить изучаемое поле влияния технологий на общество.

В 80–90-е гг. в западной социологии появился ряд работ по ИИ, в которых анализ проблем проводился на основе разных теоретико-методологических подходов, но в дальнейшем данный интерес был ослаблен [1]. В целом, до начала XXI вв. в социологии технология ИИ изучалась фрагментарно, что вполне обосновано социально-историческими условиями развития данной технологии. Стоит отметить, что с момента своего появления в 1956 г. и до настоящего времени были развиты несколько поколений ИИ и только лишь треть из них, которое позволило достичь создания подобного мозгу человека программного устройства, было замечено в виду создаваемых им социальных угроз для человека, многие из которых до сих пор недостаточно изучены.

В 2000–2010 гг. на фоне еще более стремительного развития технологий, появились новые попытки социологического осмысления их влияния на общество и человека. Х. Актерхейс, подчеркивая формирование технологий под влиянием социального фактора, выходит за логические рамки независимого развития технологий, ставя перед научным социологическим сообществом

новый ориентир в изучении технологий с позиций их рисков для общества [2]. Позже С. Харти, используя концепцию «технического кода» Файнберга, провела анализ технологий на социальном уровне, используя качественные методы исследования технологических проблем в обществе в эпоху цифровых технологий [6].

В китайской науке исследования влияния технологий на общество получили развитие с 2010-х гг. В последнее десятилетие было опубликовано несколько фундаментальных работ по этой теме, включая «Технологии и общество» Сы Ханьву (2013 г.), второй том «Социальных исследований в Китае» Цю Цзэци (2018 г.), полностью посвященный социологии технологий. В 2020 г. в Социологическом научном обществе Китая был создан Комитет по социологии технологий, что выступает свидетельством официального формирования социологии технологий в Китае как самостоятельной научной области.

Технология ИИ является одним из новых проявлений технологической эволюции на фоне модернизации индустриальной цивилизации. С постоянным улучшением ИИ возник ряд новых социальных явлений с большей неопределенностью и сложностью, что открывает новые границы для социальных исследований данного феномена. Социологические исследования должны учитывать развитие технологии ИИ в цифровую эпоху от макроскопической социальной структуры, социальных изменений и социального порядка до микроскопических межличностных взаимодействий людей, связанных с рядом социальных проблем, рисков и проблем в индивидуальной жизни. Перед лицом трансформации цифрового общества социальные последствия развития технологий ИИ требуют более всесторонней оценки и глубокого изучения.

Сегодня социальные риски и этические проблемы, которые могут быть вызваны ИИ, становятся все более очевидными. Но исследования «социальных фактов», стоящих за техноло-

гическим прогрессом и развитием ИИ, в академическом мире представлены недостаточно широко [10]. Самый большой риск в эпоху искусственного интеллекта – недостаточное осознание людьми опасностей применения данной технологии. Нельзя позволить, чтобы по причине удобной технической иллюзии люди утратили свое субъективное сознание и автоматически потеряли свою «истинную свободу» как базис человеческого существа. Актуальность реальных проблем, связанных с применением ИИ в разных социальных областях, включая здравоохранение, окружающую среду, киберпространство и безопасность в современном обществе, свидетельствует о важности и огромном потенциале дальнейшего развития социологии искусственного интеллекта как самостоятельной научной дисциплины.

С постоянным изменением социальной структуры с помощью новых технологий, особенно «деглобализации» и «децентрализации», вызванных искусственным интеллектом, последствия технологических инноваций и их применения в обществе часто неясны, что бросает новые вызовы социологическим исследованиям ИИ. В связи с этим, в настоящее время изучение изменений социальной структуры с помощью новых технологий, среди которых искусственный интеллект, является одной из ключевых перспектив в социологических исследованиях технологий.

В результате анализа текущих социологических исследований ИИ также выявлены принципиально новые подходы к рассмотрению данной технологии в новом социальном пространстве. Российские социологи А. Резаев и Н. Трегубова отмечают формирование «искусственной социальности», в которой искусственный интеллект является активным посредником и участником социальных взаимодействий [1]. В исследовании Чэнь Юньсун и Го Вэй говорится об обществе «метавселенной», объединяющей виртуальное и реальное социальное пространство, в котором важная роль отводится искусственно-

му интеллекту. Исследователи отмечают необходимость трансформации социальных концепций за счет преодоления узких границ реального пространства и изучения человека и социальной структуры в новом поле «метавселенной», развитие которого зависит от ИИ [11].

Изучив социальную значимость искусственного интеллекта и современные тенденции в социологической науке, можно сделать вывод о следующих перспективных направлениях социологического осмысления ИИ.

Во-первых, в условиях повсеместного проникновения искусственного интеллекта в социальные сферы, перед социологией стоит задача более глубокого исследования социальных проблем, которые могут быть вызваны искусственным интеллектом.

Во-вторых, развитие искусственного интеллекта ведет к формированию нового человеческого общества, поэтому, на макроуровне возникает потребность раскрытия аспектов влияния искусственного интеллекта на социальные процессы.

В-третьих, искусственный интеллект бросает вызов естественному интеллекту, в некоторой степени заменяя ряд выполняемых человеком функций. В этом контексте важным вопросом современной социологии должен стать вопрос о том является ли данная замена обоснованной и какие возможны последствия такого влияния для индивида.

Таким образом, с развитием технического прогресса и более активным использованием новых технологий в жизни современного общества социология сталкивается с новыми вызовами. Искусственный интеллект, внедряясь в различные сферы жизнедеятельности человека, оказывает существенное влияние на общество и индивида, исследование которых требует создания новой дисциплины – социологии искусственного интеллекта. В виду широкого круга вопросов, стоящих перед социальным применением ИИ, данная дисциплина должна быть направлена

на осмысление как проблем макроуровня, связанных с влиянием ИИ на социальные процессы в обществе, так и микроуровня, определяемого воздействием ИИ на индивидов. В целом можно сделать вывод, что осмысление ИИ как социального феномена является актуальным и необходимым и требует более глубокого изучения в современной социологической науке.

Литература

1. Резаев А., Трегубова Н. От социологии к новой социальной аналитике: кризис социологии и проблема искусственного интеллекта // Социологическое обозрение. – 2021. – № 3. – С. 280–301.
2. Achterhuis H. American philosophy of technology the empirical turn / H. Achterhuis. – Bloomington: Indiana University Press, 2001. – 175 p.
3. Bell D. The advent of post-industrial society – an exploration of social forecasting / D. Bell, chinese translated by Gao Zheng, Wang Hongzhou, Wei Zhangling. – Beijing: Commercial Press, 1984. – P. 1–3.
4. Bimber B. Karl Marx and the three faces of technological determinism // Social studies of science. – 1990. – No. 2. – P. 333–351.
5. Ellul J. The technological system / J. Ellul. – New York: The Continuum Publishing Corporation, 1980. – 362 p.
6. Harty C. Innovation in construction: a sociology of technology approach // Building Research & Information. – 2005. – No. 6. – P. 512–522.
7. Volti R., Ma Huidi. Sociology and Technology Research // Research on Dialectics of Nature. – 1992. – No. 1. – P. 53–56.
8. Winner L. The whale and the reactor: a search for limits in an age of high technology / L. Winner. – Chicago: The University of Chicago Press, 1986. – P. 98–117.
9. Масштабы индустрии искусственного интеллекта Китая с 2019 по 2025 год [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://nimg.ws.126.net/?url=http%3A%2F%2Fdingyue.ws.126.net%2F2021%2F0402%2F-bf257daaj00qqxa5f0019c000jg-00bkm.jpg&thumbnail=650x-2147483647&quality=80&type=jpg> (дата обращения 01.04.2022).
10. Чжоу Люйцзюнь, Люй Пэн. «Стремится к хорошему» и «стать хорошим»: алгоритмическое управление в эпоху искусственного интеллекта и исходное участие социальных наук // Цю Суо. – 2022. – № 1. – С. 135–142.
11. Чэнь Юньсун, Го Вэй. Социологические проблемы в метавселенной: теоретическое видение и эмпирическое измерение параллельного общества // Общественные науки Цзянсу. – 2022. – № 4. – С. 1–9.
12. Ван Цзюнь, Чан Хун. Ход исследования влияния искусственного интеллекта на рынок труда // Экономическая динамика. – 2021. – № 8. – С. 146–160.
13. Ши Лун, Чжан Цаньин, Цюй Ичэнь, Пэн Вэй. Влияние развития технологий искусственного интеллекта на занятость и контрмеры // Экономический рынок науки и технологий. – 2021. – № 8. – С. 36–37.
14. Ян Сюэлин, Ли Вэньсинь, Гао Жан. Влияние технологий искусственного интеллекта на рынок труда Китая // Обзор отраслевой экономики. – 2021. – № 2. – С. 65–77.

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES ON SOCIAL RELATIONS

Semina T.V., Guo Wei

Moscow State University M.V. Lomonosov

The development of artificial intelligence and its implementation in many areas of human life has necessitated a sociological understanding of the impact of this technology on society and the individual, in particular. The ambiguous effect of artificial intelligence on society creates new challenges for sociology. Within the framework of the article, the evolution of sociological research of new technologies is considered, and prospects for the study of artificial intelligence in sociology are identified. Using the method of content analysis, the authors solve the problem of determining the current state of sociological

research on artificial intelligence, identifying trends and prospects for sociological understanding of its impact on society and man. The article concludes that modern sociology faces a number of issues related to the study of the social impact of artificial intelligence at the macro and micro levels. The need for a deep study of a wide range of problems of the use of artificial intelligence and the impact on society and a person determines the prospects for the formation of a special field of scientific knowledge – the sociology of artificial intelligence.

Keywords: sociology, artificial intelligence, challenges, technologies, modern society.

References

1. Rezaev A., Tregubova N. From sociology to new social analytics: the crisis of sociology and the problem of artificial intelligence // *Sociological Review*. – 2021. – No. 3. – P. 280–301.
2. Achterhuis H. American philosophy of technology the empirical turn / H. Achterhuis. – Bloomington: Indiana University Press, 2001. – 175 p.
3. Bell D. The advent of post-industrial society – an exploration of social forecasting / D. Bell, chinese translated by Gao Zheng, Wang Hongzhou, Wei Zhangling. – Beijing: Commercial Press, 1984. – P. 1–3.
4. Bimber B. Karl Marx and the three faces of technological determinism // *Social studies of science*. – 1990. – No. 2. – P. 333–351.
5. Ellul J. The technological system / J. Ellul. – New York: The Continuum Publishing Corporation, 1980. – 362 p.
6. Harty C. Innovation in construction: a sociology of technology approach // *Building Research & Information*. – 2005. – No. 6. – P. 512–522.
7. Volti R., Ma Huidi. Sociology and Technology Research // *Research on Dialectics of Nature*. – 1992. – No. 1. – P. 53–56.
8. Winner L. The whale and the reactor: a search for limits in an age of high technology / L. Winner. – Chicago: The University of Chicago Press, 1986. – P. 98–117.
9. Scale of China's AI industry in 2019–2025 [Electronic source] // Access mode: <http://nimg.ws.126.net/?url=http%3A%2F%2Fdingyue.ws.126.net%2F2021%2F0402%2Fbf257daaj00qqa5f0019c000jg00bkm.jpg&thumb-nail=650x2147483647&quality=80&type=jpg> (date of access 01.04.2022).
10. Zhou Lvjun, Lv Peng. “Being Good” and “Being Good”: Algorithmic Governance in the Age of Artificial Intelligence and Participation at the Source of Social Science // *Quest*. – 2022. – No. 1. – P. 135–142.
11. Chen Yunsong, Guo Wei. Sociological Issues in the Metaverse: Theoretical Vision and Empirical Dimension of Parallel Society // *Jiangsu Social Sciences*. – 2022. – No. 4. – P. 1–9.
12. Wang Jun, Chang Hong. Research progress on the impact of artificial intelligence on the labor market // *Economic Developments*. – 2021. – No. 8. – P. 146–160.
13. Shi Long, Zhang Canying, Qu Yichen, Peng Wei. The impact of artificial intelligence technology development on employment and countermeasures // *Science and Technology Economic Market*. – 2021. – No. 8. – P. 36–37.
14. Yan Xueling, Li Wenxin, Gao Ran. The impact and impact of artificial intelligence technology on my country's labor market // *Industrial Economic Review*. – 2021. – No. 2. – P. 65–77.

Социальный капитал как социальный ресурс управления российских организаций в условиях изменяющейся управленческой среды

Игумнов Олег Александрович,

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра экономической теории и менеджмента, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

E-mail: oleg_igumnov@mail.ru

В статье представлен авторский подход к анализу социального капитала как ресурса социального управления. Отмечено, что анализ социального капитала с позиции методов его измерения и интерпретации полученных данных представляет одну из проблем его теоретического осмысления. В статье представлены обобщённые данные масштабного исследования структуры социального капитала российских организаций, в частности его структурного, когнитивного и реляционного компонентов, по результатам которого сделан вывод о том, что когнитивный и реляционный компоненты обладают более высоким коэффициентом корреляции, непосредственно выражая содержательные аспекты социальных отношений в организациях. На основе кластеризации исследованных организаций с использованием метода многомерного статистического анализа по показателям «солидарность», «управление» и «взаимопомощь» были выделены и описаны 3 группы российских организаций.

Ключевые слова: социальный капитал, социальный ресурс, управление, структурный компонент социального капитала, когнитивный компонент социального капитала, реляционный компонент социального капитала, аффилиация, социальная солидарность.

Социальный капитал мы рассматриваем как социальный ресурс управления организациями, обладающий существенным потенциалом повышения их эффективности и устойчивости функционирования. В этом качестве анализ специфики его формирования и развития имеет высокую теоретическую и практическую значимость.

Отметим, что в теории социального капитала одной из сложных и наиболее подвергаемых критике является проблема методов его измерения, а также последующей интерпретации полученных результатов в соответствии с теоретической позицией исследователя. Как правило, исследования проводятся на материалах конкретных организаций, что потенциально даёт возможность более точной оценки структуры и содержания их социального капитала. Вместе с тем указанный подход не решает проблему вариативности организационной среды, а потому и не позволяет в достаточной мере выявить роль ряда значимых факторов.

Для решения указанных задач нами было проведено исследование структуры социального капитала российских организаций (N=421) с использованием метода опроса. Респонденты отбирались из числа лиц, занимающих руководящие должности разных уровней. Гендерный состав опрошенных руководителей отражает, в целом, специфику гендерного состава РФ, в котором преобладают женщины (мужчины – 44%, женщин – 56%). Возраст опрошенных также отражает возрастную структуру экономически активного населения РФ, в которой преобладают граждане в возрасте 25–55 лет.

В структуре опрошенных преобладают руководители, имеющие высшее образование (86%), доля руководителей со средним специальным и средним образованием составляет 14%.

Респонденты имеют преимущественно стаж работы от 3-х до 10 лет и более 10 лет, что можно расценивать как достаточный опыт руководящей работы в организации.

Опрос проводился с участием менеджеров, представляющих организации из 52 субъектов РФ, включающих как развитые промышленные регионы различных федеральных округов, так и регионы-реципиенты, что позволило провести диагностику уровня развития социального капитала, формирующегося в различных социально-экономических условиях. Наиболее значимыми определены 18 регионов, из которых поступило более 2% ответов (что составляет 60% массива данных). В структуре организаций, российские организации составляют 98,8%, что в целом соответствует предмету исследования.

Существенное значение в обеспечении разнообразия организационной среды и решении задач исследования имеет отраслевая структура компаний. Сравнение с данными официальной статистики предприятий показал, что необходимый уровень отраслевого разнообразия и репрезентативности, в целом, достигнут.

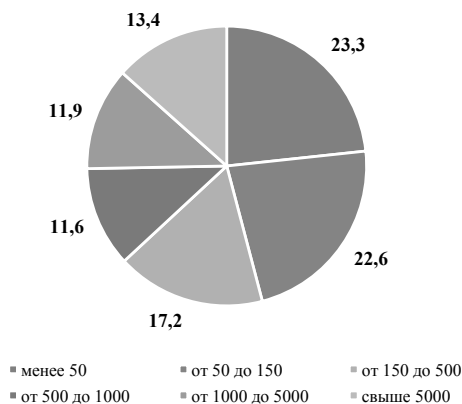

Рис. 1. Распределение организаций по численности персонала (чел.), %

Другим важным параметром, от которого, как мы полагаем, зависят условия формирования социального капитала и который определяет каче-

ство выборки, является размер организации. Распределение организаций-респондентов в зависимости от численности персонала представлено на рис. 1.

Анализ данных, полученных в ходе исследования, позволяет охарактеризовать состояние социального капитала российских организаций, а также его отдельных компонентов.

Для оценки структурного компонента использовались 5 индикаторов: 1) фактические возможности обращения к другим сотрудникам; 2) среднее число коллег, с которыми поддерживаются регулярные контакты (помимо непосредственно связанных с выполнением должностных обязанностей); 3) интенсивность контактов с коллегами; 4) стабильность сети социальных контактов; 5) наличие в организации «информационных брокеров» – лиц, выступающих в качестве социально-информационных посредников между работниками.

Оценка возможностей обращения к членам своей рабочей группы непосредственного трудового коллектива прогнозируемо оказалась наибольшей, причем более половины респондентов выбрали крайнее значение 7-балльной шкалы для их характеристики. Среднее значение таких возможностей для этой категории коллег составило 5,9 баллов. В отношении двух других категорий – малознакомых коллег и руководителей – эти оценки составили 4,3 и 4,6 баллов соответственно.

Таким образом, возможности обращения к коллегам за пределами ближнего круга оцениваются чуть выше среднего и как мало отличающиеся друг от друга. При этом подчеркнём, что на фоне этих общих оценок, структурные возможности социального капитала в организациях существенно различаются. Об этом, в частности, свидетельствует и достаточно большое значение стандартного отклонения, которое составило для трёх упомянутых категорий 1,57 (свой коллектив), 1,83 (малознакомые) и 1,95 (руководители) соответственно.

Оценки структурных возможностей контактов являются коррелирующими, хотя и в различной мере: коэффициент корреляции Спирмена для всех трёх пар переменных составил: 0,56 (ближний круг и малознакомые), 0,48 (ближний круг и руководители), 0,65 (малознакомые и руководители). Различия в значении коэффициента корреляции можно с определённой степенью аппроксимации интерпретировать как проявление определённой автономии формирования социальных связей в трудовом коллективе по отношению к формированию социальных связей за его пределами, хотя в целом условия доступности контактов могут рассматриваться именно как общеорганизационный феномен.

Второй индикатор структурного социального капитала – среднее число коллег, с которыми работники поддерживают неформальное общение. Формулировка вопроса предполагала свободный ответ с указанием числа коллег для различных категорий в диапазоне от 0 до 99. Медианные значения составили: для отношений внутри коллектива – 10 человек; для отношений с малознакомыми коллегами – 10 человек; для отношений с руководителями – 3 человека.

Выявленная неоднозначность в использовании данного индикатора компенсируется наличием другого индикатора с близким по смыслу значением – интенсивность контактов с коллегами. Ответы на данный вопрос выглядят более правдоподобно и не содержат признаков неверной интерпретации. Частота взаимодействия внутри трудового коллектива, в который непосредственно включены респонденты, является наибольшей, что представляется вполне естественным, поскольку обусловлено самой природой организации труда.

Четвёртый индикатор, используемый для измерения структурного компонента социального капитала – стабильность социальных связей. Обобщение ответов на опрос, показывает, что для российских организаций, в целом, характерна высокая степень устойчиво-

сти социальных связей, то есть стремление поддерживать отношения в течение длительного периода времени.

Высокий или умеренно высокий уровень стабильности социальных отношений, характерный для большинства исследованных российских организаций, соответствует высокой потребности в стабильности и предсказуемости, типичной для российской деловой культуры.

Тем не менее, лишь чуть более четверти организаций можно охарактеризовать как статичные; очевидно, что в условиях рыночной экономики поддержание более ригидных социальных структур практически невозможно. Лишь в очень небольшом числе организаций (2,9%) уровень нестабильности и подвижности социальной среды несовместим с возможными формированиями социальных связей и – как следствие – развития социального капитала.

Индикатор структурного компонента социального капитала, редко оказывающийся в фокусе внимания исследователей, – ролевая структура организации, а точнее, наличие в ней специфических ролей «информационных брокеров». Такие позиции, не обязательно являясь формальными, обеспечивают циркуляцию значимой информации и фасилитацию контактов между сотрудниками, непосредственное взаимодействие которых в нормальных условиях по тем или иным причинам затруднено.

Выраженная ориентация на поддержание стабильной социальной среды способствует естественному возникновению «информационных брокеров» и посредников, в роли которых могут выступать секретари, линейные руководители, опытные сотрудники или просто коммуникативно-активные работники, вовлечённые в широкие сети социальных связей. Появление информационного брокериджа и иных форм социального взаимодействия является отражением процесса формирования «зон социального влияния, которая выступает средством самоорганизации совместной жизнедеятельности работ-

ников на основе того или иного типа социального взаимодействия, основанного на актуализации их социальной роли как активных субъектов управления»¹.

Можно предположить, что для большинства российских организаций характерен такой информационный «брокеридж», основанный на естественном развитии социальных отношений, а не на информационно-коммуникационном администрировании. Информационные «брокеры» объективно выполняют роль активных участников процесса формирования когнитивного компонента социального капитала организации.

Общая качественная оценка структурных возможностей формирования социального капитала организации позволяет охарактеризовать их как достаточно высокие для развития социальных связей. При этом очевидно, что более существенными являются возможности для развития социальных связей внутри рабочих групп по сравнению с аналогичными возможностями в масштабах всей организации.

Следующее измерение социального капитала – когнитивное – исследовалось по следующим индикаторам: 1) сложности в общении, связанные с социокультурной гетерогенностью персонала в РФ; 2) степень самоидентификации и социальной солидарности; 3) разделяемые системы представлений.

Общая оценка по 7-балльной шкале средней сложности в общении, вызванной различиями в языке, возрасте, культуре, политических или религиозных представлениях, в целом по выборке составила 2,5 балла, причем более 40% отметили, что в их организации отсутствуют какие-либо проблемы в общении подобного рода. Такие оценки могут свидетельствовать о низкой степени социокультурной гетерогенности и разнообразия рабочей силы в большинстве организаций.

Вместе с тем, более чем в четверти организаций (26%) проблемы в деловых коммуникациях всё же отмечаются; оценка сложности в общении варьируется от 4 до 7 баллов. Можно предположить, что сложности в коммуникации могут являться одной из причин снижения организационной эффективности, что актуализирует эту управленческую проблему в организации.

Исключительный интерес представляют оценки степени социально-корпоративной солидарности работников как одного из социальных ресурса управления. Респонденты оценивали, в какой степени считают себя членами одной команды, чувствуют свою общность и солидарность, основанные на общих ценностях и целях, а также их сходной интерпретации (рис. 2).

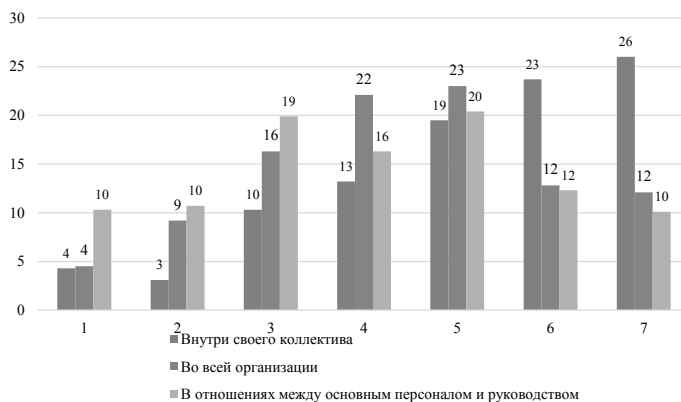

Рис. 2. Воспринимаемая степень общности и групповой солидарности в разных типах отношений (1 балл – низкая степень, 7 баллов – высокая степень),%

¹ Иванов С.Ю. Социально-ориентированное управление организацией на принципе зональности. Автореферат... докт. соц. наук. М., 2010. – 56 с. – С. 14–15.

Показательно, что число организаций, в которых социальная солидарность в иерархических отношениях оценивается как высокая, приблизительно равна числу организаций, в которых она, наоборот, крайне низка. В четверти организаций от выборки различия в самоидентификации, как можно предположить, закладывают социальную когнитивную основу антагонизма в отношении между руководством и персоналом. Это, по нашему мнению, связано с тем, что в данных организациях, вероятно, существует проблема формирования единых ценностей и основанных на них целей, а также единого организационного тезауруса для их интерпретации, что также можно рассматривать как актуальную управленческую проблему, решение которой будет способствовать формированию когнитивного компонента социального капитала.

Отсутствие неизбежности в формировании общих культурных перспектив и схем восприятия как следствия совместной социально-трудовой деятельности проявляется и при использовании третьего индикатора когнитивного аспекта социального капитала. Средняя оценка наличия разделяемых когнитивных моделей организации составила 4,2 балла по 7-балльной шкале. Большинство респондентов склонны выбирать средние значения шкалы, что затрудняет рациональную рефлекссию разделяемых схем восприятия в организации. Однако тот факт, что в ряде случаев выбираются и крайние значения шкалы, показывает, что субъективно внутренняя организационная среда может восприниматься по-разному.

Это, в свою очередь, является косвенным признаком того, что степень взаимопонимания и наличия общей когнитивной основы для взаимодействия может варьироваться в широких пределах. Тем самым использование данного индикатора для оценки когнитивной предпосылки формирования социального капитала полагаем в целом обоснованным.

Важным указанный индикатор представляется также и с точки зрения

корпоративного управления, поскольку общая когнитивная основа формирует единый организационный тезаурус, а посредством взаимопонимания и общей когнитивной основы формируются и закрепляются организационные идеологии, отражающие как глубинную сущность организации, а также выражающие отношение к данной сущности.

Суммируя, можно сделать вывод, что все индикаторы, используемые для измерения когнитивного аспекта социального капитала, являются актуальными (работоспособными) и отражают важные различия между организациями. Для российских организаций характерны, в целом, умеренно-позитивные когнитивные условия формирования социального капитала. При этом, как и в случае структурного аспекта, существуют явные признаки преобладания отношений аффилиации, что выражается в заметно более успешном формировании групповой идентичности на уровне небольших коллективов.

Реляционный компонент социального капитала выражает наиболее существенные аспекты содержания социальных связей в организации. Для измерения реляционного компонента были использованы следующие индикаторы: 1) доверие к коллегам; 2) готовность оказать различные виды помощи; 3) выраженность норм универсализма и взаимности; 4) эффективность социального контроля в отношении просоциального поведения.

Доверие – один из наиболее распространенных индикаторов социального капитала; во многих случаях последний фактически редуцируется к доверию. Этот подход имеет право на существование, и важность доверия как фундаментальной социальной предпосылки формирования устойчивых и плодотворных социальных связей и взаимодействий не вызывает сомнений. В рамках исследования были измерены показатели доверия, во-первых, работников по отношению к коллегам, а во-вторых, руководителей по отношению к подчиненным и к работникам в целом.

Полученные данные, представленные с использованием инвертированной 5-балльной шкалы для оценки среднего уровня доверия в организации, позволяют представить ранжированный ряд доверия по типам отношений: доверие работников к членам своего коллектива – 3,8 балла; доверие руководителей работникам – 3,4 балла; доверие руководителей другим руководителям – 3,3 балла; доверие работников руководителям – 3,3 балла; доверие работников малознакомым коллегам – 2,9 балла. Приведённые данные показывают максимальный уровень взаимного доверия внутри небольших рабочих групп, что дополнительно подтверждает особую значимость отношений аффилиации для российских организаций.

Вместе с тем отметим, что почти половина респондентов выбрала умеренно высокую, а не максимальную оценку, а более четверти не готовы признать, что даже внутри коллектива отношения являются подлинно доверительными. Подобный разрыв в уровне доверия является серьёзным препятствием для развития «слабых» горизонтальных связей.

Просоциальные установки – не менее важный элемент социального капитала организации. Помимо того, что индикаторы просоциальных установок входят в структуру интегральных показателей социального капитала, они имеют и самостоятельную ценность. В отличие от доверия они определяют моральную и психологическую готовность индивида к определённому поведению. Дизайн нашего исследования позволяет дифференцировать просоциальные установки не только по значимости оказываемой помощи, но и по типу социальных отношений. Респонденты оценивали по 5-балльной шкале среднюю готовность работников оказать разные виды помощи своим коллегам.

Третья составляющая реляционного компонента социального капитала – нормативная, характеризующая действующие в организации социальные нормы и систему социального кон-

троля. В рамках нашего исследования были измерены три нормативных элемента: выраженность норм универсализма, взаимности, а также эффективность социального контроля, проявляющаяся в типичных и ожидаемых реакциях на проявления дискриминации и несправедливости.

Все нормативные элементы измерялись при помощи пар полярных утверждений, образующих противоположные точки шкалы, положение на которой респондент должен определить, характеризую свою организацию. Обратим внимание на разнообразие нормативной организации российских предприятий, в том числе наличие значительной доли предприятий с ярко выраженной воспринимаемой асоциальностью и аномией. Корреляционный анализ показал наличие достаточно высокого уровня связи между различными элементами нормативной среды. Так, коэффициент корреляции Спирмена составил: для норм универсализма и взаимности – 0,628; для норм универсализма и социального контроля – 0,459; для норм взаимности и социального контроля – 0,551.

По результатам исследования были рассчитаны сквозные частные индексы социального капитала и интегральные индексы социального капитала по типам социальных отношений (аффилиация, иерархия, обмен)². В итоге реляционный компонент рассчитывался как среднее значение от трёх показателей, характеризующих отношения доверия, просоциальные установки и нормативную среду.

В табл. 1 приведены средние значения для трёх компонентов социального капитала в целом по выборке, характеризующие общее состояние социального капитала российских организаций.

Когнитивный компонент социального капитала в российских организациях в целом более выражен, чем структур-

² Игумнов О.А. Социальный капитал российских организаций: подходы к операционализации и измерению // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2020. – № 2. – С. 39–46. – С. 44–45.

ный и реляционный. Это отражает, как мы полагаем, важность символической стороны социальных отношений в российской деловой культуре. Вместе с тем общий разброс значений между разными индексами не очень высок, а распределение организаций по каждому компоненту близко к нормальному.

Таблица 1. Средние значения сквозных частных индексов социального капитала (СК)

Индекс	Среднее значение	Стандартное отклонение
Структурный СК	0,549	0,139
Когнитивный СК	0,610	0,209
Реляционный СК	0,532	0,171

Нормальный характер распределения сквозных индексов является косвенным признаком качества использованного инструментария и методики исследования, а также иллюстрирует разнообразие российских организаций с точки зрения различных особенностей социальной среды. Коэффициенты корреляции Пирсона (для переменных интервальной шкалы) для трёх пар индексов составили: для структурного и когнитивного компонентов СК – 0,485; для структурного и реляционного компонентов СК – 0,582; для когнитивного и реляционного компонентов СК – 0,682.

Данные результаты свидетельствуют, с одной стороны, о внутренней связности разных аспектов социального капитала, а во-вторых, об обоснованности необходимости их дифференциации. Тем самым общая теоретическая модель, предложенная до начала исследования, получила своё эмпирическое подтверждение.

Более высокий коэффициент корреляции для когнитивного и реляционного компонентов также соответствует общей теоретической логике нашего подхода, поскольку, в отличие от структурного, они в значительной степени непосредственно выражают содержательные аспекты социальных отношений в организации.

Проведённые нами расчеты показали, что среднее значение социального капитала российских организаций составляет 0,564 (ст. отклонение = 0,148) при использовании метода, основанного на среднем арифметическом значении сквозных частных индексов, и 0,207 (ст. отклонение = 0,153) при использовании мультипликативной процедуры.

В ходе исследования нами была проведена процедура кластеризации на основе многомерного статистического анализа, для чего было отобрано 35 переменных для оценки по пятибалльной шкале. Все исходные переменные измерялись в 5-балльной порядковой шкале. Для применения методов многомерного статистического анализа данные были преобразованы.

Выделение смысловой составляющей из полученных ответов было проведено с помощью методики Ш. Шварца, которая заключается в определении средней по всем ответам (*mean*) и поправкой всех переменных на данную величину путем вычитания из существующих значений по каждому пункту опросника средней величины. Таким образом, можно получить новые центрированные переменные, отражающие сравнительную значимость той или иной проблемы из пула вопросов по отношению к средней значимости всех проблем. Центрированные переменные были нормально распределены, что позволило провести многомерный кластерный анализ различными методами, используемыми при работе с количественными данными.

Для проведения анализа применялся статистический пакет *IBM SPSS Statistics 25*. На первом этапе анализа из исходных переменных были получены центрированные переменные, имеющие нормальное распределение в количественной шкале, затем была уменьшена размерность для сокращения числа независимых переменных и выделения главных факторов для последующей классификации организаций в соответствии с указанными факторами. Для этого был проведен компонентный анализ, который показал

устойчивую факторную структуру показателей.

На следующем этапе был проведён анализ графика вида «каменистая осыпь» (рис. 3), оценённый по новым переменным, и выбраны 3 компоненты, объясняющие наибольшую часть дисперсии первоначальных переменных.

Таким образом, на основе 35 переменных были получены три некоррелированных компоненты, которые в сумме объясняют 87,4% дисперсии исходных переменных. Извлечённые компоненты главных компонент близки к единице, что свидетельствует об успешном снижении размерности.

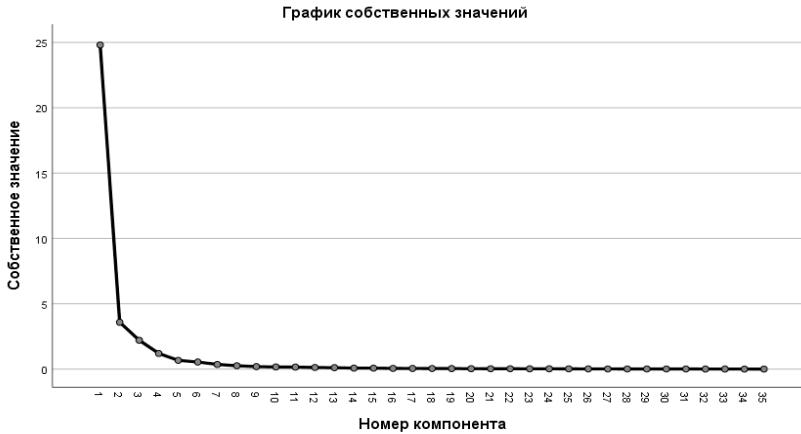

Рис. 3. График «каменистая осыпь»

Наибольший вклад в первую компоненту вносят переменные качества коммуникации (доверие и солидарность, коммуникабельность, корпоративная среда), то есть переменные, характеризующие *степень солидарности и доброжелательности*. Во вторую компоненту вошли блоки «условия труда» и «корпоративная среда», характеризующие *организационную составляющую труда*. Третья компонента характеризует уровень *поддержки и коммуникабельности (взаимопомощи) сотрудников и включает* блоки «поддержка» и «коммуникабельность» (интенсивности общения). Таким образом, были получены три логично интегрированных показателя для классификации организаций. Сформированные главные компоненты получили следующие названия: компонента 1 – «Солидарность», компонента 2 – «Управление», компонента 3 – «Взаимопомощь».

Для наглядного представления распределения переменных была визу-

ализирована трехмерная диаграмма по компонентам (рис. 4). Точки обозначают центрированные переменные. Скопление точек в разных областях трехмерного пространства свидетельствуют о качественном преобразовании в компоненты.

Диаграмма компонента во вращаемом пространстве

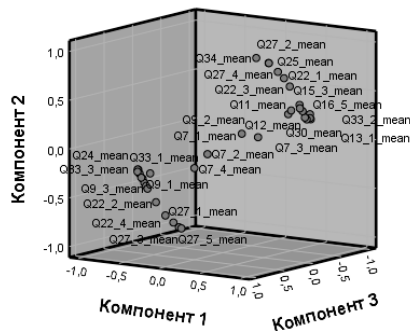

Рис. 4. Диаграмма компонентов во «вращаемом» пространстве

По полученным факторам был проведен кластерный анализ. Разделе-

ние на кластеры первоначально было произведено методом иерархического агломерационного кластерного анализа, поскольку данный метод позволяет наглядно представить кластеризацию с помощью дендрограммы. Иерархический кластерный анализ позволил также определить оптимальное количество кластеров.

В результате иерархического кластерного анализа было сформировано 3 кластера. Для подтверждения качества разбиения на кластеры был прове-

дён альтернативный кластерный анализ с использованием метода К-средних.

Количество кластеров – три – было задано по результатам иерархического кластерного анализа. Дисперсионный анализ (ANOVA) (табл. 2) показал, что переменные «Управление» и «Солидарность» вносят наибольший вклад в результат классификации, а также обеспечивают наибольшее расстояние между кластерами, исходя из значения F-критерия. Следовательно, данные переменные имеют ключевое значение в формировании кластеров.

Таблица 2. Дисперсионный анализ кластеров, полученных методом К-средних

	Кластер		Ошибка		F	p-уровень
	Средний квадрат	ст. св.	Средний квадрат	ст. св.		
Солидарность	113,1	2,0	0,5	418,0	243,9	0,000
Управление	113,9	2,0	0,5	418,0	248,1	0,000
Взаимопомощь	15,3	2,0	0,9	418,0	16,5	0,000

Полученные по иерархическому методу кластеры были сравнены с разбиением по методу К-средних. Данные, приведённые на рис. 5, отражают средние значения сформированных трёх компонент по трём кластерам в разрезе двух методов классификации.

Средние значения по двум методам примерно одинаковы, что означает корректность кластерного анализа. В каждом кластере было получено примерно одинаковое количество наблюдений, что также свидетельствует о качественном разбиении.

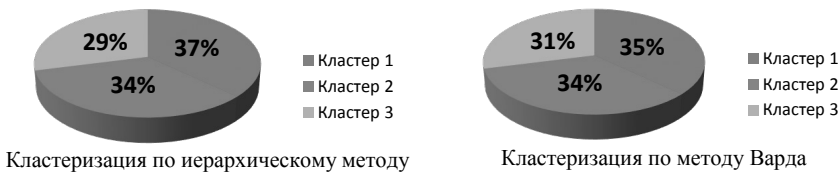

Рис. 5. Кластеризация российских организаций по иерархическому методу и методу Варда

Для описания кластеров в табл. 3 приведены средние значения главных компонент, которые стандартизованы (значение компоненты, близкое к нулю, характеризуется как среднее). Иерархический анализ, проведённый с использованием метода Варда, позволил выделить 3 кластера, после чего проведено сравнение результатов кластеризации с результатами кластеризации по методу К-средних.

Кластеры распределились по различным характеристикам (компонентам), из которых можно заключить о том, что в анализируемой выборке выделены три группы организаций: 1) организации с оптимальным уровнем корпоративного управления, но с незначительно сниженной удовлетворённостью взаимоподдержкой работников; 2) организации с достаточно благоприятным социально-психологическим кли-

матом, но с недостаточным уровнем корпоративного управления; 3) организации с низким уровнем социально-

психологического климата, но с достаточным уровнем организации взаимопомощи работников.

Таблица 3. Профили кластеров по иерархическому методу и методу Варда

		Количество наблюдений	Солидарность	Управление	Взаимопомощь
		среднее значение			
Кластеризация по иерархическому методу	1	155	0,33	0,89	-0,32
	2	145	0,59	-0,82	0,06
	3	121	-1,14	-0,15	0,34
Кластеризация по методу Варда	1	145	0,32	0,94	-0,38
	2	143	0,65	-0,76	0,04
	3	133	-0,94	-0,11	0,31

По нашему мнению, организации, выделенные в каждом кластере, обладают потенциалом развития социального капитала при повышении уровня взаимоподдержки и развития взаимозависимости работников (кластер 1), совершенствовании качества корпоративного управления организацией (кластер 2) и активного применения социоресурсного подхода в корпоративном управлении (кластер 3).

Литература

1. Иванов С.Ю. Социально-ориентированное управление организацией на принципе зональности. Автореферат... докт. соц. наук. М., 2010. – 56 с. – С. 14–15.
2. Игумнов О.А. Социальный капитал российских организаций: подходы к операционализации и измерению // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2020. – № 2. – С. 39–46.

SOCIAL CAPITAL AS RUSSIAN ORGANIZATIONS SOCIAL MANAGEMENT RESOURCE IN A CHANGING MANAGEMENT ENVIRONMENT

Igumnov O.A.

Moscow Pedagogical State University

The article presents the author's approach to the social capital as a resource of social manage-

ment analysis. It is noted that the social capital analysis from the standpoint of methods of its measurement and interpretation of the data obtained is one of the problems of its theoretical understanding. The article presents generalized data from a large-scale study of the of social capital of russian organizations structure, in particular its structural, cognitive and relational components. The conclusion is that cognitive and relational components have a higher correlation coefficient directly expressing the substantive aspects of social relations in the organizations. On the basis of the studied organizations clustering using the method of multidimensional statistical analysis 3 groups of russian organizations were identified and described according to the indicators «solidarity», «management» and «mutual assistance».

Keywords: social capital, social resource, social management, social capital structural component, social capital cognitive component, social capital relational component, affiliation, social solidarity.

References

1. Ivanov S. Yu. Socially-oriented management of the organization on the principle of zoning. Abstract... Dr. social Sciences. M., 2010. – 56 p. – S. 14–15.
2. Igumnov O.A. Social capital of Russian organizations: approaches to operationalization and measurement // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. – 2020. – No. 2. – P. 39–46.

Социальное самочувствие пожилых людей в условиях цифровизации

Кузванова Ангелина Леонидовна,

д-р социол. наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиала РАНХиГС
E-mail: angelina2000@list.ru

Зоркова Валерия Александровна,

канд. социол. наук, Волгоградский институт управления – филиала РАНХиГС
E-mail: shirjaeva_v@mail.ru

Надежкина Елена Юрьевна,

канд. биол. наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоградский государственный медицинский университет
E-mail: gurinae@mail.ru

Исследование направлено на изучение эмоционально-когнитивной, поведенческой и адаптивной составляющих социального самочувствия пожилых людей в условиях цифровизации. Для решения исследовательских задач были использованы методы анкетного опроса и глубинного интервью. В анкетировании приняли участие 254 человека в возрасте от 60 до 80 лет и старше, проживающих в г. Волгограде; глубинные интервью были проведены с 20 пожилыми волгоградцами. Значительная часть участников опроса (46,5%) испытывают чувство ущемленности в условиях цифровизации. Пожилые люди в возрасте 70–79 лет чаще других сталкиваются с трудностями при использовании цифровых технологий. Больше половины опрошенных выразили уверенность в том, что при отсутствии цифровой грамотности пожилой человек может оказаться в состоянии социальной эксклюзии. В целях решения проблемы цифрового неравенства между людьми разного возраста необходимо создание «Университета третьего возраста», главной целью которого должно стать оказание эффективной помощи людям пенсионного возраста в вопросе успешной адаптации к цифровой среде.

Ключевые слова: социальное самочувствие пожилых людей, цифровизация.

Введение

Актуализация проблематики, связанной с изучением социального самочувствия пожилых людей в условиях цифровизации, обуславливается тем, что глобальной тенденцией развития современного общества становится демографическое постарение. Согласно данным ООН численность людей старше 60 лет составляет в мире более 1 миллиарда человек. В русле мировых тенденций складывается демографическая ситуация и в современной России, где по данным Министерства труда и социальной защиты каждый четвертый россиянин находится в возрасте старше трудоспособного. Процессы цифровизации, влекущие за собой внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни современного социума, создают основания для появления новых требований к пожилому человеку, имеющих отношение к практическим цифровым компетенциям, то есть к умениям и навыкам по использованию информационно-коммуникационных технологий.

Степень научной изученности выделенной нами проблематики не соответствует, на наш взгляд, ее актуальности и значимости. Полноценных исследований, полностью посвященных данной тематике, нет. В имеющемся массиве научных публикаций есть отдельные научные разработки, связанные с освещением лишь некоторых аспектов проблематики. Условно эти научные труды можно разделить на несколько основных направлений. В рамках первого из них вектор научного поиска связан с изучением роли цифровых технологий в жизни пожилых людей. Так, в работе М.М. Scheffer, J. Menting, H.R. Boeije анализируется связь между наличием способности к самоменеджменту и цифровым участием пожилых людей [11]. Научная публикация В.В. Neves, G. Mead посвящена проблеме «цифрового разрыва» между поколениями и принятия

информационно-коммуникационных технологий людьми старшего возраста [9]. В статье N. Yashany, S.-S. Mazloomi-Mahmoodabad, H. Mihanpour, S.-S. Seyed-Khameshi, S. Gerayllo, A. Nabil изучается роль смартфонов в преодолении депрессивных состояний у пожилых пенсионеров [12]. Значение информационно-коммуникационных технологий в реализации социальных технологий по преодолению социальной изоляции и одиночества людей пенсионного возраста оказалось в фокусе внимания таких исследователей, как F. Ibarra, M. Baez, L. Cernuzzi, F. Casati [4]. В научной публикации H. Köttl, V. Gallistl, R. Rohner, L. Ayalon

предметом анализа стали барьеры, препятствующие активному использованию пожилыми людьми цифровых технологий в повседневной жизни [5].

В научных работах, которые относятся ко второму направлению, акцент сделан на изучение факторов, влияющих на социальное самочувствие людей пенсионного возраста. Так, социальные предикторы субъективного благополучия пожилых людей оказались в фокусе исследовательского интереса таких авторов, как G. Cheng, Y. Yan [6]. Научная публикация T. Nakagawa, G. Nülür посвящена изучению связи между социальной интеграцией и уровнем удовлетворенности жизнью у пожилых людей [8]. В работе O.B. Сиявской, A.A. Червяковой, Д.Е. Каревой исследуется влияние социальной активности на уровень ощущения счастья людей в возрасте старше 50 лет [3]. Личная мобильность как предиктор профессионального здоровья и благополучия в пожилом возрасте стала предметом исследования в научной работе Т.Т.Б. Сергеевой, А.А. Печеркиной, Н.С. Глуханюк, Г.И. Борисова [1].

В третьем блоке публикаций актуализируется тематика, имеющая отношение к изучению поведенческих практик пожилых людей, связанных с реализацией концепции успешного старения, проблемой инфантилизации старшего поколения и действия геронтостереотипов, с выявлением роли цифровиза-

ции в повышении уровня качества жизни пожилого человека. К примеру, в работе M. Plugge исследуется проблема несоответствия субъективного восприятия пожилыми людьми своей успешности и данных объективного измерения этого показателя [10]. А.В. Микляева в своей научной публикации рассматривает инфантилизацию как модель поведения старшего поколения, основанную на отрицательных геронтостереотипах, из-за которых люди пенсионного возраста воспринимаются как дети [2]. В работе O.A. Kryzhanovskij, N.A. Baburina, A.O. Ljovkina делается вывод о том, что цифровые технологии являются лишь инструментом трансформации социально-экономических процессов и нуждаются в грамотном использовании, чтобы обеспечить прогресс и благополучие для всех, без возрастной дискриминации [7].

Таким образом, анализ имеющейся научной литературы, так или иначе касающейся выбранной нами проблематики, показал, что степень изученности темы исследования является неадекватной ее научной и общественной значимости. За пределами исследовательского интереса оказались такие значимые проблемы, как выявление характеристик социального самочувствия пожилых людей в условиях цифровизации, ее влияние на уровень их удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия, оценка людьми пенсионного возраста положительных и негативных последствий внедрения цифровых технологий, видение ими перспектив развития цифровизации и связанной с ней возможной социальной эксклюзии старшего поколения.

Материалы и методы

Целью исследования стало выявление основных характеристик социального самочувствия пожилых людей в условиях внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни современного общества. Цель обусловила постановку следующих исследовательских задач: 1) дать характеристику эмоционально-когнитивной составляющей социального

самочувствия пожилых людей в условиях цифровизации; 2) дать описание поведенческой составляющей социального самочувствия представителей изучаемой социально-демографической группы; 3) выявить характеристики адаптивной составляющей социального самочувствия людей пенсионного возраста; 4) определить пути повышения уровня социального самочувствия пожилых людей в условиях внедрения цифровых технологий.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза о том, что социальное самочувствие пожилых людей в условиях цифровизации характеризуется ощущением проявлений социальной эксклюзии, вызванной наличием «цифрового разрыва» между поколениями.

Исследование

Выводы настоящей работы основаны на материалах двух социологических исследований: 1) анкетного опроса пожилых людей, проживающих в г. Волгограде (январь-апрель 2020 г., было опрошено 254 респондента, тип выборки – гнездовая), 2) глубинных интервью пожилых волгоградцев (апрель 2020 г., в исследовании приняли участие 20 пенсионеров, отбор информантов осуществлялся методом снежного кома).

При анализе собранной информации использовались следующие методы: дескриптивный, компаративный, метод корреляционного анализа, метод систематизации и обобщения, графического представления данных. Статистическая обработка собранной эмпирической информации осуществлялась с помощью программного обеспечения IBM SPSS Statistics.

Результаты и их обсуждение

Эмоционально-когнитивная составляющая социального самочувствия пожилых людей в условиях цифровизации отражает как субъективное значение возникающих в связи с внедрением цифровых технологий ситуаций и объектов для человека, представленное в форме переживания, так и осознанное представление о цифровизации и ее влиянии на по-

ложение пожилого человека в современном обществе.

Анализ данных, полученных в ходе анкетного опроса, показал, что 50% опрошенных ощущают себя в мире современных информационно-коммуникационных технологий лишь удовлетворительно; доля тех, кто оценил свое самоощущение на «хорошо» и «отлично» оказалась незначительной и составила соответственно 13% и 2,4%. Результаты анализа данных глубинных интервью подтвердили наличие этой тенденции.

– Ничего, нормально. Но маленечко, конечно отстаю. Это всё в быстрых темпах развивается. Молодёжь побольше разбирается, ну молодежи, слава Богу, много, и они помогают, подсказывают, где мне нужно. Главное, чтобы им было хорошо, чтобы они себя прекрасно чувствовали в этом мире технологий (мужчина, 67 лет).

– Ну как? Да никак. Есть они, и есть эти технологии. Телефоны у нас у всех не такие новомодные, а нам и такие в самый раз. Компьютеры нам не нужны. А за квартплату так и будем платить на почте. Банкоматами я тоже не пользуюсь. Если только прихожу в Сбербанк, а там же по этим талонам, ну мне девушка даст его и сию, жду свою очередь (женщина, 73 лет).

Изменения в различных сферах жизни современного общества, вызванные внедрением цифровых технологий, вызывают неоднозначную реакцию со стороны пожилых людей: каждый третий из респондентов отрицательно относится к этому процессу, 24,6% участников опроса придерживаются нейтральной позиции, выбрав вариант ответа «мне все равно»; лишь пятая часть опрошенных положительно оценивают процесс цифровизации. Распределение ответов респондентов с учетом возраста, представленное в таблице 1, показало, что наибольшее количество отрицательно настроенных к цифровизации в группе 70–79 лет (60,6%). Наиболее велика доля тех, кто положительно оценивает

трансформацию общества под влиянием информационно-коммуникационных технологий, в группе участников опроса в возрасте 60–69 лет.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к изменениям в различных сферах жизни общества, вызванным внедрением цифровых технологий?» с учетом возраста, %

Варианты ответов	Возрастные группы		
	60–69 лет	70–79 лет	80 и старше
Отрицательно	8,5	60,6	31,3
Мне всё равно	26,4	13,6	27,8
Положительно	41,9	15,1	6,8
Затрудняюсь ответить	23,2	10,7	34,1

Оценивая положительные последствия цифровизации различных сфер общества, 62,5% опрошенных людей пожилого возраста отметили, что новые технологии позволяют получить возможности общения на расстоянии. Каждый четвертый из участников опроса указал на преимущества электронной оплаты жилищно-коммунальных услуг, позволяющей экономить время. Аналогичную позицию заняли участники глубинных интервью, типичные высказывания которых приведены ниже.

- Это удобно, даже очень. В том плане, что очень многое можно сделать с помощью наших новейших технологий, то есть, например, оплата тех же коммунальных услуг, ведь сейчас не обязательно идти и ехать куда-то в коммунальные компании, чтобы произвести оплату. Это всё можно сделать через телефон или компьютер и не отрываться, не отвлекаться, так скажем (женщина, 63 года).
- Я думаю, это удобно. Без телефонной связи сейчас вообще человек обойтись не может. Телефоны сейчас не только для того чтобы позвонить, поговорить, но их используют для перевода денег, оплаты ком-

мунальных услуг и так далее. У меня дети живут в другом городе, так я с ними каждый вечер на связи, как будто и не уезжали (женщина, 71 год).

Пожилым людям, принявшим участие в опросе, было предложено определить негативные последствия внедрения цифровых технологий. Почти половина опрошенных недовольны тем, что стало меньше живого общения; 23,4% респондентов отметили пагубное влияние цифровизации на здоровье. Для 21,5% участников опроса считают негативной стороной этого процесса тот факт, что освоение технологий требует значительных временных затрат.

Одной из характеристик эмоционально-когнитивной составляющей социального самочувствия пожилых людей в условиях цифровизации является восприятие пенсионерами информационно-коммуникационных технологий как явления, несущего вред или пользу. В том, что в той или иной степени цифровые технологии приносят пользу, уверены 39,1% опрошенных; несколько больше тех, для кого цифровизация ассоциируется с процессом, приносящим вред обществу (разделяющих такую точку зрения оказалось 44,8%).

Социальное самочувствие людей старшего возраста в условиях цифровой трансформации современного общества напрямую определяется уровнем доверия к современным технологиям. Линейное распределение ответов респондентов показывает, что почти половина участников опроса (48,4%) либо однозначно доверяет этим технологиям, либо выбирает вариант ответа «скорее да, чем нет». Принадлежность к определенной возрастной группе выступила в роли дифференцирующего фактора, определив некоторые различия в ответах респондентов (см. табл. 2). Так, в группе участников опроса, чей возраст 80 лет и старше оказалось наименьшее число тех, кто однозначно выразил свое доверие к современным цифровым технологиям. Такое распределение ответов, на наш взгляд,

связано с возрастными особенностями этой группы респондентов, которые в силу ограничений по здоровью и устоявшихся стереотипов испытывают трудности в их использовании и не верят в их надежность и эффективность.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Доверяете ли Вы современным цифровым технологиям?» с учетом возраста, %

Варианты ответов	Возрастные группы		
	60-69 лет	70-79 лет	80 и старше
Да	33,3	19,2	10,6
Скорее да, чем нет	31,0	20,0	12,0
Скорее нет, чем да	12,1	26,9	19,3
Нет	14,5	16,7	38,5
Затрудняюсь ответить	9,1	17,2	19,6

В блок вопросов анкеты, касающихся эмоционально-когнитивной составляющей социального самочувствия пожилых людей в условиях цифровизации, был введен вопрос о том, облегчает ли жизнь пенсионера использование современных цифровых технологий. Более половины участников опроса (53,5%) выбрали утвердительный ответ, продемонстрировав уверенность в том, что цифровые технологии выступают в роли помощников, облегчающих решение повседневных задач. Существенная дифференциация в ответах респондентов обнаружилась при анализе полученных данных с учетом половой принадлежности респондентов (см. таблицу 3). Оказалось, что в женской группе респондентов значительно больше тех, кто уверен в том, что внедрение цифровых технологий значительно упрощает решение повседневных проблем. Можно предположить, что такая ситуация объясняется тем, женщины в силу необходимости ежедневно решать проблемы, касающиеся ведения домашнего хозяйства, вынуждены чаще использовать цифровые технологии

и быстрее их осваивать, убеждаясь в их эффективности.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы, что использование современных технологий существенно облегчает жизнь?», %

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Да, согласен	34,8	60,5
Нет, не согласен	30,4	17,3
Затрудняюсь ответить	34,8	22,2

Процесс внедрения цифровых новаций в практику повседневной жизни пожилых людей сопряжен с риском появления у них ощущения социальной эксклюзии, вызванной трудностями и проблемами при освоении и использовании новых технологий. Участникам опроса было предложено оценить свое состояние и определить, чувствуют ли они себя ущемленными в условиях цифровизации. Анализ полученных данных показал, что однозначной позиции по этому вопросу нет, поскольку ответы респондентов в процентном соотношении распределились примерно поровну: 46,5% участников опроса испытывают чувство ущемленности, а 42,6% опрошенных дали отрицательный ответ на поставленный вопрос.

Поведенческая составляющая социального самочувствия пожилых людей в условиях цифровизации характеризуется их оценкой собственной готовности к использованию информационно-коммуникационных технологий и имеющейся практики их применения. Проведенный анализ анкетных данных показал, что наиболее востребованными являются такие технологии, как мобильный телефон (его используют несколько раз в день 56,3% опрошенных) и цифровое телевидение (47,2% участников пользуются им несколько раз в сутки). Несколько раз в месяц у 40,9% респондентов востребованы информационно-платежные терминалы, с такой же периодичностью 39,8% участников опроса используют

банкоматы. В числе редко используемых цифровых технологий оказались компьютеры (ими не пользуются 48,8% опрошенных) и Интернет (не являются его пользователями 45,7% пожилых людей, принявших участие в опросе). Такой выбор обусловлен, на наш взгляд тем, что и цифровое телевидение, и мобильный телефон, пусть даже и в новом цифровом формате, являются аналогами ранее существовавших телефонов и телевидения, что значительно облегчает процесс их освоения. Компьютер и Интернет являются технологическими новациями в чистом виде, что затрудняет процесс знакомства с ними и привыкания к их использованию.

Важным для нашего исследования было выяснить, сложно ли пожилым людям использовать современные технологии и как часто возникают трудности при их применении. Выяснилось, что больше половины участников опроса (59,5%) не испытывают особых сложностей при использовании цифровых технологий. Однако при конкретизации вопроса в части выяснения частоты возникновения трудностей 23,2% участников опроса выбрали вариант ответа «часто», а 26,8% – позицию «в половине случаев». Анализ данных показал, что принадлежность к определенной возрастной группе выступила в роли дифференцирующего фактора, который обусловил наличие существенных различий в ответах респондентов (см. таблицу 4). Так, в группе участников опроса, чей возраст 70–79 лет, оказалось больше тех, кто часто сталкивается с трудностями при использовании цифровых технологий. 41,3% респондентов в возрасте 60–69 лет считают, что в их повседневной практике случаи затруднений в применении новых технологий крайне редки.

Оценивая свой опыт использования цифровых технологий, 53,2% пожилых людей, принявших участие в опросе, отметили, что цифровые устройства в той или иной степени помогают им в решении повседневных задач. Однако при этом 59,5% опрошенных указали на сложности, которые воз-

никают при применении современных информационно-коммуникационных технологий. В ходе проведения глубоких интервью выяснилось, что для большинства информантов наиболее подходящим способом выхода из затруднительной ситуации становится обращение за помощью к родственникам или сотрудникам соответствующих организаций.

- Не, ну где мне трудно, я туда не лезу, если что, я у внука спрашиваю, он мне подсказывает и помогает. Деньги мне на телефон положит, или даже с телефона на телефон он мне как-то положил (мужчина, 78 лет).
- Сначала было очень трудно разобраться, а теперь со временем, когда несколько раз используешь, стало всё понятно. Тем более рядом с тобой люди стоят, которые помогут. Поэтому я сейчас банкоматом и терминалом могу пользоваться прекрасно (женщина, 65 лет).

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Возникают ли трудности при использовании современных технологий и как часто?» с учетом возраста, %

Варианты ответов	Возрастные группы		
	60–69 лет	70–79 лет	80 и старше
Да, возникают часто	10,3	27,5	21,9
Да, возникают в половине случаев	14,2	20,0	25,8
Да, но редко	41,3	19,6	10,3
Нет, никогда	25,7	15,4	10,0
Затрудняюсь ответить	8,5	17,5	32,0

Помимо трудностей, связанных с освоением цифровых технологий, пожилые люди, принявшие участие в опросе, сталкиваются с их негативным влиянием на здоровье: такой позиции придерживаются 40% опрошенных. Но наличие проблем, упомянутых выше, не помешало большинству участников опроса (76,8%) согласиться с утвержде-

нием о том, что за цифровизацией будущее. Этот факт, на наш взгляд, свидетельствует о взвешенном подходе пожилых людей к сложившейся ситуации, связанной с внедрением цифровых технологий, о попытке взглянуть на содержание проблемы не только с собственной позиции, сложившейся под воздействием возрастных особенностей, но и с точки зрения, основанной на понимании значения научно-технического прогресса для общества.

Адаптивная составляющая социального самочувствия пожилых людей в условиях цифровизации отражает процессы, связанные с приспособлением людей старшего возраста к изменениям, связанным с внедрением цифровых технологических новаций. Распределение ответов на вопрос о наличии желания научиться использовать современные цифровые технологии показывает, что подавляющее большинство респондентов (82,3%) настроены на дальнейшее освоение цифровых устройств. Анализ данных, полученных в ходе глубинных интервью, свидетельствует о том, что у большей части информантов сформировался запрос на прохождение обучения, в результате которого можно было бы повысить уровень цифровой грамотности.

– Да, мне хотелось бы научиться тому, чего я еще не знаю, человек всегда должен учиться, сколько бы лет

ему не было. Хотелось бы научиться правильно пользоваться электронной почтой, у нас сейчас много гаджетов, и они имеют много функций, но мы не особо понимаем в этих функциях. Нужно как-то более понятно в сетевых центрах или там, где покупаются телефоны, расскачивать и показывать, как ими пользоваться (женщина, 61 года).

– Ну, нашему поколению конечно нужно, молодые учатся намного всему быстрее, всё схватывают быстро и всё умеют. А нашему поколению, конечно, нужно какое-то обучение, чтобы всем этим уметь пользоваться. Нужно знать и уметь использовать многое, тогда меньше будет обмана и проблем не только с оплатой коммунальных услуг, но и с переводами денег (женщина, 63 года).

При анализе данных анкетного опроса с учетом уровня образования респондентов выяснилось, в группе участников опроса, имеющих высшее образование, значительно больше тех, кто высказал однозначную позицию о необходимости обучения навыкам использования цифровых технологий (см. табл. 5). Так, если в группе имеющих среднее образование такую точку зрения разделяют 34% опрошенных, то среди окончивших вуз таких оказалось 54%.

Таблица 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Хотелось бы Вам научиться эффективно использовать современные цифровые технологии?» с учетом уровня образования,%

Варианты ответов	Образование				
	Не окончили среднюю школу	Среднее общее	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее
Да	36,4	34,0	44,7	0,0	54,4
Скорее да, чем нет	22,7	54,6	40,0	100,0	25,0
Скорее нет, чем да	18,2	5,7	10,5	0,0	8,8
Нет	13,6	5,7	3,8	0,0	10,3
Затрудняюсь ответить	9,1	0,0	1,0	0,0	1,5

Триада наиболее интересующих участников опроса цифровых устройств

и технологий, пользоваться которыми они хотели бы научиться в пер-

вую очередь, представлена компьютером (такой вариант ответа выбрали 43,8% респондентов), информационно-платежными терминалами (их освоение необходимо 33,6% опрошенных пожилых людей) и сетью Интернет (научиться его использовать выразили желание 28,1% пенсионеров, принявших участие в опросе).

Как отмечалось выше, пожилые люди нередко прибегают к помощи других людей, если испытывают трудности в освоении цифровых технологий. Однако данные, полученные нами, свидетельствуют о том, что у значительной части опрошенных (42,7%) сформировался запрос на прохождение обучения на профессиональных курсах, где преподаватели могли бы компетентно передать им весь объем знаний, необходимый для повышения уровня цифровой грамотности.

Важным для нашего исследования стало выяснение позиции участников опроса по поводу возможности социальной эксклюзии в отношении тех пожилых людей, которые не желают обучаться цифровой грамотности. Большая часть опрошенных (57,1%) полагают, что без этого обучения человек старшего возраста может оказаться исключенным из современной жизни. Корреляционный анализ с использованием критерия Пирсона показал, что желание научиться использовать современные цифровые технологии коррелирует с мнением о том, что без обучения компьютерной грамотности пожилой человек может оказаться исключенным из современной жизни (корреляция оказалась значимой, $p=0,006$).

В рамках обсуждения следует отметить, что полученные нами результаты соотносятся с результатами научных разработок зарубежных авторов. Так, данные нашего исследования, касающиеся выявления специфики восприятия цифровых технологий пожилыми людьми разных возрастных групп, соотносятся с данными исследования M.M. Scheffer, J. Menting, H.R. Voeije, которые выявили, что чем выше возраст пожилого человека, тем слабее его спо-

собность к самоменеджменту в плане использования Интернета [11]. Социологические данные, полученные в ходе нашего исследования и касающиеся видения людьми пожилого возраста перспектив своего обучения цифровой грамотности, соответствуют данным исследования В.В. Neves, G. Mead, которые доказали, что принятие новой технологии человеком старшего возраста во многом определяется контекстом обучения [9].

Выводы

Проведенный анализ данных двух социологических исследований, проведенных с использованием методов как количественной, так и качественной социологии, позволил выявить основные характеристики социального самочувствия пожилых людей в условиях цифровой грамотности. Исследование показало, что эмоционально-когнитивная составляющая социального самочувствия изучаемой социально-демографической группы характеризуется следующими показателями: во-первых, половина опрошенных чувствуют себя в мире современных информационно-коммуникационных технологий лишь удовлетворительно, а доля тех, кто оценивает свое самочувствие в условиях внедрения цифровых устройств как хорошее или отличное, незначительна; во-вторых, изменения в различных сферах жизни современного общества, связанные с цифровизацией, оцениваются положительно лишь пятой частью опрошенных, при этом наибольшее количество негативно настроенных по отношению к внедрению цифровых технологий насчитывается в группе респондентов, чей возраст от 70 до 79 лет; в-третьих, присутствует неоднозначная оценка пожилыми людьми степени полезности новых технологий (доля тех, для кого подобные нововведения – это вред для общества, незначительно больше доли тех респондентов, кто придерживается прямо противоположной точки зрения); в-четвертых, значительная часть участников опроса (46,5%) испытывают чувство ущемленности в условиях цифровой грамотности.

Выявляя характеристики поведенческой составляющей социального самочувствия пенсионеров в изучаемых условиях, следует отметить, что пожилые люди в возрасте 70–79 лет чаще других сталкиваются с трудностями при использовании цифровых технологий. Если мобильный телефон и цифровое телевидение входят в число часто используемых цифровых устройств для значительной части участников опроса, то компьютеры и Интернет не относятся к этому ряду. При этом каждому второму пожилому человеку, принявшему участие в исследовании, цифровые технологии помогают в решении повседневных задач. Подавляющее большинство опрошенных пожилых людей уверено, что за цифровыми технологиями будущее.

Оценивая адаптивную составляющую социального самочувствия пожилых людей в условиях цифровизации, следует подчеркнуть, что представители этой социально-демографической группы, ставшие участниками опроса, в подавляющем большинстве настроены на дальнейшее освоение цифровых устройств, у них сформировался запрос на прохождение обучения соответствующего профиля. Больше половины опрошенных выразили уверенность в том, что при отсутствии цифровой грамотности пожилой человек может оказаться в состоянии социальной эксклюзии.

Результаты нашего исследования убедительно свидетельствуют о том, что для повышения уровня социального самочувствия пожилых людей необходима разработка соответствующей программы мер, которые могли бы повысить уровень их цифровой грамотности и помочь преодолеть наметившийся «цифровой разрыв» между поколениями. В рамках этой программы, в целях решения проблемы цифрового неравенства между людьми разного возраста необходимо, на наш взгляд, создание крупного, многопрофильного «Университета третьего возраста», оказывающего образовательные услуги на постоянной и бесплатной основе,

главной целью которого должно стать оказание эффективной помощи людям пенсионного возраста в вопросе успешной адаптации к цифровой среде. Именно в таком учебном заведении пожилые люди смогли бы получить соответствующие знания и приобрести необходимые навыки, получить возможность самореализации и преодоления чувства ущемленности, возникшего из-за невысокого уровня цифровой грамотности. Создание такого университета должно стать шагом на пути формирования толерантной цифровой среды для пожилых людей, представляющей собой комплекс условий, позволяющих людям пенсионного возраста свободно осваивать цифровые технологии в ритме и объеме, соответствующем их состоянию здоровья и возможностям, без ущерба для их социального самочувствия.

Литература

1. Личностная мобильность как предиктор профессионального здоровья и благополучия в пожилом возрасте / Т.Б. Сергеева, А.А. Печеркина, Н.С. Глуханюк, Г.И. Борисов // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 6 (42). – С. 397–408.
2. Микляева, А.В. Инфантилизация пожилых людей в повседневном взаимодействии: к постановке проблемы / А.В. Микляева // The Journal of Social Policy Studies. – 2018. № 16(1). – С. 109–124.
3. Синявская, О. В. Помогающие и счастливые? Влияние социальной активности на счастье людей старше 50 лет в европейских странах / О.В. Синявская, А.А. Червякова, Д.Е. Карева // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С. 237–258.
4. A systematic review on technology-supported interventions to improve old age social wellbeing: loneliness, social isolation, and connectedness / F. Ibarra, M. Baez, L. Cernuzzi, F. Casati //

- Journal of Healthcare Engineering. – 2020. – Vol. 2036842.
5. “But at the age of 85? Forget it!”: internalized ageism, a barrier to technology use / H. Köttl, V. Gallistl, R. Rohner, L. Ayalon // *Journal of Aging Studies*. – 2021. – Vol. 59, 100971.
 6. Cheng, G. Sociodemographic, health-related, and social predictors of subjective well-being among Chinese oldest-old: a national community-based cohort study / G. Cheng, Y. Yan // *BMC Geriatrics*. – 2021. – Vol. 21 (1), 124.
 7. Kryzhanovskij, O.A. How to make digitalization better serve an increasing quality of life? / O.A. Kryzhanovskij, N.A. Baburina, A.O. Ljovkina // *Sustainability*. – 2021. Vol. 13 (2).
 8. Nakagawa, T. Social integration and terminal decline in life satisfaction among older Japanese / T. Nakagawa, G. Hülür // *Journals of Gerontology. Series B Psychological Sciences and Social Sciences*. – 2020. – Vol. 75 (10). – p. 2122–2131.
 9. Neves, B.B. Digital technology and older people: towards a sociological approach to technology adoption in later life / B.B. Neves, G. Mead // *Sociology*. – 2021. – Vol. 55 (5). – p. 888–905.
 10. Plugge, M. Successful ageing in the oldest old: objectively and subjectively measured evidence from a population-based survey in Germany / M. Plugge // *European Journal of Ageing*. – 2021. – Vol. 18 (4). – p. 537–547.
 11. Scheffer, M.M. Self-management of social well-being in a cross-sectional study among community-dwelling older adults: the added value of digital participation / M.M. Scheffer, J. Menting, H.R. Boeije // *BMC Geriatrics*. – 2021. – Vol. 21, 539.
 12. The role of using smartphones on depression rate in retired elderly / N. Yoshany, S.-S. Mazloomi-Mahmoodabad, H. Mihanpour, S.-S. Seyed-Khameshi, S. Gerayllo, A. Nabil // *Iranian Journal of Health Education and Health Promotion*. – 2020. – Vol. 8 (3). – p. 240–248.

SOCIAL WELL-BEING OF THE ELDERLY IN TERMS OF DIGITALIZATION

Kuzevanova A.L., Zorkova V.A., Nadezhkina E. Yu.

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa; Volgograd State Medical University

The study aims to examine the emotional and cognitive, behavioral and adaptive components of the social well-being of the elderly in terms of digitalization. The questionnaire survey and in-depth interview methods were used to achieve the research tasks. The questionnaire survey involved 254 persons aged between 60 and 80 and over living in Volgograd. In-depth interviews were conducted with 20 elderly residents of Volgograd. A significant part of the survey participants (46.5 percent) feel disadvantaged in terms of digitalization. The elderly aged between 70 and 79 face difficulties in using digital technology more often than others. The vast majority of the respondents plan to continue mastering digital technology, they have a request for the education of the corresponding profile. More than half of the respondents expressed their belief that with the lack of digital literacy the elderly can find themselves in a state of social exclusion. To solve the problem of digital inequality between people of different ages, it is necessary to create a “University of the Third Age”, the main purpose of which must be the provision of effective support to people of the retirement age regarding the issue of successful adaptation to the digital environment.

Keywords: social well-being of the elderly, digitalization.

References

1. Personal mobility as a predictor of professional health and well-being in old age / T.B. Sergeeva, A.A. Pecherkina, N.S. Glukhanyuk, G.I. Borisov // *Prospects for science and education*. – 2019. – No. 6 (42). – p. 397–408.
2. Miklyaeva, A.V. Infantilization of older people in everyday interaction: to the formulation of the problem / A.V. Miklyaeva // *The Journal of Social Policy Studies*. – 2018. – No. 16(1). – p. 109–124.
3. Sinyavskaya, O.V. Helping and happy? The influence of social activity on the happiness of people over 50 in European countries / O.V. Sinyavskaya, A.A. Chervyakova, D.E. Kareva // *Monitoring of public opinion:*

- Economic and social changes. – 2019. – No. 6. – p. 237–258.
4. A systematic review on technology-supported interventions to improve old age social wellbeing: loneliness, social isolation, and connectedness / F. Ibarra, M. Baez, L. Cernuzzi, F. Casati // *Journal of Healthcare Engineering*. – 2020. – Vol. 2036842.
 5. "But at the age of 85? Forget it!": internalized ageism, a barrier to technology use / H. Köttl, V. Gallistl, R. Rohner, L. Ayalon // *Journal of Aging Studies*. – 2021. – Vol. 59, 100971.
 6. Cheng, G. Sociodemographic, health-related, and social predictors of subjective well-being among Chinese oldest-old: a national community-based cohort study / G. Cheng, Y. Yan // *BMC Geriatrics*. – 2021. – Vol. 21 (1), 124.
 7. Kryzhanovskij, O.A. How to make digitalization better serve an increasing quality of life? / O.A. Kryzhanovskij, N.A. Baburina, A.O. Ljovkina // *Sustainability*. – 2021. Vol. 13 (2).
 8. Nakagawa, T. Social integration and terminal decline in life satisfaction among older Japanese / T. Nakagawa, G. Hülür // *Journals of Gerontology. Series B Psychological Sciences and Social Sciences*. – 2020. – Vol. 75 (10). – p. 2122–2131.
 9. Neves, B.B. Digital technology and older people: towards a sociological approach to technology adoption in later life / B.B. Neves, G. Mead // *Sociology*. – 2021. – Vol. 55 (5). – p. 888–905.
 10. Plugge, M. Successful ageing in the oldest old: objectively and subjectively measured evidence from a population-based survey in Germany / M. Plugge // *European Journal of Ageing*. – 2021. – Vol. 18 (4). – p. 537–547.
 11. Scheffer, M.M. Self-management of social well-being in a cross-sectional study among community-dwelling older adults: the added value of digital participation / M.M. Scheffer, J. Menting, H.R. Boeije // *BMC Geriatrics*. – 2021. – Vol. 21, 539.
 12. The role of using smartphones on depression rate in retired elderly / N. Yoshany, S.-S. Mazloomi-Mahmoodabad, H. Mihanpour, S.-S. Seyed-Khameshi, S. Gerayllo, A. Nabil // *Iranian Journal of Health Education and Health Promotion*. – 2020. – Vol. 8 (3). – p. 240–248.

Роль негосударственных акторов и институтов в обеспечении ухода за пожилыми людьми в современной России

Мяо Ли,

преподаватель, кафедра социальной работы и социального менеджмента, Университет Шаньдун Цзяньчжу
E-mail: Allycart@yandex.ru

Государство является центральным элементом институциональной системы социальной защиты, однако ее зрелые формы предполагают активное участие негосударственных акторов. В статье анализируется роль некоммерческого и коммерческого сектора в организации ухода за пожилыми людьми в России. Сделан вывод, что государство остается доминирующим актором, а возможности для некоммерческого и особенно коммерческого секторов сильно зависят от уровня экономического развития регионов. Потенциально ценным механизмом усиления роли негосударственных акторов выступает повышение приоритетности ухода среди направлений корпоративной социальной ответственности (КСО) российских компаний.

Ключевые слова: пожилые люди, социальная защита, долгосрочный уход, негосударственные институты, КСО.

Введение

Современные представления о правах пожилых людей и обязательствах общества по отношению к ним исходят из того, что общество должно создавать такие условия, которые позволяют поддерживать высокое качество жизни в любом возрасте и при любом состоянии здоровья человека. Долгое время старение рассматривалось как неизбежный процесс увядания и затухания жизненной активности, при котором пожилому человеку остается просто «доживать свой век» и не претендовать на большее. Такое повседневное представление получило поддержку и на теоретическом уровне, в частности, в рамках теории разъединения [1]. Однако позднее такое представление было подвержено жесткой критике, и на смену ему пришел целый ряд концепций и теорий, обосновывающих возможность и необходимость обеспечения условий для т.н. «успешного старения», при котором человек в пожилом возрасте и с ограничениями здоровья сохраняет высокую личную активность и интеграцию с общественной жизнью [2].

В согласии с эволюцией теоретических представлений, начиная со второй половины XX века на международном уровне начала формироваться система принципов и концепций, направленных на создание условий для обеспечения высокого качества жизни в пожилом возрасте. Так, в 1991 году ООН сформулировала принципы в отношении пожилых людей, которые исходили из признания их вклада в общественное развитие и необходимость создания условий, обеспечивающих их высокую степень независимости, защищенности, активности и достоинства жизни [3]. Реализация этих принципов требует комплексных мер, включающих создание институциональной системы, социально-ориентированную государ-

ственную политику, изменения в общественном восприятии старости, участие негосударственных субъектов.

Традиционно, в качестве основных направлений социальной политики и институциональной системы социальной защиты пожилых людей выступают пенсионная система и система медицинского обслуживания. Однако реализация принципов ООН не может ограничиваться только обеспечением финансовой независимости пожилых людей и решением частных проблем со здоровьем. Одной из наиболее сложных для решения проблем является организация долговременного ухода пожилых людей. Специалисты ООН оценили, что в мире чуть более 5% населения имеют доступ к правам долговременного ухода, а половина пожилых людей в мире живет в условиях отсутствия какого-либо доступа к таким правам и возможностям [4]. При этом уход является одним из пяти принципов ООН, которым должны следовать страны-участники.

Государство является общепризнанным субъектом, ответственным за обеспечение возможностей ухода за пожилыми людьми. Однако в отличие от пенсионного обеспечения, в большинстве современных стран мира ресурсов и возможностей государства оказывается недостаточными для решения этой задачи. Наиболее зрелые системы и модели социальной защиты, сложившиеся, в частности, в странах Западной Европы, предполагают, что государство выступает центральным звеном социальной защиты, но последняя включает в себя большое число форм, механизмов и институтов, в том числе негосударственных [5, p.7]. В настоящей статье анализируется состояние долговременного ухода в современном российском обществе с точки зрения модели зрелой социальной защиты, в которой принимают участие не только государство, но и негосударственные акторы.

В России проживает приблизительно 22 млн людей в возрасте 65 лет и старше. Из них, по оценкам, порядка 3,7 млн чел. нуждаются в специаль-

ном уходе, а фактический доступ к такому обслуживанию есть только у половины нуждающихся, около 1,8 млн чел. [6]. Таким образом, потребность в долговременном уходе является высокой, а долгосрочные тенденции старения населения, временно ослабленные из-за пандемии COVID-19, будут оказывать дополнительное негативное воздействие на возможности общества обеспечить качественный уход за пожилыми людьми. При этом начиная с 2022 года оформился дополнительный фактор, негативно влияющий на возможности долговременного ухода и связанный со значительным ухудшением социально-экономической ситуации, которое, по всей видимости, будет носить длительный характер. Это делает актуальным поиск действующих механизмов создания условий, которые позволят обеспечить уход за пожилыми людьми в соответствии с современными международными принципами.

Исторически, в большинстве обществ решение проблемы ухода за пожилыми людьми опиралось на поддержку со стороны семьи и общины. Такая поддержка носила нерегулярный и ограниченный характер и зависела от возможностей и ресурсов конкретных социальных групп. Она практически не имела институциональной поддержки, за исключением религиозных организаций, но опиралась на культурные и ценностные императивы. Однако развитие социального государства вывело в XX веке на первое место государство.

Россия (Советский Союз) стала одной из первых стран мира с явно декларируемой социальной ориентацией и гарантиями социальной защиты. В течение последующего столетия сформировалась патерналистская модель, в которой государство воспринимается как основной гарант социальных прав граждан, в том числе в пожилом возрасте. Это восприятие и соответствующий запрос сохранились и при переходе к рыночной экономике в 1990-е годы и сохраняется до сих пор. При этом государственная политика в социаль-

ной сфере характеризуется растущим стремлением привлечь внешние ресурсы и возможности для решения различных проблем социальной защиты. Не в последнюю очередь это обусловлено тем, что несмотря на декларации социальной направленности сфера социальной защиты не относится к числу общегосударственных приоритетов, а поддержание даже минимальных социальных обязательств требует значительных бюджетных средств. Большая их часть уходит на пенсионное обеспечение; при этом возможности пенсионного фонда оказываются недостаточными для финансирования обязательств, и государство вынуждено тратить дополнительные средства из бюджета на покрытие дефицита пенсионного фонда. В этих условиях организация долгосрочного ухода исключительно на государственном уровне, даже без учета его качества, становится практически нереализуемой задачей.

Расширение возможности государства по обеспечению ухода за пожилыми людьми возможно за счет привлечения негосударственных акторов и механизмов. Можно назвать три основных источника такой негосударственной поддержки, которые в той или иной степени действуют в России.

Семейная и общинная поддержка

Роль традиционных форм социальной защиты пожилых людей значительно уменьшилась в плане их финансовой независимости, по мере развития пенсионной системы. Однако в обеспечении ухода она остается критически важной во многих обществах, в том числе России. Решение бытовых проблем, обслуживание малоподвижных граждан, помощь в повседневных делах и взаимодействии с внешним миром, психологическая и социальная поддержка, – все это является трудозатратными видами социальной защиты. В отсутствие достаточного кадрового потенциала, которым располагают государственные институты, именно родственники становятся главным источником такой поддержки. По большей части она носит неформаль-

ный характер и зависит от контекстуальных условий. Частичная институционализация семейной поддержки возможна за счет пособий по уходу за пожилыми родственниками, психологического и образовательного сопровождения людей, которые осуществляют такой уход.

Некоммерческий сектор

Более организованные и профессиональные формы социальной поддержки по уходу за пожилыми людьми могут реализовывать организации некоммерческого сектора. Они могут существовать в различных организационных и правовых формах и включать в том числе слабооформленные структуры, такие как социальные движения, объединения, сетевые сообщества, группы самопомощи и др. Такие организации привлекают ресурсы равнодушных людей и организаций, могут оказывать коммерческие услуги и получать бюджетные средства, и могут участвовать в уходе как на разовой, так и систематической основе. Важными преимуществами некоммерческих структур социальной сферы являются следующие:

- целевая ориентация на решение социальных проблем;
- низовой уровень деятельности («работа в поле»);
- наличие профильных компетенций и мотивированных человеческих ресурсов;
- гибкость и низкий уровень бюрократии.

Некоммерческие структуры, работающие в социальной сфере, как правило, существуют в условиях ограниченности и неустойчивости финансовых и человеческих ресурсов. Это заставляет их учиться быстро перестраиваться и адаптироваться, постоянно занимаясь фандрайзингом и максимально эффективно расходовать ресурсы.

Коммерческий сектор

В рыночных условиях коммерческие организации могут реагировать на платежеспособный спрос на социальные услуги. Создание специализированных частных компаний обеспечивает высокий уровень профессионализма и юридиче-

ски гарантии при обеспечении ухода. Если в основе семейной формы поддержки лежат родственные отношения и обязательства, а в некоммерческом секторе – благотворительность, то для коммерческих компаний уход – это услуга, которая обращается на соответствующем рынке и регулируется соотношением спроса и предложения, а также жесткостью регулирования. Коммерческие компании ориентированы на получение прибыли, что, среди прочего, заставляет их заботиться о своей репутации, стремиться к оптимизации соотношения «цена-качество» и повышать эффективность менеджмента.

Принципиально иной формой вовлечения коммерческого сектора в решение задач социального ухода является корпоративная социальная ответственность (КСО). В отличие от компаний, специализирующихся на социальных услугах, обычный бизнес ориентирован на совершенно другие рынки и напрямую с социальной сферой никак не связан, за исключением социально-трудовых гарантий. Однако современные представления о взаимоотношениях бизнеса и общества, основанные на концепции КСО, предполагают, что, если компания хочет успешно существовать на рынке долгое время и получать преимущества от высокой репутации, ей выгодно заботиться не только о прямой коммерческой выгоде, но и о благополучии всех тех, кто так или иначе затрагивается ее деятельностью и, в конечном итоге, об обществе в целом. Поэтому многие крупные компании сегодня имеют специальные подразделения, отвечающие за КСО, включают КСО в свои стратегические планы и реализуют различные социальные и благотворительные проекты. Такая деятельность является потенциально самостоятельным источником внешних ресурсов по социальному обслуживанию.

При этом обычный бизнес не имеет собственных компетенций по социальной работе, и не заинтересован в расширении непрофильных социальных активов, что означает, что использова-

ние этого ресурса требует дополнительных механизмов, таких как посредничество НКО и благотворительных фондов. Однако некоторые компании идут дальше и создают собственные системы корпоративного волонтерства, которые обеспечивают участие компаний в социально-ориентированной деятельности не только финансово, но и прямым действием.

При том, что семейная поддержка остается главным источником решения большинства проблем, связанных с уходом за пожилыми людьми, создание современной институциональной системы социальной защиты должно гарантировать права и возможности ухода на более универсальной основе. Концепция зрелой системы социальной защиты требует вовлечения различных типов акторов и активной роли негосударственных субъектов и форм поддержки. Однако на сегодняшний день роль негосударственных акторов в России остается скромной и сильно зависящей от уровня развития конкретного региона или населенного пункта.

Чтобы оценить относительную значимость негосударственных акторов в системе ухода за пожилыми людьми, мы проанализировали реестры поставщиков социальных услуг, предусмотренных Федеральным законом № 442-ФЗ от 28.12.2013 г. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», по отдельным регионам РФ, характеризующихся разным уровнем социально-экономического развития. Для анализа все участники реестра были разделены на три категории. Первая – это государственные поставщики: бюджетные, казенные учреждения, а также «Почта России», которая, хотя формально и является акционерным обществом, находится в государственной собственности и оказывает социальные услуги в рамках государственной политики. Вторая категория – некоммерческий сектор, который включает в себя широкий перечень структур, не ориентированных на прибыль: НКО, общественные объединения, благотворительные фонды,

АНО и др. Третья категория – это коммерческие структуры: ООО, акционерные общества (кроме «Почты России»), а также индивидуальные предприниматели. Источником данных стали официальные данные региональных реестров

на последнюю доступную дату, а также материалы официальной статистики [7]. Результаты, отражающие относительную долю каждой категории поставщиков, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Состав реестров поставщиков социальных услуг в отдельных регионах РФ

Регион	Население, тыс. чел.	Место в рейтинге по ВРП на душу населения	Всего поставщиков в реестре	Поставщиков на 100 тыс. чел.	Доля поставщиков. %		
					государственных	коммерческих	некоммерческих
Кировская область	1250	70	40	3,2	87,5	2,5	10,0
Краснодарский край	5684	42	177	3,1	91,5	0,6	7,9
Красноярский край	2856	10	216	7,6	78,7	4,2	17,1
Курская область	1097	43	64	5,8	78,1	4,7	17,2
Москва	12655	6	197	1,6	63,5	20,3	16,2
Республика Кабардино-Балкария	869	81	25	2,9	88,0	0,0	12,0
Республика Татарстан	3894	15	141	3,6	84,4	3,5	12,1
Республика Тыва	169	80	28	16,6	100,0	0,0	0,0
Санкт-Петербург	5384	9	121	2,2	67,8	9,1	23,1
Саратовская область	2395	61	101	4,2	87,1	3,0	9,9

Несмотря на ограниченность региональной выборки, а также тот факт, что реестры включают поставщиков разной направленности, из которых лишь около четверти специализируются на обслуживании пожилых людей, представленные данные позволяют сделать несколько важных выводов. Во-первых, количество организаций, предоставляющих социальные услуги, зависит не столько от уровня развития и численности региона, сколько от его административной и территориальной организации. В частности, малочисленная Республика Тыва характеризуется значительно более высоким числом поставщиков на 100 тыс. населения. Это объясняется принципом приближенности поставщиков социальных услуг к месту жительства их получателей (ст. 4 ФЗ № 442). Государство вынуждено создавать хотя бы небольшие организации социальной защиты в раз-

личных районах региона, что в случае таких больших регионов как Красноярский край или таких малочисленных как Тыва приводит к высокому значению количественных показателей.

Во-вторых, общая картина по России однозначно свидетельствует о доминировании государственных поставщиков. Второй по распространенности категорией являются организации некоммерческого сектора, а самыми малочисленными являются коммерческие компании. Последнее не только подтверждает традиционную роль государства в системе социальной защиты, но и свидетельствует о фактическом отсутствии полноценного рынка социальных услуг в большинстве регионов.

В-третьих, можно утверждать, что роль негосударственного сектора значительно выше в более экономически развитых регионах. Беднейшие регионы характеризуются особенно высоким

преобладанием государственных поставщиков при полном или почти полном отсутствии коммерческих и слабо развитом некоммерческом секторе. Напротив, богатые регионы отличаются относительно высокой долей негосударственного сектора. Особенно показателен пример Москвы, в котором концентрация высокодоходных групп населения формирует устойчивый спрос на социальные услуги, который способствует формированию соответствующего рынка. Обратим внимание, что при наличии финансовых возможностей, население охотно прибегает к коммерческим поставщикам социальных услуг, в том числе по организации ухода за пожилыми людьми.

Чтобы дополнительно оценить роль коммерческого сектора в социальной защите пожилых людей через механизмы КСО, мы провели выборочный анализ отчетности крупнейших российских корпораций в области КСО, ESG и устойчивого развития. Важной особенностью российской экономики является ведущая роль государства в ней. Большинство крупных бизнесов либо напрямую контролируется государством через контрольные пакеты акций, либо существенно влияют на них другими способами. По этой причине государство может способствовать решению социальных проблем через поощрение социально-ориентированных действий крупных компаний. Действительно, у многих крупных корпораций имеется достаточно обширный портфель проектов и инициатив в сфере КСО.

Анализ отчетности показал, что преобладающими формами социальной деятельности являются поддержка проектов, направленных на детей, местные сообщества, образовательные, культурные и спортивные цели. Дополнительное пенсионное обеспечение и другие формы поддержки для своих работников также являются распространенной практикой. Деятельность же в области социального ухода за пожилыми людьми в абсолютном большинстве случаев не относится к числу приори-

тетных. Например, такие компании как «Роснефть» и «Газпром» не реализуют никаких проектов, связанных с уходом за пожилыми людьми.

Тем не менее некоторые компании реализуют отдельные инициативы и в этом направлении. Так, «Лукойл» в рамках своей системы корпоративного волонтерства среди прочего участвует в оказании помощи на дому ветеранам войн и нефтяной отрасли. Телекоммуникационная компания МТС заявила о выделении средств на поддержку медицинских и общественных организаций, а также волонтеров, помогающим пожилым людям, реализовала разовое мероприятие «Память сквозь поколения» с участием людей, проживающих в домах престарелых. Участие в уходе за пожилыми людьми оказывается и в рамках корпоративного волонтерства. Также компания работает над цифровыми сервисами и образовательными программами для пожилых людей, которые способны повысить их самостоятельность в решении ряда повседневных проблем, таких как заказ продуктов на дом или взаимодействие с органами власти. Сеть магазинов «Магнит», как и «Лента» и некоторые другие крупные ритейлеры, во время пандемии организовали собственными силами бесплатный сбор и доставку продуктов питания представителям уязвимых групп населения, в том числе пожилым людям, нуждающимся в уходе.

Суммируя, можно констатировать, что роль негосударственных акторов и механизмов ухода за пожилыми людьми в современном российском обществе остается небольшой и фрагментарной. Общими сдерживающими факторами являются низкий уровень социально-экономического развития в большинстве регионов, а также недостаточная культурная и социальная приоритизация ухода за пожилыми как одного из наиболее сложных, трудоемких и слабомотивирующих направлений социальной защиты. Возможности некоммерческого сектора ограничиваются трудностями фандрайзинга, низкой активностью волонтерского движе-

ния, а также ухудшением регуляторной среды, затрудняющей, в частности, взаимодействие с международными партнерами. Возможности коммерческого сектора ограничены отсутствием платежеспособного спроса на социальные услуги, который был бы достаточен для формирования конкурентного рынка. Действие механизмов КСО в крупных компаниях сдерживается низкими символическими выгодами, которые они видят в участии в уходе за пожилыми людьми в сравнении с поддержкой детей, экологических, образовательных и культурных проектов.

Заключение

Уход за пожилыми людьми остается одним из наиболее проблемных направлений сектора социальной защиты в современном российском обществе. Государство остается главным институциональным актором обеспечения прав пожилых граждан на социальное обслуживание, однако его ресурсов и возможностей для решения этой проблемы на приемлемом уровне недостаточно. Поэтому существует острая потребность в развитии негосударственных механизмов обеспечения ухода. Наиболее универсальным и действенным способом решения этой задачи является повышение общего уровня социально-экономического развития, повышение и выравнивание доходов населения. Это обеспечит более благоприятные возможности для некоммерческого сектора, а также формирование полноценного рынка социальных услуг, который в настоящее время в большинстве регионов, по сути, отсутствует. Значительный потенциал для повышения роли негосударственных акторов имеется посредством механизмов КСО. Государство, располагая значительными возможностями влияния на политику крупных корпораций, может стимулировать их к включению задач ухода за пожилыми в число приоритетных направлений своей деятельности, особенно в бедных регионах. Наибольшими возможностями для эффективной реализации этого направления располагают корпорации, имеющие широкую сеть розничных от-

делений, прежде всего крупные банки и ритейлеры.

Литература

1. Cumming E., Henry W.E. Growing old: The Process of Disengagement. New York: Basic Books, 1961. 293 p.
2. Bülow M.H., Söderqvist T. Successful ageing: a historical overview and critical analysis of a successful concept // Journal of Ageing Studies. 2014. Vol. 31. P. 139–149.
3. Принципы Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей. Приняты Резолюцией 46/91 Генеральной Ассамблеи от 16.12.1991 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml (дата обращения: 06.05.2022).
4. Scheil-Adlung X. Long-term care protection for older persons: A review of coverage deficits in 46 countries [Электронный ресурс]. Geneva: UNECE Working Group on ageing, 2015. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/WG8/Presentations/4b_Long_Term_Care_Working_Group_on_Ageing.pdf (дата обращения: 06.05.2022).
5. O'Brien C., Scott Z., Smith G. et al. Shock-responsive social protection systems research: Synthesis report. Oxford: Oxford Policy Management, 2018. 89 p.
6. Игнатова О. Создание системы долговременного ухода требует миллиардов [Электронный ресурс] // Российская газета. 08.08.2021. № 178. URL: <https://rg.ru/2021/08/08/sozдание-sistemy-dolgovremennogo-uhoda-trebuem-milliardov.html> (дата обращения: 06.05.2022).
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021. Стат. сб. / М.: Росстат, 2021. 1112 с.

THE ROLE OF NON-STATE ACTORS AND INSTITUTIONS IN LONG-TERM CARE OF OLDER PEOPLE IN RUSSIA

Miao Li
Shandong Jianzhu University

The State is the central element of the institutional system of social protection, but its mature forms involve the active participation of non-state actors. The article analyzes the role of the non-profit and corporate sectors in the organization of care for the elderly in Russia. It concludes that the state remains the dominant actor, and the opportunities for the non-profit and especially corporate sectors depend on the level of economic development of the regions. A potentially valuable mechanism for strengthening the role of non-state actors is to increase the priority of care among the areas of corporate social responsibility (CSR) of Russian companies.

Keywords: older people, social protection, long-term care, non-state institutions, CSR.

References

1. Cumming, E., Henry, W.E. Growing old: The Process of Disengagement. New York: Basic Books, 1961.
2. Bülow, M.H., Söderqvist, T. Successful ageing: a historical overview and critical analysis of a successful concept. *Journal of Ageing Studies*, 2014, Vol.31, pp. 139–149.
3. United Nations Principles for Older Persons. Adopted by General Assembly resolution 46/91 of 16 December 1991 [Electronic resource]. URL: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/OlderPersons.aspx> (date of access: 06.05.2022).
4. Scheil-Adlung, X. Long-term care protection for older persons: A review of coverage deficits in 46 countries [Electronic resource]. Geneva: UNECE Working Group on ageing, 2015. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/WG8/Presentations/4b_Long_Term_Care_Working_Group_on_Ageing.pdf (date of access: 06.05.2022).
5. O'Brien, C., Scott, Z., Smith, G. et al. Shock-responsive social protection systems research: Synthesis report. Oxford: Oxford Policy Management, 2018.
6. Ignatova, O. Sozdanie sistemy dolgovremennogo uhoda trebuetsya milliardov [Development of the long-term care system requires billions] [Electronic resource]. *Rossijskaja gazeta*. 08.08.2021. № 178. URL: <https://rg.ru/2021/08/08/sozdanie-sistemy-dolgovremennogo-uhoda-trebuetsya-milliardov.html> (date of access: 06.05.2022) [In Russian].
7. Regions of Russia: Social-Economic Indicators. 2021. Statistical Review. Moscow: Rosstat, 2021 [In Russian].

Социально-инвестиционная модель регионального управления в российском обществе: концептуальные установки и перспективы социологического изучения

Месхи Бебури Бесикович,

аспирант Института социологии и регионоведения
ЮФУ, Южный федеральный университет
E-mail: bebur9696@mail.ru

В статье предлагается авторская концепция исследования регионального управления в России в контексте его ориентированности на инвестиции в социальную сферу регионального пространства и, соответственно, в развитие человеческого потенциала. Данная проблематика может предстать в различных концептуальных границах и исследована с позиций разнообразных методологических установок и стратегий. Однако, автор предлагает подойти к ее изучению с помощью моделирования как сложившейся в социологии методологической традиции, позволяющей не только объяснять те или иные управленческие реалии, задавая их параметры в соответствии с изучаемыми явлениями, но и достигать управленческих целей и задач, формируя желаемый образ, тип управленческих процессов с учетом имеющихся тенденций и ресурсов в управленческой сфере конкретного регионального социума. Предложенная в статье социально-инвестиционная модель регионального управления предстает как становящаяся в современном региональном пространстве России, что определяет необходимость оценки условий и препятствий (барьеров) ее становления с учетом специфики регионального пространства страны и факторов регионального неравенства. Данные обстоятельства определяют долгосрочные перспективы социологического исследования регионального управления в координатах предложенной модели.

Ключевые слова: региональное управление, модель, социальное моделирование, управление, социальные инвестиции, социально-инвестиционная модель регионального управления.

Российское общество имеет различные индикаторы региональной дифференциации, и региональное неравенство – один из них. Особенно значимо проявляется он в период социальных потрясений, конфликтов, кризисов, когда различные условия жизнедеятельности региональных сообществ в контексте незавершенности интеграционных процессов в региональном пространстве РФ, становятся фактором усиления регионального неравенства. Так, COVID-19 продемонстрировал всему России и российским регионам, насколько значимы ключевые показатели человеческого развития (прежде всего, здоровье, образование, уровень дохода населения) от статуса региона, его социального капитала и уровня экономического развития. И не удивительно, что, согласно экспертным оценкам и прогнозам, данным еще на период начала пандемии коронавируса, относительно безболезненно преодолеть ее последствия смогут далеко не все регионы страны, и к ним относят Москву, Санкт-Петербург, Рязанскую, Новосибирскую, Тюменскую, Нижегородскую, Самарскую области, а также Красноярский край, тогда как адаптационные ресурсы других регионов более ограничены [1].

В данной ситуации чрезвычайно остро на повестке дня стоит вопрос о значимости человеческого фактора, человеческого развития как одного индикатора регионального развития и благополучия регионального пространства. Особенно актуально данный вопрос проявляет себя в эпоху глобальной цифровизации – ценность человеческого фактора повышается пропорционально цифровизации социальности.

Безусловно, указанный спектр проблем может быть исследован с позиций различных подходов, похожим об-

разом отражающих логику и стратегию изучения региональных явлений и процессов с помощью метода моделирования с учетом того, что и сам термин «модель» интерпретируется самым широким образом (норма, тип, образец, стандарт, аналог и др.), и, как отмечают специалисты, «не существует жестких правил построения моделей, их форма более-менее свободна» [2, С. 261]. И с этой точки зрения социально-инвестиционный формат регионального управления может быть исследован как тип, стиль, вид управления региональными процессами и объектами. Однако, для российской социологии управления, известной своими наработками в области моделирования региональных процессов и явлений [3,4, С. 76–77], выбранный нами ракурс исследования, связанный с введением социально-инвестиционной модели регионального управления, представляется актуальным как с точки зрения научной перспективы, так и социальной практики.

Значимым фактором актуализации именно данного тематического направления выступает перспектива решения проблемы формирования целостного регионального пространства российского общества на основе интеграции интересов субъектов регионального управления вокруг целей и задач социального инвестирования и повышения уровня жизни всего российского общества.

Указанные обстоятельства определяют не только актуальность обозначенного ракурса исследования особенностей регионального управления в России, но и перспективы дальнейшего социологического изучения региональных управленческих процессов в координатах методологии социального моделирования.

Подходя к разработке данной стратегии исследования, в указанных методологических границах, мы исходили из следующих исследовательских позиций. Запрос на реализацию социально-инвестиционной модели регионального управления с точки зрения состояния

социальной сферы российских регионов, уровня их человеческого развития и наличия субъектов социального инвестирования, идентифицирующих себя с таковыми, можно считать сформировавшимся. Однако на современном этапе можно говорить только о становлении данной модели, с различной степенью выраженности и эффективности проявляющей себя в неоднородном пространстве российских регионов. Для того, чтобы определить основные барьеры и перспективы ее развития в российских регионах, необходимо иметь некий образец, нормативную модель, адекватную современным социальным и управленческим реалиям.

Итак, признавая тот факт, что в условиях вызовов и рисков современного мобильного социума переход к социально-инвестиционной модели регионального управления является наиболее перспективной стратегией реализации инновационной траектории регионального развития, мы предлагаем отнестись к ней, как, во многом, перспективному проекту, а потому применимо восприятие модели как образа, аналога, идентифицирующего реальный объект (явление, процесс) в ретроспективном, актуальном (современном) и перспективном (прогностическом) аспектах [5, С. 40].

Теоретическими основами предлагаемой модели и сконструированной понятийной матрицы выступают пространственный подход к изучению региона, теория управления и социологической диагностики, интегральный подход к управлению, деятельность-активистский подход. Управленческая теория как базис концептуальной части модели социально-инвестиционного регионального управления строится на теоретических позициях В.В. Щербини [6, С. 58], в которых он отталкивался от понимания управления как ориентированного на планируемые изменения посредством регулятивных воздействий с целью изменения состояния социальных объектов или процессов, а также интегрального подхода к региональному управлению. В последнем

синтезируются положения системного и коммуникативного подходов с акцентом на влиянии коммуникативных практик (между обществом и властью) в развитии системы регионального управления, что определяет более высокую гибкость управленческой системы и переход к феномену общественного воздействия [3].

С указанных позиций региональное управление в предлагаемой методологической конструкции рассматривается как осознанная регулятивная деятельность в совокупности управленческих воздействий, направленных на изменение характеристик регионального социума, состояние его социальных объектов или региональных подпространств (социально-экономического, социокультурного, социально-политического). В границах социально-инвестиционной модели эти запланированные изменения как результат регионального управления (регулятивных воздействий) связаны с использованием такого ресурса общественного развития, как социальные инвестиции.

Целью реализации социально-инвестиционной модели регионального управления, соответственно, является повышение уровня и качества жизни регионального социума посредством решения ряда задач, такие как: концентрация ресурсов социума (управленческих, экономических, интеллектуальных и иных) на приоритетных направлениях развития регионального социума и проблемных социальных зонах; интеграция интересов разных групп населения вокруг решения социальных задач и проблем путем вложения в социальную сферу; формирование механизма общественного самовоспроизводства в режиме реализации и развития идеи социального инвестирования.

Основные субъекты инвестиционной деятельности в рамках управленческой региональной модели – органы власти, бизнес-структуры, образовательные организации, хотя среди прочих субъектов можно выделить также общественные организации, самих индивидов как самостоятельных ак-

торов инвестиционной деятельности. «Власть-образование-бизнес» как триада связанных между собой субъектов взята за основу в контексте базового подхода – пространственного, в рамках которого выделяются три ключевых подпространства в региональном пространстве – социально-политическое, социокультурное и социально-экономическое, определяющие механизм социального воспроизводства региона [7, С. 83].

Ключевую роль среди субъектов регионального управления играет высшее образование (университеты). Именно вузы посредством образовательной и социализационной деятельности выступают основным инвестором в социальную сферу, механизмом воспроизводства человеческого потенциала региона. В этом заключается их миссия. Однако эффективность ее выполнения зависит не только от вузов. Значение имеют связи, характер взаимодействий, сложившихся между вузами и региональной властью, между вузами и бизнес-структурами.

Оценка социального эффекта от социально-инвестиционной модели регионального управления предполагает применение социологических показателей. Они подразделяются на два основных блока: 1) механизм реализации модели и 2) методика отслеживания результатов реализации как механизм обратной связи. В основе второго – методы социологической диагностики, которые традиционно и активно применяются в социологии управления и особенно в контексте моделирования, поскольку процедура социологического диагноза в обязательном порядке предполагает наличие представлений о норме (в явной форме или латентной) [8]. При этом за основу берется ситуационно-нормативный подход, который иначе подходит к должному при описании социальной реальности, прокладывая мостик между идеальными конструкциями изменений социальной реальности и реально функционирующими элементами социальной системы [8, С. 38].

Итак, социально-инвестиционная модель регионального управления, под которой, в соответствии с заданными методологическими параметрами мы понимаем осознанную регулятивную деятельность в совокупности управленческих воздействий, направленных на повышение уровня и качества жизни регионального социума, отдельных социальных групп посредством вложений (материального и нематериального характера) в социальную сферу, в авторском построении сочетает в себе два базовых структурных элемента: концептуальный и технологический.

Концептуальный элемент модели, как было показано выше, содержит описание идейно-смыслового пространства в виде цели, задач, объекта, субъектов регионального управления, включенных в социально-инвестиционную деятельность, а также теоретическую интерпретацию базовых понятий и обоснование эмпирических индикативов.

Технологический элемент предлагаемой модели раскрывает методику социологического сопровождения оценки изучаемых процессов, явлений, основных акторов социального взаимодействия, субъектов реализации предлагаемой модели в пространстве реальных управленческих практик.

В заключении стоит подчеркнуть следующее.

Эволюция социологической традиции в изучении регионального управления демонстрирует появление теоретических конструкций моделей регионального управления как теоретических платформ для появления адекватной для новой социальной реальности модели управления, базирующейся на принципах социально-инвестиционной деятельности.

Границы реализации и перспективы развития социально-инвестиционной модели регионального управления в России определяются генетическими и функциональными характеристиками регионального управления, которые, с одной стороны, выступают барьером для любых инновационных форм, методов и моделей регионального управле-

ния, а, с другой, – могут рассматриваться как источник запроса на преодоление этих препятствий, тормозящих региональное развитие в инновационном формате, предполагающем повышение управленческой самоорганизации регионального сообщества, его консолидации для решения острых социальных проблем.

На последнем обстоятельстве, детерминирующем возможности и барьеры успешной реализации социально-инвестиционной модели регионального управления в России, необходимо особенно концентрировать внимание в процессе социологических замеров с учетом сложившейся ситуации в региональном пространстве России. А она заключается в том, что при наличии определенных ориентиров, целевых установок на социально-инвестиционные параметры регионального управления [9] социально-инвестиционная модель как целостный механизм управления регионом в российских условиях еще не сложилась, и речь идет о начальном этапе ее становления, о перманентном характере развития. Переход к модели регионального управления, ориентированной на повышение качества жизни регионального социума в рамках инвестиций в социальную сферу, требует формирования базовых институциональных условий.

Таким образом, актуальной повесткой социологического исследования выступает определение функциональности институциональной среды, регулирующей экономическую и социальную жизнь регионального социума с точки зрения перспектив формирования и закрепления социально-инвестиционной модели регионального управления в России. На данный момент эту модель следует рассматривать не в качестве стабильно воспроизводимой, а как перманентную трансформацию, происходящую в российской системе регионального управления под влиянием внешних и внутренних факторов. В основе этой аргументации лежит вполне реальная потребность системы государственного управления по возрож-

дению человеческого потенциала, накопленного в предшествующий период для сильного модернизационного рывка российского общества.

Литература

1. Падение индекса человеческого развития в 2020 году эквивалентно семи годам прогресса. [Электронный ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/padenie-indekса-celoveceskogo-razvitiа-v-2020-godu-ekvivalentno-semi-godam-progressа-27118>
2. Быстрянец С.Б. Модели в социологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 118. С. 260–267.
3. Воржецов А.Г., Владимирова К.А. Социологическое моделирование системы регионального управления в контексте современности // Вопросы управления. 2017. № 3(46). С. 104–109.
4. Маркин В.В., Нелюбин А.А. Социальное моделирование пространственных трансформаций. Мониторинг региональных органов власти // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 8. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 76–90.
5. Маркин В.В. Региональная политика: инновационный вектор социального моделирования // Инновации. 2011. № 1 (147). С. 38–44.
6. Щербина В.В. Социология управления как специальная социолого-регулятивная теория: генезис, рост, перспективы // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 56–66. DOI: 10.31857/S013216250009420–5.
7. Маркин В.В. Социальное пространство России в региональном измерении: социологический анализ, моделирование, мониторинг // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 12–13 октября

2017 г.) / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ФНИСЦП РАН, 2017. С. 82–87.

8. Щербина В.В. Социолого-диагностические технологии в управлении: теоретико-методологические аспекты развития и применения // Социологические исследования. № 3. 2007. С. 30–42.
9. Управление развитием территории: региональный аспект: монография / под науч. ред. А.А. Зюсюкина, И.Н. Свистуновой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2015. 212 с.

SOCIO-INVESTMENT MODEL OF REGIONAL MANAGEMENT IN RUSSIAN SOCIETY: CONCEPTUAL SETTINGS AND PROSPECTS FOR SOCIOLOGICAL RESEARCH

Meskhi B.B.

Southern Federal University

The article proposes the author's concept of the study of regional governance in Russia in the context of its focus on investments in the social sphere of the regional space and, accordingly, in the development of human potential. This problem can appear in different conceptual boundaries and is investigated from the standpoint of various methodological attitudes and strategies. However, the author suggests approaching its study with the help of modeling as a methodological tradition that has developed in sociology, which allows not only to explain certain managerial realities, setting their parameters in accordance with the phenomena studied, but also to achieve managerial goals and objectives, forming the desired image, type of managerial processes, taking into account existing trends and resources in management the sphere of a specific regional society. The socio-investment model of regional governance proposed in the article appears to be emerging in the modern regional space of Russia, which determines the need to assess the conditions and obstacles (barriers) of its formation, taking into account the specifics of the country's regional space and factors of regional inequality. These circumstances determine the long-term prospects of the sociological study of regional governance in the coordinates of the proposed model.

Keywords: regional management, model, social modeling, management, social investment,

socio-investment model of regional management.

References

1. The fall in the human development index in 2020 is equivalent to seven years of progress. [Electronic resource]. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/padenie-indeksa-celoveceskogo-razvitiya-v-2020-godu-ekvivalentno-semi-godam-progressa-27118>
2. Bystryantsev S.B. Models in sociology // Proceedings of Herzen Russian State Pedagogical University. 2009. № 118. P.260–267.
3. Vorzhetsov A.G., Vladimirova K.A. Sociological modeling of the regional management system in the context of modernity // Questions of management. 2017. № . 3(46). P. 104–109.
4. Markin V.V., Nelyubin A.A. Social modeling of spatial transformations. Monitoring of regional authorities // Russia is reforming. Yearbook / Ed. by M.K. Gorshkov. Issue 8. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2009. P. 76–90.
5. Markin V.V. Regional policy: innovative vector of social modeling // Innovation. 2011. № . 1 (147). P. 38–44.
6. Shcherbina V.V. Sociology of management as a special socio-regulatory theory: genesis, growth, prospects // Sociological research. 2020. № 5. P. 56–66. DOI: 10.31857/S013216250009420–5.
7. Markin V.V. The social space of Russia in the regional dimension: sociological analysis, modeling, monitoring // Russia and the world: global challenges and strategies of socio-cultural modernization. Materials of the International scientific and practical conference (Moscow, October 12–13, 2017) / Ed. A.V. Tikhonov. M.: FNISCP RAS, 2017. P. 82–87.
8. Shcherbina V.V. Socio-diagnostic technologies in management: theoretical and methodological aspects of development and application // Sociological Research. № . 3. 2007. P. 30–42.
9. Management of territory development: regional aspect: monograph / under the scientific editorship of A.A. Zyuskin, I.N. Svis-tunova. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of Management and Economics, 2015. 212 p.

Исследование социально-технологической культуры российских авиационно-космических предприятий

Перкова Екатерина Петровна,

старший преподаватель кафедры «Социология, психология и социальный менеджмент»
Московского авиационного института
(национального исследовательского университета)
МАИ (НИУ)
E-mail: perkovaep@yandex.ru

В статье приведены результаты социологического исследования социально-технологической культуры ведущих российских аэрокосмических предприятий. Социально-технологическая культура является частью организационной культуры, определяющей условия и возможности разработки и использования социальных технологий для решения различных типов организационных задач, важных для высокотехнологического предприятия. По результатам опроса (N=360) было выявлено, что для них характерно сочетание иерархической и клановой организационной культуры. Среди ценностей, важных для инновационного развития, относительно высоко выраженными оказались ценности компетентности и межфункциональной кооперации, тогда как наиболее проблемными являются открытость и оценка вклада работника. На практическом уровне социально-технологической культуры было выявлено преобладание общей процедурной организации и нереализованный запрос на инновационно-технологическую ориентацию. Также были охарактеризованы практические элементы социально-технологической культуры в четырех областях организационных задач, важных для развития социальных технологий на высокотехнологическом предприятии (инновации и трансфер знаний, организационные коммуникации, управление человеческими ресурсами, использование материальных технологий). Корреляционный анализ позволил установить взаимосвязь нормативных и практических элементов. Результаты исследования позволили определить главные проблемы социально-технологической культуры российских аэрокосмических предприятий.

Ключевые слова: организационная культура, социально-технологическая культура, социальные технологии, высокотехнологические отрасли, авиационно-космическая отрасль.

Введение

Российская авиационно-космическая отрасль является одной из немногих отраслей, которые имеет потенциал и сохраняет конкурентоспособность на мировом уровне. Однако постепенно сохранение глобальной конкурентоспособности становится все более сложной задачей, особенно в ситуации усиления международных санкций и на фоне активного развития частных космических предприятий в развитых странах. Это требует понимания внутренних резервов и возможностей для сохранения конкурентоспособности и развития потенциала высокотехнологических предприятий, реализуемых на уровне конкретных предприятий.

Одним из наименее изученных организационных факторов, которые имеют потенциал повышения качества и результативности организационного функционирования высокотехнологического предприятия, является социально-технологическая культура. Понятие социально-технологической культуры использовалось рядом российских исследователей [1–4], однако так и не стало пока достаточно разработанным, специфичным и эмпирически изученным. Общая идея социально-технологической культуры связана с определением способности и готовности к разработке, внедрению и использованию в своей деятельности социальных технологий, то есть, устойчивых, воспроизводимых способов решения определенных управленческих задач, основанных на понимании закономерностей социального поведения и социальных отношений. Однако обычно понятие социально-технологической культуры рассматривается на индивидуально-личностном уровне, что не соответствует современным представлениям о природе и роли культурных факторов в деятельности предприятия.

Более корректным представляется рассматривать понятие социально-

технологической культуры на корпоративном уровне [5]. В этом случае она может рассматриваться как часть организационной культуры, роль которой в организационных процессах и результативности в настоящее время надежно установлена. В общем смысле, под социально-технологической культурой высокотехнологического предприятия можно понимать ту часть организационной культуры, которая связана с возможностями и условиями разработки и внедрения на предприятии социальных технологий. Опираясь на теорию организационной культуры Э. Шейна [6], в ней можно выделить ценностные и практические аспекты. Ценности, декларируемые и поддерживаемые в компании, влияют на способы решения практических задач внутри организации.

Необходимо отметить, что социально-технологическая культура ничего не говорит о конкретных социальных технологиях, которые используются или могут использоваться в организации. Социальные технологии являются конкретными и предназначены для решения вполне определенных задач. Однако сама возможность и готовность компании к их использованию носит более общий характер и опирается на ценности и практики, которые регулируют организационные процессы в определенной области. Общая гипотеза заключается в том, что компании, имеющие более развитую социально-технологическую культуру, лучше подготовлены к разработке и использованию социальных технологий при решении определенных организационных задач и имеют больший потенциал для развития и конкурентоспособности.

Методы

Отталкиваясь от общей концепции социально-технологической культуры, в конце 2021 года нами было проведено социологическое исследование. В ходе исследования были опрошены 360 сотрудников ведущих российских предприятий авиационно-космической отрасли: ПАО «Ил», НПО Лавочкина, ВПК «НПО

Машиностроения», ЦАГИ, АО «Компания Сухой», РКК «Энергия», концерн «Алмаз-Антей» и некоторых других. Опрос проводился в онлайн-формате и охватывал основной конструкторский, инженерный и производственный персонал. В ходе исследования измерялись следующие основные переменные:

- тип организационной культуры по Камерону-Куинну [7];
- восемь ценностей социально-технологической культуры, которые считаются значимыми для инновационной деятельности [8];
- общая ориентация организационных практик (клиентская, процедурная, инновационно-технологическая);
- организационные практики в четырех областях потенциального применения социальных технологий (инновации и трансфер знаний, организационные коммуникации и социальный капитал, управление человеческими ресурсами, использование материальных технологий).

Результаты и обсуждение

Первый исследовательский вопрос заключался в определении доминирующего типа организационной культуры в российской авиационно-космической отрасли. Для этого была использована диагностическая методика Камерона-Куинна, в которой респонденты распределяют 100 баллов между характеристиками организации, описывающими четыре типа культуры. Итоговое усредненное распределение, показывающее типичное для отрасли состояние, оказалось следующим:

- иерархическая культура – 37,3;
- клановая культура – 32,7;
- рыночная культура – 17,3;
- адхократическая культура – 12,8.

Организационная культура российских аэрокосмических предприятий является смесью иерархической и клановой. Первая акцентирует внимание на бюрократических процессах, централизации и административном контроле, вторая – на важности групповой сплоченности и социальной организации. Их общими чертами является важ-

ность стабильности, негибкость, социальная закрытость и отсутствие ориентации на результат. При этом адхократическая и рыночная культуры, которые считаются более способствующими инновационной деятельности, выражены слабо.

Второй вопрос заключался в оценке представленности восьми ценностей, которые, по имеющимся данным, способствуют инновационной деятельности. Средняя оценка по 7-бальной шкале для каждой ценности, полученная по результатам ответов на 20 вопросов, составила:

- компетентность и профессионализм – 5,0;
- межфункциональная кооперация – 5,0;
- ориентация на успех – 4,7;
- качество внутренних коммуникаций – 4,7;
- стабильность – 4,7;
- личная ответственность работника – 4,5;
- открытость и гибкость – 4,3;
- оценка вклада работника – 4,2.

Принимая во внимание общую склонность к смещению оценок вправо, результаты тем не менее позволяют оценить относительную выраженность отдельных ценностей. Наиболее выраженные ценности (компетентность, межфункциональная кооперация и ориентация на успех), на наш взгляд, отражают специфику аэрокосмической отрасли: высокий научно-технический уровень, организационную и техническую сложность реализуемых проектов, традиции лидерства и конкурентоспособности на мировом уровне. Этот блок можно считать сильной стороной российских предприятий. Напротив, слабая сторона связана с ценностями открытости и оценки вклада работников, – что можно считать отражением общей склонности к иерархической культуре. Отдельное внимание следует указать на ценность стабильности. Учитывая, что эта ценность считается отрицательной связанной с инновационной деятельностью, ее достаточно высокий уровень позволяет ее также отнести к слабым

местам социально-технологической культуры.

Третий вопрос касался определения выраженности трех общих организационных ориентаций, показывающих, как в целом выстраиваются практики и решаются задачи на предприятиях. При этом респонденты оценивали не только фактическое состояние, но и свои предпочтения, что позволили выявить субъективное восприятие проблем в этом аспекте. Результаты показали, что в российских аэрокосмических предприятиях преобладает процедурная ориентация (5,0 баллов по 7-бальной шкале), что согласуется с выраженностью иерархической культуры. Наименее выражена инновационно-технологическая ориентация, связанная с ориентацией на технологическое превосходство (3,8 балла); клиентская ориентация занимает промежуточное положение (4,4). При сравнении фактического и нормативного значения был выявлен существенный запрос на усиление инновационно-технологической ориентации (4,9 балла). Одновременно имеется запрос на сохранение текущего уровня процедурной ориентации и некоторое повышение клиентской (4,9).

Следующий исследовательский вопрос связан с определением фактической и предпочтительной выраженности отдельных видов организационных практик в областях потенциального внедрения социальных технологий, необходимых для инновационной деятельности и эффективности высокотехнологического предприятия. Ответы респондентов на серию вопросов позволили определить основные проблемы практического уровня социально-технологической культуры в четырех общих областях.

В области инноваций и трансфера знаний наибольшие проблемы зафиксированы в отношении практик, связанных с активным извлечением знаний, то есть, способностью руководства использовать человеческий капитал и извлекать ценные профессиональные знания из своих сотрудников. Фактиче-

ский уровень выраженности этого типа практик составил 3,8 баллов по 7-бальной шкале при среднем уровне ожиданий и запросов в 5,3 балла. Проблемными следует считать и практики открытых инноваций, то есть, вовлечения субъектов за пределами организации в инновационный процесс (фактическое значение – 4,2 балла, ожидаемое – 5,0). Относительно более благополучными являются практики в области горизонтального трансфера знаний (фактическое значение – 4,7 балла, ожидаемое – 5,6).

В области организационных коммуникаций и социального капитала наибольшие проблемы наблюдаются в практиках институционализированных коммуникаций, то есть, специальных форматов для совместного решения задач и обсуждения рабочих вопросов, в том числе сотрудниками разных подразделений (фактическое значение – 3,7 балла, ожидаемое – 5,0). Три прочих типа практик выражены умеренно и также нуждаются в улучшении, но в меньшей степени: профессиональная связность, то есть, вовлечение других сотрудников в процессы оценки результатов и решения проблем (4,3 и 4,9 балла), неформальные коммуникации (4,4 и 4,9), коллективная ответственность (4,5 и 5,4).

В области управления человеческими ресурсами наибольшие проблемы зафиксированы в отношении практик, выражающих меритократические принципы вознаграждения и продвижения сотрудников. Это включает в себя в том числе практики непотизма, которые достаточно широко распространены в российских аэрокосмических предприятиях (средняя оценка выраженности – 5 баллов) и при этом считаются не соответствующими желаемому состоянию дел (3,7 балла). Наименее характерными для российских предприятий являются практики дискуссий с руководством (3,3 балла), но и запрос на них отсутствует (4,3 балла). И то и другое отражает особенности иерархической организационной культуры и общим чертам российской деловой культуры, которая

подразумевает сохранение высокой социальной дистанции между руководством и сотрудниками.

В области использования материальных технологий серьезные проблемы выявлены в практиках использования передовых технологий и обобщения в профессиональной работе (фактический уровень – 4,2 балла, желаемый – 5,8). Работники, не имеющие навыков регулярного освоения новых физических и информационных технологий, новых приемов и методов работы, способов организации труда, вряд ли смогут успешно разрабатывать передовые технологии, – и эта проблема явно воспринимается работниками. Также зафиксированы проблемы, связанные с практиками, позволяющими при необходимости менять технические процедуры и правила. Являясь отражением процедурной ориентации, эти сложности становятся самостоятельным барьером для внедрения новых способов работы, в том числе новых социальных технологий.

Наконец, был поставлен исследовательский вопрос о взаимосвязи ценностного и практического уровней социально-технологической культуры. Согласно логике концепции, восемь названных ценностей должны способствовать развитию организационных практик в областях, важных для высокотехнологического предприятия, причем во всех случаях кроме стабильности такая связь предполагается положительной. Корреляционный анализ подтвердил эту гипотезу, хотя позволил выявить и более дифференцированную картину, в которой разные ценности способствуют разным типам практики в большей или меньшей степени. Так, для практик инноваций и трансфера знаний особенно большое значение имеют ценности межфункциональной кооперации, открытости, признания вклада работника, ориентации на успех. В области организационных коммуникаций и социального капитала наиболее выраженная связь с ценностями наблюдается в отношении практик институциональной коммуникации.

Особенно сильное влияние на них оказывают ценности открытости и ориентации на успех. В отношении практик в сфере HR-менеджмента наиболее заметно влияние всех восьми ценностей на практики вознаграждения, причем в семи случаях связь является положительной, а в случае стабильности – отрицательной. Аналогичный характер связи выявлен в отношении большинства практик, связанных с использованием материальных технологий. Эти результаты не только показывают конкретные направления связи между ценностными и практическими элементами, но и подтверждают логику самой концепции социально-технологической культуры.

Заключение

Полученные результаты подтверждают, что поддержка ценностных ориентаций социально-технологической культуры способствует распространению организационных практик, позволяющих решать задачи, необходимые для инновационного развития высокотехнологического предприятия. Там, где такие практики сложились и поддерживаются имеющимися ценностями, руководство может разрабатывать и внедрять соответствующие социальные технологии, рассчитывая на позитивные результаты. Для российских аэрокосмических предприятий примером такой области может выступать сфера горизонтальных рабочих коммуникаций, как внутри-, так и междепартаментальной. Для нее, в целом, существуют предпосылки внедрения конкретных социальных технологий.

В тех областях, в которых практики наименее развиты и не поддерживаются релевантными ценностями, необходимо сосредоточить основные управленческие усилия. Внедрение в них социальных технологий вряд ли окажется успешным. Хотя к таким проблемным областям можно отнести большинство из изученных в ходе исследования, на ценностном уровне наибольшие усилия требуются по продвижению ценностей открытости и гибкости. Они оказывают наиболее общее положи-

тельное влияние на различные практики и при этом являются наименее выраженными в российских предприятиях авиационно-космической отрасли. Однако устойчивый положительный результат в масштабах всей организации может быть получен только при системных усилиях, направленных на продвижение всех ключевых ценностей социально-технологической культуры и поддержке общей инновационно-технологической ориентации организационных практик.

Литература

1. Дятченко Л.Я., Бабинцев В.П. Формирование социально-технологической культуры как теоретическая и праксеологическая проблема // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 65–70.
2. Сычева М.И. Теоретические аспекты формирования социально-технологической культуры специалиста // Социология и жизнь. 2009. № 3. С. 76–82.
3. Лазукова Е.А. Управление и социально-технологическая культура // Шумпетеровские чтения. 2017. Том 1. С. 156–161.
4. Бурмыкина И.В. Социально-технологическая культура государственных и муниципальных служащих // Социология власти. 2007. № 6. С. 83–87.
5. Бурмыкина И.В., Беляева К.В. Корпоративная социально-технологическая культура промышленного предприятия // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 16. Вып. 25. С. 148–158.
6. Schein E., Schein P. *Organizational Culture and Leadership*. 5th ed. Hoboken: Wiley, 2017. 308 p.
7. Cameron K.S., Quinn R.E. *Diagnosing and Changing Organizational Culture: Based on the Competing Values Framework*. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass, 2011. 268 p.
8. Hogan S.J., Coote L.V. *Organizational culture, innovation, and performance: a test of Schein's model* //

Journal of Business Research. 2014. Vol.67. P. 1609–1621.

THE STUDY OF SOCIOTECHNOLOGICAL CULTURE OF RUSSIAN AEROSPACE COMPANIES

Perkova E.P.

Senior lecturer at the Department of Sociology, Psychology and Social Management, Moscow Aviation Institute (National Research University) MAI

The article presents the results of a sociological study of the socio-technological culture of the leading Russian aerospace enterprises. Socio-technological culture is part of the organizational culture that determines the conditions and opportunities for the development and use of social technologies to solve various types of organizational tasks that are important for a high-tech enterprise. According to the survey results (N=360), it was revealed that Russian companies are characterized by a combination of hierarchical and clan organizational cultures. Among the values important for innovations, competence and cross-functional cooperation are relatively high, whereas the most problematic are openness and evaluation of the employee's contribution. At the practical level, the dominance of a common procedural organization and an unfulfilled request for innovation-technological orientation were revealed. The study also characterized the practical elements of socio-technological culture in four areas of organizational tasks that are important for the development of social technologies in a high-tech enterprise (innovation and knowledge transfer, organizational communications, human resource management, use of material technologies). Relationship between normative and practical elements were investi-

gated using correlation analysis. The results of the study helped to identify the main problems of the socio-technological culture of Russian aerospace enterprises.

Keywords: organizational culture; sociotechnological culture; social technologies; high technology industries; aerospace industry.

References

1. Dyatchenko L. Ya., Babintsev V.P. Formation of socio-technological culture as a theoretical and praxeological problem. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011. No. 7. pp.65–70.
2. Sycheva M.I. Theoretical aspects of the formation of a socio-technological culture of a specialist // *Sociology and Life*. 2009. № 3. pp.76–82.
3. Lazukova E.A. Management and socio-technological culture // *Schumpeter Readings*. 2017. Volume 1. P. 156–161.
4. Burmykina I.V. Socio-technological culture of state and municipal employees // *Sociology of power*. 2007. No. 6. C.83–87.
5. Burmykina I.V., Belyaeva K.V. Corporate socio-technological culture of an industrial enterprise. *Nauchnye Vedomosti BelSU. Series: Philosophy. Sociology. Right*. 2013. No. 16. Issue. 25. P. 148–158.
6. Schein E., Schein P. *Organizational Culture and Leadership*. 5th ed. Hoboken: Wiley, 2017. 308 p.
7. Cameron K.S., Quinn R.E. *Diagnosing and Changing Organizational Culture: Based on the Competing Values Framework*. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass, 2011. 268 p.
8. Hogan S.J., Coote L.V. Organizational culture, innovation, and performance: a test of Schein's model // *Journal of Business Research*. 2014. Vol.67. P. 1609–1621.

Социальное предпринимательство как элемент городской социальной инфраструктуры

Федоринин Николай Михайлович,
аспирант, кафедра управления персоналом,
Институт государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: socmanconsult@gmail.com

С 2019 года в России официально закрепился новый вид экономической деятельности – социальное предпринимательство. Несмотря на свою богатую историю законодательное основание этот феномен получил совсем недавно. Трудно недооценить значимость социальных предпринимателей для отечественной экономики, особенно на фоне серьезных политических и экономических трансформационных процессов. Данная статья посвящена одной из самых важных функций социального предпринимательства, а именно удовлетворение потребностей социально незащищенных слоев населения за счет предоставления им возможности пользования своими услугами по адаптированным под них ценам, а также предоставляет возможность для межличностной коммуникации и неформального общения. Цель статьи заключается в обосновании значимого вклада в повышение уровня жизни социально незащищенных слоев населения со стороны субъектов социального предпринимательства.

Ключевые слова: экономическая социология, городские сообщества, социальное предпринимательство, социально незащищенные слои населения, социология города.

В 2019 году в России официально закреплён новый вид экономической деятельности – социальное предпринимательство. Активно развивается система государственной поддержки социальных предприятий, о чем свидетельствует образование официальных реестров социальных предприятий в разных регионах страны, а также образование ассоциаций и профессиональных союзов. Трудно переоценить вклад социальных предприятий в развитие экономик городских округов и областей. Помимо реализации экономических целей подобные предприятия несут социальную нагрузку, что следует из самой приставки «социальные», а также из Федерального закона [1], где прописана вся необходимая информация о таком виде экономической деятельности. Для получения предпринимателем возможности войти в официальный реестр социальных предприятий существует определённый порядок сбора документов, в которых утверждается, что предприятие несет социальную нагрузку по одной (или более) из четырех категорий. Таким образом «социальным» предприятие считается, если:

1. на предприятии трудоустроен определённый процент социально незащищенных категорий граждан;
 2. предприятие производит/реализует продукт с участием социально незащищенных категорий граждан;
 3. предприятие производит продукт для социально незащищенных категорий граждан;
 4. деятельность предприятия направлена на общественно-полезные цели, образовательную и культурно-просветительскую деятельность. [2]
- Исходя из данной информации следует, что так или иначе деятельность социальных предприятий направлена на удовлетворение потребностей социально незащищенных слоев населения. Если ситуация с первыми тремя

категориями предприятий достаточно прозрачна, то четвертая категория вызывает некоторые бюрократические вопросы. Как идентифицировать общественно-полезные цели, какие для этого существуют инструменты и индикаторы, какие примеры существуют подобных целей? Для более подробного описания характеристик общественно-полезных целей в данной статье будет произведен анализ исследования дипломной работы автора «Городские сообщества малых городов». Основываясь на работах классиков чикагской школы социологии Р. Парка [3], Л. Вирта [4] и Э. Берджесса [5] был произведен анализ городского сообщества «любителей бани» в городском округе Павловский Посад Московской области, масштабов этого сообщества и влияния его существования на жителей и Муниципалитет города. Точкой сбора данного сообщества является социальный банный комплекс «У Михалыча», который в настоящий момент входит в реестр социальных предприятий Московской области [6].

Содержание исследования и анализ результатов

Исследование заключалось в анализе группы жителей, посещающих местный социальный банный комплекс как городское сообщество за счет собственной неформальной самоорганизации, плотной межличностной коммуникации, общих традиций, обычаев и мотивов посещения предприятия. После проведения глубинного неформального интервью с директором предприятия Михаилом было выяснено, что сам банный комплекс был основан в конце XIX – начале XX века местным Камвольным комбинатом для собственных сотрудников и жителей города. В 90-е года банный комплекс репрофилировали в овощную базу, здание пришло в запустение. В 2000 году Михаил взял здание комплекса в муниципальную аренду и начал его активно восстанавливать. В данный момент банный комплекс функционирует, оказывая льготы на предоставляемые услуги социально незащищенным слоям

населения. В 2019 году банный комплекс был включен в самый первый реестр социальных предприятий и подтверждает этот статус ежегодно. Автор статьи, исследуя посетителей банного комплекса в традициях Чикагской школы социологии города, обосновал, что посетителей можно отнести к городскому сообществу. Как было сказано ранее, был применен метод глубинного интервью, в ходе которого были опрошен директор предприятия и двадцати посетителей сплошной выборкой, а также метод включенного наблюдения за всеми этапами принятия посетителями банно-гигиенических услуг.

В ходе проведения интервью с директором были выяснены интересные обстоятельства взаимоотношений руководства банного комплекса с Муниципалитетом города. На протяжении всего срока функционирования предприятия под руководством директора Михаила была совершена серия «нападений» со стороны местных властей с целью репрофилировать предприятие под более прибыльный бизнес (ресторан, автосервис и т.д.). Михаил вместе с посетителями предотвратили закрытие предприятия, в 2014 году были совершена серия митингов местных жителей с лозунгами «Руки прочь от нашей бани». По словам директора, в месяц баню посещают порядка 3000 человек, и все дело в том, что порядка 70% посетителей – представители социально незащищенного слоя населения, а именно: пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи. В дополнении к этим категориям льготными ценами на банные услуги пользуются ветераны ВОВ и дети. «Если закроется баня, то у посетителей не будет альтернативного места проведения досуга». Помимо возможности провести досуг посетители активно пользуются банно-гигиеническими услугами и по другим причинам. Трое из двадцати опрошенных не имеют газового отопления в загородных домах, поэтому вынуждены пользоваться банными услугами. Половина опрошенных утвердила тот факт, что их семьи посещали банный ком-

плекс поколениями, передавая эту традицию от родителей к детям еще с начала XX века. Все опрошенные не рассматривают альтернативные возможности проведения досуга (бары, кафе, почасовые бани и сауны) по той причине, что даже не хотят рассматривать никакие конкурирующие предприятия. Необходимо отметить, что социальный банный комплекс «У Михалыча» является общественным, с отдельными днями для мужчин и женщин, почасовой оплаты нет, посетители могут принимать банные процедуры с открытия предприятия и до самого закрытия.

В ходе проведения включенного наблюдения было выяснено, что все посетители бани – один коллектив. Практически каждый знает друг друга в лицо, все здороваются друг с другом, поддерживают активную коммуникацию на протяжении всего процесса принятия банно-гигиенических услуг. В самой «парной» комнате существует свой порядок проведения процедуры парения, есть своя градация «баньщиков» на «старичков» и «молодых», у которых наблюдаются разные функции. В предбанном помещении есть просторный бар-буфет где регулярно проходят турниры по настольным играм, групповые просмотры спортивных матчей, празднуются различные мероприятия большими коллективами посетителей. Раз в неделю проводится встреча клуба «Любителей сухого пара и свежего пива», суть которого заключается исключительно в совместном парении по собственным традициям и межличностной коммуникации.

Выводы

Исходя из исследований классиков Чикагской школы социологии существование городских сообществ необходимо для развития гражданского общества и улучшения качества жителей городов. Значение городских сообществ в малых городах лишь возрастает по сравнению с крупными городами в связи с ограниченной инфраструктурой. Политика, направленная на развитие социального предпринимательства в нашей стране,

способствует развитию и укреплению позиций городских сообществ, так как некоторые социальные предприятия могут быть точками сбора подобных сообществ. Посетителей социального банного комплекса «У Михалыча» в городе Павловский Посад можно отнести к городскому сообществу, так как они самоорганизуются на неформальной основе, имеют долгую историю взаимодействия с предприятием, свои традиции, характерные именно для этой совокупности людей и этого предприятия, клубы по интересам. Многие посетители посещают данное предприятие поколениями, передавая эту традицию от старших к младшим. Социальные предприятия четвертой категории не менее важны по сравнению с остальными, пример осуществления общественно важных целей рассмотрен и проанализирован.

Позиция автора совпадает с позицией В.А. Бариновой [7], которая заключается в создании общей картины самобытности социального бизнеса в России за счет эмпирических исследований данного феномена поэтапно, начиная с регионов и областей. Данное исследование лишь одно из серии исследований схожего характера, направленных на развитие системы знаний о российском социальном предпринимательстве.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации [Текст]: федер. закон: [принят Гос. Думой 6 июля 2007 г.: одобр. Советом Федерации 11 июля 2007 г.]. – N0001201907260077.
2. <https://мойбизнес.рф/novosti/news/oformit-status-sotsialnogo-predpriyatiya-mozhno-v-techenie-goda> (Дата обращения: 30.04.2021)
3. Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Парк Р.Э. Избранные очерки: сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. пси-

- хологии; сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН. 320 с. 2011 г.
4. Вирт Л. Человеческая экология // Вирт Л. Избранные работы по социологии: сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии; пер. с англ. В.Г. Николаев; отв. ред. Л.В. Гирко. М.: ИНИОН РАН. 244 с. 2005 г.
 5. Берджесс Э.У. Рост города: введение в исследовательский проект // Чикагская социология: сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии; сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН-РАН. 430 с. 2015 г.
 6. <https://mb.mosreg.ru/content/Реестр-социальных-предприятий> Дата обращения: 01.05.2021)
 7. Баринаева В.А. Зарубежный опыт развития социального предпринимательства и возможность его применения в России / В. Баринаева – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. – ил. – (Научные труды / Ин-т экономической политики имени Е.Т. Гайдара; № 174Р). – ISBN978–5–93255–532–3. 100 с.

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP AS AN ELEMENT OF URBAN SOCIAL INFRASTRUCTURE

Fedorinin N.M.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Since 2019, a new type of economic activity has been officially established in Russia – social entrepreneurship. Despite its rich history, this phenomenon received a legislative basis quite recently. It is difficult to underestimate the importance of social entrepreneurs for the domestic economy, especially against the backdrop of serious political and economic transformation processes. This article is devoted to one of the most important functions of social entrepreneurship, namely, meeting the needs of socially vul-

nerable segments of the population by providing them with the opportunity to use their services at prices adapted to them, and provides an opportunity for interpersonal communication and informal communication. The purpose of the article is to substantiate a significant contribution to improving the living standards of socially unprotected segments of the population by the subjects of social entrepreneurship.

Keywords: economic sociology, urban communities, social entrepreneurship, socially vulnerable groups of the population, sociology of the city.

References

1. Russian Federation. The laws. On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation [Text]: Feder. law: [adopted by State. Duma July 6, 2007: approved. Federation Council on July 11, 2007]. – N0001201907260077.
2. <https://mybusiness.rf/novosti/news/oformit-status-sotsialnogo-predpriyatiya-mozhno-v-techenie-goda> (Date of access: 04.30.2021)
3. Park R.E. Urban community as a spatial configuration and moral order // Park R.E. Selected essays: Sat. translations / RAS. INION. Center for social scientific-inform. research. Dep. sociology and social. psychology; comp. and trans. V.G. Nikolaev; resp. ed. D.V. Efremenko. Moscow: INION RAN. 320 p. 2011
4. Wirth L. Human ecology // Wirth L. Selected works in sociology: Sat. translations / RAS. INION. Center for Social Science and Information Research. Department of Sociology and Social Psychology; per. from English. V.G. Nikolaev; resp. ed. L.V. Girkov. Moscow: INION RAN. 244 p. 2005
5. Burgess E.W. Urban Growth: An Introduction to a Research Project // Chicago Sociology: Sat. translations / RAS. INION. Center for Social Science and Information Research. Department of Sociology and Social Psychology; comp. and trans. from English. V.G. Nikolaev; resp. ed. D.V. Efremenko. M.: INION RAN. 430 p. 2015
6. <https://mb.mosreg.ru/content/Register-of-social-enterprises> (Date of access: 05.01.2021)
7. Barinova V.A. Foreign experience in the development of social entrepreneurship and the possibility of its application in Russia / V. Barinova – М.: Publishing House of Inta Gaidar, 2018. – ил. – (Scientific works / E.T. Gaidar Institute of Economic Policy; No. 174Р). – ISBN978–5–93255–532–3. 100 p.

Преодоление цифрового разрыва в России: региональный аспект проблемы реализации человеческого потенциала в условиях неравного доступа к информационно-коммуникационным технологиям

Чайковская Анна Маркиановна,

студентка кафедры социологии факультета международной журналистики Московского государственного института международных отношений (МГИМО – Университет МИД России)
E-mail: chajkovskaya.a.m@ny.mgimo.ru.

В статье рассматривается проблема корреляционной зависимости цифрового разрыва и развития человеческого потенциала в регионах России. Анализируются подходы к определению цифрового разрыва, в том числе в статье формулируется определение цифрового разрыва с точки зрения дихотомического подхода. Характеризуются социально-демографические, экономические, географические факторы диспропорции доступа к ИКТ, рассматривается трехуровневый подход к оценке уровня цифрового неравенства, а также выявляются три этапа цифрового разрыва. При помощи структурно-сравнительного анализа рассматривается специфика взаимосвязи ИРЧП и ИРИКТ. В выводах работы автор предлагает основные возможные направления по преодолению цифрового разрыва в регионах России. Согласно результатам исследования, диспропорция распространения ИКТ на региональном уровне России связана с недостаточным уровнем развития человеческого потенциала. В этой связи обосновывается корреляционная зависимость цифрового разрыва и развития ИРЧП в регионах России.

Ключевые слова: цифровой разрыв, факторы цифрового разрыва, цифровое неравенство, индекс развития человеческого потенциала, диспропорция доступа к информационно-коммуникационным технологиям, структурно-сравнительный анализ регионов России.

Введение

В современном мире, несмотря на очевидный потенциал возможностей и ресурсов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), возникает проблема глубокой дифференциации их распространения, приводящая к негативным последствиям в экономической, социальной и культурной сфере. В связи с тем, что стратегические планы развития стран напрямую зависят инновационной направленности, ИКТ расширяют уже существующий разрыв, как между отдельными государствами, так и между регионами внутри страны [Ferreira, 2021]. Катализатором цифрового разрыва стала пандемия коронавирусной инфекции, усугубившая проблему социально-экономического неравенства [Cheshmehzangi, 2022]. По нашему мнению, последствия цифрового разрыва в период вынужденной изолированности продемонстрировали очевидную необходимость доступа к ИКТ, без которых стало невозможно взаимодействовать, обучаться и удаленно работать.

Неразрывная связь между высокой степенью диспропорции распространения ИКТ и темпами регионального развития является, на наш взгляд, главной проблемой в Российской Федерации. Как следствие, актуальность темы исследования обусловлена необходимостью анализа дифференциации развития ИКТ на региональном уровне в России. В статье главной целью является выявление корреляционной зависимости цифрового разрыва и развития человеческого потенциала в регионах России. В работе предлагается решить следующие задачи: охарактеризовать факторы диспропорции доступа к ИКТ, а также провести структурно-

сравнительный и корреляционный анализ зависимости ИРЧП и ИКТ на региональном уровне России.

Материал и методы исследования

В качестве материала статьи были выбраны: исследования о развитии человеческого потенциала в регионах России в рамках программы ООН, статистические данные и программы преодоления диспропорции доступа к ИКТ института исследований развивающихся рынков бизнес-школы «СКОЛКОВО», результаты исследований Центра гуманитарных технологий, а также основные отечественные и зарубежные научные труды на тему специфики цифрового разрыва. Среди ведущих методов исследования проблемы были использованы: анализ научных источников, анализ показателей статистики, структурно-сравнительный анализ.

По нашему мнению, в каждом из определений «digital divide» можно обнаружить описание явления диспропорции доступа к ресурсам и возможностям ИКТ. Полагаем, наиболее подходящее контекстуальное объяснение термина «цифрового разрыва» в данной статье связано с региональным фактором. Например, А.Л. Миночкин выделяет трактовку термина цифрового разрыва, рассматривая в своем исследовании критерий диспропорции доступа к ИКТ с точки зрения экономических условий государств и регионов [Миночкин, 2013]. Однако если учесть региональные особенности, рассматриваемое понятие можно определить как раскол между теми регионами страны, которые имеют регулярный доступ к ИКТ, и теми регионами, которые не располагают подобным доступом. Рассмотрим факторы цифрового разрыва.

Согласно зарубежному исследованию Г. Реддик, среди факторов, влияющих на распространение ИКТ выделяют: социально-демографические, экономические и географические факторы [Реддик, 2020]. Отечественный исследователь Т.Н. Беляцкая предлагает иную классификацию факторов, среди

них: фактор знаний и навыков в сфере ИКТ, технические факторы, социальные и инфраструктурные факторы [Беляцкая, 2019]. Полагаем, комплексный подход к исследованию факторов цифрового разрыва позволит выявить главные причины диспропорции доступа к ИКТ и, как следствие, определить пути его преодоления в регионах России.

По мнению исследователей В.Е. Шкурко и Д.М. Казаковой, анализ социально-демографического фактора предполагает рассмотрение численности населения, гендерный и возрастной состав, род занятий, уровень образования [Шкурко, Казакова, 2020]. Кроме того, как отмечает немецкий исследователь Э. Бернхард, необходимо обращать внимание на степень диспропорции в развитии современных профессиональных компетенций [Bernhard, 2020]. По нашему мнению, данный тезис обосновывается тем обстоятельством, что, например, в период распространения пандемии, умение использовать ИКТ стало необходимым навыком.

Профессор экономики С.Г. Григорьев отмечает, что экономический фактор цифрового разрыва представляет собой неравный доступ к ИКТ, связанный с особенностями экономической политики страны [Григорьев, 2018]. Полагаем, использование цифровых технологий приобретают приоритетное значение, так как экономический рост страны напрямую зависит от цифровизации экономики. Как отмечает Т.Н. Беляцкая, инфраструктурный фактор является определяющим в контексте цифрового разрыва страны. По нашему мнению, инфраструктура представляет собой огромную значимость для развития цифровой экономики, так как легче всего поддается анализу для выработки стратегических программ.

Анализ научной литературы позволяет заключить, что фактор человеческого потенциала играет главную роль в эпоху цифрового разрыва. Важно отметить, что, согласно статистическим данным Всемирного экономического форума, к 2030 году в связи с цифровизацией профессий, более 75 миллио-

нов рабочих мест будут сокращены, при этом появится более 133 миллионов новых рабочих мест [Franco, 2021]. Однако, как справедливо замечает немецкий исследователь Э. Бернхард, главная проблема современного человека заключается в том, что необходимо постоянно трансформировать свои профессиональные компетенции [Bernhard, 2020]. При этом, как отмечает исследователь Н.А. Литвинова, в обществе существует диспропорция уровня образования в сфере ИКТ [Литвинова, 2021]. Следовательно, образовательный фактор также выступает главным катализатором цифрового разрыва.

Г. Реддик отмечает, что анализ географического фактора предполагает рассмотрение неравенства между группами населения с точки зрения регионального подхода [Реддик, 2020]. По нашему мнению, необходимо разделить регионы на две категории: первая категория исключена из цифровой среды, так как регионы не имеют доступ (или имеют недостаточный доступ) к ИКТ и, как следствие, лишены более широкого круга ресурсов. Вторая категория состоит из регионов, которые включены в цифровую среду и имеют доступ к возможностям. Итак, структурный анализ показал, что цифровой разрыв на межрегиональном уровне в России определяется факторами, которые многократно исследованы в рамках проблемы межгосударственного цифрового разрыва, главным катализатором которого является нереализованный человеческий потенциал.

Для дальнейшего исследования необходимо выявить способы оценки цифрового разрыва. Так, согласно результатам проведенных исследований Центром гуманитарных технологий, оценка уровня цифрового разрыва должна основываться на анализе трех взаимосвязанных компонентов: степень доступности к ИКТ, возможность использовать ИКТ и эффективность использования ИКТ в различных структурах общества [Басова, 2020]. По нашему мнению, обозначенные факторы имеют тесную взаимосвязь:

диспропорция уровня развития инфраструктуры ограничивает использование ИКТ и, как следствие, эффективность их использования. При недостаточном уровне реализации человеческого потенциала, на наш взгляд, невозможно использовать ресурсы и возможности ИКТ на межрегиональном и межгосударственном уровне. В данной работе предлагается рассмотреть второй уровень оценки цифрового разрыва – возможность использовать ИКТ.

Анализ научных источников на тему цифрового разрыва позволяет заключить, что в настоящее время крайне важным является исследование проблемы человеческого развития, реализации человеческого потенциала в контексте диспропорции доступа к ИКТ в регионах [Bernhard, 2020]. По нашему мнению, для анализа корреляционной зависимости цифрового разрыва и развития человеческого потенциала в регионах России необходимо определить ключевые показатели измерения индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). Так, кандидат экономических наук Е.А. Басова отмечает, что оценка уровня интенсивности использования ИКТ предполагает анализ знаний и навыков населения, цифровой грамотности общества, опыт использования ИКТ [Басова, 2020]. Немецкий исследователь трехуровневого подхода к оценке цифрового разрыва в регионах Д. Феррейра выявляет специфические измерения ИРЧП: грамотность, образование, продолжительность жизни, доход, ВВП на душу населения [Ferreira, 2021]. Итак, среди главных параметров анализа ИРЧП обнаруживаются: параметр образования, параметр дохода и параметр долголетия. По мнению Е.В. Самородовой, ИРЧП представляет собой показатель, который характеризует уровень человеческого развития. Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ИРИКТ) представляет собой показатель, характеризующий уровень достижения с точки зрения распространения ИКТ [Самородова, 2021]. Доктор технических наук В.О. Толчеев отмечает, что ИРЧП име-

ет особую значимость для выявления уровня диспропорции доступа к экономическим и социальным возможностям между субъектами той или иной страны. ИРЧП определяется на основе данных статистики, касающихся здравоохранения, образования и экономики [Толчеев, 2014].

Результаты исследования

Для дальнейшей работы в качестве эмпирической базы анализа корреляционной зависимости цифрового разрыва и развития человеческого потенциала, на наш взгляд, необходимо рассмотреть результаты исследований в рамках программы Организации Объединенных Наций. Так, расчет ИРЧП основывается на среднеарифметической сумме трех параметров: образования, долголетия и дохода. Для каждого индекса устанавливается минимальное и максимальное значение: грамотность от 0 до 100%, продолжительность жизни от 25 до 85 лет и уровень дохода.

Регион, показатели которого занимают наивысшую точку в ИРЧП, находится на первом месте рейтинга. Последнее место в рейтинге занимает регион, показатели которого составляют ниже 0,800 ИРЧП [Толчеев, 2014]. Расчет ИРИКТ производится по следующим показателям: расходы на цифровые технологии в регионах России, уровень доступа к Интернету, количество пользователей Интернета в субъектах РФ и развитие электронного правительства. Первое место занимает регион, чьи показатели составляют выше 0,500, последнее место – ниже 0,400 [Евтушкин, 2014].

Рассмотрим в качестве примера проявления корреляционной зависимости ИРЧП и ИРИКТ статистические данные исследований ООН в 2013 г. Так, первое место в рейтинге ИРЧП занимает Москва (итоговой показатель: 0,931): грамотность – 99,99%, продолжительность жизни – 73, уровень дохода – 1.000, второе место занимает Санкт-Петербург (итоговой показатель: 0,887): грамотность – 99,99%, продолжительность жизни – 71, уровень дохо-

да – 0,919. Третью позицию занимает Тюменская область (итоговой показатель: 0,770): грамотность – 99,70%, продолжительность жизни – 69, уровень дохода – 1.000. Последнее место в списке индекса занимает Республика Тыва (итоговой показатель: 0,700): грамотность – 99,6%, продолжительность жизни – 60, уровень дохода – 0,733 [Толчеев, 2014].

Согласно рейтингу ИРИКТ, в 2013 г., первое место в рейтинге занимает Москва (итоговой показатель: 0,693), второе место – Санкт-Петербург (итоговой показатель: 0,643), пятое место занимает Тюменская область (итоговой показатель: 0,570). В списке последних мест значится Республика Тыва (итоговой показатель: 0,388) (77 место из 82) [Евтушкин, 2014]. По результатам структурно-сравнительного анализа статистических данных регионов, представляется возможным выявить степень корреляционной связи диспропорции доступа к ИКТ и недостаточным уровнем реализации человеческого потенциала на региональном уровне страны. По нашему мнению, корреляционную зависимость ИРЧП и ИРИКТ целесообразно изобразить в виде диаграммы (рисунок 1).

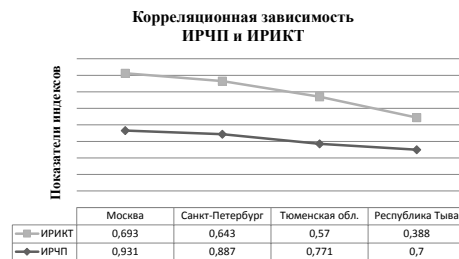

Рис. 1. Корреляционная зависимость ИРЧП и ИРИКТ (2013 г.)

Согласно представленной диаграмме, показатели ИРЧП и ИРИКТ свидетельствуют о положительной корреляционной зависимости. Попробуем доказать данную позицию помощи статистического метода. Так, интерпретация полученных данных рассчитывается по следующим величинам: очень слабая степень корреляции – 0–0,3; сла-

бая – 0,3–0,5; высокая – 0,7–0,9; очень высокая – 0,9–1. Рассчитаем степень корреляционной связи показателей ИРЧП (0,931; 0,887; 0,771; 0,7) и ИРИКТ (0,693; 0,643; 0,57; 0,388) по формуле расчета коэффициента корреляции Пирсона, представленной в исследовании Е.М. Самородовой, где X – ИРЧП (первый счет), Y – ИРИКТ (второй счет), M – математическое ожидание (рисунок 2).

$$R_{x,y} = \frac{M[XY] - M[X]M[Y]}{\sqrt{(M[X^2] - (M[X])^2)}\sqrt{(M[Y^2] - (M[Y])^2)}}$$

Рис. 2. Коэффициент корреляции по формуле Пирсона

По результатам расчета коэффициент корреляционной связи показателей ИРЧП и ИРИКТ составил 0,9516. Следовательно, согласно расчетам метода, коэффициент степени корреляции ИРЧП и ИРИКТ (0,9516) соответствует величине «очень высокая» (0,9–1). Полученный результат проведенного статистического метода, таким образом, доказывает корреляционную зависимость показателей диаграммы.

Обсуждение результатов исследования

Итак, согласно структурно-сравнительному и корреляционному анализу результатов исследований взаимосвязи ИРЧП и ИРИКТ, высокие показатели ИЧР имеют регионы, которые специализируются на добыче металлургии и топливных ресурсов. В субъектах РФ сильные сдвиги в ИРЧП не обнаруживаются. Средние показатели ИРЧП занимают 2/3 регионов, 10% составляют регионы-аутсайдеры, 20% населения с высоким уровнем живет в благополучных регионах. Следовательно, в период с 2000–2013 гг. цифровой разрыв в регионах России имеет устойчивый характер. Сравним полученные результаты ИРЧП с рейтингом ИРИКТ на региональном уровне России. В списке рейтинга ИРИКТ лидирующие позиции имеют те же регионы, которые занимают первые места в рейтинге ИРЧП. В списке последних мест с низким показателем ИРИКТ на-

ходится тот же регион, что и в рейтинге ИРЧП [Евтюшкин, 2014]. Характерные отличия обнаруживаются в списке последних мест, где Республика Тыва поднялась на несколько позиций. Распространение и развитие ИКТ в регионы России идет неравномерно и недостаточно высокими темпами, что связано с диспропорцией развития человеческого потенциала. Как следствие, можно констатировать положительную корреляционную зависимость между показателями ИРЧП и ИРИКТ в обозначенных регионах страны. Отстающим регионам (Республика Тыва, Республика Дагестан, Курская область и т.д.) необходимо ориентироваться на опыт крупных городов (Москва, Санкт-Петербург и т.д.), разрабатывать и реализовывать программы по развитию человеческого потенциала и распространению ИКТ. Следовательно, результаты структурно-сравнительного и корреляционного анализа цифрового разрыва и развития человеческого потенциала в регионах России подтверждают корреляционную зависимость взаимосвязи ИРЧП и ИРИКТ.

Выводы

Таким образом, высокие темпы цифровизации привели к возрастанию проблемы уже существующей экономической, социально-демографической, культурной, образовательной, инфраструктурной диспропорции между регионами страны. Главным катализатором проблемы выступает человеческий потенциал, при недостаточном уровне реализации которого общество не имеет возможности использовать ресурсы ИКТ на межрегиональном уровне. Согласно полученным результатам исследования, возможная программа государственной политики по преодолению цифрового разрыва в регионах России должна включать в себя следующие направления: внедрение образовательных инициатив, связанных с модернизацией и трансформацией современных компетенций населения, перевод администраций региона в режим цифрового правительства, обеспечение открытого доступа к цифровым региональным платформам, повыше-

ние качества человеческого капитала. Научная новизна статьи обосновывается комплексным подходом к проблеме цифрового разрыва и развития ИРЧП в регионах России: формулируется самостоятельное определение регионально-цифрового разрыва, характеризуется классификация регионов с точки зрения диспропорции доступа к ИКТ, а также проводится структурно-сравнительный и корреляционный анализ степени взаимосвязи ИРЧП и ИРИКТ на региональном уровне России.

Литература

1. Басова Е.А. (2021). Цифровое неравенство российских регионов. Современные проблемы и пути преодоления // Вопросы территориального развития. № 4. С. 4–5. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-neravenstvo-rossiyskih-regionov-sovremennye-problemy-i-puti-preodoleniya>
2. Беляцкая Т.Н. (2019). Цифровой разрыв в современном информационном обществе // Экономическая наука сегодня. № 10. С. 3–9. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-razryv-v-sovremennom-informatsionnom-obschestve>
3. Григорьев С.Г. (2018). Развитие человеческого капитала в условиях цифровизации // E-Management. № 2. С. 3–5. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-chelovecheskogo-kapitala-v-usloviyah-tsifrovizatsii>
4. Евтюшкин А.В. (2015). Индекс готовности регионов к информационному обществу // Институт развития информационного общества. С. 11–14. Режим доступа: <http://eregion.ru/sites/default/files/upload/report/index-russian-regions-2013-2014.pdf>
5. Зиновьева Е. (2021). Международно-политическое измерение цифрового разрыва // Российский совет по международным делам. Общество и культура. С. 1–2. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodno-politicheskoe-izmerenie-tsifrovogo-razryva/>
6. Коровкин В. (2020). Что определяет цифровой разрыв? // Московская школа управления «Сколково». С. 34–38. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/343166604_Cifrova_zizn_rossijskih_regionov_Cto_opredelaet_cifrovoy_razryv
7. Литвинова Н.А. (2021). Роль человеческого фактора в эпоху цифровизации // Экономика и бизнес: теория и практика. № 1. С. 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-chelovecheskogo-faktora-v-epohu-tsifrovizatsii>
8. Минаков А. В. (2020). Потенциал и перспективы развития цифровой экономики регионов России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 3. Режим доступа: <https://eee-region.ru/article/6318/>
9. Миночкин А.Л. (2013). Информационное неравенство в современной политической системе: природа и сущность // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. № 3. С. 2–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-neravenstvo-v-sovremennoy-politicheskoy-sisteme-priroda-i-suschnost>
10. Перфильева О.В. (2007). Проблема цифрового разрыва и международные инициативы по ее преодолению // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. № 2. С. 1–2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tsifrovogo-razryva-i-mezhdunarodnye-initsiativy-po-ee-preodoleniyu>
11. Реутова Э.В. (2020). К вопросу о цифровых разрывах в региональном развитии // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. № 4. С. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tsifrovyyh-razryvah-v-regionalnom-razviti>

12. Самородова Е.М. (2022). Взаимосвязь цифровизации общественной жизни, национального человеческого капитала и социально-экономического благополучия: результаты корреляционного анализа // Вопросы инновационной экономики. 2022. № 1. Режим доступа: <https://1economic.ru/lib/114240>
13. Татарникова М.А. (2020). Цифровизация как основа устойчивого социально-экономического развития региона // Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина. Экономика: вчера, сегодня, завтра. № 6. С. 82–93. Режим доступа: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-economy-2020-6/10-tatarnikova-rasskazova-pravdina.pdf>
14. Толчеев В.О. (2014). Анализ уровня развития российских регионов на основе «Индекса развития человеческого потенциала» // *Аи С*. № 14. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-urovnya-razvitiya-rossijskih-regionov-na-osnove-indeksa-razvitiya-chelovecheskogo-potentsiala>
15. Шкурко В.Е. (2020). Человеческий капитал в эпоху цифровизации: проблема роста и экономическая безопасность // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика*. С. 192–193. Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/86144/1/978-5-7996-3053-9_2020_042.pdf
16. Бернхард Э. (2020). Все ближе к цифровому разрыву: Анализ влияния на цифровые компетенции на основе немецкой выборки PIAAC. *Международный журнал развития образования*. С. 259. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0738059320304181>
17. Кристофер Г. (2020). Детерминанты широкополосного доступа и ценовой доступности: Анализ опроса сообщества о цифровом разрыве. *Журнал «Города»*. С. 102. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S026427512031252X>
18. Феррейра Д. (2021). Три уровня городского цифрового разрыва: Наведение мостов между вопросами охвата, использования и его результатов в платформах VGI. *Геофорум*. С. 195–206. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016718521001378>
19. Филипп Л. (2017). Цифрой разрыв. Паттерны, политика и сценарии для подключения «последних немногих» в сельских сообществах Великобритании. *Журнал сельских исследований*. С. 386–398. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S07430167163067>
20. Франко Э. (2021). Доклад о глобальных рисках 2021, 16-е издание. Всемирный экономический форум. С. 42. Режим доступа: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf
21. Цзоу Т. (2022). Влияние цифрового разрыва на психическое здоровье во время пандемии COVID-19. Мозг, поведение и иммунитет. С. 211–213. Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0889159122000125>

BRIDGING THE DIGITAL DIVIDE IN RUSSIA: REGIONAL ASPECT OF THE PROBLEM OF REALIZING HUMAN POTENTIAL IN THE CONTEXT OF UNEQUAL ACCESS TO INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Chaikovskaya A.M.
 Moscow State Institute of International Relations (MGIMO – University)

The article is devoted to problem of the relationship between the digital divide and human development in the regions of Russia. Approaches to defining the digital divide are analyzed, including the definition of the digital divide in terms of dichotomous approach. Socio-demographic, economic, educational, and geographical factors of disproportionate access to ICTs are characterized, a three-level approach to assessing the level of digital divide is considered, and three stages of digital divide are identified. A

structural-comparative analysis is used to examine the specifics of the correlation of the HDI and the IRICT. In the conclusions of the paper, the writer suggests the principal possible directions for overcoming the digital divide in the regions of Russia. Based on the results of the analysis the imbalance in the spread of ICTs at the regional level in Russia is associated with an insufficient level of human development. In this regard, a correlation between the digital divide and the development of HDI in Russia's regions is substantiated.

Keywords: digital divide, factors of digital divide, digital inequality, human development index, disproportion in access to information and communication technologies, structural-comparative analysis of Russian regions.

References

1. Basova E.A. (2021). Digital Inequality of Russian Regions. Modern problems and ways of overcoming // «Voprosy territorial'nogo razvitiya». № 4. P. 4–5. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-neravenstvo-rossijskih-regionov-sovremennye-problemy-i-puti-preodoleniya>
2. Belyatskaya T.N. (2019). The digital divide in the modern information society // «Ekonimicheskaya nauka segodnya». № 10. P. 3–9. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-razryv-v-sovremennom-informatsionnom-obschestve>
3. Grigoriev S.G. (2018). Human capital development in the conditions of digitalization // «Elektronnoye upravleniye». № 2. C. 3–5. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-chelovecheskogo-kapitala-v-usloviyah-tsifrovizatsii>
4. Evtyushkin A.V. (2015). Index of Readiness of Regions to the Information Society // Institute for Information Society Development. P. 11–14. Access mode: <http://eregion.ru/sites/default/files/upload/report/index-russian-regions-2013-2014.pdf>
5. Zinovieva E. (2021). The International Political Dimension of the Digital Divide // Russian International Affairs Council. Society and culture. «Obshchestvo i kul'tura». P. 1–2. Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodno-politicheskoe-izmerenietsifrovogo-razryva/>
6. Korovkin V. (2020). What defines the digital divide? // Moscow School of Management «Skolkovo». P. 34–38. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/343166604_Cifrova_zizn_rossijskih-regionov_Cto_opredelaet_cifrovoy_razryv
7. Litvinova N.A. (2021). The role of human factor in the era of digitalization // «Ekonomika i biznes: teoriya i praktika». № 1. P. 2. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-chelovecheskogo-faktora-v-epohutsifrovizatsii>
8. Minakov A. B. (2020). The Potential and Prospects of Development of Russia's Regions' Digital Economy // Regional economy and management: electronic scientific journal. № 3. Access mode: <https://eee-region.ru/article/6318/>
9. Minochkin A.L. (2013). Informational inequality in the modern political system: nature and essence // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. № 3. P. 2–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-neravenstvo-v-sovremennoy-politicheskoy-sisteme-priroda-i-suschnost>
10. Perfilieva O.V. (2007). The digital divide and international initiatives to bridge it // «Obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika». № 2. P. 1–2. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tsifrovogorazryva-i-mezhdunarodnye-initsiativy-poe-preodoleniyu>
11. Reutova E.V. (2020). To the question of digital gaps in regional development // Scientific Bulletin: finance, banks, investments. № 4. P. 2. URL: Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tsifrovyyh-razryvah-v-regionalnom-razvitii>
12. Samorodova E.M. (2022). Interrelation of digitalization of social life, national human capital and socio-economic well-being: results of correlation analysis // «Voprosy innovatsionnoi ekonomiki». 2022. № 1. Access mode: <https://1economic.ru/lib/114240>
13. Tatarnikova M.A. (2020). Digitalization as the basis of sustainable socio-economic development of the region // Leningrad State University named after A.S. Pushkin. «Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra». № 6. P. 82–93. Access mode: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-economy-2020-6/10-tatarnikova-rasskazova-pravdina.pdf>
14. Tolcheev V.O. (2014). Analysis of the level of development of Russian regions on the basis of the «Human Development Index» // «AiS». № 14. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-urovnya-razvitiyarossijskih-regionov-na-osnove-indeksarazvitiya-chelovecheskogo-potentsiala>

15. Shkurko V.E. (2020). Human capital in the era of digitalization: the problem of growth and economic security // Bulletin of Belgorod State University. Series: «Economics. Informatics». P. 192–193. Режим доступа: https://elar.uafu.ru/bitstream/10995/86144/1/978-5-7996-3053-9_2020_042.pdf
16. Bernhard E. (2020). Getting closer to the digital divide: An analysis of impacts on digital competencies based on the German PIAAC sample. International Journal of Educational Development. Volume 78. P. 259 <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0738059320304181>
17. Christopher G. (2020). Determinants of broadband access and affordability: An analysis of a community survey on the digital divide. Cities. Volume 106. P. 102. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S026427512031252X>
18. Ferreira D. (2021). The three levels of the urban digital divide: Bridging issues of coverage, usage and its outcomes in VGI platforms. Geoforum. Volume 124. P. 195–206. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016718521001378>
19. Franco E. (2021). The Global Risks Report 2021 16th Edition. World Economic Forum. P. 42. https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf
20. Philip L. (2017). The digital divide: Patterns, policy and scenarios for connecting the 'final few' in rural communities across Great Britain. Journal of Rural Studies. Volume 54. P. 386–398. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0743016716306799>
21. Zou. T. (2022). The digital divide impacts on mental health during the COVID-19 pandemic. Brain, Behavior and Immunity. Volume 101. P. 211–213. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0889159122000125>

Современные подходы к анализу феномена доверия в обществе при реализации экономических программ и реформ

Чжан Вэнь,

аспирант Департамента социологии, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: zhangwen2016@gmail.com

Рассматривается вопрос влияния межличностного и институционального доверия на экономический рост. Показано, что межличностное и институциональное доверие является важнейшей частью человеческого капитала и залогом экономического роста. Проанализированы данные Международного исследования ценностей по доверием населения различным социальным группам и институтам в сочетании с данными Всемирного банка по уровню ВВП на душу населения. Показано, что страны с высоким уровнем ВВП на душу населения отличаются высоким уровнем доверия к большинству обычных людей, людям другой национальности, полиции, людям другой религии, неизвестным ранее людям, системе правосудия и судам, выборам, университетам и вооруженным силам. Рассмотрен уровень доверия к различным социальным группам и институтам в Китае и России. Показано, что доля россиян, доверяющих ключевым социальным группам и общественным институтам значительно отстает от целевых индикаторов успешных государств. По ряду позиций КНР также серьезным образом отстает от целевых индикаторов доверия.

Ключевые слова доверие, экономический рост, душевой ввп, личное доверие, институциональное доверие, развитие бизнеса.

Наличие достаточно развитого человеческого капитала является одной из ключевых предпосылок экономического роста. Человеческий капитал представляет собой профессиональные знания и умения, обеспечивающие высокую производительность труда, а также социальные навыки, позволяющие людям эффективно взаимодействовать между собой с учетом психологических особенностей каждого человека, а также решать задачи по организации бизнеса или иные социально значимые проблемы. А эффективность персонала в части организации бизнеса и решения проблем межличностных коммуникаций невозможно без высокого уровня доверия между людьми. При этом взаимное недоверие играет роль препятствия или дополнительных издержек при построении производственных цепочек – совершенно очевидно, что необходимость постоянно проверять правдивость и добропорядочность контрагента вызывает дополнительные расходы и тормозит реализацию проектов, или вообще делает их невозможными. В силу этого вопросам взаимовлияния доверия и экономического роста в исследованиях уделяется достаточно много внимания [1–5].

То же самое относится и к институциональному доверию – доверию к общественным социальным институтам, включая сюда и органы законодательной и исполнительной власти. Низкий уровень доверия органам власти заставляет население усомниться в их честности и беспристрастности. Это побуждает граждан и бизнес саботировать или оставлять без реакции решения, принятые на государственном уровне, а также затрудняет эффективное взаимодействие между ними в части решения общественно значимых проблем. Отсюда совершенно очевидно, что установление межличностного и институционального

доверия представляет собой инструмент облегчения ведения бизнеса, ускорения бизнес-процессов и снижения издержек в части организации производства товаров и услуг. Именно поэтому развитие межличностного и институционального доверия представляет собой серьезный инструмент повышения эффективности экономики и ускорения ее роста. Особенно эта проблема важна для развития малого и среднего предпринимательства. Создание инновационного бизнеса с привлечением большого числа сотрудников совершенно невозможно без взаимного доверия участников процесса.

Рассмотрим далее проблемы влияния уровня межличностного и институционального доверия на достижение экономической эффективности с использованием результатов седьмой волны международного исследования World Values Survey, проведенного в 2017–2020 гг. в 85 странах с общим числом респондентов около 150 тыс. человек [6]. Рассмотрим, насколько доверие тем или иным институтам связано с уровнем социально-экономического развития страны.

Далее мы рассмотрим общественное доверие (долю тех, кто полностью или в основном доверяет институтам и представителям социальных групп) следующим общественным группам и институтам:

- 1) Большинство обычных людей,
- 2) Семья,
- 3) Соседи,
- 4) Люди, которых вы знаете лично,
- 5) Люди, которых вы встречаете впервые,

- 6) Люди другой религии,
- 7) Люди другой национальности,
- 8) Организованная религия, церковь,
- 9) Вооруженные силы,
- 10) Пресса,
- 11) Телевидение,
- 12) Профсоюзы,
- 13) Полиция,
- 14) Система Правосудия / Суды,
- 15) Правительство,
- 16) Политические партии,
- 17) Парламент,
- 18) Государственные службы,
- 19) Университеты,
- 20) Выборы,
- 21) Крупные компании,
- 22) Банки,
- 23) Движение за защиту окружающей среды,
- 24) Женское движение,
- 25) Благотворительные или гуманитарные организации.

Далее оценим уровень доверия перечисленным группам и социальным институтам по странам с различным ВВП по ППС на душу населения. Определим расхождение по уровню доверия между группами с низким и высоким уровнем дохода. Самое значительное расхождение в уровне доверия между группами стран с низким и высоким доходом будет для нас служить показателем важности данного фактора для обеспечения высокого уровня социально-экономического развития.

Результаты расчетов, проведенных на основании данного подхода, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Уровень доверия (доля тех, кто полностью или в основном доверяет) различным социальным группам и институтам и по группам стран с различным душевым ВВП по ППС в ценах 2019 года

Душевой ВВП по странам мира по ППС в текущих ценах 2019 года	До 13 тыс. долл. в год	13–30 тыс. долл. в год	Более 30 тыс. долл. в год	Превышение доли тех, кто доверяет различным социальным группам и институтам в группе стран с высоким ВВП над уровнем доверия в группе стран с низким душевым ВВП, %
Доля тех, кто полностью или в основном доверяют институтам и представителям социальных групп				
Большинство обычных людей	12%	19%	34%	177%
Люди другой национальности	29%	36%	50%	73%

Душевой ВВП по странам мира по ППС в текущих ценах 2019 года	До 13 тыс. долл. в год	13–30 тыс. долл. в год	Более 30 тыс. долл. в год	Превышение доли тех, кто доверяет различным социальным группам и институтам в группе стран с высоким ВВП над уровнем доверия в группе стран с низким душевым ВВП, %
Полиция	52%	49%	71%	35%
Люди другой религии	38%	39%	51%	34%
Люди, которых вы знаете лично	67%	71%	87%	28%
Люди, которых вы встречаете впервые	24%	22%	29%	22%
Система Правосудия / Суды	54%	42%	64%	20%
Выборы	45%	37%	52%	16%
Университеты	66%	64%	75%	13%
Вооруженные силы	65%	64%	72%	10%
Государственные службы	47%	40%	51%	8%
Соседи	69%	69%	73%	6%
Женское движение	60%	54%	63%	5%
Движение за защиту окружающей среды	58%	52%	60%	4%
Семья	95%	96%	97%	2%

Источник: расчеты автора по данным WVS

Как видно из таблицы 1, высокий уровень благополучия сопровождается развитым доверием к (в порядке убывания приоритетов):

- 1) Большинству обычных людей,
- 2) Людям другой национальности,
- 3) Полиции,
- 4) Людям другой религии,
- 5) Людям, которых вы знаете лично,
- 6) Людям, которых вы встречаете впервые,
- 7) Системе Правосудия / Судам,
- 8) Выборам,
- 9) Университетам,
- 10) Вооруженным силам.

Таким образом, высокий уровень доверия перечисленным 10 социальным группам и институтам является важным условием для социально экономическо-

го развития страны и достижения высокого уровня благополучия населения.

Рассмотрим далее соответствие России и Китая требованиям по развитию уровню доверия перечисленным выше ключевым социальным группам и общественным институтам, которое необходимо для достижения высокого уровня социально экономического развития страны. В таблице 2 приведены данные о доле жителей России и Китая, полностью или в основном доверяющих ключевым социальным группам и институтам, среднее значение уровня доверия для рассмотренных стран, а также ориентировочное значение уровня доверия к этим группам и институтам в странах с высоким ВВП на душу населения

Таблица 2. Уровень доверия ключевым социальным группам и институтам в России и Китае

	Россия	Китай	Уровень доверия группам и институтам, характерный для стран с душевым ВВП более 30 тыс. долл. в год	Средний уровень доверия по рассмотренным странам
Большинство обычных людей	24%	65%	34%	21%

	Россия	Китай	Уровень доверия группам и институтам, характерный для стран с душевым ВВП более 30 тыс. долл. в год	Средний уровень доверия по рассмотренным странам
Люди другой национальности	41%	17%	50%	37%
Полиция	52%	85%	71%	57%
Люди другой религии	39%	20%	51%	42%
Люди, которых вы знаете лично	78%	88%	87%	74%
Люди, которых вы встречаете впервые	24%	13%	29%	25%
Система Правосудия / Суды	48%	86%	64%	53%
Выборы	44%	61%	52%	44%
Университеты	71%	92%	75%	68%
Вооруженные силы	77%	96%	72%	66%

Источник: расчеты автора по данным WVS

В таблице 2 цветом выделены показатели, отстающие от индикативных уровней доверия, характерных для экономически развитых государств с высоким ВВП на душу населения. Как видно из таблицы 2, доля россиян, полностью или в основном доверяющих ключевым социальным группам и общественным институтам, практически по всем позициям отстает от целевых индикаторов. Единственным исключением является доверие вооруженным силам, превышающее соответствующий показатель для экономически развитых государств. В Китайской Народной Республике ситуация несколько лучше. Однако по ряду позиций КНР серьезным образом отстает от целевых индикаторов доверия, соответствующих показателям экономически развитых государств. Например, совершенно недостаточным является уровень доверия к людям другой национальности или другой религии. Таким образом и для России и для Китая совершенно необходимыми являются меры по внедрению в массовое сознание представлений о необходимости доверия другим группам населения и ключевым общественным институтам. Разумеется, такая работа должна сопровождаться мероприятиями по улучшению качества работы общественных служб и органов власти, что-

бы укреплять уровень доверия и не давать оснований для сомнения в честности, добросовестности и компетентности органов власти.

Литература

1. Борисова Е.И., Брызгалин В.А., Левина И.А. Доверие и экономический рост: есть ли связь? Вопросы экономики. 2020. № 10. С. 68–82.
2. Орехова Е.А., Ромашкин Т.В. Социально-психологические факторы экономического роста Вестник современных исследований. 2018. № 4.1 (19). С. 278–284.
3. Ботвина А.А. Влияние доверительных отношений на экономический рост фирмы. Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 224. № 4. С. 520–529.
4. Каурова Е.Э., Толстель М.С. Индустрия венчурного капитала в России: формирование венчурной экосистемы. Фундаментальные исследования. 2015. № 9–3. С. 565–568.
5. Лаврушин О.И., Соколинская Н.Э., Кулешов С.М. К вопросу о содержании и уровне доверия между участниками финансового рынка. Банковское дело. 2022. № 4. С. 24–29.
6. См. информацию о проекте и данные о настроениях населения

по странам мира на сайте VWS [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <https://www.worldvalues-survey.org/wvs.jsp> Дата обращения 10.04.2022

MODERN APPROACHES TO THE ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF TRUST IN SOCIETY IN THE IMPLEMENTATION OF ECONOMIC PROGRAMS AND REFORMS

Zhang Wen

Financial University under the Government of the Russian Federation

The question of the influence of interpersonal and institutional trust on economic growth is considered. It is shown that interpersonal and institutional trust is the most important part of human capital and the key to economic growth. The data of the International Study of Values on the trust of the population to various social groups and institutions in combination with the World Bank data on the level of GDP per capita are analyzed. It is shown that countries with a high level of GDP per capita have a high level of trust in the majority of ordinary people, people of another nationality, the police, people of another religion, previously unknown people, the justice system and courts, elections, universities and the armed forces. The level of trust in various social groups and institutions in China and Russia is considered. It is shown that the share of Russians who trust key social groups and public institutions lags far behind the target indicators of successful states. In a number of positions,

China is also seriously lagging behind the target indicators of confidence.

Keywords trust, economic growth, per capita gdp, personal trust, institutional trust, business development.

References

1. Borisova E.I., Bryzgalin V.A., Levina I.A. Trust and economic growth: is there a connection? *Economic issues*. 2020. No. 10. pp. 68–82.
2. Orekhova E.A., Romashkin T.V. Socio-psychological factors of economic growth *Bulletin of Modern Research*. 2018. No. 4.1 (19). pp. 278–284.
3. Botvina A.A. The influence of trust relations on the economic growth of the company. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2020. vol. 224. No. 4. pp. 520–529.
4. Kaurova E.E., Tolstel M.S. Venture capital industry in Russia: formation of a venture ecosystem. *Fundamental research*. 2015. No. 9–3. pp. 565–568.
5. Lavrushin O.I., Sokolinskaya N.E., Kuleshov S.M. On the issue of the content and level of trust between financial market participants. *Banking*. 2022. No. 4. pp. 24–29.
6. See information about the project and data on the mood of the population around the world on the VWS website [Electronic resource] URL access mode: <https://www.worldvaluesurvey.org/wvs.jsp> Accessed 10.04.2022

Уровень профессиональной социализации выпускников вузов пожарно-технического профиля как фактор кадровой политики МЧС России

Яковлева Ольга Ивановна,

аспирант, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
E-mail: Olga200663@gmail.com

Необходимость решения проблем кадрового роста и адаптации человека к условиям профессиональной деятельности актуализирует задачу исследования профессиональной социализации будущих специалистов в современной науке. Обозначенная проблематика имеет особую значимость для системы гражданской защиты населения в России, которая в настоящее время проходит этап трансформации и перехода на принципиально новые концептуальные основы, что в свою очередь выдвигает высокие требования к профессиональной подготовке будущих специалистов МЧС РФ. С учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в рассмотрении особенностей и практических аспектов повышения уровня профессиональной социализации выпускников вузов пожарно-технического профиля как фактора кадровой политики МЧС России. В процессе исследования представлены результаты социологического эксперимента, в ходе которого установлено, что уровень профессиональной социализации формируется на этапе профессиогенеза, который приходится на 4–5 курсы обучения, когда происходит осознание направления будущей карьеры. Именно в это время система представлений о себе, как о будущем профессионале становится относительно стойкой; сформировывается совокупность ценностей и убеждений, личностно значимых целей, которые обеспечивают чувство направленности и осмысленности жизни. Для ориентации и учета уровня профессиональной социализации выпускников вузов в рамках проводимой МЧС РФ кадровой политики в статье представлен разработанный автором алгоритм отбора кадров и идентификации уровня их подготовки.

Ключевые слова: профессиональная социализация, курсанты, учебное заведение, подготовка, цели, знания, карьера.

Главной составляющей общества является человек. Вхождение человека в общественное пространство происходит через разные социальные общности: группы, институты, организации и системы принятых в обществе норм и ценностей (культура). В результате этого индивидуум вовлечен во многие социальные системы, каждая из которых оказывает на него системоформирующее влияние. Человек становится не только элементом социальной иерархии, но и системой, имеющей сложную структуру [1].

Особую актуальность в данном контексте приобретает профессиональная роль человека, ее сформированность, качественное выполнение, полнота реализации, адекватность характеристикам личности, что в целом имеет исключительно важное значение, как для отдельного индивидуума, так и для общества, в котором он существует. Объясняется это тем, что, с одной стороны, профессиональная роль является одной из главных социально-психологических ролей личности. А, с другой тем, что через ее выполнение личность интегрируется в структуру общества.

Профессиональная деятельность специалистов пожарно-технического профиля – одна из самых сложных, поскольку не только протекает в условиях постоянного риска, но и принадлежит к типу «человек-человек», то есть включена в сложное взаимодействие с другими людьми [2]. В этой связи, профессиональная подготовка пожарных-спасателей требует накопления курсантами представлений и знаний о чрезвычайных ситуациях, особенностях поведения при наступлении событий, угрожающих собственной жизни и жизни окружающих людей, формирования опыта саморегулирования в экстремальных условиях, развития профессиональных навыков, соответствующих требованиям профессии.

В тоже время необходимо отметить, что сегодня в России наблюдаются трансформации механизма гражданской защиты в систему международного образца с предоставлением услуг обществу в сферах обеспечения публичной безопасности и порядка, охраны прав и свобод человека, ликвидации последствий катастроф, тушения пожаров, спасательного дела, техногенной безопасности, работы аварийно-спасательных служб, а также гидрометеорологической деятельности.

Очевидно, что такие структурные сдвиги предполагают принципиально новые условия для профессиональной социализации отечественного кадрового офицера МЧС России. Эффективность и профессионализм специалистов пожарно-технического профиля определяется качеством их подготовки, накопленными знаниями и умением ориентироваться в текущей обстановке, способностью адаптироваться к современным условиям и вызовам, адекватно реагировать на ситуацию, предусматривать и опережать катастрофы [3]. Не подлежит сомнению тот факт, что решение этих задач возможно только при высоком уровне профессионализма тех, на кого они возложены, что может быть реализовано благодаря проведению действенной кадровой политики, направленной на оптимизацию процесса профессиональной социализации курсантов.

В тоже время, в системе подготовки специалистов Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, в определенной степени уже сложившейся, обозначенные изменения и новые вызовы отражены еще недостаточно. Новые задачи, которые возникают перед МЧС России, например, по обезвреживанию боеприпасов, созданию объектов утилизации радиоактивных отходов и тому подобное, расширяют систему ответственности и обязанностей спасателей. В тоже время процесс обучения и профессиональной подготовки в вузах системы

МЧС РФ главным образом ориентирован на формирование базовых профессиональных знаний, без учета изменений в технологиях, экологических рисков, угроз, порождаемых Четвертой промышленной революцией.

В данном контексте особую важность приобретают необходимость и значимость развития новых взглядов на личность и профессионализм выпускников высших военных учебных заведений МЧС РФ. Прежде всего, это задачи выявления предпосылок развития специалиста высокого класса, а также выделение объективных и субъективных факторов повышения квалификационного уровня будущих офицеров пожарно-технического профиля, что предопределяет выбор темы данной статьи.

Основу современных изысканий социологических аспектов профессиональной деятельности и профессионального формирования личности составляют труды Пономаревой О.С., Морозовой Я.С., Петрищева В.И., Граса Т.П., Широкова С.Н.; Bengtsson, Anki; Mickwitz, Larissa; Terhart, Henrike.

Анализ современных публикаций и наработок доказывает тот факт, что значительный пласт научных исследований современных авторов нацелен на развитие и детализацию концептуальных положений подготовки будущих спасателей, пожарных и в целом специалистов экстремальных профессий в вузах. В данном контексте отдельно следует выделить работы таких авторов как Красноперова А.Г., Петьков В.А., Подгайская Л.И., Шарамок А.В., Kwon, Jennifer H.; Shuler, Charles F.; Bergmann, HsingChi.

Отдельные проблемы профессиональной социализации курсантов в вузах МЧС России исследовали Ложкарев А.И., Газизова Ю.С., Демченко О.Ю., Яковлева О.И., Александрова Н.Г., Ермилов А.В., Белорожев О.Н.

В большинстве имеющихся на сегодняшний день публикаций заметно превалирует теоретический подход к исследованию рассматриваемой проблематики. Это значительным обра-

зом усложняет формирование целостного представления о профессиональной социализации личности. Помимо этого, задача оценки эффективности подготовки спасателей, специалистов пожарно-технического профиля характеризуется фрагментарным и не системным использованием комплексного подхода. Проблема социализации курсантов ведомственных учебных заведений, в том числе вузов МЧС России, только в последние годы стала предметом изучения социологических наук.

С учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в рассмотрении особенностей и практических аспектов повышения уровня профессиональной социализации выпускников вузов пожарно-технического профиля, как фактора кадровой политики МЧС России.

Социализация (от латинского «socialis» – общественный) – процесс, предполагающий включение человека в общество, а также активное усвоение им социальных ролей и социального опыта, ценностей и норм, которые являются решающими и необходимыми для успешной жизнедеятельности [4]. В свою очередь профессиональная социализация охватывает получение профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для успешного начала профессиональной деятельности, то есть овладение специальностью [5]. По сути, можно отметить, что профессиональная социализация – формирование компетентного специалиста.

С точки зрения обучения профессиональная социализация рассматривается через призму воспитательного процесса. Основными его участниками в вузах являются курсанты и преподаватели, обеспечивающие формирование личности. В процессе жизненного взаимодействия под влиянием социальных зависимостей, различных приемов воспитательного характера у курсантов создается представление о будущей профессии, формируются навыки деятельности, принципы поведения, развиваются психические качества личности, что способствует их подготовке к вы-

полнению должностных обязанностей в будущем [6].

В результате многочисленных исследований и экспериментов ученые пришли к выводу, что профессиональная социализация личности формируется в возрасте от 15 до 25 лет, когда человек выбирает профессию, начинает готовиться к ней, получает профессиональное образование и трудовой опыт. Следующий этап профессиогенеза длится от 25 до 40 лет, на нем специалист усовершенствует собственное мастерство в пределах тех возможностей, которые предоставляет его место работы и выполняемые задачи [7]. Очевидно, что от уровня достигнутого профессионализма зависит карьерный рост специалиста.

Для определения уровня профессиональной социализации выпускников вузов пожарно-технического профиля был проведен социологический эксперимент, который осуществлялся на базе Академии гражданской защиты МЧС России, ФГБОУ ВО Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, Академии Государственной противопожарной службы МЧС России.

Программой эксперимента было охвачено 750 курсантов в возрасте от 17 до 24 лет, которые проходили подготовку по специальности «Пожарная безопасность». Все курсанты были поделены на две группы. В первую группу вошли слушатели 1, 2 и 3 курсов, во вторую группу – студенты 4 и 5 курса.

С целью повышения точности эксперимента и понимания проблем профессиональной социализации обучающихся была организована методическая помощь преподавателям, вовлеченным в экспериментальную работу.

Основными методами оценки уровня готовности курсантов к разным видам деятельности были такие: наблюдение, анкетирование, самооценка и экспертная оценка (в качестве экспертов выступали однокурсники, педагоги, офицеры-воспитатели). Для установле-

ния уровня профессиональной социализации использовались такие приемы:

1. «Методика исследования статусов профессиональной идентичности» А. Азбеля. По результатам опроса были выделены следующие статусы:
 - неопределенная профессиональная направленность: выбор жизненного пути еще не сделан, также отсутствуют четкие представления о будущей карьере, однако курсант и не пытается решить эти задачи;
 - навязываемая профессия: курсант имеет сложившееся видение о своем профессиональном будущем, однако оно не является его личным, а сформировано внешними субъектами (например, родителями);
 - кризис профессиональной идентификации: курсант осознает проблему выбора профессионального пути и пытается своими силами ее решить, но наиболее приемлемый вариант еще не найден;
 - сложившаяся профессиональная идентичность: она подразумевает наличие четких профессиональных

планов, которые сформулированы курсантом самостоятельно.

Считается, что курсант – это активный, деятельный индивид, а не пассивный объект среды [7]. Отличительной чертой личности курсанта является творческая, социально значимая деятельность. Поэтому в процессе проведения эксперимента было сосредоточено внимание не только на влиянии среды, но и на процессе активного взаимодействия студента с окружающей средой, а также с микро- и мезо-факторами профессиональной социализации будущих офицеров пожарной службы. Это взаимодействие рассматривалось через систему факторов – образовательно-воспитательные, в том числе организационно-педагогические, личностные, социальные, профессиональные.

Результаты исследования уровня профессиональной социализации и профессиональной идентичности будущих пожарных, спасателей, находящихся на разных этапах развития, отражены в таблице 1.

Таблица 1 Показатели статусов профессиональной социализации курсантов (в баллах)

Шкалы	1 группа	2 группа	t	p
Неопределенная профессиональная направленность	7,3±2,4	3,8±1,1	1,6	-
Навязываемая профессия	9,2±3,3	8,7±3,1	0,4	-
Кризис профессиональной идентификации	14,5±4,2	9,3±3,4	2,2	0,06
Сложившаяся профессиональная идентичность	5,3±1,7	11,1±3,0	2,3	0,06

После математической и статистической обработки результатов с помощью t-критерия курсанта были получены значимые отличия между показателями исследуемых групп курсантов по шкалам: «Кризис профессиональной идентификации» – $p \leq 0,06$ и «Сложившаяся профессиональная идентичность» – $p \leq 0,06$ по сравнению с остальными шкалами.

Показатели по шкале «Кризис профессиональной идентификации» значительно выше у исследуемых 1-й группы, т.е. у слушателей 1–3 курсов. Это указывает на то, что курсанты

в начале обучения продолжают анализировать альтернативные варианты своего дальнейшего профессионального развития, но стремятся определиться и как можно скорее принять сознательное решение о своем профессиональном будущем. Их профессиональная идентичность находится в кризисе, в дальнейшем возможно либо формирование устойчивого понимания и перспектив будущей карьеры, либо глобальный отказ от выбранной специальности, следствием которого станет поиск другого профессионального пути.

У изучаемых 2-й группы (4–5 курс) наблюдается кардинально другая картина. Они имеют значительно более высокие показатели по шкале «Сложившаяся профессиональная идентичность». Это является свидетельством того, что ими сделан осознанный выбор своего профессионального развития, которого они планируют придерживаться в будущем. Кризис профессиональной идентичности для них в прошлом, его последствия конструктивно переработаны, сформирована устойчивая система представлений о себе как о будущем профессионале, кроме того, курсант способен активно отстаивать и презентовать свои профессиональные ценности и убеждения.

Также полученные данные свидетельствуют о том, что слушатели, которые обучаются на последних курсах, имеют сложившуюся совокупность личностно значимых целей, ориентиров и установок, обеспечивающих им чувство устремленности и осмысленности будущей профессиональной жизни. Они имеют положительное само отношение благодаря высокой оценке собственных профессиональных и личностных качеств и стабильной связи с социумом, а также достаточно сформированную координацию механизмов идентификации и обособления.

Очевидно, что не все курсанты, которые находятся на завершающих стадиях обучения способны продемонстрировать высокий уровень профессиональной социализации. Поэтому в рамках кадровой политики МЧС России необходимо акцентировать внимание на данном ключевом факте и использовать специальный подход, который позволит определять уровень профессиональной готовности выпускников вузов выполнять на качественно высоком уровне должностные обязанности. Для решения обозначенной задачи кадровым службам МЧС целесообразно использовать следующий, разработанный автором, алгоритм:

1. Первый этап состоит из обоснования профессиональных требований к специалисту. Для получения спи-

ска заданных требований необходимо провести поструктурное исследование особенностей и условий профессиональной деятельности в рамках каждой должности.

2. Второй этап предполагает выделение профессионально важных качеств сотрудников. Для этого обычно проводится экспертная оценка, или изучаются индивидуально-психологические особенности лучших специалистов, и на основе полученной информации составляется так называемый профессионально-психологический портрет.
3. Третий этап состоит из экспериментальной проверки успеваемости, эффективности и надежности (как профессиональной, так и функциональной) будущего специалиста.
4. Четвертый этап предполагает разработку критериев профессиональной пригодности, а значит и прогноза профессиональной успешности, эффективности и ответственности специалиста в значительной мере характеризующих уровень их профессиональной социализации.
5. Пятый этап состоит в оценке эффективности разработанного алгоритма и критериев прогноза профессиональной пригодности специалиста.
6. Шестой этап предполагает разработку и внедрение ряда практических рекомендаций, касающихся использования разработанного алгоритма.

Таким образом, резюмируя результаты проведенного исследования, можно сделать такие выводы. Усложнение задач, с которыми сегодня сталкивается МЧС России, требует высокого квалификационного уровня кадров, что актуализируют проблему отбора и подготовки будущих специалистов. В данном контексте особую значимость приобретает достижение обучающимися уровня профессиональной социализации, адекватного новым задачам МЧС России.

В процессе исследования представлены результаты социологического эксперимента, в ходе которого установ-

лено, что уровень профессиональной социализации будущих выпускников вузов пожарно-технического профиля формируется на этапах профессиогенеза, которые приходится на 4–5 курсы обучения, когда происходит осознание направления карьерного продвижения. Для ориентации и учета уровня профессиональной социализации выпускников вузов в рамках проводимой МЧС РФ кадровой политики, в статье представлен разработанный автором алгоритм отбора кадров и идентификации уровня их подготовки.

Литература

1. Михайлова Н.К. Мотивационные модели занятости студентов и профессиональная социализация // Креативная экономика. 2020. № 3. С. 333–346.
2. Яковлева О.И. Профессиональная социализация сотрудников МЧС России в условиях современной системы высшего профессионального образования // Социология. 2021. № 5. С. 200–205.
3. Kim, Dayoung Promoting Professional Socialization: A Synthesis of Durkheim, Kohlberg, Hoffman, and Haidt for Professional Ethics Education // Business & professional ethics journal. 2022. Volume 41: Number 1; pp 93–114.
4. A practitioner's guide to supporting graduate and professional students / edited by Valerie A. Shepard and April L. Perry. London: Routledge, 2022. 319 p.
5. Байрамов В.Д., Поляков С.П. Проблема формирования модели копинг-стратегий курсантов в процессе профессиональной социализации // Мир образования – образование в мире. 2020. № 1 (77). С. 215–219.
6. Кириллова Ю.Г. Социализация студенческой молодежи в учреждениях высшего профессионального образования // Антропос: Логос и Теос. 2020. № 6. С. 239–250.
7. Enhancing student education transitions and employability: from theory to prac-

tice / Thanh Pham, Behnam Soltani. London: Routledge, 2021. 287 p.

LEVEL OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF FIRE-TECHNICAL UNIVERSITY GRADUATES AS A FACTOR OF PERSONNEL POLICY OF RUSSIAN MSSH

Yakovleva O.I.

Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

The need to solve the problems of effective professionalization and adaptation of a person to the conditions of professional activity in modern science makes the problem of professional socialization of future specialists of personality relevant. Designated problematics is especially actual for the system of civil protection of the population, which nowadays passes a stage of transformation and transition to essentially new conceptual bases, that in turn puts forward high requirements to the professional training of future specialists of the Ministry of Emergency Situations of Russia. In consideration of the above said, the purpose of this article is to review the peculiarities and practical aspects of enhancing the level of professional socialization of the fire engineering graduates as a factor of personnel policy of the Russian Ministry of Emergency Situations. In the course of the study, the results of a sociological experiment are presented, in the course of which it was determined that the level of professional socialization is formed at the stages of professionogenesis, which take place during the 4th-5th years of study when the direction of career advancement is realized; the system of ideas about oneself as a professional becomes relatively stable; a set of personally significant goals, values and beliefs which provide a sense of direction and meaningful life is formed. In order to guide and take into account the level of professional socialization of the RF EMERCOM graduates within the framework of the personnel policy, the article presents the algorithm of personnel selection and identification of the level of their training developed by the author.

Keywords: professional socialization, cadets, educational institution, training, goals, knowledge, career.

References

1. Mikhaylova N.K. Motivational models of student employment and professional sociali-

- zation // *Creative Economy*. 2020. No 3. pp. 333–346.
2. Yakovleva O.I. Professional socialization of employees of Ministry of Emergency Situations of Russia in conditions of modern system of higher professional education // *Sociology*. 2021. No 5. pp. 200–205.
 3. Kim, Dayoung Promoting Professional Socialization: A Synthesis of Durkheim, Kohlberg, Hoffman, and Haidt for Professional Ethics Education // *Business & professional ethics journal*. 2022. Volume 41: Number 1; pp 93–114.
 4. A practitioner's guide to supporting graduate and professional students / edited by Valerie A. Shepard and April L. Perry. London: Routledge, 2022. 319 p.
 5. Bayramov V.D., Polyakov S.P. Problem of forming the model of cadet coping-strategies in the process of professional socialization // *The World of Education – Education in the World*. 2020. No 1 (77). pp. 215–219.
 6. Kirillova Y.G. Socialization of student youth in institutions of higher professional education // *Anthropos: Lo-gos i Theos*. 2020. No 6. pp. 239–250.
 7. Enhancing student education transitions and employability: from theory to practice / Thanh Pham, Behnam Soltani. London: Routledge, 2021. 287 p.

Сравнительное исследование современной социально-культурной политики Китая и России

Го Вэй,

аспирант, кафедра современной социологии,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
E-mail: 909605566@qq.com

Социально-культурная политика выступает одним из ключевых факторов, определяющих перспективы национального развития. В силу наличия специфики общества в разных странах, государственная политика в них будет определяться особенностями. В статье основное внимание уделяется особенностям государственной культурной политики в России и Китае. По результатам сравнительного анализа государственной политики в сфере культуры России и Китая обнаружены сходства и различия. Обе страны стремятся развивать влияние собственной культуры за рубежом, сохранять культурное наследие и способствовать укреплению традиционной национальной культуры, желают достичь цифровизации культурных объектов, в то же время они преследуют разные цели и задачи, ставят собственные приоритеты в реализации государственной культурной политики. В статье делается вывод о том, что культурная политика России и Китая имеет различия, обусловленные особенностями культурных ценностей и социальной спецификой.

Ключевые слова: социально-культурная политика, культурная политика, общие черты, различия, Россия, Китай.

Социально-культурная политика играет важную роль в развитии государства. Благодаря социально-культурной деятельности возможно обеспечение устойчивого развития страны, ее экономического и социального процветания, сохранения государственной суверенности, а также «цивилизационной самобытности» [4, С. 6]. На уровне отдельного индивида, культура способствует саморазвитию человека как общественного существа. Она формируется и существует в качестве способа и процесса закрепления и совершенствования социального, выступая «главным резервом человеческих сил и возможностей» [1, С. 337].

Социально-культурная политика – это «государственные и социальные функции, осуществляемые по отношению к гражданам страны» [5, С. 66]. Государственная культурная политика представляет собой комплекс действий по решению проблем в ряде институтов специализированной сферы культуры [9].

Высокая роль социально-культурной политики в обществе обусловила наличие научного интереса к ее изучению. В настоящее время ученые из России и Китая предпринимали попытки исследования культурной политики двух стран.

Внешняя культурная политика России и Китая изучалась в статье Сун Сяомэн, в которой автор на основе анализа официальных документов выявил специфику внешнеполитической деятельности России и Китая в культурной сфере [13]. Культурная политика России и Китая в аспекте различий культурных ценностей двух стран была исследована Д.А. Владимировой и Е.С. Задворной [Владими].

Внутренняя культурная политика Китая изучалась в трудах российских и китайских исследователей. Среди них Е.И. Тарасова и П.В. Найденко в ста-

тье делают вывод о реализации китайской культурой политики на двух уровнях – государственном и региональном, а также подробно рассматривают функции Министерства культуры КНР в реализации государственной культурной политики [Найденко]. Сюй Цзюнь исследовал современное состояние культурной политики [18], а Фу Цайу, Цинь Ранран изучили эволюцию государственной культурной политики КНР [19].

Российская культурная политика, ее формирование и современное развитие было изучено в статье С.Э. Волошиной и др. [3], которые описали основные принципы, направления, цели и задачи культурной политики, изучили официальные документы в сфере культурной политики, а также определили роль Министерства культуры РФ в реализации культурной политики в России. О.Е. Востряков и А.С. Тургаев в своем исследовании уделили особое внимание формированию новой модели государственной культурной политики России, подробно рассмотрев нормативно-правовую базу, составляющую концептуальной ядро ценностно-ориентированной государственной культурной политики [4]. Профессор О.И. Карпунин, используя диахронический и синхронический подходы к изучению эволюции культурной политики, выделяет основные структурообразующие и содержательные компоненты государственной культурной политики России, которые сводятся к формированию культурной демократии в стране [6].

Сравнительные исследования культурной политики России и Китая не столь распространены в современной научной литературе. В результате анализа статей и научных работ, посвященных изучению культурной политики двух стран, выявлено, что почти все из них посвящены рассмотрению культурной политики отдельно в каждой стране. Компаративные исследования лишь рассматривают сравнение внешней культурной политики двух стран. Что касается внутренней культурной политики, имеются труды, посвященные

лишь отдельным аспектам ее формирования в России и Китае. Например, роль институтов социальной памяти в контексте культурной политики в России и Китае была изучена Н.Ю. Соколовой, которая делает вывод о высокой роли библиотек в реализации культурной политики [11]. В связи с этим, существует необходимость в проведении более глубокого сравнительного исследования социально-культурной политики России и Китая, что позволит устранить пробелы в современной науке.

Исходя из того, что социально-культурная политика разрабатывается и реализуется в определенном социально-культурном контексте [5], учитывающем национальную специфику, в каждой стране она будет иметь собственные особенности. В связи с этим, в рамках настоящего исследования была поставлена гипотеза: *культурная политика России и Китая имеет различия, обусловленные особенностями культурных ценностей и социальной спецификой.*

Методология исследования основывается на сопоставительном анализе национальных правовых документов, формирующих культурную политику в России и Китае. В качестве хронологического периода исследования выбран период с 2020 по 2021 гг. Выбор данного периода обусловлен вступлением обеих стран в новое десятилетие, трансформацией ориентиров в культурном развитии общества, определенных государственной культурной политикой. В статье последовательно проводится анализ российской и китайской культурной политики, на основе которого выявляются общие черты и различия и делаются соответствующие выводы.

После распада Советского Союза российское правительство глубоко осознало, что вызванный этим упадок русской национальной культуры и русских социальных ценностей не меньше, чем ущерб, причиненный территориальным разделением и регрессом национальной экономики. На протяжении нескольких десятилетий, государственные деятели искали «потерянную ду-

шу России», усердно пытаюсь не дать ей потерять свою культурную и национальную идентичность в глобализированном мире. У нынешнего президента России есть «русская мечта», которая состоит в том, чтобы построить процветающую и сильную Россию, изменить статус России как великой державы и восстановить ее былую славу. Все это находит отражение в нормативно-правовых и стратегических документах по государственной культурной политике.

В настоящее время в России государственная культурная политика определяется следующими документами:

- «Основы государственной культурной политики» [8];
- «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» [12].

Также на этапе реализации находится национальный проект «Культура», который определяет дорожную карту культурного развития страны на период до 2024 г. Рассмотрим более подробно цели, задачи, принципы и другие особенности культурной политики, отраженные в данных документах.

Согласно «Основам государственной культурной политики», целями государственной политики России в сфере культуры являются укрепление гражданской идентичности, создание условий для воспитания граждан, сохранение исторического и культурного наследия, наследование традиционных культурных ценностей и норм, создание условий для раскрытия творческого потенциала каждого человека, а также обеспечение доступа граждан к информационным и культурным ресурсам.

Государственная культурная политика РФ основывается на принципах равенства, как территориального, так и социального, в отношении доступа к ценностям культуры, открытости и взаимодействия с другими культурами, соответствии принимаемых государственных органами руководящих документов целям и задачам культурной политики, свободы творческой деятельности и невмешательства госу-

дарства, делегирования полномочий в сфере управления культурой социальным институтам.

Культурная политика России направлена на решение широкого спектра задач, которые включают сохранение и повышение роли культурного наследия, содействие развитию всех видов культурной деятельности и связанных индустрий, повышение качества подготовки кадров в сфере культуры и гуманитарных наук, цифровизации культуры, расширению присутствия русского языка и сохранению традиций русской культуры, расширение и поддержку международных культурных и гуманитарных связей, возрождение русских семейных традиций, поддержку институтов в распространении культуры, формирование информационной среды, благоприятной для развития русской культуры и другие.

Государственная политика России в сфере культуры направлена на достижение результатов, включающих рост интеллектуального потенциала российского социума, развитие семейных ценностей, качественное увеличение культурных запросов граждан, гармонизацию социально-экономического развития регионов России.

В соответствии со «Стратегией государственной культурной политики на период до 2030 года» принципами реализации определены сохранение единого культурного пространства, делегирование полномочий органов государственной и муниципальной власти в области политики в сфере культуры, их взаимодействие с социальными институтами, а также государственная поддержка и защита культуры. При этом наиболее приоритетным направлением реализации Стратегии выступает расширение и усиление влияния культуры России за рубежом, за которым следует сохранение единого культурного пространства. Благодаря реализации Стратегии, Россия планирует достичь формирования новой ценностно ориентированной модели государственной культурной политики, увеличить финансирование культуры, войти

в число лидеров среди стран по количеству объектов культурного наследия ЮНЕСКО, увеличить продажу книг в стране, расширить пространство русского языка за рубежом, создать качественные ресурсы для обучения русскому языку.

Национальный проект «Культура» (2019–2024 гг.) [10], руководство которым ведет Министерство культуры РФ, направлен на реализацию федеральных проектов «Культурная среда», «Творческие люди», «Цифровая культура». Данные федеральные проекты представляют собой совокупность конкретных мероприятий по обеспечению качественно нового уровня развития культурной инфраструктуры в стране, созданию условий реализации творческого потенциала нации, а также цифровизации культурного пространства.

Рассмотрим состояние государственной культурной политики в Китае. В 2014 г. председатель Си Цзиньпин впервые предложил в Центральном комитете национальной безопасности поставить культурную безопасность рядом с политической и экономической безопасностью [15, С. 129]. Построение национальной культурной безопасности неотделимо от построения основных социалистических ценностей и ценностей традиционной культуры китайского народа, в которых особая роль отводится культурной политике [18; 19]. Следовательно, функция культурной политики в КНР заключается в использовании обязательных инструментов политики для восстановления основных социалистических ценностей и традиционных ценностей китайской нации, чтобы достичь цели поддержания национальной культурной безопасности и содействия развитию культурного управления.

На современном этапе, государственная культурная политика Китая основывается на положениях следующих документов:

- «14-й пятилетний план народно-экономического и социального развития Китайской Народной Республики и наброски перспектив до 2035 года» [14];

- «План развития культуры и туризма на 14-ю пятилетку» [17];
- «Мнения о содействии индустрии культуры, способствующей возрождению сельских районов» [16].

Основной целью реализации культурной политики в Китае выступает построение общества с превосходной социалистической культурой. В 10 главе документа «14-й пятилетний план народно-экономического и социального развития Китайской Народной Республики и наброски перспектив до 2035 года» отмечено, что основными перспективами развития культурной политики в стране на ближайшее время являются развитие социалистической превосходной культуры и совершенствование национальной культурной мягкой силы, содействие бесплатному открытию и цифровому развитию общественных культурных объектов (включая публичные библиотеки, культурные центры, художественные галереи и музеи).

Культурная политика Китая реализует цель повышения уровня социальной культуры. В соответствии с этой целью, задачами реализации государственной политики в сфере культуры выступают направление культурной работы на социалистические стержневые ценности, обогащение духовного мира народа, укрепление духовной силы народа, содействие формированию мировоззренческих представлений, духовных мировоззрений, цивилизованных обычаев и норм поведения, отвечающих требованиям новой эпохи. Целью современной культурной политики Китая также выступает содействие процветанию и развитию литературного и художественного творчества, которая может быть достигнута за счет поддержки создания литературно-художественных произведений (темы которых определяются рекомендациями партии), продвижение этих произведений за счет онлайн и офлайн-каналов, развитие литературно-художественных коллективов, усиление литературной критики.

В документе «План развития культуры и туризма на 14-ю пятилетку», разра-

ботанном Министерством культуры КНР, определены пять принципов реализации государственной культурной политики в стране. Эти принципы включают:

- осуществление государственной культурной политики под общим руководством партии;
- человеко-ориентированный подход;
- новая концепция развития;
- реформы и открытость;
- комплексность.

«Планом» определено придерживаться общего руководства партии в культурной сфере, твердо придерживаться направления передовой социалистической культуры, интегрировать основные социалистические ценности во все аспекты развития культуры, настаивать на том, чтобы ставить социальные блага на первое место и добиваться социальных и экономических выгод. Человеко-ориентированный подход при реализации государственной культурной политики предполагает стимулирование творческой силы людей, способствование удовлетворению их культурных потребностей и укреплению духовной силы. Новая концепция развития проходит через весь процесс развития культуры, всесторонне продвигает инновации механизмов, моделей, форматов и продуктов в области культуры, направляет экологически чистое развитие культуры к более высокому качеству и более эффективно и безопасно развитию. Реформы и открытость в реализации целей государственной культурной политике определяют постоянность продвижения глубоких реформ в сфере культуры, устранение институциональных препятствий, ограничивающих развитие культуры, открытость сферы культуры к развитию. Принцип комплексности предполагает интеграцию культурного развития с другими областями, в том числе наукой, техникой и другими.

«Мнения о содействии индустрии культуры, способствующей возрождению сельских районов» определяют особенности реализации государственной культурной политики в сельских территориях КНР.

Рассмотрев ключевые аспекты государственной культурной политики России и Китая, можно выделить следующие общие черты.

Во-первых, схожие черты отмечают в одинаковых целях государственной политики России и Китая, среди которых укрепление национальной культуры, сохранение культурного наследия, наследование культурных традиционных ценностей, создание условий для раскрытия творческого потенциала, обеспечение доступа жителей к культурным объектам.

Во-вторых, государственная политика в сфере культуры в России и Китае характеризуется схожими задачами, включающими содействие развитию всех видов культурной деятельности и связанных индустрий, повышение качества подготовки талантов в сфере культуры, цифровизации культуры, а также расширению международных культурных связей.

В-третьих, схожесть государственной культурной политики России и Китая проявляется в похожих принципах ее реализации, среди которых обеспечение доступности объектов культуры для граждан страны, а также открытости и взаимодействия с другими культурами.

Несмотря на наличие общих черт, государственная политика России и Китая в сфере культуры характеризуется различиями.

Во-первых, государственная культурная политика в России и в Китае преследует разные цели. Так, в России отмечается целью политики в сфере культуры создание условий для воспитания граждан. В то время как в китайской культурной политике данная цель отсутствует, но присутствуют собственные специфические цели, в их числе построение общества с превосходной социалистической культурой, а также совершенствование национальной культурной мягкой силы, содействие процветанию и развитию литературного и художественного творчества. Стоит отметить, что в российской культурной политике также отмечается расши-

рение влияния русской культуры в других странах, однако, это является приоритетом стратегического культурного развития страны, а не целью реализации государственной политики в сфере культуры.

Во-вторых, на уровне задач государственной культурной политики, для российской политики свойственно наличие таких особых задач, как сохранение и повышение роли культурного наследия, расширение присутствия национального языка, возрождение семейных традиций, формирование информационной среды, благоприятной для развития культуры. В китайской культурной политике данные задачи отсутствуют, но имеются такие, как усиление литературной критики и создание литературно-художественных произведений на основе рекомендаций партии. Отметим, что принципов российской культурной политики является свобода творческой деятельности, в то время как в Китае данная свобода на государственном уровне ограничена. На наш взгляд, такое ограничение носит позитивный характер, способствуя созданию культурно ценных для общества произведений, которые не способны навредить формированию и развитию национальной культуры.

В-третьих, различие отмечается на уровне приоритетов государственной политики в сфере культуры. В России среди приоритетов отмечены расширение и усиление влияния культуры России за рубежом, сохранение единого культурного пространства, формирование новой ценностно ориентированной модели государственной культурной политики, увеличение инвестирования сферы культуры, создание качественных ресурсов для обучения русскому языку. В китайской государственной культурной политике приоритеты сводятся к совершенствованию национальной культурной мягкой силы, формированию и укреплению социалистических культурных ценностей в обществе, а также развитию культуры в сельских территориях.

И, наконец, для России и Китая характерны разные принципы в реализации государственной культурной политики. Среди них наиболее специфическим в Китае выступает проведение государственной культурной политики под общим руководством партии, человекоориентированный подход, а то время как в России принципами определены делегирование полномочий в сфере управления культурой, а также невмешательство государства в творческую деятельность.

Таким образом, в результате анализа культурной политики России и Китая можно сделать вывод, что гипотеза о том, что культурная политика России и Китая имеет различия, обусловленные особенностями культурных ценностей и социальной спецификой может быть подтверждена. Мы видим, что направления государственной культурной политики Китая во многом определяются спецификой государственной социалистической идеологии. В целом, государственная политика России и Китая схожа в том, что обе страны стремятся развивать влияние собственной культуры за рубежом, сохранять культурное наследие и способствовать укреплению традиционной национальной культуры, желают достичь цифровизации культурных объектов. В то же время, Россия уделяет особое внимание распространению русского языка в международном обществе и увеличению финансирования культуры, а в Китае основной акцент сделан на развитии культуры сельских территорий и распространении ценностей социализма на культуру.

Литература

1. Барулин В.С. Социальная философия / В.С. Барулин. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 385 с.
2. Владимирова Д.А., Задворная Е.С. Межкультурный диалог России и Китая: культурная политика и репрезентация идентичности // Вестник КазГУКИ. – 2017. – № 3. – С. 38–44.
3. Волошина С.Э., Крылова Т.В., Лелекова А.В., Шкунова А.А. Станов-

- ление культурной политики в России // Московский экономический журнал. – 2020. – № 11. – С. 529–539.
4. Востряков Л.Е., Тургаев А.С. Новая модель государственной культурной политики России // Вестник СПбГИК. – 2018. – № 3 (36). – С. 6–16.
 5. Жарков А.Д. Социально-культурная политика государства – важнейшее условие функционирования социально-культурной деятельности // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2013. – № 1 (10). – С. 65–72.
 6. Карпухин О.И. Феномен культурной политики России в контексте ее исторического развития // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 1. – С. 232–251.
 7. Найденко А.В., Тарасова Е.И. Особенности современной культурой политики Китая: основные направления и тенденции развития // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 7 (849). – С. 242–255.
 8. Основы государственной культурной политики: утверждены Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420242192?marker=65401N> (дата обращения 03.06.2022).
 9. Павлович А.А. Становление культурной политики в современной России: региональный и муниципальный уровни: дисс. канд. культурологии 24.00.01 / Анна Александровна Павлович. – М., 2008. – 185 с.
 10. Паспорт Национального проекта «Культура» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://culture.gov.ru/upload/mkrf/mkdocs2022/НП_Культура.pdf (дата обращения 01.06.2022).
 11. Соколова Н.Ю. Институты социальной памяти в контексте культурной политики (опыт Китая и России) // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2015. – № 10–3. – С. 465–469.
 12. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения 03.06.2022).
 13. Сун Сямэн. Внешняя культурная политика России и Китая // Казачество. – 2016. – № 11. – С. 51–60.
 14. 14-й пятилетний план народно-экономического и социального развития Китайской Народной Республики и наброски перспектив до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/14/content_5592884.htm (дата обращения 11.06.2022) (на кит. яз.)
 15. Беседы Си Цзиньпина о социалистическом культурном строительстве / Научно-исследовательский институт партийной истории и литературы при ЦК Коммунистической партии Китая. – Пекин: Центральное литературное издательство, 2017. – 204 с. (на кит. яз.)
 16. Мнения о содействии индустрии культуры, способствующей возрождению сельских районов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/2022-04/08/content_5684002.htm (дата обращения 11.06.2022) (на кит. яз.)
 17. План развития культуры и туризма на 14-ю пятилетку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hljlt.com/article/detail/3340> (дата обращения 08.06.2022) (на кит. яз.)
 18. Сюй Цзюнь. Исследование пути современного эстетического управления: с точки зрения культурной политики // Журнал Чанчзянского педагогического университета. – 2022. – № 38 (03). – С. 1–8 (на кит. яз.)
 19. Фу Цайю, Цинь Ранран Управление культурой Китая: исторический про-

цесс и логика эволюции // Журнал Ланьчжоуского университета (социальное издание). – 2022. – № 50 (03). – С. 11–22 (на кит. яз.)

COMPARATIVE STUDY OF THE MODERN SOCIO-CULTURAL POLICY OF CHINA AND RUSSIA

Guo Wei

Moscow State University M.V. Lomonosov

Socio-cultural policy is one of the key factors determining the prospects for national development. Due to the presence of the specifics of society in different countries, the state policy in them will be determined by the peculiarities. The article focuses on the peculiarities of the state cultural policy in Russia and China. According to the results of a comparative analysis of the state policy in the field of culture in Russia and China, similarities and differences were found. Both countries strive to develop the influence of their own culture abroad, preserve cultural heritage and contribute to the strengthening of traditional national culture, wish to achieve the digitalization of cultural objects, at the same time they pursue different goals and objectives, set their own priorities in the implementation of state cultural policy. The article concludes that the cultural policy of Russia and China has differences due to the peculiarities of cultural values and social specifics.

Keywords: socio-cultural policy, cultural policy, common features, differences, Russia, China.

References

1. Barulin V.S. Social philosophy / V.S. Barulin. – M.: FAIR-PRESS, 2002. – 385 p.
2. Vladimirova D.A., Zadornaya E.S. Intercultural dialogue between Russia and China: cultural policy and identity representation // Bulletin of KazGUU. – 2017. – No. 3. – P. 38–44.
3. Voloshina S.E., Krylova T.V., Lelekova A.V., Shkunova A.A. Formation of cultural policy in Russia // Moscow Economic Journal. – 2020. – No. 11. – P. 529–539.
4. Vostryakov L.E., Turgaev A.S. A new model of state cultural policy in Russia // Vestnik SPbGik. – 2018. – No. 3 (36). – P. 6–16.
5. Zharkov A.D. Socio-cultural policy of the state – the most important condition for the functioning of socio-cultural activities // Culture and education: a scientific and informational journal of universities of culture and arts. – 2013. – No. 1 (10). – P. 65–72.
6. Karpukhin O.I. The phenomenon of Russia's cultural policy in the context of its historical development // Social and humanitarian knowledge. – 2019. – No. 1. – P. 232–251.
7. Naidenko A.V., Tarasova E.I. Peculiarities of China's Modern Culture Politics: Main Directions and Development Trends // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences. – 2021. – No. 7 (849). – P. 242–255.
8. Fundamentals of the state cultural policy: approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808 [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/420242192?marker=6540IN> (accessed 06/03/2022).
9. Pavlovich A.A. Formation of cultural policy in modern Russia: regional and municipal levels: diss. cand. culturology 24.00.01 / Anna Aleksandrovna Pavlovich. – M., 2008. – 185 p.
10. Passport of the National project "Culture" [Electronic resource]. – Access mode: https://culture.gov.ru/upload/mkrf/mkdocs2022/NP_Culture.pdf (accessed 06/01/2022).
11. Sokolova N. Yu. Institutions of social memory in the context of cultural policy (the experience of China and Russia) // Russia: trends and development prospects. – 2015. – No. 10–3. – P. 465–469.
12. Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030: approved by the order of the Government of the Russian Federation of February 29, 2016 No. 326-r [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (accessed 03.06.2022).
13. Song Xiaomeng. Foreign cultural policy of Russia and China // Cossacks. – 2016. – No. 11. – P. 51–60.
14. The 14th five-year plan for the people's economic and social development of the People's Republic of China and outlines of prospects until 2035 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/14/content_5592884.htm (accessed 06/11/2022) (in Chinese)
15. Xi Jinping's talks on socialist cultural construction / Research Institute of Party History and Literature under the Central Committee of the Communist Party of China. –

- Beijing: Central Literary Publishing House, 2017. – 204 p. (in Chinese)
16. Opinions on the promotion of the cultural industry, contributing to the revival of rural areas [Electronic resource]. – Access mode: http://www.gov.cn/zhengce/2022-04/08/content_5684002.htm (accessed 06/11/2022) (in Chinese)
 17. Plan for the development of culture and tourism for the 14th five-year plan [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.hjlt.com/article/detail/3340> (accessed 06/08/2022) (in Chinese)
 18. Xu Jun. Researching the path of modern aesthetic management: from the point of view of cultural policy // Journal of Changjiang Normal University. – 2022. – No. 38 (03). – P. 1–8 (in Chinese)
 19. Fu Caiwu, Qin Ranran China's Cultural Management: Historical Process and the Logic of Evolution // Journal of Lanzhou University (social edition). – 2022. – No. 50 (03). – P. 11–22 (in Chinese)

Образ Китая в узбекском медиапространстве: анализ сообщений kup.uz в период эпидемии коронавируса

Лю Ци,

магистрант института иностранного языка,
Ланьчжоуский университет
E-mail: 1223913869@qq.com

Вспышка эпидемии коронавируса поставила Китай в центр внимания международной общественности. В данной статье в качестве исследовательской выборки взяты связанные с Китаем сообщения узбекского основного СМИ kup.uz с января 2020 года по июль 2021 года, а также использованы контент-анализ и дискурс-анализ для анализа частоты сообщений, постановки предмета обсуждения и эмоциональных тенденций. Имидж Китая, созданный kup.uz в этот период, был относительно негативным, но в репортажах присутствовали и позитивные элементы формирования имиджа. В контексте глобальной коммуникации китайские СМИ должны активно выступать и формировать правдивый и ответственный имидж Китая во многих измерениях.

Ключевые слова: имидж Китая; эпидемия коронавируса; Узбекистан; kup.uz.

Введение

Вспышка эпидемии коронавируса в конце 2019 года не только нанесла серьезный удар по глобальной системе общественного здравоохранения, но и бросила огромный вызов построению и коммуникации имиджа Китая. Хотя действия Китая в борьбе с эпидемией стали богатым опытом и примером для стран всего мира, политики и СМИ в некоторых странах игнорируют усилия и жертвы, принесенные китайским народом в борьбе с эпидемией, и распространяют ложные информации, пытаются всеми возможными способами дискредитировать усилия Китая в борьбе с эпидемией и даже используют ряд случаев «стигматизации» для нападок на Китай. Поэтому своевременный анализ освещения зарубежными СМИ о Китае в контексте эпидемии и формирования имиджа Китая является основными приоритетами внешней коммуникации КНР.

СМИ – это «голос тех, кто обладает политической и экономической властью» [1], и освещение в СМИ в определенной степени отражает интересы страны и основные ценности ее народа. Полностью освоить технические и коммуникационные характеристики социальных медиа, и на этой основе бороться за право говорить, формировать и распространять имидж Китая, стало важной задачей внешней пропаганды для основных СМИ Китая [2]. Узбекистан является важной страной на «Один пояс один путь», а также самой густонаселенной страной в Центральной Азии, и является необходимым маршрутом для пропаганды стратегии «Один пояс один путь» в Центральной Азии. Понимание отношения узбекских СМИ к Китаю в ситуации эпидемии коронавируса, анализ сообщений о Китае имеют большое стратегическое значение для Китая в плане выхода на арену Центральной Азии и создания ответственного имиджа Китая в регионе. Исходя из это-

го, цель данной статьи – проанализировать сообщения об эпидемии в основных СМИ Узбекистана kun.uz, исследовать особенности конструирования национального имиджа Китая в основных СМИ Узбекистана, а также попытаться представить контрмеры и предложения по корректировке стратегии внешней коммуникации Китая в постэпидемическую эпоху.

Методология исследования и анализ выборки

В данной статье выборкой исследования является освещение новостей в узбекских СМИ kun.uz. [Kun.uz](http://kun.uz) был признан самым популярным новостным сайтом

Узбекистана два года подряд в 2020 и 2021 годах. Сайт посещают в среднем 20 000 человек в день, и он является одним из важнейших источников новостей и информации для узбекистанцев. Перекрестное сочетание ключевых слов «Китай», «КНР», «коронавирус», «COVID-19» было использовано для поиска периода с января 2020 года по июль 2021 года, и после дедупликации и ручной проверки для удаления нерелевантных образцов и отбора отчетов с более чем 100 словами в качестве аналитической выборки, была получена окончательная выборка из 480 исследовательских отчетов об эпидемиях, связанных с Китаем (см. Рисунок 1).

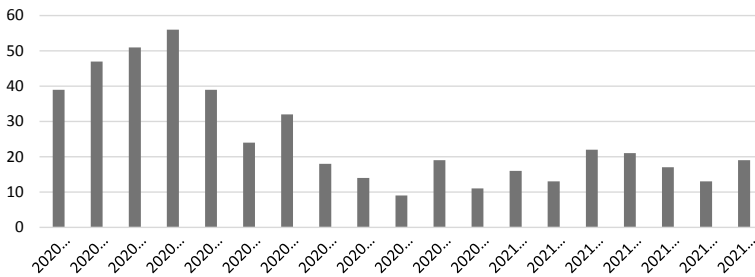

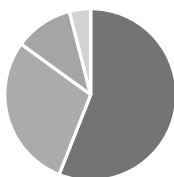
Рис. 1. Количество сообщений о COVID-19, связанных с Китаем в kun.uz

Согласно рисунку 1, количество сообщений об эпидемиях, связанных с Китаем, на сайте kun.uz велико. Сообщения в основном были сосредоточены в первой половине 2020 года, достигнув 256 сообщений, что составило 53,33% от общего количества сообщений за 19 месяцев. Количество сообщений об эпидемиях, связанных с Китаем, начало снижаться в августе 2020 года, а количество сообщений в месяц колебалось незначительно в 2021 году. Данное исследование посвящено сообщениям об эпидемии, связанной с Китаем, в СМИ kun.uz в январе, мае 2020 года и марте 2021 года. В качестве метода исследования используется контент-анализ и дискурс-анализ, в качестве корпуса анализа используются тексты 100 сообщений об эпидемии, связанной с Китаем, за эти три месяца. В январе 2020 года kun.uz начал сообщать о коронавирусе, причем первые сообщения состояли в основном

из фактической информации о росте числа случаев заболевания и распространении эпидемии и еще не продемонстрировали явной предвзятости. В мае, когда Ухань был раскрыт и количество случаев заболевания в Китае снизилось, а количество случаев зарубежных вспышек увеличилось, тенденция и направление сообщений, связанных с Китаем, стали ясны. В марте 2021 года, когда Китай и Узбекистан начали сотрудничать в разработке вакцины и когда Китай оказал Узбекистану значительную помощь в предотвращении эпидемий, отношение к сообщениям об эпидемиях, связанным с Китаем, отличалось от предыдущего. Сравнивая сходства и различия в темах и отношении, о которых сообщалось в эти три месяца, можно определить основную динамику и эмоциональные тенденции узбекских СМИ в отношении имиджа Китая в ситуации эпидемии коронавируса.

Результаты исследования

Количество сообщений об эпидемиях в Китае в СМИ kup.uz в январе и мае 2020 года и марте 2021 года велико, и тема разнообразна. С точки зрения контент-анализа, сообщения об эпидемиях в Китае можно разделить на следующие темы: динамика эпидемии, международные отношения в условиях эпидемии, эпидемия и социально-экономическая ситуация, а также противоэпидемическая политика (см. Рисунок 2).

- Динамика эпидемии
- Международные отношения в условиях эпидемии
- Эпидемия и социально-экономическая ситуация
- Противоэпидемическая политика

Рис. 2. Темы сообщений о эпидемии, связанных с Китаем в kup.uz

1. Динамика эпидемии. После вспышки эпидемии в Ухане в конце января, kup.uz уделили большое внимание Китаю, объективно сообщая о развитии эпидемии, количестве случаев заболевания и смертей в Китае, в основном фактическую информацию и с меньшей эмоциональной тенденцией. 23 января глава ВОЗ Тедрос Адханом Гебрейесус пояснил, что не видит причин для панических настроений. По его словам, очень решительная мера Китая по эффективному закрытию Ухани на карантин поможет сдержать вспышку заболевания в этой стране и минимизировать вероятность ее распространения. С таким же заявлением выступило Министерство здравоохранения Узбекистана. В то же время kup.uz первыми отследили глобальное распространение коронавируса, сообщив о первых случаях заболевания в США, Японии и России, а также о количестве заболевания граждан Узбекистана в Китае.

После снятия карантина в Ухане развитие эпидемии в Китае постепенно стабилизировалось, в то время как вспышки эпидемии в Италии, Великобритании, США и России, kup.uz начал широко освещать вопросы отслеживания коронавируса и скептически отнесся к данным правительства Китая. 1 мая стало известно, что Китай не допустил ВОЗ к расследованию по возникновению коронавируса и документации двух вирусологических лабораторий в Ухане – эпицентре распространения коронавируса. А МИД КНР заявлял, что Китай с самого начала придерживался открытой и ответственной позиции относительно публикации данных об эпидемии коронавирусной инфекции. В интервью CNN 17 мая профессор Чжун Наньшань заявил, что местные власти провинции Хубэй подозреваются в сокрытии данных о вспышке в конце 2019 года, а в середине января 2020 года было подтверждено, что имела место передача вируса «от человека к человеку».

После китайско-украинского сотрудничества по разработке вакцины акцент в освещении kup.uz сместился на разработку и вакцинацию этой вакциной. Вакцина ZF-UZ-VAC 2001, разработанная в сотрудничестве с Китаем, стала первой вакциной, зарегистрированной в Узбекистане 1 марта 2021 года, и узбекская сторона активно участвует в клинических испытаниях этой вакцины и импортирует большое количество вакцины из Китая. Министерство здравоохранения Узбекистана сообщило, что массовая вакцинация начнется 1 апреля. Основными вакцинами, используемыми в Узбекистане, являются российская Спутник V, американская АстраЗенека и вакцина ZF-UZ-VAC 2001.

2. Международные отношения в условиях эпидемии. Международные отношения Китая в условиях эпидемии весьма запутаны. На ранних стадиях вспышки эпидемии многие страны блокировали свои границы с Китаем, останавливали авиарейсы и предупреждали своих граждан не ездить

в Китай. После вспышки эпидемии за рубежом администрация Трампа начала строить теорию заговора о том, что «Китай сделал новый коронавирус». Трамп публично заявил, что существуют доказательства того, что вероятным источником нового коронавируса является Уханьский институт вирусологии. Трамп обвинил китайское правительство в давлении на ВОЗ, чтобы она не объявляла вспышку заболевания «чрезвычайной ситуацией», и он подаст в суд на Китай из-за распространения нового коронавируса и запустит новый раунд санкций против Китая. Министр иностранных дел Китая Ван И говорит, что американские политики подталкивают Пекин и Вашингтон к «новой холодной войне».

kur.uz инициировали дебаты среди ученых страны о том, несет ли Китай ответственность за распространение коронавируса, при этом многие утверждают, что даже системы здравоохранения развитых стран не оборудованы для борьбы со вспышкой новой короны, но отчасти это может быть результатом несвоевременного принятия карантинных мер. Алишер Умирдинов, профессор экономики в Университете Нагоя в Японии, сказал, что правовой основой для Обвинения против Китая является обязательство государствами-членами предупреждения ВОЗ. В конце января Китай сообщил об эпидемии, но, по мнению многих государств, Китаю следовало бы пораньше реагировать. Валижон Тулакулов, доктор философии в области международной торговли в университете Инха в Южной Корее, считает, что Трамп не проявил себя как истинный лидер. Он приподнял с применением карантинных ограничений, а теперь сваливает вину на других. Если Китай подаст в Международный суд и будут применены ещё более строгие санкции, то это ещё более усилит торговую войну между Китаем и США, а в итоге это прямо и косвенно повлияет на другие государства-партнёры, на Среднюю Азию, в частности, Узбекистан.

Помощь Китая другим странам также стала одним из основных моментов

освещения, причем kur.uz придерживается позитивной точки зрения: 12 мая Китай отправил в Узбекистан гуманитарную помощь и медицинских экспертов для борьбы с эпидемией. Стоит отметить, что Китай предоставит 2 миллиарда долларов в качестве помощи странам, пострадавшим от эпидемии. Выступая на открытии 73-й Генеральной Ассамблеи ВОЗ, председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Китай со всей открытостью поделился всей информацией о мерах, принятых в борьбе с распространением нового коронавируса. При сотрудничестве с ООН на территории Китая также будет организован глобальный склад и хаб для обеспечения надежности поставок противозидимических средств в нуждающиеся страны мира.

3. Социально-экономическая ситуация и противозидимическая политика. О закрытии китайских городов незамедлительно сообщил kur.uz. В конце января китайское правительство закрыло Ухань, Хуанган и некоторые города в провинции Хубэй в рамках политики борьбы с эпидемией. Узбекский студент Абдурахим Элбобов описал ситуацию в Ухане в то время. Он сказал, что в городе наблюдается паника, цены на продукты заметно выросли – примерно в два раза. Но все помогают друг другу и не боятся, люди соблюдали правила профилактики эпидемий, и улицы были пусты. В то же время китайское правительство начало быстрыми темпами строить госпитали. Пекинская больница «Сяотаншань», которую построили за неделю в 2003 году, когда в пригороде Пекина произошла вспышка атипичной пневмонии, а теперь больницы Хуошэньшань и Лейшэньшань планируются построить за шесть дней. Правительство платит строителям до 1200 юаней в день, что в три раза превышает их обычную зарплату.

Влияние эпидемии на экономику Китая и Узбекистана также было в центре внимания kur.uz. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) прогнозирует, что ВВП Узбекистана вырастет на 1,5% в 2020 году. Валютные

поступления из России резко сократятся в результате эпидемии, но китайская эпидемия окажет меньшее влияние на Узбекистан. Хотя Китай является основным рынком экспорта товаров Узбекистана, на него приходится лишь около 14% от общего объема экспорта, а структура экспорта Узбекистана более диверсифицирована и будет затронута в меньшей степени.

kip.uz был шокирован и озадачен феноменом «китайцы едят летучих мышей». 26 января 2020 года сообщили, что китайцы едят живых осьминогов и летучих мышей. Очевидец также сообщил, что на рынке в Ухани, откуда пошел вирус, продают и готовят змей, ежей, барсуков, павлинов, улиток, бамбуковых крыс и другую экзотическую живность. Журналист сказал: «У нас нет недостатка в еде, так почему же китайцы едят это?». Между тем, нехватка масок привлекла внимание kip.uz. Американские СМИ обвинили Китай в том, что он увеличил импорт материалов для профилактики эпидемии и ввел экспортные ограничения на защитное оборудование, фактически готовясь к борьбе с эпидемией, но не сумев вовремя предупредить ВОЗ о эпидемии.

Имидж государства – это проекция объективного состояния государства в общественном мнении, то есть комплексное отражение впечатлений, восприятий, отношения и оценок государства со стороны общественности, а также совокупность эмоций и воли, которые общественность испытывает по отношению к нему [3]. Имидж государства – это влияние, которое отражает всеобъемлющую национальную мощь страны. Это абстрактное явление, которое трудно

выразить в цифрах и оценить с помощью какой-либо шкалы [4]. Поэтому имидж государства пластичен и динамичен. И в контексте эпидемической пандемии построение имиджа Китая будет сильно затронуто и подвергнуто влиянию.

Для того чтобы определить основной оттенок в изображении имиджа Китая на сайте kip.uz и учесть, что освещение вопросов и тональный оттенок не полностью синхронизированы, цвет освещения делится на цвет вопроса и тональный оттенок. При кодировании темы негативного характера определялись как негативные вопросы, например, «быстро растущее число погибших»; темы позитивного характера определялись как позитивные вопросы, например, «оказание гуманитарной помощи»; нейтральные вопросы не имели явного оттенка, например, «клинические испытания вакцин». В то же время, негативный оттенок задается при наличии явно негативных описаний, таких как «санкции» и «ложь»; позитивный оттенок задается при наличии позитивных описаний, таких как «хорошо подготовлен» и «быстрое реагирование»; нейтральный оттенок задается при наличии простого описания события, такого как «вакцинация» (см. Рисунок 3). На нейтральные и негативные вопросы приходится относительно большая доля освещения, 40% и 44% соответственно, а на освещение нейтрального тона – 50%, при этом разница между количеством материалов с позитивным и негативным оттенком незначительна. Дискурс-анализ покрытия на основе его оттенков и конкретного содержания может быть обобщен в следующих трех конкретных образах.

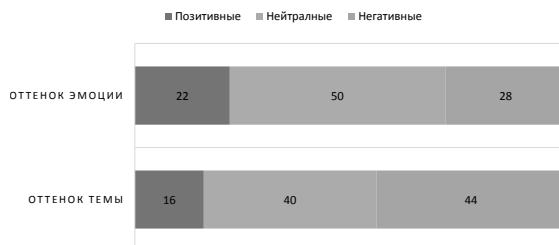

Рис. 3. Эмоциональная предвзятость освещения kip.uz о Китае в ситуации эпидемии

1. Эпидемия вышла из-под контроля и носит изолированный характер. С 11 января 2020 года, когда стало известно о первом случае смерти от пандемии в Китае, *kip.uz* продолжал публиковать сообщения о росте числа смертей в Китае, проецируя представление Китая о вышедшей из-под контроля эпидемии в стране. Хотя большинство материалов о вспышке было нейтральным по оттенку и представляло объективные факты, однако их тематика носила негативный характер. Многие соседние страны закрыли свои границы, прекратили полеты и эвакуировали людей, создавая определенную степень напряженности и страха. Американские СМИ обвинили китайское правительство в сокрытии информации о вспышке эпидемии с целью импорта большого количества средств профилактики эпидемии, поставив Китай в центр международного общественного мнения и изолировав его в международном сообществе. Это, в сочетании с заявлением ВОЗ об отсутствии ясности в отношении ситуации в Китае и ее утверждением о том, что китайское правительство отказало ВОЗ в доступе к документации двух вирусологических лабораторий в Ухане, ухудшило восприятие Китая узбекской общественностью. *kip.uz*, пытаясь привлечь внимание всех слоев общества, создал в обществе атмосферу «наблюдения за пожаром из-за реки», создавая представление о Китае как стране, испытывающей внутренние и внешние трудности.

2. Медленно реагировать и многократно бросать возражения. Вспышка эпидемии в Китае в конце 2019 года, о которой иностранные СМИ сообщили в основном в середине января 2020 года, что вызвало международный резонанс в связи с тем, что Китай не вовремя уведомил о вспышке заболевания. В *kip.uz* обсуждался вопрос о том, как отследить источник вспышки. Узбекские эксперты говорят, что Иран считает, вирус пришел из США и распространялся в Китай через проведение военных игр в Ухане в 2019 году, а США считают, что вирус пришел из Китая, по-

тому что вспышка впервые была зафиксирована в Ухане. Сообщения об отслеживании источника эпидемии и трениях между США и Китаем в основном цитировались из американских СМИ, следовательно, темы и оттенок сообщений были в основном негативными, с намерением намекнуть, что отсутствие оперативного реагирования Китая при информировании об эпидемии косвенно способствовало глобальной пандемии, создавая негативный облик медленного реагирования Китая и недонесения информации об эпидемии.

3. Оказание активной помощи, лидерство в разработке вакцин. В отличие от выжидательной и скептической позиции, описанной выше, *kip.uz* не разделял настороженного и враждебного отношения западных СМИ, которые рассматривали помощь Китая как «стратегическую возможность», а наоборот, освещал ее позитивно и демонстрировали оптимистичное и дружелюбное отношение. Китай неоднократно направлял в Узбекистан медицинские команды и поставлял в страну противоэпидемические средства, что было высоко оценено всеми слоями общества в Узбекистане. Кроме того, Китай выделит 2 миллиарда долларов на помощь странам, пострадавшим от эпидемии, и совместно с ООН работает над созданием глобального склада и «зеленого» таможенного коридора для обеспечения противоэпидемических поставок в нуждающиеся страны по всему миру. Активная помощь Китая другим странам перед лицом эпидемии полна гуманитарных чувств и демонстрирует образ ответственной великой державы.

Оттенок и тематика освещения китайских вакцин в *kip.uz* также были весьма позитивными. Пока западные СМИ критикуют Китай за его «вакцинную дипломатию», Узбекистан активно сотрудничает с Китаем в области разработки вакцин. Вакцина ZF-UZ-VAC 2001 была разработана совместно Китаем и Узбекистаном, который активно участвовал в клинических испытаниях вакцины и импортировал большое количество вакцины из Китая для прове-

дения вакцинации. Вакцина ZF-UZ-VAC 2001 стала первой вакциной, зарегистрированной в Узбекистане, и является наиболее широко применяемой вакциной в стране. 31 марта 2021 года Узбекистан подписал соглашение о конфиденциальности с Китаем о цене вакцины ZF-UZ-VAC 2001, заявив, что «Китай предоставит Узбекистану вакцину по специальной цене». Это показывает быстрое изменение отношения узбекских СМИ и их стремительный переход в сторону Китая, когда собственные интересы были защищены. В это время *kun.uz* горячо восхваляли китайскую вакцину и рекламировали ее, создавая имидж Китая как страны с развитыми медицинскими стандартами, дружескими отношениями и взаимным сотрудничеством с узбекской стороной.

Заключение

В целом, имидж Китая, конструируемый *kun.uz* в контексте эпидемии, делится на следующие три типа: изолированность и беспомощность в международном сообществе в связи с возникновением эпидемии; неоднократные сомнения по поводу отслеживания источника эпидемии и своевременности сообщений; активная помощь другим странам и лидерство в мире в области разработки вакцин. Общий имидж формируется на негативной стороне, но имеются и положительные элементы формирования имиджа. Гуманитарные и социальные науки в Китае, включая журналистику и коммуникацию, публичную дипломатию, международные отношения, изучение языков, литературу и искусство, проделали большую работу по изучению имиджа Китая, представленного основными СМИ в основных странах и регионах мира, а имиджу Китая в Центральной Азии уделяется меньше внимания, но он также продолжает выявляться. Некоторые исследователи также анализировали имиджевую дилемму Китая за рубежом с точки зрения функционирования западной медиа-системы, производства новостного контента, взаимодействия политики со СМИ и системы ценностей, призывая к углубленному изучению мен-

талитета и операционных характеристик западных СМИ, а также к интерпретации имиджа Китая в зарубежных СМИ с точки зрения «другого», а не «себя» [5]. В ответ на кризис общественного мнения Запада в отношении Китая китайские СМИ должны скорректировать свою стратегию повествования, настойчиво рассказывать историю Китая, историю сообщества человеческой судьбы и историю сообщества человеческого здоровья, активно завоевывать общественное мнение в Центральной Азии и укреплять имидж Китая как ответственной державы в совместной с другими странами борьбе с эпидемией.

Литература

1. Герберт Аттерсхолл. СМИ во власти – Роль СМИ в делах человечества. Хуан Юй, Цю Чжикан. Пекин: Издательство Хуася, 1989.
2. Ван Бинь, Дай Мэньюй. Итеративное производство и построение отношений: механизм формирования национального имиджа в социальных медиа. Журнал Ланьчжоуского университета (издание по общественным наукам). 2017,45(05).
3. Лю Сяоянь. Размышления о формировании национального имиджа средствами массовой информации. Международная журналистика, 2002(2).
4. Фань Хун. Многомерное формирование национального имиджа и коммуникационная стратегия. Журнал Университета Цинхуа (издание по философии и социальным наукам). 2013, 28(02).
5. Вэнь Чуньин, Ву Иньин. Размеры национального имиджа и его взаимная неоднородность. Современная коммуникация (журнал Коммуникационного университета Китая), 2021, 43(01).

THE IMAGE OF CHINA IN THE UZBEK MEDIA SPACE: ANALYSIS OF KUN.UZ MESSAGES DURING THE CORONAVIRUS EPIDEMIC

Liu Qi
Lanzhou University

The outbreak of the coronavirus epidemic has placed China in the international spotlight. This article takes China-related messages from the Uzbek mainstream media kun.uz from January 2020 to July 2021 as a research sample, and uses content analysis and discourse analysis to analyze message frequency, subject matter staging, and emotional trends. The image of China created by kun.uz during this period was relatively negative, but there were also positive image-building elements in the reporting. In the context of global communication, the Chinese media should actively advocate and form a truthful and responsible image of China in many dimensions.

Keywords: image of China; coronavirus epidemic; Uzbekistan; kun.uz

References

1. Herbert Atshur. *The Media of Power: The Role of the Media in Human Affairs*. Huang Yu, Qiu Zhikang. Beijing: Huaxia Publishing House, 1989.
2. Wang Bin, Dai Mengyu. Iterative production and relationship construction: the mechanism of national image shaping in social media. *Journal of Lanzhou University (Social Science Edition)*. 2017, 45(05).
3. Liu Xiaoyan. Reflections on the media's shaping of national image. *International Journalism*, 2002(2).
4. Fan Hong. Multidimensional shaping and communication strategies of national image. *Journal of Tsinghua University (Philosophy and Social Science Edition)*. 2013, 28(02).
5. Wen Chunying, Wu Yingying. Dimensions of national image and its reciprocal heterogeneity. *Modern Communication (Journal of Communication University of China)*, 2021, 43(01).

Особенности характеристик семейного воспитания в неполных семьях

Цветкова Наталья Афанасьевна,

к. псих. наук, профессор кафедры психологии развития личности Института педагогики и психологии МПГУ
E-mail: mynatulechka@mail.ru

Покровская Светлана Викторовна,

к. псих. наук, доцент кафедры пато- и нейро-психологии развития Московского государственного психолого-педагогического университета

В статье рассматриваются различия в стилях семейного воспитания, родительского отношения и эмоционального взаимодействия в диаде родитель-ребенок в полных и неполных семьях. На выборке из 120 человек (60 родителей из полных семей, 30 матерей-одиночек и 30 отцов-одиночек) с помощью опросников АСВ Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса, ОРО А.Я. Варги, В.В. Столина и ОДРЭВ Е.И. Захаровой установлено, что у отцов-одиночек наиболее выражена такая характеристика родительского отношения, как инфантилизация ребенка (отношение по типу «маленький неудачник»), тогда как у матерей-одиночек наиболее выражена такая характеристика, как симбиоз; у матерей-одиночек наблюдается более высокий, по сравнению с отцами-одиночками, уровень понимания причин состояния ребенка; матери-одиночки более склонны к безусловному принятию ребенка, их отношение к себе как к родителю эмоционально более позитивное.

Ключевые слова: стиль семейного воспитания, родительское отношение, эмоциональное взаимодействие в диаде родитель-ребенок.

Актуальность темы проведенного эмпирического исследования определяется прежде всего тем, что количество неполных семей в нашей стране велико, и тенденции к уменьшению их количества пока не наблюдается. Это значит, что достаточно велико и количество детей, которые воспитываются в неполных семьях одним из родителей (отцом или матерью), тогда как другой родитель общается с ребенком время от времени. Наиболее распространенной является ситуация, когда ребенка воспитывает мать, оставшаяся без поддержки бывшего мужа, отца ребенка. Но существует и другая категория семей, где отец воспитывает одного, двух и более детей в ситуации отсутствия в семье матери.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года и Переписи населения в Крымском федеральном округе 2014 года, опубликованных на сайте Росстата [1], общее количество семей с детьми до 18 лет составляет в стране более 11 миллионов, при этом неполных семей – почти 6 миллионов (матерей с детьми 5 087 048, отцов с детьми 654 969). Таким образом, как видно из статистических данных, матерей-одиночек в России почти в 8 раз больше, чем отцов-одиночек. Однако согласно судебной статистике [2], в последнее десятилетие существенно возросло число обращений в суд с иском по определению места жительства ребенка с отцом, и суды стали чаще определять место жительства с отцами.

Но в большинстве случаев при принятии решения о порядке проживания ребенка после развода родителей судебные инстанции до сих пор руководствуются бытовавшим долгое время убеждением, что материнское воспитание гарантированно более качественное и в большей степени способствует развитию ребенка, чем отцовское. Для того, чтобы аргументированно изме-

нить эту тенденцию и дать возможность отцам оставаться активными участниками воспитательного процесса после развода с матерью своих детей, необходима информация об особенностях воспитания ребенка отцом в неполной семье. До настоящего времени, несмотря на постоянно возрастающий интерес исследователей к вопросам материнства и отцовства, работ по изучению неполных семей не много.

Проведенное эмпирическое исследование имело целью восполнить этот дефицит.

В исследовании приняли участие 120 взрослых; из них 30 мужчин-отцов, воспитывающих детей в неполной семье; 30 женщин-матерей, воспитывающих детей в неполной семье; 60 родителей из полных семей (30 отцов и 30 матерей). Возраст детей во всех семьях от 3 до 6 лет. Длительность проживания с одним родителем в неполной семье не менее одного года.

Детско-родительские отношения, будучи важнейшей детерминантой психического развития и процесса социализации ребенка, характеризуются такими параметрами, как стиль семейного воспитания, характер эмоциональной связи родитель – ребенок, степень вовлеченности родителя и ребенка в детско-родительские отношения; способы разрешения проблемных и конфликтных ситуаций; поддержка автономии ребенка; социальный контроль: требования и запреты, их содержание и количество, способ контроля [3]. Нарушение условий развития ребёнка, эмоциональная депривация и фрустрация потребностей приводят к задержке развития, а в особо тяжёлых случаях – к формированию отрицательных эмоциональных установок и разрушительных тенденций, которые начинают доминировать и мотивируют дезадаптивные, деструктивные формы поведения [4].

Анализ отечественной и зарубежной психологической литературы позволил сделать вывод о том, что воспитательная ситуация в неполной семье отягощена многими неблагоприятными

факторами [5], такими как психологическая травма, полученная родителем при разводе; отсутствие позитивного взаимодействия с ушедшим из семьи родителем; противоречивость требований к ребенку у родителя, находящегося в контакте с ребенком ежедневно, и у «воскресного» родителя; финансово-материальные трудности; отсутствие поддержки со стороны родителей ушедшего супруга (бабушки и дедушки ребенка); чрезмерное вмешательство в воспитательный процесс собственных родителей (бабушки-дедушки со стороны родителя, воспитывающего ребенка) [6].

Воспитательные проблемы одиноких матерей могут сильно различаться. У многих одиноких матерей интересы сосредоточены не на процессе воспитания ребенка, а на поиске нового спутника жизни. В результате ребенок оказывается предоставленным самому себе, основной характеристикой воспитательного стиля становится гипопека. Другая крайность – чрезмерная сфокусированность одинокой матери на ребенке, что приводит к гиперопеке, заласканным ребенком, не критичности матери по отношению к нему [7].

В неполной семье, возглавляемой одним отцом, отец выступает по отношению к ребенку в различных функциях: воспитательной, хозяйственно-бытовой, рекреативной, коммуникативной и эмоциональной [8]. Специфика принятия и исполнения такого совмещения семейных ролей современными отцами-одиночками проявляется в их углубленном осознании родственной связи с детьми, обостренных чувств долга и родительской любви к своим детям.

Чтобы получить новые данные об особенностях характеристик семейного воспитания в неполных семьях, в данной работе в качестве методов исследования были выбраны три психодиагностических методики: опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкича; тест-опросник родительского отношения (ОРО) А.Я Варги, В.В. Столина;

опросник эмоциональных отношений в семье (методика ОДРЭВ) Е.И. Захаровой [9].

Полученные в эмпирическом исследовании данные были обработаны с помощью статистических программ пакета IBMSPSS Statistics 22 for Windows.

Анализ результатов, полученных с помощью методики АСВ методом дескриптивной статистики, показал, что даже в полных семьях нет полной согласованности воспитательных стилей матерей и отцов.

А именно: тройку наиболее распространенных стилей воспитания у матерей из полных семей составляют такие стили семейного воспитания как *гиперпроекция* (56,67% матерей), что означает, что матери из полных семей уделяют ребенку много времени, сил и внимания, воспитание ребенка является центральным делом их жизни; *доминирующая гиперпроекция* (36,67% матерей), что означает наличие страха перед любыми проявлениями самостоятельности ребенка; *сдвиг в установках матери по отношению к ребенку в зависимости от пола ребенка* (36,67% матерей) имеет в своем воспитательном стиле перекося предпочтения женских качеств в ребенке.

А у отцов из полных семей ведущую тройку стилей семейного воспитания составляют *потворствующая гипопротекция* (100% отцов), что означает минимальность требований-запретов к ребенку; в этом случае ребенку от отца поступает команда «все можно»; *минимальность санкций* (100% отцов), что означает, что отцы детей дошкольников предпочитают поощрение ребенка по сравнению с наказанием; *потворствование* (96,67% отцов), что означает, что отцы стремятся к максимально и некритическому удовлетворению любых потребностей ребенка, «балуют» его, любое его желание для них – закон.

Таким образом, в полных семьях матери уделяют воспитанию ребенка гораздо больше времени и сил, больше тревожатся за него, ограничивают его самостоятельность. Тогда как отцы за-

нимают более отстраненную позицию, предпочитая «баловать» ребенка, относятся к его желаниям не критично, стремятся удовлетворить любые просьбы ребенка.

Что же касается стилей семейного воспитания в неполных семьях, применение методики АСВ показало, что и в отцовских, и в материнских семьях родителей-одиночек преобладающим стилем воспитания является *гиперпроекция*. При этом отцы-одиночки демонстрируют воспитательная неуверенность родителя; а матери-одиночки демонстрируют чрезмерность требований-запретов, предпочтение в *ребенке* детских качеств и предпочтение женских качеств *вне зависимости от пола ребенка*. Кроме того, матери-одиночки демонстрируют вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания.

Результаты, полученные с помощью методики «Отношение родителей к ребенку ОРО» (А.Я. Варга, В.В. Столин), приведены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа параметров родительского отношения у родителей из полных и неполных семей

	U Манна-Уитни	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Принятие-отвержение	1153,500**	-3,493	,000
Кооперация (Образ социальной желательности поведения)	1264,000**	-2,920	,003
Симбиоз	1228,000**	-3,151	,002
Авторитарная гиперсоциализация	590,500**	-6,479	,000
Маленький неудачник	1071,000**	-4,003	,000

Примечания: ** при $p < 0,01$

Отсюда можно сделать выводы о том, что

– для родителей-одиночек характерна более высокая выражен-

- ность такого отношения к ребенку, как «авторитарная гиперсоциализация» по сравнению с родителями из полных семей; при этом матери-одиночки в большей степени склонны к авторитарной гиперсоциализации, чем отцы-одиночки;
- для родителей-одиночек характерен более высокий уровень такой интегральной характеристики отношения к ребенку, как его принятие, по сравнению с родителями из полных семей; при этом матери-одиночки в большей степени демонстрируют принятие ребёнка, чем отцы-одиночки;
 - отцы-одиночки демонстрируют наибольшую выраженность такого стиля родительского отношения, как кооперация с ребенком по сравнению со всеми остальными группами родителей, что свидетельствует о том, что отцам-одиночкам свойственно

желание во всем помочь своему ребенку, сочувствовать ему, что отцы-одиночки высоко оценивают интеллектуальные и творческие способности своего ребенка, испытывают чувство гордости за него, поощряет его инициативу и самостоятельность.

Результаты эмпирического исследования, полученные с помощью методики эмоциональных отношений в семье Е.И. Захаровой (методика ОДРЭВ), показали, что и родители из полных семей, и родители-одиночки демонстрируют низкую способность воспринимать состояние ребенка, при этом наибольшую способность демонстрируют отцы-одиночки, а наименьшую – матери из полных семей.

В таблице 2 приведены результаты сравнительного анализа эмоциональных отношений в семье в неполных семьях между отцами и матерями

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа эмоциональных отношений в семье в неполных семьях между отцами и матерями

	U Манна-Уитни	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Способность воспринимать состояние ребенка	376,000	-1,122	,262
Понимание причин состояния	296,000*	-2,326	,020
Способность к сопереживанию	336,500	-1,711	,087
Чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком	72,000**	-5,716	,000
Безусловное принятие	65,000**	-5,786	,000
Отношение к себе как к родителю	256,500**	-2,953	,003
Преобладающий эмоциональный фон взаимодействия	69,000**	-5,831	,000
Стремление к телесному контакту	155,500**	-4,474	,000
Оказание эмоциональной поддержки	162,000**	-4,362	,000
Ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия	51,000**	-6,011	,000
Умение воздействовать на состояние ребенка	158,500**	-4,404	,000

Примечания: * при $p < 0,05$; ** при $p < 0,01$

В результате проведенного сравнительного анализа были выявлены значимые различия между матерями и отцами, воспитывающих детей в неполной семье, по таким переменным, как

понимание причин состояния ($U=296$ при $p=0,02$), чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком ($U=72$ при $p < 0,001$), безусловное принятие ($U=65,5$ при $p < 0,0001$), отно-

шение к себе как к родителю ($U=256,5$ при $p=0,003$), преобладающий эмоциональный фон взаимодействия ($U=69$ при $p<0,001$), стремление к телесному контакту ($U=155,5$ при $p<0,001$), оказание эмоциональной поддержки ($U=162$ при $p<0,001$), ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия ($U=51$ при $p<0,001$), умение воздействовать на состояние ребенка ($U=158,5$ при $p<0,001$).

При этом родители-одиночки демонстрируют высокую способность к пониманию причин состояния своего ребенка по сравнению с родителями из полных семей. Родители-одиночки в большей степени способны к сопереживанию с ребенком, чем родители в полных семьях. Наиболее близок к норме этот показатель у отцов-одиночек. У остальных родителей наблюдается пониженная способность воспринимать эмоциональное состояние ребенка, чувствовать его настроение, желания, отношение к окружающим.

Эти результаты во многом объясняют те проблемы, с которыми сталкиваются современные родители в семьях с детьми-подростками.

Что касается отношения к себе как к родителю, то оказалось, что родители-одиночки более высоко оценивают себя как родителя по сравнению с родителями их полных семей. Особенно строго к себе как к родителю относятся матери из полных семей. У родителей-одиночек гораздо более позитивный эмоциональный фон во взаимодействии с ребенком по сравнению с родителями из полных семей.

В заключение сделаем общие выводы.

- Установлено, что у *родителей-одиночек* в сравнении с *родителями из полных семей* наблюдаются большая склонность к расширению сферы родительских чувств; они испытывают воспитательную неуверенность и имеют тенденцию выносить конфликт с другим родителем ребенка в сферу воспитания. Это означает, что для родителей-одиночек отношения с ребенком становятся

доминантой семейной жизни; при этом им присуща склонность решать свои личностные проблемы за счет ребенка. Возможно, это объясняется стремлением родителя-одиночки получить через ребенка компенсацию своему чувству одиночества, брошенности, отверженности; а вынося конфликт с оставившим семью родителем в плоскость взаимоотношений с ребенком, родители-одиночки, вольно или невольно, используют ребенка как инструмент воздействия на отсутствующего в повседневном воспитании родителя; дополнительной психологической нагрузкой для родителя-одиночки является его часто переживаемая воспитательная неуверенность, которая, возможно, обусловлена именно стремлением быть «супер-родителем», который выступает в роли «и за маму, и за папу».

- Обнаружено наличие существенных различий в подавляющем большинстве характеристик семейного воспитания у родителей-одиночек, а именно:
 - у *матерей-одиночек* в воспитательном процессе сильно выражены стремления к гиперпротекции, к чрезмерности требований-обязанностей, требований-запретов и санкций по отношению к ребёнку;
 - у *матерей-одиночек по сравнению с отцами-одиночками* наблюдается более высокий уровень понимания причин состояния ребенка, матери более склонны к безусловному принятию ребенка, их отношение к себе как к родителю эмоционально более позитивное. Это объясняется, вероятно, тем, что у них есть образец для подражания – их собственные матери и бабушки;
 - *матери-одиночки по сравнению с отцами-одиночками* больше стремятся к телесному контакту с ребенком, больше ориентируются на состояние ребенка при построении взаимодействия с ним, что также согласуется с их большей, чем у отцов-одиночек, сфокусирован-

- ности на воспитании ребенка, чем на собственных интересах.
- у *отцов-одиночек* наиболее выражена такая характеристика родительского отношения, как инфантилизация ребенка (отношение по типу «маленький неудачник»), тогда как у матерей-одиночек наиболее выражена такая характеристика родительского отношения, как симбиоз;
 - у *отцов-одиночек*, по сравнению с матерями-одиночками, более выражены такие характеристики семейного воспитания, как гипопротекция, недостаточность требований-обязанностей и требований-запретов к ребенку. Им свойственна приверженность к минимальности санкций, а также воспитательная неуверенность в себе как в родителе. Это означает, что отец-одиночка не проявляет жесткости в формировании требований-запретов к ребенку, освобождая тем самым себя от слишком пристального внимания к выполнению своих требований. Современный отец-одиночка не склонен и суровым мерам наказания, он проповедует минимальность санкций, однако он не свободен от сомнений в своей воспитательной компетентности, что, вероятно, объясняется отсутствием близких образцов для подражания (в своей родительской семье его либо воспитывали оба родителя, либо мать).

Литература

1. <https://gks.ru/>
2. <https://sudact.ru/practice/opredelenie-mesta-zhitelstva-rebenka>
3. Игембаева К.С. Психологические особенности детско-родительских отношений в семье/ISSN2410–6070 Инновационная наука № 2 / 2019, – С. 152.
4. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В. Психология семьи. – Питер, 2001. – С. 168–174.
5. Мазурчук Е.О. Дисфункциональная семья как объект отечественных и зарубежных исследований. – Вестник Саратовского областного института развития образования. – 2017. –№ 1 (9). – С. 23–28.
6. Дубровина И.В. Особенности психического развития детей в семье и вне семьи / И.В. Дубровина, М.И. Лисина // Возрастные особенности психического развития детей. – М., 1982. – С. 52–64.
7. Зубкова Т.С. Неполные семьи – Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей и семей, 2003, № 7. –С. 75–80.
8. Сулейманова С. С., Подольский А.Д. Психологические проблемы современной семьи. – Психолог, 2014. No 3. – С. 86–90.
9. Богомолова М.И., Захарова Л.М. Межнациональное воспитание детей: учебное пособие – 3-е изд. – С. 39–40.

FEATURES OF CHARACTERISTICS OF FAMILY PARENTING IN INCOMPLETE FAMILIES

Tsvetkova N.A., Pokrovskaya S.V.

Moscow State Pedagogical University, Moscow State Psychological and Pedagogical University

The article discusses the differences in the styles of family education, parenting and emotional interaction in the parent-child dyad in complete and single-parent families. On a sample of 120 people (60 parents from complete families, 30 single mothers and 30 single fathers), using the questionnaires by E.G. Eidemiller, V.V. Yustitskis, as well as by A. Ya. Vargi, V.V. Stolin and by E.I. Zakharova there established that single mothers in raising a child have a strong desire for hyperprotection, for excessive demands-duties, demands-prohibitions and sanctions in relation to the child. There were also established that single mothers are more prone to unconditional acceptance of the child, their attitude towards themselves as a parent is emotionally more positive.

Keywords: style of family education, parental attitude, emotional interaction in the parent-child dyad.

References

1. <https://gks.ru/>
2. <https://sudact.ru/practice/opredelenie-mesta-zhitelstva-rebenka>

3. K. S. Igembaeva Psychological features of parent-child relationships in the family / ISSN2410–6070 Innovative science No. 2 / 2019, – P. 152.
4. Eidemiller E.G., Yustitsky V.V. Family psychology. – Peter, 2001. – S.168–174.
5. Mazurchuk E.O. Dysfunctional family as an object of domestic and foreign research. – Bulletin of the Saratov Regional Institute for the Development of Education. –2017. –No 1 (9). – P. 23–28.
6. Dubrovina I.V. Features of the mental development of children in the family and outside the family / I.V. Dubrovina, M.I. Lisina // Age features of the mental development of children. – M., 1982. – S. 52–64.
7. Zubkova T.S. Incomplete families – Organization and content of work on the social protection of women, children and families, 2003, No. 7. –S. 75–80.
8. Suleymanova S.S., Podolsky A.D. Psychological problems of the modern family. – Psychologist, 2014. No 3. – S. 86–90.
9. Bogomolova M.I., Zakharova L.M. Interethnic parenting: textbook – 3rd ed. – S. 39–40.

Роль социальных медиа в социализации молодежи

Цуканова Мария Владимировна,

аспирант, кафедра теории и экономики СМИ
Московского государственного университета
E-mail: maryvlady2204@gmail.com

В статье рассматриваются особенности современной медиасреды, с точки зрения влияния на процессы социализации молодежи: способов коммуникации социальных медиа, воспитательных и образовательных возможностей Рунета. Изучаются различные стороны интернет-коммуникации: типы объединений молодых пользователей «по интересам», разновидности сетевого общения, модели поведения в сети и др. Обосновывается вывод о том, что организационные возможности социальных медиа необходимо использовать, ввиду насущных потребностей и интересов молодых людей их стремления к социальной активности. Сформулированная проблема – недостаточность внимания к социальным медиа с точки зрения формирования ценностных ориентаций молодежи – проанализирована с точки зрения возможностей, заложенных в медиасфере. В результате рассмотрения поставленной проблемы сделано заключение о том, что в процессе социализации молодежи, привития представителям молодого поколения общественно полезных навыков следует учитывать факторы эффективности коммуникации, производимой в медиасреде, знать и использовать «ключевые характеристики коммуникативной активности российской молодежи в социальных медиа. Необходимо учитывать принципы реализации стратегий общественного взаимодействия, факторы эффективности медиакommunikации, с целью осуществления ценностного диалога в пространстве социальных медиа.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, медиа; молодежь; социализация; социальные медиа; средства массовой информации и коммуникации (СМИК); Рунет; ценностные ориентации.

Актуальность темы исследования обусловлена усиливающейся ролью средств массовой коммуникации, масс-медиа, социальных медиа как действенного инструмента влияния, оповещения, убеждения, воспитания.

Современный взгляд на медиа предполагает понимание социализации личности посредством массовой коммуникации и медиа. Целью такого воспитания является «формирование культуры общения с миром, развитие творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки» медиаконтента, а также усвоение различных способов «самовыражения при помощи информационных технологий» [13; 26], – отмечает теоретик в области медиаобразования А.В. Фёдоров.

С другой стороны, социализация (как ее определяют ученые) представляет собой «приобретение человека к обществу, приобретение им социального опыта» [15; с. 419], что также соответствует концепции медиапедагогики, образовательных и воспитательных возможностей медиа.

Поэтому интернет-ресурсы для молодежи представляют большой интерес для исследователей, ввиду своего значительного влияния на юное поколение, а поведенческие модели в среде интернета в молодежной среде необходимо изучать, анализировать, использовать.

Постановка проблемы

Интернет-среда занимает значительное место среди факторов воздействия на современную молодежь, в силу многих объективных причин. Эволюция каналов массовой коммуникации напрямую связана с научно-техническим прогрессом, сопровождающимся развитием мультимедийных технологий. Все они, в комплексе позволяют создать информационно-коммуникационное «поле деятельности» и насытить его разнообразной информацией, которая в ус-

ловиях современной информационной цивилизации приобретает характер избыточности. Социокультурный и технологический потенциал «новых медиа» позволяет продвигать инновационные достижения, эффективно использовать мультимедиа для организации многих процессов в обществе.

В то же время широкие возможности мультимедиа в настоящий момент мало используются для духовно-нравственного воспитания молодежи. По мнению ученых, данные процессы в образовательном и воспитательном контексте представляют собой «способ духовно-практического (когнитивно-смыслового, эмоционально-ценностного, регуляторно-волевого) освоения внешнего и внутреннего мира», которые сопровождаются не только в «ценностно-смысловых, личностно значимых, творчески-ответственных отношениях к действительности», но и стремление направлять свою активность на благо общества, осуществлять «созидательную деятельность в отношении себя и окружающего мира» [14; с. 23].

Медиасоциализация, по мнению М.С. Чвановой, отличается от «традиционных» форм вхождения в жизнь общества «опосредованностью информационно-коммуникационных технологий», которые, с одной стороны, являются средой социализации, а с другой – «ее фактором (причиной, силой влияния)» [16; с. 24]. Поэтому интернет-социализация является насущной проблемой еще и потому, что средства массовой коммуникации, медиасреда, электронные ресурсы сегодня занимают значительный сегмент рынка СМИ.

С наступлением цифровой эры в жизни человеческой цивилизации появились новые, необычные явления: социальные сети, мессенджеры, мобильный интернет. В связи с недостатком времени для общения, утратой социальных связей и привычек, перехода многих процессов с «онлайн-пространство», социальные сети забирают внимание и энергию людей, берут на себя информативные, образователь-

ные, но, прежде всего, – коммуникативные функции. Поскольку ввиду присутствия в жизни людей сети Интернет, общение практически не ограничено, то благодаря социальным сетям любая коммуникация будет создана за считанные минуты.

В итоге, обеспечивается свобода доступа к культурному и научному наследию, к информационным и образовательным продуктам. Это положительный фактор влияния на развитие системы СМИ, в том числе интернет-ресурсов для молодежи.

Основная часть

Рассмотрим основные этапы развития социальных медиа. В первую очередь, сказывается развитие Интернета. По данным Федерального агентства Роскомнадзор, российская часть интернета имеет официально подтвержденную аудиторию в 93 млн человек. Значительную часть этого количества составляет российская молодежь. Большинство пользователей черпает информацию Рунета на экранах смартфонов. Наиболее востребованными ресурсами остаются социальные сети, мессенджеры, интернет-магазины, поисковые сервисы, видеосервисы и банки [1].

В последнее время терминами «социальные медиа», «новые медиа», «масс-медиа» обозначают средства массовой информации и коммуникации (СМИК). При этом к ним относятся не только интернет-издания, виртуальные каналы передачи информации, но и сотовую связь (мессенджеры), функционирующие с использованием глобальной сети. Благодаря простоте в использовании и широкой доступности виртуальной информации, ее постоянному присутствию в жизни человека, современное общество называют не «медиа-тизированным» (по выражению исследователя данной сферы Н.Б. Кирилловой) [6; с. 28].

Необходимо учитывать, что в цифровую эпоху, наступившую с введением интернета, различных технологий, неуклонно возрастает социокультурная роль мультимедиа. Молодежь является

наиболее активной частью пользователей Интернета, черпая из него необходимую информацию и получая знания жизни общества – то есть формирует с помощью сетевых ресурсов определенную «картину мира». Таким же образом молодое поколение приобщается к деятельности различных социальных групп. При этом сказывается сильное, ежедневное воздействие «сверхнасыщенного информационного поля», в котором, наряду с общественно значимыми векторами развития, традиционными ориентирами, циркулируют и некорректные (уводящие в сторону от истинных ценностей) ориентации. Исследователи, например, Н.П. Рыжих подчеркивают, что зачастую «уровень произведений медиаккультуры сознательно занижается», тогда как «многие продукты ориентированы специально на молодежь» [10; с. 74]. Кроме того, сами молодые люди активно занимаются созданием контента для ровесников или пользователей младшего возраста, решая стоящие перед ними профессиональные или иные задачи. Поэтому количество информации в социальных медиа возрастает лавинообразно.

По данным Ежегодного доклада Федерального агентства по массовым коммуникациям 2021 г., доля российских пользователей «mobile only» (выходящих в интернет исключительно посредством мобильных телефонов) в отчетном году существенно превзошла долю пользователей «десктопного интернета» (потребляющих информацию с экранов компьютеров). «Вся аудитория Рунета, согласно докладу, составляет 118 млн чел., то есть интернетом пользуется 81% населения страны, причем 70 млн или 48% населения, составляют пользователи социальных сетей» [9].

С этим нельзя не считаться, поэтому в настоящий момент на уровне государства ставятся задачи сделать пространство интернета безопасным с точки зрения влияния на массовое сознание молодежи, выстраивая отношения молодых потребителей информации со специфическими ресурсами систе-

мы Интернет. Решение проблемы видится в том, чтобы редакторы и администраторы средств массовой коммуникации работали профессионально, в полной мере оценивая степень влияния на пользователей, а сами они понимали, что в сетевом пространстве содержится разнообразная информация, которую необходимо проверять, прежде чем использовать для общения со сверстниками те или иные интернет-факты и мнения.

Особенно актуальным становится исследование юношеского контента Рунета, с точки зрения степени воздействия на целевую аудиторию, информационной направленности, соотношения серьезного и развлекательного содержания, коммерческой и некоммерческой составляющей. Например, по данным агентства Mediascor, на научный контент в социальных сетях (сообщества ВКонтакте) подписано более 38% пользователей от 18 до 26 лет, а творческий контент – участие в различных творческих объединениях – привлекает более 43% молодежи [2].

В целом, сообщества «по интересам» предполагают объединение молодых людей, согласно областям жизни, в которых юноши и девушки активнее всего проявляют себя или хотели бы развиваться. Исследователи проблем социальной активности молодежи в сети интернет, а именно в ВКонтакте, отмечают, что социальные сети позволяют создавать новые связи с различными участниками сообщества, реализовывать профессиональные задачи, объединяться на различные периоды времени, взаимодействовать в интересах различных ценностных ориентиров, в том числе приобретать необходимые навыки, путем специальных форм (онлайн-семинары, мастер-классы, обучающие видеолекции и т.д.). Следовательно, «общение в сети представляет собой мощный элемент социализации» [5; с. 210].

Разнообразие рассмотренных учебными тематик групп (естественнонаучные, исследовательские, игровые, добровольческие, творчески ориен-

тированные, досуговые, туристско-краеведческие и т.д.) позволяет участникам объединяться на определенный период времени (учитывая свободный характер участия в группе, возможность в любой момент вступить или выйти из нее). Организаторам подобные объединения позволяют создавать коммуникационную площадку, среду общения, находить в сети собеседников и «соратников», имеющих схожие взгляды и интересы.

Сегодня нельзя отрицать эффективность социальных сетей, простоту и быстроту создания, а затем передачи «месседжа» (сообщения). Тем более что социальные сети постоянно совершенствуют свой инструментарий, вводят новые функции, что объясняется их заинтересованностью в объеме рекламы. Их владельцы и IT-администраторы облегчают обмен аудиовизуальной информацией: фотографиями, видеозаписями, позволяя использовать возможности мультимедиа, создавая современные медиасообщения. Так, видеоролики монтируются, редактируются, с помощью специальных команд и редакторов. Рекламные возможности (так называемый таргетинг) предоставляют технические возможности охвата и привлечения самой широкой целевой аудитории, продвижения различных товаров и услуг, активизации покупательского спроса.

Насколько динамичны данные процессы – можно судить по ежедневно меняющейся моде на социальные сети. Если еще совсем недавно социальная сеть Telegram считалась современной и технически совершенной, то сегодня в фокусе внимания международного сообщества – новые социальные платформы, например, «Tik-Tok», которая позволяет легко и быстро создавать разнообразный видеоконтент. В поисках своего зрителя в период пандемии к возможностям этой социальной сети обращались политики, общественные деятели, композиторы, актеры. Не действовали театры и кинотеатры, закрывались концертные площадки. Но зато в социальных сетях развивалась бур-

ная деятельность, способствуя преодолению негативных факторов самоизоляции.

Социализация позволяет молодым людям «соприкасаться с различными факторами и агентами общественной среды» [15; с. 25], что реально осуществлять посредством интернета. Ряд исследователей отмечают, что социализация происходит на протяжении всей жизни человека, однако в юности она наиболее эффективна (Л.С. Выготский, А.Н. Джуринский, А.В. Мудрик и др.). При этом, как отметил известный педагог А.В. Мудрик в своем интервью, киберсоциализация является важным и действенным инструментом воспитания; при этом используются традиционных социально-педагогических механизмов, но ее основное отличие в том, что она «пронизывает все сферы жизни» человека [4].

Во-вторых, данное понятие тесно связывают с воспитанием личности, то есть усвоение человеком определенных ценностей, мировоззренческих позиций (Г.М. Андреева, И.А. Бутенко, Ю.Г. Волков и др.). В-третьих, признание отдельной личности участников социальной деятельности закрепляет за ним право взаимодействовать с другими людьми, коллективом, учитывая нормы поведения в обществе (Н.Д. Никандров, Н.Л. Селиванова, Е.А. Ямбург и др.). Таким образом, социализация посредством интернет-коммуникаций является полноценным «участником» образовательно-воспитательного процесса формирующейся личности молодого человека.

Виртуальная реальность, как и социальная, оказывает влияние на молодежь, так как известно, что «человека формирует среда». Восприятие продвигаемых в интернете ценностей юношами и девушками происходит, согласно заключениям психологов, частично и в медиасфере, которая «сегодня является основной площадкой для социализации молодежи», по мнению Е.А. Шаповал [17; с. 175].

Более того, по мнению отдельных исследователей, «участие молоде-

жи в жизни общества частично заменяется ее активностью в виртуальном мире» [7; 127]. А.Н. Гуреева, обосновывает мысль о том, что современная молодежь, с точки зрения социальной психологии, является противоречивым сообществом, проявляет себя как «наиболее уязвимая часть социума» [4]. Усвоение нормативов и ценностей происходит у молодежи под влиянием жизненных потребностей, интересов. Например, Г.Л. Шаматонova рассматривает социально-политическую активность молодежи в современной России, выясняя причины протестных настроений в молодежной среде со ссылкой на результаты социологических исследований. Проведенное автором исследование говорит о том, что активность российской молодежи достаточно высока: «наблюдается положительная тенденция вовлеченности молодежи в политику» [16; с. 86]. Автор проводит мысль о создании механизмов привлечения юношей и девушек к деятельности гражданского сообщества, в решение общественно-значимых проблем.

Воздействие средств массовой коммуникации на аудиторию: читательскую, зрительскую или интернет-пользователей – не может не сказываться на стремлении сделать общение между ресурсом, изданием, радио, телевидением и их целевой аудиторией менее формальным, более живым и эмоционально окрашенным. С точки зрения направленности действий участников коммуникации интерактивность может иметь четыре основные функции: от одного к одному, от одного ко многим, от многих к одному, от многих к многим.

Таким образом, «новые», социальные медиа предлагают также и принципиально иные, интересные для молодежи формы интерактивности. Это визуальные элементы, аудио- и видео- контент, графика и веб-дизайн, гиперссылки и интертекстуальность текста, что подробно описано в научной литературе о «новых медиа». Культура восприятия данных элементов является предметом медиаобразования. Интернет же

является «пространством свободной коммуникации» [6; с. 305].

В начале XXI в. происходит формирование нового молодого поколения россиян, которые в полной мере ощущают воздействие личностные взгляды, мировоззрение со стороны социальных медиа, отмечает исследователь Л.Е. Радченко. – Виртуальная реальность у подростков и молодежи все более вытесняет реальные события, чувства, деятельность, общение [8; с. 101]. При этом особое внимание уделяется навыкам компьютерных игр, предлагаемым и принимаемым видам киберактивности, визуальным образам, охотно усваиваемым молодым поколением.

Поэтому в процессе социализации молодежи, привития общественно полезных навыков следует учитывать факторы эффективности коммуникации, производимой в медиасреде, знать и использовать «ключевые характеристики коммуникативной активности российской молодежи в социальных медиа, знать принципы реализации различных стратегий общественного взаимодействия и возможности осуществления ценностного диалога в пространстве социальных медиа» [8; с. 103].

Факторы эффективности коммуникации делятся на три большие группы:

1. Социопсихологические;
2. Информационные;
3. Коммуникативные.

Первая группа факторов опирается на способность аудитории к восприятию предлагаемой информации (теории, концепции, идеи и т.д.); вторая группа определяется общественными потребностями в предлагаемой информации (степенью зрелости аудитории к ее восприятию); третья – позволяет просчитать эффективность самой коммуникации, состоящей из «ядра» и «оболочки». Смысловое ядро сообщения в коммуникационной среде необходимо донести до адресатов с помощью привлекательной «оболочки», которая должна заинтересовать потребителей информации для ее активного усвоения. Молодежные движения, сообщества, груп-

пы по интересам в настоящий момент придают большое значение тому, как будет воспринято сообщение, насколько современно оно выглядит и в какой степени соответствует представлениям пользователей – то есть его визуальной привлекательности для аудитории, которой оно адресовано.

От проявления всех названных факторов в коммуникации и зависит ее эффективность. Также, как отмечают ученые активно происходит замена старых коммуникативных моделей, ориентированных на идеологические установки. Одновременно с этим на первый план выходят экономические условия существования молодежных интернет-ресурсов. Говоря об особенностях содержательной модели молодежных ресурсов Рунета, отмечают следующие условия ее формирования:

- 1) функциональная предназначенность (выделяются универсально-тематические и монотематические сайты и электронные издания);
- 2) особенности целевой аудитории.

В силу психофизиологических изменений, психологи оценивают подверженность молодых людей интернет-манипуляциям как высокую. Также исследователи приходят к выводу о том, что «существует несколько типов молодых людей, согласно их поведению, в интернете:

- «агитаторы», отличающиеся лидерскими наклонностями;
- «активисты», выражающие готовность к участию в любых инициативах;
- «осторожные», осознающие риски интернет-коммуникации;
- «рационализаторы», медийно грамотные и нацеленные на реализацию своих интересов;
- «пассив», то есть молодые люди, не участвующие в интернет-инициативах [19; с. 149–150].

Большинство молодых людей относятся к двум последним категориям, остальные не так многочисленны, что позволяет судить о том, что ведущей остается информационно-коммуникативная функция социальных

медиа. С другой стороны, перечисленные психологические особенности позволяют выбирать различные тактики и способы действия с целью социализации различных групп молодежи.

Следует отметить, что в пространстве социальных медиа возможности государственных организаций, официальных и неформальных объединений практически уравниваются. Поэтому важным аспектом социализации является умение выстроить различные виды коммуникаций. Естественно, что в молодежной среде больший интерес представляет именно горизонтальная коммуникация, когда субъекты общаются между собой спонтанно, на равных, без заранее заданных целей. Исследователи, политологи и социологи говорят о серьезном расширении набора источников информации, инициатив в проявлении коммуникации. В интересах общества и социальных институтов можно выстраивать и смешанную коммуникацию – когда, «в результате запроса от пользователя рождается диалог между ним и официальной структурой, происходящий с вовлечением других пользователей в дискуссию, как это случается – например – в аккаунтах публичных личностей в различных социальных сетях» [3].

Сегодня мы наблюдаем всплеск активности молодежи в области публичной социальной деятельности – например, со стороны добровольческих объединений, творческих групп по интересам и т.д. Зачастую молодежь сама проявляет инициативу «в межпоколенческом диалоге»: проявляет самостоятельность в решении организационных вопросов, участия в голосовании, поддержании полезных инициатив, продвижении своих личностных интересов, развитии творчества, использовании возможностей самовыражения и т.д. Поэтому «вызовы времени» предполагают включение в работу с молодежью инструментов социальных медиа.

Выводы и заключения

Психология массовой коммуникации в настоящий момент переживает новый период. Социализация молодежи про-

исходит различными путями, в кардинально меняющихся обстоятельствах. С точки зрения Д.С. Голосманова, «социальные сети создают новые информационные ресурсы, которые предоставляют человеку «возможность участвовать в процессе создания, хранения и распространения социально значимой информации» [12; с. 38]. Социальные сети позволяют проявлять активность всем своим пользователям. Массовая коммуникация, под влиянием интернет-технологий, приобретает новые черты, в том числе способствует новым моделям общения и гражданского участия в жизни общества.

Данные процессы сходны с процессами обучения и воспитания, расширяя возможности социализации представителей молодого поколения, так как способствует формированию самосознания личности, ее способности жить и созидать. Социальные медиа являются значительным явлением в жизни демократического сообщества. В современных условиях каждый человек волен выбирать необходимый для него источник информации, использовать различные способы включения в жизнь социума. Медиа стало разносторонней областью деятельности, затрагивающей различные стороны жизни общества. Так же и интернет-ресурсы – они помогают подобрать тематику, сформулировать круг вопросов, способных заинтересовать молодых пользователей Рунета; оказывать целенаправленное, культууроформирующее воздействие на любую аудиторию, использовать формы, привлекательные для молодых людей. С целью социализации молодежи, следует организовать в социальных медиа свободную, горизонтально выстроенную интернет-коммуникацию, используя богатые возможности социальные медиа в общественно значимых целях.

Литература

1. Аудитория Рунета выросла в 2019 году до 93 млн человек. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/869051/2019-04-17/auditoria-runeta-vyroslo-v-2019-godu-do-93-mln-chelov>
2. Аналитика AdIndex.ru со ссылкой на исследование Института современных медиа. // ИА Медиа-скоп. – https://mediascope.net/upload/iblock/de3/Social_media_Mediascope_18042022.pdf
3. Гуреева А.Н. Концептуально-теоретические основы изучения общественно-политических ценностей современной российской молодежи в дискурсе социальных медиа // Медиаскоп. 2021. Вып. 3. – URL: <http://www.mediascope.ru/2721> (дата обращения: 03.06.2022).
4. Интервью с членом-корреспондентом РАО, д.п.н., профессором Анатолием Викторовичем Мудриком // Информационно-просветительский портал «Номо Cyberus» / Текст – Ширмаханян А. [Электронный ресурс] – URL: http://nomocyberus.ru/mudrik_intervyu (дата обращения: 04.06.2022).
5. Исследование интересов молодежи через тематический репертуар общения в студенческой среде: кейс социальной сети «ВКонтакте» / С.С. Бразевич, Ж.С. Сафронова, Д.С. Бразевич, Д.В. Матюха // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1(149). – С. 193–211.
6. Кириллова Н.Б. Медиакультура. Теория, история, практика: Учебное пособие. – М.: Академический проект, 2008. – 496 с. – с. 28.
7. Митичева, Т.И. Проблема активности молодежи в социальных сообществах интернет-сети / Т.И. Митичева, В.С. Маслова // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 5(95). – С. 126–128.
8. Радченко Л.Е. Влияние информации на нравственное, психическое здоровье и воспитание подрастающего поколения // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. № 1 (14). – С. 101.
9. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. //

- Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2021.
10. Рыжих, Н.П. Медиаобразование в свете диалога культур / Н.П. Рыжих // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2006. – № 2. – С. 136–139. – EDN OPHCSN.
 11. Соколов, А.В. Интернет-технологии в массовых движениях / А.В. Соколов, А.А. Курбанова // Власть. – 2018. – Т. 26. – № 9. – С. 35–41.
 12. Федоров А.В. и др. Медиаобразование. Медиапедагогика. Медиажурналистика. – М.: Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех». – 2005.
 13. Хасьянов, В.Б. Духовно-нравственное воспитание молодежи с использованием средств медиаобразования / В.Б. Хасьянов // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. – 2011. – № 4. – С. 21–28.
 14. Черемухина, А.В. Особенности социализации современной российской молодежи // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: Сборник статей X Уральского демографического форума. В 2-х тт. – Екатеринбург: ИЭ УроРАН, 2019. – С. 418–422.
 15. Чванова, М.С. Влияние Интернета на социализацию молодежи / М.С. Чванова, М.С. Анурьева, И.А. Киселева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 22. – № 5(169). – С. 23–36.
 16. Шаматонова Г.Л. Социально-политическая активность молодежи в современной России: состояние и тенденции развития // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Том 4, № 2. С. 82–87.
 17. Шаповал, Е.А. Влияние Интернет-сетей на виртуальную социализацию молодежи и формирование ценностных ориентиров современной молодежи в РФ / Е.А. Шаповал // Социодинамика. – 2019. – № 12. – С. 170–177.
 18. Шаповалова И.С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи. // Социс. – 2015. – № 4. – с. 148–151.

THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN YOUTH SOCIALIZATION

Tsukanova M.V.
Moscow State University

The article discusses the features of the modern media environment, from the point of view of influencing the processes of socialization of young people: ways of social media communication, educational and educational opportunities of the Runet. Various aspects of Internet communication are studied: types of associations of young users “by interests”, types of network communication, behavior patterns on the network, etc. The conclusion is substantiated that the organizational capabilities of social media must be used, in view of the urgent needs and social activity. The formulated problem – the lack of attention to social media in terms of the formation of value orientations of young people – is analyzed from the point of view of the opportunities inherent in the media sphere. As a result of considering the problem posed, it was concluded that in the process of socialization of young people, instilling socially useful skills in the representatives of the younger generation, one should take into account the effectiveness of communication in the media environment, know and use “the key characteristics of the communicative activity of Russian youth in social media. It is necessary to take into account the principles of implementing social interaction strategies, the factors of media communication efficiency, in order to implement a valuable dialogue in the social media space.

Keywords: Internet communication, media; youth; socialization; social media; mass media and communications (SMIK); Runet; value orientations.

References

1. The audience of Runet grew in 2019 to 93 million people. – [Electronic resource]. – URL: <https://iz.ru/869051/2019-04-17/auditoria-runeta-vyroslo-v-2019-godu-93-mln-chelov>
2. AdIndex.ru analytics with reference to a study by the Institute of Modern Media. // IA Mediascope. – <https://mediascope.net/>

- upload/iblock/de3/Social_media_Mediascope_18042022.pdf
3. Gureeva A.N. Conceptual and theoretical foundations for studying the socio-political values of modern Russian youth in the discourse of social media // *Mediascope*. 2021. Issue. 3. – URL: <http://www.mediascope.ru/2721> (date of access: 06/03/2022).
 4. Interview with Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pediatric Sciences, Professor Anatoly Viktorovich Mudrik // Information and educational portal “Homo Cyberus” / Text – Shirmakhazanyan A. [Electronic resource] – URL: http://homocyberus.ru/mudrik_intervyu (date of access: 06/04/2022).
 5. Study of the interests of young people through the thematic repertoire of communication in the student environment: the case of the social network “Vkontakte” / S.S. Brazevich, Zh.S. Safronova, D.S. Brazevich, D.V. Matyukha // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2019. No. 1(149). – S. 193–211.
 6. Kirillova N.B. Media culture. Theory, history, practice: Textbook. – M.: Academic project, 2008. – 496 p. – With. 28.
 7. Miticheva, T.I. The problem of youth activity in social communities of the Internet / T.I. Miticheva, V.S. Maslova // *Almanac of modern science and education*. – 2015. – No. 5 (95). – S. 126–128.
 8. Radchenko L.E. Influence of information on moral, mental health and education of the younger generation // *Materials of Afanasiev readings*. 2016. No. 1 (14). – S. 101.
 9. Russian periodical press. Status, trends and development prospects. Industry report. // Federal Agency for Press and Mass Communications, 2021.
 10. Ryzhykh, N.P. Media education in the light of the dialogue of cultures / N.P. Ryzhykh // *Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute*. – 2006. – No. 2. – P. 136–139. – EDN OPHCSN.
 11. Sokolov, A.V. Internet technologies in mass movements / A.V. Sokolov, A.A. Kurbanova // *Power*. – 2018. – T. 26. – No. 9. – S. 35–41.
 12. Fedorov A.V. etc. Media education. Media pedagogy. Media journalism. – M.: Publishing House of the MOO WFP UNESCO “Information for All”. – 2005.
 13. Khasyanov, V.B. Spiritual and moral education of youth using media education / V.B. Khasyanov // *Scientific and pedagogical journal of Eastern Siberia Magister Dixit*. – 2011. – No. 4. – S. 21–28.
 14. Cheremukhina, A.V. Features of the socialization of modern Russian youth // *Socio-economic and demographic aspects of the implementation of national projects in the region: Collection of articles of the X Ural Demographic Forum*. In 2 vols. – Yekaterinburg: IE UroRAN, 2019. – S. 418–422.
 15. Chvanova, M. S., Anuryeva, M. S., Kiseleva, I.A. Influence of the Internet on the socialization of youth // *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. – 2017. – T. 22. – No. 5 (169). – S. 23–36.
 16. Shamatonova G.L. Socio-political activity of youth in modern Russia: state and development trends // *Social and humanitarian knowledge*. 2018. Volume 4, No. 2, pp. 82–87.
 17. Shapoval, E.A. The influence of Internet networks on the virtual socialization of youth and the formation of value orientations of modern youth in the Russian Federation / E.A. Shapoval // *Sociodynamics*. – 2019. – No. 12. – P. 170–177.
 18. Shapovalova I.S. The influence of Internet communications on the behavior and intellectual development of youth. // *Socis*. – 2015. – No. 4. – p. 148–151.

Социальное функционирование театра в культурно-исторической динамике

Шеремет Александр Николаевич,

кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории социально-экономических проблем человеческого развития Института социально-экономических проблем народонаселения ФГБУН ФНИСЦ РА
E-mail: 201071sh@gmail.com

Для мирового сообщества на протяжении своего многовекового существования искусство характеризуется особым видом взаимодействия между публикой и произведением. Предлагаемая статья посвящена одному из древнейших искусств – театру – и рассмотрению вопросов его возникновения, развития и существования в современном мире. Театральное искусство прошло путь через множество культурно-исторических эпох. Целью статьи является рассмотрение социального функционирования театра как одного из важных социальных институтов от истоков до настоящего времени.

В статье делается вывод, что театр своим социальным функционированием на протяжении истории оказывал сильное и разностороннее воздействие на общество. В итоге театр вышел «из себя» в социум, и появился социальный театр – практика, при которой профессиональные и непрофессиональные театральные деятели решают с помощью театральных практик социальные проблемы.

Ключевые слова: социальное искусство, социальный театр, культура, общество.

Основные социальные функции театра на протяжении истории его развития существуют во взаимодополняющем единстве, и чтобы понять роль и функции театра как социального института, необходимо обратиться к истории его развития.

Считается, что театр появился в Афинах, когда город начал проводить ежегодные мероприятия в честь греческого бога Диониса около 480 г. до н.э. Некоторые историки полагают, что театральные представления могли происходить в Индии и Китае сотни лет назад. Тем не менее, нет никаких конкретных доказательств или консенсуса в пользу того, что это правда. В Греции ранний театр часто не был «спектаклем» в традиционном смысле этого слова. Обычно это выглядело как чтение своего произведения известным или местным поэтом. Позже поэты разыгрывали свои произведения, а не просто читали их, а также нанимали актеров для разыгрывания своих произведений. Из-за выдающегося положения Греции в Средиземном море театральные традиции быстро распространились на соседние страны региона. По мере того, как возникали военные конфликты и люди начинали путешествовать, по землям распространялись различные культурные влияния, в основном благодаря раннему развитию театра в Италии и Египте. В дополнение к таким вещам, как еда, обычаи и образ жизни, театральные традиции стали важным культурным аспектом, общим для этих стран [5].

Хотя многие считают древних греков отцами-основателями того, что считается современным театром, есть некоторые свидетельства того, что «пьесы о страсти» происходили в Древнем Египте еще в 2000 году до н.э. Наиболее распространены представления, изображающие истории египетских богов, среди которых Осирис был среди тех, кого чествовали на ежегодных фести-

валях. Однако мало что известно о том, как театр развивался или вообще существовал в Древнем Египте в какой-либо степени. Учитывая, что историки знают о Древнем Египте, кажется маловероятным, что театр играл какую-либо значительную культурную роль, и уж точно не в той степени, в какой он играл в Афинах и Риме.

В Европе возникновение Римской республики, а затем и Римской империи сделало Италию центром культуры на всем континенте. В то время как первые римские спектакли были адаптированы к произведениям из Греции, к началу христианской эры многие римские драматурги создавали свои собственные произведения, были созданы первые гильдии писателей и актеров. Женщинам было запрещено выступать на сцене в Греции, в то время как в Риме они могли петь и танцевать на сцене, хотя женские говорящие роли в пьесах оставались редкостью. Примерно с 500 г.н.э. многие театральные представления по всей Европе исчезли. Небольшие группы путешествующих исполнителей гастролировали по Европе, но различные церкви часто обвиняли их в распространении опасного послания. Однако церковь также будет нести ответственность за возрождение театра, организовывая представления, основанные на содержании Библии [1].

Соединенное Королевство также зарекомендовало себя как важный театральный центр. К середине XII века театр начал восстанавливаться по всей Европе. Хотя многие спектакли были адаптированы из спектаклей, которые видели в церкви, драматурги по всей Европе также активно писали свои собственные сценарии. Многие пьесы этого периода из Великобритании, Испании, Франции и Германии сохранились до наших дней. Драматурги из континентальной Европы также были первыми, кто экспериментировал с представлением публике светских спектаклей, которые оказались популярными среди тех, кто хотел отдохнуть от религии. Театральные выступления того времени принуждали к дальнейшему разви-

тию уникальных театральных стилей. Так, *Commedia dell'arte* – «Профессиональная комедия» – была ответом Италии профессиональному театру после запрета религиозных пьес. Эти представления быстро стали популярными по всей Европе, а несколько сюжетных приемов и театральных элементов оказали огромное влияние и сохранились до наших дней. Одной из самых заметных особенностей комедии дель арте было отсутствие декораций и реквизита. Даже сегодня, когда современная итальянская комедия разыгрывается во время карнавалов и уличных фестивалей, декорации для представления часто представляют собой не более чем экран. Комедия дель арте обычно сочетала сценарные элементы с импровизацией. Еще одной особенностью итальянской комедии были стандартные персонажи, которые играли так же последовательно, как и во времена Римской империи. Обычно стандартные персонажи представляли собой преувеличенную, почти карикатурную версию кого-то из определенного социального класса или профессии [5].

Эпоха Возрождения открывает новую страницу в развитии искусства театра, развой которого связан с культурами трех стран Западной Европы: Италии, Испании и Англии. Английский театр эпохи Возрождения просуществовал всего 80 лет между 1562 и 1642 годами, но имел огромное влияние в то время и был предвестником того, что появилось в последующие годы. В Лондоне начали появляться первые специально построенные театры, а драма стала центром внимания как с образовательной, так и с театральной точки зрения в английских школах и университетах. Легендарный драматург Уильям Шекспир также жил в этот период, многие из его самых известных пьес были написаны и впервые исполнены примерно на рубеже XVII века. Разработки, где драматург опирается на сюжетные приемы и персонажей древнегреческого и римского театра, помогли заложить основы того, как театр будет развиваться в последующие века. Шек-

спировские пьесы являются наиболее очевидным звеном между античным театром и современной драмой [7].

По оценкам испанского «Золотого века», который длился с 1590 по 1681 год, было написано от 10 тыс. до 30 тыс. театральных пьес. Хотя это был еще один относительно короткий период, в годы Возрождения в Испании театр стал очень влиятельной частью общества. Самым примечательным в испанском театре «Золотого века» было то, что он не был ориентирован на классы. В то время как аристократы и другие богатые люди спонсировали актеров и полномасштабные постановки, театральные представления были доступны для всех. В то время как испанский театр «Золотого века» приобрел особую индивидуальность, он во многом заимствовал у итальянской комедии и английского театра эпохи Возрождения, что сделало его спектакли гораздо более разнообразными и привлекательными для многих. Спектакли пользовались огромной популярностью как среди обеспеченных, так и среди малообеспеченных слоев населения. В свою очередь, мастерство испанских драматургов сочетать независимые темы в связанных сценариях и постановках сделало Испанию золотым стандартом в театре. Сегодня влияние испанского «Золотого века» на англоязычный мир продолжает расти, поскольку все больше пьес того периода переводятся и интерпретируются.

Эпоха реставрации комедии в Англии началась в 1660 году. 18-летний разрыв между началом этой эпохи и концом эпохи театра Возрождения был связан с Гражданской войной в Англии и последующим запретом театра режимом дня. Хотя театры начали открываться почти сразу после того, как король Карл II занял трон, типы представлений часто сильно отличались от того, что происходило всего два десятилетия назад. Хотя шекспировские произведения оставались популярными, реставрационная комедия, как правило, характеризовалась тем, как она восхваляла безнравственность.

Комедии реставрации обычно включали эти элементы с точки зрения издевательства над ограничениями. Многие драматурги старались посмотреть, как далеко они могут зайти в своих постановках. Такой вид перформанса будет длиться долгие годы и в конечном итоге приведет к включению этих тем в драмы и даже религиозные пьесы [4].

Поиски, осуществлявшиеся во французском театре XVII–XVIII ст., а также в театральном искусстве Англии, Италии, Германии, были стимулированы нормативной эстетикой Н. Буало, рационалистической философией Р. Декарта, а позже – взглядами и идеями Просвещения, в частности теориями Дидро, Вольтера, Лессинга. Ситуация, сложившаяся в этом виде искусства в странах Восточной Европы, в частности в России, была обусловлена спецификой социально-политического развития-существованием крепостничества. Поэтому наряду с профессиональным театром Ф. Волкова, значительное распространение приобретает крепостной театр – феномен чрезвычайно сложный, но в то же время интересный и важный. Он фактически не имел аналогов в истории мирового театрального искусства и интерпретируется как явление театра только на территории России.

В первой половине XVII в. начинают проследиваться первые ростки русской бытовой драмы и интермедии, а во второй половине XVIII в. возникает уникальное явление в истории российского театрального искусства – народный кукольный театр-вертеп. Вместе с китайским театром «теней», турецким театром «карагезов», западноевропейским кукольным театром (марионетки, куклы на палках и куклы на пальцах) вертеп, с одной стороны, предопределяет феномен мирового театра кукол, а с другой – является воплощением специфики национального самосознания славян.

К XIX веку европейский театр перешел в неоклассический период, когда на первый план вышли грандиозные и мелодраматические представления.

В странах Западной Европы большую популярность приобретают демократические тенденции, приводящие к возникновению массовых, народных театров. В XIX веке национальная идентичность в театре была очевидна, несмотря на постоянное присутствие общих влияний. Эти тенденции в основном положили начало современному театру в Европе, который продолжал развиваться в значительную культурную единицу, которой он является сегодня [2].

Американский театр во многом определяется историей бродвейского театра. Считается, что первыми пьесами, поставленными в Соединенных Штатах, являются пьесы Шекспира, привезенные в страну в середине 1700-х годов английскими актерскими труппами. Однако, как и то, как относились к пьесам в Европе в начале христианской эры, сильная близость к религии привела к тому, что пьесы были запрещены к концу XVIII века. Однако выступления продолжались и часто маскировались под моральные лекции. Театр постепенно распространился по Соединенным Штатам на протяжении 1800-х годов с сильным европейским влиянием. К концу XIX века существовало несколько профессиональных театральных трупп. Гражданская война в США стала поворотным моментом для театра военных действий. В последующие годы зрители будут искать истории, «сделанные в Америке». Как правило, это были реалистичные интерпретации жизни, в которых американские граждане в основе рассказов выступали в роли героев.

В Азии существуют огромные различия в театральных традициях и истории. Наиболее известные театральные культуры, которые продолжают оказывать влияние сегодня, возникли в Индии, Китае и Японии. Персидский – также известный как исламский – театр также имел важное значение. Некоторые историки считают, что индийский театр появился примерно в 1500 году до нашей эры. Тем не менее, широко признано, что он имел культурное значение между I и X веками. Самые ран-

ние формы индийского театра были написаны на санскрите. Позже исламские завоевания Индии привели к повсеместному запрету театра. Даже там, где это было разрешено, это не одобрялось и не одобрялось. Как и в других культурах и на протяжении всей истории, это в первую очередь было обусловлено религиозными мотивами. Индийский театр возродился в XIV веке. В этот период были предприняты национальные усилия по восстановлению традиционных индийских и индуистских ценностей. С более широкой культурной точки зрения развитие местного театра также было жизненно важным фактором, способствовавшим развитию региональных языков и диалектов на протяжении более 400 лет, пока Британская империя не колонизировала Индию. Во времена британского правления начал развиваться современный индийский театр [1].

Считается, что исполнительское искусство в Китае восходит к 1600 году до нашей эры. Широко исполнялись музыка, танцы и акробатика, хотя они и не рассматривались как театральные представления. Тем не менее, они оставались самой доминирующей формой развлечения в Китае на протяжении сотен лет. Самый ранний китайский театр был в форме оперы. Считается, что театр в том смысле, в каком мы его понимаем сегодня, возник в Китае только в IV веке. Однако есть свидетельства того, что некоторые актерские представления проводились клоунами примерно с VII века до нашей эры. Эти исполнители обычно пантомимы, пели и танцевали по указанию своих хозяев. Ранние пьесы часто представляли собой спектакли для двух человек и изображали одних и тех же двух персонажей – коррумпированного чиновника и шута – в различных сценариях. Китайская опера оставалась доминирующим жанром, с пением в масках и танцевальными шоу, проводившимися по всему Китаю. Однако вскоре театр стал инструментом пропаганды, который правительство использовало для контроля над населением. Теневая кук-

ла также стала популярной примерно с VII века нашей эры. Хотя театр имеет место в современном Китае, он не считается важной частью современной китайской культуры.

Традиционные формы японского театра начали появляться в Японии в VII веке, с бугаку. Этот традиционный японский танец исполняется до сих пор. Хотя Токио и уступает масштабам Бродвея Нью-Йорка или Вест-Энда Лондона, сегодня он является одним из крупнейших театральных городов мира. Японские драматурги продолжают вдохновлять творчество Шекспира. В то же время классические шекспировские и другие пьесы «старой школы» остаются самыми популярными у японской и туристической публики.

Переход от XIX к XX в. в мировом театральном искусстве обозначен авангардистскими поисками и экспериментами. Это привело к возникновению системы К.С. Станиславского, краеугольными основами которой были идеи сверхзадачи и сквозной идеи, имевшие неразрывную связь с искусством «переживания» – одним из ведущих принципов театрального искусства XX в. Одна из причин, по которой «метод» Станиславского так популярен среди актеров, заключается в том, что он более интуитивно понятен. Для Станиславского правда была эмоциональной правдой. Он считал, что актер должен быть верен своей роли [2]. Альтернативой системе К. Станиславского стала теория «отчуждения», представителями которой в России были В.Э. Мейерхольд (1874–1940) и Е.Б. Вахтангов (1883–1922) [3].

В Западной Европе «эффект отчуждения» оказался основным эстетическим принципом «эпического театра» выдающегося немецкого драматурга, режиссера, теоретика искусства Б. Брехта (1898–1956). Прежде всего, Брехт считает, что человек обусловлен социальными обстоятельствами, и это изменение, следовательно, должно быть в первую очередь найдено в социальных силах. Различая «драматическое» и «эпическое» театра, Брехт

подчеркивает идею, что «социальное бытие определяет мысль», и это следует воспринимать как «процесс». Главная цель Брехта – не дать зрителям почувствовать персонажам. Он хотел, чтобы они увидели персонажа объективно, а не субъективно. Брехт считает, что театр должен быть агентом социальных и политических изменений. Чтобы добиться этой цели Брехт предлагает использовать технику «отчуждения», которая позволяет театру использовать свой научный метод «диалектического материализма».

Западноевропейский театр XX в. в лучших его образцах характеризуется акцентированием внимания на философско-эстетическом осмыслении мира, в котором превалировала откровенно экзистенциальная ориентация. Театральное искусство Западной Европы XX в. интересное и своими откровенно формалистическими поисками, которые велись в рамках экспрессионизма и сюрреализма [4]. Оглядываясь назад на историю, становится ясно, насколько даже самые ранние театральные постановки оказали влияние на то, что зритель видит на сцене современного театра.

Отношения между актером и зрителем наполняются конкретным социальным содержанием, в них впечатление всей жизни человека неотрывно от впечатлений, полученных от сыгранной артистом роли. Здесь впервые формируется и осознается одна из важнейших социальных функций театра – идеологическая. Вторая, не менее важная общественная функция театрального искусства – коммуникативная, которая отвечает за поддержание целостности общества, позволяя относиться к театру как к особой социальной ценности, необходимой обществу в целом [7]. Следующей важнейшей функцией театра является познавательная. В данном случае театр выступает в качестве источника информации о мире, о жизни, дающей повод для размышлений. Эстетическая функция театра обуславливает отношение театра к синтетическим формам художественного творчества.

Театр представляет членам сообщества ситуации, которые вовлекают их не только интеллектуально и эстетически, но и эмоционально. Этот тип эмоции лучше всего описать как «сочувствие», которое Аугусто Боаль в своем «Театре угнетенных» определяет как эмоциональные отношения, установленные между персонажем и зрителем, которые заставляют последнего ощущать влияние того, что произошло, происходит или может случиться, с первым [1]. Еще одна функция театра – интеграция в социальное пространство, – тесно связана с функцией потребления театральной продукции. Театр не только «вырабатывает» представления для публики, а и порождает публику для представления, он «моделирует» аудиторию, формирует «микрообщества». Приглашая зрителя к сопереживанию, соучастию, к диалогу, театр пробуждает в его сознании определенные идеи, интересы, потребности, жизненные ориентации [8].

Традиция социологической теории и исследований рассматривала культурные изменения в создании и восприятии произведений искусства как зависимые от изменений положения классов, слоев, несущих групп и т.д. Наиболее очевидная и, возможно, самая крайняя нить в этой традиции обнаруживается в работах К. Маркса, который предложил одну из наиболее всеобъемлющих теорий развития человеческих обществ от первых охотников-собирателей до индустриальной эпохи. Для К. Маркса основная структура обществ и сил исторических изменений основывалась на идее «основы и надстройки». Чтобы общественный театр был эффективным, он не должен полностью зависеть от творчества «профессиональных артистов», которые представляют публике продукт своих творческих способностей, основанный на творческом воображении драматурга. Тем не менее, Мэтью Арнольд отмечает, что некоторые художники часто пытаются дать так называемым массам интеллектуальную пищу, приготовленную так, как они считают правиль-

ным для масс, в то время как другие пытаются внушить массам набор идей и суждения, которые составляют credo их собственной профессии или партии. Точно так же Аугусто Боаль в Театре угнетенных находит аргумент Карла Маркса о том, что зрители получают знания «в соответствии с точкой зрения художника или социального сектора, в котором он коренится, или который его спонсирует, платит ему, тот сектор общества, в котором находится экономическая власть». контролируя с его помощью все другие силы и устанавливая директивы всего творчества». Таким образом, спонсирующий сектор будет заинтересован в основном в передаче знаний, которые не угрожают, но помогают ему поддерживать свою власть и авторитет [2]. Так, например, документальный театр, который берет за основу реальные тексты-интервью, в которых отражены реальные события и судьбы людей, является особым, специфическим жанром, сочетающим в себе стилистику театрального искусства и злободневного социального анализа. В процессе создания документального спектакля происходит материализация, оживление документа, а информация, которая была на носителе, и вторично оживает и сохраняется эмоционально-чувственно воспринимаемыми зрителями спектакля. Информация, которая была зафиксирована на материальных носителях, оживает в спектакле документального театра, эти использованные документы приобретают функции культурных документов. С помощью определенных документов, воплощенных в документальном спектакле, также происходит социальная коммуникация – закрепление и передача от поколения имеющихся культурных ценностей, традиций, этических норм [6].

Итак, феномен театрального искусства связан с осмыслением художественного наследия прошлого, с творческими поисками современных театральных деятелей, философски осмысливающих мир и пытаются раскрыть морально-психологическое состояние личности. Можно сделать вывод, что те-

атр своим социальным функционированием на протяжении истории оказывал сильное и разностороннее воздействие на общество. В итоге театр вышел «из себя» в социум, и появился социальный театр – практика, при которой профессиональные и непрофессиональные театральные деятели решают с помощью театральных практик социальные проблемы.

Литература

1. Дмитриевский, В.Н. Основы социологии театра. История, теория, практика / В.Н. Дмитриевский. – М.: ГИТИС, 2004. – 116 с.
2. Жидков, В.С. Искусство и общество / В.С. Жидков, К.Б. Соколов – СПб.: Алетейя, 2005. – 592 с.
3. Сазонова, В.А. В.Э. Мейерхольд и его театральное наследие // Неофилология. 2015. № 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-e-meyerhold-i-ego-teatralnoe-nasledie> (дата обращения: 10.11.2021).
4. Соколов, К.Б. Социология искусства как часть искусствознания: становление и развитие // Художественная культура. – 2014. – № 3 (12). – ISSN2226–0072
5. Трубочкин, Д.В. Античная литература и драматургия / Д.В. Трубочкин – Москва: [б.и.], 2010. – 223 с.
6. Фохт-Бабушкин, Ю.У. Культура и культурные потребности москвичей / Ю.У. Фохт-Бабушкин, Е.Э. Гавриляченко, Г.Г. Гедовиус [и др.] – Москва: Экономика, 2010. – 238 с.
7. Фриче, В.М. Социология искусства. – Изд. 5-е. – М., 2010. – 208 с.
8. Шеремет, А.Н. Социальный театр как способ преодоления социальной эксклюзии / А.Н. Шеремет // Социология. – 2021. – № 4. – С. 227–235.

SOCIAL FUNCTIONING OF THE THEATER IN CULTURAL AND HISTORICAL DYNAMICS

Sheremet A.N.

Institute of Socio-Economic Problems of Population

For the world community, throughout its centuries-old existence, art is characterized by a special kind of interaction between the public and the work. The proposed article is devoted to one of the oldest arts – theater – and the consideration of the issues of its origin, development and existence in the modern world. Theatrical art has passed through many cultural and historical epochs. The purpose of the article is to consider the social functioning of the theater as one of the important social institutions from its origins to the present.

The article concludes that the theater through its social functioning throughout history has had a strong and versatile impact on society. As a result, the theater went “out of itself” into society, and social theater appeared – a practice in which professional and non-professional theatrical figures solve social problems with the help of theatrical practices.

Keywords: social art, social theater, culture, society.

References

1. Dmitrievsky, V.N. Fundamentals of theater sociology. History, theory, practice / V.N. Dmitrievsky. – M.: GITIS, 2004. – 116 p.
2. Zhidkov, V.S. Art and society / V.S. Zhidkov, K.B. Sokolov – St. Petersburg: Aleteya, 2005. – 592 p.
3. Sazonova, V.A. V.E. Meyerhold and his theatrical heritage // Neophilology. 2015. No.1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-e-meyerhold-i-ego-teatralnoe-nasledie> (date of application: 10.11.2021).
4. Sokolov, K.B. Sociology of art as a part of art studies: formation and development // Art culture. – 2014. – № 3 (12). – ISSN2226–0072
5. Trubochkin, D.V. Ancient literature and dramaturgy / D.V. Trubochkin – Moscow: [B. I.], 2010. – 223 p.
6. Focht-Babushkin, Yu.U. Culture and cultural needs of Muscovites / Yu.U. Focht-Babushkin, E.E. Gavrilyachenko, G.G. Gedovius [et al.] – Moscow: Ekonomika, 2010. – 238 p.
7. Fritsche, V.M. Sociology of Art. – Ed. 5-E. – M., 2010. – 208 p.
8. Sheremet, A.N. Social theater as a way to overcome social exclusion / A.N. Sheremet // Sociology. – 2021. – No. 4. – pp. 227–235.

Уровни интерсубъективности индивида с ограниченными возможностями в социальной группе включающего общества

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
E-mail: vitl_2002@list.ru

Дзюба Любовь Михайловна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
E-mail: Dzuba017@mail.ru

Музыка Оксана Анатольевна,

доктор философских наук, профессор, декан факультета психологии и социальной педагогики Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
E-mail: omuzika@gmail.com

дигмального подхода к социальному бытию, которого он придерживается. Показывается, что исследование специфики социально-конструктивной деятельности индивида с ограниченными возможностями в контексте социальных взаимодействий по конструированию бытия социальной группы включающего общества является значимым с позиции сценариев «входа» человека в подобную группу. Рассматриваются ситуации, в которых трансформации включающего социума оказывают влияние на формирование особенностей становления интерсубъективности в социальной группе индивидов с ОВ, касающихся синтеза характеристик индивидуального и социального бытия индивида.

Ключевые слова: включающее общество, социальное бытие, индивидуальное бытие, феноменология, интерсубъективность, ограниченные возможности (ОВ).

В контексте современных социально-философских теорий рассматривается проблема интерсубъективности индивидов с ограниченными возможностями (ОВ) в социальном поле включающего общества. Показывается, что в рамках интерсубъективности индивид с ограниченными возможностями конструирует сценарии взаимодействия и взаимоотношений с другими индивидами с ОВ как социальными субъектами, находящимися в экзистенциальном поле повседневной жизнедеятельности. Демонстрируется, что выделение уровней интерсубъективности связано с ценностными и целевыми характеристиками социально-конструктивной деятельности индивида с ОВ. Анализируются особенности реализации интерсубъективности в социальном пространстве малой группы индивидов с ограниченными возможностями. Постулируется, что индивид представляется не как исполнитель альтернативного набора комплекса конструктивных действий и решений в жизнедеятельности социальной группы, но как субъект активно-творческой и проектной деятельности. Социально-конструктивная деятельность ассоциируется с креативной деятельностью индивида по реализации целей, установок, намерений, которые существуют в рамках его социального поля и того пара-

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00515, <https://rscf.ru/project/22–28–00515/>, в рамках научно-исследовательского проекта «Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями во включающем обществе» (Руководитель: профессор В.В. Попов).

Введение. В контексте современных социально-философских теорий, касающиеся взаимодействия индивидов с ограниченными возможностями (ОВ) в социальном пространстве включающего общества, весьма значимым является факт своеобразного перенесения внутренне присущих индивиду особенностей и характеристик, отражающих его мировоззренческие установки и цели, во внешнее проявление индивида, в сферу социальной реальности. В философской литературе достаточно часто происходит обращение к концепциям философской антропологии, экзистенциализма и феноменологии. Подобные философские направления предполагают, что базис внутренних параметров и характеристик социального бытия самого индивида определяет некое экзистенциальное поле, которое касается проблемы intersubjectivity и взаимосвязи с иными социальными субъектами в малой социальной группе индивидов с ОВ.

Основная часть. Концептуальный аппарат постнеклассической науки позволяет сказать, что индивид в малой социальной группе включающего общества рассматривается в качестве некоторой системы, имеющей различные подсистемы с учетом того, какой именно вид структурно-функционального анализа используют при изучении различных моментов его социальной жизнедеятельности. Конечно, подобные моменты не находились на приоритетных ролях в том же экзистенциализме или феноменологии, однако подобные интенции образуют теоретические основы самой социальной деятельности человека. В этом случае, на ведущие позиции выходят внутренние параметры и особенности индивида с ограниченными возможностями, осуществляющего свою концептуальную рефлексию, касающуюся комплекса социальных взаимосвязей и взаимодействий относительно реально существующего трансформирующего социума.

В этой связи в рамках проблемы intersubjectivity существует выход на проблему взаимодействия и взаимо-

отношений с другими индивидами с ОВ как социальными субъектами, находящимися в подобном экзистенциальном поле рассмотрения. Тем самым, индивид предлагает приоритет вопросам, которые касаются выделения концептуальных вопросов экстенционального поля, определяющего существующие взаимосвязи между индивидами как социальными субъектами в рамках intersubjectivity. Причем следует обратить внимание на такую важную деталь, что в исследовании фактически имеем дело с двумя ипостасями индивида с ОВ. Подобное разделение имеет место, однако – это локальное разделение. Оно связано с методологическими аспектами концепции инклюзии, касающимися обозначения направлений современной социальной философии, которые формируют различные сегменты общей проблемы, связанной с ценностными и целевыми характеристиками социально-конструктивной деятельности индивида.

Несмотря на имеющиеся различия, например, между экзистенциализмом и феноменологией с точки зрения выделенных ипостасей, следует отметить, что в рамках современного философского дискурса, безусловно, эти ипостаси следует рассматривать в рамках одной системы – они взаимодействуют, они взаимосвязаны между собой. При этом вряд ли будет правомерным считать, что субъект теоретического познания может рассматриваться исключительно как трансцендентальный субъект, равно как и иная ситуация когда, например, субъект действий и социальных взаимодействий приравнивается к эмпирическому субъекту.

Если посмотреть на подобную проблему с точки зрения существующих философских направлений, то сходные идеи можно найти в концепции Я. Хинтики, который обратил внимание на антропологические и аксиологические моменты социально-конструктивной деятельности индивида по воссозданию системы социального взаимодействия. К этому можно добавить и достаточно интересную позицию, которую раз-

вивал Ю. Хабермас. В частности, он считал, что когда идёт определённое представление социальной действительности в социально- философских контекстах, то необходимо целостность и данность социальной реальности рассматривать не только с точки зрения определенных внешних факторов и объективного социального развития, а посмотреть на проблему с иной стороны. Именно с точки зрения того, что существует проблема intersубъективности, и сама социальная деятельность, как элемент рациональной деятельности, может рассматриваться в рамках взаимосвязи и взаимодействия социальных субъектов в контексте их информационной коммуникации.

Поэтому, на наш взгляд, справедливо, что с именем Ю. Хабермаса связано введение в социально-философский дискурс такого понятия как коммуникативная рациональность. Действительно, с одной стороны, имеем дело с определенным аспектом в рамках постнеклассической рациональности, а, с другой стороны, проблема переходит в сферу некоторых внутренних аспектов социального бытия. Подобное представление социального бытия весьма полезно для тех, кто интересуется вопросами развития трансформирующегося включающего социума с позиции поиска в его структуре элементов мотивационно-рациональной деятельности.

В какой-то мере подобная позиция Ю. Хабермаса относительно коммуникативной рациональности связана с идеями Э. Гуссерля, который, исследуя проблемы intersубъективности, размышлял о возможности существования социального поля, отражающего связи и взаимодействия между отдельными «Я». Это давало возможность представлять подобное социальное поле как некоторую социальную реальность, причём с объективных позиций. Как результат, определяется методологически значимый вектор исследования относительно реализации intersубъективности в социальном поле малой социальной группы. Таким образом, ин-

дивид представляется не как простой исполнитель альтернативного набора комплекса конструктивных действий и решений, но приоритет отдается другим аспектам, а именно аспектам, связанным с того активно-творческой и проектной деятельностью. То есть, социально-конструктивную деятельность ассоциируем с креативной деятельностью индивида по реализации тех целей, установок, намерений, которые существуют в рамках его социального поля и того парадигмального подхода к социальному бытию, которого он придерживается.

Исследование специфики социально-конструктивной деятельности индивида с ограниченными возможностями в контексте социальных взаимодействий по конструированию бытия малой социальной группы включающего общества, представляется значимым с позиции сценариев «входа» индивида в подобную группу. Индивид изначально имеет не только предрасположенность к реализации социально-значимых проектов и установок, но и то, что он действительно адекватно представляет себе целерациональность и целесообразность, а также мотивационную сторону самой человеческой деятельности, что является немаловажным в любых социально-философских контекстах.

Отметим, что базисные характеристики имеющихся склонностей, целей и интересов индивида с ОВ определяются теми факторами, которые существуют вне пределов его сознания и имеют объективный характер. Если рассуждать о реализации подобных идей, например, с точки зрения экзистенциализма или феноменологии, то можно рассматривать ситуации, в которых индивиды сами конструируют некоторое экзистенциальное поле бытия социальной группы, которое является не просто полем нахождения конкретной субъектности того или иного индивида, но и полем действий и взаимодействий между индивидами. То есть, это своеобразное экзистенциальное поле intersубъективности социального бытия малой группы индивидов с ОВ, выполняю-

щие определенные функции не только в рамках общей концепции экзистенциализма, но и проясняющие аспекты, которые характерны не только для рационализма, но и для других философских теорий, представляющих социального субъекта с позиции собственного человеческого «Я».

Заключение. Трансформации включающего социума оказывают влияние на формирование особенностей становления интерсубъективности в социальной группе индивидов с ограниченными возможностями. Подобные ограничения могут касаться внутренних установок и внутренних целей социального бытия индивида, но обычно подобные локально-организованные цели имеют определенный вектор в рамках более широких контекстов. В последнем случае речь идет о тех социальных проектах, которые объективно характерны для каждого конкретного этапа формирования индивидуального бытия в социальном бытии. Поэтому в русле социально-конструктивной деятельности индивида с ОВ движение к эффективному и продуктивному результату такой деятельности следует рассматривать как с точки зрения внутренних возможностей индивида, так и в том направлении, которое касается общих тенденций и трансформаций социального пространства группы индивидов с ограниченными возможностями.

Литература

1. Аверина Н.В., Лойтаренко М.В., Попов В.В., Щеглов Б.С. Особенности альтернативности в социальных трансформациях // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9–9. С. 2115–2119.
2. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству // *Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность*. Москва: МГППУ, 2019. С. 16–20.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Москва, Россия: Акад. Проект, 2009. 538 с.
4. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИНФОРМАЦИЯ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Вороница Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
5. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–25. С. 5730–5733.
6. Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке // *Философия права*. 2012. № 5 (54). С. 86–90.
7. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 3–2. С. 315–318.
8. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А. Концепция транзитивности и трансформации общества // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 1–2. С. 365–368.
9. Попов В.В., Музыка О.А. Специфика интервальной концепции времени: опыт концептуализации // *Международный журнал экспериментального образования*. 2015. № 3–2. С. 36–39.
10. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества // *Социально-гуманитарный вестник Юга России*. 2011. № 7–8 (15–16). С. 39–45.
11. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Темпоральность и транзитивность в историческом процессе // *Международ-*

- ный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7–6. С. 1110–1113.
12. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Особенности глобализации в контексте социальной синергетики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 8–2. С. 307–310.
 13. Попов В.В., Щеглов Б.С., Грановская М.В. Специфика концепта «интервал» в исследовании социальных процессов // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–4. С. 872–875.
 14. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Социальное противоречие в контексте нелинейных процессов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1–2. С. 361–364.
 15. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 324 с.
 16. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 448 с.

LEVELS OF INTERSUBJECTIVITY OF AN INDIVIDUAL WITH DISABILITIES IN A SOCIAL GROUP OF AN INCLUSIVE SOCIETY

Popov V.V., Dzyuba L.M., Musika O.A.
Rostov State Economic University (RINH)

In the context of modern socio-philosophical theories, the problem of intersubjectivity of individuals with disabilities (OS) in the social field of an inclusive society is considered. It is shown that, within the framework of intersubjectivity, an individual with disabilities constructs scenarios of interaction and relationships with other individuals with disabilities as social subjects who are in the existential field of everyday life. It is shown that the allocation of levels of intersubjectivity is associated with the value and target characteristics of the socially constructive activity of an individual with disabilities. The features of the implementation of intersubjectivity in the social space of a small group of individuals with disabilities are analyzed. It is postulated that the individual is presented not as a performer

of an alternative set of constructive actions and decisions in the life of a social group, but as a subject of active creative and project activities. Socially constructive activity is associated with the creative activity of the individual in the implementation of the goals, attitudes, intentions that exist within the framework of his social field and the paradigmatic approach to social being that he adheres to. It is shown that the study of the specifics of the socially constructive activity of an individual with disabilities in the context of social interactions to construct the existence of a social group of an inclusive society is significant from the standpoint of scenarios for a person's "entry" into such a group. Situations are considered in which the transformations of the inclusive society influence the formation of the features of the formation of intersubjectivity in the social group of individuals with OS, concerning the synthesis of the characteristics of the individual and social being of the individual.

Keywords: including society, social being, individual being, phenomenology, intersubjectivity, limited opportunities (OS).

References

1. Averina N.V., Loitarenko M.V., Popov V.V., Shcheglov B.S. Features of alternativeness in social transformations // Fundamental research. 2014. No. 9–9. pp. 2115–2119.
2. Vachkov I.V. Polysubject Approach to Inclusive Space// Inclusive Education: Continuity and Continuity. Moscow: MGPPU, 2019. P. 16–20.
3. Husserl E. Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy. Moscow, Russia: Acad. Project, 2009. 538 p.
4. SCIENTIFIC RESEARCH: INFORMATION, ANALYSIS, FORECAST Lipskaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N. .V., Egorov D.V., Ilichenko I.A., Kameneva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M. ., Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
5. Popov V.V., Agafonova T.P. Specifics of the temporality of the legal consciousness of a social subject // Fundamental Research. 2015. No. 2–25. pp. 5730–5733.

6. Popov V.V., Agafonova T.P. Scientific rationality and rationality in science // *Philosophy of Law*. 2012. No. 5 (54). pp. 86–90.
7. Popov V.V., Muzyka O.A., Kozhenko Ya.V. Social transformations in legal relations // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 3–2. pp. 315–318.
8. Popov V.V., Muzyka O.A., Kiselev S.A. The concept of transitivity and transformation of society // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 1–2. pp. 365–368.
9. Popov V.V., Muzyka O.A. The specificity of the interval concept of time: the experience of conceptualization // *International Journal of Experimental Education*. 2015. No. 3–2. pp. 36–39.
10. Popov V.V., Chalenko M.V. The specifics of transitional states of modern Russian society // *Social and humanitarian bulletin of the South of Russia*. 2011. No. 7–8 (15–16). pp. 39–45.
11. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A., Ukolov A.O. Temporality and transitivity in the historical process // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016. No. 7–6. pp. 1110–1113.
12. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A., Ukolov A.O. Features of globalization in the context of social synergy // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016. No. 8–2. pp. 307–310.
13. Popov V.V., Shcheglov B.S., Granovskaya M.V. The specificity of the concept “interval” in the study of social processes // *Fundamental research*. 2015. No. 2–4. pp. 872–875.
14. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A. Social Contradiction in the Context of Nonlinear Processes // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 1–2. pp. 361–364.
15. Habermas Y. *Moral consciousness and communicative action*. St. Petersburg: Nauka, 2000. 324 p.
16. Hintikka J. *Logical and epistemological research*. M.: Progress, 1980. 448 p.

Радикальный протестантский теологический модернизм: «теология смерти Бога» и «безрелигиозное христианство»

Добреньков Владимир Иванович,

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и теории
социологии, социологический факультет МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: Vladimiro040239@mail.ru

Признание кризиса христианской религии, фиксация прогрессирующего процесса упадка веры в бога поставили протестантских теологов перед проблемой отыскания выхода из создавшегося положения, определения перспектив христианской религии в современном мире. Прежде чем наметить какие-то пути выхода из создавшегося кризиса христианской религии, прежде чем предложить какие-то конкретные рецепты ее лечения, необходимо поставить диагноз болезни, определить, в чем суть этой болезни. Но логика теологов в принципе исключает мысль о том, что причины кризиса религии следует искать в реальной социально-исторической действительности, что с настоящим кризисом веры в бога приходит к концу христианство как таковое, что проблематичность веры в бога есть выражение общей исторической тенденции отмирания христианской религии. И именно эта типично богословская установка на то, что искать причины кризиса веры следует в религиозном сознании, их убежденность в вечности существования религии с необходимостью предопределяют характер предлагаемых ими рецептов спасения христианской религии. Теологам невероятно представить, что вся длительная история христианской религии с ее верой в бога была основана на вере в нечто нереальное, поэтому причину кризиса веры в бога они никак не связывают и не могут связывать с признанием нереальности бога.

Ключевые слова: радикальный протестантский теологический модернизм, упадок веры, смерть бога, неоортодоксальная теология, переориентация религии, секулярная теология.

Как на Американском, так и на Европейском континентах протестантский модернизм требует наиболее радикального пересмотра всей традиционной системы религиозного понимания мира, основных теологических понятий, всего содержания, предмета и целей христианской теологии. Протестантский теологический модернизм выражает неудовлетворенность тем, что христианство, не учитывая важных качественных изменений, происходящих сейчас в мире и сознании человека, продолжает игнорировать «земной» мир. Реально мыслящие теологи не могут не видеть, что современного человека перестает удовлетворять традиционное христианство, которое третирует все «земное» как низшее, греховное и пытается внушить, что истинное предназначение человека реализуется не «в этой» жизни, а после его смерти, в «потустороннем» мире. Теологи не могут не понимать, сколь опасно для религии закрывать глаза на тот факт, что современного человека, как правило, волнуют реальные жизненные проблемы, а не какие-то возможные перспективы «спасения» и получения воздаяния в загробном царстве. Наиболее дальновидные теологи осознают, что религия, чтобы сохранить положение и влияние в мире, должна не отворачиваться от него, а, наоборот, повернуться к нему лицом, приобщиться к заботам и надеждам человека. Сознывая, что самоустранение религии от участия в поисках ответа на вопросы, которые ставит перед человеком жизнь, приводит ее к потере влияния на верующих, а в конечном счете к гибели, многие современные протестантские теологи выступают с различными проектами создания такой христианской религии, которая бы органически вписывалась в контекст современной социально-исторической действительности и по-

могала бы человеку обрести счастье в этом мире. Примирение религии с современным миром они рассматривают как самую главную теологическую задачу настоящего времени.

Такое понимание религии, в частности христианства, и его предназначения, сильно отличающееся от традиционного, естественно, ставит перед необходимостью существенного пересмотра содержания христианского вероучения, места и роли церкви. В современном обществе появление в настоящее время довольно большого числа различных теологических концепций «мирского», или секулярного христианства свидетельствует о возникновении совершенно нового поворота в развитии протестантской теологии, который вызван прежде всего особенностями современной эпохи, объективными процессами общественного развития. Сама социальная ситуация, перед которой оказалась современная протестантская теология, заставляет ее рвать связи с традицией и обращаться к миру, интересоваться его проблемами, вынуждает ее заговорить на языке этого мира.

Все это существенным образом отличает современную протестантскую теологию, знаменующую собой качественно новый этап в исторической эволюции протестантской теологии, от предшествующего ему – неоортодоксального. Новый этап четко обозначился в послевоенные годы (конец 50 – начало 60-х гг.). Протестантский теологический модернизм в его различных вариантах может рассматриваться как своеобразная теологическая реакция на неоортодоксальную «теологию кризиса», основоположником которой был швейцарский теолог К. Барт, активно выступавший за политику религиозного изоляционизма.

Бартианская школа делала акцент на потусторонность бога, подчеркивала его качественное отличие от мира и провозглашала принцип невмешательства бога в земные дела. Протестантский теологический модернизм занял прямо противоположную позицию, утверждая потусторонность бо-

га, его вовлеченность в дела мира, причастность к земным заботам человека. Если «теология кризиса» пыталась веру в бога вынести за пределы мирского и спасение религии видела в ее изоляции от мира, то современный протестантский модернизм стремится разрушить все перегородки между миром и богом, примирить веру в бога с реальной исторической действительностью и спасение религии ищет в ее соединении с миром. Если Барт полагал, что богу нет никакого дела до того, что происходит на земле, то протестантские модернисты исходят из посылки что богу есть дело до всего. Неоортодоксальная теология изолировала христианство от социальной действительности, современная протестантская теология ищет тесных контактов с ней.

Задача переориентации на потусторонний мир потребовала от теологов значительной модификации христианства. Современная протестантская теология стремится определить «земное», секулярное значение христианской веры для индивида и для общества, создать такую модель христианства, которая была бы в совершенной гармонии с реальным миром, т.е. модель так называемого секулярного христианства.

Специфическая черта секулярной теологии, которая резко отличает ее от неоортодоксальной теологии, состоит также и в том, что она стремится существенным образом пересмотреть не только основания, на которых традиционно строилась сама теология, но и старые формы теологического мышления.

Такие известные протестантские теологи-неоортодоксы, как К. Барт, Э. Бруннер, Р. Нибур, несмотря на определенные различия их подходов к решению теологических проблем, исходили из того, что теология как дисциплина имеет свою специфическую сущность и целостность и, являясь учением о боге и божественном, основывается на божественном откровении, которое зафиксировано в Библии и обнаруживается в религиозном опыте человека. Неоортодоксы считали, что те-

ологический язык полон глубочайшего смысла и значения и не только не находится в противоречии с культурно-историческим опытом человека, а, напротив, способствует углубленному восприятию.

Многие представители современной секулярной теологии стали сомневаться в правильности традиционного предмета теологии. Объявив весь мир ареной божественного откровения, они сочли, что мирские человеческие проблемы и должны составлять главный предмет внимания теологии. Далее были поставлены под сомнение смысл и значение всех традиционных теологических высказываний. Наиболее радикально настроенные сторонники секулярной теологии усомнились в возможности, необходимости и полезности каких бы то ни было теологических рассуждений вообще и стали подчеркивать *бесмысленность теологической формы суждений*. Неоортодоксальная теология, которая была доминирующей с начала 20-х до конца 50-х гг., потеряла былую популярность.

Понять перемены, идущие сейчас в протестантской теологии, можно только в свете объективных социально-исторических изменений, которые происходят в реальной практической жизни миллионов людей. Переориентация протестантской теологии является следствием глубоких общественных изменений второй половины 50-х гг. Это время – яркое выражение всеобщего кризиса капитализма, который характеризуется существенным ослаблением его международных позиций, углублением внутренних экономических и политических противоречий под влиянием научно-технической революции, усилением протестных настроений, выступлений, и в этих условиях несостоятельность традиционного христианского стиля мышления, для которого характерно восприятие неизменности бытия, в том числе капиталистической действительности как единственно возможной, справедливой и вечной, от Бога данной, становится совершенно очевидной.

С позиции традиционной теологии, направленной на апологию существующих порядков, санкционирующей неизменность установленных богом социальных отношений, невозможно решить целый ряд новых проблем, которые выдвигает стремительно изменяющаяся действительность. В частности, это касается проблемы участия верующих в преобразовании общества, их личной ответственности за происходящее в мире. Протестантская теология оказалась помимо своей воли втянутой в необратимый процесс секуляризации общества и являет собой ярчайший пример и доказательство, что этот расширяющийся и углубляющийся процесс постепенно захватывает не только сферу обыденного религиозного, но и теоретического сознания. Важно отметить, что такая переориентация на решение проблем посюсторонней жизни характерна не только для протестантской, но и для католической теологии. Началась эта перемена в те же годы (после II Ватиканского собора) и вызвана теми же социальными причинами. Таким образом, проблемы, перед которыми оказалась христианская теология, носят межконфессиональный характер, что в свою очередь объясняет почему теологи различных конфессий выбирают сходные способы их решения.

В начале 60-х гг. многие протестантские выступили с концепциями, в которых были поставлены под сомнение фундаментальные положения традиционного христианского учения. Практически нет ни одного догматического положения христианства – от авторитета священного писания, тринитарности бога, божественной природы Христа до положения о реальности бога, которые бы не ставились под сомнение модернистами.

Если несколько десятилетий назад все дискуссии вокруг проблемы бога ограничивались такими вопросами, как «Что означает понятие “бог”?», «Каково его значение и смысл?», «Что каждый конкретно имеет в виду, употребляя понятие “бог”?», то в настоящее время к ним добавился целый ряд вопросов,

которые представляют проблему веры в бога в ином свете: «Может ли понятие “бог” что-либо обозначать?», «Имеет ли это понятие какой-либо смысл?». Такая постановка вопросов до недавнего времени была немислима в рамках христианской теологии.

В центре теологических дебатов среди протестантских теологов оказываются не только догматические вопросы, но и такие, ответы на которые должны определить отношение человека к христианской вере, церкви, к христианской религии: «Чем для современного человека является традиционное христианство?», «Кем является Христос?», «Как можно верить в Бога в “безбожном” мире?», «Как можно и можно ли в принципе говорить о Боге “мирским языком”?», «Какой стиль жизни, поведения, действий в различных сферах человеческой жизни является христианским?», «Как должна церковь относиться к миру – его идеям, потребностям, социальным устремлениям?».

«Должна ли она быть совершенно независимой, автономной по отношению к миру, строить свою деятельность исходя из каких-то не мирских ценностей, ориентировать людей на потусторонний мир или она должна быть “в миру” и служить ему?», «Во втором случае, на чем должен зиждиться ее авторитет и каков источник возвещаемой ею благой вести – сам мир или же нечто другое?», «Какой должна быть церковь в современном мире?»

Объективная необходимость приспособиться к современной эпохе, искать ответы на все эти связанные друг с другом вопросы вызывает появление различных разновидностей так называемой *секулярной теологии*, различных модернистских теологических концепций.

Процесс эрозии религиозной веры принимает такие масштабы, становится настолько очевидным, что не замечать его становится просто невозможным. Поэтому среди буржуазных религиоведов и теологов самых различных направлений все чаще слышатся горькие признания в утрате современным

человеком веры в бога. Традиционная религиозная концепция уже перестала удовлетворять современного человека, оставляет равнодушным его сердце и не затрагивает его разума, будучи оторванной от волнующих его проблем. «Только смирившись со смертью Бога в нашей душе – и даже желая ее! – мы сможем, – утверждает Т. Альтицер, – освободиться от далекой и чуждой трансценденции, которая была опустошена и омрачена самоотчуждением Бога во Христе» [1].

Следует сказать, что в то же время в рамках христианской теологии всегда было и сейчас существует достаточно сильное сопротивление модернизму со стороны ортодоксально настроенных теологов. Публичное признание кризиса веры в бога всегда порицалось ортодоксальными теологами, так как факт невозможности веры в бога ставит под сомнение существование не только христианства, но и религии вообще. В самом деле, если вера в бога является предпосылкой существования христианской религии, а сейчас она невозможна, то логично сделать вывод о невозможности существования христианской веры. А если предположить, что вера в христианского бога есть основа религиозной веры вообще, то надо будет признать, что вместе с исчезновением веры в христианского бога происходит эрозия религии в целом, так что ставится под вопрос существование религии как таковой. Именно этим можно объяснить, почему христианские ортодоксы так упорны в замалчивании кризиса религиозной веры, почему они, вопреки очевидности, даже пытаются доказать, что влияние христианской религии увеличивается.

Но в настоящее время все возрастает число радикально настроенных теологов, трезво оценивающих реальное положение религии в современном мире и понимающих, что замалчивание процесса упадка христианской религии не снимает и не может снять проблемы доверия к христианству. По мнению этих теологов, не замечать факта кризиса религии и ждать, что он разрешит-

ся сам собой, – значит признать смертный приговор, который вынес христианской религии современный мир, и расписаться в собственном бессилии.

Признание упадка веры в бога получило наиболее яркое выражение в современной протестантской теологии, как американской, так и европейской, в теме так называемой «смерти бога», в последние десятилетия широко обсуждаемой на страницах не только богословской, религиозноведческой, но и массовой прессы.

В начале 60-х гг. Г. Ваханян, Г. Кокс, Т. Альтицер, В. Гамильтон, П. Ван-Бурен Д. Кобб, Ш. Огден и другие наиболее радикально настроенные американские теологи публично признали и провозгласили «смерть бога», выразив «кредо» радикального протестантского теологического модернизма. Они выступили с идеей создания новой теологии «смерти Бога», теологии мертвого Бога, постхристианской в своей сущности теологии, с требованием радикальной революционной трансформации всего учения традиционной христианской религии. С их точки зрения каждый верующий в нынешнее время не только должен признать смерть Бога, но и должен хотеть этого.

По мнению известного в протестантских кругах теолога Л. Гилки, исходная базисная предпосылка этой новой теологии заключается «...в признании нереальности Бога в наш век; в утверждении его отсутствия в нашем внутреннем опыте, религиозных переживаниях: в констатации неуместности и бессмысленности каких-либо рассуждений о нем, пустоты и вреда от любых попыток продолжать строить с ним какие-то отношения; признать невозможность понимания наших внутренних переживаний зла, если мы будем упорно продолжать верить в него» [2].

Провозглашение «смерти Бога» стало поистине шокирующей сенсацией не только для христианского, но и для всего остального религиозного и нерелигиозного мира. Очень уж непривычно было услышать известие о смерти Бога от дипломированных христианских

теологов и пасторов. Для большинства обычных верующих это было не только удивительно, но и абсурдно. Эта весть о смерти христианского Бога повергла в шок весь христианский мир и особенно простых верующих, которым непонятно было – как можно считать себя христианином, приверженцем христианской религии и в то же время утверждать смерть христианского Бога и отрицать божественность Христа.

Но если отрицание бога обычно ставило своей целью уничтожение религии как главного препятствия человеческого развития и тормоза на пути социального прогресса, то протестантские теологи пытаются само отрицание традиционного христианского бога сделать отправной базой для создания новой версии христианской веры, новой религии, такой религии, которая не препятствует, а якобы, наоборот, способствует развитию человека и общества.

Утверждение протестантских теологов о смерти бога, бесспорно, по-своему отражает тот объективный факт, что современный человек в своем внутреннем опыте перестал ощущать потребность веры в бога, что под влиянием бурного социального и научно-технического прогресса, активного участия в социально-исторической деятельности его сознание настолько изменилось, что человек не находит никакого смысла, не видит необходимости, просто не может больше верить в бога. Действительно, какой смысл может иметь вера в бога, если она никак не связана с жизненными проблемами, если все предположения о существовании высшего существа не подвергаются проверке и ничто не подтверждает его существования. И наконец, какая необходимость верить в бога, если человек может обходиться в своей жизни без него? Зачем ему эта вера, если в своей познавательной и социально-практической деятельности он опирается на науку? Однако утрата современными людьми веры в бога получает в рамках протестантского теологического модернизма типично религиозное истолкование. То, что современный

человек перестает верить в бога, полагают протестантские теологи, означает не отсутствие бога, божественного вмешательства в дела мира, а невозможность людей обнаружить его присутствие в этом мире.

Провозглашая смерть бога, протестантские теологи ни в коей мере не намерены отрицать его реальность. Констатируя «смерть бога», они просто хотят подчеркнуть его неуместность в современном мире, его молчание, безразличие, невмешательство и неспособность современного человека открыть его в мире. А само переживание отсутствия бога, по мнению таким образом рассуждающих протестантских теологов, несет в себе глубоко религиозную окраску, ибо обнаруживает ностальгию у современного человека по божественному, священному. Таким образом, исторически конкретный факт отсутствия переживания бога интерпретируется как религиозное переживание смерти бога, а точнее, переживание его отсутствия в мире, и эта интерпретация возводится в своеобразный теологический принцип – в настоящем мире бог может присутствовать лишь в форме своего отсутствия.

Угасание в душе современного человека веры в бога, считают модернисты, совсем не означает того, что бог как некая реальность перестает существовать. Нет, бог как некоторая объективная реальность, по их мнению, всегда существовал и продолжает существовать. Современные протестантские теологи связывают признание непригодности старых традиционных символов для выражения божественной реальности, а это значит, что само выражение «смерть бога» имеет чисто метафорический, а не буквальный смысл. Под этим выражением они понимают смерть специфической концептуальной схемы, определенного типа мышления прошлых веков, в котором находила свое выражение христианская вера, этот тип мышления обозначается различными теологами по-разному: Бульманн, например, называет его «мифологическим», Тиллих – «супранатура-

листическим», Бонхоффер «религиозным», а подавляющее большинство теологов – «традиционно-теистическим».

Современный кризис веры в бога теологи интерпретируют исключительно как кризис понимания природы бога, как кризис смысла и значения традиционной христианской доктрины бога. Причину кризиса религиозной веры они усматривают в том, что идея бога традиционного христианства перестала устраивать современного верующего и не отражает действительной реальности бога.

Бог в христианской традиции представлялся в виде неизменного, статичного по своей сущности существа, потустороннего и отличного от всего того, что им сотворено. Между богом и человеком провозглашалось абсолютное качественное различие. Только сам бог мог преодолеть пропасть, отделяющую его от всего конечного. Только благодаря своему милосердию в актах любви он по собственной инициативе преодолевал эту изоляцию, обнаруживал себя человеку.

Традиционное теистическое понимание божественного откровения лишней раз подчеркивало непреодолимую пропасть между божественным и мирским и вело к резкому разграничению переживания святого от каждодневных переживаний человека.

Бог теизма – творец, который создает мир из ничего. Бог дал миру порядок, структуру, он поощрял тех, кто подчинялся ему, и наказывал тех, кто осмеливался бунтовать против тех эталонов, которые он запрограммировал в сотворенном им порядке. Он являлся провидцем всего хода развития истории, критическим наблюдателем, перед которым разыгрывалась во всей полноте драма человеческой жизни. Он был ответствен за то, чтобы все происходило в мире именно так, как должно быть согласно его воле. Он являлся таким существом, которое полностью определяло, какой должна быть человеческая жизнь.

Современного человека, который утверждает сейчас свои собственные

права на свободу действий и ответственность за них, отстаивает право самому изменять лицо мира в соответствии со своими потребностями, право создавать свое собственное «должное», самому определять природу добра и зла, не может удовлетворять такой бог. Бунт против него выражается или в безразличии к нему, или в прямом отрицании его.

Однако отсутствие веры в бога у многих людей, лишь по традиции именующих себя христианами, по мнению протестантских теологов, свидетельствует не об отсутствии божественной реальности, а лишь о неудовлетворенности христиан традиционной теистической формой представления бога, с одной стороны, и с другой – о том, что они пока еще не нашли каких-то новых форм выражения божественной реальности и потому неспособны обнаружить присутствие бога в мире и своей душе.

Кризис веры в бога протестантские теологи объясняют кризисом языка для выражения божественной реальности, а преодолеть кризис веры надеются, создав новый язык для выражения божественной реальности, язык, который был бы понятен современному человеку.

Таким образом, теологи переводят дискуссию о выяснении причин кризиса веры в бога в плоскость рассуждений о причинах кризиса ее концептуальных форм выражения. Замыкание проблемы кризиса веры на религиозном сознании преследует цель поставить под сомнение правомерность постановки вопроса о возможности кризиса веры как таковой.

Связывая настоящий кризис веры в бога с кризисом религиозного языка, многие теологи сводят последний к тому, что традиционная теистическая христианская идея бога неадекватно отражает божественную реальность. В объяснении же причин этого явления мнения теологов расходятся. Подавляющее большинство теологов объясняют его несовершенством человеческого языка для выражения божественной реальности. Человеческий язык, кото-

рым вынужден пользоваться человек для описания божественной реальности, по их мнению, хранит отпечаток определенной конкретно-исторической эпохи, продуктом которой он является. По мере развития общества изменяется и язык, прежние языковые формы выражения утрачивают свой смысл и значение в новом социально-историческом контексте. Все это теологи относят и к языку, выражающему идею бога. Традиционный мифологический язык для современного человека становится бессмысленным и не только не проясняет сути божественной реальности, но, напротив, затемняет ее и порождает у него сомнение в ее реальности. Причину кризиса традиционного христианского языка эти теологи усматривают в буквальной его интерпретации, в непонимании его чисто символической природы.

Другие теологи, число которых незначительно, пытаются объяснить несоответствие традиционной христианской идеи бога природе божественной, реальности тем, что последняя не остается статичной, а все время изменяется и развивается. Вследствие того, что божественная реальность, находясь в постоянном процессе развития, изменяет свою форму существования, в то время как старая традиционная концепция бога соотносится с прежней формой ее существования, возникает ситуация, при которой традиционная концепция бога перестает соответствовать сути божественной реальности.

Трансцендентный теистический бог не является для протестантских теологов существенным и неотъемлемым признаком христианства. Они не рассматривают веру в такого бога как обязательное и достаточное условие принадлежности к христианству. Точка зрения, согласно которой проблема кризиса христианской веры является чисто герменевтической проблемой, т.е. проблемой реинтерпретации всех основных положений христианства, в том числе и идеи бога, является доминирующей в модернистской протестантской теологии.

Провозгласив смерть бога, протестантские теологи возвестили наступление «христианского, теологического, религиозного атеизма», который довольно широко обсуждается не только в современном протестантизме, но и за его пределами. Заявление протестантских модернистов о возможности существования и развития в рамках религии «христианского», или «теологического атеизма» тоже явилось необычным и шокирующим для христианского мира. Сочетание атеизма с христианством кажется совершенно абсурдным, поскольку это несовместимые понятия. В чем же смысл провозглашенного протестантскими модернистами «христианского атеизма»?

Если не вникать достаточно глубоко в смысл утверждения смерти бога, то может показаться, что провозгласившие его протестантские теологи переходят чуть ли не на атеистические позиции. Но так ли это на самом деле? При более внимательном и тщательном изучении существа этого утверждения оказывается, что признание ими смерти бога имеет в виду признание смерти только традиционного христианского бога, понимаемого как сверхъестественное, потустороннее существо, сотворившее мир и управляющее им, а не бога вообще. Умирает бог, находящийся на небесах, бог – опора смирения и небесного воздаяния. Но является ли отрицание потустороннего бога исторического христианства атеизмом? С позиции традиционного христианства они, безусловно, являются «врагами» церкви, «еретиками», безбожниками-атеистами. Естественно, что теологическая платформа современных протестантских модернистов квалифицируется не только традиционно настроенными христианскими теологами, но и многими верующими как антихристианская, еретическая, «атеистическая». Однако не всякое отрицание бога есть атеизм, тем более атеизм научный. Атеизм – это основанная на научных знаниях система взглядов, последовательно отрицающая сверхъестественное в любой его

форме, отрицающая всякую религию вообще. Позиция протестантских модернистов никак не может быть названа атеистической. Отрицание ими бога традиционного христианства ни в коем случае не означает их антирелигиозной направленности.

Со стороны ортодоксальных христианских теологов верующих часто раздаются упреки и даже ругательства в адрес представителей современного протестантского модернизма за их кощунственную с религиозной точки зрения попытку создать «теологию без бога», создать «безрелигиозное христианство», «религию без бога». Но эти нападки объясняются непониманием как намерений, так и существа теологических концепций протестантских модернистов. Дело в том, что модернисты вовсе не ставили и не ставят перед собой цели создать такую теологию, в которой вообще не было бы никакого бога, хотя некоторые из них, как мы увидим, приходят и к такому выводу. Все парадоксальные и претенциозные заявления протестантских модернистов о «смерти бога», о «теологическом атеизме», о «религии без бога», о «безрелигиозном христианстве», о «теологии мертвого бога» не более чем игра слов. Подлинный интерес протестантских модернистов лежит не в отрицании «сверхъестественного», а в отыскании его нового смысла в современном мире.

Повернувшись лицом к миру и убедившись в том, что бог «отсутствует» в нем, протестантские теологи вынуждены вообще отбросить традиционное понятие потустороннего бога как понятие бессмысленное и ненужное современному человеку. Отвергая традиционное для христианства истолкование «сверхъестественного», они не отвергают его реальности как таковой.

Сознавая, что традиционное понимание «сверхъестественного» устарело и утратило свой смысл и значение для современного человека, протестантские модернисты в своем отчаянном стремлении спасти религию пытаются похоронить христианского бога и дать «сверхъестественному» иную интерпре-

тацию. Суть всех усилий протестантских модернистов сводится к тому, чтобы создать теологию без традиционного христианского бога, поставив на его место нового бога. В этом истинный смысл христианского, теологического «атеизма» протестантских модернистов, существование их так называемых радикальных претензий и в области теологии.

Если в целом охарактеризовать современную протестантскую теологию в ее радикальных формах, то она является чисто богоискательской по своей сущности. Это наиболее яркое и значимое в истории христианской мысли явление, которое представляет сейчас определенное направление в современной протестантской теологии по исследованию проблемы «бога», поискам «бога», а точнее отыскания и определения той реальности, которая обозначается понятием «бог». Найти объективную реальность бога и выразить ее соответствующим языком – в этом состоит главная задача современного богоискательства.

В истории человеческой мысли, как светской, так и теологической уже были попытки описания и определения «бога», но, как правило, это были единичные попытки, обусловленные тем, что власть церкви и рамки догматического мышления ортодоксальных теологов не позволяли свободно исследовать эту проблему. Но несомненно одно, что поиски «бога» всегда были предметом раздумий и теоретических исследований многих мыслителей, как философов, так и теологов на протяжении многих столетий. Современные протестантские теологи являются примером свободного критического исследования всего содержания христианского учения, ранее немислимо в условиях господства ортодоксии.

В принципе богоискательство всегда было неотъемлемым и характерным признаком всей истории либеральной протестантской теологии начиная с эпохи Просвещения. Вся деятельность теологов на протяжении столетий была сосредоточена на поисках так называемого «подлинного» Бога, который мог бы

быть объектом религиозной веры и почитания, такого Бога, который бы соответствовал чаяниям верующего. Для протестантской теологии это всегда было главной задачей в условиях постоянно меняющегося мира.

В настоящее время, когда кризис традиционной христианской религии приобрел всеобщий характер и охватил все сферы религиозной идеологии и практики, протестантские теологи все больше внимания сосредотачивают на богостроительстве в попытках создания принципиально новой религии, новой религиозной веры (без традиционного христианского Бога и богочеловека Христа).

Таким образом, анализируя историю развития либеральной протестантской теологии, можно констатировать, что эти две тенденции – богоискательство и богостроительство всегда сосуществовали вместе.

Современное богословие в лице радикальных протестантских теологов-модернистов это явление, которое ярко демонстрирует ту историческую связь, которая всегда в скрытом виде существовала между христианскими теологами разных эпох, которые занимались богоискательством.

Протестантский теологический модернизм возник не на пустом месте, а на базе уже существующей либеральной традиции в теологии, которая возникла в эпоху просвещения и всегда оказывала и по сей день оказывает огромное влияние на развитие теологии. В данном исследовании будет дан анализ всех тех исторических и философских предпосылок, которые определили радикальный облик современной протестантской теологии.

Протестантский теологический модернизм в целом может рассматриваться как попытка спасти христианскую религию, обновить ее посредством замены устаревшего традиционного христианского бога новым богом и таким образом сделать христианскую религию приемлемой для современного человека и восстановить его доверие к христианству.

В условиях современного глобального кризиса религии, когда неверие принимает угрожающие для церкви размеры и все больше и больше проникает во все сферы человеческой деятельности, вынуждая религию оставлять одну позицию за другой, когда атеистические идеи и идеи научного атеизма приобретают все большую популярность и завоевывают признание у многомиллионных масс людей, «религиозный атеизм» в его различных вариантах выдвигается современными протестантскими модернистами как спасительная альтернатива между христианским теизмом и научным атеизмом.

Видя, что религия в ее традиционной форме находится в отчаянном положении, теологи-модернисты открыто расписываются в своем бессилии чем-либо помочь ей. В этой кризисной ситуации, чтобы как-то противодействовать распространению безбожия, атеизма, чтобы спасти главное и основное в религии – идею бога, некоторые из них готовы публично, во всеуслышание отречься даже от христианства в его традиционной форме. В этом главное отличие методов протестантских модернистов от методов католиков и православных в спасении религии.

Всех христианских теологов различных конфессий в зависимости от их позиции в оценке современного кризиса религии и от их отношения к возможным способам его преодоления можно разделить, по существу, на два больших лагеря. Представители одного стремятся, несмотря ни на что, отстоять и сохранить традиционную христианскую форму веры, представители другого пытаются отыскать какую-то новую форму веры, более соответствующую настоящему времени. Теологи, принадлежащие к первому лагерю, являются сторонниками традиционных устоев в христианстве и именно в неизменности христианской веры усматривают гарантию ее сохранения. Они резко и упорно сопротивляются теологическому модернизму, который, по их мнению, нарушает стабильность как христианства, так и самой христианской

теологии, подрывает основы христианской веры. В их лице современные протестантские модернисты имеют довольно агрессивных оппонентов и критиков. Современные протестантские модернисты, которые относятся ко второму лагерю, считают, что в настоящее время сохранить старую форму религиозной веры просто невозможно. По их мнению, мир изменился настолько, что он стал постхристианским по своей сущности и не может быть примирен с традиционным христианством. Характеристика современного мира как постхристианского, т.е. мира, «забывшего о боге», приводит их к открытому признанию существования непримиримого противоречия между традиционным христианством и современным миром. Они все без исключения убеждены в бесперспективности традиционного христианства, отрицательно относятся к возможности его приспособления к постхристианскому миру и поэтому единственным способом преодоления существующего противоречия считают радикальную трансформацию теологии.

Итак, во времена прогрессирующего отчуждения мира от традиционной религии и явного кризиса религиозной веры выход из создавшегося положения протестантские теологи видят в реконструкции теологического языка, содержания и целей теологии, в модернизации ортодоксального христианства, в переосмыслении способов обоснования христианской веры, ее переориентации и установлении контактов с духовной жизнью современного человека. Трактровка ими кризиса религии как кризиса ее традиционных форм приводит их к необходимости переосмысления философско-теологических основ христианства.

Для современного американского протестантского теологического модернизма характерно стремление осуществлять модернизацию на основе сохранения концептуальных символических форм исторической христианской веры. И лишь немногие крайне радикальные теологи доводят до логи-

ческого развития переосмысление содержания традиционных христианских положений, граничащее с их отрицанием, и пытаются осуществить модернизацию христианства на основе прямого отбрасывания традиционных оснований христианской веры. Сведя проблему кризиса религиозной веры исключительно к проблеме герменевтики, к проблеме теологического метода, теологи, естественно, *оказались перед необходимостью определить язык герменевтики, понятный современному человеку и приемлемый для него*. Эта исходная стратегическая установка теологов предопределила и конкретные тактические приемы по ее реализации, сущность которых сводится, *во-первых, к обязательному использованию различных типов философского языка для реинтерпретации смысла христианской веры и всех традиционных христианских положений, в том числе и идеи бога, и, во-вторых, к пантеистической трактовке идеи Бога, предпринимаемой с целью придать христианству «земную», социальную ориентацию*. В поисках нового языка для описания сути «сверхъестественного» все без исключения протестантские теологи обращаются к различным вариантам философского идеализма. Они надеются спасти христианскую религию оплодотворением ее философскими идеями.

На скрещивание христианской теологии с различными видами идеалистической философии протестантские теологи возлагают большие надежды и видят в нем самое эффективное средство для наукообразной модернизации религии и приспособления ее к стилю мышления современного человека. Ориентация протестантских теологов на различные направления буржуазной идеалистической философии, с одной стороны, предопределяет отличительные специфические особенности возникающих теологических концепций, с другой – обуславливает их большое количество и разнообразие. Теологи вступают в бесконечные споры по поводу того, какую из философских теорий следует использовать при реинтер-

претации христианства. Непосвященному человеку подчас кажется, что они занимают очень разные теологические позиции, хотя на деле различия в их теологических концепциях чаще всего внешние. В основе их лежит один и тот же теологический метод герменевтики, одинаковое понимание задач теологии. Апелляция к различным видам философии с целью использования ее для реинтерпретации сущности христианства и, в частности, теистической доктрины бога – особенность, свойственная современному теологическому модернизму вообще.

Стремление протестантских теологов во что бы то ни стало примирить религию с миром и придать ей определенную социальную ориентацию предопределило характер *своеобразной пантеистической интерпретации сущности бога, интерпретации его как имманентной посюсторонней и в то же время динамичной по своей сути реальности*. Отказ от «потустороннего» бога христианской традиции, поиски теологами посюстороннего бога есть проявление важной исторической тенденции «обмирщения» христианства. Обострившееся противоречие между традиционным христианством и миром, которое лежит в основе современного кризиса религии, заставляет протестантских теологов признать необходимость радикальной переориентации религии «с неба» на землю. С помощью пантеистической интерпретации традиционной доктрины бога они надеются преодолеть недостатки, свойственные ей, и тем самым изменить отношение современного человека к богу и религии. Протестантские модернисты стремятся выработать такое понятие бога, которое соответствовало бы потребностям современного человека, вовлеченного в борьбу за изменение и преобразование мира, которое открыло бы возможность совмещения веры в бога с творческой социально-исторической деятельностью человека, с его научными взглядами на мир.

В настоящее время нельзя не считаться с тем, что масса верующих ста-

новится активной силой антиимпериалистической борьбы и глубоких социальных преобразований, что огромные массы верующих, участвуя в реальной исторической борьбе за мир, демократию и социальный прогресс, постепенно приходят к осознанию того, что все их жизненные проблемы могут быть решены ими самими здесь, в земном, а не в каком-то потустороннем мире. Им уже не импонируют идеи смирения и покорности, которые проповедует традиционное христианство. Это заставляет протестантских теологов отыскивать соответствующие способы приземления религии, осовременивания бога с целью замены прежнего христианского представления о далеком боге новым представлением о боге, близком людям, неотделимом от реальной человеческой жизни с ее конкретными повседневными проблемами. А для того, чтобы быть таковым, бог, по их мнению, должен воплотиться в движении человеческой истории, в различных сферах человеческой деятельности. В поисках бога, близкого человеку и нужного ему, современные теологи устремляют взор не на небеса, а на землю, обращаются к земному миру. Когда в начале 60-х гг. наиболее радикально настроенные протестантские теологи пришли к выводу, что христианство должно искать новую секулярную ориентацию, чтобы не оказаться изолированным от жизни современного человека, они в поисках нового образа бога обратились к человеческой истории, к современной социально-исторической практике.

Сложная, динамичная, полная глубоких противоречий историческая действительность с ее направленностью в будущее находит отражение в толковании современными протестантскими модернистами бога как некоей динамичной, развивающейся реальности. На место традиционного христианского представления о боге как статичном, неизменном, потустороннем, антропоморфном существе – гаранте неизменных социальных порядков, стабильности и постоянства выдвигается новая концепция бога как динамичной сущно-

сти, не противостоящей миру, а определяющей и пронизывающей изнутри все сферы жизнедеятельности человека, развитие общества и природы, олицетворяющей движение в будущее. При помощи такой интерпретации сущности бога протестантские модернисты надеются придать ему социальную значимость. Естественно, что новая протестантская теология, в центре которой оказался такой бог, вместо традиционных принципов повиновения, покорности и терпимости провозгласила христианскими добродетелями активность, чувство социальной ответственности, протест против несправедливых социальных порядков.

Но среди той части современных протестантских теологов, которые признают факт кризиса веры в бога, есть и теологи, считающие затею обновления идеи бога совершенно пустым и безнадежным делом. Тот факт, что в настоящее время огромное число верующих не видят никакого смысла в вере в бога, доказывает, по мнению этих теологов, лишь то, что идея бога должна быть за ненадобностью, как утратившая всякий смысл совершенно отброшена. Представителями такой позиции являются американские протестантские теологи В. Гамильтон и П. Ван-Бурен, пытающиеся утвердить христианство без веры в бога, доказать возможность секулярной веры в Христа на основании секулярной интерпретации Евангелия.

Но несмотря на, казалось бы, диаметрально противоположность этой позиции и позиции теологов, сторонников возрождения религиозной веры на основе реинтерпретации идеи бога, они сходятся на том, что кризис религиозной веры есть кризис понимания христианства. Кризис идеи бога и преодоление его они связывают с переориентацией религиозного сознания, с решением задачи создания секулярной концепции христианской веры, так называемого секулярного христианства. Разница между указанными теологическими позициями заключается в выдвигаемых ими способах решения этой

задачи: одни пытаются решить ее посредством переосмысления идеи бога и создания на этой основе десупранатуралистического христианства, другие посредством решительного отбрасывания идеи бога вообще и создания на этой основе «безбожного», «безрелигиозного» христианства, или христианства без религии. И в том и в другом случае имеется в виду все то же секулярное или социально ориентированное христианство.

В том, что современные американские протестантские теологи на первый план выдвигают герменевтическую проблему как основную, от решения которой зависит судьба христианства, нет ничего принципиально нового.

История христианской религии свидетельствует, что всякий раз, когда возникал конфликт между содержанием вероучительных истин христианства и изменяющейся социально-исторической реальностью, когда религия оказывалась в затруднительном положении, становилась объектом сомнений и критики, когда под вопрос ставилось ее существование, на помощь ей приходила теология. Как только символы христианской веры вступали в резкое противоречие с религиозным сознанием индивида, теология стремилась реинтерпретировать эти символы заново и привести их содержание в соответствие с новой ситуацией, сделать их приемлемыми для человека.

Главная функция теологии оставалась неизменной на протяжении всей ее истории и состояла в защите христианства, в том, чтобы посредством вызванной объективными обстоятельствами трансформации содержания христианских догматов и основных религиозных понятий устанавливать между ними и изменяющимся под воздействием исторической действительности сознанием человека определенное соответствие. Даже христианские канонические тексты представляя собой не единый свод символов христианской веры в их некоем первоизданном виде, а отражают в своем содержании опре-

деленные стадии их теологической интерпретации.

Главная апологетическая задача, суть которой состояла в приспособлении христианства к изменяющейся социально-исторической деятельности, всегда стояла перед теологией и была по природе своей герменевтической, т. е. сводилась к интерпретации и объяснению священного писания или, другими словами, переводу «слова божьего» на человеческий язык, понятный современникам.

Теологи всегда отлично понимали, что христианство для выражения своих положений должно использовать язык той культурно-исторической среды, в которой оно существует. Всякая теология есть прежде всего экзегетика, т. е. не только простое пояснение содержания «священных текстов», но всегда также и их истолкование, которое детерминировано контекстом наличной культурно-исторической ситуации и средствами, предоставляемыми ею и наиболее ярко выраженными в философии данной эпохи. Всякое истолкование священных текстов с необходимостью вело к концептуализации их содержания в терминах и понятиях соответствующей современной философии.

Но даже тогда, когда жизнь заставляет богословов реинтерпретировать фундаментальные теологические понятия по мере изменения и культурно-исторической ситуации, они не могли не осознавать опасности, которой чревата интерпретация содержания положений христианской веры как для самой теологии, так и для христианской религии. Переход за границы допустимости реинтерпретации христианских понятий грозит разрушением их религиозного смысла, отрывом модернистской теологии от христианской традиции вообще, утратой ею своего специфического предмета и перерождением в одну из разновидностей чисто светских теоретических дисциплин философского толка.

Теологи, стремящиеся к тому, чтобы найти точку соприкосновения с современной теоретической мыслью, неиз-

бежно вынуждены обращаться к помощи различных значимых для данной эпохи философских теорий. Чтобы выразить сущность христианской веры на языке, понятном современникам, они должны пользоваться языком философских теорий, даже если эти теории по своему содержанию и направлению чужды христианству. Хотя мотивы обращения теологов к методу герменевтики всегда являются чисто апологетическими – приспособить христианство к миру, сделать его понятным и значимым для современной эпохи, *но использование его, вне всякого сомнения, таит в себе много различного рода опасностей для самой теологии. Во-первых, обращение к различным вариантам светской философии и использование их для реинтерпретации сущности христианской веры могут легко привести к выхолащиванию сути христианского учения, к тому, что в нем будет делаться акцент преимущественно на те его стороны и моменты, которые чем-то напоминают используемую для реинтерпретации философию. Во-вторых, в ходе реинтерпретации совершенно незаметно для самого интерпретатора в теологию могут быть привнесены идеи, чуждые христианству, но схожие по терминологии с традиционно христианскими. В-третьих, такое сращение христианской веры с философскими теориями грозит поглощением теологии философией, подменой христианской веры теоретическими рассуждениями о ней и превращением ее в разновидность гуманистического безрелигиозного учения.*

Поэтому ортодоксальные теологи всегда стояли на страже границ допустимой интерпретации и в охране неприкосновенности традиционного смысла положений христианства видели залог их крепости, устойчивости и непререкаемого авторитета.

В этой сформулированной Тиллихом основной проблеме, стоящей сейчас перед христианской теологией, по существу, выражено сомнение в возможности какого бы то ни было приспособления христианской религии к совре-

менному миру, христианской теологии, к сознанию современной эпохи. Следует заметить, что ни один из теологов никогда открыто не высказывал его, а, напротив, стремился убедить себя и других в возможности решения этой апологетической задачи. Это и понятно, ведь признать обратное – значит распяться в собственном бессилии, отказаться от попыток помочь терпящему крах христианству, признать неизбежность его гибели.

В другом высказывании, определяя основные требования к теологической системе и давая общую оценку того, как эти требования в действительности выполняются христианской теологией, Тиллих вынужден был констатировать, что *никогда еще не существовало и в настоящее время не существует ни одной теологической системы, которая смогла бы выполнить условия, определяющие ее жизненный статус в обществе и ее будущее.*

Современные протестантские теологи осознают, что в настоящее время в условиях кризиса христианской религии у них нет другого выхода, кроме попытки спасти ее посредством приспособления к современному миру. Единственный шанс заключается в реинтерпретации содержания христианской веры, в создании совершенно новой секулярной версии христианства, которая была бы приемлема для современного человека.

Если современные протестантские теологи вынуждены с огромным риском для себя и самой христианской религии идти на существенную ее модернизацию, то это является еще одним веским доказательством того глубочайшего кризиса, в котором находится сейчас христианство, свидетелем безысходности той ситуации, в которой оно оказалось.

Среди американских протестантских теологов, которые настроены весьма радикально и готовы пойти на самые решительные изменения в христианской религии ради ее спасения, не существует единого мнения о том, каков должен быть язык для обозначения

и описания сущности бога, какой язык является наиболее приемлемым для современного человека, какова должна быть по форме и по содержанию новая теология, способная преодолеть образовавшуюся в настоящее время брешь между религией и миром. Всех протестантских модернистов объединяет общее стремление дать сверхъестественному посюстороннюю, или имманентную интерпретацию, найти бога внутри мира. Но их мнения относительно того, где среди мирского искать бога, расходятся. Одни склоняются к тому, что бога следует искать в различных областях человеческого мира, другие – в космосе, который органически включает в себя и человека, и общество, и природу. Эти различные подходы к пониманию местонахождения бога в мире, посюсторонности бога предопределили и разные подходы к имманентной пантеистической интерпретации сущности бога и появлению различных как по содержанию, так и по смыслу концепций бога и соответствующих им теологических теорий.

Склонность современных протестантских теологов к радикальному имманентизму в интерпретации сущности Бога является главным и отличительным признаком сегодняшнего дня.

Среди всего многообразия мнений, распространенных в современном протестантизме, отчетливо вырисовываются две тенденции, которые выражают наиболее характерные направления поисков радикально настроенными протестантскими теологами выходов из настоящего кризиса христианской религии и создания новой теологии, нового религиозного видения мира, новой концепции бога.

Теологи, которые пытаются искать бога в сфере человеческих отношений, в различных проявлениях человеческой деятельности и стремятся дать сверхъестественному социально-этическую интерпретацию и, по существу, антропологизируют идею бога, выражают весьма характерную для современного теологического модернизма тенденцию, которую можно назвать

тенденцией антропологического имманентизма. Те же теологи, которые исходят из отождествления бога с космосом вообще и идут по пути натуралистической интерпретации сверхъестественного, онтологизируя идею бога, выражают другую, тоже очень характерную для настоящего времени тенденцию протестантского теологического модернизма, которую можно назвать *тенденцией онтологического имманентизма.* Эти наиболее характерные для современного протестантского теологического модернизма тенденции, характеризующие различие в подходах теологов к пантеизации христианства в целях его заземления, типичны для современного протестантского теологического модернизма вообще.

И антропологический, и онтологический имманентизм представляют из себя разновидности известного натуралистического пантеизма, который исходил из абсолютного отождествления бога и мира. Отличие их друг от друга, равно как и от классического варианта пантеизма, заключается в том, что антропологический имманентизм является разновидностью своеобразного редуцированного пантеизма, когда бог отождествляется не со всем миром, а лишь с весьма специфической частью человеческого мира – сферой человеческих отношений или с какой-либо формой человеческой деятельности, в то время как онтологический имманентизм является собой пример космического пантеизма, который исходит из отождествления бога с космосом, со вселенной, а не только с наличной земной действительностью, в которой обитает человек. Эти особенности двух тенденций накладывают определенный отпечаток на своеобразии теологических концепций бога, которые возникают в их рамках. Для теологических концепций, развивающихся в русле антропологического имманентизма, характерна *антропоцентричность*, ибо в центре их оказывается фигура Христа. Теологическим концепциям, которые возникают на почве онтологического имманентизма, свойствен *теоцентризм*, хотя и носящий

специфический натуралистический характер и существенным образом отличающийся от традиционного христианского теоцентризма.

Создание новой секулярной христианской теологии на основе антропологически-пантеистической интерпретации христианства осуществляет довольно большая группа теологов: Г. Ваханян, Г. Кокс, К. Вильямс, Т. Альтицер, В. Гамильтон, П. Ван-Бурен, Л. Гилки, С. Киин. Их идеи, получившие большую известность и огромный резонанс в теологических кругах, оказывают значительное влияние на современную христианскую теологию, переживающую вместе со всем религиозным миром кризис. На Европейском континенте они имеют аналог в теологических концепциях Д. Зелле, Г. Брауна, Ю. Мольмена, Метцгера в ФРГ и Д. Робинсона, Г. Смита в Англии. Новую секулярно ориентированную христианскую теологию на основе онтологически-пантеистической интерпретации христианства представляют работы значительной группы американских теологов, таких как П. Тиллих, Д. Кобб, Ш. Огден, Д. Гриффин, Д. Вильямс, Б. Лумер, Б. Меланд, М. Кауфман, К. Котен, Р. Джеймс. В Англии эта тенденция получила свое развитие у Н. Питгингера и П. Гамильтона.

Эти две тенденции в современном протестантизме проявляются очень разнообразно, во многом отличаясь друг от друга как по содержанию концепций, так и по форме их выражения. Но весьма существенно, что в то же время им присущи общие черты, которые позволяют причислять их все к новому современному этапу в развитии протестантской теологии – этапу секулярной теологии.

Все без исключения протестантские модернисты представляют свои теологические концепции как якобы способные осуществить поистине революционный переворот в теологическом мышлении, а герменевтический метод пантеистической интерпретации содержания христианства они объявляют самым надежным и эффектив-

ным средством осуществления новой реформации в протестантизме. Но является ли в действительности современный протестантский теологический модернизм новым и уникальным явлением и не повторяет ли он пройденные этапы христианской теологии, не воскрешает ли он забытые и погребенные временем идеи? Каковы его исторические идейно-теоретические корни? Может ли религия преодолеть существующий в настоящее время кризис на основе приспособления к современному миру? Можно ли спасти христианскую религию с помощью ее модернизации? И, наконец, какова судьба и будущее самой теологии?

Литература

1. Altizer Thomas J. The Gospel of Christian Atheism. London, 1966. P. 136.
2. Gilkey Langdon. Is God Dead? The voice: Bulletin of croser Theological Seminary. 1965. January. P. 7.

RADICAL PROTESTANT THEOLOGICAL MODERNISM: “THEOLOGY OF THE DEATH OF GOD” AND “IRRELIGIOUS CHRISTIANITY”

Dobrenkov V.I.

Lomonosov Moscow State University

The recognition of the crisis of the Christian religion, the fixation of the progressive process of the decline of faith in God have put Protestant theologians in front of the problem of finding a way out of this situation, determining the prospects of the Christian religion in the modern world. Before outlining any ways out of the current crisis of the Christian religion, before offering any specific recipes for its treatment, it is necessary to diagnose the disease, determine what the essence of this disease is. But the logic of theologians, in principle, excludes the idea that the causes of the crisis of religion should be sought in real socio-historical reality, that with a real crisis of faith in God, Christianity as such comes to an end, that the problematic nature of faith in God is an expression of the general historical trend of the Christian religion dying out. And it is this typically theological attitude that the causes of the crisis of faith should be sought in religious consciousness, their conviction in the eternity of the existence of religion necessarily predetermine the nature of the recipes they of-

fer for the salvation of the Christian religion. It is incredible for theologians to imagine that the entire long history of the Christian religion with its belief in God was based on belief in something unreal, so they do not and cannot associate the cause of the crisis of faith in God with the recognition of the unreality of God.

Keywords: radical Protestant theological modernism, decline of faith, death of God, neo-

Orthodox theology, reorientation of religion, secular theology.

References

1. Altizer Thomas J. The Gospel of Christian Atheism. London, 1966. P. 136.
2. Gilkey Langdon. Is God Dead? The voice: Bulletin of croser Theological Seminary. 1965. January. P. 7.

Истина и ложь с точки зрения семиотики: креативная функция знака

Кашеев Сергей Иванович,

кандидат философских наук, кафедра философии,
Саратовская государственная юридическая
академия
E-mail: Skash1766@mail.ru

Гусева Светлана Владиславовна,

кандидат философских наук, кафедра философии,
Саратовская государственная юридическая
академия
E-mail: gusevasvetlana19@mail.ru

Когнитивная семиотика – достаточно новый раздел гуманитарного знания, наиболее полно воплощающий в себе синтез логико-философских и лингвистических методов, использование которых позволяет достичь более глубокого понимания «вечных» философских вопросов, в первую очередь – вопроса об истине. При этом следует отметить, что в отечественной семиотической традиции преобладает влияние Пирса и Морриса, что обуславливает некий перекос в сторону логической составляющей в ущерб лингвистическому аспекту. Между тем, именно в лингвистике сущность знака, на наш взгляд, была определена с максимальной строгостью. Категория знака оказывается способной раскрыть проблемы истины и лжи с совершенно иной точки зрения, нежели традиционные подходы. Знак обладает способностью творить реальность сам по себе, независимо от его истинности или ложности. Эти и некоторые связанные с этими проблемы и являются предметом рассмотрения настоящей статьи.

Ключевые слова: знак, истина, когнитивная семиотика, социальная реальность.

Традиционная семиотика не обращается к проблеме истины. Три ее составные части, согласно Моррису, – семантика, синтаксис и прагматика – рассматривают, соответственно, отношения между знаком и обозначаемым, между знаками, между знаком и человеком. Однако в 60е годы XX в. немецкий философ Г. Клаус предложил ввести четвертую составляющую – сигматику, которая должна заниматься анализом отношений между знаком и объектом.

Появление данного раздела свидетельствует о стремлении науки о знаках выйти за собственные рамки. Дело в том, что в семантике невозможно найти ответа на очень важный вопрос – с каким именно обозначаемым соотносится знак? Должен ли он относиться к предмету, отражаемому в мышлении, или к образу этого предмета. Иными словами, имеет ли знак дело с действительностью или только с ее отражением? (Мы используем здесь термин «отражение» из-за его общеупотребительности, ниже будут показаны некоторые проблемы, связанные с концепцией отражения). Добавление сигматики снимает этот вопрос, поскольку уделом семантики становятся только отношения между знаком и отражением предмета. Однако взамен семиотика в целом получила иную, уже чисто философскую проблему – проблему истины.

Это дополнение не получило повсеместного признания, тем не менее, значительная часть исследователей, занимающихся семиотическими проблемами, согласилась с такой постановкой вопроса. С этого момента семиотика вплотную приблизилась к гносеологии.

Традиционная семиотика, проистекающая из двух начал – лингвистики де Соссюра и логико-семантического анализа Пирса и Морриса – принципиально не ставила вопрос об истине в гносеологическом смысле. В лингви-

стике в принципе не рассматривается вопрос о существовании или несуществовании обозначаемого. Лингвистическому (фонетическому, грамматическому и пр.) анализу может быть подвергнут любой текст: научная статья, газетный репортаж, фантастический роман или волшебная сказка – все может стать предметом исследования.

В логике же проблема истины рассматривается только как один из аспектов формальной структуры высказывания – не фактическая истинность, а лишь условия, при которых то или иное высказывание может быть истинным (в качестве примера можно привести имплицативное суждение: импликация ложна только при истинности антецедента и ложности консеквента, во всех остальных случаях она истинна). Именно такой подход в итоге приводит к появлению конвенциональных теорий истины – высказывание является истинным, если оно не противоречит другим высказываниям, чья истинность уже доказана или принята по умолчанию. Таким образом, истина рассматривается не с точки зрения соотносительности высказывания и действительности, а с точки зрения согласования высказываний между собой.

Однако, как известно, помимо конвенционализма, существует и корреспондентская (классическая) теория истины, которая традиционно противопоставляется конвенциональным концепциям именно по отношению к действительности. Как указывает Э. Тайсина, в отечественной традиции, по вполне понятным причинам идеологического характера, именно корреспондентская концепция в форме марксистской теории отражения, являлась господствующей на протяжении долгого времени.[см.: 6] Тем неожиданнее оказываются некоторые результаты, получаемые при подробном рассмотрении корреспондентской теории с точки зрения семиотики.

Повсеместно принятыми являются следующие формулировки корреспондентской теории: истина есть совпадение мысли с предметом мысли, истина есть соответствие знания об окружаю-

щей действительности самой действительности и т.п. Все они традиционно возводятся к Аристотелю, которого и считают автором первой материалистической теории истины. Однако в самих понятиях «совпадение» и «соответствие» заложено зерно сомнения в материализме Стагирита в этом вопросе.

В обыденном сознании совпадение понимается как возможность совмещения, наложения двух или более объектов друг на друга. Две геометрические фигуры, например, треугольники, могут быть совмещены, если длины их сторон равны, – это и есть совпадение в повседневной жизни. Зачастую такое обыденное представление переносится и на философское понимание – совпадение означает возможность совмещения мысли и ее предмета. Но идеальная мысль не может быть *совмещена* с материальным предметом, поскольку совмещение – занятие места в пространстве. Значит, следует признать, что совпадение должно иметь какой-либо другой смысл. И здесь на помощь приходит семиотика.

Со-впадение этимологически восходит к «впадина», соответственно, в самом этом понятии кроется указание на существование некой формы, в которую могут «улиться» и предмет, и мысль о предмете. В языке оригинала этимология слова совпадение почти в точности повторяет русский вариант. По-гречески «совпадение» – συμπτωση, от πτωση – падение, провал. Греческий вариант добавляет пищи для размышлений, поскольку в нем отчетливо видна связь с συμπτωσις – знак, признак. Не случайно на заре становления семиотики наряду с этим, общепринятым сейчас названием, предлагалось и другое – симптомология. В древнегреческом языке, таким образом, впервые фиксируется роль знака в процессе поиска истины – фиксируется не в философских трактатах, а в самой языковой структуре.

Еще один любопытный момент связан с греческим переводом слова «впадина» – κουχη. По правилам древнегреческого языка, υ перед γ , κ , χ и ξ

дает звук [н], т.е. слово произносится как [конхэ]. Однако трудно избавиться от соблазна увидеть в начальном коу этимологический исток латинского *coq-ito*, тем более, что в русском языке есть исторический пример абсолютно аналогичной фонетической ошибки. Греческое слово *αγγελος* [ангелос] вошло в православную церковную традицию в обоих транскрипционных вариантах, правильном и ошибочном, правда, подчиняясь интуитивному представлению о роли фонемы как минимальной смысловоразличительной единицы языка, одно и то же греческое слово получило противоположные значения: ангел – вестник Бога, аггел – посланник сатаны.

Форма, о которой шла речь выше, материальной, как было показано, быть не может, следовательно, она должна быть идеальной. А идеальная форма – не что иное, как платоновский эйдос. Истина как поиск совпадения мысли с ее предметом оказывается истиной как постижением идей – и здесь стирается грань между аристотелевской и платоновской концепциями истины. Ни о каком материализме речь, очевидно, идти уже не может.

Не менее интересным оказывается рассмотрение второго понятия, связывающего знание о предмете с самим предметом – соответствие. Соответствовать – значит, давать совместный ответ. Но тут же возникает проблема – кто тот вопрошающий, на вопрос которого предмет и мысль должны ответить? И кто должен решать, одинаковы ли эти ответы? Очевидно, что таким вопрошающим не в состоянии быть познающий человек, ибо заинтересованная сторона не может выступать арбитром в споре. Не случайно часто используемая – от классиков марксизма до Хайдеггера – в теории отражения средневековая формула «истина – приравнивание вещи к интеллекту» является усеченной версией, которая в оригинале звучала как «*adaequatio rei ad intellectum divinum*» – приравнивание к интеллекту творца. Разумеется, ни о каком материализме в этом случае речи идти также не может.

Вновь обращаясь к языку оригинала, получаем следующие результаты. В своих работах Аристотель использует несколько различных слов, которые на русский язык переводятся одинаково – соответствие. Так, «Риторика» начинается со слов «*ἡ ρητορικὴ ἐστὶν ἀντιτροφὸς τῇ διαλεκτικῇ*» [1; 1354a] – «Риторика соответствует диалектике». В данном случае Стагирит использует слово *ἀντιτροφός*, заимствованное из древнегреческого театра. В классической греческой трагедии хор произносил стихотворный текст, двигаясь от одного края сцены к другому. Доходя до края, он совершал поворот – *στροφῆ*, – после чего двигался в обратном направлении, произнося вторую часть текста – *ἀντιστροφῆ*, которая полностью повторяла строфу в ритмическом, но отнюдь не в содержательном плане. Слово *ἀντιτροφός* прочно вошло в разговорный язык того времени именно в значении «соответствие», и продолжает использоваться до сих пор. Логично было бы предположить, что и в рассуждениях об истине Аристотель воспользуется им же. Однако в этом случае философ предпочитает употреблять иное понятие – *ὁμοιοῦτος*, единосущный, хотя с точки зрения теории отражения (копирования) именно *ἀντιτροφός* наилучшим образом соответствует этой концепции, поскольку показывает, что мысль о предмете и сам предмет являются подобными (повторение ритма), но все же различными (отличие содержания). Употребление же *ὁμοιοῦτος* показывает, что предмет и мысль о нем возводятся к единой сущности, они соответствуют друг другу, но это такое соответствие, о котором можно сказать словами Ж. Делеза: «У них должно быть соответствие, но оно не должно исходить от них. Соответствие должно прийти извне».[4;10–11] В целом же получаем результат, аналогичный анализу понятия «совпадение», и это еще раз убеждает нас в том, что материализм аристотелевской концепции истины, мягко говоря, сильно преувеличен. Корреспондентская теория истины нуждается

в наличии некой «третьей силы», высшего арбитра, способного оценить *соответствие* или *со-впадение*.

Конвенционализм в такой силе не нуждается, но он ничего не говорит о реальном положении вещей, ограничивая область определения истины только человеческим мышлением. Все эти и им подобные трудности, видимо, и побудили Г. Фреге высказать мысль о том, что категория истины является в высшей степени неопределенной.

Для преодоления хотя бы некоторых трудностей, связанных с семиотическим пониманием истины, может оказаться полезным обращение к категории, противоположной истине – категории лжи.

В работе ученика Фердинанда де Соссюра, французского лингвиста Шарля Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка» встречается любопытный фрагмент, затрагивающий не только лингвистическую, но и очень серьезную философскую проблему:

«... нужно стараться не смешивать *собственную мысль* и *сообщенную мысль*. Это различие имеет очень большое значение; оно объясняется характером и функцией самого языкового знака. Так, говорящий может высказать мысль, которую выдает за свою, но которая отнюдь не является его собственной... Здесь наиболее характерной формой является ложь. Свидетель говорит на суде: “Этот человек виновен”, прекрасно зная, что он невиновен. Этот факт свойственен не только речевой деятельности, но и любой системе знаков: путевой сторож включил сигнал – “Путь свободен”, хотя знает, что путь занят и что в результате последует крушение... Это приводит нас к особому пониманию действительности в вопросе семиологии: знак в самом себе несет свое значение (свое означаемое), и только оно существенно для коммуникации. Оно может находиться в противоречии с мыслью того, кто употребляет знак, и, следовательно, не покрывает понятия действительности. Помимо речевой деятельности, в этом заключает-

ся и смысл литературного и поэтического вымысла; можно сказать, что любое похождение Дон Кихота – это выдумка Сервантеса». [2; 45–46]

К сожалению, Балли, мимоходом обозначив проблему, не дал развития этой мысли. Между тем, двигаясь в указанном направлении, можно прийти к любопытным выводам.

Первый момент, который обращает на себя внимание – разграничение двух реальностей – «объективной действительности» и «семиотической действительности». Впрочем, несколько ниже Балли сам дезавуирует свою мысль:

«...действительность может быть не только объективной, но и мысленной, воображаемой. Она бывает объективной, когда я говорю, например, о моем друге, о Наполеоне 1 или о прогулке, которую я совершил сегодня утром, о французской революции; она мысленна, субъективна, когда я думаю о Дон Кихоте, об Эрнани или о скупости Гаргантюа, о смерти Изольды. Впрочем, различие между этими двумя видами действительности весьма неустойчиво (ср. понятие бога или чудес Иисуса Христа для верующего и неверующего); оно не имеет значения ни для формальной логики, ни для грамматики». [2; 88–89]¹

На самом ли деле различие между этими двумя видами действительности не имеет значения? Не касаясь вопросов формальной логики и грамматики, можно с уверенностью сказать, что для философского анализа это различие первостепенно, причем проводится оно должно сразу по нескольким линиям. Дело в том, что Балли смешивает абсолютно разнородные понятия, опираясь лишь на то, что они вызываются к жизни одним и тем же обстоятельством. В биологии такое явление носит название конвергенции – особи различных видов приобретают сходные черты под воздействием одинаковых условий. Балли, указывая на механизм действия – сообщение, не соответствующее действительности, – упускает из вида аспекты различения резуль-

¹ Там же, с. 88–89

татов. Эти различия мы и попытаемся вычленить.

1. Балли отождествляет мысленную и субъективную реальность, для него это – практически тождественные понятия, что доказывается употреблением грамматической формы перечисления. Но можно ли их отождествлять, или, иначе говоря, всегда ли мысленная и субъективная реальность совпадают? Даже из приведенных примеров следует, что это не так, мысленная реальность, созданная прочтением Дон Кихота, лишь в малой мере является субъективной, ровно настолько, насколько читателем будут привнесены коннотативные элементы. Для того, чтобы убедиться в невозможности такого отождествления, следует тщательнее разобрать этот и другие примеры, приводимые в этом же фрагменте. При внимательном прочтении оказывается возможным выделить несколько принципиально различных типов формирования «семиотической реальности». В случаях, традиционно рассматриваемых семиотикой, анализу подвергается способ, каким знак передает свой смысл и/или значение адресату. При этом молчаливо подразумевается, что в паре «означающее – означающее» присутствуют оба члена и вопрос заключается лишь в способе формирования при помощи знаков определенных «психических сущностей». Балли едва ли не первым затрагивает вопрос о том, что возможно формирование иных реальностей, в которых знак не совпадает с означающим, поскольку это последнее попросту отсутствует. К сожалению, он не идет дальше простой констатации, смешивая, к тому же, как уже было сказано, различные типы такого формирования. С другой стороны, в статье «Нулевой знак» Балли дает определение обратной ситуации – отсутствие знака обладает собственным значением. Вот как об этом пишет Р. Якобсон: «Согласно основному положению Ф. де Соссюра, язык довольствуется противопоставлением наличия признака его отсутствию... Нулевое окончание (или нулевая ступень), про-

тивопоставленное наличию некоторой фонемы в грамматических чередованиях... в точности соответствует определению Ш. Балли: “знак, имеющий определенную значимость, но не воплощенный в реальных звуках”. Язык довольствуется противопоставлением наличия некоторого признака его отсутствию не только в плане означающих, но также и в плане означаемых».[7; 222–223] Балли говорил о воплощенности знака в звуке, но это лишь следствие влияния де Соссюра, считавшего, вслед за младограмматиками, фонему единственным смысловозначительным элементом. Помимо звуков, знак (далее следует совершенно фантастическое перечисление, без которого, тем не менее, нельзя обойтись) может быть *не* воплощен в жесте, букве, рисунке, словом, он может вообще не иметь материального воплощения. И при этом он остается знаком, имеющим определенное означаемое, но не имеющим себя самого.

2. Пример с Дон Кихотом, как и с любым другим литературным произведением, можно отнести к первому типу – и адресату, и адресанту известно, что символическая реальность, созданная автором, является вымыслом. Это – наиболее простой случай, когда невозможно отождествление объективного и символического мира, между ними существует строго очерченная грань. Хотя и здесь присутствует влияние символической вселенной на реальную жизнь, и именно у Сервантеса это особенно ярко подчеркивается – Дон Кихот совершает все свои «подвиги» под влиянием рыцарских романов, т.е. под воздействием определенного рода текста, не имеющего реального означаемого. Дон Кихот, таким образом, становится «знаком в квадрате», символом, вызванным к жизни другими символами. (Возможно, именно поэтому Балли из всех литературных персонажей выбирает именно его). Тем не менее, для подавляющего большинства адресатов любого литературного текста граница между вымыслом и реальностью очевидна.

Исходным и конечным пунктом такого рода текстов является признание нереальности создаваемого символического мира.

3. Совершенно иной характер имеет пример с лжесвидетельством. Не касаясь даже причин, заставляющих свидетеля говорить «этот человек виновен», прекрасно зная, что он невиновен, можно отметить, что здесь символический мир вторгается в мир реальный со всей полнотой власти символа. Если мы, вслед за Бергером и Лукманом, остановимся на определении реальности как качества, присущего «...феноменам иметь бытие, независимое от нашей воли и желания».[3;11] мы должны будем признать, что лжесвидетельство вызывает к жизни самую что ни на есть доподлинную реальность, поскольку правовые, экономические и прочие последствия для осужденного по лжесвидетельству ничем не будут отличаться от таких же последствий для истинно виновного человека. То есть, в данном конкретном случае не имеет ни малейшего значения, есть ли у знака реальное («объективное») содержание, соответствует ли он какому-либо означаемому, или нет, в обоих случаях у судьи, выносящего приговор, формируется абсолютно идентичная картина, т.е. его «субъективная реальность», которая, в силу данных ему полномочий, формирует уже целиком и полностью объективную, без кавычек, реальность для осужденного.

Данный пример может показаться несколько осложненным присутствием «третьей инстанции», т.е. субъекта, наделенного властными полномочиями и стоящего между знаком и формируемой этим знаком действительностью. Однако в следующем примере – с путевым сторожем – Балли ясно показывает, что такого рода «медиатор» между двумя реальностями вовсе не обязательно должен быть носителем подобных полномочий, достаточно лишь, чтобы он мог заменить одно значение знака на другое. И если в первом примере мы имеем дело с правовыми, политическими, экономическими и про-

чими последствиями, касающимися формирования социальной реальности, то во втором власть ложного знака распространяется уже непосредственно на жизнь человека, на его физическое бытие.

4. Приведенными у Балли примерами анализ «ложного сообщения», разумеется, не исчерпывается. В первом случае мы имели дело с ситуацией, в которой оба участника коммуникации знают о том, что содержание сообщения не имеет реально существующего означаемого. Во втором – один из участников (адресант) знает об этом, что не мешает формированию субъективной символической реальности у адресата (лжесвидетель – судья, путевой сторож – машинист поезда), которая затем «воплощается», т.е. находит свое выражение уже во вполне реальных последствиях. Следуя этому принципу, следующим шагом должно стать рассмотрение ситуации, в которой и адресант, и адресат убеждены в истинности своего «символического мира», точнее говоря, адресант убежден в этой истинности и транслирует свою убежденность адресату. Речь идет о так называемом «добросовестном заблуждении». Этот случай более сложен для анализа, нежели первые два, поскольку речь идет о трансляции знаковой системы, не имеющей реального означаемого, однако для обоих участников коммуникации нет никаких сомнений в этой реальности. Подобную трансляцию можно охарактеризовать как основной способ мифологического сознания.

Все вышесказанное позволяет по-новому взглянуть на роль семиотики в системе философских наук и на роль знака в бытии человека. Традиционное, восходящее к Пирсу определение знака (знак – это нечто, способное заменить собой другое нечто) уже не работает. Знаком оказывается и *нечто, способное заменить собой ничто*, (нулевое по Аристотелю, или, более употребительно в последнее время, – пустое понятие), и *ничто, способное заменить собой нечто* (нулевой знак), и, наконец, *ничто, способное сформировать другое*

ничто (ложный знак). Атман-Брахман, Великое Нечто и Великое Ничто – эта исходная категория ведической философии, получает свое новое звучание в понятии знака, и это вырывает семиотику из разряда частных наук и властно переводит ее в самую сердцевину философии.

Литература

1. Аристотель. Риторика.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995,
4. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
5. Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб., 2000
6. Тайсина Э.А. Философские вопросы семиотики. Казань, 2002.
7. Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985

TRUTH AND LIES FROM THE POINT OF VIEW OF SEMIOTICS: THE CREATIVE FUNCTION OF THE SIGN

Kashcheev S.I., Guseva S.V.
Saratov State Law Academy

Cognitive semiotics is a fairly new branch of humanitarian knowledge, which most fully embod-

ies the synthesis of logical-philosophical and linguistic methods, the use of which makes it possible to achieve a deeper understanding of “eternal” philosophical questions, primarily the question of truth. At the same time, it should be noted that the influence of Pierce and Morris prevails in the domestic semiotic tradition, which causes a certain bias towards the logical component to the detriment of the linguistic aspect. Meanwhile, it is in linguistics that the essence of the sign, in our opinion, has been defined with maximum rigor. The category of the sign turns out to be able to reveal the problems of truth and falsehood from a completely different point of view than traditional approaches. The sign has the ability to create reality by itself, regardless of its truth or falsity. These and some related problems are the subject of this article.

Keywords: sign, truth, cognitive semiotics, social reality.

References

1. Aristotle. Rhetoric.
2. Bally Sh. General Linguistics and questions of the French language. Moscow, 1955
3. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. M., 1995,
4. Deleuze J. Distinction and repetition. St. Petersburg, 1998.
5. Pierce Ch. The beginnings of pragmatism. St. Petersburg, 2000
6. Taisina E.A. Philosophical questions of semiotics. Kazan, 2002.
7. Jakobson R. Selected works. M., 1985

Проблема смысла жизни в современных произведениях кино, мультипликации и литературы

Лапатын Владимир Викторович,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений»,
Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: lapatin.vladimir@mail.ru

Шарипова Виоланта Венеровна,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений»,
Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: violanta.sh@gmail.com

Кузнецов Михаил Павлович,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений»,
Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: veles1144@mail.ru

Суендигов Ильдар Анурович,

студент, кафедра «Бурение нефтяных и газовых скважин», Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: suendikov00@gmail.com

Аликов Кирилл Арсеньевич,

студент, кафедра «Бурение нефтяных и газовых скважин», Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: sicparvismagna512@gmail.com

торами за счет метафоричности высказываний и глубины предлагаемых к рассуждению мыслей. Поставлены вопросы к дальнейшему рассуждению и анализу проблемы.

Ключевые слова: смысл жизни, философия, кинематограф, мультипликация, литература, Автостопом по галактике, Теорема Зеро, Смешарики.

В данной работе были рассмотрены различные подходы к анализу и обсуждению проблемы «Смысла жизни», описаны предпосылки ее появления и перспективы решения в будущем. Авторами была детально исследована суть данной проблемы, проанализировано видение смысла жизни различных людей в зависимости от класса и условий жизни конкретного человека, а также их потенциальная способность к рефлексии. Проведен анализ фактов появления следствий данной проблемы в современной культуре, в частности, в литературе, произведениях кино и мультипликации. Обнаружен существенный вклад отдельных сцен в современных произведениях кино и литературы в обсуждение проблемы, достигаемый ав-

Понятие «смысл жизни» является, наверное, одним из коренных понятий философии в принципе. Со времен возникновения философии человечество волновало осознание своей ценности как человека и как личности, за тысячелетия были сформированы сотни различных школ и трактовок, по-разному понимающих данный вопрос. Однако к однозначному ответу, разумеется, никто не пришел.

Смысл жизни является понятием, на котором базируется каждое действие того или иного человека. Даже если индивид редко задумывается о смысле своего существования в глобальном масштабе, то перед ним каждый день встают различные цели, возникает желание и стойкая потребность выполнить то или иное действие для достижения какого-либо результата. Даже человек, страдающий алкозависимостью, от которого отвернулся весь мир, находит свой смысл жизни на «дне бутылки», а семиклассник, пришедший домой со школы, видит смысл своей жизни в безмерном погружении в компьютерные игры. При этом на протяжении жизни ее смысл для человека может множество раз измениться, может остаться прежним, а может никогда и не сформироваться.

Философы выделяют два различных, но при этом взаимодополняющих направления в понимании смысла жизни – с точки зрения отдельно взятой личности и с точки зрения всего человечества. В первом понимании смысл жизни – это элемент уникальной внутренней духовной жизни индивида, то, что формулирует для себя он сам независимо от господствующих систем общественных ценностей. С этой позиции невозможно говорить о каком-либо едином для всех людей смысле жизни – каждый формирует свое собственное суждение о картине мира, основанное на духовных ценностях и личностных качествах отдельно взятого человека, и ищет путь к нахождению смысла жизни самостоятельно. [2]

Смысл жизни для общества включает в себя смысл жизни каждого отдель-

ного человека, он как бы складывается из миллиардов человеческих судеб в нечто, присущее для всего человечества. В таком понимании смыслом для всего человечества является развитие, продолжение рода, в котором человек усматривает некое подобие бессмертия. Несмотря на то, что за всю историю своего существования человек, как и другие живые организмы, движется на пути к развитию, самосовершенствованию, целесообразность такого сценария находится под сомнением. До сих пор неизвестно – для чего человечество развивается, для чего оставляет потомство поколение за поколением. Человек, внося свой вклад в понимание смысла жизни, но до конца не ответив на этот вопрос, оставляет дальнейшие размышления для следующего поколения, надеясь что оно, а вместе с ним и частичка его самого, наконец сможет с гордостью заявить, что смысл жизни найден.

Однако многие философы убеждены, что не каждый человек владеет способностью к осознанию себя как личности, причем уровень этой способности может также варьироваться. Чем более развит внутренний духовный мир человека, тем мера осознанности больше. Негативное влияние как на умственные способности индивида, так и на физическое состояние его организма, может оказать как недостаток самосознания, так и его избыток. Человек, ни разу в своей жизни не задумывавшийся о смысле своего существования, уподобляется неразумному животному. Однако отказ от бесконечного поиска своего места в мире и в обществе может принести такому человеку полноценное счастье, ведь когда человек сталкивается с неизвестностью, пустотой, отсутствием как такового смысла не только в жизни человека, но в принципе всего окружающего нас мира, это может загнать его в состояние непрерывной депрессии и апатии. Поэтому люди, положившие жизнь на поиск некоего смысла жизни, могут в некотором смысле завидовать тем, кого эта проблема никогда не волновала, хотя сам процесс поиска

выглядит делом достаточно благородным и выступает неотъемлемой частью любой научной деятельности.

Знаковые рассуждения в сфере ответа на вопрос о смысле жизни приводит Дуглас Адамс в своем романе «Автостопом по галактике» 1979 года. Тема смысла жизни фактически пронизывает каждую главу и каждое событие данного произведения. По сюжету Земля была разрушена для прокладки межпространственного шоссе чрезмерно бюрократической расой вогонов. Смысл жизни вогонов был в постоянном брюзжании и недовольстве, в принесении вреда всем окружающим, разрушении прекрасного и создании отталкивающего. Еще одной интересной аналогией книги со всем жизненным циклом человека и его самоопределения в ней можно назвать сцену с китом, падающим с неба. Из-за суперсовременного космического аппарата он вынужден был материализоваться высоко в облаках и постигать все сущее во время падения. «Кто я?», «Как называется мир вокруг меня и в чем цель моего пребывания в нем?» – этими вопросами задавался кит пока трагически не разбился насмерть. По сути, каждый человек является неким подобием такого кита. Наша жизнь есть ничто иное как падение сквозь череду неизвестности, которому мы стараемся придать смысл, чтобы было не так страшно падать. Однако падение неизбежно, человек смертен, и самое главное, как писал Булгаков, он «внезапно смертен». [3]

Главный герой произведения является неким проводником читателя по таинственной Вселенной, населенной бесчисленным множеством цивилизаций и существ, смысл жизни которых зачастую может вызывать у читателя не только улыбку, но и искреннее удивление. Например, жители легендарной планеты Магратея являются представителями древней, на много миллионов лет опережающей по развитию человечество расы, однако смысл жизни и для них до недавнего времени оставался загадкой. Чтобы наконец решить этот вопрос и найти «ответ на главный во-

прос жизни, вселенной и всего такого», жители Магратеи создали суперкомпьютер «Думатель», который должен был, наконец, положить конец бесконечным размышлениям. После 7,5 млн лет непрерывных расчетов и нескольких проверок он выдал неутешительный ответ – «42» – что вызвало, мягко говоря, возмущения со стороны населения Магратеи. Думатель ответил на это, что смысл был вовсе не в том, чтобы дать ответ на вопрос, а в том, чтобы понять в чем суть вопроса, и предложил создать еще более мощный компьютер, который сможет задать правильный вопрос. Этим компьютером оказывается планета Земля. Таким образом, Дуглас Адамс рассуждает о смысле жизни, приводя в пример пусть вымышленные, однако очень близкие людям по духу цивилизации. Для некоторых людей постоянное недовольство действительно приносит удовлетворение от жизни и выступает неким подобием смысла, для других целью жизни становится постоянное стремление к нахождению ответа на самый главный вопрос и саморазвитие. [4]

Способность к осмыслению собственной жизни, к счастью или к сожалению, прививается людям по крайней мере нашей страны еще с детства. В одной из серий культового для некоторых мультсериала «Смешарики» под названием «Смысл жизни» обсуждаются вопросы, которые могли бы вернуть в состояние катарсиса даже любого взрослого. По сюжету Кар-Карыч с целью успокоить внезапно проснувшееся в Бараше чувство бессмысленности жизни, сопровождает его через метель к загадочной Кузинатре, дарующей этот смысл. Во время их путешествия, между ними происходит философский диалог, способный заставить любого задуматься:

– Неужели тебе не интересно, в чем смысл жизни? – спросил Бараш.

– А что мне даст эта информация? Вдруг окажется, что смысл жизни – не есть сладкого и не спать до двенадцати? Я тогда только расстроюсь. – ответил ему Кар-Карыч.

Автор мультфильма предлагает нам порассуждать: так ли полезно знание самого смысла жизни или же чем-то действительно полезным и приносящим человеку надежду выступает лишь путь к нахождению смысла? Крайне важным моментом является то, что этот мультфильм рассчитан на детскую аудиторию и может уже с малых лет вносить в их гибкие умы такого рода мысли. [1]

Еще одной одой о смысле жизни является фантастический фильм Терри Гиллиама «Теорема Зеро» 2013 года. Компьютерный гений Козн Лэт всю жизнь ожидает божественного телефонного звонка, который должен ему поведать о смысле жизни и особом предназначении. Чтобы не пропустить звонок, Козн упрощает руководство разрешить ему работать на дому. Руководство дает Козну умопомрачительно сложное задание – «Теорему Зеро», при решении которой помрачались умы многих известных ученых. Решение «Теоремы Зеро» должно выступить ответом на главные математические вопросы человечества, стать неким подобием нахождения смысла жизни, постижения самой ее сути. Сама же теорема, как оказалось, должна доказать, что все живое произошло в результате нелепой ошибки. Выходит, что Козн, ожидая звонка Бога, все свое время проводит, работая над доказательством того, что смысла не существует. Козн, полностью загнанный в угол, подключается к всемирному серверу с помощью костюма виртуальной реальности. Слившись с хранилищем данных, Козн встречает там свое руководство. Там ему становится понятно, что всю жизнь, желая узнать о своем предназначении, он провел взаперти, ничего не предпринимая. Таким образом, режиссер фильма ставит под сомнение целесообразность вечного поиска смысла жизни, ведь он может стать настолько увлекательным, что сама жизнь незаметно пройдет мимо. [5]

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что проблема смысла жизни просочилась во все сферы

деятельности человека будь то математика, кинематограф или мультипликация, она пронизывает каждое наше решение, каждый поступок, выступает неким двигателем для развития человечества. И хотя в наше время не было сделано существенных открытий в данной области, человечество безудержно стремится к нахождению окончательного ответа на вопрос – «в чем же все-таки смысл жизни?».

Литература

1. Внутских, А.Ю. Мультсериал как механизм трансляции философских идей / А.Ю. Внутских, Н.И. Береснева, В.Д. Береснев // Мировоззренческие основания культуры современной России: сборник научных трудов X Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 16–18 мая 2019 года / ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2019. – С. 57–62.
2. Демченко, О.Н. Смысл жизни как ценность культуры / О.Н. Демченко // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. – 2019. – № 3(31). – С. 56–63. – DOI 10.25688/2078-9238.2019.31.3.07.
3. Захарченко, К.О. Дуглас Нозль Адамс: автостопом по Галактике / К.О. Захарченко, С.Г. Ларина // Студенческая наука Подмоскovie: материалы Международной научной конференции молодых ученых, Орехово-Зуево, 08–09 апреля 2016 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2016. – С. 260–262.
4. Сатеева, Э.В. Использование аллюзии в комических текстах на примере романа Д. Адамс «автостопом по Галактике» / Э.В. Сатеева, Я.В. Никифорова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. –

№ 11(188). – С. 116–119. – DOI 10.23951/1609–624X-2017–11–116–119.

5. Фатеев, Е.Г. Теорема «Зеро» и антиантропный принцип / Е.Г. Фатеев // Наука сегодня: проблемы и пути решения: материалы международной научно-практической конференции: в 2 частях, Вологда, 30 марта 2016 года. – Вологда: ООО «Маркер», 2016. – С. 105–108.

THE PROBLEM OF THE MEANING OF LIFE IN MODERN WORKS OF CINEMA, ANIMATION AND LITERATURE

Lapatin V.V., Sharipova V.V., Kuznetsov M.P., Suendikov I.A., Alikov K.A.

Ufa State Petroleum Technological University

In this paper, various approaches to the analysis and discussion of the problem of the “Meaning of Life” were considered, the prerequisites for its appearance and prospects for solving it in the future were described. The authors investigated in detail the essence of this problem, analyzed the vision of the meaning of life of various people depending on the class and living conditions of a particular person, as well as their potential ability to reflect. The analysis of the facts of the appearance of the consequences of this problem in modern culture, in particular, in literature, works of cinema and animation. A significant contribution of individual scenes in modern works of cinema and literature to the discussion of the problem was found, achieved by the authors due to the metaphorical statements and the depth of the thoughts proposed for reasoning. Questions are raised for further reasoning and analysis of the problem.

Keywords: meaning of life, philosophy, cinema, animation, literature, Hitchhiker's guide to the galaxy, The Zero Theorem, Smeshariki.

References

1. Intraskikh, A. Yu. Animated series as a mechanism for the translation of philosophical ideas / A. Yu. Intraskikh, N.I. Beresneva, V.D. Beresnev // Ideological foundations of culture of modern Russia: collection of scientific papers of the X International Scientific and Practical Conference, Magnitogorsk, May 16–18, 2019 / Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov”. – Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, 2019. – pp. 57–62.
2. Demchenko, O.N. The meaning of life as the value of culture / O.N. Demchenko // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences. – 2019. – № 3(31). – Pp. 56–63. – DOI 10.25688/2078–9238.2019.31.3.07.
3. Zakharchenko, K.O. Douglas Noel Adams: The Hitchhiker's Guide to the Galaxy / K.O. Zakharchenko, S.G. Larina // Student Science in the Moscow region: materials of the International Scientific Conference of Young Scientists, Orekhovo-Zuyevo, 08–09 April 2016. – Orekhovo-Zuyevo: State University of Humanities and Technology, 2016. – pp. 260–262.
4. Sateeva, E.V. The use of allusion in comic texts on the example of D. Adams' novel “The Hitchhiker's Guide to the Galaxy” / E.V. Sateeva, Ya.V. Nikiforova // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. – 2017. – № 11(188). – Pp. 116–119. – DOI 10.23951/1609–624X-2017–11–116–119.
5. Fateev, E.G. The “Zero” theorem and the anti-anthrop principle / E.G. Fateev // Science today: problems and solutions: materials of the International scientific and practical conference: in 2 parts, Vologda, March 30, 2016. – Vologda: LLC “Marker”, 2016. – pp. 105–108.

Технологии «Умного города» как фактор и возможность развития человеческого потенциала

Макаренко Екатерина Дмитриевна,

студент факультета Высшей школы управления,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: kate.makarenko2003@mail.ru

В данной статье рассматриваются позитивные и негативные аспекты влияния внедрения технологий «умного города» на реализацию человеческого потенциала горожан. Под «человеческим потенциалом» в данном случае понимается совокупность способностей, задатков людей, которые в перспективе могут быть раскрыты и развиты благодаря новым техническим решениям, которые внедряются внутри экосистемы умного города. В результате, выявлены как возможные перспективы использования цифровых и «умных» технологий городской среды для развития человека в карьерном и личностном аспектах, так и сдерживающие это развитие факторы, связанные с механизацией и роботизацией множества процессов. В качестве позитивных аспектов влияния умных городов выделены такие тенденции, как рост индивидуализма и кастомизация среды обитания, в которой живёт человек, расширение спектра возможностей для самостоятельного действия и саморазвития и др. Вместе с тем, описано и негативное влияние технологизации жизни в умном городе. Например, роботизация делает человека менее самостоятельным в ряде сфер жизнедеятельности. Сделан вывод о противоречивости влияния умного города на человека при бесспорности наличия его позитивного влияния на самореализацию жителей.

Ключевые слова: умный город, человеческий потенциал, цифровизация, умные технологии, контроль, индустрия 4.0, развитие человека.

Внедрение системы «Умный город», то есть цифровизация городских и государственных услуг, роботизация и механизация множества процессов, связанных с регулированием городской жизни, а также широкое использование баз различных данных для множества целей, реализуемых институтами государственного и городского управления – реальность и неизбежность для эры информационного общества как в России, так и за рубежом. Процесс цифровизации и информатизации не остановить, в том числе, в сфере урбанистики и организации государственного менеджмента муниципальных образований (городов). В России каждый год внедряются новые цифровые решения. Существует множество реестров, содержащих информацию о жителях и организациях, внедряются цифровые системы гражданского участия. Все эти факты позволяют говорить о том, что, по крайней мере, крупные российские города развиваются по пути внедрения всё большего числа технологий так называемого «умного города» – атрибута постиндустриального общества. Таким образом, **проблема** места человека в высокотехнологичном умном городе, влияние последнего на человеческий потенциал и развитие действительно являются актуальными на сегодняшний день.

Исходя из приведённых положений, **исследовательский вопрос** данной статьи следующий: каким образом система «умный город» может способствовать развитию человеческого потенциала и самореализации индивида?

В связи с поставленным вопросом, **цель исследования** – выявить положительные аспекты внедрения технологий умного города в их влиянии на реализацию человеческого потенциала. Для того, чтобы выяснить, как внедрение технологий умного города может способствовать самореализации челове-

ка, необходимо выполнить ряд задач. Во-первых, следует обозначить границы и отличительные черты, присущие понятию «умный город», так как под ним подразумевается широкий спектр технологий и систем, и нужно выделить именно те характеристики, которые вступают во взаимодействие с индивидом в процессе раскрытия его потенциала. Во-вторых, для выявления положительных аспектов влияния на человека систем умного города следует проанализировать риски, которые могут создавать для него эти технологии, так как в процессе поиска способов преодоления этих кризисов будут проявлены и возможные пути роста и развития в условиях цифровой и высокотехнологичной городской среды. Наконец, будут рассмотрены и изначально положительные аспекты влияния умного города на процесс реализации индивида.

В данной статье **под человеческим потенциалом** понимается совокупность задатков и способностей, которые могут быть раскрыты и развиты с использованием передовых технологий, что приведёт как к карьерному, так и личностному росту, повышению индивидуальных навыков, а также формированию комфортной среды для личного проживания, персональной «ойкумены».

Концепция умного города

Термин «умный город» широко используется различными рейтинговыми агентствами, политиками и менеджерами отдельных городов. При этом, различные агенты включают в это понятие различные компоненты и характеристики. Так, на самом поверхностном уровне умный город ассоциируют с цифровизацией. Под ней в этом случае понимается всё большее внедрение цифровых решений в обычную жизнь горожан: онлайн госуслуги и сервисы, электронные реестры, работа с большими данными и т.д. Кроме того, часто так понимаемый «умный город» связывают с процессом цифровизации и виртуализации экономики. Если понимать исследуемый объект так, то становится ясным и убеждение, при-

сущее данной концепции, которое предполагает неограниченный процесс дальнейшего становления умными всё новых и новых городов [3].

Однако такое понимание оставляет в стороне вопрос о реализации человеческого потенциала в городе, а кроме того, о создании комфортной для проживания среды. Именно поэтому всё чаще содержание концепции «умный город» расширяют. Туда добавляют такие характеристики, как обучаемость, использование высоких технологий (в том числе искусственного интеллекта). Кроме того, ряд учёных добавляют, что цифровые технологии должны применяться не как самоцель, а для решения насущных проблем человека, разрешения социальной несправедливости [2].

Таким образом, понятие умного города начинает включать в себя ещё и разговор о взаимодействии человека и городской среды, которая должна создаваться, в первую очередь, именно для его комфортной жизни. В. Альбино также акцентирует внимание на том, что «ярлык “умный город” должен определяться способностью умных людей предлагать умные решения городских проблем» и что «дух электронного управления в умном городе должен быть ориентирован на его жителей» [1].

Ещё одна грань умного города – вопрос о взаимодействии властей и человека, которое сегодня также всё больше осуществляется посредством цифровых технологий. Умный город предполагает не просто переводение в цифровой формат процесс передачи обращений граждан и решения их проблем, а вывод коммуникации власти и общества на новый уровень, который, в некотором смысле, даже сближает людей и членов вышестоящих структур.

Таким образом, становится ясно, что понятие «умный город» шире понятия «цифровой город». Важен не только факт внедрения передовых технологий, но и создание единой среды, включающей эти передовые технологии, власть, использующую их, и людей, каждого человека в отдельности, которые должны

обладать определёнными характеристиками для успешного обитания в такой городской среде. Получается, что умный город – это, в первую очередь, город, ориентированный на людей, служащий реализации их потребностей и обеспечению комфортного проживания. Это город, способный обучаться и подстраиваться под потребности людей. Об этом пишет и Т. Бакиси, определяя умный город как «...высокотехнологичный и интенсивно развивающийся город, объединяющий людей, информацию и элементы городской инфраструктуры с помощью новых технологий для создания конкурентоспособной и инновационной экономики, а также высокого качества жизни» [5].

На основе приведённых интуиций, можно составить следующий перечень характеристик, отражающих смысл концепции умного города.

В первую очередь, умный город – это цифровой город. Это значит, что город оснащён высокотехнологичными инфраструктурными решениями, всем необходимым для постоянной работы цифровой среды, многие или все городские системы подключены к сети Интернет, так или иначе функционируют в связи с ним; цифровые решения, при этом, применяются во всех значимых сферах жизни горожан: социальном обеспечении, культурной сфере, политической жизни. Кроме того, в городе сформирована цифровая среда, подключённая к различным веб-сервисам и собирающая информацию обо всём, что происходит в городе, о жителях, их передвижениях, о происшествиях и др. на тех или иных цифровых носителях, имеющих связь с городским управлением.

Умный город – это система, функционирующая на основе знаний, информации и данных. Конкретные технические элементы города обладают простейшим или более сложным искусственным интеллектом, который позволяет им «обучаться» и подстраиваться под потребности городских жителей в процессе накопления и обмена информацией и данными. Жителям,

чтобы комфортно жить в таком городе, необходимо иметь определённый уровень знаний о цифровой среде и обладать определёнными навыками работы с этой цифровизованной средой, так как множество сервисов, в том числе связанных с получением и оплатой государственных услуг, перенесены в виртуальный, цифровой формат. Чтобы город был комфортным для жизни, его многочисленные технические системы, объекты инфраструктуры, должны непрерывно накапливать, передавать и обмениваться данными и информацией, накопление которых – одна из главных целей существования этой большой (в значении масштаба покрытия сфер жизни) системы. В таком городе вокруг каждого человека формируется своя экосистема. В процессе взаимодействия с теми инфраструктурными технологиями, с которыми человеку приходится иметь дело в своей повседневной жизни, он получает определённые знания о том, как ими пользоваться, как они работают. При этом, знания, полученные каждым, индивидуальны, однако могут быть получены и через институциональные каналы в процессе обучения цифровой грамотности в организованном формате.

Это город, цель которого – устойчивое развитие: под устойчивым развитием понимается процесс постепенного улучшения, усложнения и кастомизации городской среды при соблюдении правил бережного обращения с этой средой, человеком и экологией; устойчивое развитие предполагает более медленный, но «щадящий» для окружающей среды прогресс.

Это город «зелёной экономики», то есть её рост предполагает увеличение вложений в технологии, позволяющие снизить негативное воздействие на окружающую среду со стороны предприятий и людей, причём, чем активнее рост такой экономики, тем больше возможностей появляется для финансирования такого бережного обращения с окружающей средой [6].

Исходя из приведённой комплексной характеристики, можно говорить

как о возможностях умного города, так и о рисках внедрения технологий данной системы.

Риски внедрения системы «умный город»

Несмотря на существование очевидных преимуществ у процессов цифровизации и компьютеризации городской инфраструктуры, существуют и серьёзные риски, касающиеся, в том числе, возможности реализации человеческого потенциала в рамках достаточно развитого умного города. Потенциальные возможности для самореализации индивидов могут оказаться ограниченными в разных аспектах: с точки зрения безопасности, сохранности личных данных, свободы действий и решений, культурного развития и сохранения социальных связей. Рассмотрим каждый из этих рисков через призму возможности самореализации жителей умного города как полноценных индивидов.

Базовой потребностью человека является безопасность. К ней стремились члены традиционного общества и стремятся обитатели постиндустриального общества, без наличия базового уровня защищённости самореализация индивида в более сложных аспектах общественной жизни невозможна. В современную эпоху пространство, где необходима безопасность, расширено и дополнено не только появившейся в Новое время сферой приватного, но и виртуальной сетью «Интернет». В современном мире неизбежно приходится говорить о кибербезопасности.

Использование технологий умного города предполагает масштабную работу с данными, в том числе с личными. Чтобы зарегистрироваться в сервисах госуслуг, нужно ввести всё вплоть до паспортных данных, чтобы оплатить услугу онлайн, нужно ввести данные карты и так далее. Даже безобидный сбор данных городскими устройствами (вроде «обучающихся» фонарей и «умных» пешеходных переходов) может привести к сбоям и неточностям при усыплении бдительности человека. Так, в 2015 г. был проведен эксперимент,

который должен был показать уязвимость «умного города» перед хакерами. На улицы Вашингтона отправился внимательный хакер-экспериментатор, который сканировал местные датчики трафика, используемые для организации дорожного движения. При этом обнаружилось, что данные не были зашифрованы, а уровень защиты был невысоким. Ему удалось взломать устройства, после чего он обратился в обслуживающую компанию с заявлением, где обратил внимание на то, что можно изменить работу светофоров, в результате чего город может столкнуться с большими проблемами, а люди – попасть в серьёзные аварии [8]. Этот случай показывает, что, в действительности, высокая степень защищённости индивидов внутри умного города стоит под серьёзным вопросом. При этом, как будет показано ниже, умные города несут в себе риск утраты жителями персонального контроля над ситуацией, что в некоторых ситуациях (например, при централизованном сбое какой-либо важной подсистемы городской цифровой инфраструктуры) рядовой человек может оказаться полностью «парализованным» в своих действиях.

При очевидной возможности утечки данных (какие мы наблюдали, например, и в Москве в период пандемии COVID-19), ряд экспертов утверждают, что размывание границ приватного, потеря конфиденциальности – нормальный и необратимый процесс для прогрессивного современного общества. При этом, некоторые исследователи полагают, что исчезновение личной тайны в XXI в. – это шокирующее открытие, но с ним надо смириться: надо забыть о конфиденциальности. Другие настроены еще более радикально: личную тайну вообще следует отменить, поскольку порядочному человеку скрывать нечего [7]. Этот факт современного этапа развития общества несёт в себе целый ряд рисков для возможности самореализации индивидов. В условиях повышенного социального контроля, сжимания или полной утраты сферы личного, едва ли можно говорить о формировании

персональной ответственности человека за свои действия, с одной стороны, и свободы мысли и действий при осознании ответственности за них – с другой. Ещё Иммануил Кант в своём эссе «Что такое Просвещение?» метко использовал расхожую латинскую фразу: «Имей мужество пользоваться собственным разумом!» [11, с. 29]. Это означает не только способность самостоятельно мыслить, но и совершать обдуманно волевые поступки в ситуации неопределённости. Технологии умных городов же, напротив, направлены на полное устранение самой возможности возникновения таких ситуаций, что ведёт к снижению ответственности индивидов за собственные действия и, можно сказать, некоторому инфантилизму в их поступках.

Важным аспектом, где также существует ряд рисков, является аспект развития личности человека в умном городе. Технологии данной системы направлены на обеспечение максимально комфортного и безопасного проживания. Однако, оборотная сторона этого – снижение когнитивных способностей человека в отношении обеспечения собственной безопасности, самостоятельного устройства быта и принятия волевых ответственных решений. Окружённый автоматизированными системами, человек становится крайне уязвим перед теми угрозами, которые повлечёт за собой отключение этих систем. Довольно точно эту ситуацию описал Адам Гринфилд, говоря о «переспецификации» (overspecification) системы умного города. Он пишет о том, что система умного города построена таким образом, будто тот, кто её программировал, уже изначально может просчитать все возможные варианты потребностей и поведения человека. Таким образом, заведомо происходит сужение поля селекции, ограничение свободы действий, так как человек оказывается вписан в поле определённых вариантов поведения. Причём, если на какой-то изначальной точке он выбирает один из путей, последствия этого выбора тоже просчитаны, а потому про-

исходит размывание ответственности за собственные действия [4].

Вызывает ещё большие опасения практика постройки умных городов «с нуля». Самый известный пример – южнокорейский город-призрак Сонгдо. Он оснащён самыми передовыми технологиями, выглядит как картинка из будущего, однако его население не достигает и сотни тысяч человек, и люди продолжают уезжать оттуда в Сеул и другие города, которые не обладают передовыми системами коммуникаций и умным асфальтом. Исследователи объясняют это потребностью людей в чувстве укоренённости в социальных связях, культуре и истории. Сведение функций города только к обеспечению комфорта, без выполнения культурной, социальной его функций, делает его крайне непривлекательным для жизни, а людей, которые растут и развиваются в нём, едва ли можно назвать полноценными личностями. Так, одним из первых эту антропологическую катастрофу технократического общества предсказал Эрих Фромм, назвав человека, погруженного в виртуальное зазеркалье, «моноцеребральным» – человеком одного измерения. Моноцеребральная личность настолько сильно вписана в современную автоматизированную систему, что механизмы также становятся объектом ее нарциссизма: современный человек обожает свои машины не меньше, чем самого себя» [14, с. 295–296].

Таким образом, внедрение технологий умного города без тщательных расчётов, без предварительных обсуждений, без учёта специфики конкретного общества и воли граждан/жителей несёт в себе угрозы, связанные с кибербезопасностью, замедлением развития, невозможностью реализации человеческого потенциала и потенциальной человеческой неполноценностью.

Перспективы умного города как катализатора процесса самореализации личности

Несмотря на то что был назван ряд существенных рисков, которые могут препятствовать самореализации человека

в рамках умного города, технологии этой системы могут направлены и во благо. Существуют различные стратегии развития умного города: 1.0 и 2.0 (а в ряде источников уже встречается концепция умного города 3.0 [9, с. 83–95]).

В рамках первой стратегии основное внимание уделяется исключительно технологическому и экономическому аспектам системы умного города [12]. Внедрение новых технологий увеличивает число транзакций, порождает новые связи и каналы коммуникаций, что ускоряет экономический рост, который, в свою очередь, приводит к появлению ещё более усовершенствованных технологий. Такая концепция была популярна во второй половине прошлого века и действительно сулила большой риск для развития человеческого потенциала. Именно такое отношение к цели умного города – стремление просто внедрить как можно больше цифровых технологий без учёта внеэкономических показателей – породило мощную волну критики не только концепции именно умного города, но и идеи прогресса в целом. Однако такой подход концентрировался исключительно на упрощении выполнения ряда функций государством, а потому сегодня такой концепции приходят версии 2.0 и 3.0.

В рамках умного города 2.0 на первый план выходит концепция устойчивого развития и экологичности вводимых новшеств. Гонка за экономическим ростом сменяется стремлением развиваться последовательно, сохраняя окружающую среду и психику людей, живущих в городе. Городская инфраструктура, её идеальная версия, должна становиться менее агрессивной и более гибкой по отношению к потребностям человека. Оснащённая ещё более совершенными технологиями, она действует более незаметно, так как подстраивается под интересы жителей города. Такая концепция развития инфраструктуры уже позволяет говорить о снижении давления на личность человека, упрощении рутинных занятий (в этом помогает цифровизация мно-

жества бюрократических процедур), сокращении временных затрат на множество «лишних действий». Однако и в рамках этой концепции человек всё ещё остаётся довольно пассивным потребителем городских и государственных услуг. Ситуация меняется в умном городе 3.0. В таком городе большое внимание уделяется зрелости и развитости как отдельных людей, так и совокупности индивидов, именуемых гражданским обществом. В таком городе, прежде чем внедрять новые технологии, власти вступают в активное обсуждение концепции с жителями, исследуют их предпочтения, открыты к инициативам со стороны граждан. В таком городе технологии действительно становятся простым инструментом реализации определённых задач, а не самоцелью. Самоцелью же в полном смысле становится комфорт горожан, которые сами выбирают те технологии, которые сами же считают удобными для своей жизни. Развитие персонализированных технологий Умного города 3.0 происходит и в России. Так, во многих муниципальных образованиях страны существуют системы, позволяющие жителям сообщать о проблемах, актуальных не просто для города, но для конкретного двора. В Московской области таковой является «Добродел» и «Проверки Подмосковья», в Мурманской области – «Мой Север» и др. В этих системах любой зарегистрированный пользователь, сам проявляя инициативу и сознательность, а также гражданственность, вносит личный вклад в улучшение городской среды [10].

Дальнейшее развитие комфортной среды и ускорение прогресса происходит в Умном городе 4.0 [13]. В таком городе основной индустрией становятся информационные и ИКТ технологии, многие системы функционируют на основе больших данных, а искусственный интеллект используется даже в бытовых процессах. В России уже применяются технологии блокчейна, облачные инструменты и большие данные, а также роботы и технологии расширенной реальности. При этом, технологии ста-

новятся доступнее для каждого отдельного жителя, так как с их широким распространением они начинают входить и в повседневную жизнь, которая становится удобнее и быстрее. В Умном городе 4.0 человек имеет колоссальные перспективы для самореализации, так как с роботизацией и технологизацией он перестаёт нуждаться во многих дополнительных инструментах и других людях для реализации собственных проектов. Вместе с тем, растёт атомизация общества, социальная депривация, а также несамостоятельность в выполнении ряда базовых функций. Таким образом, как и у любого аспекта прогресса, внедрение технологий Умного города 4.0 носит как положительные, так и отрицательные последствия.

Резюмируя, можно выделить следующие положительные последствия внедрения самой передовой версии системы умного города:

1. Развитие индивидуальности. Среда, в которой человек обитает ежедневно, благодаря технологиям буквально подстраивается под него, устраняя замедляющие развитие или мешающие ему препятствия.
2. Обретение новых знаний. Чтобы взаимодействовать с новыми технологиями, человек должен обладать знаниями в области этих технологий на новом уровне, иначе он не сможет существовать в высокотехнологичном городе.
3. Простой доступ к информации и ускорение коммуникаций.
4. Расширение и упрощение поддержания социальных связей.
5. Обретение навыков обеспечения информационной гигиены, развитие критического мышления, адаптация к массивным потокам информации.

Кроме того, исходя из перечисленных в предыдущей главе рисков и названных в этой главе моделей умного города, можно сделать и предположения о том, как не допустить возникновения технологически совершенных городов-призраков:

1. Гармоничное развитие всех функций города, в т.ч. культурной и соци-

альной (что позволяют сделать информационные технологии);

2. Внедрение новых технологий с адаптацией их к специфике локального общества и исторического бэкграунда;
3. Искусственная установка границ автоматизации и цифровизации для сохранения поля для человеческого взаимодействия.
4. Инициирование и поддержание общественной дискуссии с целью призывания граждан привычки и практики принятия самостоятельных ответственных решений для их сближения с городом и его средой как детищем их же решений.

Таким образом, в данной статье был проведён анализ перспектив реализации человеческого потенциала в рамках инфраструктуры умного города. Было сформулировано комплексное определение умного города, которое оказалось сложным и многоаспектным. Кроме того, были выделены основные ограничения, которые среда умного города может накладывать на человека. Это снижение ответственности за принятие решений, повышение опасности киберпреступности, деградация культурной сферы общественной жизни, рост агрессивности технократической городской среды по отношению к индивиду. На основе выделенных рисков были сформулированы основные возможности перенаправления атрибутов умного города на благо человеческого потенциала. Также, были рассмотрены основные концепции умного города, которые позволяют наметить пути решения обозначенных в данной статье проблем, исходя из того вектора, по которому движется развитие умных городов. Умный город, технологии, сопровождающие его, могут выступать как в качестве драйверов прогресса человеческой личности, так и в качестве факторов, сдерживающих его. Действительно, возможности для индивидуального прогресса создают практические неограниченные, однако, вместе с тем, утрачиваются навыки совершенства определённых действий, а также

усиливается контроль со стороны правительств и иных органов надзора, что может стать и сугубо психологическим сдерживающим фактором.

Литература

1. Albino, V., Berardi, U., & Dangelico, R. M. (2015). Smart cities: Definitions, dimensions, performance, and initiatives. *Journal of Urban Technology*, 22, 3–21. <https://doi.org/10.1080/10630732.2014.942092>.
2. Angelidou M. Smart city policies: A spatial approach // *Cities*. July 2014. P. S3–S11. URL: https://www.researchgate.net/publication/274166044_Smart_city_policies_A_spatial_approach
3. Cohen B. Barcelona: A smart city model for a planet. 2011. URL: <https://www.fastcodesign.com/1679017/barselona-smart-city-model-for-the-planet.2011>.
4. Greenfield, A. Against the smart city (The city is here for you to use). 2013. – 129 p.
5. Nam T., Pardo T.A. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions // *Proceedings of the 12th Annual International Conference on Digital Government Research*. 2011. P. 282–291. URL: https://inta-aivn.org/images/cc/Urbanism/background%20documents/dgo_2011_smartcity.pdf
6. Pierce P., Andersson B. Challenges with smart cities initiatives – A municipal decision makers' perspective // *Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences*. 2017. P. 2804–2813. URL: http://aisel.aisnet.org/hicss-50/eg/smart_cities_smart_government/3/
7. Rengel A. 2013. Privacy in the 21st Century. Miami: Saint Thomas University School of Law. 268 p.
8. Why smart cities need to get wise to security – and fast. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2015/may/13/smart-cities-internet-things-security-cesar-cerrudo-ioactive-labs>
9. Василенко И., Михайлова Е. Европейский опыт формирования социально-политической концепции “умного города”. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 9, сс. 83–95. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-83-95>
10. Забузов О. Н. «Умные города»: опыт России и Китая // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*, 2022. – № 5–1.
11. Кант, Иммануил. *Собр.соч.* в 8 тт. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29–37.
12. Кузьмина А. С., Липецкая М.С. и др. Приоритетные направления внедрения технологий умного города в российских городах // *Центр стратегических разработок (ЦСР)*, 2018. – 178 стр.
13. Саак А.Э., Пахомов Е.В. Ключевые технологии Индустрии 4. 0, общества 5. 0, экономики 3. 0 // *ИВД*. 2020. – № 2 (62).
14. Фромм Э. 2006. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Аст. 624 с.

SMART CITY TECHNOLOGIES AS A FACTOR AND OPPORTUNITY FOR HUMAN DEVELOPMENT

Makarenko E.D.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In this paper the author considers positive and negative aspects of the impact of the introduction of smart city technologies on the realisation of human potential of citizens. The “human potential” in this case is understood as a set of abilities, abilities of people, which in the future can be revealed and developed thanks to new technical solutions, which are implemented within the ecosystem of smart city. As a result, possible prospects of using digital and “smart” technologies of the urban environment for human development in career and personal aspects, as well as factors restraining this development, connected with mechanization and robotization of many processes, were revealed. Such trends as growth of individualism and customisation of human environment, expansion of the range of opportunities for independent action and self-development, etc. are highlighted as positive aspects of the influence of smart cities. At the same time, the negative impact of the technologicalisation of life in the smart city is also

described. For example, robotization makes a person less independent in a number of areas of life. It is concluded that the influence of the smart city on a person is contradictory, while there is no doubt that it has a positive impact on the realization of residents.

Keywords: smart city, human potential, digitalization, technologies, control, industry 4.0, human development.

References

1. Albino, V., Berardi, U., & Dangelico, R. M. (2015). Smart cities: Definitions, dimensions, performance, and initiatives. *Journal of Urban Technology*, 22, 3–21. <https://doi.org/10.1080/10630732.2014.942092>.
2. Angelidou M. Smart city policies: A spatial approach // *Cities*. July 2014. P. S3–S11. URL: https://www.researchgate.net/publication/274166044_Smart_city_policies_A_spatial_approach
3. Cohen B. Barcelona: A smart city model for a planet. 2011. URL: <https://www.fastcodesign.com/1679017/barcelona-smart-city-model-for-the-planet.2011>.
4. Greenfield, A. Against the smart city (The city is here for you to use). 2013. – 129 p.
5. Nam T., Pardo T.A. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions // *Proceedings of the 12th Annual International Conference on Digital Government Research*. 2011. P. 282–291. URL: https://inta-aivn.org/images/cc/Urbanism/background%20documents/dgo_2011_smartcity.pdf
6. Pierce P., Andersson B. Challenges with smart cities initiatives – A municipal decision makers' perspective // *Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences*. 2017. P. 2804–2813. URL: http://aisel.aisnet.org/hicss-50/eg/smart_cities_smart_government/3/
7. Rengel A. 2013. *Privacy in the 21st Century*. Miami: Saint Thomas University School of Law. 268 p.
8. Why smart cities need to get wise to security – and fast. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2015/may/13/smart-cities-internet-things-security-cesar-cerrudo-ioactive-labs>
9. Vasilenko I., Mikhailova E. European Experience of Forming the Socio-Political Concept of the Smart City. *World Economy and International Relations*, 2020, Vol. 64, No. 9, pp. 83–95. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-83-95>
10. Zabuzov O.N. Smart Cities: Experience of Russia and China // *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*, 2022. – № 5–1.
11. Kant, Immanuel. *Collected Works in 8 vols*. M.: Choro, 1994. T. 8. C. 29–37.
12. Kuzmina A. S., Lipetskaya M.S. et al. Priority areas for the implementation of smart city technologies in russian cities // *Center for Strategic Research (CSR)*, 2018. – 178 pp.
13. Saak A. E., Pakhomov E.V. Key technologies of Industry 4. 0, society 5. 0, economy 3. 0 // *IVD*. 2020. – № 2 (62).
14. Fromm E. 2006. *Anatomy of human destructiveness*. Moscow: Ast. 624 c.

Развитие духовно-нравственных ценностей военнослужащего российской армии посредством военной музыки

Чупраков Кирилл Сергеевич,

соискатель кафедры философии и религиоведения,
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: joker.promo@mail.ru

В настоящей статье рассматривается развитие духовно-нравственных ценностей военнослужащего Российской армии посредством военной музыки. Характеризуются понятия «духовный мир человека», «духовный мир военнослужащего», их элементы. Анализируется специфика и особенности военной музыки как фактора формирования духовного мира военнослужащего. Определяются основные направления формирования духовного мира военнослужащего Российской армии посредством военной музыки. Приведены примеры развития духовно-нравственных ценностей военнослужащего посредством военной музыки. Обращается внимание, что во время эмоционального исполнения военно-музыкального репертуара они осознают свою причастность к Родине, к своему народу, к своим истокам. У них формируются и развиваются духовно-нравственные ценности, трепетное отношение к своему Отечеству. Автор приходит к выводу, что взаимодействие музыкального искусства с духовным миром военнослужащего представляет собой сложный и многоплановый процесс, в ходе которого осуществляется непрерывное развитие его духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: духовный мир военнослужащего, военная музыка, духовно-нравственные ценности, военно-музыкальный репертуар, военные песни.

Понятие «духовный мир военнослужащего» на сегодняшний день активно разрабатывается в научно-исследовательской литературе. Вместе с тем, следует указать, что оно неразрывно связано с такой философской категорией, как «духовный мир человека».

Так, по мнению П.В. Петрия, духовный мир человека представляет собой «систему идеальных образов, определяющих свойства, процессы и явления, обладающие социокультурной значимостью и реализующиеся в морально-нравственных качествах человека, проявляющихся преимущественно в его деятельности на благо общества» [1, с. 40].

А.К. Аверин под понятием духовного мира человека понимает «социально-идеальную сферу, т.е. внутреннюю форму отражения социального бытия» [2, с. 71].

Исследователи И.В. Востриков и С.И. Сулимов понятие духовного мира человека трактует как внутренний мир индивида, в который входят процессы и явления, которые представляют собой внутреннюю жизнь человека в условиях его принадлежности к определенному классу либо на конкретном уровне развития общества [3, с. 88].

Характеризуя духовный мир военнослужащего, всегда обращаются к его внутреннему, субъективному миру, включающему в себя такие составляющие, как разум, культуру мышления, уровень и качество знаний, эмоциональное и нравственное развитие и др. В тоже время духовный мир военнослужащего подчёркивает, в том числе, рациональное начало, важность просветительского процесса и образования его личности.

В содержании качеств и личного опыта, характеризующего духовный мир военнослужащего, важен сам

смысл имеющихся знаний и осознание личностного духовного опыта. Сущность духовного мира военнослужащего составляют лишь те знания, которые являются осознанным средством постижения смысла внешнего и внутреннего мира человека, освоения таких философских категорий, как истина, красота, добро и т.д.

К наиболее значимым элементам духовного мира военнослужащих относятся как общезначимые, так и непосредственно специфические духовно-нравственные ценности. К первым относятся: личностно-всеобщее отношение к предмету деятельности, социальная ответственность (как преодоление внутри профессиональной изоляции, перевод знаний в социальную плоскость) [4, с. 93].

В качестве специфических черт выступают такие ценности военно-профессиональной деятельности как патриотизм, честь и достоинство, дисциплинированность, войсковое товарищество. Внешнее требование самопожертвования преобразуется в духовном мире военнослужащего во внутреннее сущностное качество. При этом, данные ценности не противоречат гуманистическим идеалам, а являются их особыми проявлениями в условиях воинской среды.

Военная музыка как фактор формирования духовного мира военнослужащего представляет собой духовно-практическое явление, включающее в себя совокупность средств, форм и методов, воздействующих на внутренний мир военнослужащего и служащая целям военного управления, строевого обучения, воинского и эстетического воспитания военнослужащих, патриотического воспитания всех граждан государства. Она предназначена для исполнения при строевом обучении войск, военных и общественных торжественных церемониях, парадах и прочих торжественных мероприятиях.

Специфика военной музыки как фактора формирования духовного мира военнослужащего заключается в выполнении ею ряда функ-

ций (общественно-церемониальной, служебно-строевой, культурно-просветительской), которые в свою очередь реализуются посредством таких форм работы как: строевая подготовка, ритуальные действия, военные парады, концерты, просветительские мероприятия, конкурсы-смотри художественной самодеятельности. Средствами воздействия военной музыки на внутренний мир военнослужащих являются: средства исполнительского характера (инструментальные и вокальные), средства содержательного характера (репертуар) [5, с. 184].

Динамика военной музыки как фактора формирования духовного мира военнослужащего современной Российской армии обусловлена влиянием на него разнообразных условий и факторов объективного и субъективного характера, наличием социальных противоречий, что предопределяет выбор и обоснование некоторых направлений формирования духовного мира военнослужащего Российской армии посредством военной музыки.

К числу основных направлений формирования духовного мира военнослужащего Российской армии посредством военной музыки относятся:

- сохранение и развитие духовно-нравственных ценностей воинского служения посредством трансляции военно-музыкального репертуара;
- развитие военно-музыкального творчества в контексте его влияния на духовный мир военнослужащих Российской армии;
- укрепление и развитие духовных связей между военнослужащими армий «дружественных стран» в рамках организации и проведения международного фестивального движения;
- подготовка высококвалифицированных специалистов в сфере военно-музыкального искусства;
- разработка форм и методов патриотического воспитания российского молодого поколения, а также военнослужащих армии и флота с помощью военной музыки и др.

Формирование и развитие духовно-нравственных ценностей военнослужащих посредством военной музыки в настоящее время осуществляется в рамках двух основных направлений [6, с. 12]:

1) музыка воинских ритуалов, концертная деятельность военных оркестров и ансамблей, специальные музыкальные радио и телевизионные программы;

2) музыкальная художественная самодеятельность, исполнение строевых песен, организация и проведение дискотек, самостоятельное музицирование воинов в часы досуга.

В основе благоприятного воздействия музыки на духовный мир и развития духовно-нравственных ценностей военнослужащих посредством военной музыки лежит свойство порождаемых ею положительных эмоций оптимизировать психо-физиологические процессы в организме и деятельность центральной нервной системы. Но, этим влияние музыки не ограничивается. Ее объективное содержание позволяет совместить процесс формирования высоких духовно-нравственных ценностей военнослужащих, идейно-политических, морально-боевых и других важных для военнослужащего качеств, приобретаемых в ходе различного вида занятий, с развитием эстетических вкусов и потребностей военнослужащих, повышением их общего культурного уровня.

Важную роль в системе формирования и развития духовно-нравственных ценностей военнослужащих посредством военной музыки играет эффективное использование всех возможных форм включения военной музыки в процесс службы войск, в воспитание личного состава.

Изложенное позволяет сделать вывод, что военная музыка развивает духовно-нравственные качества личности военнослужащего, чувство любви к Родине, гордость за героические подвиги народа, способствуют сплочению коллектива, воспитанию взаимопомощи и дружбы. Посредством военной музыки в целом, а в частности – военных

песен, военнослужащие познают историю нашей Родины.

Военная музыка развивает такие духовно-нравственные ценности военнослужащих как любовь к Родине, поддержку, взаимопомощь, мужество.

В качестве примера развития духовно-нравственных ценностей военнослужащего посредством военной музыки приведем следующий. Большая часть военно – музыкальной культуры связана с периодом Великой Отечественной войны. Изначально в начале войны широкое распространение получили песни – призывы и песни – мобилизации, которые постепенно заменили лирические военные песни. Посредством такого военно-музыкального репертуара выказывались самые сокровенные чувства и заветные мысли.

Целью военно-музыкального репертуара рассматриваемого периода было не столько настроить воинов на победу, сколько продемонстрировать, что они могут потерять в случае поражения. С помощью военной музыки напоминалось то, для чего следует воевать. Поэтому к категории Родина, в данном случае добавлялись такие категории духовно-нравственных ценностей как любовь, возлюбленная, семейное счастье, родной дом [7, с. 24]. По своему эмоционально-духовному содержанию военно-музыкальный репертуар периода Великой Отечественной войны превзошел все другие, существовавшие до войны и написанные после войны военно-музыкальные произведения.

Во время эмоционального исполнения военно-музыкального репертуара военнослужащие осознают свою причастность к Родине, к своему народу, к своим истокам. Такой репертуар обуславливает эмоциональное переживание принадлежности военнослужащих к своей стране, своему гражданству, традициям. У них формируются и развиваются духовно-нравственные ценности, трепетное отношение к своему Отечеству.

Таким образом, предназначение военной музыки как фактора формирования духовного мира военнослужа-

щего заключается в целенаправленном, систематическом влиянии на все компоненты духовности военнослужащего, с наибольшей силой воздействуя на эмоционально-чувственную сферу в процессе его военно-профессиональной деятельности.

В заключении отметим, что взаимодействие музыкального искусства с духовным миром военнослужащего представляет собой сложный и многоплановый процесс, в ходе которого осуществляется непрерывное развитие духовно-нравственных ценностей военнослужащих.

Литература

1. Петрий П.В. Синергия общества и армии в аксиологическом пространстве современной России: монография. М., 2013. С. 40.
2. Аверин А.К. Структура духовного мира человека // Вестник Воронежского государственного университета. 2008. № 1. С. 71.
3. Востриков И.В., Сулимов С.И. Структура духовного мира человека // Вестник Воронежского института МВД России, 2010. № 3. С. 88.
4. Коновалов Д.В., Ишимская Е.В. Сущность и специфика духовного мира военной интеллигенции // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2015. – С.93–95.
5. Мацукевич О.Ю., Герасимова И.А., Герасимов А.П. Педагогический потенциал военно-музыкальных традиций в системе кадетского образования // Вестник МГУКИ. 2016. № 4 (72). С. 182–189.
6. Гарбарь В.К. Музыка в системе средств массовой информации и ее роль в воспитании советских воинов: автореф. дисс. кандидат. философ. наук. М. 1989. 25 с.
7. Колесникова Н.А. Военная песня в духовной жизни российского общества: автореф. дисс. ... кандидат. культурол. наук. – М. 2002. – 25 с.

DEVELOPMENT OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF A SERVICEMAN OF THE RUSSIAN ARMY THROUGH MILITARY MUSIC

Chuprakov K.S.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

This article discusses the development of spiritual and moral values of a serviceman of the Russian army through military music. The concepts of “spiritual world of a person”, “spiritual world of a serviceman”, their elements are characterized. The specifics and features of military music as a factor in the formation of the spiritual world of a serviceman are analyzed. The main directions of the formation of the spiritual world of a serviceman of the Russian army through military music are determined. Examples of the development of spiritual and moral values of a serviceman through military music are given. Attention is drawn to the fact that during the emotional performance of the military musical repertoire, they realize their involvement in their Homeland, their people, and their origins. They form and develop spiritual and moral values, a reverent attitude towards their Fatherland. The author comes to the conclusion that the interaction of musical art with the spiritual world of a soldier is a complex and multifaceted process, during which the continuous development of his spiritual and moral values is carried out.

Keywords: spiritual world of a serviceman, military music, spiritual and moral values, military musical repertoire.

References

1. Petri P.V. Synergy of society and the army in the axiological space of modern Russia: monograph. M., 2013. p. 40.
2. Averin A.K. The structure of the spiritual world of man // Bulletin of the Voronezh State University. 2008. No. 1. p. 71.
3. Vostrikov I.V., Sulimov S.I. The structure of the spiritual world of man // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. No. 3. p. 88.
4. Konovalov D.V., Ishimskaya E.V. The essence and specificity of the spiritual world of the military intelligentsia // Modern technologies for ensuring civil defense and eliminating the consequences of emergency situations. – 2015. – pp.93–95.
5. Matsukevich O. Yu., Gerasimova I.A., Gerasimov A.P. Pedagogical potential of mili-

- tary musical traditions in the system of cadet education // Bulletin of MGUKI. 2016. No.4 (72). pp. 182–189.
6. Garbar V.K. Music in the mass media system and its role in the education of Soviet soldiers: abstract. diss ... candide. philosopher of Sciences. M. 1989. 25 p.
7. Kolesnikova N.A. Military song in the spiritual life of Russian society: abstract. diss ... candide. cultural sciences. – M. 2002. – 25 p.

Адаптация марксизма к китайскому контексту на современном этапе

Бао Синькай,

аспирант, кафедра истории и теории социологии,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
E-mail: waltermitty@126.com

На создание Коммунистической партии Китая 100 лет назад оказало решающее влияние идеология марксизма-ленинизма. Однако с развитием страны и сменой международной обстановки, партия осуществляла адаптацию коммунистической идеологии к китайским условиям и разрабатывала собственные идеи. По мере изменения потребностей страны у каждого партийного лидера появлялись собственные мысли о том, как интерпретировать учения предшественников и создавать новые. В настоящее время также можно наблюдать адаптацию концепции марксизма к реалиям Китая, связанным с глобализацией, интеграцией, цифровой революцией и сменой геополитического порядка в мире. С учетом вышеизложенного, в статье выделены ключевые аспекты, предпосылки и особенности развития марксизма в современном Китае. Отдельный акцент сделан на экономике, улучшении благосостояния страны, укреплении военной мощи и внедрении инноваций.

Ключевые слова: марксизм, Китай, экономика, политика, партия.

В 2021 году отмечалось столетие со дня основания правящей Коммунистической партии Китая, период, который Пекин назвал «славным путешествием» на заседании Центрального комитета в ноябре 2021 года [1]. В июле 1921 г. состоялся первый съезд Коммунистической партии, на котором присутствовало 12 или 13 человек, в том числе Мао Цзэдун, ставший впоследствии «пожизненным лидером» страны. Сегодня та же партия насчитывает миллионы членов, продолжая определять дальнейшую судьбу государства [2]. В то время как коммунистический эксперимент Советского Союза, с треском провалился в 1991 году вместе со многими другими социалистическими государствами в Восточной Европе, Китай по-прежнему считает себя коммунистическим государством, которое руководствуется идеологией марксизма, позволившей ему стать второй по величине экономикой в мире.

Коммунистическая партия Китая (КПК) прошла невероятный, стремительный путь развития за последнее столетие. Адаптация марксизма к китайскому контексту стала отдельной главой в 100-летней истории КПК и важным инструментом, который позволил партии одерживать победу за победой и добиваться одного достижения за другим.

В своем выступлении на церемонии, посвященной столетию КПК 1 июля 2021 года, генеральный секретарь Си Цзиньпин сказал: «Коммунистическая партия Китая придерживается основных принципов марксизма и принципа поиска истины на основе фактов. Основываясь на реалиях Китая, мы развили тонкое понимание тенденций дня, перехватили инициативу у истории и провели кропотливые исследования. Таким образом, мы смогли на постоянно адаптировать марксизм к китайскому контексту и потребностям нашего

времени. Изучая исторический опыт, который мы приобрели благодаря тому, что КПК руководила китайским народом многие годы, мы теперь можем формализовать глубокое и точное понимание законов и характеристик марксизма, которые партия поддерживала, обогащала и развивала в разные исторические периоды времени» [3].

Однако, резкий переход КПК от китайской революции Мао Цзэдуна к китайской мечте Си Цзиньпина остается недостаточно изученным и даже зачастую неправильно понятым или представленным в ложном свете, несмотря на его огромное влияние на все аспекты национальной жизни Китайской Народной Республики. Столкнувшись с проблемами, которые инициировали в последние годы ведущие капиталистические страны мира, направленные против социалистических стран и в связи с возобновившейся агрессией США, Китай приступил к процессу реформ, учитывающему конкретную ситуацию в современном глобальном мире.

В данном контексте сегодня существует актуальная потребность в глубоком анализе того, в какой степени КПК развивает философские основы марксизма и маоизма, каким образом партия видоизменила принципы социализма и коммунизма, трансформировала свою собственную идентичность и обновила свою субъектную позицию. Таким образом, необходимость решения обозначенных задач предопределяет выбор темы данной статьи.

Изучению международного опыта и уроков адаптации марксизма в Китае посвятили свои труды Сун Л., Ли С., Хэ Б., Чжан В., Cheng, Enfu; Adlakha, Nemanj; Jacob, Jabin T.; Subba, Bhim B.

Новые тенденции в идеологии КПК, основанные на концепции Дэн Сяопина «социализм с китайской спецификой» рассматриваются в работах Нин Я., Гао Я., Мэн Ю., Сотниковой И.Н., Син Г., Jacob, Jabin T.; Subba, Bhim B.

В работах Дай Ц., Хуан Ш., Чэнь С., Ань Ц., Nathan, Andrew J.; Zhang, Boshu ученые описывают, по их мнению, противоречивую логику национализма

и марксизма, которая имеет серьезные последствия для политико-культурных изменений в постмаоистском Китае, особенно в Новую эру правления Си Цзиньпина.

Анализ имеющихся на сегодняшний день публикаций и наработок свидетельствует о том, что рассматриваемая проблематика находится в фокусе внимания многих ученых и изучается с разных аспектов. Однако, трансформации и структурные сдвиги в политической системе и философии правления в Китае, возникающие в настоящее время в связи с возрождением социализма XXI века, способствуют появлению ряда проблемных вопросов, которые требуют особого внимания и более глубокого анализа.

Так в отдельном исследовании нуждается применимость тезиса об универсальном коммунизме, который знаменует окончательную победу марксизма во всем мире, для Китайской Народной Республики. Также необходимо уточнить в какой степени капиталистические элементы интегрированы в марксистскую политэкономия Китая и насколько они действенны.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, цель статьи заключается в рассмотрении особенностей адаптации марксизма к китайскому контексту на современном этапе.

На первом этапе исследования, прежде всего, необходимо отметить, что марксизм – это передовая идеологическая система, созданная Марксом и Энгельсом на основе развития культурного наследия и обобщения опыта рабочего движения с целью освобождения пролетариата и всего человечества от гнета империалистов. Ученые утверждали, что, только овладев передовой мыслью, рабочий класс может превратиться из неорганизованного пролетариата в пролетариат, вооруженный передовой теорией, и, в свою очередь, приложить мощную материальную силу для сокрушения старого общества и построения нового [4]. С момента своего появления более 170 лет назад марксизм стал частью народов во мно-

гих странах мира, сыграл и продолжает играть важную роль в формировании современного общества. В интеллектуальной истории человечества никогда не было другого направления мысли, оказавшего столь глубокое и масштабное влияние на развитие человеческой цивилизации.

Широкое распространение марксизма в Китае стало катализатором возникновения КПК. Марксизм снабдил партию научным мировоззрением и методологией, а также мощными теоретическими инструментами для понимания и формирования мира. Однако, в современном глобальном мире, в эпоху цифровизации и глобализации экономических отношений, финансовой интеграции и набирающей обороты Четвертой промышленной революции, руководителям Китая стало очевидно, что передовые социалистические производственные отношения не могут быть устойчивыми на низших уровнях производительных сил. Длительный период низкого, отсталого развития производительных сил породил бы крупное противоречие и противостояние между ними и ежедневно растущими материальными и культурными потребностями людей [5].

В результате КПК был проведен серьезный анализ политических и экономических вопросов и на рубеже веков, преодолевая путаницу и устаревшее понимание многих ключевых концептов и практик марксизма, КПК приняла всеобъемлющую идеологическую линию, которая вылилась в то, что современные лидеры называют «одна центральная задача и два основных положения». «Одна центральная задача» – это экономическое развитие, а «два основных положения» – это приверженность четырем основным принципам (марксизм-ленинизм и Мао Цзэдун, социалистический путь, главенство народной демократии и руководство коммунистической партии), а также проведение реформ и политики открытых дверей.

Вскоре после начала процесса реформ, в беседе с Ким Ир Сенем, Дэн Сяопин отметил: «В такой большой

и бедной стране, как наша, если мы не попытаемся увеличить производство, как мы сможем выжить? Как социализм может быть лучше, когда у нашего народа столько трудностей в жизни? «Банда четырех» ратовала за «бедный социализм» и «бедный коммунизм», заявляя, что коммунизм – это в основном духовная вещь. Это полная чушь!» [6].

Благодаря такой адаптации марксизма к китайскому контексту, КНР ускорила процесс развития за последние 50 лет, определяя собственную систему управления как «социализм с китайскими особенностями», который был закодированным способом выражения участия внутри страны и за ее пределами в капиталистической мировой экономике, ориентируясь на точку зрения, обычно описываемую как «неолиберальная глобализация». Такая идентичность была подчеркнута членством Китая во Всемирной торговой организации, широко признанной в качестве институционального органа, которому поручено контролировать и продвигать неолиберализм. Экономисты обычно описывают Китай после политических реформ, связанных с Дэн Сяопином в 1991 году, как «социалистическую рыночную экономику» [7].

Основываясь на вышеизложенном, можно утверждать, что адаптация марксизма к китайским условиям означает интеграцию его основных постулатов с особенностями современного развития, путем объединения сути передовых идей прошлого и настоящего, опыта развития Китая и всего мира, использования системы теоретического дискурса с китайскими особенностями, стиля и манеры построения марксизма с учетом глобальных экономических условий.

Также адаптация марксизма в современном Китае находит свое выражение в инновациях и неустанном, постоянном развитии нации. Генеральный секретарь КПК Си Цзиньпинь отметил: «Развитие марксизма и процесс его адаптации к китайскому контексту показали нам, что общество постоянно развивается, и поэтому мы должны по-

стоянно продвигаться в нашем мышлении и понимании и стремиться к инновациям в соответствии с практикой. Как нет конца эволюции практики, поскольку мир и время постоянно меняются, так и не может быть конца нашим усилиям по поиску истины, теоретическим и практическим инновациям и новым достижениям» [8].

В отличие марксистского подхода, которым руководствовался СССР, успех КПК в адаптированной марксистской идеологией заключается в ее «впечатляющем послужном списке административной компетентности» как внутри китайских границ, так и во внешней политике. Так, Пекин выстраивает международные отношения опираясь на подходы мягкой силы, создавая множество взаимовыгодных решений, таких как амбициозный проект «Нового Шелкового пути», в который вовлечены и активно участвуют как социалистические, так и капиталистические страны.

В процессе адаптации идей марксизма к новым реалиям, как внутреннее, так и внешнее поведение КПК, явно отличается от советской модели, чья коррумпированная бюрократия и авантюристические военные начинания в долгосрочной перспективе ухудшили положение государства и привели к его краху. За последние два десятилетия Китай продемонстрировал всему миру величайший в истории экономический и геополитический подъем, который находит свое проявление в сокращении крайней бедности, галопирующих темпах экономического роста и в растущем доминировании страны на самых значительных технологических рубежах инноваций XXI века.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

Адаптация марксизма к китайскому контексту на современном этапе находит свое проявление в следующих процессах и трансформациях:

– переход от крестьянской революции к рыночным реформам и прогрессивному экономическому развитию;

- превращение Китая в нацию с новаторским мировым влиянием, поднятие статуса вооруженных сил страны до уровня «мирового класса», искоренение нищеты, дальнейшее открытие рынков, а также создание равных условий для бизнеса;
- реализация широкомасштабной антикоррупционной кампании, больший упор на защиту окружающей среды и использование «мягкой силы» в дипломатии;
- обеспечение устойчивого, энергоэффективного экономического развития.

Литература

1. Буров В.Г. История длиной в сто лет (к юбилею компартии Китая) // Азия и Африка сегодня. 2021. № 9. С. 5–13.
2. Cheng, Enfu Ten Views of Marxism Originating from the Revolution and Development in China and the World // International critical thought. 2022. Volume 12: Number 1; pp 15–34.
3. Full text of Xi Jinping's speech on the CCP's 100th anniversary URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Full-text-of-Xi-Jinping-s-speech-on-the-CCP-s-100th-anniversary>
4. Сун Л., Ли С. Международный опыт и уроки адаптации марксизма в Китае // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 222–226.
5. Guo, Yangsheng Translating Marxism as a philosophy of modernity in China: the case of the Manifesto of the Communist Party // Perspectives: studies in translatology. 2022. Volume 30: Number 2; pp 292–305.
6. Poulin, Maxence Comparative Analysis of the Economic Structure of the Socialist Market Economy of China and the New Economy Policy // International critical thought. 2021. Volume 11: Issue 4; pp 519–534.
7. Rockmore, Tom Marx, Chinese Marxism and poverty // Journal of global ethics. 2021. Volume 17: Issue 1; pp 42–54.
8. Understanding Marx, understanding modernism / edited by Mark Steven.

London: Bloomsbury Academic, 2021.
119 p.

ADAPTATION OF MARXISM TO THE CHINESE CONTEXT AT THE PRESENT STAGE

Bao Xinkai

Lomonosov Moscow State University

The creation of the Communist Party of China 100 years ago was decisively influenced by Marxism-Leninism. However, as the country developed and the international environment changed, the party adapted communist ideology to Chinese conditions and developed its own ideas. As the needs of the country changed, each party leader had his or her own ideas about how to interpret the teachings of predecessors and create new ones. At present, one can also observe the adaptation of the concept of Marxism to the realities of China due to globalization, integration, the digital revolution, and the changing geopolitical order of the world. In view of the above, the article highlights the key aspects, prerequisites and features of the development of Marxism in modern China. Separate emphasis is placed on the economy, the improvement of the country's welfare, the strengthening of military power and the introduction of innovation.

Keywords: Marxism, China, economy, politics, party.

References

1. Burov V.G. History of a hundred years (to the anniversary of the Communist Party of China) // *Asia and Africa Today*. 2021. № 9. С. 5–13.
2. Cheng, Enfu Ten Views of Marxism Originating from the Revolution and Development in China and the World // *International critical thought*. 2022. Volume 12: Number 1; pp 15–34.
3. Full text of Xi Jinping's speech on the CCP's 100th anniversary URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Full-text-of-Xi-Jinping-s-speech-on-the-CCP-s-100th-anniversary>
4. Sun L., Li S. International Experience and Lessons of Adapting Marxism in China // *Power*. 2020. № 4. pp. 222–226.
5. Guo, Yangsheng Translating Marxism as a philosophy of modernity in China: the case of the Manifesto of the Communist Party // *Perspectives: studies in translatology*. 2022. Volume 30: Number 2; pp 292–305.
6. Poulin, Maxence Comparative Analysis of the Economic Structure of the Socialist Market Economy of China and the New Economy Policy // *International critical thought*. 2021. Volume 11: Issue 4; pp 519–534.
7. Rockmore, Tom Marx, Chinese Marxism and poverty // *Journal of global ethics*. 2021. Volume 17: Issue 1; pp 42–54.
8. Understanding Marx, understanding modernism / edited by Mark Steven. London: Bloomsbury Academic, 2021. 119 p.

Формирование модели инклюзивного пространства в системе высшего профессионального образования

Бижуква Карина Алимардановна,

преподаватель, кафедра дефектологии русского языка и социальной работы, ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: karinaf07@mail.ru

Горбунова Валентина Васильевна,

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра дефектологии русского языка и социальной работы, ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: vellsav@mail.ru

Шульга Марина Михайловна,

доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии, ФГАОУ ВО «СевероКавказский федеральный университет»
E-mail: shulgamm@mail.ru

Колесникова Инна Александровна,

кандидат психологических наук, доцент, кафедра дефектологии русского языка и социальной работы, ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: inna.iva@mail.ru

Бруснева Валерия Владимировна,

кандидат медицинских наук, доцент, кафедра дефектологии русского языка и социальной работы, ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: valeria.brusnewa@yandex.ru

физическое пространство (пространственный компонент); образовательная среда (учебно-методический компонент); правовое пространство (правовой компонент); социально-психологическая среда (социально-психологический компонент). В заключении делается вывод о необходимости совершенствованию работы по формированию готовности общества и системы образования к принятию основных ценностей и принципов инклюзии.

Ключевые слова: инклюзивное пространство, студенты с инвалидностью, инклюзия, инклюзивная компетентность.

Статья посвящена проблеме создания инклюзивного пространства в системе высшего профессионального образования, направленное на обеспечение конституционных прав и гарантий для обучающихся с инвалидностью и ограниченные возможности здоровья на качественное высшее профессиональное образование. Раскрывается содержание и основные принципы создания инклюзивного пространства: доступности, непрерывности инклюзии, психологической комфортности, здоровьесбережения, адресности, развития самоадаптивности и конкурентоспособности. Авторы обосновывают модель инклюзивного пространства, выделяя четыре основных компонента:

Обеспечение прав лиц с инвалидностью на качественное профессиональное образование является сегодня приоритетным направлением государственной социальной политики.

Трудности процесса социальной адаптации и профессионального развития лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья вызваны следующими причинами:

- наличие определённых ограничений в состоянии здоровья, препятствующих эффективной коммуникации и взаимодействию, полноценному удовлетворению личностных и профессиональных потребностей;
- рассогласование личностных ожиданий и ориентаций, характерных для лиц с инвалидностью с требованиями профессиональной образовательной среды, в том числе и будущей профессиональной деятельности;
- высокий риск формирования барьеров, вызванных стигматизацией лиц с инвалидностью в современном российском обществе [5].

К универсальным признакам инклюзивного пространства исследователи относят организованность, протяженность, структурированность (взаимосвязь и взаимозависимость элементов), содержательность.

Анализ литературы по проблеме исследования [1;2] позволяет интерпретировать «**инклюзивное пространство**» как интегрированную систему структурных компонентов, педагогических факторов и условий, обеспечивающих равные возможности личностного и социального развития, адаптации, социализации, саморазвития для обучающихся, имеющих особые образовательные потребности и индивидуальные возможности.

Основными принципами создания инклюзивного пространства являются:

- *принцип доступности* предполагает обеспечение лиц с ограниченными возможностями без барьерного физического пространства образовательного заведения путём оснащения специальными техническими

средствами (пандусами, подъёмниками, лифтами), проектирование универсального дизайна зданий;

- *принцип непрерывности инклюзии* заключается в том, чтобы процесс инклюзии осуществлялся с начальной ступени образования. И для типичных учащихся и для лиц с инвалидностью важен опыт взаимодействия ещё на уровне дошкольного обучения, так как в данный период закладываются основы идентичности. Реализация данного принципа позволяет сформировать толерантное, ценностное отношение к обучающимся с особыми образовательными процессами;
- *принцип психологической комфортности* раскрывается в необходимости создания благоприятных социально-психологических условий для развития инклюзии, устранения социокультурных барьеров. С этой целью особую роль приобретает интегративное сопровождение обучающихся с инвалидностью, обеспечение их участие в творческих, исследовательских и волонтерских проектах;
- *принцип здоровьесбережения* предполагает применение в образовательной среде технологий, направленных на сохранение и восстановление здоровья обучающихся, в том числе с учётом рекомендаций индивидуальных программ реабилитации и абилитации;
- *принцип адресности* раскрывается в необходимости единого учёта обучающихся, имеющих особые образовательные потребности внутри образовательного учреждения, осуществлении регулярного мониторинга их потребностей при индивидуальном подходе;
- *принцип развития самоадаптивности и конкурентоспособности* направлен на то, чтобы способствовать выработке активной жизненной позиции лиц с инвалидностью в процессе социальной адаптации, их ориентации на эффективную про-

фессиональную деятельность и карьеру.

В структуре инклюзивного пространства можно выделить четыре основных компонента:

- физическое пространство (пространственный компонент);
- образовательная среда (учебно-методический компонент);
- правовое пространство (правовой компонент);
- социально-психологическая среда (социально-психологический компонент) (рисунок 1.).

Рис. 1. Основные компоненты инклюзивного пространства

Физическое пространство представляет собой совокупность материальных параметров, которые необходимы для того, чтобы состоялся коммуникационный контакт преподавателей с обучающимися с ограниченными возможностями здоровья и мог осуществиться сам образовательный процесс.

Доступность физического пространства образовательной организации – ключевая потребность обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. Доступная среда основывается на специальных стандартах-строительных нормах и правилах, принципах универсального дизайна [6].

Повышение качества архитектурной среды достигается при соблюдении следующих принципов: доступности, безопасности, удобства и информированности зданий для нужд обучающихся с инвалидностью и других маломобильных групп населения без ущемления соответствующих прав и возможностей других людей, находящихся в зданиях.

По степени значимости эти критерии имеют следующий порядок приоритетов: доступность, безопасность, информативность, комфортность (удобство).

Критерий доступности содержит в себе требования беспрепятственного движения по коммуникационным путям, достижения места целевого назначения или обслуживания, возможности воспользоваться местами отдыха, ожидания и соответствующее обслуживание.

Под безопасностью понимается создание условий получения образовательных услуг без риска быть травмированным каким-либо образом или причинить вред своему имуществу, а также нанести вред другим людям, зданию или оборудованию.

Информативность обеспечивает разностороннюю возможность современного получения, осознания информации и соответствующего реагирования на неё, в том числе возможность распознавания ориентиров, эффективной ориентации в образовательной организации и т.п.

Важнейшим показателем уровня комфортности выступает создание условий для минимальных затрат и усилий маломобильных групп для удовлетворения своих нужд, обеспечение возможности для отдыха, сокращения времени усилий для получения необходимой информации.

Проблема доступной среды стоит особенно остро перед учебными заведениями, изначально ориентированными на обучающихся, не имеющих ограничения в состоянии здоровья. Оснащение доступной среды требует больших финансовых затрат и ресурсов. В исследованиях Е.Р. Ярской-Смирновой отмечается, что образовательные организации часто не имеют финансовой возможности создания безбарьерной среды, так как большинство мероприятий по организации универсального дизайна приходится осуществлять за счет внебюджетных средств [7].

Важной составляющей физического компонента инклюзивного простран-

ства являются технические средства. К ним необходимо отнести:

- технические средства для реабилитации лиц с инвалидностью;
- технические средства передвижения в пределах образовательной организации;
- технические средства информационного направления (указатели, рекламное оборудование и т.д.);
- средства для сбора, хранения, переработки и передачи информации, необходимой для организации образовательного процесса.

Немаловажным фактором физического компонента инклюзивного пространства является создание организационно-управленческой структуры образовательных учреждений. В 2017 году было налажено системное взаимодействие вузов и государственных органов власти – создана федеральная сеть ресурсных учебно-методических центров (РУМЦ). Основная цель функционирования данных подразделений координация деятельности по созданию инклюзивного образовательного пространства, оказание методической помощи участникам образовательного процесса.

Условиям эффективного функционирования инклюзивного пространства является создание в вузе структурного подразделения, ответственного за координацию деятельности в области создания специальных условий для получения образования лицами с инвалидностью и лицами с ограниченными возможностями здоровья.

Правовое пространство следует трактовать как систему фиксированных или официальных документов, законов, положений, указов и других нормативно-правовых документов. Каждый обучающийся должен быть заинтересован в обладании правовой культурой и в распространении ее на всех членов общества.

Правовые компоненты инклюзивного пространства представляют:

- международные документы, гарантирующие права лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья на образование;

- федеральные законы Российской Федерации и документы Правительства Российской Федерации, регламентирующие образование лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья;
- ведомственные нормативные документы в сфере высшего образования лиц с инвалидностью;
- нормативно-правовые документы образовательной организации.

В правовое пространство включены вопросы юридического регулирования, регламентируемые законами по социальной защите лиц с инвалидностью, в области предоставления образовательных услуг и защиты прав потребителя по регулированию информационного обеспечения. Непременным элементом является административное регулирование деятельности в сфере образования – стандарты, административные регламенты предоставления услуг, распорядок и режимы работы учреждений, правила приема лиц с инвалидностью и т.п.

Обеспечение инклюзии в образовательном процессе определяет необходимость создания грамотной учебно-методической работы.

Содержание учебно-методического компонента включает в себя:

- адаптированные образовательные программы;
- адаптированные программы учебных дисциплин, учитывавшие особенности лиц с ограниченными возможностями;
- адаптационные программы учебных дисциплин для лиц с ограниченными возможностями;
- дидактические средства обучения;
- информационно-коммуникативные технологии и др.

Ведущим инструментом повышения доступности и улучшения качества высшего образования для студентов с ограниченными возможностями и инвалидностью являются ассистивные технологии. Впервые термин «ассистивные технологии» был применен в США в 1988 г. в документе «Technology-Related Assistance for Individuals with Disabilities Act

of 1988 (The Tech Act)». С того времени этот термин достаточно активно используется зарубежными специалистами.

Под ассистивными технологиями понимаются различные устройства, оборудование, продукты, программное обеспечение или услуги, направленные на усиление, поддержку или улучшение функциональных возможностей людей с ОВЗ и инвалидностью и позволяющие обеспечить доступ к информации, процессу общения, информационно-образовательной среде [3].

Важной проблемой является организация эффективного взаимодействия между обучающимся и преподавателем. Взаимодействие с обучающимся с особыми образовательными потребностями предполагает наличие у преподавателя соответствующих компетенций и навыков. Опишем основные из них:

- инклюзивная компетентность преподавателей – знание психологии и педагогики обучающихся с особыми образовательными потребностями, умение конструировать благоприятную социально-психологическую среду социализации лиц с инвалидностью, сглаживать риски стигматизации и дискриминации;
- знание этики и основ социокоммуникативного взаимодействия с людьми, имеющими инвалидность.

Обучение некоторых категорий лиц с инвалидностью (в первую очередь с нарушениями зрения, слуха, речи) требует специальных знаний, например, сурдопедагогики и жестового языка. Для этого образовательное учреждение может привлекать в штат дополнительных специалистов (сурдопереводчиков), которые обеспечивали бы коммуникацию обучающегося с преподавателями и другими обучающимися.

Социально-психологический компонент инклюзивного образовательного пространства тесно связан с предыдущими и определяет характер социально-психологического самочувствия обучающегося в образовательной среде [8; 9]. Центральным препятствием инклюзии в данном случае вы-

ступает социокультурный барьер, который проявляется в основном в наличии стигматизации лиц с инвалидностью.

С другой стороны, сами обучающиеся с инвалидностью могут быть не готовы к совместному обучению. Недостаток коммуникативного опыта и внутренние переживания болезни (телесности) могут подрывать самооценку, порождать такие качества как замкнутость, застенчивость, которые могут выступать барьерами для развития инклюзивного пространства.

По мнению А.П. Князевой, Е.Н. Корнеевой, успешность адаптации человека с особенностями к обществу сверстников, не имеющих ограничения в состоянии здоровья определяется и тем, насколько сам он считает себя полноправным членом этого общества [4].

Среди технологий, способствующих решению социально-психологических проблем инклюзии можно выделить следующие:

- формирование позитивного социального имиджа лиц с инвалидностью. Данное направление работы может включать в себя тематические выставки, дискуссионные занятия, встречи с представителями общественных организаций лиц с инвалидностью;
- социально-психологическое сопровождение и консультирование лиц с инвалидностью и ОВЗ;
- организация инклюзивного волонтерства.

Инклюзивное волонтерство рассматривают в двух аспектах. Инклюзивное волонтерство – это общественно полезная деятельность, осуществляемая путем личного выполнения работ, оказания услуг без получения денежного или материального вознаграждения, осуществляемая лицами с ограниченными возможностями здоровья.

В ходе такой деятельности человек с инвалидностью не только решает общественно значимые проблемы и задачи, но и приобретает социальные навыки и социальные связи, которые помогают ему справляться с собственными сложностями.

Второй подход рассматривает лиц с инвалидностью как основной объект волонтерской деятельности, получателем помощи и поддержки волонтеров. Инклюзивное волонтерство в таком понимании подразумевает специально созданную и обученную группу волонтеров, ведущую работу с людьми с инвалидностью, направленную на их социализацию и социальную реабилитацию.

Таким образом, инклюзивное пространство вуза представляет собой динамическую систему различных компонентов, обеспечивающих успешную социальную адаптацию, интеграцию и профессиональное развитие лиц с инвалидностью и ОВЗ.

Схематично модель инклюзивного пространства представлена на рисунке 2.

Физическое пространство			
Доступная архитектурная среда	Технические средства реабилитации	Органы управления и координации инклюзивного образования	
Основные требования			
Доступность	Безопасность	Информативность	Комфортность (удобство)
Правовое пространство			
Международные документы, гарантирующие права лиц с инвалидностью и ОВЗ на образование	Федеральные законы РФ и документы Правительства РФ, регламентирующие образование лиц с инвалидностью и ОВЗ	Ведомственные нормативные документы в сфере высшего образования лиц с инвалидностью и ОВЗ	Нормативно-правовые документы образовательной организации
Образовательная среда			
Учебно-методическое обеспечение (АООП, специальные дидактические материалы и т.п.)	Использование ассистивных технологий и специальных технических средств обучения	Инклюзивная компетентность педагогического коллектива	Наличие в штате специалистов, обеспечивающих коммуникацию в образовательном процессе
Социально-психологическая среда			
Позитивный социальный имидж лиц с инвалидностью и ОВЗ	Социально-психологическое сопровождение и консультирование лиц с инвалидностью и ОВЗ	Организация инклюзивного волонтерства	

Рис. 2. Модель инклюзивного пространства вуза

Ведущим условием создания инклюзивного пространства является готовность общества и системы образования к принятию основных ценностей и принципов инклюзии. Ведущую роль в обеспечении инклюзивного взаимодействия в образовательном пространстве вуза играет профессорско-преподавательский состав. От уровня его профессиональной компетентности

и готовности к созданию инклюзивного пространства зависит успешность адаптации, социализации, интеграции и профессионального развития студентов с инвалидностью и ОВЗ.

Литература

1. Алехина, С.В. Принципы инклюзии в контексте развития современного образования / С.В. Алехина. // Пси-

- хологическая наука и образование. 2014. № 1. С. 5–16.
2. Инклюзивное образование как первый этап пути к включающему обществу / Н.Я. Семаго и др. // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. С. 51–58
 3. Информационно-коммуникационные и ассистивные технологии в инклюзивном образовании: учебное пособие / Д.Н. Оськин [и др.]. – Рязань: ОТСиОП, 2019. – 154 с.
 4. Князева А.П., Корнеева Е.Н. Психологическая инвалидизация, или личностная идентичность инвалида // Ярославский педагогический вестник. – 2005. – № 2
 5. Мажаров В.Н., Ходжаян А.Б., Маяцкая Н.К., Горбунова В.В. Особенности сопровождения студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в медицинском вузе // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 4. С. 179–183.
 6. СП 59.133330.2012 «Свод правил. Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения. Актуализированная редакция СПиП 35.01.2001» (утв. Приказом Минрегиона России от 27 декабря 2011 г. № 605).
 7. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Высшее образование инвалидов: политика и опыт // Высшее образование в России. – 2004. – № 7. С. 40–48
 8. Лиликталь И.Е., Колесникова И.А. Модель психолого-педагогической поддержки адаптации студентов на начальном этапе вузовского обучения // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2016. № 1 (52). С. 139–144.
 9. Лиликталь И.Е., Колесникова И.А. Возможности психологической поддержки личности в становлении субъектности студентов // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2015. № 4 (49). С. 181–185.

FORMATION OF THE MODEL OF INCLUSIVE SPACE IN THE SYSTEM OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION

Bizhukova K.A., Gorbunova V.V., Shulga M.M., Kolesnikova I.A., Brusneva V.V.

Stavropol State Medical University; North Caucasus Federal University

The article is devoted to the problem of creating an inclusive space in the system of higher professional education aimed at ensuring constitutional rights and guarantees for students with disabilities and limited health opportunities for high-quality higher professional education. The content and basic principles of creating an inclusive space are revealed: accessibility, continuity of inclusion, psychological comfort, health saving, targeting, development of self-adaptability and competitiveness. The authors substantiate the inclusive space model by identifying four main components: physical space (spatial component); educational environment (educational and methodological component); legal space (legal component); socio-psychological environment (socio-psychological component). In conclusion, it is concluded that it is necessary to improve the work on the formation of the readiness of society and the education system to accept the basic values and principles of inclusion.

Keywords: inclusive space, students with disabilities, inclusion, inclusive competence.

References

1. Alyokhina, S.V. Principles of inclusion in the context of the development of modern education / S.V. Alyokhina. // Psychological science and education. 2014. No. 1. pp. 5–16.
2. Inclusive education as the first stage of the path to an inclusive society / N. Ya. Semago et al. // Psychological Science and education. 2011. No. 1. pp. 51–58
3. Information and communication and assistive technologies in inclusive education: textbook / D.N. Oskin [et al.]. – Ryazan: OT-SiOP, 2019. – 154 p.
4. Knyazeva A.P., Korneeva E.N. Psychological disability, or the personal identity of a disabled person // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2005. – No. 2
5. Mazharov V.N., Khodjayan A.B., Mayatskaya N.K., Gorbunova V.V. Features of accompanying students with disabilities and disabilities in a medical university // Modern high-tech technologies. 2021. No. 4. pp. 179–183.

6. SP 59.133330.2012 «Code of Rules. Accessibility of buildings and structures for low-mobility groups of the population. Updated version of SPiP 35.01.2001» (approved by Order of the Ministry of Regional Development of Russia No. 605 dated December 27, 2011).
7. Yarskaya-Smirnova E.R. Romanov P.V. Higher education of disabled people: politics and experience //Higher education in Russia. – 2004. – No. 7. pp.40–48
8. Lilienthal I.E., Kolesnikova I.A. Model of psychological and pedagogical support for adaptation of students at the initial stage of university education // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2016. No. 1 (52). pp. 139–144.
9. Lilienthal I.E., Kolesnikova I.A. Possibilities of psychological support of personality in the formation of subjectivity of students // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2015. No. 4 (49). pp. 181–185.

Оценка качества дошкольного образования как социологическая проблема

Шрайнер Ольга Викторовна,
независимый исследователь, заместитель
начальника отдела Управления внутренней политики
Правительства Псковской области
E-mail: gimu10-13@yandex.ru

Представлен краткий обзор трансформации категории «качество» в социальных науках, рассмотрена социальная роль дошкольного образования в контексте других наук. На основе систематизации различных подходов к исследованию качества образования определены группы научных исследователей, представляющие различные особенности понятия «качество образования». Представлено интегральное понятие качества дошкольного образования с позиции социологического подхода. Образование рассматривается как социальный институт, который реализует в обществе важнейшие потребности социальных субъектов – образование и воспитание человека. В тексте статьи автор размышляет о социальной функции образования, которая состоит в воздействии на структуру общества и связана с социальными последствиями реализации воспитательного потенциала дошкольной образовательной организации города, региона, страны. Автор отмечает отличительную черту этой функции системы дошкольного образования, отмечающую сущность системы дошкольного образования как мощного и четко направленного канала социальной защиты и равенства.

Ключевые слов: дошкольное образование, оценка качества, социальная компонента, социологический подход, управление качеством.

Вопросы качества образования являются основополагающими в современной образовательной политике и науке, так как ориентированы на решение целого комплекса задач по развитию личности с высокими моральными целями и мотивами, ее подготовку к жизни в постоянно меняющемся и противоречивом социуме. Стратегически важным в развитии всей отечественной системы образования остается вопрос и о повышении качества дошкольного образования, выполняющего как образовательную, так и воспитательную функции.

Категория «качество» в социальных науках претерпела весьма многоплановую трансформацию – от сугубо философского осмысления до прикладных трактовок в рамках менеджмента качества. Философское понятие «качество» было введено впервые Аристотелем в IV веке до н.э. как различие между предметами по определенному признаку «хороший – плохой». Гегель определил качество как тождественную с бытием определенность, то есть когда нечто перестает быть тем, что оно есть, если теряет свое качество. В современной действительности в мире наук понятие «качество» устойчиво определило место не только в философии (как категория, выражающая сущностную определенность объекта, благодаря которой он является именно таким, а не другим), но и в области других наук, в частности, социологии, психологии и педагогики, экономики и менеджмента.

В самом общем плане, констатируют исследователи [3], анализ изменения категории «качество» в ряде социальных наук позволяет говорить о нескольких основных этапах в определении содержания данного понятия: «качество», определяемое как свойство объекта, «качество» как совокупность наиболее важных свойств объ-

екта и «качество» с позиции ценности или полезности исследуемого объекта, его потребительской стоимости. Содержание категории «качество» отражает определенную степень познания индивидом объективной картины мира.

Множество вариантов использования категории «качество», на наш взгляд, связано с тем, что каждая из наук использует эту емкую, сложную и универсальную категорию, для исследования различных аспектов жизнедеятельности человека и общества. Например, с экономической точки зрения качество определяется как результат потребления или потребительской стоимости объекта. Рассматривая через призму социальных наук, данная категория отражает отношение тех или иных субъектов или общества в целом к определенному объекту, например, представления и восприятие конкретных социальных групп к какому-либо классу услуг или соответствующей продукции. Вследствие этого, о качестве объекта возможно говорить по результатам оценки признаков и определении характеристики данного объекта, таким образом проявляется степень качества и значимости или ценности конкретного объекта для социальной личности. В таком случае признаками объекта служат некоторые показатели, приметы, относительно которых можно судить не только о существовании самого объекта, но в том числе о его функционировании, способах применения, действенности, а также воздействии на иные объекты. *С позиции социологии определенная совокупность признаков, свойств, которые отражают уникальность явления, необходимо выражать в комплексе переменных, в отношении которых возможно измерение и наблюдение.*

Следовательно, качество объекта будет являться для индивидуума некой «вещью в себе» до того момента, пока он сам не почувствует потребность в данном объекте, которая и будет являться для него ценностью в конкретный промежуток времени. Качество объекта на данном этапе проявляется

через его оценку субъектом. Именно такое понимание качества позволяет подвергнуть его измерению.

Образование как социальный институт реализует в обществе важнейшие потребности социальных субъектов – образование и воспитание человека. Импонирует позиция С.Е. Шишова и В.А. Кальней, которые изучают *качество образования с позиции социальной категории, которая описывает состояние и результативность процесса образования в социуме, его соответствие потребностям и ожиданиям различных социальных групп и общества в целом в развитии гражданских, бытовых и профессиональных компетенций личности*[6].

Социальная функция образования заключается в его влиянии на структуру окружения и отражает социальный результат реализации воспитательного потенциала детских учреждений конкретной территории или страны в целом. Отличительная черта данной функции системы дошкольного образования раскрывается в том, что *она представляет собой мощное и четко направленное средство социальной защиты и равенства.*

С середины 90-х гг. наблюдается стойкое расширение масштабов системы дошкольного образования, привлечения к ней все большего контингента, и не только детей, но и взрослых. В том числе с законодательной точки зрения родители стали полноправными участниками образовательного процесса, что в том числе указывает на их право участия в оценке качества происходящих процессов.

Целью дошкольного образования должны быть воспитание, физическое, интеллектуальное и психозмоциональное развитие ребенка[1], в том числе *первичная социализация ребенка.* Но дошкольное образование не должно выполнять задания, входящие в образовательные программы начального образования, обеспечив лишь преемственность соответствующих ступеней образования. Необходимо обеспечить доступность дошкольного образова-

ния для каждого ребенка соответствующего возраста, особенно в части дополнительных образовательных услуг. Доступность дошкольного образования должна обеспечиваться через разнообразие форм образования, государственно-общественное партнерство.

Дошкольное образование может приобретаться в государственных, муниципальных, частных образовательных организациях, а также в семье. Государство должно обеспечивать предоставление семьям, имеющим детей дошкольного возраста, методическую помощь по вопросам дошкольного воспитания и развития (типовые образовательные программы, методические советы, консультационные центры и т.д.) [2]. Благодаря национальному проекту «Образование» с 2019 года такая возможность появилась для всех родителей детей вне зависимости от места проживания. Консультационные услуги по наиболее актуальным вопросам воспитания детей (психолого-педагогическая, социальная помощь, поддержка взаимоотношений в семье и др.) оказываются на безвозмездной основе, как в очном, так и дистанционном формате на базе создаваемых Консультационных центров. За три последних года более 30 тысяч родителей детей Псковской области смогли получить ответы на свои вопросы, тем самым получая компетентную помощь от специалистов. Положительная оценка удовлетворенности от получаемой услуги (100%) указывает на актуальность данного формата взаимодействия субъектов образования, соответственно удовлетворяются потребности людей, их социальные и личностные ожидания. Таким образом, в вопросе обеспечения качества образования, дошкольного в частности, немаловажную роль играет и степень повышения компетентности родителей в вопросах воспитания и образования детей. Расширение сети Консультационных центров в регионах помогает решать наиболее актуальные задачи в части повышения доступности и качества образования в дошколь-

ных учреждениях за счет психолого-педагогической поддержки, в том числе сопровождение родителей по выстраиванию индивидуальных траекторий развития детей. Родители должны знать, что они не одни и им всегда могут помочь.

Модернизация системы дошкольного образования должна осуществляться не только ради развития системы как таковой. В процессе модернизации дошкольного образования нужно не только декларировать признание права малыша на счастливое детство, но и создавать для этого реальные условия. Обеспечение качества и доступности дошкольного образования является приоритетом не только в деятельности государственной исполнительной власти, но и должно быть поддержано на качественном уровне на местах: в городах и селах.

Система образования и воспитания детей дошкольного возраста как институт нравственной (духовной) культуры, в какой-то мере выполняет также критическую функцию, то есть является критиком общества. России сейчас крайне необходима активизация внутренней институциональной критической функции дошкольного образования, нужно развитие критического анализа деятельности дошкольной образовательной организации. Благодаря критическим суждениям ученых и специалистов в этой области, удастся предотвратить многочисленные ошибки при решении общественных проблем, в том числе и проблем, связанных с реформированием дошкольного образования на местах, то есть интеграции социальной политики в регионы [4]. *Задача социологии в данном контексте состоит в изучении позиций, мнений, установок ученых, специалистов, родительской общественности, власти, педагогов.*

Бесспорно, дошкольное образование как первичная составляющая непрерывного образования также требует изменений. Государственная политика дошкольного образования должна учитывать значительную роль и важное значение дошкольного образования

и создавать соответствующие условия для его развития в соответствии с требованиями развития человека новой информационной эпохи.

Исходя из гуманистической трактовки дошкольного образования, *«оно предстает перед обществом как ценность сама по себе. В данной ситуации ценным для личности выступает результат воспитания, совершенствования развивающегося индивидуума, его успешность на пути социализации»* [8].

Подобный подход к изменению направления развития дошкольного образования поможет государству и обществу совместными усилиями реализовать важную социальную задачу – воспитать качественно новое, творческое, здоровое и социально-активное молодое поколение на основе национальных и общечеловеческих ценностей. Поколение, которое станет основой для построения нового государства, ведь это наше общее будущее. Качество дошкольного образования не только и не столько определяется его доступностью, а в большей степени отражает благополучие, успешную социализацию, всестороннее развитие и воспитание каждого ребенка. Это особенно становится актуально в свете происходящих событий, когда государство приняло решение отказаться от Болонской системы в высшем образовании, а значит трансформации в сторону субъектности и индивидуализации российского пути коснуться и системы дошкольного образования.

Особенностью дошкольного образования является то, что освоение образовательных программ не предполагает на завершающем или промежуточном этапах каких-либо контрольно-измерительных работ (аттестации). Согласно Федеральным государственным стандартам дошкольного образования целевые ориентиры применяются к результатам освоения программы, которые содержат в себе согласованные ожидания социума в отношении задач и целей в дошкольном воспитании и образовании. Именно данный посыл стандартов заключает в себе актуальность

вопросов в отношении критериев оценки качества, процесса и результата образования.

При самом общем подходе к вопросу критериев можно согласиться с мнением Т.Б. Шараловой, которая подчеркивает, что категория «качество образования» содержит смыслы в следующих измерениях: общественный идеал образованности человека; результат его обучения; процессный подход к организации обучения и воспитания личности; оценка функционирования образовательной системы [5].

Таким образом, деятельность самой образовательной организации характеризует совокупность определенных критериев (показателей) качествам образования: это и содержание, соучастие взрослых и ребенка, кадровый состав, материально-техническое и программно-методическое обеспечение образовательного процесса, и т.д., все то, что в совокупности оказывает влияние на полноценное развитие ребенка в образовательном учреждении. При этом каждый из перечисленных параметров имеет региональную специфику. Следовательно, государственный заказ преломляется через региональный уровень управления образованием в части удовлетворения запросов общества, учета интересов конкретных территорий и образовательных потребностей личности через призму конкретизации целей, разработку концепции развития образования, учитывая региональную специфику и традиции конкретного региона.

Качество образования, в том числе дошкольного, в большинстве своем изучается с точки зрения педагогики, психологии. Как относительная категория качество рассматривается экспертами в данных науках с двух сторон. *С одной стороны – это совпадение с требованиями стандартов, с другой стороны – согласованность с потребностями и запросами общества. В первом случае зачастую это трактуется как «соответствие целям или применению».* Такая трактовка качества используется как понятие относительное. Оно является

средством, с помощью которого выявляется соответствие результата стандарту.

С точки зрения другого подхода (соответствие запросам потребителей) качество образования традиционно рассматривается как сфера общественного производства, которой присущи все атрибуты социальных объектов. Такой подход к качеству образования декларирован в ФГОС дошкольного образования, которым регламентируется образовательная деятельность учреждений. *Однако ярко выраженная социальная компонента крайне редко встречается в определениях качества образования.* На это, в частности, указывает Р. Шматов[7], который на основе систематизации различных подходов к исследованию качества образования определяет 5 основополагающих типов исследователей, которые представляют свою специфику понятия «качество образования». При этом преобладающая группа ученых и практиков в области образования солидарны в том, что вопрос повышения качества образования должен стать основополагающим при модернизации образования в целом. Соответственно в сегодняшних реалиях необходимо выработать единое понимание категории качества дошкольного образования со стороны каждого участника образовательных отношений, выработать четкое понимание критериев, способов и возможностей его повышения, что будет способствовать объединению усилий и позволит достичь максимально верного результата.

Эксперты первой группы выступают на стороне соответствия качества образования ожиданиям и запросам личности и социума в целом (С. Шишов, В. Кальней, А. Моисеев, Е. Яковлев). С этой позиции качество дошкольного образования видится нам как совокупность показателей результативности состояния и процесса образования (содержание образования, формы и методы обучения в дошкольной образовательной организации, ее материально-техническая база, кадровый состав и т.п.).

Следующий тип исследователей ориентируется на определенный уровень знаний, умений, навыков и социально значимых качеств личности (Е. Бондаревский, Д. Редько, Л. Санкин и др.). Соответственно, нормами качества образования для данной группы экспертов выступают социально-педагогические характеристики (цели, технологии, условия, личностное развитие). На наш взгляд, учитывая специфику дошкольного образования, необходимо соблюдение также личностного вектора в социальном развитии ребенка.

Третья категория ученых акцентирует свое внимание на установлении соответствия комплекса свойств образовательного процесса и его результата требованиям стандартизированным нормам, социальным принципам общества в целом, а также личности в частности (В. Байденко, В. Исаев, Н. Селезнева, А. Субетто и др.). В их понимании качество образования выступает целостной характеристикой, включающей в себя и процесс, и результат, и систему как таковую. Отметим, что, на наш взгляд, данный подход является наиболее перспективным в качестве базового для социологического исследования качества дошкольного образования в его региональном измерении, так как дает возможность сформировать (как количественно, так и качественно) переменные, характеризующие региональную модель оценки качества дошкольного образования.

Четвертая группа исследователей изучаемую категорию рассматривает с позиции соответствия результата целям образования, спроецированным в зону возможного развития личности (М. Поташник, В. Полонский, В. Панасюк, А. Крахмалев и др.). С этой точки зрения качество образования предстает как некая совокупность характеристик уровня просвещения учащихся. В проецировании на дошкольный уровень качество как результат может выступать как соответствие уровня подготовки и воспитанности выпускников дошкольной образовательной органи-

зации к продолжению образовательной траектории.

И последняя группа заинтересованных экспертов и ученых в понятие «качеством образования» вкладывает способность образовательной организации отвечать установленным потребностям прогнозируемым ожиданиям (Т. Шамова, П. Третьяков, А. Володина и др.). Данный подход включает весь спектр интересов потребителей образовательных услуг, является классическим для дошкольного образования и традиционно касается внутренней организации образовательного процесса.

По нашему мнению, **именно комплексность** должна быть положена в основу разработки региональной модели оценки и управления качеством дошкольного образования.

В конечном итоге социальная стандартизация образования выступает как элемент обсуждений, согласований и показатель достигнутых компромиссов заинтересованных сторон образовательных отношений. Система требований, относительно которых и договорились стороны образовательного процесса, будет способствовать достижению необходимого качества результата образовательной деятельности.

Обобщая вышесказанное, приходим к выводу, что качество дошкольного образования как социального процесса должно учитывать интересы каждого субъекта образовательного процесса (государства, детей, родителей, педагогов, руководителей). Качество дошкольного образования – целый комплекс признаков и свойств, в процессе реализации которых достигается цель разностороннего развития ребенка, здоровьесбережения, достигается успешная адаптация к следующему возрастному этапу, социализация личности. Обстоятельства внешней и внутренней системы в обществе будут оказывать воздействие на процессы повышения качества образования, однако, несмотря на это, необходимо четко следовать пути удовлетворения ожиданиям и потребностям общества, родителей, детей.

Изучение понятия «качество образования» свидетельствует о том, что оно представляет собой многообразный и разноплановый объект управления. И на каждом его уровне, будь то государственный, региональный или уровень муниципалитета происходит влияние собственных средств, методов и принципов. Специфичность и единое понимание категории качества дошкольного образования способствует осознанию проблем по его оценке, а также создает возможность для разработки стратегических программ по их решению. При этом само содержание понятия «качество» не универсально. Для каждого периода развития и трансформации общества, для конкретной образовательной организации, социума показатели качества всегда специфичны, так они соответствуют социокультурной ситуации на данный момент.

Анализируя различные подходы, мы придерживаемся мнения, что качество образования в рамках изучения социологических наук рационально представлять как конвенционный феномен, как результат согласованности мнений всех участников образовательных отношений, а также соответствие их ожиданий и запросов требованиям образовательных стандартов соответствующего уровня, социокультурным потребностям и специфики образовательной системы в обществе конкретного региона.

Таким образом, социологическая трактовка качества дошкольного образования, по нашему мнению, должна быть интегральной, то есть охватывать и его процессуальные, и результативные характеристики. Социологический анализ предполагает включение макро-, мезо- и микроуровня анализа системы образования; выявление уровня соответствия образования современным и будущим (прогнозируемым) потребностям всех субъектов образовательного пространства дошкольного образования – государства, общества и всех субъектов процесса. Такой подход предполагает исследовательский анализ взаимодействия различных со-

циальных сообществ (педагоги, родители, эксперты в области дошкольного образования и т.д.), привлеченных к процессу дошкольного образования, поскольку именно их успешное взаимодействие выступает важным условием обеспечения его качества, включая начальные звенья (конкретные учреждения дошкольного образования). То есть на уровне региона, качество дошкольного образования должно оцениваться на мезо-уровне как комплекс оценок микроуровня – уровня самих дошкольных образовательных организаций. На наш взгляд, именно в этом состоит основное направление формирования региональных моделей управления качеством дошкольного образования в русле социологического подхода.

Литература

1. Вyroцкова В.В. Социально-психологические факторы развития детей дошкольного возраста // Современная зарубежная психология. – 2015. – Т. 4. № 1. – С. 10.
2. Замышляева А.В., Лихарева Т.В. Развивающие и воспитательные ресурсы семьи дошкольника: опыт и современное состояние вопроса // В сборнике: Инновационные стратегии развития прикладной и фундаментальной науки. Роль социально-экономических кризисов в развитии современного общества Материалы международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 21
3. Фрайман С.А. «Качество» как философская категория/ Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 9 (263). Экономика. Вып.37. С. 46
4. Шахбанова З.И. Региональные проблемы дошкольного образования // Экономика и предпринимательство. – 2018. – № 7 (96). – С. 412–415.
5. Шарапова Т.Б. Управление качеством образовательного процесса: компоненты и технология // В сборнике: ПРОБЛЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ Сборник трудов V Всероссийской научно-практической конференции. – 2015. – С. 472.
6. Шиян И.Б., Леван Т.Н., Шиян О.А., Зададаев С.А. Ключевые проблемы реализации ФГОС дошкольного образования Результаты Всероссийского исследования качества дошкольного образования 2016–2017 гг. // Вопросы образования/ Educational Studies Moscow. 2021. № 2. С. 82–106
7. Шматков Р.Н. Качество высшего профессионального образования: социально-философский анализ // Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет, 2009. – С. 57–58.
8. Hannah Pickard, Francesca Happé, William Mandy. Navigating the social world: The role of social competence, peer victimisation and friendship quality in the development of social anxiety in childhood // Journal of Anxiety Disorders, Volume 60, December 2018. – P. 1–10.

QUALITY FOR EARLY CHILDHOOD EDUCATION AS A SOCIOLOGICAL PROBLEM

Shrayner O.V.

Government of the Pskov region

A brief overview of the transformation of the category “quality” in the social sciences is presented, the social role of preschool education in the context of other sciences is considered. Based on the systematization of various approaches to the study of the quality of education, groups of scientific researchers representing various features of the concept of “quality of education” have been identified. The integral concept of the quality of preschool education is presented from the standpoint of the sociological approach. Education is considered as a social institution that implements the most important needs of social subjects in society – human education and upbringing. In the text of the article, the author re-

flects on the social function of education, which consists in influencing the structure of society and is associated with the social consequences of realizing the educational potential of a preschool educational organization of a city, region, country. The author notes the distinctive feature of this function of the preschool education system, which marks the essence of the preschool education system as a powerful and clearly directed channel of social protection and equality.

Keywords: early childhood education, quality assessment and evaluation; social component, sociological approach, quality management.

References

1. Vyrotskova V.V. Socio-psychological factors in the development of preschool children // *Modern foreign psychology*. – 2015. – V. 4. No. 1. – P. 10.
2. Zamyshlyayeva A.V., Likhareva T.V. Developing and educational resources of a preschool child's family: experience and the current state of the issue // In the collection: *Innovative strategies for the development of applied and fundamental science. The role of socio-economic crises in the development of modern society* Proceedings of the international scientific-practical conference. – 2017. – S. 21
3. Fraiman S.A. "Quality" as a philosophical category / *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2012. No. 9 (263). Economy. Issue 37. p.46
4. Shakhbanova Z.I. Regional problems of preschool education // *Economics and entrepreneurship*. – 2018. – No. 7 (96). – S. 412–415.
5. Sharapova T.B. Quality management of the educational process: components and technology // In the collection: *PROBLEMS OF LIFELONG PROFESSIONAL EDUCATION IN RUSSIA: STATUS AND PERSPECTIVES* Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. – 2015. – P. 472.
6. Shiyani I.B., Levan T.N., Shiyani O.A., Zadaev S.A. Key problems in the implementation of the Federal State Educational Standard of preschool education Results of the All-Russian study of the quality of preschool education in 2016–2017 // *Problems of Education/Educational Studies Moscow*. 2021. № 2. pp. 82–106
7. Shmatkov R.N. The quality of higher professional education: socio-philosophical analysis // *Federal Agency for Education, Novosibirsk State Pedagogical University*. – Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2009. – S. 57–58.
8. Hannah Pickard, Francesca Happé, William Mandy. Navigating the social world: The role of social competence, peer victimization and friendship quality in the development of social anxiety in childhood // *Journal of Anxiety Disorders*, Volume 60, December 2018. – P. 1–10.

Космопланетарное бытие человека (от русского космизма – к российскому инвайронментализму)

Люскин Михаил Борисович,

доцент каф. ФПС, ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ»

E-mail: LiuskinMB@mpei.ru,

Калинин Эдуард Юрьевич,

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ»

E-mail: KalininEY@mpei.ru

Российский инвайронментализм – это развитие проблематики русского космизма в современных условиях: дифференциации науки, интеграции науки, техники и общества, освоении космического пространства, возникновении и развитии глобальных проблем, возникновении синергетики и системы кибернетических исследований. Успех российского инвайронментализма как массовой и профессиональной идеологии и мировоззрения возможен только при эффективном взаимодействии естественно-научных, социо-гуманитарных и технико-практических исследований. Сегодня обращение к традициям русского космизма приобретает почти ритуальный характер, т.к. позволяет декларировать свою преемственность и приоритет российской мысли, её актуальность в новых условиях и возможность нового «синтеза». Однако эволюция космизма в России – это (во многом) преодоление архаических форм мировоззрения. Некорректно (и неправильно) воспринимать русский космизм как альтернативу западноевропейской мысли, рационализму.

Ключевые слова: русский космизм, российский инвайронментализм, интеграция науки, техники и общества, естественно-научное, социо-гуманитарное мировоззрения, человек.

Инвайронменталистская парадигма или инвайронментальность (или «эко-духовность», если хотите) – одна из систем идей и регулятивов при осуществлении перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Инвайронментализм (ИМ) стремится ограничить неограниченный рост естественных и технических наук, их технологическое воплощение и экономические и политические механизмы на основе социогуманитарных наук и ценностей. Зафиксируем его основные формы: 1. ИМ как наука об окружающей среде и взаимоотношениях с ней человека. Предмет её шире предмета экологии, изучающей только природную среду; 2. ИМ как практическая мудрость, опыт, учение – назовем его инвайронментальностью, включающей в себя как индивидуальные, так и рационализированные, идеологические и мировоззренческие формы и духовные практики – всю сферу духовно – практического отношения человек – окружающая среда; 3. ИМ как философия – ивайронментальная или экофилософия; 4. ИМ как социальная организация, управление и политика; 5. ИМ как движение – движение зеленых.

Для российского ИМ обращение к традиции русского космизма почти обязательно и ритуально, т.к. позволяет декларировать свою преемственность и приоритет российской мысли, её актуальность в новых условиях и возможность нового «синтеза». Оценка справедливости этих притязаний российского ИМ как нового русского космизма составляет суть данной работы.

В свое время Н.К Гаврюшин высказал сомнение: а был ли русский космизм?

Как ни странно, ответить отрицательно гораздо легче, чем положительно, если следовать критериям классической западной мысли. Нет общей школы, единой понятийной системы или хотя бы общего концептуального ядра,

к тому же каждый русский космист не ровнит вступить в противоречие с другими. При этом громадное большинство из них как-то подозрительно многогранны и расплывчаты и противоречат не только друг другу, но и самим себе. Однако если следовать критериям ряда направлений современной западной мысли, то эти вышеперечисленные особенности позволяют разнообразно актуализировать русский космизм – все, что не устраивает – отбросить, перетолковать, как минимум не заметить (что с позиций постмодернизма, что с позиций западного ИМ). Но для российского ИМ это совершенно не так. Для обретения утраченного единства и национальной самоидентификации и происходит прежде всего это обращение. Именно эти поиски, на наш взгляд, являются общим стержнем, реальной связью и преемственностью между российским ИМ и русским космизмом.

Можно заметить единство и различия между современными российскими инвайронменталистами. Они сходятся в том, что в период зарождения русского космизма российское бытие утратило целостность и устойчивость. И возникла необходимость «нового синтеза Космоса», или «всеединства». Эту потерю отмечают все русские космисты и все российские инвайронменталисты, их оценивающие и описывающие. Первые были согласны, что нужно и можно такой синтез создать – в этом выражалась одна из главных черт русского космизма, да и почти всей российской культуры – ее проективность и вместе с тем ее эсхатологичность и утопичность.

Для нас наиболее важны следующие моменты его двойственности или противоречивости: сочетание утопии с проективностью, тотальной проективности с проектами тотальности, поисков единства и отсутствием единства в поисках. Новые моменты двойственности применительно к русскому космизму – это двойственность всех «новых синтезов Космоса», всех проектов «всеединства». Провозглашение единства философии, религии и науки

не удалось реализовать во «всеединстве», оно оказалось скорее синтезом религии, искусства, личной духовно-мистической практики и элементов науки и философии как у В. Соловьева, так и у всех других творцов «всеединства».

По намерениям и заявкам глобальный синтез на деле оказывался локальным. Осознание неоднородности космоса привело к постоянному присутствию двух пониманий природы: физического и натуралистического в естественно-научной ветви русского космизма и вдобавок к этому – к квазинатурализму духовных, сознательных феноменов. Подобное совмещение было возможным только на определенном этапе неразвитости физической науки в России и начальном этапе развития ряда биологических, геологических и экологических дисциплин. Это уникальная переходность в развитии отечественного и мирового научного знания позволила натуралистическим концепциям, глобально расширенным и обобщенным в рамках русского космизма, реализовать прогностическую и интегрирующую функцию.

Заявленный или неосознанно желаемый синтез религии и науки остался только по большей части пожеланием и привел к двойственности смысловой нагрузки и функции каждого элемента в новом синтезе: научные элементы получили добавочную сакральную нагрузку и изменили смысл, а религиозные элементы стали пониматься в особом квазинатуралистическом, а не каноническом смысле.

Благодаря последнему аспекту двойственности рациональные элементы и методы науки и философии (одни больше, другие меньше) подвергаются искажению, и поэтому в целом русский космизм не представляет собой ни философской, ни научной школы, а является умонастроением, мировоззрением или тенденцией.

В последнюю четверть века, когда происходило «воскрешение» (почти по Н. Федорову) русского космизма, ситуация существенно иная. Главный духовный пафос русского космизма вы-

доходя, если не совсем, то почти. С другой стороны, развитие космонавтики, системно-кибернетических подходов, комплексных биосферных наук делает во многом ненужным и естественнонаучный пафос русского космизма.

Тогда что представляет собой российский инвайронментализм?

Это и не антропоцентризм, претендующий на место Бога. Поэтому это действительно (1) антропокосмизм – «человекообразный космос и космоукрепленный человек» (как диалог человека и космоса с одной стороны и диалог естественных и социогуманитарных мировоззрений с другой). Некая предустановленная гармония в проекте, т.к. это не настоящее, а скорее «потребное будущее». Отсюда и его активный, проективно-конструктивный, творческий характер. Таким образом, это (2) демиургический антропокосмизм. Связующим звеном между человеком и космосом выступает Земля, биосфера, жизнь. Итак, это (3) демиургический антропогео(био)космизм. Теперь не хватает еще одного элемента, указывающего на тип знания. Это, конечно, не логос, а софия. Поэтому следующий этап формулы – это (4) демиургическая антропогео(био)космософия. Часть, относящаяся к знанию: (5) мистическая гностически-демиургическая антропогео(био)космософия.

Попробуем сопоставить его с русским космизмом. Оказывается двойственность, так неистребимо присущая русскому космизму, почти совершенно исчезла у российского инвайронментализма.

Остановимся кратко на социокультурной дифференциации российского инвайронментализма. Российский инвайронментализм распадается на ряд групп, каждая из которых по-своему интерпретирует (и редуцирует) русский космизм, согласно своей платформе.

1. Религиозный и историософский инвайронментализм. Здесь он редуцируется к христианскому космосу. 2. Морально-идеологический: или собственно инвайронментальность – это мораль, политика, идеология и уже кро-

ме переживания почти ничего не остается от знания как натуралиста, так и современного точного естествознания. 3. Философско-методологическая рефлексия на инвайронментализм и космизм. Это очень разнообразное направление, учитывающее опыт русского космизма: в собственных а) философско-методологических, б) научных концепциях. Практически во всех случаях а) и б) происходит рационалистическая редукция и модернизация русского космизма. Пункт За хорошо репрезентирует позиция Ф.И. Гиренка. [1, с. 153–156], [3, с. 27]

За. Человек является тем, кто индивидуализирует космос, делает его не “мертвой” универсальной сущностью, а “индивидом”, конкретной всеобщностью. С этим тезисом трудно согласиться, и его убедительность обязана интерпретацией автором отдельных утверждений представителей русского космизма. Однако, чем же объясняется то, что идеи сложились сотню лет назад и только теперь смогли пойти в ход? Почему эти идеи сложились именно в России?

Что является общим выражением космической ориентированности русской мысли конца XIX – начала XX вв.? Это убеждение в органически целом характере бытия, имманентной причастности человеческого существа к космосу, потребность в целом знании. “Космос” при этом скорее символизирует такого рода интенции, вбирает их в себя, нежели обозначает выделение и преимущественный предмет интереса и размышления.

4. Мистико-религиозный. Здесь есть попытки синтеза, включающие и научное знание. Это космизм, но, безусловно, мистико-логосной природы. От эпистемы здесь не остается ничего. 5. Мифически-мистический. В этом, как и во втором направлении происходит вольная или невольная вторичная мифизация русского космизма, сопровождающаяся усечением его естественно-научных компонент по сути, с оставлением их по форме. 6. Постмодернистское или «метаморфозное».

А вообще «постмодернистский» инвайронментализм где хочет, там и ходит.

С точки зрения Ф.И. Гиренка язычник – это тот, кого ведет язык. К новому язычеству ведут разные пути: наука – один из них. Что такое наука – метод. То, что обеспечивает возможность непрерывного возобновления человека в отчужденных формах сознания. Это достигается дрессировкой тела и психики. Человек, окруженный словами и предметами, смысл которых коренится в науке скорее готов отождествить себя с силой природы, чем со структурой личности. Т. е. наука в бытийных проявлениях заставляет работать на понижение человека и культуры. Это работа и создает то, что Гиренок называет новым язычеством. Новые язычники называют себя по-разному: позитивистами, реалистами, коллективистами, экуменистами и антропософами или просто колдунами и экстрасенсами. Все они работают на понижение, т.е. оставляют только тот набор возможных состояний человека, которое достигается продолжением его натуральных свойств. Всех их объединяет новоязыческое сознание.

Экология деконструирует порог первоначального разрыва с домом. Если город – центр, то экология деконструирует центр. Экология деконструирует другой разрыв с Богом. Разрыв с языком научной рациональности проявляется в признании внутренних состояний. Разрыв с наукой заполняется теософией, антропософией и экософией. Восток стал символом сообщения с тем, что внутри. Европа связала культуру с цивилизацией, Восток её связал с верой. В Европе обыватель есть, а космизма в ней нет. Космизм – это словесный барьер, плотина за которой хотели отсидеться интеллектуалы России. Они хотели переждать переоценку ценностей, которая шла по Европе. Космизм – это сохранение единого в момент переоценки ценностей. Космос не исключает возможности того, чтобы мы в нем были. Бог не хочет, а мы уже есть и это космос. То, что не определено полностью не на языке Бога, не на языке

человека. Это неречевая тайна мира. Речевая тайна ведет к власти. Неречевая – к космосу. В Европе тело мыслится как обрыв речи, в России космос мыслится как мировая душа. [3 с.88–99]

Можно согласится с неоязыческой интерпретацией русского космизма Ф.И. Гиренком, но уточним, что русский космизм и российский инвайронментализм – это не только неоязычество, это неоархаика, т.е. это попытка вернуться не только в рамках языка, но и в рамках социально – политических, точнее властных отношений к этапу доцивилизационного развития. Эволюция космизма в России заключалась как раз в преодолении архаических форм мировоззрения. Видеть в них свидетельство попыток определить ход времен, провиденциально усмотреть еще не реализованные возможности изменить ход новейшей европейской науки, по меньшей мере это выдавать желаемое за действительное. В этом сказывается как неуважение к предшественникам (образ их мыслей искажается в угоду ложной «актуальности» до неузнаваемости, и они становятся объектами какого-то интеллектуального манипулирования во имя совершенно посторонних целей, будь то патриотизм или отклик на требования моды), так и нежеланием хорошо понять – так что же мы начинаем постигать.

Необходимо слышать то, что они говорят нам, а не то, что мы хотим услышать от них. Главное – стремление услышать сказанное так, как сказано. В сказанном заключен личный выбор, декларированы ценности и предпочтения говорившего. Интерпретация “в духе времени” усиливает анонимность и способствует не мышлению и пониманию (реализуемым в диалоге), но мифологизированию предмета, что, на взгляд А.И. Алешина, и случилось в нашей литературе, посвященной прямо или косвенно теме русского космизма. [4, с. 50]

Если для М. Хагемайстера русский космизм – причина нестрогости мысли и впадения России в тоталитаризм, то для А.Ю. Семенова – это свидетель-

ство превосходства русской мысли над западной. В русской философии космизма весьма много не философов, а мифологов, ... но превращать русский космизм в альтернативу западноевропейской мысли, рационализму и даже возникающему постиндустриальному обществу столь же неправомерно, сколь и отрицать существование в нем этики... [2, С.64]. Подводя итоги существования и осмысления русского космизма и российского инвайроментализма необходимо отметить их актуальность, не лишенную противоречивости.

Литература

1. Гиренок Ф.И. Экология, цивилизация, ноосфера. М., 1987.
2. Русский космизм: Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский М.: 2022.
3. Стратегия выживания. Космизм и экология М., 1997.
4. Философия русского космизма М., 1996.

THE COSMOPLANETARY EXISTENCE OF MAN (FROM COSMISM TO RUSSIAN INVARIANTALISM)

Luskin M.B., Kalinin E. Yu.

National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Russian environmentalism is the development of the problems of Russian cosmism in modern conditions: the differentiation of science, the integration of science, technology and society, the exploration of outer space, the emergence and development of global problems, the emergence of synergetics and the system of cybernetic research. The success of Russian environmentalism as a mass and professional ideology and worldview is possible only with the effective interaction of natural science, socio-humanitarian and technical-practical research. Today, the appeal to the traditions of Russian cosmism acquires an almost ritual character, because it allows you to declare your continuity and priority of Russian thought, its relevance in the new conditions and the possibility of a new "synthesis". However, the evolution of cosmism in Russia is (in many ways) overcoming archaic forms of worldview. It is incorrect (and wrong) to perceive Russian cosmism as an alternative to Western European thought, rationalism.

Keywords: Russian cosmism, Russian environmentalism, integration of science, technology and society, natural science, socio-humanitarian worldview, man.

References

1. Girenok F.I. Ecology, civilization, noosphere. M., 1987.
2. Russian cosmism: N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky, A.L. Chizhevsky M.: 2022.
3. Survival strategy. Cosmism and ecology M., 1997.
4. Philosophy of Russian cosmism M., 1996.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Kravchenko A.I. The world of life and everyday life..... 5

Khlynin A.P. Genesis of approaches to the study of elites in the Soviet Union 17

Dusenko S.V., Rogacheva O.A. The use of remote technologies during a pandemic as a social process..... 25

Fedorov N. Yu. The sociological theory of human capital. The initial concepts Sociological theory of human capital. Initial concepts 30

EMPIRICAL STUDIES

Ardashev R.G. Irrational foundations of suicidal behavior of youth..... 39

Baev P.A. Religious consciousness in a pandemic society..... 47

Druzhinin G.V. Corporate University as a tool for the development of corporate culture of enterprises: on the example of the Irkutsk region..... 55

Zhuravleva I.A. Systematic analysis of state policy in the field of preschool and general education 61

Karandin K.S. Pharmacy Management: An Empirical Analysis..... 75

Karmadonov O.A. Professional well-being: balance of prestige and pathos 84

Kokhanova L.A., Golovko S.B., Alekseeva T.S., Gubanova M.I., Chereshneva Ju.E. Specifics of student user-generated content..... 92

Polyushkevich O.A., Abdrashitova O.A. Features of non-material motivation of state civil servants in the Irkutsk region 100

Volkov Yu.G., Vagina V.O. Dominant forms of patriotic practices of youth in the South of Russia (based on sociological surveys)..... 109

Zubets A.N. Evaluation and international comparisons of the indicator “years of a happy life” in a comprehensive assessment of the quality of life of the population 116

Oseev A.A. M. Weber’s ideal types of social action: “utopia” or reality? Methodology and methodology of research 125

Florya V.M., Kondral D.P. Socio-philosophical analysis of the role of fear in social life..... 149

Yan D. Parental Relationships in the Social Group of “Abandoned Children” in China in the 1970s and 1980s: Summarizing the Results of a Comparative Analysis..... 156

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Balakhnina A.G. Formation of a system of sociological research of society’s attitude to environmental problems 164

Semina T.V., Guo Wei. The impact of artificial intelligence technologies on social relations..... 173

Igumnov O.A. Social capital as Russian organizations social management resource in a changing management environment..... 179

Kuzevanova A.L., Zorkova V.A., Nadezhkina E. Yu. Social well-being of the elderly in terms of digitalization 189

Miao Li. The role of non-state actors and institutions in long-term care of older people in Russia 200

Meskhi B.B. Socio-investment model of regional management in Russian society: conceptual settings and prospects for sociological research 208

Perkova E.P. The study of sociotechnological culture of Russian aerospace companies 214

Fedorinin N.M. Social entrepreneurship as an element of urban social infrastructure 220

Chaikovskaya A.M. Bridging the digital divide in Russia: regional aspect of the problem of realizing human potential in the context of unequal access to information and communication technologies..... 224

Zhang Wen. Modern approaches to the analysis of the phenomenon of trust in society in the implementation of economic programs and reforms 233

Yakovleva O.I. Level of professional socialization of fire-technical university graduates as a factor of personnel policy of Russian MSSH 238

SOIOLOGY OF CULTURE

Guo Wei. Comparative study of the modern socio-cultural policy of China and Russia 245

Liu Qi. The image of China in the Uzbek media space: analysis of kun.uz messages during the coronavirus epidemic 254

Tsvetkova N.A., Pokrovskaya S.V. Features of Characteristics of Family Parenting in Incomplete Families 262

Tsukanova M.V. The role of social media in youth socialization 269

Sheremet A.N. Social functioning of the theater in cultural and historical dynamics 278

THEORY AND HISTORY OF CULTURE. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

Popov V.V., Dzyuba L.M., Musika O.A. Levels of intersubjectivity of an individual with disabilities in a social group of an inclusive society 285

SOCIAL PHILOSOPHY

Dobrenkov V.I. Radical Protestant Theological Modernism: "Theology of the Death of God" and "irreligious Christianity" 291

Kashcheev S.I., Guseva S.V. Truth and lies from the point of view of semiotics: the creative function of the sign 308

Lapatin V.V., Sharipova V.V., Kuznetsov M.P., Suendikov I.A., Alikov K.A. The problem of the meaning of life in modern works of cinema, animation and literature 315

Makarenko E.D. Smart City technologies as a factor and opportunity for human development 320

Chuprakov K.S. Development of spiritual and moral values of a serviceman of the Russian army through military music 329

SCIENTIFIC LIFE

Bao Xinkai. Adaptation of Marxism to the Chinese context at the present stage 334

Bizhukova K.A., Gorbunova V.V., Shulga M.M., Kolesnikova I.A., Brusneva V.V. Formation of the Model of Inclusive Space in the System of Higher Professional Education 339

Shrayner O.V. Quality for early childhood education as a sociological problem 347

Luskin M.B., Kalinin E. Yu. The cosmopolitan existence of man (from cosmism to Russian invariantalism) 355